Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Серия "Филология. Социальные коммуникации"

Том 26 (65). № 2

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского

Симферополь, 2013

ISSN 1606-3715
Свидетельство о регистрации – серия КВ № 15711-4182Р
от 28 сентября 2009 года

Редакционный совет журнала
«Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского»:

Багров Н. В. – д. г. н., проф., академик НАН Украины, (главный редактор)
Шульгин В. Ф. – д. хим. н., проф. (зам. главного редактора)
Дзедолик И. В. – д. ф.-м. н., доц. (отв. секретарь)

Члены совета (редакторы серий):

Бержанский В. Н. – д-р. ф.-м. н., проф.
Богданович Г. Ю. – д-р. филол. н., проф.
Вахрушев Б. А. – д-р. г. н., проф.
Казарин В. П. – д-р. филол. н., проф.
Климчук С. В. – д-р. э. н., доц.
Копачевский Н. Д. – д-р. ф.-м. н., проф.
Подсолонко В. А. – д-р. э. н., проф.
Темурьянц Н. А. – д-р. б. н., проф.
Ротань В. Г. – д-р. ю. н., проф.
Шоркин А. Д. д-р. филос. н., проф.
Юрченко С. В. – д-р. полит. н., проф.

Редакционный совет серии "Филология. Социальные коммуникации":

Александрова А.В., д-р. филол.н., проф.
Богданович Г.Ю., д-р. филол.н., проф. (редактор раздела "Социальные коммуникации"), (bogdanovich@crimea.edu)
Борисова Л.М., д-р. филол.н., проф.
Гуменюк В.И., д-р. филол.н., проф.
Егорова Л.Г., к-т. филологических наук, доц. (ответственный секретарь)
Ищенко Н.А., д-р. филол.н., проф.
Казарин В.П., д-р. филол.н., проф. (редактор раздела "Филология"), (crch@mail.ru)
Меметов А.М., д-р. филол.н., проф.
Новикова М.А., д-р филол. н., проф.
Орехова Л.А., д-р. филол.н., проф.
Петренко А.Д., д-р. филол.н., проф.
Прадид Ю.Ф., д-р. филол.н., проф.
Ризун В.В., д-р. филол.н., проф.
Селендили Л.С., к-т. филол.н., доц.(ответственный секретарь выпуска) (crimeantatarphilology@hotmail.com)
Сидоренко Н.Н., д-р. филол.н., проф.
Ященко Т.А., д-р. филол.н., проф.

Печатается по решению Ученого совета факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 3 от 28.10.2013 г.

Подписано в печать 07.11.2013. Формат 70x100 1/16. 45,26 усл. п. л. Тираж 500. Заказ № 05/13-УЗ.
Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ. пр. Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007

«Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського»
Науковий журнал. Серія “Філологія. Соціальні комунікації”. Том 26 (65). № 2
Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2013
Журнал заснований у 1918 р.
Адреса редакції: пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007
Надруковано в інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету
імені В. І. Вернадського. Пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007
http: // science.crimea.edu / zapiski / zapis.html

© Таврический национальный университет, 2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 3–7.

МИР БЕКИРА ЧОБАН-ЗАДЕ

УДК: 821.512.145–32.09

БЕКИР ЧОБАН-ЗАДЕ ЭСЕРЛЕРИНИНЪ ПОЭТИКА ХУСУСИЕТЛЕРИ

Джемилева А. А.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
E-mail: ayshe66-2008@mail.ru

Меселенинъ къоюлмасы. Бекир Чобан-заде бутюн дюньягъа танылгъан эдебиятшынас-тюрколог ве къырымтатар халкъынынъ белли шаиридир. Онынъ бир чокъ ильмий китаплары, макъалелери, тенкъидий ве бедий эсерлери дердж этильди. Эдипнинъ эдебий асабалыгъы баягъы джиддий ве терен теткъикъатларгъа маликтир. Эдебиятшынас Ш. Юнусов къайд эткени киби, «ХХ асырнынъ 20-нджи сенелеринде керчектен де миллий эдебият перилери намына ляйыкъ олгъан бир сыра шаирлер пейда олгъандыр. Булар сырасында Бекир Чобан-заде, Амди Гирайбай, Абдулла Лятиф-заде, Шевкъий Бекторе, Умер Ипчи, Мемет Нузет киби шахыслар бар олгъанына бакъмадан, эппейи вакъыт оларнынъ яратыджылыгъы теткъикъ этильмесине зар [6, 3]. Сонъки йыллары окъуйыджыларгъа теткъикъатчылар тарафындан белли олгъан языджынынъ меракълы эсерлердинен бири, 1918 сенеси, «Миллет» газетинде басылгъан «Нурай» повести такъдим олунды. Ильмий ишлерден бу эсерге багъышлангъан Н. Сеитяхьянынъ макъалесини къайд этмек керекмиз. Эдебиятшынаснынъ фикирине коре, «Бекир Чобан-заде махсулдар бир шаир олмакънен берабер, окъуйыджыны тесирсиз къалдырмайджакъ къадар къуветли олгъан менсур эсерлернинъ де муэллифидир» [2, 25].

Ишимизнинъ макъсады. Б. Чобан-заденинъ икяелерини янъы нокъта-иназардан анъламакъ, «Нурай» повестининъ поэтика хусусиетлерини, икяе этюв инджеликлерини, образлар системасыны, бедий деталлернинъ къулланылмасыны ве фольклорнынъ ролюни косьтермектир.

Б. Чобан-заденинъ «Нурай» повести озюне хас олдукъча бедий ве ифадели халкъ тилинен язылгъан. Булар эсернинъ айырыджы чизгилеридир. Эсерде икяе этильме биринджи шахыс адындан алынып барыла. Эсернинъ башындан муэллиф икяеджиге (беян этиджиге) характеристика бере: *«Ичимизде Къырымнынъ о бир кошесинден, Чонъгъардан, тархандан кельген бир яшчыкъ бар эди, оны бизнинъ якъкъа кельгенден берли ич кимсе кульдюрип, чынълатып боламагъан эди. Козьлеринде парылдагъан атеш оны корьмемиш, матюв, бош бир киши болмагъанын айта эди. Эр кес чынълап сыра огъа кельгенде, о бизнинъ бутюн истевлеримиз, сыкъарламаларымыз даим къайт этер, чынъламаз эди»* [1, 8]. Икяеджи яшлар акъшамлары топлашып, достлашып, сырдашып, кечирген, эгленген заманларны хатырлагъанлары акъкъында яза. Бу сефери де, эр вакъыт киби, достлары оларгъа къошулмагъа зорладылар. Амма яш башындан татлы эгленджели шейлер кечмегени акъкъында айта. Достлары насыл олса да динълемеге азыр олгъанлырыны бильдирдилер. Языджы бу ерни бойле ифадели образлы сёзлер иле акс эте: *«О бирден кулюмсире-*

ди, сююнди, къашларын котерип, козьлерини ачып, бираз сускъан, тюшюнген сонъ, татлы, джымакъ айткъандай бир давушман шу ашадаки сёзлерни кя чалт, кя дане-дане тёкип, кя агъыр чынълар киби созып, айтмагъа, анънатмагъа башлады» [1, 8].

Языджы огъланчыкънынъ нутугъы иле окъуйыджынынъ огюнде дюльбер табиат манзараларыны джанландыра: «Акърын-акърын къыбла джели бизге къадар кельмеге башлады, булутларнынъ тюсю даа зияде къоюрлашты, ава муляйымлашты. Койден бирлий мугъайгъан кибик тав башында отургъан булутлар, туманлар бирден силькинди, джанланды, селлернен къарларны, бузларны, къышны къувмагъа, къамчаламагъа башлады [1, 9]. Окъуйыджы ильк кере Нурайнен яшнынъ икяесинде таныш ола: *«Онынъ къоюн козьдай козьлери, кульге-кульге къумрал сачлары, ярыкъча сакъачыгъы, пантик бурну, бетинде де от пишиги тенеке джырыгъындан бир къач орьнек бар эди»* [1, 10].

Нурайнынъ образы эсернинъ эсас образлардан бири. Икяеджи-огълан Нурай бабадан чокъ хорлукълар чеккени, бабасынынъ къолунда эзиетленгени, яшлыгъы насыл кечкенини хатырлай: «Нурайнынъ бу къаталакънынъ къолунда эр кунь, эр даим къулакълары бурулып, бети шамарланып, сачы тартылыр, аркъасы чубукъланыр эди. Нурай буларнынъ алайына алышкъан эди. Бу хорлукъны чекмеге о, «кийинмекте эди» [1, 10]. Языджы икяеджиде Нурайгъа олгъан мерхаметли, сыджакъ мунасебетини косьтере: «Бунынъ ичюн мен эр заман онынъ «киймей» кельмесине дуваджы эдим. Онынъман биз базы «кийинген» куньлеринде «Анадан оксюз къалгъан» джырлай эдик» [1, 10]. Икяеджи Нурайнынъ табиатынынъ чешит тарафларыны ача ве худжур бир инсан олгъаныны къайд эте.

Эсерде муэллиф яшларнынъ къызларгъа олгъан дуйгъуларыны инджеликнен косьтере: «Яшлар къызларны бегене, оларгъа авес, ашыкъ олалар: «Бизнинъ якънынъ къызлары салынджакъта не назлы, сююмли, тюльбердир! Биз онларны авелендирмек, юксельтип, булутларгъа етиштирмек тилей эдик. Буларны да сарушландырып тюшюрген сонъ, къарт къызларны миндирип, бираз тербеттик» [1, 12]. Буларнынъ эписи эсерге, эсернинъ икяе этильмесине хош, назик, лирик ренклер къошалар. Икяеджи баарьнинъ, табиатнынъ омюрнинъ гузеллигини къайд эте: «Эр вакъыт баарь болса, чечеклер, отлар ич къурумаса, эр вакъыт кишилер мундай ешиль, кирсиз чукъурчыкъларда отурсалар, яшасалар, ольселер, не болур эди?» [1, 13].

Б. Чобан-заде халкъ агъыз яратыджылыгъы нумюнелерини усталыкънен къуллана. О ерлерде белли олгъан, эр ерде чалынгъан «Сидане козь» йыры эр бир эвде, тойда, дернеклерде йырлангъан халкъ йыры тимсаль олып къала. Йырнынъ мундериджеси бир джумледе бильдириле: «Бу чалынгъанда не къадар къызларымыз, келинлер сюзюльген, не къадар яшлар тёкюльгендир» [1, 13]. О заманларда къызлар огъланларнен топлашкъанда чынълаша эдилер ве бойле этип, бегенген къызларына озь дуйгъйларыны, севгисини бильдирелер. Нурай бегенген къызны, Къапурени, икяеджи айрыджа къайд эте: «Лякин Къапуренинъ тюльбер, гузель сеси Нурайнынъ ясагъан аджемий, шаталакъ шейлерин даа устюн, даа отькюр корьсете эди [1, 15]. Нурайнынъ образы эсер девамында кет-кете теренлеше, даа айдын ве ифадели шекильде ачыла. Языджы, икяеджи адындан, Нурай тез оськенини, буюгенини къайд

эте: «Тюневин мениммен ойнап джюрген Нурай, бугунь мына сагъа деликъанлыдай джырлай, чынълай, эр сёзни анълай, анъната эди. Чевре якъны къучакълап алгъан къаранлыкъ ичинде Нурай магъа худжурлыкътан да чыкъып, кишиден башкъа болып корюне эди» [1, 16].

Беян этиджи Нурайнынъ деликъанлы бир йигит олып оськенини хатырлай: «О энди тойлардан, джыйынлардан ич къалмай, тойларда къызлар онынъ пенджересинден ич айыралмай эди» [1, 16]. Къараманда чешит къабилиетлери олгъаны къайд этиле: «Нурайнынъ озю де ава сымарламасын, шабаш айландырмасыны, къартчыкъларман анълашмасыны бек тез уйренген эди» [1, 16]. Языджы Нурайнынъ табиаткъа якъын оськенини яза: «Анадан тувгъан сонъ, бир де чёльден, тавдан тувды, тав, чёль баласы болды. Бу чобанлыкъ огъа бизим ичимизде уйренген джырларын, чынъларын, масалларын чалт унуттырды. Онынъ озюнинъ уйдургъан джырлары, манелери, чынълары, оюнлары, къайтармалары бар эди [1, 16]. Б. Чобан-заде Нурайны башкъаларгъа ошамагъаныны къайд эте. Чобанлар арасында Нурай энъ корюмли, энъ дюльбер эди. Нурай Къапуреге севда олды, амма: «…бир барагъынен бир таягъы, эки де пычагындан башкъа бир шейи болмагъан бир чобангъа къызыны бермек тилемеген бабасы такъдирмен уюшмады – оны куньнинъ биринде, апансыз, бир сабанджы байгъа нишанлады. Нишан тойда никасын къыйдырып, къудагъыйсыз, тойсуз, сессиз алып кетип берди…[1, 17]. Нурай бунъа пек ачувланды, «о гедже Къапуре тюшкен бир талай уйлер джанды, о койге кеткен ёлларнынъ копсинде ёджулар пычакъланды, арабалар авдарылды…» [1, 17]. Нурайнынъ такъдири окъуйыджыгъа бойле сатырлардан билине: *«Онынъ сонълу омюр къадеси де бельки мунынъчюн шай эрте чагъында къолдан тюшти, къырылды, бошанды…» [*1, 16].

Келеджектеки теткъикъатларнынъ инкишафы. Бекир Чобан-заденинъ эдебий яратыджылыгъы ве эдебиятта туткъан ери семерели, меракълы, юксек бедийликке малик олгъан мирас олып, къырымтатар эдебиятынынъ тарихына кирди. Языджынынъ эсерлери зенгин мундериджели, терен маналы, отькюр гъаели, миллий шекильде язылгъанлар. Бойледже, къайд этмек керекмиз ки, Б. Чобан-заденинъ икяелери озюне хас бедий хусусиетлеринен айырылып туралар. Языджынынъ икяелерини чешит нокъта-и-назарлардан теткъикъ этмек мумкюн.

Эдебият

1. Бекир Чобан-заде. Нурай / Б. Чобан-заде / / Йылдыз, 2003. – № 2. – С. 8-24.
2. Н. Сейтяхья. Б. Чобан-заденинъ «Нурай» повести / Сейтяхья Н / / Йылдыз. – 2003. – № 2. – С. 25-35.
3. Теория литературы. Учеб. пособие для студ. филол. фак. висш. учеб.заведений: В 2 т / Под ред. Н.Д. Тамарченко. – Т.1.: Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, Н. Бройтман: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 512 с.
4. Фазылов Р. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы. Къыскъа бир назар / Р. Фазылов, Нагаев. – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2001. – 640 с.
5. Чобан-заде Б. Къырымтатар эдебиятыныныъ сонъ деври: Маруза (Крымскотатарская литература новейшего периода: Доклад) / Чобан-заде Б. – Симферополь: Доля, 2003. – 132 с.
6. Шевкет Юнус. Назмиетимиз ве несирджилигимиз тарихындан (1920-нджи сенелер) / Шевкет Юнус. – Симферополь: «Тезис» нешрияты, 2008. – 176 с.

Джемилева А. А. Особенности поэтики произведений Бекира Чобан-заде / А. А. Джемилева // Ученые записки Таврического национального университета имени В. І. Вернадського. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 3–7.

В работе исследуются особенности произведений крымскотатарского писателя, всемирно-известного ученого, профессора-тюрколога Бекира Чобан-заде на примере рассказа «Нурай». Акцентируется на таких особенностях поэтики рассказов, как тип повествования, хронотоп, образная система, художественная деталь и т.п. Объект исследования: рассказ Б. Чобан-заде «Нурай». Цель работы заключаются в освещении особенностей повествования, авторской позиции, особенности речи героев, особенностей поэтики рассказов Б. Чобан-заде.

В работе ставятся следующие задания: осмыслить рассказы писателя с новой точки зрения, выделить особенности поэтики, поэтику сказа, хронотоп, систему образов, изучения художественных деталей.

Ключевые слова: Бекир Чобан-заде, крымскотатарский рассказ, автор, рассказчик, деталь.

Джемілєва А. А. Особливості поетики творів Бекіра Чобан-заде / А. А. Джемілєва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 3–7.

У роботі досліджуються особливості творів кримськотатарського письменника, всесвітньо відомого вченого, професора-тюрколога Бекіра Чобан-заде на прикладі оповідання «Нурай» («Нурай»). Акцентується на таких особливостях поетики оповідань, як тип оповіді, хронотоп, образна система, художня деталь и т.п. Об'єкт дослідження оповідання Б. Чобан-заде «Нурай». Цілі роботи полягають в тому, щоб освітити особливості оповіді, авторську позицію, особливості мови героїв, виявленні особливостей поетики оповідань Б. Чобан-заде.

Були використані наступні методи дослідження: історично-порівняльний, біографічний, систематичний аналіз прозових творів.

Ключові слова: кримськотатарське оповідання, автор, оповідач, деталь.

Dzhemileva A. A. Features of poetics of works of Bekir the Choban-zade / A. A. Dzhemileva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 3–7.

The 20th of XX age is a bright page in history of Crimean Tatar literature. In this period in literature were engaged in creative work of people such Bekir Choban-zade, Amdi Giraybay, Abdulla Lyatif-zade, Shevkiy Bektore, Umer Ipchi, Memet Nuzet, Abdulla Kadri-zade. Creation each of writers needs serious study of literature researches. By the considerable figure of this period, synthesizing scientific and literary creation of Crimean Tatar people, Bekir Choban-zade is legally considered (1893-1937). He brought in a substantial contribution to development of linguistics and literary criticism of row of Turkic people. Choban-zade left a large artistic legacy in area of literary criticism, literary criticism.

We will mark one of main labors of literary critic – «Kyrymtatar edebiyatnin son deviri» («Crimean Tatar literature of the newest period»; 1928), which had influence on development national literature and literary criticism and is one of maiden attempts of research of Crimean Tatar literature. Creation of scientist is many-sided, he worked and in area of small genre. Researchers mark the role of B. Choban-zade in development of genre of story in Crimean Tatar literature. His stories are known: «Armanda bir shair» («Poet on to the current»; 1920), «Indemez Dzhelil'» («Taciturn Dzhelil'»; 1920), and other. It should be said, that as a teller Choban-zade studied in an insufficient degree. It should be noted one of features of artistic style of B.Choban-zade is the lyricism of narration. A lyric stream in work increases due to the use of folk reasons which are organically intertwined in artistic fabric of works, forming a lyric-epic narration, give originality and uniqueness to every story.

The features of works of Crimean Tatar writer, world-wide scientist are in-process probed, professor-turkologist Bekir Choban-zade on the example of stories of « Armanda bir shair » («One poet is in the field»), « Indemez Dzhelil'» («Taciturn Dzhelil'»), «Nuray» («Nuray»), «Ertedzhi Murad» («Murad»). Accented on such features of poetics of stories, as a type of narration, chronotop, vivid system, artistic detail etc. Research object: story of B. Choban-zade «Nuray», «Ertedzhi Murad», «Indemez Dzhelil'», « Armanda bir shair».

In work of «Nuray» (newspaper «Millet», 1918) a narration is conducted in a narrative manner from the first person. An author exposes appearance of protagonist – rural boy Nuray convincingly. Speech of hero abounds a folk vocabulary, well-aimed utterances which give the special charm of story. A writer creates

bright, unique national appearance. One of artistic features of story is the use of folk song of «Sidane», which was passed from a generation in a generation and always accompanied rural ceremonies, an author. A writer exposes the heavy fate of Nuray. In spite of the fact that in work there are little dialogs, writer. Purpose of work consist in illumination of features of narration, author position, feature of speech of heroes, features of poetics of stories of B. Choban-zade .

The followings tasks are in-process put: to comprehend the stories of writer from the new point of view, to select the features of poetics, poetics of tale, chronotop, system of appearances, studies of artistic details.

The followings methods of research were utilized: history – comparative, biographic, systematic analysis of prosaic works.

Key words: Crimean Tatar story, the author, narrator, artistic details.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 8–12.

ИСТОРИЯ, ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ВОСТОЧНЫХ СТРАН

УДК 81-112=512

О ПРЕБЫВАНИИ ГРЕКОВ В КРЫМУ

Меметов А. М., Меметов И. А.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
г.Симферополь, АР Крым, Украина
E-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com

В статье устанавливаются основные причины завоевания эллинами юго-восточного и западного побережий Северного Причерноморья, создание ими городов-государств, а затем объединение их в единое централизованное Боспорское царство. Особое внимание уделяется описанию взаимоотношений колонистов с местным населением – киммерийцами, таврами и скифами. Жестокая эксплуатация покоренных народов, постоянно увеличивающаяся дань, собираемая эллинами, часто приводила к массовым выступлениям против правящего режима. Иногда эти выступления завершались временной победой. В конечном итоге часть колонистов была ассимилирована в языковом плане, т.е. родным языком части греков (урумов) стал тюркский (крымскотатарский) язык.

Ключевые слова: колонизация, эллины, киммерийцы, тавры, скифы, Боспорское царство, Пантикапа, ионийцы, дорийцы, Боспор Киммерийский.

Постановка проблемы. До настоящего времени не выявлена роль эллинов-колонистов в истории развития Северного Причерноморья, где до их прихода обитали местные народы – тавры, киммерийцы и скифы. Описание исторической и социально-политической ситуации в Крымском регионе позволит нам глубже понять процессы этнического развития на полуострове.

Завоевание греками побережий Средиземного и Чёрного морей, начавшееся в VIII – начале VII вв. до н.э. и длившееся почти два века, в научной литературе получило название «Великой греческой колонизации».

Термин **колонизация** в русском языке имеет три основных значения: 1) заселение свободных пустующих земель на окраинах собственной страны; 2) основание колоний, поселений в завоёванной стране; 3) захват какой-либо страны или края, сопровождаемый покорением, зверской эксплуатацией, подчас истреблением местного населения; превращение какой-либо страны или области путём насилия в колонию [1, 309]. Большинство историков этот термин в отношении южного побережья Крыма, оккупированного греками, используют во втором значении, т.е. «основание колоний, поселений в завоёванной стране», что, мягко говоря, не соответствует историческим фактам. В данном разделе термин **колонизация** употребляется нами в третьем значении, т. е. «захват греками восточного, южного и западного побережья Крыма, сопровождаемый покорением, подчас истреблением местного насе-

ления, жестокой эксплуатацией тавров, киммерийцев и скифов, а также природных ресурсов Северного Причерноморья; превращение этих территорий в основном путем насилия в колонии».

Для завоевания новых земель эллины формировали военные отряды из числа добровольцев численностью от двухсот до полутора тысяч человек, которые, как правило, после успешного завершения похода оставались жить на оккупированной территории.

Создание новых колоний происходило, в основном, организовано. Обычно колонисты из своих рядов выбирали предводителя, который выделялся организаторскими способностями и умением руководить военизированным отрядом. После захвата чужих территорий он распределял военную добычу, а затем земельные участки на местах новых поселений.

На завоеванных землях и поселениях греки создавали города и строили вокруг них оборонительные сооружения, используя при этом, несомненно, труд покоренных народов.

Самыми многочисленными и наиболее воинственными среди греков были ионийцы и дорийцы. Основным местом проживания ионийцев считался г. Милет, руины которого сейчас находятся в Турции. Ионийцы завоевали Боспор Киммерийский и всю юго-восточную часть Крымского побережья, а также западное побережье Крыма. Дорийцы захватили земли в юго-западной части полуострова, вблизи современного Севастополя.

В VI в. до н. э. на развалинах Боспора Киммерийского греки-ионийцы построили город Пантикапей, который затем превратился в столицу Боспорского царства. На восточном побережье Крыма появились также Нимфей, Мирмекий, Тиритака; на юго-востоке – Феодосия. В юго-западной части Крыма в конце VI в. до н.э. ионийцы создали Керкинитиду (совр. г. Евпатория).Дорийцы основали свою единственную в Крыму колонию Херсонес, развалины которого находятся на окраине г. Севастополя.

Таким образом, в Крыму были созданы два центра греческой колонизации, которые постоянно конкурировали друг с другом и часто прибегали к военным действиям.

Завоевание греками жителей Азовского и Черноморского побережий стало возможным по ряду причин:

1. Во-первых, греки значительно превосходили местных жителей Северного Причерноморья в области военной техники и военного искусства. Военное превосходство было достигнуто на основе общего развития производительных сил. Греками тогда уже была освоена технология обработки железа, они широко использовали железо при изготовлении оружия и доспехов. Тогда как, по сообщению Страбона, у большинства северных варваров в ходу были шлемы и панцири из сыромятной бычьей кожи. Они носили также “… плетеные щиты в качестве защитного оружия; есть у них также копья, лук и меч” [2, 281].

2. Во-вторых, из-за отсутствия централизованной власти среди многочисленных таврских племен, которые вели между собой непрерывную борьбу за господство в горном и прибрежном Крыму. В результате этой борьбы местные племена были ослаблены, и грекам не составило большого труда завоевать их территории.

На оккупированных землях эллины воспроизводили привычную им модель государственного и политического устройства. Особой формой политической организации общества на тот момент в Греции считался **полис**. Обычно полис состоял из города и прилегающей к нему сельскохозяйственной территории, которая называлась **хорой**. Полис обладал политической и экономической самостоятельностью и был независимым государством. Граждане такого государства владели земельными участками в городе для строительства домов, а также имели земельные наделы в пригороде для выращивания сельскохозяйственной продукции. Поэтому, завоевав новое поселение, греки сразу приступали к разделу прилегающих к будущему городу земель, лишая местное население средств к существованию.

Изгнанные со своих земель тавры и киммерийцы постоянно пытались силой вернуть свои дома. Однако это сделать было очень сложно, так как греки строили вокруг городов-государств высокие оборонительные стены. При их строительстве широко использовался труд рабов. Основным источником пополнения численности рабов служили пленные местные жители, захваченные во время многочисленных войн. Труд рабов использовался также в домашнем и сельском хозяйстве, в городском строительстве и в ремесленном производстве.

Когда оборонительные сооружения вокруг городов-государств не в состоянии были защитить колонии от освободительной борьбы местного населения, греки были вынуждены объединить независимые полисы по обеим сторонам Керченского пролива в юго-восточной части Крымского полуострова в единое централизованное государство, которое в исторической литературе получило название Боспорское царство. Столицей созданного в 480 году до н.э. Боспорского царства стал город Пантикапа (Пантикапей), который, по словам Плиния Старшего «…остается далеко превосходящим все (прочие таврские города) по своей мощи» [3, 89].

По сообщению Страбона: «Пантикапей представляет собой холм, населенный со всех сторон в окружности на 20 стадий. На восточной стороне города находится гавань и верфи приблизительно на 30 кораблей; есть там и акрополь. Город основан милетцами. Долгое время городом, как и всеми соседними поселениями близ устья Меотиды по обеим сторонам, управляли властители, как Левкон, Сатир и Парисад, пока Парисад не передал свою власть Митридату» [4, 283].

Во главе Боспорского царства в течение 42 лет находились представители рода Археанактидов, которые были тиранами, т.е. власть получали и передавали по наследству. В 438 году до н.э., согласно свидетельству историка Диодора Сицилийского, на смену Археанактидам пришли Спартокиды, правившие до II века до н.э. Некоторые исследователи считают Спартокидов представителями греко-туземной власти.

Жестокая эксплуатация, постоянно увеличивающаяся сельскохозяйственная дань, которую собирали колонисты с местного населения, неоднократно приводила к массовым выступлениям против греков-завоевателей. Одно из таких выступлений произошло в 107 году до н.э. под руководством Савмака, скифа по происхождению. К нему присоединилось и недовольное греческое население. Восставшие захватили Пантикапей, Феодосию и другие города. Они убили последнего правителя династии

Спартокидов Перисада V и вынудили бежать в Херсонес полководца Понтийского царя Митридата VI Евпатора Диофанта, посланного на помощь Перисаду V.

Савмак был провозглашен царем, однако его правление длилось недолго. Посланные Митридатом VI сухопутные и морские силы во главе с Диофантом разгромили восставших и захватили в плен Савмака.

В I веке до н.э. Митридату VI Евпатору удалось объединить под своей властью все причерноморские города-государства. Однако создание такого большого государственного объединения не могло остаться незамеченным со стороны Римской империи, которая сама стремилась взять под свой контроль причерноморские регионы богатые зерном, рыбой, солью и другими сельскохозяйственными продуктами.

Затянувшаяся на долгие годы война между Понтийским государством и Римской империей подорвала внешнюю торговлю, сельское хозяйство и ремесленное производство Причерноморского региона. В результате этого против Митридата VI поднялись жители городов Северного Причерноморья. К ним присоединилось также местное население, которое больше всех испытывало на себе последствия войн.

Восстание возглавил сын Митридата VI Фарнак, которого провозгласили царем. Митридат VI был вынужден отступить и спрятаться на акрополе Пантикапея. Не желая стать пленником своего сына, он попросил одного из оставшихся ему верных военачальников убить его. Испытывая жалость к царю, начальник галлов Битоит обнажил меч и вонзил его в грудь Митридата VI. С тех пор, по преданию, гора на Керченском полуострове носит его имя.

Поселившиеся в Крыму греки, естественно, говорили между собой на родном языке. Однако в результате длительного совместного проживания на одной территории вместе со скифами (тюрками) они были вынуждены освоить язык автохтонного населения. Об этом свидетельствуют исторические источники. Так, Геродот писал: «Жители Гелона издревле были эллинами…. Говорят они частью на скифском языке, а частично на эллинском» [5, 108]. Встречающаяся в исторической литературе конструкция эллины-скифы или гелоны-скифы также свидетельствует о глубоком проникновении культур и языков двух народов – греков и скифов.

Выводы и перспектива. Успешному освоению греками-колонистами скифского (тюркского) языка способствовали также и смешанные браки между греками и скифами, о которых мы писали в предыдущих статьях. В настоящее время сложно определить их процентное соотношение, однако определенную часть современного крымскотатарского этноса, несомненно, составляют греки.

Название города Пантикапа (Пантикапей) этимологизируется на тюркской основе, а не на иранской, как об этом писали в предыдущих исследованиях. Сложное слово Пантикапа состоит из двух частей: «древнегреческого Понт > Пант «море» и тюркское капы > капа «дверь», «ворота». Следовательно, топоним Пантикапа создан по законам тюркского (скифского) словообразования и обозначает «дверь или ворота в море». Это название соответствует его географическому расположению между Меотийским (Азовским) и Черным морями.

Греки, проживавшие в Крыму начиная с VI века до н.э., были переселены российской администрацией в 1778 году в Донецкую и Запорожскую области. В настоящее время они представлены двумя группами: грекоязычными румеями и тюр-

коязычными урумами. Самоназвание этноса урум происходит от арабского слова روم рум, что в переводе означает «римлянин». Протетическое **у** в этом слове появилось в связи с тем, что исконно тюркские слова не могут начинаться с **р** и **л**. Этот «недостаток» устраняется путем присоединения добавочного **у**.

Урумы в результате совместного проживания с тюркоязычными народами Крыма (киммерийцами, таврами, скифами, сарматами, аланами, гуннами, хазарами и половцами) прошли через ряд социальных и культурных процессов, вследствие этого они полностью утратили греческий язык и их родным языком стал крымскотатарский (тюркский), т.е. урумский язык является этнодиалектом крымскотатарского. Небольшая диаспора урумов, после распада Советского союза, переселилась в Грецию. Общая численность урумов, по некоторым подсчетам, составляет около 45 тысяч человек (*продолжение следует*).

Литература

1. Словарь иностранных слов: [Под ред. Ф.Н. Петрова: словарь иностранных слов] – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 784с.
2. Страбон. ГЕОГРАФИЯ в 17 книгах [Кн. VII, III] – М.: Ладомир, 1994.
3. Плиний Старший. Естественная история. Кн. IV.87.
4. Страбон. ГЕОГРАФИЯ в 17 книгах [Кн. VII, IV] – М.: Ладомир, 1994.
5. Геродот. История в девяти книгах – Ленинград: Наука, 1972.

Меметов А.М. Про перебування греків в Криму / А. М. Меметов, І. А. Меметов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 8–12.

У статті встановлюються основні причини завоювання еллінами південно-східного і західного узбережжя Північного Причорномор'я, створення ними міст-держав, а потім об'єднання їх в єдине централізоване Боспорське царство. Особлива увага приділяється опису взаємовідносин колоністів з місцевим населенням – кіммерійцями, таврами і скіфами. Жорстока експлуатація підкорених народів, що постійно збільшують данину, яку збирають елліни, часто приводила до масових виступів проти правлячого режиму. Іноді ці виступи завершувалися тимчасовою перемогою. Зрештою частина колоністів була асимільована в мовному плані, тобто рідною мовою частини греків (урумів) стала тюркська (кримськотатарська) мова.

Ключові слова: колонізація, елліни, кіммерійці, таври, скіфи, Боспорське царство, Пантікапа, іонійці, дорійці, Боспор Кіммерійський.

Memetov A. M. Greek colonization of Crimea / A. M. Memetov, I. A. Memetov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 8–12.

In this article the main reasons for the conquest southeast and west coasts of the Northern Black Sea region by Greeks, the establishment of city – states and following combining of them into a single, centralized Kingdom of Bosporus are examined. The particular attention is paid to description of the colonists' relationship with local population – the Cimmerians, Scythians and Tauri. Cruel exploitation of the conquered nations and constantly increasing renders collected by Greeks often led to mass protests against the ruling regimen. Sometimes these protests ended with a temporary victory. As the final result, one part of the colonists was assimilated linguistically, i.e. native Greeks (Urums) language became Turkic (Crimean Tatar) language.

Key words: colonization, Greeks, Cimmerians, Tauri, Scythians, Bosporus Kingdom, Sebastopol, Ionians, Dorians, Cimmerian Bosporus.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 13–21.

УДК 811.222.1’0’373

ПОРЯДОК СЛІВ У СУЧАСНІЙ ПЕРСЬКІЙ МОВІ В АРЕАЛЬНОМУ АСПЕКТІ (АРАБСЬКИЙ ТА ТЮРКСЬКИЙ ВПЛИВ)

Кшановський О.Ч.

Київський національний лінгвістичний університет
E-mail: kshanovski@gmail.com

Згідно з офіційною доктриною, мовні та етнічні контакти між тюркським та іранським етносом почалися лише з XI століття. Відповідно до результатів нашого дослідження набір типологічних характеристик порядку слів у сучасній перській мові складається з такої самої кількості елементів тюркського походження, як і арабського. Так, типологія функціонування **адпозитивних іменних елементів** (прийменників, післяйменників та ін.) у перській мові має змішаний – тюрксько-семітський – характер; **генітивна конструкція** у перській мові будується формально за порядком постпозитивних мов, однак змістовно за порядком препозитивних мов; **якісний прикметник** в іменниковому словосполученні в сучасній перській мові завжди займає постпозицію до головного слова, як це має місце в арабській, чим різко відрізняється від препозитивних тюркських мов регіону, а також деяких іранських мов, що зазнали впливу тюркських мов; усі **вказівні займенники** в перській мові займають препозицію в іменникових словосполученнях; розташування усіх **кількісних числівників** (з кількісним значенням) в усіх мовах Близького Сходу є препозитивним. Однак у перській мові вони можуть займати й постпозицію (з порядковим значенням) до головного слова. **Підрядні означальні речення** в сучасній перській мові займають постпозицію до іменника. Це говорить про те, що контакти персомовного населення з тюркомовним мають принаймні таку саму тривалість як і з арабомовним.

Ключові слова: перська мова, азербайджанська мова, арабська мова, порядок слів.

Постановка проблеми. Територію сучасного Ірану було заселено індоєвропейцями (носіями протоіндоіранської мови) приблизно в середині II тис. до н.е. Приблизно в той самий час індоіранці зайняли територію до нинішнього Китаю, що й спричинило розпад мовної єдності на дві – іранську та індійську – гілки. У VI ст. до н.е. іранці вже мали власну велику державу (Ахеменідську імперію), яка простягалася від Середземномор’я до річки Інд у Пакистані. В останній третині IV ст. до н.е. після тривалих баталій між імперіями Ахеменідів та Олександра Македонського за панування на Близькому Сході, останній захопив Персію та майже на п’ять століть установив панування грецької династії. У III ст. н.е. парфянська династія Сасанідів установила іраномовну гегемонію, під час якої було створено писемність середньоперською мовою з використанням арамейського алфавіту, яка набула широкого розповсюдження. Цією писемністю було створено численну релігійну та світську літературу. Арабське завоювання VII-VIII ст. та, як його наслідок, панування на два століття арабського халіфату спричинило занепад середньоперської писемної традиції (при-

наймні на території Ірану та Середньої Азії]. Араби, що вели свої війни під гаслом "священної" боротьби за "істинну" віру, ставилися нетерпляче не лише до інших, не мусульманських релігій, але й до будь-якої не мусульманської культури. Таку саму нетерплячість виявляли й деякі місцеві іранські правителі, що прийняли іслам. Усе, що було написано неарабським письмом, тобто не тим письмом, яким створено Коран, знищувалося. Майже на два століття єдиною писемною та літературною мовою на всій території халіфату, зокрема в Ірані та Середній Азії, стала арабська. Нею творили не лише арабські, але й численні іранські автори. Однак, ставши державною та літературною мовою, арабська не витіснила рідних мов народів, які мешкали на території халіфату. Арабською мовою володів й активно користувався лише невеликий прошарок суспільства – місцева шляхта, аристократія, духовенство, науковці, літератори. Звичайне населення Ірану або зовсім не володіло арабською, або володіло нею погано. У побуті зберігалися місцеві, рідні мови. Уже у VIII ст. набув розвитку антиарабський визвольний рух "шуубія" (від шууб 'народ'), метою якого було відновлення та розвиток місцевих національних традицій. Найкращі умови для цього були на околицях халіфату, де вплив центральної влади не був сильним. Тому в Хорасані (північно-східна частина Ірану) та Мавераннагрі (територія між річками Амудар'я та Сирдар'я) в IX-X ст. сформувалася писемна та літературна мова, яка в той час одержала назву парсі або дарі. Її основу склали діалекти Систану, Хорасану, Мавераннагру, персомовного населення Бухари. Поступово використання письмової новоперської мови розширювалося й починаючи з XI-XII ст. вона використовувалася вже в усіх сферах культурного життя – літературі, науці, релігії (хоча співіснування перської та арабської мов, диглосія, у сфері богослужіння зберігається й сьогодні). Розширюється й територія розповсюдження перської мови. З XII ст. нею пишуть літературні твори в Азербайджані та північній Індії. Історія іраномовних народів в період з XI по XVI ст. була надзвичайно бурхливою. Середня Азія та Іран то об'єднувалися, то роз'єднувалися. Їх остаточне державне уособлення відбулося на початку XVI ст., коли нашестя кочових тюркських племен, що рухалося одночасно з південного заходу та північного сходу, спричинило утворення двох самостійних, незалежних держав. В Ірані керувала азербайджанська династія Сефевідів, а в Середній Азії – узбецька династія Шейбанідів. Незалежна держава утворилася й у північній Індії під керуванням нащадків Тимурідів (див. дет.: 5).

Отже ареал розповсюдження перської мови знаходиться в оточенні мов трьох сімей: індоєвропейської, тюркської та семітської. Таке географічне розташування передбачає можливість мовних контактів, що й демонструє історія перської мови, зокрема цілі періоди гегемонії носіїв неіранських мов на її території. Настільки тривала й нескінченна етнічними контактами та впливами неблизькоспоріднених мов історія перської мови, а також географічне розташування Ірану на Великому шовковому шляху сприяли численним і лінгвістично різноплановим мовним запозиченням. Таким чином, слід чітко усвідомлювати те, що сучасна персомовна карта світу сформувалася в значній своїй частині в результаті екстралінгвістичних умов. За наявності тривалої традиції дослідження арабського впливу на перську мову (і взагалі на усі без винятку мови регіону) тюркський вплив на перську (і взагалі на всі без

винятку мови регіону) у великій мірі недооцінено. Натомість, як ми продемонструємо нижче, тюркський вплив на типологічну структуру перської мови є суттєвим.

Ареал розповсюдження перської мови споконвіку охоплював й особливо цікаву з точки зору розмаїття та складності лінгвістичної ситуації історичну область так званого культурного Азербайджану, в яку входили територія сучасної держави Республіка Азербайджан, цілі сучасні іранські провінції Західний Азербайджан і Східний Азербайджан, частково провінції Ардабіль, Курдистан, Зенджданн, Гілян. Азербайджанська мова вклинюється в іранську територію, а, у свою чергу, на території Республіки Азербайджан острівні ареали іранських мов (діалектів) представлені татською і талишською мовами. Територія сучасної держави Республіка Азербайджан (колишнього Радянського Азербайджану за винятком частини Муганської рівнини нижче злиття Кури з Араксом і Талишсько-Ленкоранської зони, які входили до Атропатени) в античних джерелах називалася Албанією (за назвою народу албан, який її населяв). У середині I тис. до н.е. з надр Мідії, що входила до складу держави Ахеменідів, виокремлюється частина території, яка з IV ст. до н.е. одержує в античних джерелах Атропатена, або Атропатакан за особистим іменем (або титулом?) сатрапа Мідії Атропата. Під його володарюванням знаходилася територія сучасного Іранського Азербайджану, частина Іранського Курдистану, а також частина Радянського Азербайджану, на думку деяких дослідників, територіально до річки Кури після злиття з Араксом (див.: 2, 340–346, 422 і далі, де автор обґрунтовує правильність та історичну закономірність найменування “Азербайджан” для обидвох частин країни). Розділена на дві частини лише на початку XIX ст., й будучи з найдавніших часів етнічно спільною територією, ця область була ареалом надскладного процесу утворення албанської та атропатенської народностей, які є історичними пращурами азербайджанського народу.

Відразу слід зауважити, що питання про шляхи розвитку та формування азербайджанського етносу, а звідси й мови, є гостро дискусійним. Відносно нього в науці склалося дві концепції. Перша – загальноприйнята і, якщо так можна сказати, офіційна, – знайшла своє відображення в академічних та узагальнюючих працях з історії Азербайджану та азербайджанської мови в колишньому Радянському Союзі, сучасній Росії (див., наприклад, усі радянські та російські підручники з історії Сходу, відповідні розділи енциклопедій, довідників та под.), Ірані (див., наприклад, колективну двотомну працю іранських науковців [14; 15]), Європі та Північній Америці. Коротко її суть полягає в наступному.

На території Іранського Азербайджану, починаючи з IV ст. до н.е. й до XI–XII ст. н.е., нібито існував іраномовний атропатенський народ з власною мовою, відомою в X ст. в арабомовній літературі під назвою “азері”. До цього там мешкало населення, етнічна приналежність якого точно не піддається визначенню, але, найімовірніше, хуритомовне (кавказомовне) та еламомовне. На території Радянського Азербайджану в давнину мешкали лише кавказомовні племена, а ранньовічний албанський народ говорив мовою, відомою під назвою “аранська” і також, імовірно, була чи то кавказькою, чи то, на думку іранських учених, іранською. Згодом, у зв’язку із сельджуксько-огузьким завоюванням Передньої Азії та Закавказзя в XI–XII ст., в Атропатені та Албанії – у результаті асимілювання іраномовного населен-

ня на півдні та кавказомовного на півночі – виник сучасний тюркський азербайджанський народ з власною мовою (див.: 7-9; 11-13).Таким чином, згідно з цією версією, сучасна азербайджанська мова виникла в результаті схрещення іранських, кавказьких і тюркських діалектів, тобто є суржиком.

Іншу версію, що одержала право на повноцінне існування лише після набуття Азербайджаном незалежності, викладено в кількох новітніх фундаментальних працях (див.: 1-3, а також 4, де зібрано вичерпну бібліографію та окреслено головну проблематику цієї теми). Згідно з цією концепцією у Східній та навіть у Західній Європі, в Малій, Середній та Центральній Азії, в Західному Сибіру тюрки під різноманітними назвами мешкали ще задовго до нової ери. Жили тюркські племена з глибокої давнини й на території Албанії та Атропатени. Процес формування азербайджанського етносу, а звідси, і його мови охоплює майже півтора тисячолітню історію, з середини I тис. до н.е. до кінця I тис. н.е. Завершення цього етапу збігається з кінцем раннього середньовіччя, якраз з початком сельджукського-огузьких завоювань, з якими пов’язано масовий приплив тюркських племен на територію Азербайджану. Згідно з першою версією цей процес зі вказаного моменту лише починається. Отже аксіома офіційної історичної науки про відсутність у Передній та Малій Азії давнього тюркського ареалу, про прихід сюди перших тюрків лише в XI ст. н.е. не відповідає дійсності. У подальшому частина цих племен відіграла велику роль в утворенні держави Сефевідів та низки середньовічних азербайджанських ханств. Єдиного ж іраномовного атропатенського народу не існувало. Інакше, чому перська мова протягом більш ніж півтори тисячі років (з VII ст. до н.е. до XII ст. н.е.) не стала всенародною мовою для атропатаканців і вони не стали персами, якщо були іраномовними? Та чому в Атропатені врешті решт сформувалися тюркський народ і тюркська азербайджанська мова? Найвірогідніше тюркські племена завжди становили чисельну більшість у цьому ареалі в порівнянні з іраномовними племенами. Сучасним же продовженням мови азері – діалекта перської мови – є сучасна талишська мова, надзвичайну близькість якої до сучасної перської мови зазначено усіма дослідниками. У зв’язку з чисельним розселенням на цій території прадавніх тюркських племен у дослідників-шумерологів завжди виникало традиційне питання: де шумери зазнавали сильного тюркського впливу? Чи то до приходу в Межиріччя, чи то тут поруч з ними мешкали тюркські племена? (див.: 3, 86).Отже цілком вірогідним здається підсумкове припущення дослідників, що на території, в яку входив Азербайджан, здавна контактували кавказомовні племена, племена, близькі до шумерів (зокрема, луллубеї) та тюркські племена [4, 75]. Нижче наводяться лінгвістичні дані стосовно порядку слів у перській мові, які можуть бути додатковим аргументом на користь висловленого припущення.

Аналіз матеріалу. Згідно з емпірично виявленою універсальною класифікацією мов за лінійним порядком складових, кожна мова має сильну тенденцію власних синтаксичних структур до розташування залежних елементів чи то виключно зліва від головного слова, чи то виключно справа, незалежно від тієї фразової категорії (словосполучення, речення), до якої вони входять. Так, наприклад, у деяких мовах артиклі, кількісні числівники, вказівні займенники, прикметники, підрядні речення та інші залежні елементи в складі словосполучень чи речень завжди передують ве-

ршині, а в деяких мовах завжди знаходяться в постпозиції до неї. Крім цього між ними існують чіткі імплікативні відношення, наприклад, якщо в мові прямий додаток (залежний елемент) передує дієслову (вершині), то інші залежні елементи також є препозитивними, і – навпаки. Кількість таких морфосинтаксичних ознак у мовах світу перевищує два десятки (див.: 6). Ми зупинимося лише на конструкціях з іменником у ролі головного слова, пор.:

Препозитивні мови	**Постпозитивні мови**
Прийменник – іменник	Іменник – післяйменник
Іменник (генітив) – іменник	Іменник – іменник (генітив)
Якісний прикметник – іменник	Іменник – якісний прикметник
Вказівний займенник – іменник	Іменник – вказівний займенник
Кількісний числівник – іменник	Іменник – кількісний числівник
Підрядне означальне – іменник	Іменник – підрядне означальне

До першого типу мов належать, наприклад, тюркські, до другого – семітські. Велика кількість речень, наприклад, в турецькій та арабській мовах є дзеркально симетричними, щодо керунку розгалуження залежних елементів – наліво від вершини чи направо, пор.:

тур. *Ben evin (1) önünde (2) oturan (3) güzel (4) kadının (5) ineğini (6) gördüm (7)*,
ар. *ana ra'aytu (7) baqarata (6) al-mar'ati (5) aj-jamīlati (4) alati-taq'udu (3) 'amāma (2) al-bait (1)*.
'Я бачив (7) корову (6) гарної (4) жінки (5), що сидить (3) перед (2) будинком (1).'

Наведене речення складається з вершини – дієслова (елемент 7) та залежного елемента – прямого додатка (елемент 6), який розповсюджується посесивним іменником – генітивом (елемент 4), який, у свою чергу, розповсюджується якісним прикметником (елемент 5), а також підрядним означальним реченням (у квадратних дужках). Підрядне речення складається з предикату (елемент 3) та іменника в ролі непрямого додатка (елемент 1), розповсюдженого прийменником (елемент 2). Як бачимо, щодо порядку розташування синтаксичних елементів у складі фразових категорій різного типу, тюркський та семітський типи є дзеркально протилежними. Аналогічну картину спостерігаємо на території Близького Сходу. Так, мови середземноморського ареалу (романські, берберські, албанська, грецька) є дуже близькими до постпозитивного – арабського – типу. З іншого боку, усі тюркські мови Ірану, Середньої Азії та Сибіру, північно-східні кавказькі мови (чеченська, інгуська, даргинська, лезгинська та інші дагестанські), грузинська, вірменська, індійські та дравідійські мови є дуже близькими до препозитивного – турецького – типу [10, 36–37]. Таким чином, персомовний ареал, як й ареал розповсюдження інших іранських мов, географічно розташовано між ареалами розповсюдження мов препозитивної (на захід від персомовного ареалу) та постпозитивної (на схід від персомовного ареалу) морфосинтаксичних типологій. Цілком природно, що морфосинтаксична типологія перської мови, зокрема порядок розташування синтаксичних елементів у складі словосполучень та речень, повинен мати контактні запозичення як з мов "турецької" типології, так і з мов "арабської". Так, наприклад, з шести наведених вище

ознак деякі в сучасній перській мові відповідають тюркському типу, деякі – семітському, а деякі мають змішаний характер функціонування, пор.:

- типологія функціонування **адпозитивних іменних елементів** (прийменників, післяйменників та ін.) у перській мові, як і в усьому іраномовному ареалі є достатньо складною. У сучасній перській мові існує кілька стратегій та їх підвидів для передачі прийменникових значень: прийменники (прості та складні), післяйменник *rā*, клітики, відсутність прийменника (особливо для дієслів руху). Отже ця ознака в сучасній перській мові має змішаний – тюрксько-семітський – характер;
- **генітивна конструкція** у перській мові будується формально за порядком постпозитивних мов, пор.:

пер. kārmand (1)-e (3) gomrok (2),
ар. muvazzaf (1)-u (3)-l (3)-jumruk (2)-e (3),
азерб. Gömrükxana (2) işçi (1)-si (3)
‘працівник (1) митниц (2)-і (3)’ (митник),

однак змістовно за порядком препозитивних мов. В арабській мові залежне слово займає постпозицію в словосполученні, а генітивний зв’язок передається спеціальним узгодженням артикля та закінчення (елемент 3). В азербайджанській мові залежне слово займає препозицію до головного, а генітивний зв’язок забезпечується ізафетом (елемент 3). У сучасній перській мові залежне слово (елемент 2) займає постпозицію, як в арабській, але генітивний зв’язок передається за допомогою ізафету (елемент 3);

- **якісний прикметник** в іменниковому словосполученні в сучасній перській мові завжди займає постпозицію до головного слова, як це має місце в арабській, пор.:

kār-e khub ‘гарна робота’,

чим різко відрізняється від препозитивних тюркських мов регіону, а також деяких іранських мов, що зазнали впливу тюркських мов. Так, препозитивними в цьому плані з іранських мов є татська, мазандеранська, гілянська та деякі ін. З іншого боку не всі прикметники перської мови є постпозитивними. Так, якісні прикметники в найвищому ступені займають препозицію, пор.:

bolandtarin kuh ‘найвища гора’.

Крім цього, в такому словосполученні відсутній ізафет. Причина цього полягає в тому, що всупереч нашому мовному почуттю найвищий ступінь прикметника не є прикметником. Функціонально він є вказівним прикметником (або, згідно зі шкільною граматикою, займенником). Він несе не значення якості, а функцію виокремлення;

- отже, усі **вказівні займенники** в перській мові займають препозицію в іменникових словосполученнях. Такий порядок є притаманний усім мовам регіону. У цій функції – виокремлення одного предмету з-поміж набору інших – до них примикають прикметники в найвищому ступені;
- розташування усіх **кількісних числівників** (з кількісним значенням) в усіх мовах Близького Сходу є препозитивним. Однак у перській мові вони можуть займати й постпозицію (з порядковим значенням) до головного слова, пор.:

do bakhsh ‘два розділи’,
bakhsh-e do ‘розділ два, друга частина’.

Крім цього, місце деяких невизначено-кількісних числівників може варіюватися, пор.:

chand nafar ‘кілька осіб’,
sokhan-e chand ‘кілька слів, зауваг’ (книжн.);

- **підрядні означальні речення** в сучасній перській мові займають постпозицію до іменника, наприклад:

mardi (ke ānjā istāde-ast) pedar-e man ast
‘людина, (яка там стоїть), батьком моїм є’.

Жодна з сучасних іранських мов не має препозитивних підрядних означальних. Носії навіть тих мов, літературні норми яких приписують уживання таких конструкцій, у розмовному мовленні з них не користають (це стосується розмовних азербайджанської, вірменської, грузинської мов, а також іранської азербайджанської, яка не є під сильним впливом турецької), оскільки вони є ознакою книжного стилю [10, 46-47], пор.: рос (*Стоящий там) человек – мой отец*.

Висновки. Матеріал порядку складових іменникових словосполучень показує, що сучасна перська мова не є ані мовою препозитивної типології, ані постпозитивної. Закономірність імплікативного зв’язку елементів морфосинтаксичної типології порушується на матеріалі перської мови. Такий стан речей є дивним лише при чисто структурно-типологічному, без залучення історичних та ареальних даних, підході. Натомість тисячолітня історія контактів носіїв перської мови з носіями численних мов різних типологій пояснює такий стан речей. Саме з цієї причини, як було продемонстровано вище, структура іменникового словосполучення в перській мові має риси як тюркського, так і арабського походження. Деякі з них мають навіть змішаний характер, пор.:

Перська мова	
Тюркські морфосинтаксичні ознаки	Семітські морфосинтаксичні ознаки
Прийменник – іменник	Іменник – післяйменник
Іменник (генітив) – іменник	Іменник – іменник (генітив)
Якісний прикметник – іменник	Іменник – якісний прикметник
Вказівний займенник – іменник	Іменник – вказівний займенник
Кількісний числівник – іменник	Іменник – кількісний числівник
Підрядне означальне – іменник	Іменник – підрядне означальне

Змішаний тюрксько-семітський характер порядку складових можна побачити на прикладі наведеного вище речення, пор.:

тур. *Ben evin (1) önünde (2) oturan (3) güzel (4) kadının (5) ineğini (6) gördüm (7)*,

ар. *ana ra’aytu (7) baqarata (6) al-mar’ati (5) aj-jamīlati (4) alati-taq’udu (3) ’amāma (2) al-bait (1)*,

пер. *man gāv-e (6) zan-e (5) khoshgel-i (4) ki jelow-e (2) khāne (1) neshasteast (3). didam (7).*

‘Я бачив (7) корову (6) гарної (4) жінки (5), що сидить (3) перед (2) будинком (1). ’

Структурно тюркський, арабський та перський змішаний тип розташування складових виглядають так:

Тюркський:	1	2	3	4	5	6	7
Арабський:	7	6	5	4	3	2	1
Перський:	6	5	4	2	1	3	7

Література

1. Аббасов А.А. Азербайджанцы / Аббасов А.А., Алиев И.Г., Бунятов Т.А., Гулиев Г.А., Дашдамиров А.Ф., Балаев А.Г., Мамедов А.Э., Насибов Ю.М., Сафаров Р.Ф. – Баку: Элм, 1998. – 300 с.
2. Гейбуллаев Г. А. К этногенезу азербайджанцев. – Т. I / Гейбуллаев Г. А. – Баку: Элм, 1991. – 552 с.
3. Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар / Закиев М.З. – М.: ИНСАН, 2003. – 496 с.
4. Мосенкіс Ю.Л. Тюркські мови у світовому мовотворчому процесі. Кіммерійці, таври і кримознавство / Мосенкіс Ю.Л., Синишин Р.І., Переверзєв Д.І. – К.; Умань: СПД Жовтий, 2009. – 196 с.
5. Расторгуева В. – С. К вопросу о путях развития близкородственных литературных языков / Расторгуева В. С / / Типология сходств и различий близкородственных языков. – Кишинев: Изд-во «Штиинца», 1976. – С. 79–89.
6. Dryer M. The Greenbergian Word Order Correlations / Dryer M / / Language. – 1992. – № 68. – PP.81–138.
7. Enāyatallah R. Zabān-e mardom-e Āzarbāijan / Enāyatallah R / / Zabān-e fārsi dar Āzarbāijān. – Tehrān: Bahman, 1989 (1368]. – S. 425–440.
8. Mortazavi M. Zabān-e Āzarbaijan / Mortazavi M / / Zabān-e fārsi dar Āzarbāijān. – Tehrān: Bahman, 1989 (1368]. – S. 355–369.
9. Rezazadeh M. Goyesh-e Āzeri / Rezazadeh M / / Zabān-e fārsi dar Āzarbāijān. – Tehrān: Bahman, 1989 (1368]. – S. 338–354.
10. Stilo D.L. Iranian as Buffer Zone between the Universal Typologies of Turkic and Semitic / Stilo D.L / / Linguistic Convergence and Areal Diffusion. Case studies from Iranian, Semitic and Turkic / Ed. by Éva Ágnes Csató, Bo Isaksoon and Carina Jahani. – L., N.Y.: RoutledgeCurzon, 2005. – 373 p. – PP. 35–63.
11. Tabatabayi M. Āzari yā Āzarbaijani? / Tabatabayi M / / Zabān-e fārsi dar Āzarbāijān. – Tehrān: Bahman, 1989 (1368). – S. 413–424.
12. Yahii Z. Āzari / / Zabān-e fārsi dar Āzarbāijān / Yahii Z / GerdĀvari-ye Iraj Afshār. J. 2. – Tehrān: Negārestān, 1992 (1381]. – S. 448–456.
13. Yarshater A. Āzari / Yarshater A / / Zabān-e fārsi dar Āzarbāijān / GerdĀvari-ye Iraj Afshār. J. 2. – Tehrān: Negārestān, 1992 (1381). – S. 391–404.
14. Zabān-e fārsi dar Āzarbāijān / Gerdāvari-ye Iraj Afshār. J. 2. – Tehrān: Negārestān, 1992 (1381). – 480 s.
15. Zabān-e fārsi dar Āzarbāijān. – Tehrān: Bahman, 1989 (1368). – 518 s.

Кшановский О. Ч. Порядок слов в современном персидском языке в ареальном аспекте (арабское и тюркское влияние) / О. Ч. Кшановский // Ученые записки Таврического национального университета имени В. І. Вернадського. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 13–21.

Согласно официальной доктрине, языковые и этнические контакты между тюркским и иранским этносом начались лишь с XI века. Согласно результатам нашего исследования набор типологических характеристик порядка слов в современном персидском языке состоит из такого же количества элементов тюркского происхождения, как и арабского . Так, типология функционирования адпозитивних именных элементов (предлогов, послелогов и др.) в персидском языке имеет смешанный – тюркско-семитский – характер; генитивная конструкция в персидском языке строится формально по законам постпозитивных языков, однако содержательно по законам препозитивных языков; качественное прилагательное в именном словосочетании в современной персидском языке всегда занимает постпозицию к главному слову, как это имеет место в арабском, чем резко отличается от препозитивных тюркских языков региона, а также некоторых иранских языков, подвергшихся воздействию тюркских языков; все указательные местоимения в персидском языке занимают препозицию в именных словосочетаниях, расположение всех количественных числительных (с количественным значением) во всех языках Ближнего Востока является препозитивным. Однако в персидском языке они могут занимать и

постпозицию (с порядковым значением к главному слова. Подчинительные определительные предложения в современном персидском языке занимают постпозицию к существительному . Это говорит о том, что контакты персоязычной населения с тюркоязычным должны, по крайней мере, иметь такую же продолжительность, как и с арабоязычным.

Ключевые слова: персидский язык, азербайджанский язык, арабский язык, порядок слов.

Kshanovsky O. The word order in the modern Persian language in areal aspect (Arabic and Turkic influence) / O. Kshanovsky // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 13–21.

According to the official doctrine, linguistic and ethnic contacts between Iranian and Turkic ethnic groups only began in the XI century (from Turkic conquest in XI century). On the territory of Iranian Azerbaijan from the IV century BC and to the XI-XII centuries AD, supposedly Atropatenian people with their own Iranian language existed. This language is known in the tenth century in the Arabic literature under the name "Azeri". In addition, there lived some population, ethnicity of which is not exactly to define. According to supporters of this idea, this population probably was Hurytic (Caucasian) and Elamitic. On the territory of Soviet Azerbaijan in ancient times Caucasian tribes only lived. Early ages Albanian people spoke a language known as "Aran", which also probably was either Caucasian or, in the opinion of Iranian scientists, Iranian. Subsequently, because of Seljuk-Oguz conquest of Asia Minor and the Transcaucasia in the XI-XII centuries in Atropaten and Albania, as a result of being assimilated Iranian population in the south and the Caucasian in the north, emerged a modern Turkic people of Azerbaijan with its own language. Thus, according to this version, the modern Azerbaijani language was derived from crossing the Iranian, Caucasian and Turkic dialects. In other words it is a mixed-language or Creole. Support of this idea in considerable measure promotes a psychological fact that people speaking to some extent modern Persian and Azeri languages (for example, students of Oriental departments or bilingual residents of this area) mostly follow and respect this opinion.

According to another concept, in Eastern and even Western Europe, in Southwest and Central Asia, Western Siberia Turks lived under various names long before the new era. Turkic tribes lived since ancient times in Albania and Atropatena as well. The formation of the Azerbaijani ethnic group, and hence, its language, covers almost fifteen hundred years history from the middle of the first millennium BC and till the end of the first millennium AD. The completion of this phase coincides with the end of the early middle Ages, right from the start Seljuk-Oguz conquest. With that period the mass arrival of Turkic tribes in the territory of Azerbaijan is connected. According to the first version this process with the specified date is just beginning. So the axiom of the official historical science about the absence of ancient Turkic people in Southwest and Minor Asia and about coming here the first Turks only in the eleventh century AD is not true. Later some of these tribes played a important role in the formatting of the state Sefevidiv and a number of medieval Azerbaijani khanates. The united and sole Atropatenian people speaking an Iranian language at reality did not exist.

According to the results of our study the set of typological characteristics of word order in the modern Persian language has the same number of elements of Turkic origin, as well as Arabic. So, typology functioning adpositive elements (prepositions, postpositions, etc.) in the Persian language has mixed – Turkic-Semitic – nature. Genitive construction in the Persian language is constructed formally according to the laws of postpositional languages, but substantively by the laws of prepositive languages. Qualitative adjective in the nominal phrase in modern Persian always takes postposition to the main word, as in Arabic. That differs it sharply from the Turkic prepositive languages of the region, All demonstrative pronouns in Persian occupy preposition in nominal phrases The location of all cardinal numbers (quantitative usage) in all languages of the Middle East is prepositional. However, in the Persian language they can have postposition (with ordinal usage) to the main word. Attributive subordinate clause in modern Persian occupies postposition to the noun. This suggests that contacts with the Persian-speaking population of Turkic should at least have the same duration as with the Arabic-speaking.

Key words: Persian language, Azerbaijani language, Arabic language, word order.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 22–26.

УДК 81-13:378.147

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА ИНОСТРАННОЙ ФИЛОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИН ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЦИКЛА

Гавриленко Ю. М.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь

E-mail: svetoniy@mail.ru

В статье анализируется проблема формирования коммуникативной компетентности педагога – преподавателя иностранного языка. Рассматривается коммуникативная компетентность как важная характеристика профессиональной компетентности учителя в рамках парадигмы образования для развития практических способностей, умений, необходимых человеку для достижения успеха в личной, профессиональной и общественной жизни.

Ключевые слова: компетентность, профессиональная компетентность, коммуникативная компетентность, подготовка специалистов.

Постановка проблемы. Потребности современного общества в специалистах, обладающих не только академическими знаниями и профессиональными навыками, но и определенными личностными качествами приводит к серьезным изменениям в системе образования. Вместе с тем, сегодня в педагогических и классических вузах осуществляется подготовка специалистов, имеющих на содержательном уровне достаточный объем знаний по своей специальности, но не всегда достигающих максимальных результатов деятельности в связи с недостаточной коммуникативной компетентностью. Поэтому проблема организации повышения коммуникативной культуры будущего специалиста, особенно преподавателя иностранных языков, приобретает особую актуальность.

Целью нашего исследования стал отбор и апробация методов подготовки педагогов, позволяющих наиболее эффективно осуществить формирование коммуникативной компетентности.

Еще в 60-х годах прошлого века было определено понимание рассматриваемых различий между понятиями «компетенция» и «компетентность» (Н. Хомский, Р. Уайт, Дж. Равен, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, В.Н. Куницына, Г.Э. Белицкая, Л.И. Берестова, В.И. Байденко, А.В. Хуторской, Н.А. Гришанова и др.). Н.В. Кузьмина в книге «Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения» рассматривает педагогическая компетентность как «свойство личности» [3, 90]. Л.А. Петровская не только рассматривает понятие коммуникативная компетентность, но и предлагает конкретные специальные формы тренингов для формирования этого «свойства личности» [8]. Л.М. Митиной было продолжено исследование Л.А. Петровской в плане акцента на социально-психологический (конфликтология) и коммуникативный аспекты компетентности

учителя [4]. Определяя смысл понятия «компетентность», В.А. Сластенин предлагает под компетентностью учителя понимать единство его теоретической и практической готовности к осуществлению педагогической деятельности, что характеризует его профессионализм [6]. Проблемам коммуникативной компетентности посвящены так же работы Э. Ф. Зеера, И. А. Зимней, О. Е. Лебедева, Дж. Равена, Г. К. Селевко, А В. Хуторского, В. Д. Ширшова и др. [2, 10].

Чаще коммуникативную культуру учителя определяют как специфические человеческие способы поведения, которые обеспечивают протекание процесса общения между людьми (О.И. Даниленко). Разные аспекты формирования коммуникативной компетентности, речевой культуры, культуры общения исследованы в работах С.В. Беловой, Л. – С. Зникиной, Л. Л. Лузяниной, В. В. Охотниковой, Л. М. Шаповаловой, Л. А. Поварницыной и др. Большинство исследователей рассматривают коммуникативную компетентность как важную характеристику профессиональной компетентности учителя. Во-первых, потому что сегодня уже недостаточно быть хорошим специалистом, необходимо еще уметь работать в команде, принимать участие в принятии коллективных решений. Кроме того, нужно уметь работать с информацией, продуктивно разрешать конфликты, представлять результаты своей работы; уметь конструктивно взаимодействовать с коллегами по работе, учениками и их родителями. Во-вторых, если рассматривать смысл образования как развитие практических способностей, умений, необходимых человеку для достижения успеха в личной, профессиональной и общественной жизни, то одной из первостепенных является его коммуникативная компетентность. В широком смысле компетентность человека в общении можно определить как его компетентность в межличностном восприятии, межличностной коммуникации и межличностном взаимодействии.

В ходе различных исследований установлено, что педагоги недостаточно готовы к системной работе по формированию коммуникативных умений учащихся через учебные предметы. Объясняя это, педагоги указывают разные причины: отсутствие необходимой методической литературы; трудности при выделении критериев сформированности коммуникативных умений; недостаточную профессиональную компетентность в данном виде деятельности [1, 5, 7, 9]. Коммуникативную компетентность учителя можно рассматривать как целенаправленный процесс и результат развития профессиональных умений (умения устанавливать психологический контакт с аудиторией, управлять процессом общения, речевые и рефлексивные умения) и личностных качеств (доброжелательность, тактичность, объективность, толерантность, организованность, инициативность и др.) будущих педагогов, особенно филологов. Учитель должен уметь выслушать и понять, объяснить и доказать, убедить и переубедить, создать атмосферу доверия в беседе и делового настроя в собеседовании, найти индивидуальный психологический подход к учащемуся, разрешить конфликт, снять напряжение. В основе такой деятельности лежит коммуникативная техника общения, владение которой является важным признаком профессиональной пригодности учителя. Работу по формированию коммуникативной компетентности у студентов можно осуществить с помощью различных форм и методов работы. Наше исследование проводилось с 86 студентами 5 курса факультета иностранной филологии (магистры и специалисты).

Основная цель исследования – апробация системы методов педагогической деятельности по формированию коммуникативной компетентности студентов факультета иностранной филологии, определение ее эффективности. Для реализации задач мы использовали пакет методик, позволяющий определить исходный уровень культуры студентов. В пакет вошли: тест В. Ряховского; тест Т.А. Шишковец; тест по выявлению уровня личностного коммуникативного контроля, уровневая шкала коммуникативной компетентности педагога; упражнение «Социальные роли», беседы; наблюдения. При проведении тестового материала В. Ряховского, содержащего возможность выявления уровня коммуникативности человека, были получены следующие результаты. Из 86 студентов только 1 студентка (1, 2%) имеет низкий уровень коммуникативности. Она замкнутый, неразговорчивый, высокомерный человек, в группе ее не любят и подсмеиваются и поэтому у нее мало друзей. Необходимость новых контактов ею осознается, но вызывает стойкое неприятие. Кстати дальнейшее прохождение педагогической практики выявило профессиональные и личностные проблемы, связанные с низким уровнем коммуникативности, студентка была вынуждена перейти в другую школу, поскольку столкнулась с полным неприятием собственной модели поведения учащимися. 4 студента (4, 7%) имеют уровень коммуникабельности ниже среднего. Они в достаточной степени общительны в своем кругу, в знакомой привычной обстановке чувствуют себя вполне уверенно. Новые проблемы их настораживают, с новыми людьми сходятся с опаской, в спорах и диспутах группы участвуют не охотно или откровенно игнорируют. Это студенты, пришедшие в магистратуру из других учебных заведений и пытающиеся отстоять свою «независимость». Их высказывания содержат много сарказма без особого на то основания. 16 студентов (18, 6%) имеют средний уровень коммуникабельности. Они достаточно любознательны, охотно слушают интересного собеседника (как сокурсника, так и преподавателя), достаточно терпеливы в общении с другими, спокойно отстаивают свою точку зрения. Без особых переживаний идут на встречу с новыми людьми, однако не любят шумных компаний, экстравагантные выходки и многословие вызывают у них раздражение. 27 студентов (31, 4%) имеют уровень коммуникабельности выше среднего. Они очень общительны, любопытны, разговорчивы, любят высказываться по разным вопросам, что зачастую вызывает раздражение окружающих. Легко знакомятся с новыми людьми, никому не отказывают в просьбе, хотя не всегда пытаются или могут ее выполнить. Вспыльчивы, но быстро отходят. Им не хватает усидчивости, терпения и решительности при столкновении с серьезными проблемами. 35 студентов (40, 7%) имеют высокий уровень коммуникабельности. У этой группы студентов уровень общительности очень высок: они всегда в курсе всех дел, принимают участие во всех дискуссиях, хотя серьезные темы их настораживают. Охотно берут слово по любому вопросу, даже если имеют о нем достаточно поверхностное представление. Всюду чувствуют себя в своей тарелке. Берутся за любое дело, хотя далеко не всегда могут успешно довести его до конца. Есть в группе 3 студента (3, 4%), которые имеют высший уровень коммуникабельности. Коммуникабельность этих студентов носит болезненный, иногда навязчивый характер. Они говорливы, многословны, вмешиваются в дела, которые не имеют к ним никакого отношения, берутся судить о проблемах, в которых совер-

шенно некомпетентны. Вольно или не вольно они часто бывают причиной разного рода конфликтов.

Выполнение упражнения «Социальные роли» до и после проведенных занятий, позволило выявить изменение отношения студентов к сыгранным социальным ролям, практически сохранения статуса сегодняшних ролей и существенный пересмотр «ролей будущего». Серьезно отличаются результаты выполнения упражнений у студентов в зависимости от пола.

Выводы и перспектива. В результате анализа полученных данных выяснено, что только 14 % студентов не имеют потребности в формировании, а в дальнейшем совершенствовании коммуникативные умения и навыки, считая, что этот процесс возможен лишь в непосредственной профессиональной деятельности. Вместе с тем, 34 % студентов признавая значимость формирования коммуникативной компетентности, не совсем уверены в собственных силах, что позволяет сделать вывод о недостаточной мотивации студентов в работе над профессиональным самосовершенствованием. 52% студентов считают их важным и необходимым этапом при обучении. Студенты двух последних групп получили соответствующую подготовку при изучении предметов психолого-педагогического цикла (общую и возрастную психологию, педагогику, педагогическое мастерство и педагогические технологии).

Таким образом, использование форм и методов, направленных на формирование у студентов профессиональной компетентности (коммуникативных умений вести беседу, собеседование, деловой разговор, спор, дискуссию, диалог, диспут, круглый стол), а также формирование навыков делового общения, не только формирует коммуникативные навыки, но и мотивирует студентов к дальнейшему самосовершенствованию. В ходе работы большое значение уделялось формированию технической стороны речи, риторических приемов, умению правильно строить речь и осуществлять публичные выступления и презентации. Повторная диагностика для определения изменений после проделанной работы, осуществлялась с использованием теста Т.А. Шишковец. Изменилось количество студентов, имеющих средний уровень с 18, 6% до 20, 5%. Полученные в ходе исследования данные дают возможность говорить об эффективности использования системы методов и приемов по формированию коммуникативной компетентности студентов. Студенты, принявшие участие в работе, стали регулировать поведенческие реакции, стремиться к сохранению стабильности в конфликтных ситуациях. Таким образом, процесс повышения уровня коммуникативной компетентности студентов будет более интенсивным при использовании педагогом системы эффективных методов работы, позволяющих наиболее интенсивно осуществить формирование коммуникативной компетентности.

Литература

1. Бордовская Н.В. Педагогика: учебное пособие / Н.В. Бордовская, А.А. Реан. – СПб.: Питер, 2006.
2. Зимняя, И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия / И.А. Зимняя / / Россия в Болонском процессе: проблемы, задачи, перспектива: труды методол. семинара. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.
3. Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. – М., 1990.

4. Митина Л. М. Учитель как личность и профессионал – М.: 1994.
5. Оскарссон Б. Базовые навыки как обязательный компонент высококачественного профессионального образования / Оценка качества профессионального образования. Доклад / Под общ. ред. В.И. Байденко, Дж. ван Зантворта, Европейский фонд подготовки кадров. Проект ДЕЛФИ. – М., 2001.
6. Педагогика / Под ред. Сластенина В.А.: изд. 3-е – М.: Владос, 2006.
7. Педагогика: учебное пособие / под ред. П.И. Пидкасистого. – М.: Высшее образование, 2007.
8. Петровская Л.А. Компетентность в общении: Социально-психологический тренинг – М.: Изд-во МГУ, 1989.
9. Фатеев А.М. Современные информационные и коммуникационные технологии в образовании / А.М.Фатеев. – М.: МГПУ, 2008.
10. Хуторской А.В. Современная дидактика: Учеб. пособие. – М.: 2007.

Гавриленко Ю. М. Формування комунікативної компетентності студентів факультету іноземної філології у процесі викладання дисциплін педагогічного циклу / Ю. М. Гавриленко // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 22–26.

У статті аналізується проблема формування комунікативної компетентності педагога – викладача іноземної мови. Розглядається комунікативна компетентність як важлива характеристика професійної компетентності вчителя в рамках парадигми освіти для розвитку практичних здібностей, умінь, необхідних людині для досягнення успіху в особистому, професійному та громадському житті.

Ключові слова: компетентність, професійна компетентність, комунікативна компетентність, підготовка фахівців.

Gavrylenko J. M. Formation of communicative students' competence of the Foreign Languages Faculty during the process of teaching disciplines pedagogical cycle / J. M. Gavrylenko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 22–26.

The paper analyses the problem of formation of a foreign language teacher's communicative competence. Communicative competence is viewed as an important feature of teacher's professional competence in terms of education paradigm aimed at development of practical abilities and skills necessary for a person to achieve success in their personal, professional and social life.

Key words: competence, professional competence, communicative competence, professional training.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 27–31.

УДК 398.33

ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ У НАРОДОВ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ

Ибрагимова В.

Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана
E-mail: azfolklor@yahoo.com

В научной статье исследуются зимние праздники народов, проживающих на Британских островах. Праздники – это часть культуры любой страны. Для того чтобы лучше понять другой народ, недостаточно знать только язык этого народа, очень важно познакомиться с его историей и культурой. В статье исследуются народные обычаи и ритуалы, которые являются историческим прошлым народа, отражают его мировоззрение и восприятие. Многие из них связаны с определенными календарными датами. Зимний цикл праздников, охватывает период примерно с конца октября до начала января, насыщен в большей мере разными ритуалами, верованиями, традициями. Также исследуются основные календарные праздники.

Ключевые слова: фольклор, традиция, зима, праздники, Британия

Постановка проблемы. В прошлом на Британских островах концом теплого летнего периода и переходом к темному, холодному времени считалось 1 ноября, отмечаемое в церковном календаре как день поминовения всех душ. Приурочение начала зимы к 1 ноябрю особенно широко бытовало у кельтских по происхождению народов Британии – ирландцев, шотландцев и уэльсцев. Двумя главными праздниками древних кельтов были Бельтейн (Beltane) – 1 мая и Самхейн (Samhein) – 1 ноября. Такое выделение двух наиболее важных периодов в году связывалось с тем, что основным занятием кельтов было скотоводство, а эти даты имели большое значение для скотоводческого календаря: 1 мая стада отправлялись на горные пастбища, а к 1 ноябрю скот спускался с гор в селения и водворялся на зимовку в стойла. Подобное же разделение года можно встретить в старых пастушеских областях Центральной Европы.

Новый год по кельтскому календарю начинался с 1 ноября, но по существу начало праздника относилось к кануну этого дня, к 31 октября, так называемому Хэллоуин ив (Halloween Eve), на котором совершалось большинство всех новогодних обрядов и обычаев. Еще недавно ряженые-маммеры (Mummery) на острове Мэн вечером 31 октября ходили в своих фантастических нарядах по улицам селения, распевая: “Tonight is New Year’s Night, Hogunnan!” (Сегодня ночь Нового года, ура!) [4, 79]. По всей Шотландии и сейчас наиболее популярны и торжественно отмечаются в зимний период два праздника – день старого кельтского Нового года, называемый теперь Хэллоуин (День всех душ), и Новый год – 1 января. В Ольстере Хэллоуин справляется также широко, как и рождество [4, 68]. Как и новогодние обычаи других европейских народов, обряды кельтского цикла праздников были направлены на обеспечение благополучия людей и главного их достояния – скота, посевов и домов; пытались путем исполнения установленных обрядов возвратить вновь тепло и свет

солнца. Как и в каждый переломный период года, люди стремились в это время заглянуть в будущее, узнать какая судьба ожидает человека в наступающем году.

В раннее средневековье праздник Самхейн был связан также с культом предков – возможно потому, что день, означавший конец света и тепла, невольно ассоциировался со смертью, становился днем воспоминания об умерших. По кельтским народным верованиям, души мертвых часто появлялись в мегалитических монументах, и именно такие монументы были местом ритуала. С торжественным ритуалом друиды некогда совершали здесь в ночь на 1 ноября жертвоприношения родовым духам, которые по народным представлениям якобы имели влияние на будущее. После жертвоприношения возле мегалитов или на вершине холма разжигали огромный костер, и все члены рода, взявшись за руки, пели в честь своих предков особые похоронные плачи и танцевали древние погребальные танцы под тягучий меланхолический напев похоронной песни [2, 28]. Обычай разжигания костров в ночь под Самхейн сохранился в той или иной степени у всех кельтских народов Британии до настоящего времени. Смысл разжигания таких костров заключался в том, чтобы путем магического воздействия помочь солнцу вернуть утраченную им силу, но помимо этого огонь имел и очистительное значение. В Хайланде в вечер перед 1 ноября должны были погаснуть все огни в селении, а для праздничного костра добывали огонь древним способом. Затем от этого костра зажигали факелы, которыми разжигали огонь в каждом семейном очаге. Вокруг костра гоняли рогатый скот, чтобы предохранить его от болезней и падежа. Во многих селениях Шотландии вплоть до середины XIX в. бытовал обычай обходить с зажженными от костра факелами вокруг дома, полей и всего селения для защиты их от всех бед и главным образом от нечистой силы, особенно сильной, по кельтским поверьям, именно в этот период [1, 73].

Кельты верили, что день Хэллоуин – время разгула ведьм, колдунов и прочих сверхъестественных созданий. В кельтских легендах рассказывается о том, что в ночь под 1 ноября можно наблюдать процессии фей, которые перелетают с одного волшебного холма на другой под музыку колокольчиков и рожков эльфов [2, 43].

Вторым широко распространенным обычаем накануне и в день Хэллоуин были процессии ряженых. Обычай «ряжения» был известен у всех народов Британских островов и совершался в течение всего периода зимнего календарного цикла праздников. Однако рождественские маски несколько отличались от маскарадных костюмов праздника Самхейн. Если под рождество ряженые ходили с пением христианских песен и исполнением сцен из Библии, то на праздник 1 ноября в масках и действиях ряженых не было никаких христианских элементов. Некоторые исследователи полагают, что ряженые на Самхейн являются прямыми преемниками масок древнего друидского праздника: целью такого переодевания было спрятаться за масками от духов умерших, которые могли причинить вред людям [6, 108]. В средние века на Самхейн пекли особые обрядовые хлебцы, из них особенно были распространены у шотландцев и ирландцев лепешки Самхейна (Bannock Samhyinen). Они имели различную форму: иногда – треугольную, иногда – длинную прямоугольную, но чаще встречались большие плоские круглые лепешки, испеченные из овсяной муки и покрытые заварным кремом. 1 ноября пастухи размалывали одну такую лепешку и бросали ее через плечо, чтобы сохранить скот от нападения вол-

ков, лисиц и орлов [4, 59]. В обрядовой пище праздника большую роль играли также овощи и фрукты. Груды яблок и орехов выставляются и поныне к этому празднику в витринах продовольственных сельских и городских магазинов. Кондитерские изделия украшаются сделанными из сахара и марципана репами, яблоками, орехами. К этому дню заканчивали сбор урожая фруктов и овощей и начинали запасать провизию на зиму. Ореховое дерево было магическим деревом у древних кельтов, источником и символом мудрости, поэтому ветки и плоды его использовались раньше в обрядах кельтского Нового года. Яблоки играют главную роль в народных развлечениях шотландцев в канун Самхейна. Так одна из распространенных среди них игр в этот день состоит в том, что в большую деревянную лохань, наполненную водой, бросают несколько яблок. Распорядитель игры ореховой палкой передвигает яблоки. Каждый из присутствующих по очереди опускается на колени и пытается схватить плавающее яблоко зубами, без помощи рук. Последний круг обычаев и обрядов, совершаемых на 1 ноября, был связан с гаданием, ворожбой. В народном воображении канун Нового года являлся временем, когда легче всего можно было заглянуть в будущее, узнать, какая судьба ожидает человека в новом году. Верили, что ребёнок, родившийся на Новый год, одарен «вторым зрением», или силой «видеть вещи», которые не видит простой смертный. В средние века после утренней поминальной службы похоронный звон продолжался весь день. В Ирландии вплоть до недавнего времени сохранялся обычай ставить зажженные свечи на окно в каждом доме, чтобы потерянные и блуждающие возле земли души могли увидеть и прилететь обогреться и поесть.

В Англии в настоящее время праздник «Дня всех душ» связан с христианской церковью и носит религиозный характер. Однако существует другой праздник у англичан, близкий по времени к Самхейну кельтов. – это день Гая Фокса – 5 ноября, общественный праздник, установленный правительством в начале XVII в. Некоторые обычаи и процессии этого праздника во многом напоминают старые кельтские в канун кельтского Нового года. Раньше важным праздником зимнего календарного цикла у всех народов Британских островов, как и на континенте, считался день св. Мартина – 11 ноября. Церковь посвящала этот день памяти святого мученика IV в. Мартина Турского, но сам праздник, видимо, возник значительно раньше этого времени и имел языческое происхождение. Праздник был тесно связан со скотоводством, недаром в народе св. Мартин считался покровителем скота. В Шотландии еще в XII в. резали рогатый скот, свиней для пополнения зимних запасов со дня св. Мартина до рождества и эти 44 дня назывались «время бойни». Этот период также сопровождался различными обрядами и вечеринками. В некоторых местах Лоуланда Шотландии и в наши дни сохраняется обычай именно в день св. Мартина, 11 ноября, резать быка, чтобы засолить его мясо на зиму. У англичан и шотландцев день св. Мартина известен также как день расплаты с сельскими рабочими, пастухами, нанимаемыми на летний период. Получив свою плату, те, кто уходил с фермы, устраивали пирушку дня св. Мартина тем, кто оставался. Угощение было самым скромным: хлеб, сыр, виски, эль. После ужина начинались песни и танцы под аккомпанемент волынки или скрипки [3, 69]. После дня св. Мартина зимний цикл народных праздников почти прерывался до кульминационного пункта всего цикла –

рождества. Только дни трех святых отмечались некоторыми обрядами в этот промежуток: день св. Катерины у англичан (25 ноября), св. Андрея – у шотландцев (30 ноября) и св. Николая (6 декабря) – у всех народов Британских островов. Святая Катерина считалась покровительницей женщин, особенно прях и кружевниц, и поэтому в тех местностях, где изготавливались на продажу пряжа и кружева, женщины устраивали в честь своей покровительницы вечеринки.

День св. Андрея отмечают в Шотландии даже пуритане. Особенно торжественно его справляют шотландцы, находящиеся в эмиграции. Св. Андрей с самых отдаленных времен считался святым патроном шотландцев. И хотя со времени реформации этот праздник потерял религиозное значение, в народе он сохраняется как массовый праздник. Крест, на котором по христианской легенде распяли св. Андрея (в форме «Х»), с XI в. принят за национальную эмблему Шотландии, его изображение было на шотландской печати, шотландских монетах, а с XV в. и на шотландском знамени. День св. Николая (6 декабря) почти по всей Европе считается веселым детским праздником. Но у англичан он значительно менее популярен, чем в других странах. Существует еще обычай делать в этот день подарки детям. Самый важный праздничный период года у англичан, как и у шотландцев, ирландцев и уэльсцев – это время от рождества до богоявления. Англичане называют эти дни «двенадцать» или «легкомысленные дни». Их празднование сопровождается различными обычаями, подчас сходными с обычаями других европейских народов. Как и в других странах Европы, большой зимний праздник, совпадающий по времени с рождеством, на Британских островах соблюдался с очень раннего времени, задолго до принятия христианства, и был связан с культом солнца, а поэтому и с днем зимнего солнцестояния. Некоторые рождественские обряды были заимствованы англосаксами от вторгшихся в средние века на Британские острова скандинавов. И сейчас еще у шотландцев рождество часто называют по-скандинавски «йул» (Yule). Второй день рождества в церковном календаре посвящен святому Стефану. В Англии этот день называется «боксинг дей». Это название произошло от обычая устанавливать в церквях перед рождеством особые ящики-копилки, куда опускали приношения для бедняков [5, 122]. В средние века у англичан и шотландцев Лоуланда Новый год начинался 1 марта, а у всех кельтских народов 1 ноября. С 1600 г. у шотландцев и с 1752 г. у англичан начало его было перенесено на 1 января, и, таким образом, празднование Нового года было включено в общий святочный цикл. С упрочением праздника многие обряды, ассоциировавшиеся раньше с рождеством и крещением, стали соблюдаться в день Нового года, поэтому подчас разграничить новогодние и рождественские обряды бывает трудно. Наконец, заключительным праздником рождественского цикла повсюду является день «эпифэни» 6 января. В этот день снимались все украшения дома из веток омелы, падуба, которые были повешены на рождество, выносилось рождественское дерево. Двенадцатая ночь и день эпифэнии издавна считались у англичан временем разнузданного веселья, пиршества. В эти сутки разрешалось всем устраивать любые шутки и дома, и на улице [7, 8].

Выводы и перспектива. Веселым празднованием эпифэнии 6 января заканчивается по существу большой зимний цикл праздников народов Британских остро-

вов, цикл, основу которого, как мы видели, составляют аграрные обычаи и обряды, связанные с сельскохозяйственным календарем и с благополучием семьи.

Литература

1. Wright A. British calendar customs / A. Wright. – London, 1966. – 144 p.
2. Chaunder Ch.. A Year book of folklore / Ch. Chaunder. – London, 1959. – 147 p.
3. Armstrong E. The folklore of birds / E. Armstrong. – London, 1968. – p. 33.
4. Banks M. British calendar customs / M. Banks. – Scotland: London, 1967.
5. Owen T. Welsh folk customs / T. Owen. – Cardiff, 1959. – 270 p.
6. Francis Y.The holly wells of Wales / Y. Francis. – London, 1954. – 199 p.
7. Фревер Д. Золотая ветвь / Д. Фревер. – Москва, 1978. – С. 26.

Ібрагімова В. Зимові свята у народів Британських островів / В. Ібрагімова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 27–31.

У науковій статті досліджуються зимові свята народів, що проживають на Британських островах. Свята – це частина культури будь-якої країни. Для того, щоб краще зрозуміти інший народ, недостатньо знати тільки мову цього народу, дуже важливо ознайомитися з його історією і культурою. У статті досліджуються народні звичаї та ритуали, які є історичним минулим народу, відображають його світогляд і сприйняття навколишнього світу. Багато з них пов'язані з певними календарними датами. Автором вивчається зимовий цикл свят, що охоплює період приблизно з кінця жовтня до початку січня та насичений різними ритуалами, віруваннями, традиціями. У статті також досліджено основні календарні свята.

Ключові слова: фольклор, традиція, зима, свята, Британія

Ibragimova W. The winter holidays celebrated by the peoples of the British Isles / W. Ibragimova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 27–31.

In a scientific article the author explores the winter holidays celebrated by people living in the British Isles. Holidays are the significant part of the culture of any country. In order to understand other people better it is not enough to know their language, it is important to become familiar with their history and culture. In the article folk customs and rituals that are the historical past of the people and reflect their outlook and perception are researched. Many of them are associated with specific calendar dates. Winter holidays cycle covers the period roughly from late October to early January, saturated with increasingly different rituals, beliefs and traditions. This paper describes such holidays as Belteyn, Samhain, Christmas, Halloween, that are considered in the context of history and culture and its main traditions and rituals are discribed. The major calendar holidays are also investigated.

The British Isles' peoples by cheerful celebration of Epiphany (January, the 6th) end the cycle of winter holidays. The cycle, that bases on agricultural customs and rituals associated with the agricultural calendar and the well-being of the family.

Key words: folklore, tradition, winter, holidays, Britain

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 32–37.

УДК 811.512.1

БОРЬБА М.Ф. АХУНДОВА ЗА ИЗДАНИЕ КНИГ И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Закиев И.

E-mail: azfolklor@yahoo.com

В научной статье проанализирован процесс развития книгопечатания и периодической печати в мире. В отдельном ключе автор рассматривает развитие этого процесса в Азербайджане. В данном случае отмечена роль М.Ф. Ахундова в борьбе за развитие типографий в Азербайджане. Он вел культурно-просветительскую работу, боролся за открытие азербайджанского печатного издательства. Автор в статье отмечает, что намерение М.Ф. Ахундова создать универсальный дом печати и перенести его в будущем из Тифлиса в Баку было смелым шагом и являлось для своего времени прогрессивной идеей. Кроме того, в работе рассмотрена деятельность М.Ф. Ахундова как реформатора отечественной печати: он развил систему пунктуации в печати, указал на необходимость использования различных шрифтов. Деятельность М.Ф. Ахундова послужила катализатором развития научной и культурной деятельности в Азербайджане, помогла сделать научное наследие ученых доступным широкому кругу читателей.

Ключевые слова: книгопечатание, периодические издания, М.Ф. Ахундов

Постановка проблемы. До XV века люди полагали, что с ростом числа интеллигенции в мире наряду с решением тысяч проблемных вопросов будет найден ответ и на вопрос о переходе книг от рукописных к печатным, и за это открытие производство окажется в вечном долгу перед наукой. Однако после того как в 30-40-х годах XV века немцем И. Гуттенбергом была изобретена печатная машина [1], и с быстротой молнии разнеслась по миру весть об этом, наука сама оказалась в долгу перед производством и навеки благодарна ему. Рукописные книги, для создания которых требовались долгое время и немало средств, а круг распространения которых был довольно ограничен, постепенно уступили место печатным изданиям. Начиная с этого времени, первопечатникам в различных странах мира пришлось претерпеть немало бед в борьбе с провокационными силами, которые с сарказмом относились к печатной книге, иронически называя ее «книгой бедных», жгли типографии и преследовали издателей. Так, первые русские книгопечатники Иван Федоров и Петр Мстиславец в 1564 году вырвались из лап смерти, бежали в город Львов; французский издатель XVI века Этьен Доллен вместе с изданными им печатными книгами был сожжен на костре на площади Мобер в Париже. Эти и другие ужасные события не могли не отозваться и в странах Востока, они вызвали недовольство прогрессивных слоев населения. Книжники некоторых городов, опасаясь остаться без работы, были вынуждены стать в лагерь противников печатных книг. Так, например, несмотря на то, что в 1490 году в Стамбуле со стороны Ясефа бен Орьё была напеча-

тана «Иудейская история», а в 1627 году была учреждена первая греческая типография, первая типография в Турции, служащая для печатания книг на родном языке, появилась три века спустя. Причиной такого запоздания были неверная позиция людей с ограниченным мышлением, экономические трудности и выступление самих книжников против печатного слова. В тот день, когда Ибрахим Мутеферрика (1674-1745) – гунн по происхождению и мусульманин по вероисповеданию – после восьмилетних тягот, в 1727 году в Стамбуле наконец дал начало действию турецкой типографии, 90 000 каллиграфов в знак протеста против книгопечатания положили свои перья в гроб. Однако Ибрахим Мутеферрика, которому было 55 лет, смог разорвать цепь противодействий, направленных на печатное слово, ему удалось издать первую печатную книгу на турецком языке (словарь «Ян голу», 1729) [2], этот шаг был равносилен подвигу.

Спустя 88 лет после этого, в 1817 году изданием исторической книги «Фатхнаме» в первой литографической типографии, которая была запущена в работу в Тебризе выдающимся деятелем культуры и умелым мастером печатного дела Ага Зейналабдином Тебризи по инициативе Аббаса Мирзы (1789-1833), было положено начало книгопечатанью в Иране. В 1822 году опять же по распоряжению Аббаса Мирзы два азербайджанца – Мирза Джафар Тебризи и Мирза Асадулла – были отправлены в Петербург для изучения искусства печатного дела. По возвращении они привезли с собой купленное ими типографическое оборудование и, учредив в 1822-1823 годах еще две литографические типографии в Тебризе, вплотную занялись печатным делом. Создание в 30-40 годах XIX века первых азербайджанских типографий в Тебризе, Урмии, Ардебиле, Хое и других городах Ирана [3]. эхом отозвалось в Северном Азербайджане и вызвало духовный подъем среди прогрессивно-мыслящей интеллигенции. В эти годы печатная продукция завоевала небывалую славу в масштабе всего Ирана, получила путевку в жизнь благодаря золотым рукам и благим намерениям печатников-тискальщиков (басмачы) в первых типографиях (басмахана), учрежденных немалыми усилиями азербайджанцев, вызвала восторг и вдохновение у интеллигентов Северного Азербайджана, в числе которых был поэт, философ, драматург и критик М.Ф. Ахундов (1812-1878). Считая оснащение школ, библиотек полезной литературой, развитие дела книжной торговли острой необходимостью, он видел единственно возможный путь избавить азербайджанских авторов от обременительных поездок в чужие страны для печатания там своих книг и трудностей доставки их в Азербайджан в создании национальной типографии.

М.Ф. Ахундов вел переписку и встречался с государственными чиновниками для разъяснения преимуществ печатной книги над рукописной и необходимости перехода к печатным книгам, чтобы добиться открытия азербайджанского печатного издательства. Он посещал типографии, общался с печатниками. Близко ознакомившись с тонкостями печатного дела, он критически отнесся к литографическому способу печати, одобрив типографический способ. Об этом он неоднократно говорил в заявлениях, адресованных соответствующим органам в январе и августе 1841 года, а в последующие годы в письмах современникам и своих произведениях. Хотя консервативные «отцы» не протянули руки помощи молодому автору великой инициативы, М.Ф. Ахундов не побоялся и не отступил от своей затеи. Он прилагал все

усилия для того, чтобы убедить их в том, что место и позиция каждого народа в общей панораме цивилизации определяется не только численностью и весом школ и библиотек, издательств и типографий, книг и периодики, писателей и ученых умов, но и благотворным влиянием, которое оказано на сознание, знания, убеждения и творческие силы [7]. На последней чистой странице книги Исмаила Тутгашинлы «Рашид-бек и Саадат-ханум», подаренной автором Хасай-хану Усмиеву (изданной в 1835 году в Варшаве на французском языке и вызвавшей большой резонанс), имеется автограф М.Ф. Ахундова и написанная им фраза: «Причина моей радости в том, что у меня не осталось и тени сомнения по поводу доведения до конца начатого нами дела…15 марта 1846. Мирза Фатали». М.Ф. Ахундов писал, что если дорога к печатанию книг и периодики в Азербайджане будет открыта, а наши национальные издания будут печататься «самыми, насколько возможно, красивыми, легко читаемыми шрифтами», можно надеяться, что в скором будущем мы тоже посредством «многочисленных книг, принадлежащих» цивилизованным народам, «приобщимся к различным наукам и искусствам» [8]. Основной целью писателя, распространявшего свои идеи, за которые неустанно боролся, посредством трех языков (азербайджанский, русский, персидский), являлось привлечение к своему делу внимания более широких кругов и нахождения сподвижников. Столь активная деятельность М.Ф. Ахундова на этом поприще пугала оппозиционные силы, но он был непоколебим в своей решимости довести начатое дело до победного конца. В одном из сохранившихся документов из архива писателя, который после его кончины, переходя из рук в руки, был утерян, было письменное обращение Ахундова к властям от 1841 года, а вернее, письменный отчет, приложенный к заявлению, адресованному к Верховнокомандующему Кавказа генералу А.И.Головину. Если некоторые современники писателя и имели сведения относительно этого письма, то литературной и научной общественности, массовому читателю долгое время не было известно о сущности выдвинутой им инициативы. Основные положения этого документа, какими-то путями попавшего в руки А.Ерицова, были освещены в 1897 году, то есть 56 лет спустя после выдвинутой М.Ф. Ахундовым инициативы, в 1679-ом номере тифлисской газеты «Новое обозрение» от 14 августа 1897 года. Ни в одном из опубликованных до сего времени произведений писателя, ни в вышедшей в 1962 году книге «М.Ф. Ахундов (сборник статей)» и других солидных изданиях не только отсутствуют сведения об этом тексте, нигде нет даже упоминаний о нем. Тогда как масштабная работа М.Ф. Ахундова совместно с его учителем М.Ш. Вазехом: создание типографии-издательства спустя 247 лет после выхода на арабском языке первой азербайджанской печатной книги (Рим, 1594), стремление добиться книжного изобилия в стране, издание периодики, – составляет особый этап в жизни и творчестве писателя. Выход в свет первой азербайджанской газеты «Экинчи» как итога разумных и непомерных стараний М.Ф. Ахундова и Г.Зардаби – как нами было отмечено в предисловии к книге доктора филологических наук Садыка Гусейнова «Толковая библиография газеты “Экинчи”» (Баку: Азернешр, 1972, 3-4) – одно из ярких проявлений этой истины. М.Ф. Ахундов в указанном письме просил дать ему для типографии, которую намеревался открыть вместе с М.Ш.Вазехом, литографский камень и станок, выделить одного опытного литографа для помощи ему в ор-

ганизации типографии, выдать в долг из казны 1000 рублей серебром с условием возврата их после продажи изданных книг, а также выдвигал требования, что в азербайджанской типографии сначала будут печататься книги избранных им самим писателей-классиков и современных авторов, а после того, как типография полностью задействует, с целью создать преграду для книг, которые становятся бесполезным грузом на библиотечных полках и прививают «читателям подобные мыльным пузырям мысли», запретить ввоз из некоторых зарубежных стран и распространение в Закавказье вредных книг.

Писатель считал, что книга и периодическая печать – две протянутые к народу руки. Без помощи этих рук ни один народ не может следовать по пути прогресса. Для воспитания нравственно здорового поколения с правильными убеждениями необходимы проникнутые здоровыми идеями книги и периодическая печать. Если детей и молодежь не озарить светом прогрессивных изданий, не будет у нас светлого завтра.

Намерение М.Ф. Ахундова создать универсальный дом печати и перенести его в будущем из Тифлиса в Баку было смелым шагом и являлось для своего времени прогрессивной идеей во многих отношений, в первую очередь с точки зрения открытия дороги к централизованному изданию азербайджанской книги. Отметим, что в Кавказском цензурном комитете того времени не было ни одного представителя азербайджанского народа. Отделом управляли армяне. Всякий раз, когда выдвигалась идея о создании азербайджанской национальной книги и периодической печати, которая так порадует азербайджанских тюрков, комитет под предлогом отсутствия соответствующего цензора или же чрезмерной занятости цензора по восточным языкам отклонял прошение [9]. М.Ф. Ахундов, начиная с 50-х годов своего века, дополнил выдвинутую им в 1841 году инициативу новой мыслью о том, что родной алфавит должен служить трем целям – облегчению письма, чтения и печатного дела. Другой совет выдающегося деятеля культуры и сегодня звучит современно и актуально: «Ввиду того, что в наше время печатное дело является одним из насущных дел народа», газеты, журналы и книги не должны печататься одинаковыми шрифтами, типография должна использовать шрифты различных размеров, чтобы печатная продукция выглядела красиво и привлекала внимание покупателя и читателя, а также не утомляла глаза в процессе чтения. Еще одним ценным нововведением М.Ф. Ахундова является применение в письме и печатном деле знаков препинания. В середине XV века, когда появилось на свет книгопечатание, существовало два знака препинания – точка и двоеточие; третий знак – запятую – в 1495 году применил в книгопечатании венецианский типограф Альд Мануцци (1450-1515). Однако до середины XIX века запятая и другие знаки препинания в трудах азербайджанских авторов не использовались. Инициатива по применению в письме и печатном деле знаков препинания, выдвинутая впервые М.Ф. Ахундовым, и обоснование ее необходимости – одна из ценных и неопровержимых заслуг писателя [10]. Одним из неоспоримых мыслей М.Ф. Ахундова, регулярно следившего за достижением книжной культуры Азербайджана, Востока и остального мира, было заключение о том, что красота содержания и формы изданных книг должны дополнять друг друга. В том числе, в виду того, что переплет является своего рода «одеж-

дой» книги, это одеяние должно сидеть на ней, плотно облегать ее, быть прочным и долговечным, «чтобы листы книги через пару дней не рассыпались в руках». С целью помочь устранить недостатки в данной области М.Ф. Ахундов указывает в качестве образца на передовые европейские страны: «Книги, переплетенные в Европе, настолько прочны, что пользуйся ими хоть сто лет, они не испортятся ни на йоту».

Когда писатель, мечтавший о том, чтобы все виды издательско-типографической продукции были полностью освобождены от помех и служили человечеству, прощался с жизнью, он продолжал верить, что волна влияния функционирующих в Тифлисе 48 типографий, в том числе 29 литографий, распространится и на Азербайджан, откроет там дорогу таким прогрессивным начинаниям как книгоиздание и периодическая печать. Как видно из этих заметок, М.Ф. Ахундов на протяжении всей своей жизни не изменял выдвинутой им в 1841 году идее создания национальной типографии-издательства, дополняя и совершенствуя свои мысли по поводу этого дела в последующие годы. Однако органы власти, которые не дали М.Ф. Ахундову в 60-х годах положительного ответа на его заявление для получения им звания профессора, сдав экзамен по восточным языкам перед комиссией, состоящей из государственных чиновников и авторитетных ученых [11], препятствовали проведению в жизнь замыслов этой выдающейся личности по изданию национальной книги и периодической печати. Но, несмотря на все это, его усердия в данной области не остались втуне, его старания стали сильным импульсом для последующих творческих сил.

Выводы и перспектива. Работа М.Ф. Ахундова по развитию книгопечатания и издательского дела очень интересна в плане преемственности, истории и анализа подходов к развитию нации, образования и культуры в целом. Необходимость комплексного подхода к изучению наследия М.Ф. Ахундова определяет перспективу дальнейших исследований.

Литература

1. Книговедение. Энциклопедический словарь. – Москва, 1982. – С.163-164.
2. 100 böyük türk. Bakı, 1991. – s.51-52.
3. Cənubi Azərbaycan tarixinin oçerki (1828-1917]. – Bakı: Elm, 1985. – s.232.
4. Azərbaycan kitabı (Biblioqrafiya]. – Bakı, 1963. – c.l. (Ə.Mirəhmədovun müqəddiməsi), XXXI.
5. История Грузии. Тбилиси, 1973. – С.131; ACE, 2-421.
6. İ.Zəkiyev. M.F.Axundov və kitab mədəniyyəti / İ.Zəkiyev. – Bakı: Azərnəşr, 1974. – s.21-22.
7. İ.Zəkiyev. Azərbaycan kitbının inkişaf yolu. (Qədim dövrdən XIX əsrin sonuna qədər) / İ.Zəkiyev. – Bakı: Azərbaycan Ensiklopediyası, 2000. – s.345.
8. M.F.Axundov. Əsərləri / M.F.Axundov. – Bakı, 1955. – c.3, 107, 267-268.
9. A.Mişiyev. Azərbaycan yazıçıları və Tiflis ədəbi-ictimai mühiti / A.Mişiyev. – Tiflis, 1987. – s.178-179.
10. İ.Zəkiyev Əsrlərin əks-sədası / İ.Zəkiyev. – Bakı: Azərnəşr, 1992. – s.110-112.
11. İ.Zəkiyev M.F.Axundov kitab, kitabxana və mütaliə haqqında. M.F.Axundov adına Azərbaycan Dövlət Kitabxanasının (indiki Milli Kitabxananın) nəşri / İ.Zəkiyev. – Bakı, 1975. – s.7-8.

Закіев І. Боротьба М.Ф. Ахундова за видання книг і періодичної преси / І. Закіев // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 32–37.

У науковій статті проаналізовано процес розвитку друкарства та періодичної преси у світі. В окремому ключі автор розглядає розвиток цього процесу в Азербайджані. У даному випадку відзначе-

но роль М.Ф. Ахундова в боротьбі за розвиток друкарень в Азербайджані. Він вів культурно-просвітницьку роботу, боровся за відкриття азербайджанського друкованого видавництва. Автор у статті зазначає, що намір М.Ф. Ахундова створити універсальний будинок друку і перенести його в майбутньому з Тифліса в Баку був сміливим кроком і, для свого часу. – прогресивною ідеєю в багатьох відносинах. Також у науковій роботі розглянута діяльність М.Ф. Ахундова як реформатора вітчизняного друку: він розвинув систему пунктуації у пресі, вказав на необхідність використання різних шрифтів. Діяльність М.Ф. Ахундова спричинила розвиток наукової і культурної діяльності в Азербайджані, допомогла зробити наукову спадщину вчених доступною широкому колу читачів.

Ключові слова: друкарство, періодичні видання, М.Ф. Ахундов

Zakiev I. M.F. Akhundov's struggle for book printing and periodicals / I. Zakiev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 32–37.

In a scientific article the development of printing and periodicals in the world and in Azerbaijan in particular is analyzed. Despite that the book printing greatly simplified the process of books spreading by making them moderate for everyone; originally the development of book printing was hostile. In a support to these facts from Turkey and Azerbaijan book printing history are shown in the article. The author reviews the development of this process in Azerbaijan in a separate vein. In this case the role of M.F. Akhundov in the struggle for the book printing development Azerbaijan is mentioned. He led cultural and educational work, struggled for the creation of Azerbaijani typography, repeatedly explained the advantages of printed book over the manuscript. The writer believed that the book and periodical press are two hands outstretched to the nation and thanks "hands" cultural and educational activities will take place. Author of the article notes that the intention to create a universal typography by M.F. Akhundov and its future removing from Tbilisi to Baku was a bold step and was a progressive idea in many ways at his time, especially from the Azerbaijani books centralized publishing point of view. It should be noted that Caucasus censorship committee had not even a single Azerbaijani representative at those time. Each time when the idea of Azerbaijani national books and periodicals establishing was put forward, a committee under the pretext of appropriate censor lack or an eastern languages censor over-employment rejected in the petition. Also the scientific work considers the activity of M.F. Akhundov as the native press reformer: he developed a punctuation system in the press and marked on the different font's usage necessity.

The activities of M.F. Akhundov served as a catalyst for the development of scientific and cultural activities in Azerbaijan and helped scientists to make scientific heritage accessible to a wide readership.

Key words: publishing, periodicals, M.F. Akhundov.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 38–44.

УДК 613.4

ТЮРКЕЧАРЕЛИК (ЗНАХАРСТВО) В КОНТЕКСТЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ НАРОДНЫХ ВЕРОВАНИЙ

Хакимова Н. М.

Институт Фольклора Академии Наук Азербайджана
E-mail: azfolklor@yahoo.com

В научной работе автором исследуется народная медицина, этапы становления знахарства и развития на всем востоке и в Азербайджане в частности. Материалами для исследования являются материалы раскопок, письменные документы, сведения из мифологии. В статье отмечается, что в основе народной медицины стоит вера и традиционные знания, средства и методы прошедшие через столетия. У тюркских народов эти средства и методы называются туркачаре (знахарство). Автором отмечен необъективный подход к народному врачеванию, непризнание его современной медициной, попытки выдать его за шарлатанство. Автор акцентирует внимание читателя на том, что тюркская культура до сих пор остается малоизученной, поэтому знахарство, как отдельный ее вид, трактуется неверно. В статье в хронологическом порядке приведены этапы становления знахарства, проанализированы работы ученых, занимавшихся данной темой.

Ключевые слова: традиционная медицина, знахарство, туркачаре, метод, система

Постановка проблемы. Народная медицина или знахарство в научной литературе понимается как широкая сфера, объединяющая постановку диагноза, поставленного для лечения болезней, и пути исцеления: животные и растения, минеральные воды, мануальные, психологические способы лечения душевных и физических болезней. В основе народной медицины лежит вера, переходящие из поколения в поколение традиционные знания, методы и способы. Тюрки эту систему, способ и метод лечения называли *«тюркечарелик»* (на языке оригинала «тюркечаре», что означает дословно «средство для тюрка» – прим. пер.). На протяжении тысячелетий тюрки смогли обеспечить жизнеспособность этой системы знахарства, обогатили ее новыми способами, превратили в отличную от всех способов и путей лечения лечебную систему.

Известные сегодня под названием народного врачевания, *тюркечарелик*, способы и методы лечения традиционной медицины или альтернативной медицины берут свое начало с момента появления на исторической сцене homo sapiens. Однако между традиционным народным врачеванием и альтернативной медициной есть разница. Если лечение больного органа методом сосания для тюркских народов является традиционной медициной, то для других народов это медицина альтернативная. Сегодня под понятием "йоги" подразумевается традиционный индийский способ лечения, а "тюркечарелик" представляет собой совокупность традиционных лечебных методов, присущих только тюркским народам. Естественно, что традиционное народное врачевание из поколения в поколение разветвлялась и все более усо-

вершенствовалось. Во времена отсутствия современной медицины, традиционная народная медицина формировалась сообразно взглядам, верованиям, образу жизни, системе взаимоотношений каждого отдельного народа. Поэтому под традиционной медициной мы понимаем непрофессиональные лечебные методы, возникшие на тандеме верований и окружающей среды. Владеющее различными лечебными способами и методами традиционное народное врачевание среди тюркских народов в большей степени выделяется лечением растениями и мануальной энергией. Индийская, тибетская, китайская, африканская народная медицина традиционно служила своим народам, у тюрков же существовали различные формы присущей только им традиционной медицины. К сожалению, материалы о тюркечарелик не были своевременно записаны, поэтому эта область медицины долгое время оставалась вне поля зрения.

Временами опирающаяся на веру, живую практику традиционная медицина долгое время была и источником эксплуатации. Из-за того, что отдельная группа людей использовала свои знания только как метод обогащения, народное врачевание несколько утратило свои позиции, на передний план вышла современная европейская медицина, опирающаяся на научно обоснованные методы. В условиях конкуренции усилиями современной медицины народное врачевание стало преследоваться как шарлатанство, мошенничество, знахарство, эксплуатирующее народ во имя религии и не имеющее научных оснований.

Атеистической пропагандой советского режима, отношением к прошлому народа как к проявлению невежества, махровыми сторонниками режима в Азербайджане, а также серьезными усилиями врачей как представителей самофинансируемой индустрии, построенной на принципах продления болезни во имя процветания самой индустрии: чем дольше болеет человек, тем больше капитал этой индустрии, были стерты богатые тысячелетние традиции народного врачевания.

Народное врачевание опирается на веру. Подрыв веры в исцеление – это и есть разрушение основ традиционной медицины. Однако, несмотря на многочисленные усилия с разных сторон, народная медицина тюркских народов, в частности, в Азербайджане, хоть и тайно, но продолжала жить.

Традиционная народная медицина, отступающая во всем мире с появлением современной медицины, долгое время оставалась вне поля зрения. Как просроченный, ненаучный метод не воспринималась всерьез, продолжала жить, преимущественно, в сельской местности, отдаленных уголках. Только последние пятьдесят – шестьдесят лет, осознав бессилие современной медицины в лечении многих заболеваний, на авансцену вышла традиционная народная медицина, люди стали вновь обращаться к традиционным методам, прошедшим тысячелетние испытания. Стоит заметить, что в Азербайджане, в отличие от остального мира, до недавнего времени традиционная медицина вообще отрицалась. Сегодня по всему миру открыты центры традиционной медицины, во многих случаях современная медицина для лечения различных заболеваний стала использовать совместные с народным врачеванием методы.

Традиционное врачевание тюркских народов с очень древних времен базируется на шаманских методах лечения. Оздоровительная система шаманов – совокуп-

ность мифических и реальных, волшебных и действительных, теоретических и практических способов – является самой древней и воздействующей лечебной системой. Однако, несмотря на широкомасштабное изучение традиционной медицины других народов, народная медицина тюрков, которой было дано сообразно своему происхождению название «*тюркечаре*», не было достаточно изучено.

О шаманских методах и способах лечения, являющихся корнями народной медицины, было написано только в книгах Физули Баята «Основы тюркского шаманства» и «Женщина-шаман». Неопровержимым фактом остается то, что истоки "тюркечарелик", до сих пор имеющего место в Азербайджане, в Анатолии и в Средней Азии, опираются на шаманство. Некоторые примеры свидетельствуют о том, что шаманские методы врачевания успешно используются в медицинской практике. Например, формы лечения, заключающиеся в поддержании с больным органом контакта огнем, называемые в народе алазлама «*alazlama*» (всасывание, выплевывание, пугание), остались от шаманства. Корни таких методов, как изгнание из организма существ, являющихся причиной болезни, лечение сумасшедших священными очагами, уменьшение болей чтением молитв в Анатолии у представителей ордена бекташи, восходят к шаманству [1, 261]. Существование в народе изгоняющих плохих духов, джиннов также связано с шаманством.

Как известно из китайских источников, гёктюрки использовали с целью лечения различные растения. Эти свойства растений знали и проводящие религиозные ритуалы шаманы, и народные целители, так называемые *otaçı*. На самом деле *otaçı* готовили из лекарственных растений лекарства. Начиная со времен гуннов, есть люди с особыми способностями, называемые *otaçı, əmici, atasaqun*, имеющий каждый свои собственные методы лечения. В частности, в тюркечарелик важное место занимали лекарственные растения [2].

Первые источники знахарства восходят к мифологии. В этом случае знахарство с самых истоков выступало в совокупности с религиозными верованиями. Так, мифологическое существо, являющееся защитником детей, женщин, носящих имя Айыысыт у якутов, Умай, частично Яйык у алтайско-саянских тюрков, также стояло на страже здоровья. Это демонстрирует не только значение, но и функции Умай и Айыысыт [3]: стоять на страже физического и психического здоровья людей. Наряду с этим у древних тюрков существовали специальные люди, занимающиеся лечением травами, различными растениями – *otaçı,* лечащих лекарствами, изготовленными из растений – аттары «*əttarlar*», увеличивающих сопротивление организма болезни различными способами – амичи «*əmicilər*». Со времен гуннов и гёктюрков известны факты изготовления лекарств из трав. Обратившись к истокам, можно считать шаманов, осуществляющих и лечебное дело, и религиозные ритуалы, первыми врачами в тюркечарелик. Поскольку в последующие периоды деятельность шаманов была направлена в большей степени на лечение душевных заболеваний, лечение травами пришлось на долю знахарей, называемых народом *тюркечаре*, систематизировавших и поднявших этот метод до профессионального уровня врачей народ стал называть *логманом*

С появлением ислама появились люди, знающие медицину, систематизировавшие знахарство. Они вывели тюркечарелик на научную плоскость и расширили

тюркские лечебные методы лечебными методиками арабского, египетского, тибетского, китайского и др. древних народов. Естественно, со временем знания тюркечарелик стали записываться, это привело к появлению первых медицинских книг, посвященных этому методу народного врачевания.

К сожалению, медицинские трактаты, написанные на других тюркских языках и других тюркских наречиях, до сих пор остаются неизученными. Многие научные источники свидетельствуют о том, что самая древняя медицинская книга на тюркском языке была написана примерно в X веке в Турфане, в Средней Азии. Согласно некоторым сведениям, эта книга представляет собой вольный перевод медицинских книг, написанных на хинди и китайском, потому что в этой книге наряду с лекарственными растениями, известными лишь тюркам, встречаются нехарактерные для тюркской медицины лечебные методы.

Написанные в Средней Азии другие медицинские книги и рецепты лекарств представляют собой синкретические произведения, порожденными преимущественно соединением вольных переводов с индийского, китайского, тибетского языков вместе и тысячелетнего опыта тюрков. В «Словаре тюркских наречий» Махмуда Кашгарского – бессмертном произведении тюркского языка, истории, литературы, культуры – упомянут примерно 581 медицинский термин. Этот факт говорит о существовании у тюрков развитой медицины до XI века. В настоящий момент самой надежной медицинской книгой, написанной после распространения ислама, является работа «*Tuhfa-i mubarizi*» XIII века, принадлежащая Хакиму Баракату. Книга посвящена судье из Амасии Алп Кази.

В XIV-XV столетиях в Азербайджане, Анатолии и в Средней Азии стали создаваться медицинские трактаты. Только в османский период было написано более 20 книг о традиционной медицине [4, 11-20; 5, 126-142]. К этому можно добавить написанные в Азербайджане, Средней Азии, в Восточном Туркестане медицинские книги о тюркечарелик. В книгах тюркечарелик была дана в синтезе с исламской медициной, медициной древнего мира. Согласно прославившейся после принятия ислама гуморальной теории, большинство болезней в этих книгах состояло из признаков болезней, диагностирования по моче, категорий лечения.

В результате археологических раскопок, проведенных в Чалагантепе, в Азербайджане, был найден человеческий череп, относящийся к IV тысячелетию до н.э., на котором еще видны следы трепанации. В VIII – IV веках до н.э. в государствах Мидия и Манна, древних территориях Азербайджана, медицина развивалась под влиянием медицины Ассирии и Вавилона. В государствах Атропатена и Кавказская Албания медицинская теория основывалась на теорию 4-х элементов (огонь, вода, земля и воздух), которая восходила к зороастризму и была присвоена греками. Известно, что работы Гиппократа и Галена и древняя греческая медицина в целом начали распространяться в период Эллинизма (после IV до н.э.). Широкое распространение тюркской медицины (лечение шаманством, хирургией, магией и лечебными средствами), называемое *тюркечаре*, началось с IV века от Рождества Христова. Врачей называли на тюркском *qam* (шаман), Богиня растительности Оленг считалась покровительницей врачей, *otaçı* (лечащий травами врач), а лекарство называли *ota.* После арабского завоевания (века) начала распространяться новая меди-

цинская концепция, называемая исламской медициной, или же греко-арабской медициной. Эта концепция базировалась, преимущественно, на теориях Гиппократа и Галена. Абу Али ибн Сина (980-1037) считался самым известным ученым в медицине на всем Востоке, включая и Азербайджан. Один из самых древних экземпляров работы «Канон медицины» переписан в 1143 году и хранится в Институте рукописей в Баку. Во времена средневековья азербайджанские ученые работы по медицине и фармацевтике создавали на фарси, арабском и тюркском языках. Рукописные книги создавались каллиграфами, переплетались натуральной кожей, украшались красочными рисунками лекарственных растений, животных, минералов.

В XI веке, в поселке Мелхем в Шемахе была создана, говоря современным языком, Академия или Университет. Основателем этого очага науки, известного как Мелхемское медресе, был дядя по отцу азербайджанского поэта Хагани Ширвани врач Кафиэддин Омер. В этом медресе, вместе с медициной, анатомией, фармацевтикой, обучали и математике, логике, теологии и др. наук. В начале XIV века в городе Тебризе был основан центр под названием «*Darüş-Şəfa*», то есть «Дом здравия». При центре были медресе, крупная больница и аптека. В тот период в Азербайджане действовали такие ученые и врачи, как Абдуль Маджид Табиб, Намвар Тебризи.

В 1311 году азербайджанский ученый Юсиф Исмаил оглы Хои написал книгу под названием «Багдадский сборник». В этой книге, написанной по велению багдадского правителя, повествуется о нескольких тысячах естественных лекарственных средств, лекарственных растений, минералов, лекарств животного происхождения, многокомпонентных лекарств. Ученый был известен также под псевдонимом Ибн Кебир. В XV веке только в Южном Азербайджане было более 60-ти крупных больниц. Самая величественная из них находилась во дворце «Семь раев» султана Ягуба Аккоюнлу в Тебризе (1478-1490). В этой больнице одновременно могли лечиться около тысячи человек. Врачи использовали около 900 различных лекарственных растений. В аптеке при больнице продавали лекарственные растения, привезенные из различных стран мира, в том числе Индии и Китая.

В XVII-XVIII веках Муртузакули Шамлу (половые болезни), Абулькасим Марагайи (общая медицина), Гасан Рза оглу Ширвани (фармацевтика) написали ряд ценных работ по медицине и фармацевтике. В них они сообщают о 724 видах лекарственных растений. В XVIII веке, в результате непрекращающихся войн, которые вели между собой ханства, многие больницы, аптеки и медицинские школы были разрушены. Наука, в том числе и медицинская, переживала глубочайший кризис. В начале XIX века северные ханства Азербайджана (Ширванское, Бакинское, Нахичеванское, Карабахское, Иреваньское, Кубинское, Талышское, Шекинское, Дербентское и др.) были оккупированы Россией, а на юге ханства (Тебризское, Ардебильское, Хойское и др.) перешли под полный контроль Ирана. С того времени развитие медицины в Северном и Южном Азербайджане продолжалось в разных направлениях.

В период российской власти на всем Южном Кавказе открылись русские аптеки и больницы. Несмотря на это, вплоть до установления советской власти в 1920 году в Северном Азербайджане существовали и восточные аптеки, называемые «бакалеи». В Южном Азербайджане восточные аптеки и больницы составляли большинство. В

1892 году азербайджанский ученый Абдульхалиг Ахундов заложил основы истории медицины в нашей стране. Он перевел с фарси на немецкий язык знаменитую фармацевтическую энциклопедию Абу Мансура Харави XI века [6, 51-53].

Выводы и перспектива. Хронологический список трудов, посвященных тюркской медицине и *тюркечаре,* можно продолжать. Однако стоить отметить, что с начала XX века в Азербайджане возобладала европейская медицина. Несмотря на то, что и сейчас, наряду с европейской медициной, народ обращается к знахарству, их соотношение явно неравномерно. Это связано с недостатком знаний о тюркской культуре, истории тюркской медицины и фрагментарностью представлений о *тюркечарелик*. Обилие фактов в пользу *тюркечарелик* подтверждает необходимость проведения исследований в этом направлении.

Литература

1. Bayat F. Ana hatlarıyla türk şamanlığı / F. Bayat. – İstanbul, 2006
2. Baytop T. Türkiye'de bitkilerle tedavi / T. Baytopю – İ.Ü Eczacılık fakültəsi: İstanbul, 1984
3. Bayat F. Türk mitolojik sistemi, II cild / F. Bayat. – İstanbul, 2006
4. Şeşen R. Ortaçağ İslam tıbbının kaynakları ve XV yüzyılda türkçe'ye tercüme edilen tıp kitapları / / Tıp tarihi araştırmaları, 5 (1993)
5. Suveren K., Uzel İ. İlk türkçe tıp yazmalarına genel bir bakış / / Tıp tarihi araştırmaları, 2 (1988)
6. Ələkbərli F. Azərbaycan tibbinin xronologiyası / / Ailə həkimi, No 2, 2008
7. Oğuz Y. Tıbbın evriminde sağmanlar ve hekimler / / *V. Türk tıp tarihi kongresi bildirileri.* Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, 1998

Хакимова Н. М. Тюркечарелік (Знахарство) у контексті азербайджанських народних вірувань / Н. М. Хакимова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 38–44.

У науковій роботі автором досліджується термін «тюркечарелік», тюркські верування та народна медицина, етапи становлення знахарства та його розвитку на всьому Сході і в Азербайджані зокрема. Матеріалами для дослідження є матеріали розкопок, письмові документи, відомості з міфології. У статті вказано на той факт, що в основі народної медицини стоїть віра і традиційні знання, засоби і методи яких пройшли через століття. У тюркських народів ці засоби і методи називаються туркачаре (знахарство). Автором відзначений необ'єктивний підхід до народного лікування, невизнання його сучасною медициною, спроби видати його за шарлатанство. Автор акцентує увагу читача на тому, що тюркська культура досі залишається маловивченою, тому знахарство, як окремий її вид, трактується невірно. У статті в хронологічному порядку наведені етапи становлення знахарства, проаналізовано роботи вчених, що займалися даною темою.

Ключові слова: традиційна медицина, знахарство, туркачаре, метод, система

Hakimova N. M. Tyurkecharelik (sorcery) in the Context of the Azerbaijan People's Beliefs / N. M. Hakimova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 38–44.

In the scientific work the author studies the traditional medicine, stages of formation of the sorcery and its development across the East and in Azerbaijan in particular. The material for the study is taken from the excavated materials, written documents, information from mythology. In the article faith and traditional knowledge, tools, and techniques passed down through the centuries as the basis of traditional medicine are marked out. Turkic people designate these tools and methods as turkachare (the sorcery). The complex system of the Turkachare has been maintained and enriched, transformed into a better system of the treatment. This article examines the history of the traditional medicine studies. The author pointes out a partial approach to folk treatment, non-recognition of its by modern medicine and attempts to present it as quackery. A system of shamans, Arabs, ancient Egyptians, Chinese treatment is examined. It's marked out that tyurkecharelik as a system of healing was developed with the rise of Islam. Since then, sorcery came to a scientific level and was

able to combine a heritage of the East because the medicine writings and treatises become readily available and understandable.

The author draws the reader's attention on the fact that Turkic culture is still poorly investigated, so quackery as its separate kind, is interpreted incorrectly. He also considers the evolution of the image of an incompetent traditional healer – herbalist .

In the article in chronological order the stages of formation of quackery are given, the works of scientists involved in this theme are analyzed.

Key words: traditional medicine, quackery, turkachare, a method, a system

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 45–50.

УДК – 81. 411. 21’ 367. 625’ 373. 7

ГЛАГОЛЬНЫЕ ИДИОМЫ СОВРЕМЕННОГО АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Бекиров Р. А.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
E-mail:rbekirov@mail.ru

В статье предпринята попытка изучения глагольных идиоматических выражений современного арабского языка. Ставятся следующие задачи: собрать, систематизировать, классифицировать и исследовать в этимологическом и других планах глагольные идиомы.

В ходе исследования установлено, что фразеология как древняя и обширная часть состава арабского языка представляет собой интерес для изучения ряда проблем арабского языкознания.

Ключевые слова: идиома, устойчивость, словосочетание, пословица, поговорка, этимология, арабский язык.

Постановка проблемы. Малоисследованной областью арабского языкознания является фразеология. Это связано с тем, что фразеология рассматривалась лишь как вторичный раздел стилистики, риторики и других наук. Своеобразие, образность фразеологических единиц арабского языка трудно переоценить.

Несмотря на длительный период существования и развития арабского языка мало изученной остается область фразеологии. Современный арабский литературный язык является наиболее распространенным из семитских языков. Типологически арабский литературный язык близок к русскому языку [7]. Актуальность исследования определяется неразработанностью проблемы и недостаточной изученностью глагольных идиом современного арабского языка. В современной арабистике изучение глагольных фразеологических единиц и дополнение на этой основе словарей, пособий, других лексикографических изданий является актуальным направлением в арабском языкознании.

Цель статьи – собрать, систематизировать и исследовать в этимологическом и других планах глагольные идиомы арабского языка. Особое внимание, по нашему представлению, следует уделить:

1) сбору, изучению, обобщению и систематизации сведений из разных источников по арабскому и общему языкознанию;

2) выявлению степени устойчивости глагольных идиоматических выражений;

3) исследованию лексико-семантических и грамматических особенностей фразеологизмов;

Для научных изысканий в этой области, материалом могут послужить данные первоисточников (материалы классического и современного арабского литературного языка, живых народных говоров и другие письменные источники), а также сведения арабских средневековых авторов, доводы современных исследований в области арабского языка.

Для решения поставленной задачи необходимо использовать наработанную уже в общем языкознании методологию подобных исследований. Из которой, прежде всего, следовало бы выделить: сравнительно-исторический, описательный, сопоставительный, функциональный и типологический приемы и методы исследования [3, 5].

В методологическом отношении обоснованным является исследование фразеологии арабского языка в сравнительно-историческом, семасиологическом, этимологическом и других планах [3, 8].

Исследователи фразеологии выделяют в качестве существенных свойств фразеологизма его неодночленность (т.е. наличие в нем двух и более компонентов), идиоматичность и устойчивость.

Существенным фактом является то, что идиоматичность является градуированным свойством, так как она может распространяться на словосочетание или предложение в целом (т.е. словосочетание или предложение могут переосмысляться целиком). В этом случае их идиоматичность будет полной (например, «съел собаку», «бить баклуши» и т.п.), либо переосмысленным может быть один компонент или часть компонентов (например, «железная воля – сильная воля»), и, в таком случае, идиоматичность будет частичной. С другой стороны, степень идиоматичности фразеологической единицы обратно пропорциональна количеству выражений, в которых эта идиоматичность провозглашается.

По мнению Рудова В.Ф., «единицы лексической системы могут быть представлены не только словами, но и особого типа устойчивыми словосочетаниями, которые принято называть фразеологическими оборотами или фразеологизмами. В отличие от свободных словосочетаний значение фразеологизма идиоматично, и в этом фразеологизм сближается со словом, семантическая природа которого в принципе идиоматична» [9, 3]. Таким образом, в арабском языке фразеологизм также, имеет два признака, общих с характеристиками слова:

а) номинативную функцию; б) идиоматичность.

Фразеологизм отличается от слова только отсутствием цельнооформленности. Например: слово – «قدمان» – ‘Две стопы’ и свободное словосочетание – «قدما الرجل» – ‘Две стопы человека’ сравним с глагольной идиомой: «جرّ قدمين» – ‘Едва плестись. Волочить ноги’. – (букв.) ‘Тащить две стопы’.

Шанский Н.М. отмечает: «фразеологические сочетания, несмотря на формальную двулексемность представляют одну семантическую единицу, делающую их подобными словами, отрывая от сферы словосочетаний и рассматривая в качестве особых единиц лексической системы» [11, 38].

Фразеологические единицы нетерминологического типа всегда имеют смысловой или стилистический синоним. Например, идиома:

«أبصر النور» – ‘Родиться’. – (букв.) ‘Увидеть свет’. Значение этого фразеологизма является образным, неконкретным и может употребляться по отношению к самым различным действиям. Синонимичным, в определенном смысле, первому является другое идиоматическое выражение «جاء الى الدنيا» – ‘Родиться’. – (букв.) ‘Явиться (придти) в мир’.

Некоторая часть фразеологических оборотов, подвергаясь процессу лексикализации или терминологизации образных выражений, получает конкретный смысл. Например:

«أبو الهول» – ‘Сфинкс (большой сфинкс)’. – (букв.) ‘Отец ужаса’. Служит названием конкретного исторического памятника.

Формирование таких единиц происходит не грамматическим, а фразеологическим путем. По этой причине, среди фразеологических единиц, можно выделить те, которые обладают конкретным значением и те, что не обладают таковым и выступают в качестве синонимических знаменателей лексических единиц. Первые можно назвать идиомами лексико-фразеологического типа, вторые идиомами собственно фразеологического типа. Стоит отметить, что среди устойчивых словосочетаний фразеологического типа есть различные вспомогательные речевые клише, фразеологические штампы, которые обеспечивают только «техническое» обслуживание речи. Поэтому, исходя из семантических и стилистических особенностей арабского языка, а также взаимоотношения со словарным составом языка, весь фразеологический материал можно разделить на три группы:

1. Идиомы лексико-фразеологического типа.
2. Идиомы собственно фразеологического типа, служащие в речи только стилистическими знаменателями лексических единиц.
3. Устойчивые фразеологические формулы, фразеологические штампы.

К первой группе идиом относятся устойчивые словосочетания, представляющие собой лексикализированные и в некоторой степени терминологизированные устойчивые словосочетания. В основном они отличаются от лексикализированных словосочетаний обычного типа тем, что они образуются не грамматическим, а лексико-фразеологическим путем на основе образных выражений. Модели идиоматических выражений лексико-фразеологического типа структурно совпадают с моделями свободных словосочетаний, но семантические связи слов, входящие в них, не являются одинаковыми.

Ахунзянов Г.Х. подчеркивает, что: «Грамматические отношения между компонентами идиом лексико-фразеологического типа представляют собой отношения скованные, изолированные. В этом заключается их фразеологичность. Она обусловлена образностью словосочетания или тем, что некоторые компоненты этой сложной единицы входят в состав ограниченного количества словосочетаний.» [1, 16].

Идиоматические выражения лексико-фразеологического типа в арабском языке представлены именами и глаголами. Имена представляют небольшую группу научных терминов, географических названий и т.д., которые образуются по моделям лексикализованных устойчивых словосочетаний описательного типа. От последних их отличает то, что их значения не имеют ясно выраженной связи со значениями составляющих их слов. Это явление носит название неаддитивности. Связи устанавливаются на основе какого-либо образа. Среди них названия животных: « أبو براقش» – ‘Зяблик’. – (букв.) ‘Отец чижа’. «أبو اليقطان» – ‘Петух’. – (букв.) ‘Отец бодрствующего’. Ботанические термины: «أبو النوم» – ‘Мак’. – (букв.) ‘Отец сна’. « توت أرضي» – ‘Земляника’. – (букв.) ‘Земляная шелковица’ и другие.

Утрачивая внутреннюю форму, арабские фразеологизмы получают высшую степень семантической целостности. Они же приобретают закрытую семантическую структуру. Например: «عمل بأربع أرواح» – ‘Работать за четверых’. – (букв.) ‘Он работал четырьмя душами’ [13, 319]. «جعل كل حبّة قبّة» – ‘Делать из мухи слона’. – (букв.) ‘Он делал (сделал) каждое зерно куполом’ [13, 152].

В организации семантической структуры компоненты играют неодинаковую роль. Их смысловая роль возрастает от сочетаний к сращениям. Например, фразеологическое сращение: «خطم بالكلام» – ‘Заставить замолчать’. – (букв.) ‘Он надел намордник (недоуздок) на речь’ [13, 227]. Данное выражение можно приводить в качестве классического образца неделимого идиоматического выражения. Тем не менее, этот оборот можно расчленить и семантически, и грамматически.

Компонент «خطم» – ‘надевать недоуздок или намордник’ может быть вычленен и осмыслен в ряде других сочетаний: «خطم بالحصان» – ‘Одеть недоуздок на лошадь’.

Семантическая характеристика компонентов, определение их удельного веса в семантике фразеологического оборота, делает необходимым всестороннее изучение фразеологических гнезд. Исследования арабских фразеологизмов показали, что компоненты фразеологических единиц, входящие в состав большого количества оборотов, обладают более определенной семантикой, чем те, что находят употребление в отдельных или нескольких фразеологических оборотах. Например, фразеологизмы с компонентами-соматизмами «يد» – ‘рука’, «أنف» – ‘нос’, «كتف» – ‘плечо, лопатка’, «وجه» – ‘лицо’ – представляют собой одну из наиболее многочисленных групп: «ضاقت الدنيا فى وجهه» – ‘Положение его стало безвыходным’. – (букв.) ‘Мир сузился в его лице’ [13, 876]. «حط الكتف» – ‘Навострить лыжи, удирать во все лопатки’. – (букв.) ‘Положить лопатку’ [13, 677].

Заслуживает, также, внимания семантика арабских идиоматических выражений в сравнении с семантикой пословиц, поговорок и афоризмов арабского языка. Ученые-филологи по-разному подходят к вопросу отнесения пословиц, поговорок и афоризмов к области фразеологии. Так Шанский Н.М., Ушаков В.Д., Кунин А.В., Куртсеитов А.М., в отличие от Тагиева М.Т., Копыленко М.М., Жукова В.П., Морозовой В.С. относят их к фразеологическим выражениям, так как они семантически членимы, состоят в совокупности из слов со свободными значениями, в них отсутствуют слова с фразеологически связанным значением [11, 84].

Выводы и перспектива. Отмеченные особенности не стоит относить ко всем пословицам, поговоркам и др., так как в состав некоторых из них могут входить собственно фразеологизмы. В составе пословиц, фразеологизмы полностью или частично теряют свои лексические значения. По этой причине, для того чтобы понять арабскую пословицу, поговорку или афоризм, надо, кроме всего прочего, еще и знать семантику фразеологизма. «من حفر حفرة لأخيه وقع فيها» – ‘Не рой яму другому – сам в нее попадешь’. – (букв.) ‘Кто рыл яму своему брату, попал в нее’ [13, 182]. Выражение «حفر حفرة» – ‘рыть яму’ может выступать еще и как фразеологизм – ‘строить козни’ [13, 182]. «الاباء ياكلون الحصرم والابناء يضرسون» – ‘Сыновья расплачиваются за грехи отцов’. – (букв.) ‘Отцы едят незрелый виноград, а у сыновей оскомина’ [13, 177], в котором сочетание слов «اكل الحصرم» – ‘есть незрелый виноград’ является также и фразеологизмом – ‘остаться на бобах’.

Таковыми представляются общие наблюдения системы глагольных идиом в арабском языке.

Литература

1. Ахунзянов, Г. Х. Идиомы : автореф. дисс. д. филол. н / Г. Х. Ахунзянов. – Казань, 1974. – 53 с.
2. Жуков, В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков. – М. : Высшая школа, 1986. – 310 с.
3. Иванова, Л. П. Методы лингвистических исследований / Л.П. Иванова. – Киев : ІСДО, 1995. – 87 с.
4. Копыленко, М. М. Очерки по общей фразеологии. Проблемы, методы, опыты / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1978. – 141 с.
5. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Высшая школа, 1986. – 336 с.
6. Куртсеитов, А. М. Структурно-семантический анализ крымскотатарских фразеологизмов : автореф. дисс…канд. филол. наук / А. М. Куртсеитов. – Киев, 2006. – 19 с.
7. Мишкуров, Э. Н. Типологическая характеристика арабского языка / Э. Н. Мишкуров. – М. : Изд-во военного института, 1977. – 77 с.
8. Морозова, В. – С. Структурно-семантическая характеристика фразеологии современного арабского литературного языка : автореф. дисс…канд. филол. наук / В. – С. Морозова. – М., 1985. – 27 с.
9. Рудов, В. Ф. О некотрых взаимоотношениях фразеологии со словарным составом языка / В. Ф. Рудов. Вып. 3. – Таганрог, 1957.
10. Тагиев, М. Т. Глагольная фразеология современного русского языка / М. Т. Тагиев. – Баку : Маариф, 1966. – 251 с.
11. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Высшая школа, 1964. – 310 с.
12. Ушаков, В. Д. Фразеология Корана : Опыт сопоставления фразеоречений Корана и арабского классического языка / В. Д. Ушаков. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 204 с.
13. Баранов, Х. К. Арабско-русский словарь : ок. 42 000 слов / Х. К. Баранов. – 7-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1989. – 928 с.

Бекіров Р. О. Дієслівні ідіоми сучасної арабської мови / Р. О. Бекіров // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 45–50.

У статті робиться спроба вивчення дієслівних ідіоматичних виразів сучасної арабської мови. Ставляться такі завдання: зібрати, систематизувати, класифікувати і досліджувати в етимологічному та інших планах дієслівні ідіоми.

У ході дослідження встановлено, що фразеологія як давня і обширна частина складу арабської мови являє собою інтерес для вивчення низки проблем арабського мовознавства.

Ключові слова: ідіома, стійкість, словосполучення, прислів'я, приказка, етимологія, арабська мова.

Bekirov R. A. Verbal idioms of Modern Arabic / R. A. Bekirov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 45–50.

As the essential properties of the idiom stand it multicomponent (that it contains two or more components), idiomatic and sustainability.

The essential fact is that the idiomatic is a graded property because it can spread to the phrase or sentence as a whole, and in this case they will be fully idiomatic or reinterpreted may be one component or of the components and, in that case, will partially idiomatic. On the other hand, the degree of idiomatic phraseological unit is inversely proportional to the number of expressions in which this idiomatic proclaimed.

Formation of verbal idioms is not grammatical, and a phrase means. For this reason, the phraseology of units can be identified those which have a specific value, and those that do not possess such and act as synonymous denominators lexical units. The first can be called lexical idioms idiomatic type, the second type

of idiomatic idioms actually. Among the stable of idiomatic phrases have different types of auxiliary language clichés, phraseological stamps, which provide only a "technical" service speech.

Idiomatic expressions lexical and idiomatic type in Arabic are the names and verbs. Names are a small group of scientific terms, place names, etc., which are formed on models lexicalized collocations descriptive type. From the latter distinguishes them is that their values are not expressly connection with the values of the constituent words. This phenomenon is known as non-additive. Links are established on the basis of an image.

In the organization of the semantic structure of verbal idioms components play different roles. Their semantic role of combinations increases to seam. For example, phraseological fusion: «خطم بالكلام» – ‘Silencing’. – (Lit.) ‘He put the muzzle (halter) on it.’ This expression can be driven as a classic design indivisible idiomatic expressions.

The study found that verbal idioms as part of an extensive lexicology of Arabic language is of interest to study some of the problems of Arab linguistics.

Key words: idiom, stability, phrase, proverb, saying, etymology, Arabic.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 51–60.

УДК 811.222.1

ЧЛЕНЫ ГРУППЫ «ИРАНВЕЙДЖ» КАК ИНИЦИАТОРЫ СОЗДАНИЯ АКАДЕМИИ ЯЗЫКА ИРАНА

Сухоруков А. Н.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
E-mail:sankafd2004@gmail.com

В данной статье рассматриваются отдельные вопросы специфики образования Академии Языка Ирана (1970-1979), известной также как Второй Фархангестан, и роли лидеров пуристического движения Ирана в середине 20 века, объединившихся в группу «Иранвейдж», в учреждении данной Академии. Уделяется внимание анализу деятельности таких видных идеологов лексического пуризма в персидском языке, входивших в состав общества «Иранвейдж», как Забих Бехруз – основатель данного общества и идейный лидер сторонников крайнего языкового пуризма в Иране, Мохаммад Мокаддам – именуемый «отцом современной иранской лингвистики» за большие достижения в этой области, первый заявивший о настоятельной необходимости воссоздания Академии Языка, и Садек Киа – основатель иранской диалектологии, глава отдела фольклора при министерстве культуры. Именно Садек Киа занялся организационной деятельностью, которая и привела к учреждению Академии Языка Ирана, а также возглавил данную Академию после указа шаха об её основании.

Ключевые слова: персидский язык, лексический пуризм, Иранвейдж, Академия Языка Ирана.

Постановка проблемы. В Иране в 1935-ом году была создана Академия Ирана, основной задачей которой стала стандартизация персидской терминологии, проявившаяся в замещении многих иноязычных заимствований лексикой на персидской основе. Деятельность данной академии осуществлялась под пристальным вниманием самого шаха и характеризовалась умеренным лингвистическим пуризмом. Часть сторонников крайних форм пуризма в персидском языке сконцентрировались вокруг Забиха Бехруза – признанного международным научным сообществом авторитетного лингвиста, но не вошедшего в состав Академии Ирана из-за его радикальной позиции. В том же 1935 году З.Бехруз создаёт общество «Иранвейдж», которое начинает заниматься популяризацией идей романтического национализма посредством публикаций просветительских и пропагандистских материалов. Пуристическая деятельность Академии Ирана прекратилась в 1941-ом году с уходом Резашаха с политической арены. Но деятельность «Иранвейдж», направленная на распространение идей о необходимости возрождения былого величия древнего Ирана, одним из главных атрибутов которого преподносили чистый персидский язык, не прекращалась. И когда в 1960-х гг. в ходе очередного витка инициированных сверху националистических настроений стала широко обсуждаться потребность в очищении персидского языка от иноязычных заимствований, именно лидеры «Иран-

вейдж» стали во главе иранских пуристов, выступили с инициативой воссоздания единого терминологического центра с широкими полномочиями в виде Академии Языка Ирана и возглавили её работу.

Цель и задачи. Цель данной работы – осветить степень влияния членов общества «Иранвейдж» на создание и деятельность Академии Языка Ирана (1970-1979 гг.). Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить характер работы общества «Иранвейдж»; 2) изучить пуристическую деятельность наиболее активных членов данного общества; 3) определить степень их участия в создании Академии Языка Ирана.

Анализ исследований по проблематике работы. К настоящему времени не проводилось специальных исследований по данной проблематике. Несмотря на актуальность терминотворческой и пуристической тематики в современном Иране, на персидском и английском языках отсутствуют работы с последовательно изложенной информацией по рассматриваемому вопросу. Исследования на русском и украинском языках игнорируют место «Иранвейдж» в процессе борьбы за очищение персидского языка и, тем более, в создании Академии Языка Ирана. В качестве демонстрации степени изученности вопроса можно привести то обстоятельство, что в защищённой в Москве в 2006г. диссертации «Терминологическое строительство в Иране» [1], в которой иранский исследователь А.Акбарипур широко касается вопросов языкового пуризма в Иране в контексте создания неологизмов как пуристических замен по отношению к заимствованной лексике, общество «Иранвейдж» не упоминается, равно как и пуристическая деятельность её членов то того времени, как они заняли ведущие позиции в Академии.

Общество «Иранвейдж», названное по имени легендарной прародины ариев, возникло в 1935 году как объединение части сторонников радикального курса очищения персидского языка (ПЯ). Усилия Академии Ирана (АИ) они находили недостаточно масштабными и неэффективными, потому указывали на необходимость более активных мер. Главным идеологом общества стал З.Бехруз.

Ядром общества можно назвать трёх представителей разных поколений иранской пронационалистической интеллигенции. Прежде всего, это сам З.Бехруз, который в ходе длительного периода обучения и стажировок в Европе в полной мере овладел западными достижениями в области лингвистики, но сохранил страстную любовь к своей родине. Главным представителем второго поколения является Мохаммад Мокаддам, последователь З.Бехруза. М. Мокаддам также после получения высшего образования в Иране, совершенствовал знания на западе и в Бостоне получил учёную степень доктора филологических наук. Третьим представителем является Садек Киа, очень молодой на период создания общества, но деятельный человек, функции которого в «Иранвейдж» со временем значительно расширились. Условно роль указанных трёх деятелей в рамках общества можно определить следующим образом: З.Бехруз – идеолог, М. Мокаддам – организатор, Киа – исполнитель.

Ежегодно, начиная с 1935 года, общество издавало журнал «Иранкуде», в котором публиковались основные труды его представителей. На первом этапе ответственным за подготовку и выпуск материалов был М. Мокаддам, но с течением времени к издательской и организаторской деятельности был привлечён также и С.Киа.

Основной тематикой произведений были вопросы культуры Ирана и ответственность современного иранского населения перед последующими поколениями в деле сохранения богатства и самобытности ПЯ. Журнал «Иранкуде» издавался до 1952-го года, когда вышел его последний 18-й номер.

1952-й год можно считать годом прекращения организованной деятельности общества «Иранвейдж». Причина чего кроется в изменении ситуации в стране и связанными с этим кадровыми перестановками. Лидеры общества «Иранвейдж» заняли важные административные должности и получили возможность, как публиковаться в авторитетных государственных научных изданиях, так и в большей мере влиять на формирование политики в рамках министерства культуры и просвещения Ирана. Они погрузились в административную работу и сферы их интересов временно разделились. С одной стороны, административная нагрузка требовала много времени и сил, с другой стороны, новые полномочия позволили сформировать близкий по духу коллектив сотрудников, которые в условиях новой националистической политики, близкой к идеологии «Иранвейдж», смогли закрепиться на новых местах и с течением времени занять руководящие позиции.

Первые высказывания о необходимости восстановить централизованную пуристическую деятельность в рамках одной организации с широкими полномочиями и государственной поддержкой относятся к 1963 году и связаны с Мохаммадом Мокаддамом. Его публикации в прессе об угрозе персидскому языку в связи с экспансией иноязычных лексических заимствований послужили поводом для долгих дискуссий о необходимости защиты ПЯ и его развития в соответствии с новыми требованиями. 1963-й год знаменателен для Ирана началом «Белой революции» и очередным витком националистических идей. Поэтому инициированный М. Мокаддамом и поддержанный на высоком уровне вопрос о воссоздании работы Академии получил всестороннюю поддержку, в том числе и от непосредственного руководства страны в лице Мохаммад Реза-шаха Пехлеви.

Инициативной группой создания АЯИ стали четыре иранских лингвиста, трое из которых были в свое время лидерами общества «Иранвейдж» и сохранили тесные связи друг с другом. Четвёртым деятелем является Иса Садик Алям, также один из идеологов и практиков языкового пуризма в ПЯ, на протяжении 6 периодов занимавший должность министра культуры и просвещения страны. Объединённые стремлением сохранить определённую чистоту ПЯ перед лицом наплыва лингвистических заимствований из европейских языков, они смогли скоординировать свои усилия и добиться утверждения шахом соответствующей программы действий.

Для того чтобы точнее определить роль лидеров общества «Иранвейдж» в процессе создания АЯИ, уместно дать краткую характеристику деятельности каждого из них.

Забих Бехруз (1884-1971) получил прекрасное и всестороннее образование; обучался сначала в американском колледже в Тегеране, потом на протяжении 10 лет в Египте, полностью овладел английским и арабским языками и вошёл в состав созданной в Каире Академии Наук, что позволило ему установить контакт с передовыми европейскими востоковедами. В течение пяти лет З.Бехруз жил и преподавал в Лондоне вместе с проф. Э.Брауном, тесно сотрудничал с проф. Р.Николсоном, по-

том переехал в Германию, где опять же погрузился в научную и преподавательскую деятельность в лучших университетах страны. Совместная работа с ведущими иранистами мира позволила Бехрузу значительно углубить свои познания в теоретической грамматике персидского языка. З.Бехруз известен не только как лингвист, но также и как поэт и писатель, литературный критик, драматург, педагог, математик, историк и географ [4].

В 1929 г. Бехруз основал лингвистическое общество, занимавшееся лексикографическими и лексикологическими вопросами. Одним из главным объектов изучения его стал крупнейший толковый словарь ПЯ – «Борхан-э катэ». Изучение лексического состава ПЯ с опорой на словарь, в котором приводились искусственно созданные слова из «Дасатир» с пометкой «персидские» способствовало зарождению и развитию пуристических идей у Бехруза и членов его группы. Сформировавшаяся позиция З.Бехруза по отношению к ПЯ впервые была изложена в 1931 году в книге «Забан-е иран», в которой он призывал к защите ПЯ от иноязычной лексики и поднимал вопрос о необходимости упрощения графики. Бехруз был в этом не первым, но его заслуга состояла в той активной деятельности, которую он развернул по распространению пуристических идей.

Радикальная позиция З.Бехруза, несмотря на его чрезвычайную образованность, не позволила ему стать членом первой Академии и участвовать в пуристической деятельности от имени правительства, но своими многочисленными и яркими выступлениями он способствовал развитию и распространению идей очищения ПЯ. Знания теоретической грамматики на уровне передовых европейских достижений и неустанная деятельность сплотили вокруг З.Бехруза группу единомышленников, выдвинув его в качестве лидера большей части сторонников крайнего пуризма. В это время и было создано общество «Иранвейдж».

В печати и академических кругах Ирана развернулась горячая полемика вокруг заявлений и аргументации З.Бехруза. Наиболее полно она освещена в исследовании иранского исследователя Атрафи [11, 177-179], со всеми доводами противников Бехруза и его обоснованными и расширенными ответами. Основными оппонентами З.Бехруза были Хасан Таги-заде и Аббас Экбаль Аштиани, представители разных школ иранской лингвистики. А.Экбаль Аштиани, действительный член АИ, в отношении языкового пуризма придерживался взвешенной и умеренной позиции, близкой Форуги и Восуг од-Доуле, тогда как Х.Таги-заде можно отнести к противникам ЯП. Из-за одной из своих публикаций, попавших на глаза Реза-шаху, ему даже пришлось покинуть Иран и долгое время скрываться за границей. Более подробно позиция Таги-заде по отношению к ЯП, его полемика в печати, а также её последствия рассмотрены иранским исследователем Тарафдари [10, 69-70].

К моменту создания АЯИ Бехруз был в достаточно пожилом возрасте, но с благодарностью принял предложение стать действительным членом Академии. Бехруз участвовал в первых девяти собраниях (на протяжении 4-х месяцев) Академии, однако состояние здоровья не позволило ему в полной мере отдаться терминотворческой пуристической деятельности.

При проведении политики очищения языка Бехруз советовал уделить особое внимание системе образования, от начального школьного и выше. Немаловажным

также считал вопрос престижности языка, т. к. условием проникновения и закрепления заимствований, по его мнению, является не только отсутствие обозначений для определённых новых понятий, но и желание отдельных лиц продемонстрировать владение лексикой языка с высоким статусом. З.Бехруз по этому поводу писал: «арабские слова [сейчас]. потеряли престиж и стали реже употребляться, но на замену им приходят европейские. Те, кто ранее читал по-арабски, сейчас читают по-французски или по-английски, щеголяя свободным владением им в речи, начинают прибегать к нему и в письме. Пройдёт время и языком политики и печати станет такой язык, правильно понимать который сможет лишь тот, кто владеет хотя бы одним европейским языком» [11, 179 по فرهنگ کوچک تازی بفارسی: ذبیح بهروز].

З.Бехруз указывал, что у ПЯ есть 3 пути пополнения своего терминологического состава: 1) заимствовать иноязычные термины все подряд, обосновывая это тем, что таким образом ПЯ вливается в сферу международного общения. Это действительно так, но тогда носителям ПЯ придётся быстро адаптироваться к потоку новых слов, а ещё лучше – сразу учить несколько европейских языков; 2) преградить путь европейским заимствованиям и ожидать, пока более сведущие «специалисты из Бейрута или Египта» создадут на основании арабской лексики эквивалент нового европейского слова и воспринять его не задумываясь над тем – точно ли оно передает понятие в условиях персидской лингвистической традиции; 3) последовать примеру европейских ученых и на основании коренной лексики с применением персидских словообразовательных моделей создавать простые и понятные эквиваленты новых понятий [5, 7].

Бехруз обращал внимание на западный опыт и писал: «Европейцы […]. создали язык эсперанто, которым можно овладеть в течение от полу года до года. Наш язык можно рассматривать как подобный эсперанто, он также имеет основы в словах, приставки и суффиксы, и их даже больше, чем в эсперанто. Нет необходимости создавать и учить такие простые слова как چشم, گوش, درخت, نان, آب . В таком случае, почему бы не пойти по пути упрощения языка и очистки от сложной иноязычной лексики?» [5, 209].

По мнению З.Бехруза, ПЯ прекрасно приспособлен для спонтанного терминообразования и народ ещё не потерял способность быстро и правильно создавать точные обозначения для новых понятий. Так, Бехруз, по воспоминаниям его единомышленника Анвара Хамеи, указывал, что «если прислушаться к речам людей на улице, можно услышать сотни слов, которые люди сами создают, например بادکنک (воздушный шарик (детская игрушка)), پیاده رو (тротуар), دست انداز (перила, поручни в транспорте), دوچرخه (велосипед), گلگیر (брызговики или крыло автомобиля, велосипеда) и др. Эти слова не Академия создала, они появились без того, чтобы кто-то над ними размышлял и вводил в употребление, их говорят и все их понимают» [5, 208].

Приводя аргументы в пользу перехода на чистый ПЯ, З.Бехруз указывал, что таким образом можно освободить носителей ПЯ от постоянного обращения к иностранным словарям чтобы узнать правильное значение какого-нибудь нового слова. Кроме того, персидский и арабский языки являются сильно отличающимися друг от друга на всех уровнях и, по его мнению, массовые заимствования из арабского язы-

ка заметно нарушают гармонию ПЯ, являющуюся результатом совершенствования последнего на протяжении нескольких тысячелетий. Во всех речах Бехруза заметно указание на культурное превосходство ПЯ над арабским. Он писал, что персидскому языку, в отличие от арабского, легко обучиться, он прост и богат одновременно, он мелодичен, но малейшее несоответствие (труднопроизносимые арабские слова) нарушает всю его прелесть [11, 176].

З.Бехруз также был сторонником идеи реформирования графики. Он предлагал принципиально иной подход, основанный на ассоциативной связи между фонемой и графемой. Данный подход раскрыт в двух его книгах – دبیره [2] и خط و فرهنگ [3]. Используя широкий круг источников, в том числе Коран и хадисы, Бехруз доказывал, что и латиница, и кириллица и арабская графика в своём истоке исходили из единой ассоциативной системы связи звука и его графического оформления. С течением времени эта связь стала менее заметна, но если её сделать более явной, то это облегчит овладение навыками чтения и письма для значительного числа неграмотного населения.

Мохаммад Мокаддам (1908-1996]. Его убеждённость в необходимости очищения ПЯ от ИЛЗ была настолько сильна, что он даже изменил своё имя и фамилию, имеющие арабское происхождение на иранизированную их форму и подписывался как مهمد مغدم (Mahmed Moqdam), при этом, он был убеждён, что оригинальное произношение фамилии было именно таковым, и лишь под влиянием арабской языковой и религиозной экспансии с течением времени приняло иную форму.

Первоначально основной сферой интересов М. Мокаддама был авестийский и древнеперсидский язык. Изучая язык древнего Ирана, Мокаддам установил тесные связи с другими специалистами в этой области, тогда же и произошло сближение его с З.Бехрузом, а потом и с С.Киа, вылившееся в создание общества «Иранвейдж». М. Мокаддам продолжил обучение в университете Бостона, где в 1938-ом году получил докторскую степень по филологии, после чего вернулся в Иран и приступил к преподаванию в Тегеранском университете.

Одной из главных заслуг М. Мокаддама является то, что ему удалось привлечь всеобщее внимание к проблеме научно-технической терминологии и содействовать её решению. Впервые им остро поднята была данная проблема в небольшой брошюре «Руководство по древнеперсидскому языку» (باستان راهنمای فارسی). Научно-техническую терминологию Мокаддам выделял как испытывающую наибольшую потребность в срочной систематизации, выраженной в определении четких семантических рамок терминов, выделении предпочтительного термина из ряда с синонимическими значениями и создании новых терминов-эквивалентов ИЛЗ. В создании новой научно-технической терминологии Мокаддам отводил народной массе роль судьи, но непосредственно терминотворчеством, по его мнению, должны заниматься только специальные институты. «Сегодня боль ПЯ – недостаток научно-технической терминологии и решением данной проблемы могут заниматься лишь те, кто знаком с научными принципами терминотворчества, знает специфику языка и владеет методикой терминотворческого процесса» [11, 183].

М. Мокаддам считал, что лишь два заведения могут иметь право заниматься терминотворчеством в области научно-технической лексики – университеты и Ака-

демия как высший представитель научной мысли. Может возникнуть представление, будто М. Мокаддам был сторонником Академии Ирана, однако в действительности он всегда выступал с критикой терминотворческой деятельности Академии, обвиняя её в искусственном замедлении пуристического процесса, принявшего к сер.1930-х гг. общенациональный характер. Мокаддам писал: «с недавних пор многие пробудившиеся и осознавшие всю сложность ситуации направили свои усилия на развитие персидского языка. Так как правитель страны покровительствовал этому движению, недоброжелатели, которые заправляли делами в области культуры страны, чтобы не потерять свои позиции, оказались вынуждены прислушиваться и повиноваться его (Реза-шаха). повелениям. Выход они нашли в том, что, завладев Академией Ирана, делали вид будто заботятся о развитии персидского языка, но в действительности создавали базу для развала его основ и препятствовали развитию языка [...]. Как мы видели, как только он [Реза-шах] ушёл, большая часть членов Академии раскаялась в своих делах (по очищению ПЯ) и возрадовалась той разрухе, причиной которой они стали (کارشکنی ها که کرده بودند شادی ها نمودند) [11, 183-184].

Языковой пуризм М. Мокаддама был направлен против лексических заимствований не какого-нибудь определённого языка или группы языков, а против всех иноязычных элементов в ПЯ, которые, по мнению Мокаддама, портят его естественную красоту и гармонию. М. Мокаддам, поясняя свои мотивы, писал: «Моя цель в пуризме (سره گرایی) – не вражда с арабским языком. Просто хочу персидский язык сделать более понятным, прогрессивным и красивым, хочу сделать так, чтобы овладение им стало проще» [11, 182-183].

М. Мокаддам считал, что значительная часть лексики арабского языка имеет древнеиранские корни и была заимствована арабами в доисламскую эпоху, а после завоевания Ирана и распространения ислама эта лексика в несколько изменённой форме повторно вошла в лексический состав уже обновлённого ПЯ. Какой бы ни была удачной пуристическая замена, считал М. Мокаддам, она должна пройти определённый этап адаптации и занять своё место среди другой лексики ПЯ. Особенно важен этот этап для неологизмов, призванных заменить иноязычное лексическое заимствование. «Несомненно, первый же раз, когда мы попробуем применить недавно созданное слово, воспримется оно нами как тяжёлое и неестественное. Ему следует смешаться с другой лексикой и потом, когда оно станет привычным, обнаружится его плавность, к которой мы привыкли с детства» [11, 184]. В качестве примера Мокаддам приводил термин ستاد ارتش (штаб армии), созданный в качестве замены для арабизма ارکان حرب. «Всего 20 лет назад. – пишет Мокаддам, когда мы хотели сказать ستاد ارتش – оно воспринималось как неестественное и трудное, но сейчас во всём Иране можно найти лишь одного-двух человек, которые, как и прежде, сказали бы ارکان حرب [11, 184].

В 1960-м г. Мокаддам был приглашен университетом штата Юта для чтения курса лекций по истории и культуре древнего Ирана. В 1964 году М. Мокаддам занял должность заместителя ректора Тегеранского университета по вопросам планирования и стратегии. Благодаря усилиям М. Мокаддама в том же году на базе Института литературы и естественных наук впервые в Иране была создана первая лингвистическая кафедра – кафедра общего языкознания и древних языков. Он руково-

дил ею вплоть до выхода на пенсию в 1968 г. С 1967 года М. Мокаддам также был членом Высшего совета культуры и искусств, а с 1969 по 1971-й – занимал должность заместителя министра науки и высшего образования.

Высокие должности позволили М. Мокаддаму оказывать значительное воздействие на весь пуристический процесс в Иране со второй пол.1960-х гг. Так, в 1968 г. именно в период нахождения его в составе Высшего совета культуры и искусств был инициирован вопрос о создании АЯИ и получено одобрение со стороны шаха. А в 1970 г., в период нахождения его на посту заместителя министра науки и высшего образования, АЯИ приступила к своей пуристической деятельности.

М. Мокаддам стал действительным членом АЯИ и принимал активное участие в её работе на всём протяжении её существования.

Садек Киа (1920-2001), самый молодой и активный деятель общества «Иранвейдж». Сразу после поступления в «Дар-оль-Фонун», переименованный в том же году в Тегеранский государственный университет, Киа погружается в научную жизнь, сближается со своими учителями – сторонниками языкового пуризма и становится членом «Иранвейдж». После завершения образования в 1941 г. С.Киа занимает должность в министерстве культуры и просвещения. В 1944 г. он получил докторскую степень и через год начинает параллельно преподавать в Тегеранском университете. Ему удаётся успешно совмещать педагогическую и научно-исследовательскую деятельность с административной.

К концу 1960-х гг. С.Киа руководил отделом фольклора при министерстве культуры и просвещения, а также занимал должность профессора Тегеранского университета и преподавал на кафедре среднеперсидского языка и литературы. С.Киа является автором нескольких фундаментальных работ по иранской диалектологии и справедливо считается отцом данного научного направления. В своих стихах С.Киа использовал архаизмы и вышедшие из употребления слова среднеперсидского языка вместо отдельных арабизмов.

Деятельность по организации АЯИ, начатая по инициативе М. Мокаддама, старшего товарища С.Киа, закончилась созданием Академии, во главе которой стал С.Киа и занимал этот пост на протяжении всего периода её деятельности.

Выводы и перспектива. Все трое лидеров «Иранвейдж» оказались вовлечены в процесс организации АЯИ, стали действительными её членами, а один из них, Садек Киа, возглавил Академию и был её бессменным руководителем. Таким образом, можно обоснованно говорить об относительной преемственности Академии Языка Ирана (1970-1979 гг.) и общества «Иранвейдж» (1935-1952 гг.).

Литература

1. Акбарипур А. Терминологическое строительство в Иране: диссертация.. кандидата филологических наук / Акбарипур Алиреза. – М., 2006. – 273 с. ил. 61 06-10 / 951
2. بهروز، ذبیح ، دبیره / تهران، ۱۳۱۳ ، ۷۹ ص / / بخش اول – الفبا و آموزش اجباری، بخش دوم – الفبا در ایران، بخش سوم الفبا در اروپا
3. تهران – چاپخانه بانک ملی ایران، 1947، 233 ص. بهروز، ذبیح ، خط و فرهنگ / / ایران کوده،
4. بیگدلی،محمد رضا ، احوال و افکار ذبیح بهروز / ماهنامه کلک ، شماره 100 – دوره جدید – شماره 6 ، آذر 1377. – ISSN X-1017 415 صفحه – از 33 تا 42
5. بهروز . – خامه‌ای، انور، چهار چهره: خاطرات و تفکرات درباره نیما یوشیج، صادق هدایت، عبدالحسین نوشین و ذبیح تهران: کتابسرا، ۱۳۶۸ . ۲۲۲ ص [۱۶]. ص- شرح.تصویر

6. ، و علوم انسانی دانشگاه دانشکده ادبیات دانشور کیان علی ، نگاهی اجمالی به سیر تاریخی لغت سازی علمی فارسی / مجله .تهران زمستان1382 و بهار1383. – ص. 101-120 – ISSN 1026-2288
7. صدیق عیسی ، توضیح در تاریخچه فرهنگستان / نامه فرهنگستان ، سال اول، آبان 1322 – شماره 4 ، ص. 1 – 5
8. نامه فرهنگستان" زمستان 1374 – شماره 4 . – ص. 132- / / صفارمقدم،احمد ، فرهنگستان دوم- پژوهش گاه واژه گزینی 142 ISSN 1025-0832
9. طرفداری علی محمد ، ملی گرایی، سره نویسی و شکل‌گیری فرهنگستان زبان فارسی در دوره پهلوی اول / فصلنامه گنجینه ISSN 1023-3652 اسناد ، سال بیستم، دفتر اول ، بهار 1389، ص.58-72
10. عطرفی علی اکبر، افرازنده منیژه ، سره گرایی در تاریخ ادب فارسی / فصلنامه تاریخ و ادبیات ، شماره مسلسل 64 (3) ، ISSN 2008-7349، ص.161-188
11. و مهمترين ي پهلوي نيكوبخت ناصر، غلامحسين غلامحسين‌زاده، فاطمه رنجبران، علل و عوامل تشديد سره‌گرايي در دوره پيامد آن ، فصلنامه علمی پژوهشی زبان و ادب فارسی – دانشکده ادبیات و زبان های خارجی دانشگاه آزاد اسلامی واحد سنندج / / ISSN 1023-7976– يال سوم / شماره 9 / زمستان 1390 . – ص. 151-176
12. – كتابسراى نيك – 190 صفحه – رقعي (شوميز) – چاپ 1 سال 1385 / وحيد ايوبي ، ذبيح بهروز: زندگي و گزيده آثار ISBN 964-8664-67-6

Сухоруков О. М. Члени групи «Іранвейдж» як ініціатори створення Академії Мови Ірану / О. М. Сухоруков // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 51–60.

У даній статті розглядаються окремі питання специфіки створення Академії Мови Ірану (1970-1979), відомої також як Другий Фархангестан, і ролі лідерів пуристичного руху Ірану в середині 20 століття, що об'єдналися в групу «Іранвейдж», в створенні даної Академії. Приділяється увага аналізу діяльності таких видатних ідеологів лексичного пуризму в перській мові, що входили до складу товариства «Іранвейдж», як Забіх Бехруз – засновник даної групи та ідейний лідер прихильників крайнього мовного пуризму в Ірані, Мохаммад Мокаддам – іменований «батьком сучасної іранської лінгвістики» за великі досягнення в цій галузі, який першим заявив про нагальну необхідність відтворення Академії Мови, і Садек Кіа – засновник іранської діалектології, голова відділу фольклору при міністерстві культури. Саме Садек Кіа зайнявся організаційною діяльністю, та очолив Академію Мови Ірану після указу шаха про її заснування.

Ключові слова: перська мова, лексичний пуризм, Іранвейдж, Академя Мови Ірану.

Sukhorukov O. M. The members of the group "Iranvajah" as initiators of the Academy of Iranian Language / O. M. Sukhorukov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 51–60.

The Academy of Iran, also known as the First Farhangestan, was established in Iran in 1935. Its main purpose was standardization of the Persian terminology that manifested in replacing of many foreign-language borrowings by words with Persian language basis. The activity of this Academy was carried out under the scrutiny of the Shah and was characterized by a moderate linguistic purism.

Some of the proponents of extreme forms of purism in Persian language centered on Zabih Behrouz – respected linguist recognized by the international scientific community, who couldn't became a member of the Academy of Iran because of his radical position.

In the same 1935 Z.Behruz creates a society "Iranvajah" that began to popularize the ideas of romantic nationalism by publishing educational and promotional materials. Puristic activities of the Academy of Iran ceased in 1941 with Reza Shah's leaving the political arena. But the activity of the "Iranvajah" aimed at the dissemination of ideas about the need to revive the former greatness of ancient Iran didn't stop. They considered pure Persian language (PL) one of the main attributes of Iran's great past.

First of all it is necessary to point out three outstanding personalities, united within a small society "Iranvajah". They are Zabih Behrouz – the founder of the society and the ideologist of the extreme linguistic purism in Iran, Mohammad Mokaddem – nicknamed as the "father of modern linguistics in Iran" for his great achievements in this field and Sadeq Kia – the founder of Iranian dialectology, the professor of Tehran University and the head of folklore department at the Ministry of Culture.

In the 1960s during the next round of top-initiated nationalist mood, the need to purify Persian language from foreign language borrowings was widely discussed. It was the leaders of "Iranvajah" who began to rule

Iranian purists, took the initiative to re-create a unified terminology center with broad powers in the form of the Academy of Iranian Language, and led its activity.

By the mid -1960s the three founders of the group "Iranvajah" had quite a high reputation among the clerisy. And at the conjuncture when nationalistic air was being intensified by the shah and European loan words were being penetrating PL with a great speed, it's naturally that the members of “Iranvajah” became the first (1963) to state about the necessity of protecting PL and speaking in support of centralized work on finding equivalents to foreign-language lexical loans through the revival of the Academy. Enlisting the support of the ministry of culture and art, M.Mokaddam and S.Kia began to promote the idea of PL purification even with the greater eagerness. The decree of establishing Academy came in 1970 and Sadeq Kia was appointed the head of the Academy.

The aim of this work – to highlight the degree of society "Iranvajah" members’ influence on the creation and activities of the Academy of Iranian Language (1970-1979). In order to reach the aim we needed: 1) to determine the nature of work of the society "Iranvajah"; 2) to examine the purist activity of the most active members of the society; 3) to determine the extent of their participation in the creation of the Academy of Iranian Language.

Key words: Persian language, linguistic purism, Iranvajah, Academy of Iranian Language.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 61–65.

УДК 821.222.1-1

«ИНДИЙСКАЯ» СКАЗКА В ПЕРЕВОДЕ САДЕКА ЧУБАКА

Минин В. А.

Таврического национального университета имени В.И.Вернадского
E-mail: v_minin@rambler.ru

В статье рассматривается одна из переводческих работ выдающегося иранского писателя Садека Чубака, его последнее опубликованное произведение «Махпаре». Изучается история происхождения английского варианта книги, ее перевод на персидский, а также место произведения в персидской и английской литературах.

Ключевые слова: современная персидская литература, персидская проза, Садек Чубак

Постановка проблемы. Основная часть исследователей творчества выдающегося иранского писателя Садека Чубака (1916 – 1998) в первую очередь занималась его художественными произведениями, лишь вскользь упоминая о переводах. И это при том, что переводы иностранных произведений на фарси, выполненные Чубаком, в Иране пользовались известной популярностью. Особого внимания заслуживает последняя работа Чубака, которая также стала и его последней опубликованной книгой – «Махпаре».

В XX веке некоторые иранские писатели начинали свою литературную деятельность в самом Иране, а затем продолжали ее за пределами страны в эмиграции. Иранский период творчества этих писателей сравнительно хорошо изучен и рассмотрен в работах как иранских, так и иностранных исследователей. Однако зарубежный период их творчества нередко оставался без должного внимания. Подобная судьба постигла и творчество Садека Чубака [1-3]. В иранский период жизни он снискал известность как в стране, так и за ее пределами. Однако, покинув страну, Чубак оказался за пределами поля зрения многих исследователей (в частности, советских и российских), хотя и на чужбине он активно продолжал свою творческую деятельность.

Последней завершенной работой Садека Чубака является «Махпаре» («Красавица»). Это перевод с английского языка книги «A Digit of the Moon», которая впервые увидела свет в 1898 году, почти за сто лет до публикации ее персидского перевода. На титульном листе тегеранского издания значится: «Махпаре. Индийские любовные рассказы. Перевод с санскрита Ф.В.Бэйна. Перевод с английского Садека Чубака». На человеке, указанном в качестве переводчика с санскрита, следует остановиться немного подробнее.

Френсис Уильям Бэйн (Francis William Bain) – английский писатель, автор ряда произведений, которые он называл переводами с санскрита. Бэйн родился 29 апреля 1863 года в семье английского историка Джозефа Бэйна. Он окончил престижную Вестминстерскую школу в Лондоне, а затем поступил в один из колледжей Оксфорда. После окончания колледжа он отправился в Индию, где на протяжении долгих

лет работал в университете города Пуна. Находясь в Индии Бэйн начал писать книги. Первое его произведение «A Digit of the Moon», было опубликовано в 1898 году. Книга сразу стала бестселлером, и только за следующие два десятка лет была двенадцать раз переиздана. В предисловии Бэйн пишет, что эта книга – перевод одной из шестнадцати глав более крупного произведения на санскрите, рукопись которого ему передал знакомый брахман незадолго до своей смерти.

Сразу после публикации «A Digit of the Moon» привлекла к себе внимание широких кругов читателей, в том числе и специалистов-индологов. Но в скором времени специалисты усомнились в существовании рукописи, на которую ссылался Бэйн. Затем они и вовсе потеряли интерес к нему, так как следующие книги этого писателя, созданные в похожем стиле, убедили ученых и критиков в том, что творчество Бэйна не более чем модная в то время литературная мистификация. Кроме того, сам автор, для привлечения внимания к своему произведению и придания ему большего веса, приписывает его другому автору или рассказывает удивительную историю его появления. После этого книги Бэйна стали восприниматься общественностью просто как развлекательное чтиво. Такие литературные мистификации довольно часто встречались в английской литературе 19 века. В качестве примеров, касающихся персидской литературы, можно привести «Похождения Хаджи-бабы» Джеймса Морьера (в предисловии к первому изданию книги автор приводит письмо некоего «персидского паломника», который просит опубликовать его дневники), или хайямовские четверостишия, переведенные Эдвардом Фитцджеральдом (большинство которых оказались вольным переводом, часть – компиляцией нескольких оригинальных четверостиший, а некоторые и вовсе принадлежали переводчику и были просто написаны в хайямовском духе).

Таким образом получается, что Чубак взялся за перевод повести Ф.Байна, действительно считая ее индийской сказкой, а не авторским произведением английского писателя.

В целом творчество Бэйна, несмотря на восторженный прием читательской аудитории, не заслужило благосклонности ни литературоведов, ни ученых-востоковедов, и в учебники по литературе этот писатель так и не попал. После смерти Ф.В.Бэйна, в 1940 г., европейцы практически потеряли интерес к нему, хотя время от времени его книги переиздаются. Серьезных работ, посвященных его творчеству нет, за исключением нескольких упоминаний в трудах индийских и английских исследователей, а также книги индийского ученого Кешава Муталика о жизни и творчестве Бэйна, опубликованной в 1963 году [5].

Интересна история перевода «A Digit of the Moon» на персидский язык. Садеку Чубаку эту книгу дал известный иранский писатель и переводчик Масуд Фарзад в 1941 году перед своим отъездом в Англию, и предложил перевести ее на персидский язык, сказав: «Эта книга красива как газели Хафиза. Я сам хотел перевести ее, но так и не дошли руки. Займись-ка ты этим». Чубак взялся за перевод только через сорок с лишним лет. Долгие годы он считал своей первоочередной задачей писать рассказы и не хотел тратить время на переводы. Да и возможностей заниматься творчеством у него было не так уж много – Чубак был вынужден тратить драгоценное время на работу в различных учреждениях, чтобы добывать средства к существованию.

В середине 70-х годов XX века Чубак вышел на пенсию. Он уехал из Ирана в Англию, а затем перебрался в Соединенные Штаты. В 1986 году он перечитал книгу. Она произвела на Чубака ошеломляющее впечатление и он, пожалев, что не перевел ее раньше, решил восполнить этот пробел.

Чубак перевел только семь из двадцати рассказов этой книги, когда на него обрушилось несчастье – он ослеп. Это изменило всю его жизнь. Привыкший к бумаге, чернилам, рукописям, книгам, он вдруг оказался оторванным от всего этого и потерял возможность читать и писать. Работа над переводом, так же как и над другими произведениями прекратилась.

В 1988 году Чубак познакомился с молодым человеком, который предложил время от времени приходить и читать ему вслух книги. Чубак согласился. Так шло время, молодой человек, имя которого Чубак не называет, приходил к нему, читал разные книги и беседовал с ним. Во время одной из встреч зашла речь о незаконченном переводе. Чубаку очень захотелось послушать то, что он уже успел перевести. К величайшему удовольствию самого Чубака рукопись была прочитана. Молодого человека книга поразила, поэтому он уговорил Чубака продолжить работу над переводом. Парень читал книгу на английском, Чубак слушал и диктовал персидский перевод, сохраняя тот же стиль, что он использовал в уже переведенной части книги [7]. Таким образом, перевод был завершен и Чубак был безгранично благодарен своему помощнику.

Дальнейшие заботы по подготовке книги к публикации взяла на себя супруга Чубака Кодси. Она еще раз перечитала для него английский и персидский варианты книги, текст был в последний раз отредактирован. Затем Кодси занялась всеми делами, непосредственно связанными с изданием книги: следила за процессом подготовки к публикации в издательстве, корректировала набранный и сверстанный текст. В 1991 году книга была впервые опубликована в тегеранском издательстве «Нилуфар» [6], а затем еще несколько раз переиздана как в Иране, так и за его пределами.

Чубак очень серьезно относился к этому переводу. Он старался сделать его максимально близким к английскому тексту по смыслу, ни слова не упустить и ничего лишнего не добавить. Название персидского перевода подобрано очень удачно. По словам Ф.В.Бэйна, «a digit of the moon» (частица луны, лунное число) – один из эпитетов красивой женщины в индийской мифологии [4]. Чубак назвал книгу «Махпаре», что переводится как «красавица». Само слово «Махпаре» состоит из тех же компонентов, что и английское название – «мах» (луна) и «паре» (кусок, частица). Дословно это название можно перевести так же как и английское – «частица луны». Чубак, вероятно, считал, что английский вариант книги действительно является переводом с санскрита, а не плодом воображения английского писателя. Он тщательно подбирал слова и выражения, стараясь как можно более точно передать индийскую атмосферу сказок. «A Digit of the Moon» была написана Бэйном в форме обрамленной повести, где разрозненные рассказы объединяются общей сюжетной «рамкой». Этот жанр хорошо знаком каждому иранцу по классической персидской прозе. Культура, природа, жизнь и быт Ирана и Индии намного ближе друг к другу, чем к английским реалиям. Возможно, поэтому в устах Чубака книга приобрела новый облик. Для персоязычного читателя она намного ближе по духу и звучанию,

чем английский вариант для западной аудитории. Когда «Махпаре» была опубликована в Тегеране, иранские исследователи и, тем более, читатели были вполне удовлетворены авторским предисловием к этой книге, и проблема авторства исходного произведения, или его культурной принадлежности не поднимается. Таким образом, книга считается индийской.

Для того чтобы отразить в персидском произведении специфику древнеиндийской сказки Чубак прибегает к ряду простых, но весьма эффективных стилистических приемов. Рассмотрим использованные ресурсы на разных уровнях языка.

На уровне *синтаксиса* не заметны какие-либо серьезные отклонения от норм современного литературного персидского языка. Используются как простые, так и сложные предложения. Сложные предложения могут содержать элементы, характерные для книжно-письменных стилей: определительные конструкции, причастные обороты, однородные члены предложения и т.п. Четко соблюдается порядок расположения составных членов предложения. Служебные слова (предлоги, союзы и союзные слова) не опускаются.

На *фонетическом* уровне нет никаких отличий от литературной нормы. Это является одним из стилистических ресурсов, позволивших Чубаку приблизить стиль «Махпаре» к средневековым персидским дастанам. В современной персидской прозе особенно после начала процесса демократизации языка (нач. XX в.) серьезно изменилась речь героев художественных произведений. Придерживаясь литературных норм в словах автора, писатели вкладывали в уста своих героев живую разговорную речь, пытаясь даже письменно изобразить просторечную фонетику. Это требует некоторых нарушений орфографических норм, постольку нормативное правописание не позволяет передать колорит живого языка. Чубак, который точно таким же образом поступал в других своих произведениях, в «Махпаре» отошел от этого, заставив своих героев изъясняться в манере средневековых персидских дастанов.

На *лексическом* уровне заметно использование стилистически окрашенных слов. К их числу можно отнести многочисленные стилистические синонимы, использованные вместо нейтральных слов. Например, вместо глагола *guš kardan* он использует *guš farādāštan*, что абсолютно не характерно для нейтральных или просторечных высказываний. В значениях «старший» и «младший» используются устаревшие слова *kahtar* и *mehtar*, и т.п.

На уровне *морфологии* заметно использование устаревших грамматических форм, которые придают повествованию оттенок возвышенности. В частности, послелог *rā* может использоваться в притяжательной функции, а также вместо предлога *be* для управления глаголом *goftan.* Простое прошедшее время глаголов нередко образуется с использованием устаревшей ныне приставки *be*. Также в качестве частицы отрицания в некоторых случаях используется *ma* вместо *na.*

Выводы и перспектива. Исходя из вышесказанного, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, произведение, которое в Иране считается индийской сказкой, на самом деле является литературной мистификацией. В конце 19 века английский писатель написал свое произведение в индийском стиле и придумал занимательную историю обнаружения рукописи, якобы послужившей источником для перевода.

Во-вторых, несмотря на то, что оригинал был написан изначально на английском языке, талантливый иранский писатель, находясь в неведении, сумел создать прекрасный образец переводной литературы именно в том виде, как он выглядел бы при переводе с санскрита или хинди.

Чтобы сделать перевод похожим на средневековый текст, Чубак использовал несколько простых, но в то же время эффектных приемов: все герои его произведения изъясняются красивым литературным языком, характерным для средневековых персидских дастанов (в отличие от произведений современных авторов); используется стилистически маркированная лексика, придающая тексту возвышенную окраску; используются устаревшие грамматические формы, не характерные для современного персидского языка.

Литература

1. История персидской литературы XIX – XX веков. – М.: Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1999 – 535 с. ISBN: 5-02-018016-5.

2. Ахмад Тамимдари. История персидской литературы / Тамимдари Ахмад – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – 240 с. ISBN: 5-85803-355-4.

3. Дорри Дж.Х. Литература современного Ирана (персидская проза XX века). Учебное пособие / Дж.Х. Дорри – М.: Военный университет, 1998. – 316 с.

4. A Digit of the Moon. A Hindoo Love Story [Translated from the original MS by F.W.Bain]. – Thirteenth edition. London: Methuen & Co. Ltd 36 Essex Street W.C., 1919. – xviii + 118 p.

5. Mutalik, Keshav. Francis William Bain. – Bombay: University of Bombay, 1963. – 207 pp.

6. ISBN: 9789645858221 ص۱۲۸. – ۱۳۷۷صادق چوبک. مهپاره. تهران، انتشارات نیلوفر،

7. «صادق چوبک» و «مهپاره» [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // kalam.se / t-chubak-mahpareh.htm

Мінін В. О. «Індійська» казка в перекладі Садека Чубака / В. О. Мінін // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 61–65.

У статті розглядається одна з перекладацьких робіт видатного іранського письменника Садек Чубака, його останній опублікований твір «Махпаре». Вивчається історія походження англійського варіанту книги, її переклад на перську, а також місце твору в перської та англійської літературах.

Ключові слова: сучасна перська література, перська проза, Садек Чубак

Minin V. "Indian" story in translation of Sadeq Chubak / V. Minin // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 61–65.

The article discusses one of the translation works of outstanding Iranian writer Sadeq Chubak, his last published work, "Mahpare." We study the history of the origin of the English version of the book, its translation into Persian, as well as the place of the work in Persian and English literature.

Key words: modern Persian literature, Persian prose, Sadeq Chubak

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 66–72.

ЗАИМСТВОВАНИЯ АРАБСКИХ МАСДАРОВ 1 ПОРОДЫ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Джемалитдинов В. Э.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
E-mail: mudarris31@mail.ru

Одним из источников развития словарного состава любого языка является заимствование слов, которое происходит в результате различных контактов. Заимствование арабской лексики тюркскими языками началось после завоевания арабами Византии, Ирана, Средней Азии и других государств. На завоеванных территориях арабы, прежде всего, стремились распространять свою религию – Ислам. Распространение ислама на территории Крыма, следствием которого было усиленное проникновение арабских элементов в лексический состав крымскотатарского языка, относится к 13-14 векам.

Имя действия “масдар” передаёт абстрактное название действия или состояния без каких-либо указаний на лицо, время, залог и другие конкретные характеристики глагола. Оно включается в систему глагола и рассматривается вместе с ним как категория, регулярно образуемая от всех глаголов и глагольных основ – простой и производных – и имеющая точки соприкосновения с глаголом по своему управлению. Для имени действия глаголов простой основы 1 породы существует свыше сорока моделей. От каждого глагола оно образуется либо по одной модели, либо по двум или нескольким. Грамматические вариации осуществляются в рамках так называемых пород глаголов, то есть особых глагольных основ, измененных по отношению к исходной глагольной основе.

В результате данного исследования можно сделать вывод о том, что арабизмы глубоко усвоены лексической системой крымскотатарского языка, они активно участвуют в крымскотатарском словопроизводстве, образуя целые пучки производных слов, относящихся к различным частям речи. При помощи суффиксов крымскотатарского языка на базе арабизмов возникли большие группы имен существительных, прилагательных и глаголов.

Постановка проблемы. Лексический состав крымскотатарского языка состоит из двух больших пластов: общетюркский пласт и заимствованная лексика. Среди заимствованных слов самый большой процент составляют арабизмы, которые письменно фиксируются в крымскотатарских словарях начиная с XIII века (Codex Cumanicus).

Арабские заимствования, проникшие в крымскотатарский язык в основном после принятия крымскими татарами религии Ислам, в заимствованном языке подверглись значительным изменениям, как в области фонетики, так и морфологии.

Изучение морфологических изменений заимствований на новой языковой почве является актуальным, так как арабский и крымскотатарский языки относятся к разным языковым группам: первый – к семитской, второй – к тюркской.

Объектом изучения являются масдары 1 породы, которые наиболее часто встречаются в крымскотатарском языке.

Цель исследования – выявить различные изменения масдаров указанной породы на новой языковой почве и детально их описать.

Задачи. Определить употребление масдаров 1 породы и выявить их типы. Исследовать фонетические соответствия и различия масдаров в принимающем крымскотатарском языке.

Одним из источников развития словарного состава любого языка является заимствование слов, которое происходит в результате различных контактов. Сложная проблема взаимодействия языков и языковых контактов, когда тесно переплетаются факторы лингвистические, социальные и этноисторические, всегда находилась в центре внимания лингвистов. Объектом их исследований были причины, условия и результаты взаимовлияния языков.

Среди значительного количества иноязычных слов в лексическом составе современного крымскотатарского литературного языка заметное место занимают арабские заимствования (более 18 %), проникавшие в основном в результате политических, экономических, культурных и других видов контактов крымских татар с арабами [6, 171].

Заимствование арабской лексики тюркскими языками началось после завоевания арабами Византии, Ирана, Средней Азии других государств. На завоеванных территориях арабы, прежде всего, стремились распространять свою религию – Ислам. Для этого вместе с военными отрядами в походах участвовали и представители духовенства. Исламизация покоренных народов способствовала широкому распространению арабского языка.

Распространение ислама на территории Крыма, следствием которого было усиленное проникновение арабских элементов в лексический состав крымскотатарского языка, относится к 13-14 векам. Так, уже в 13 веке в Крым стали прибывать проповедники ислама из различных городов мусульманского мира, в основном из Дамаска, сельджукской Конии, Бухары и Хорезма. Названия этих крупных городов встречаются в надписях на памятниках материальной культуры той эпохи – на зданиях мечетей, на надгробиях, огромное количество которых было найдено в Старом Крыму и Отузах во время раскопок, проведенных археологическими экспедициями в 1925-1926 и 1928 годах.

Прежде чем приступить к подробному изучению проблемы заимствования масдаров, попытаемся раскрыть суть самого понятия “ масдар” в арабском языке.

Имя действия “ масдар” передаёт абстрактное название действия или состояния без каких-либо указаний на лицо, время, залог и другие конкретные характеристики глагола. Оно включается в систему глагола и рассматривается вместе с ним как категория, регулярно образуемая от всех глаголов и глагольных основ – простой и производных – и имеющая точки соприкосновения с глаголом по своему управлению. Арабские грамматисты называют имя действия аль масдар – источником, так как считают эту категорию семантическим источником всех глагольных форм [3, 186].

Для имени действия глаголов простой основы 1 породы существует свыше сорока моделей. От каждого глагола оно образуется либо по одной модели, либо по двум или нескольким. Общих правил не существует, но можно указать некоторые тенденции для наиболее часто встречающихся:

1. فَعْلٌ [fa‘l] – فَتْحٌ – [fath] – فَتَحَ [fataha] – “открывать”;
2. فِعْلٌ [fi‘l] – عِشْقٌ [‘işq] – عَشِقَ [‘ašiqa] – “любить, быть влюблённым”;
3. فَعَلٌ [fa‘al] – حُسْنٌ [husn] – حَسُنَ [hasuna] – “быть хорошим”;
4. فَعَالٌ [fa‘āl] – خَلَاصٌ [ħalāş] – خَلَصَ [ħalaşa] – “спастись”;
5. فَعْلَةٌ [fa‘lat] – مَزْقَةٌ [mazqat] – مَزَقَ [mazaqa] – “разорвать”;
6. فُعْلَةٌ [fu‘lat] – صُحْبَةٌ [şuhbat] – صَحِبَ [şahiba] – “быть другом”;
7. فَعَالَةٌ [fa‘ālat] – سَنَاخَةٌ [sanāħat] – سَنِخَ [saniħa] – “быть горьким”;
8. فُعُولٌ [fu‘ūl] – سُنُودٌ [sunūd] – سَنَدَ [sanada] – “опираться”;
9. فَعِيلٌ [fa‘īl] – عَجِيجٌ [‘agīg] – عَجَّ [‘agga] – “кричать, шуметь”;
10. فِعَالَةٌ [fi‘ālat] – زِيَارَةٌ[ziiārat] – زَارَ [zāra] – “посетить”;

Вопросы морфологического освоения арабизмов принимающим языком приобретают огромное значение, так как арабский и крымскотатарский языки относятся к разным типологическим группам, структурно далеким друг от друга.

Как известно, арабский язык относится к семитским языкам и обладает не только своеобразным фонетическим строем, но и особой грамматической системой. В арабском языке корень слова состоит только из согласных звуков (чаще всего из трёх, реже – четырех и пяти), составляющих как бы скелет слова. Корень слова обычно имеет определенное лексическое значение (в большинстве случаев обозначает какое-либо действие, предмет, признак и т.п.). Гласные звуки в составе слова модифицируют значение корня и выражают грамматические отношения. Изменение структуры слова путем варьирования гласных (внутренняя флексия) и некоторых согласных в префиксах, инфиксах суффиксах – характерная черта морфологии арабского языка.

Грамматические вариации осуществляются в рамках так называемых пород глаголов, то есть особых глагольных основ, измененных по отношению к исходной глагольной основе. Из общего числа пятнадцати арабских пород (обозначаемых обычно римскими цифрами) наиболее употребительны 1-8 и 10. В крымскотатарском языке корень слова также выступает в качестве самостоятельного слова, имеющего реальное вещественное значение и определенную грамматическую форму. Однако, существенное отличие корня слова в крымскотатарском языке от такового в арабском заключается в том, что в принимающем языке корень слова, как правило, неизменяем и в основном сохраняет свой фонетический облик независимо от того, в какой грамматической форме это слово выступает, и какой аффикс эту форму выражает. В принимающем языке структура слова более прозрачна, то есть легче анализируется, чем структура слова в дающем языке, где вычленение корня представляет определенные трудности в связи с различными вариациями гласных и некоторых согласных в составе слова. Значительную часть арабизмов в крымскотатарском языке составляют отглагольные именные образования – масдары (имя действия) различных пород и типов. Среди заимствованных арабских слов есть и причастия действительного и страдательного залогов, имена прилагательные (качест-

венные и относительные), имена места, имена деятеля, имена орудия, наречия и др [4, 79-80].

Масдары (имена действия). Заимствованные масдары в принимающем языке употребляются самостоятельно в большинстве случаев как имена существительные (иногда как имена прилагательные), служат основой для образования производных существительных, прилагательных и глаголов.

Масдар 1 породы в арабском языке имеет более сорока типов, однако, в принимающем языке представлены лишь некоторые из них.

1 Тип 1 а / е 2 ы / и 3 (где 1, 2, 3 условно обозначаемые три коренные согласные): وَقْتٌ [ụakt] – вакъыт – "время"; نَشْرٌ [našr] – нешир – "издание"; عَشْقٌ [ʻašq] – ашыкъ – "любовь"; دَفْنٌ [dafn] – дефин – "похороны"; ضَعِيفٌ [ḍaʻīf] – зайыф – "слабый"; رَسْمٌ [rasm] – ресим – "рисунок"; نَجِيبٌ [nagīb] – неджип – "знатный"; مَدْحٌ [madh] – медих – "хвала"; شَكْلٌ [šakl] – шекиль – "образ";

В крымскотатарском языке нет согласной ع-айн, поэтому этот звук не произносится в начале и середине слова – ашыкъ, зайыф.

2 Тип 1 ы / и 2 ы / и 3: كَبِيرٌ [kabīr] – кибир – "высокомерный"; قِسْمٌ [qism] – къысым – "часть";

3 Тип 1 у / ю 2 у / ю 3: نُفُوذٌ [nufūz] – нуфуз – "влияние"; غُرُورٌ [ġurūr] – гъурур – "гордость";حُدُودٌ [hudūd] – удут – "граница"; ظُلْمٌ [ẓulm] – зулум – "гнёт"; نُطْقٌ [nuṭq] – нутукъ – "речь";

4 Тип 1 а / е 2 е 3: ظَفَرٌ [ẓafar] – зафер – "победа"; بَدَنٌ [badan] – беден – "тело"; نَفَسٌ [nafas] – нефес – "дыхание";

5 Тип 1 а / е 2 а 3: غَضَبٌ [ġaḍab] – гъадап – "гнев"; مَسَافَةٌ [masāfat] – месафе – "расстояние"; نَظَرٌ [naẓar] – назар – "взгляд"; صِنَاعَةٌ [şinā'at] – санат – "искусство"; خَرْبٌ [ħarb] – харап – "разрушение"; فَرَحٌ [farah] – ферах – "радость"; دَوَامٌ [daụām] – девам – "продолжение";

6 Тип 1 а / е 2 3: شَرْقٌ [šarq] – шаркъ – "восток"; غَرْبٌ [ġarb] – гъарп – "запад"; شَرْطٌ [šarṭ] – шарт – "условия";

Этот тип отличается от первого тем, что между вторым и третьим согласным нет вставочного гласного как в арабском, так и в крымскотатарском языках.

7 Тип 1 а / е 2 а / е 3 ет: عَدَالَةٌ [ʻadālat] – адалет – "справедливость"; حَرَارَةٌ [harārat] – арарет – "температура"; مَهَارَةٌ [mahārat] – маарет – "исскуство";

8 Тип 1 ы / и 2 а 3 ет: عِبَادَةٌ [ʻibādat] – ибадет – "моление, молитва"; كِفَايَةٌ [kifāịat] – кифает – "достаточность"; جِنَايَةٌ [gināịat] – джинайет (лит. – орф. джинает) – "преступление";

9 Тип 1 а / е 2 3 ет: غَفْلَةٌ [ġaflat] – гъафлет – "незнание, неведение";عُسْرَةٌ [ʻusrat] – асрет – тоска; رَحْمَةٌ [rahmat] – рамет – "сострадание";دَعْوَةٌ [daʻvat] – давет – "приглашение"; نَفْرَةٌ [nafrat] – нефрет – "отвращение, отторгание";

В принимающем языке в словах – ***удут*** и ***арарет*** выпал начальный ***h*** ; в словах ***маарет*** и ***рамет*** звук *h* после первого корня не произносится.

10 Тип 1 у / ю 2 3 ет: ظُلْمَةٌ [ẓulmet] – зульмет – "темнота"; قُوَّةٌ [quvvat] – къувет – "сила";

Арабизмы, являющиеся по форме масдаром 1 породы, функционируют в принимающем языке как имена существительные с процессуально- предметным или собственно предметным значением. Некоторые из них служат основой для образования:

1) новых имен существительных при помощи продуктивных аффиксов принимающего языка – ***лыкъ / -лик***: сатыр – "строчка, строка", сатырлыкъ – "в …строк, строки" джевап – "ответ", джеваплыкъ – "для ответа (джеваплыкъ сёзлер – слова для ответа)";

2) имен прилагательных при помощи крымскотатарских продуктивных аффиксов – ***лы/ ли***, ***-сыз / сиз***: виждан – "совесть", виждданлы – "совестливый", виждансыз – "бессовестный, бессердечный", нуфуз – "влияние, авторитет", нуфузлы – "влиятельный (нуфузлы инсан – влиятельный человек)", нуфузсыз – "невлиятельный"; шекиль – форма, образ, шекилли – имеющий (какую-л.) форму, конфигурацию;

3) производных глаголов синтетического типа, путем присоединения крымскотатарских продуктивных глаголообразующих суффиксов – ***ла / -ле***, ***-лан / -лен, -лаш / -леш***: кедер – "горе, печаль", кедерленмек – "огорчаться, опечаливаться"; харап – "разрушенный, опустошённый", харапламакъ – "разрушать, портить"; гъурур – гордость, гъурурланмакъ – гордиться;

4) сложных глаголов аналитического типа. При этом, грамматикализованными (вспомогательными) словами в принимающем языке обычно выступает глагол – ***этмек***, реже – ***алмакъ, япмакъ, бермек*** и др.: ибадет – "моление", молитва ибадет этмек – "молиться"; изаат – "разъяснения, пояснения, толкование", изаат алмакъ – "получить разъяснение"; ашкъ – "любовь", ашкъ олмакъ – "влюбиться"; эсап – "счет, подсчет, отчет", эсап бермек – "отчитываться" и т.п.

Выводы и перспектива. В результате данного исследования можно сделать вывод о том, что арабизмы глубоко усвоены лексической системой крымскотатарского языка, они активно участвуют в крымскотатарском словопроизводстве, образуя целые пучки производных слов, относящихся к различным частям речи. При помощи суффиксов крымскотатарского языка на базе арабизмов возникли большие группы имен существительных, прилагательных, глаголов. В сфере имен существительных особую активность проявляют аффиксы -джы / -джи / -чы / -чи, / -лыкъ / -лик, в именах прилагательных – лы / -ли, -сыз / -сиз, в глаголах – ла/ -ле, -лан/ -лен, -лаш/ -леш.

Полисемичные арабские лексические единицы заимствовались крымскотатарским языком, как правило, в одном значении, остальные же значения многозначного арабского слова заменяются либо исконно крымскотатарским словом, или же заимствованными из других языков.

В настоящее время происходит постепенный процесс замены арабизмов исконными словами принимающего языка. Так, арабизм лисан – язык вытеснен общетюркским словом тиль; арабизм – *небат* – "растение" уступил место крымскотатарскому слову – *осюмлик* и др.

Литература

1. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении / Б. М. Гранде. – 2-е изд.: Восточная литература РАН. М., 1998. – 254 с.

2. Григорьев А.П. Книга путешествий Эвлия Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667 гг.) / А.П. Григорьев. – Симферополь: Таврия 1996. – 225 с.

3. Кузьмин С.А. Учебник арабского языка / С.А. Кузьмин. – М.: Восточная литература РАН 2001. – 371 с.

4. Меметов А.М. Иноязычные заимствования в крымскотатарском языке / А.М. Меметов. – Ташкент, 1990. – С. 69 – 85.

5. Меметов А.М. Источник формирования лексики крымскотатарского языка / А.М. Меметов. – Ташкент: Фан, 1988. – С. 35 – 64.

6. Меметов А.М. Лексикология крымскотатарского языка. Учебное пособие / А.М. Меметов. – Крымучпедгиз, 2000. – С. 3 – 192.

7. Сайфидуллина Р.Р. Арабская лингвистическая традиция и ее отражение в истории татарского языка / / Культурные традиции в Евразии. Из серии Восток – Запад: Диалог культур. Вып. 4. – Казань: Фэн, 2003.

8. Арабско-русский словарь: [арабско-русский словарь / составитель Х.К. Баранов – В 2 т. – 11-е изд., стереотип.] – М.: Живой язык, Х.К. Баранов, 2006. – 456 с. – ISBN5-8033-0377-1(т.1) ISBN 5-8033-0371-2

9. Крымскотатарско-русский словарь [крымскотатарско-русский словарь / составитель Усеинов С. М.] – Симферополь, 2005. – 359 с.

10. Русско-арабский словарь: [Более 42000 слов: Под ред. В.М. Белкина: русско-арабский словарь / составитель В.М.Борисов] – М.: Валерий Костин, 2008.-1120 с. – ISBN 978-5-901278-06-2

Джемалітдінов В. Е. Запозичення арабських масдарів І породи в кримськотатарській мові / В. Е. Джемалітдінов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 66–72.

Одним з джерел розвитку словникового складу будь-якої мови є запозичення слів, що відбувається в результаті різних контактів. Запозичення арабської лексики тюркськими мовами почалося після завоювання арабами Візантії, Ірану, Середньої Азії інших держав. На завойованих територіях араби, насамперед, прагнули поширювати свою релігію – Іслам . Поширення ісламу на території Криму, наслідком якого було посилене проникнення арабських елементів в лексичний склад кримськотатарської мови, відноситься до 13-14 століть. Ім'я дії " Масдар " передає абстрактна назва дії чи стану без будь-яких вказівок на обличчя, час, заставу та інші конкретні характеристики дієслова. Воно включається в систему дієслова і розглядається разом з ним як категорія, регулярно утворена від усіх дієслів і дієслівних основ – простий і похідних – і має точки дотику з дієсловом по своєму управлінню . Для імені дії дієслів простої основи 1 породи існує понад сорок моделей. Від кожного дієслова воно утворюється або по одній моделі, або по двох або декільком . Граматичні варіації здійснюються в рамках так званих порід дієслів, тобто особливих дієслівних основ, змінених по відношенню до вихідної дієслівної основі.

В результаті даного дослідження можна зробити висновок що арабізми глибоко засвоєні лексичної системою кримськотатарської мови, вони активно беруть участь у кримськотатарському словотворенні, утворюючи цілі пучки похідних слів, що відносяться до різних частин мови . За допомогою суфіксів кримськотатарської мови на базі арабізмів виникли великі групи іменників, прикметників, дієслів .

Dzhemalitdinov V. E. Borrowing of Arabic Masdar of I type in the Crimean Tatar language / V. E. Dzhemalitdinov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 66–72.

The primary aim of the research is to identify different changes of masdars of specified types of verb on the new language ground and to describe them in detail. Tasks. To identify the use of masdars of the first type and to identify their types. To research phonetic suitability and differences of masdars in accepting Crimean Tatar language.

One of the sources of development of language's vocabulary is borrowing of the words, which occurs as a result of different contacts. Loan of the Arabic vocabulary by Turkic languages began after Arabic gains of Byzantium, Iran, Central Asia and other states. First of all, in the won territories Arabs sought to extend the religion Islam. Spread of Islam in the Crimean territories, in consequence of which was the strengthened penetration of the Arab elements into lexical structure of Crimean Tatar language, belongs to 13-14 centuries.

The action name "masdar" transfers the abstract name of action or a condition without any instructions to the person, time, pledge and others characteristics of verb. It enters into the system of verb and is considered as the category, which is regularly formed from all verbs and verbal bases – idle time and derivatives – and

has a common ground with a verb in conducting. There are over forty models for a name of action of idle time's verbs of the first breed. From every verb, it is formed on one model, or on two models. Grammatical variations are carried out within so-called types of verbs, the special verbal bases that were changed in relation to an initial verbal basis. Some of them are a basis for education:

new nouns with a help of productive affixes of accepting language – lik;

adjectives with a help of Crimean Tatar productive affixes – li-; -siz;

derivative verbs of synthetic type, by accession of Crimean Tatar productive verb suffixes–la / -le, -lan / -len, -lash / -lesh;

different verbs of analytical types.

Thus, the verb "этмек"usually acts as auxiliary word in accepting language, more rare – алмакъ, япмакъ, бермек, etc.: сабыр – patience, сабыр этмек – to suffer, take out; нотфес – a sigh, breath, нотфес алмакъ – to breathe; уджюм – attack, attack, уджюм япмакъ – to attack, attack; эсап – the account, calculation, the report, эсап бермек – to report, etc.

As a result of this research it is possible to draw a conclusion that arabisms are deeply acquired by lexical system of Crimean Tatar language, they actively participate in Crimean Tatar vocabulary, forming the whole bunches of the derivative words relating to various parts of speech. By means of suffixes of Crimean Tatar language on the basis of Arabisms there were big groups of nouns, adjectives, verbs. In the sphere of nouns special activity is shown by affixes – dzhy / – dzhi / -chy / -chi / . – alyk, in adjectives – lı / -li. – syz / -siz, in verbs – la/ -le. – lan/ -len, -lash/ lesh.

Now there is a gradual process of replacement of Arabisms by aboriginals of accepting language. So, the Arabism "Lisan" – "language "is forced out by the all-Turkic word тиль; the Arabism "Nebat"– a plant gave way to the Crimean Tatar word осюмлик.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 73–81.

УДК – 81.161.1 = 512.161 + 347.78.034

ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ ЗНАКА ДЛЯ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ТУРЕЦКИХ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»)

Гванцеладзе А. Н.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
E-mail: annagvantseladze@hotmail.com

В статье рассматриваются понятия «значение» и «смысл» с точки зрения лингвистики, психологии, психолингвистики и философии, приводятся взгляды на значение слова как основы лексических, лексико-семантических и грамматических трансформаций.

Автор определяет соотношение значения и смысла, плана выражения и плана содержания языкового знака, пытается систематизировать теоретическую основу взаимовлияния лексического состава высказывания на его синтаксическую структуру при переводе.

Ключевые слова: тюркские языки, турецкий язык, русский язык, теория перевода, значение, смысл, знак.

Постановка проблемы. Переводная коммуникация имеет дело не с изолированными значениями отдельных слов, а с контекстом, для передачи которого часто используются лексические и лексико-семантические трансформации. Раскрытие смысла неизбежно ведет преобразованию исходного сообщения, что требует от переводчика четкого понимания контекста, обширных фоновых знаний, осведомленности в экстралингвистической ситуации. Значение и смысл, а также их взаимовлияние когда речь заходит об эквивалентности исходного и переводного текстов, основаниях лексико-семантических трансформаций, определении степени семантических сдвигов, критериях оценивания перевода.

Цель исследования состоит в определении роли «значения» и «смысла» высказывания и его конструктов для переводной коммуникации. Для реализации поставленной цели предполагается решить ряд **задач: 1)** дать определение понятиям «значение» и «смысл» с точки зрения лингвистики, психологии, психолингвистики и философии, **2)** на примере русских и турецких параллельных текстов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» проанализировать взаимовлияние семантики высказывания и его синтаксической структуры.

Объектом исследования стали сложносочиненный союзные предложения и переводческие эквиваленты этих конструктов.

Методология. Методологической основой исследования служат описательный, сравнительно-сопоставительный, контекстный и семантический анализ.

Переводчик работает с текстами, передающими некоторый смысл, раскрывающими интенцию автора. Тексты состоят из предложения, а последние – из слов. Для

теории перевода слово ценно не только как лексема, наделенная значением и указывающая на денотат, но и как конструкт предложения. Стоит отметить, что лексическая суть слова реализуется в окружении других слов. В свете вышесказанного, слово «есть …форма отношений между морфемами и предложениями, которые являются основными функциональными единицами речи, …определенным образом оформленное, берущее то побольше, то поменьше из концептуального материала всей мысли» [1, 19].

По мнению А. Д. Швейцера «семантические отношения, или отношения между означающим и означаемым, являются одним из наиболее существенных аспектов теории перевода» [2, 111], которая сочетает в себе несколько подходов к определению значения слова и рассматривает его в комплексе с позиции лингвистики, психолингвистики и философии.

Под «значением» подразумевают лексическое значение слова, часто определяемое как его денотативное содержание, «оформленное по законам грамматики» [3, 169] и направленное на реальную действительность. Иначе говоря, значение слова трактуется как объяснение его сути, описание его признаков, назначения и т.д.

Любомир Дюрович определяет значение как «сумму имплицитных отсылок к не-языку», которые призваны называть предмет или явление [4, 69].

Т. Е. Карлова говорит о значении слова как об отражении действительности в языке [5].

Э. Косериу рассматривает значение как закрепленную «в конкретном языке возможность для определенных обозначений». Значение ученый определяет как «содержание, создающееся в конкретном языке на основе существующих в нем оппозиций как в грамматическом строе, так и в словарном составе», тогда как обозначение соотнесено с «именуемой в каждом языковом случае действительностью», то есть с предметами или явлениями [6, 63 – 81].

Ю. Д. Апресян отмечает, что разложение «ненаучного значения слова» на компоненты, или семы «обходится без синтаксиса», тогда как «всякое лексическое значение обладает синтаксической структурой» [7, 9 – 10].

Вслед за В. В. Виноградовым Л. К. Латышев отмечает, что «строительным материалом, из которого создаются тексты, являются знаки» [8, 98]. Переводная коммуникация предполагает два процесса осмысления и передачи коммуникативной интенции автора от значения конкретного знака к вычленению мысли автора в одном случае, и от целого – т.е. от идеи – к частному – то есть выбору знаков языка перевода (ПЯ) в соответствии с их значением – для правильной передачи цели коммуникации.

Говоря о значении важно определить, что такое знак. М. П. Кочерган характеризует знак как «матеріальний, чуттєво сприйманий предмет, який є представником іншого предмета і використовується для отримання, збереження і передачі інформації» [9, 29]. По мнению Л. – С. Бархударова знак обладает референциальным, прагматическим и внутрилингвистическим значением [10, 71 – 73].

С точки зрения психосемантики значение – это форма репрезентации объекта субъекту [11, 38 – 39]. Особенно наглядной такая трактовка «значения» становится на примере интерпретации в переводе реалий и национально-культурной лексики.

Раскрытие значения или толкование лежит в основе описательного перевода – переводческого приема развернутого объяснения, раскрывающего суть понятия исходного языка (ИЯ): ***титулярный советник*** *(в царской России гражданский чин 9 класса) –* ***dokuzuncu dereceden bir memur*** *(чиновник 9 ранга),* ***штаб-офицерская дочь*** *(дочь офицера в чине полковника, подполковника) –* ***yüksek rutbelisubay kızı*** *(дочь офицера в высоком чине).*

Если делать упор на лексическое значение слова и принимать во внимание отсылку к реальной действительности, объектам и явлениям высказывания, то поиск подходящего эквивалента будет осуществляться согласно канонам денотативной теории перевода. Полученные таким образом лексемы языка перевода (ПЯ) будут определяться как эквиваленты оригинала, исходя из тождества обозначаемых объектов по схеме: лексема ИЯ – значение (отсылка к денотату) – лексема ПЯ: *«**Дверь**, как и тогда, отворилась на крошечную щелочку…= Hafifçe aralanan **kapı**nın ardından.. – **Kapı** tıpki önceki gelişinde olduğu gibi, incecik bir çizgi gibi aralandı...».*

Однако такой поиск эквивалентов несколько недостаточен по отношению к узуальным предпочтениям языка в использовании тех или иных лексем в определенных ситуациях. Например: *«…и опять два острые и недоверчивые **взгляда** уставились на него из темноты. = .. kuşkularla yüklü bir çift **göz** karanlığın arasından ona doğru bakıyordu. – .. ve yine iki keskin ve kuşkulu **göz** karanlığın içinden ona dikildi».* Использование денотативного соответствия лексеме *«взгляд»* в турецком тексте привело бы к неправильному описанию ситуации с позиции нормы и узуса ПЯ. Одно из значений русского *«взгляд»* определяется как *«выражение глаз»*, что может быть основанием правомерности использования турецкой лексемы *«göz»*, одним из значений которого является *«bakış, görüş»*, т.е. *«взгляд»*. Предположим, что решающим в выборе варианта перевода в ПЯ стала не лексема *«взгляд»*, а глагольное сказуемое *«уставились»*. В миропонимании турецкого реципиента *«взгляд» / «bakış»* может быть «*резким» / «keskin», «подозрительным» / «kuşkulu»,* но «*взгляд» / «bakış»* не может «*смотреть» / «bakmak»*, тогда как «*глаз» / «göz»* может. Поэтому, для турецкого языка предпочтительней сочетание *«iki göz bakıyordu / iki göz dikildi»* (*«два взгляда уставились»).*

Аналогичным образом объясняется перевод фразы *«…пришла ему **в голову** одна престранная мысль. = .. **aklına** çok tuhaf bir düşünce geldi. – .. çok tuhaf bir düşünce geldi **aklına**». «Birinin aklına gelmek»* – устойчивое выражение турецкого языка, употребляющееся только так и никак иначе для передачи значения *«прийти на ум»*, что синонимично словосочетанию *«прийти в голову»*.

В предложении слова сочетаются не только на основе семантических признаков, но и по правилам конструктивных ограничений [12, 8]. Таким образом, понять принципы построения высказывания и интерпретировать его в переводе, опираясь только на значение составляющих его компонентов, нельзя [13, 133]. Стоит заметить, что такие прагматические аспекты как отношение переводчика к произведению, его понимание, принятие или отрицание событий также влияет на способы передачи сообщения оригинала, его лексическое и синтаксическое оформление.

Грамматическая сочетаемость важна для построения семантически эквивалентного оригиналу высказывания в ПЯ. В примере «*Все этиотклики и разговоры **сдер-***

жали*Раскольникова…= Bütün be seslenişler ve konuşmalar, Raskolnikov'u****durdurdu…****- Bütün bu sözler, konuşmalar Raskolnikov'u söylemeye hazırladığı sözleri söylemek****ten alıkoyuyordu…****»* лексеме *«сдержать»* присущи следующие значения:*«1. кого-что остановить, ослабить то, что движется, развивается с силой. 2. перен., кого-что, не дать обнаружитьс яполностью, затаить. 3. что, исполнить (обещанное)»*. В данном случае используется переносное значение слова и параллельная отсылка к прямому значению. Поэтому первый переводчик выбрал лексему *«durdurmak»* (понудительное наклонение от *«durmak» «остановиться, стоять, находиться без движения»*) для передачи значения оригинала, а второй – лексему *«alıkoymak»* (*«удерживать от чего-либо, от желанияделатьчто-либо»*), что по замыслу автора лучше отражает смысл лексической единицы ИЯ, но влечет перестройку предложения, т.к. нужное значение лексема *«alıkoymak»* приобретает в сочетании с зависимым по смыслу словом в форме исходного падежа.

«Вдруг тоненькие, как спички, руки ее ***обхватили его*** *крепко-крепко…= Birdenbire, kibrit çörü gibi incecik iki kol,* ***onu*** *sımsıkı* ***kucakladı****. – Kibrit çörü gibi incecik iki kol* ***boynuna*** *sımsıkı* ***sarıldı****»* – еще один пример разной грамматической сочетаемости лексем с близким семантическим значением. Русская лексема *«обхватить»*, значение которой определяется как *«1. Заключить, как в кольцо, в широко разведенные и сомкнутые в пальцах руки, а такжевообще окрутив, сжать (чемлибо. тугим, плотным)»*, требует прямого дополнения. Анализ лексического значения глаголов *«kucaklamak»* и *«sarılmak»*показывает их частичное пересечения с лексическим значением слова ИЯ. При этом, *«kucaklamak»* требует прямого дополнения, а *«sarılmak»* – косвенного в форме дательного падежа.

Майкл Даммит говорит о невозможности описания значения слова в отрыве от грамматических категорий. Теория значения включает аксиомы, отвечающие за управление отдельными словами и управление построением предложения [14, 130–132].

Можно предположить, что данный тезис указывает на критерии сочетаемости слов, исходя из грамматических особенностей той части речи, к классу которой принадлежит лексема. Это важно с точки зрения теории перевода, т.к. принадлежность лексемы к той или иной части речи влияет на план выражения всего высказывания, т.е. на форму построения предложения: *«…и ему* ***отвечали*** *ласково. = …mahkumlar da ona tatlı tatlı* ***cevaplar verdiler****. – .. mahkumlar ona güler yüzle, sevecenlikle* ***karşılık verdiler****».* Русскому глаголу *«отвечать»* в турецком языке соответствует составное именное сказуемое *«cevap / karşılık vermek».* Наряду с этим ситуация произнесения высказывания вносит в перевод свои коррективы. Так, именная часть составного сказуемого в первом переводе представлена формой множественного числа *«cevaplar»*. Такая форма могла быть избрана переводчиком исходя из ситуации реальной действительности, в которой ответы давались множеством заключенных. Лексические трансформации в виде дополнений будут характерны при передаче на турецкий языксемантики начала действия русских глаголов: *«…и девочка тихо* ***заплакала****...= Kızcağız, ...yavaşça* ***ağlamaya başladı****. – Polya …****ağlamaya başladı****...»* – что объясняется грамматическим оформлением значения начала действия в турецком языке через составное глагольное сказуемое, одна часть

которого нечет функциональную нагрузку названия действия, а вторая указывает на его начало.

Психолингвисты настаивают на использовании понятия «ассоциативное значение, …представленное набором слов-реакций на …слово-стимул». Реакция может вырабатываться не только на определенное слово, но и на семантически связанные с ним слова [15, 142 – 148]. Отсюда следует, что межъязыковые синонимы, выражающие одно понятие, способны вызывать одинаковые реакции и ассоциации у реципиентов, говорящих на разных языках. Такой же мысли придерживался Ю. Найда, говоря о коннотативном значении языковой единицы [16, 91 – 98].

Стоит заметить, что правильная интерпретация значения лексической единицы ведет к осмыслению цели коммуникации и идеи автора, заложенной в определенном высказывании. Однако набор значений лексических компонентов предложения не тождественен его смыслу. Дуализм «значение – смысл», который «неявно присутствует в любом тезисе», решающий для теории перевода [17, 133].

Смысл – второй элемент содержания по Э. Косериу, который наряду с языковыми средствами может быть выражен «внеязыковыми средствами или не только использованием языковых средств по их прямому назначению» [18, 63 – 81].

Говоря о том, что значение фиксировано А. В. Федоров подчеркивает, что смысл актуализируется в контексте [19, 151]. Из этого следует, что в состав значения слова входят компоненты, позволяющие ему образовывать семантически значимые пары с другими словами и актуализировать определенный смысл. Если быть точнее, то значение – категория языка, тогда как смысл – категория речи, что обеспечивает ее подвижность и зависимость от контекста. Подобное утверждения верно для большинства слов, поскольку часто сетка значения лексемы не ограничивается одним определением: *«Марфа Петровна* ***распорядилась*** *за неделю до смерти…= Marfa Petrovna ölümünden bir hafta önce* ***vasiyetnamesinde bunu koydurttu****. – Marfa Petrovna ölümünden bir hafta önce* ***yaptırdı vasiyetnamesinde bu düzenlemeyi****...». «Распоряжаться»* трактуется как *«1. То же, чтоприказать. 2. Позаботиться об устройстве, использовании, применениичего-либо. 3. Вести дело, хозяйство, управлять чем-либо. 4. Вести себя как хозяин, начальнически»*. Контекст и ситуация, в которой произносится данное высказывание, указывают переводчику на выбор первого значения слова ИЯ, вынуждая его эксплицитно показать подразумеваемую оригиналом информацию в виде лексического дополнения высказывания.

Помимо содержания и контекста на выбор языкового элемента для передачи коммуникативной интенции говорящего, а впоследствии и на способ перевода высказывания, влияет информация, на которую опирается отправитель сообщения. В. Г. Гак называеттакую информацию «пресуппозицией». Связь одного обозначения с разными значениями в разных языках объясняется единством описываемой ситуации. Разница состоит в признаках ситуации, которые выбирают носители разных языков для ее описания [20, 20 – 29].

Таким образом, значение высказывания не является суммой значения составляющих его компонентов, и является недостаточным для корректного использования предложения в определенных условиях. Важную роль в этом играет контекст. Поскольку смысл актуализируется исключительно в окружении иных знаков, его

можно представить как «скорлупу, окружающую ядро» – фиксированное значение слова [21, 133 – 135].

Вместе с тем, для вычленения нужного смысла из некоторого количества вариантов его понимания «выбирается такое осмысление данного предложения, при котором повторяемость семантических элементов достигается максимума». Особую роль играет повтор одного или нескольких семантических компонентов предложения, что обеспечивает актуализацию требуемого смысла в сознании реципиента [22, 15].

О недостаточности самого значения для перевода говорит тот факт, что выбор варианта перевода исходной единицы должен базироваться не только на признаках, отображенных в лексическом значении, но и на экстралингвистических данных и внеязыковой ситуации [23, 72]. Особенно наглядно данный тезис иллюстрирует перевод реалий: *«…на пороге появился священник с запасными* ***дарами****…= Eşikte elinde yedek* ***şarap ve ekmekle****…bir papazcık göründü. – …ve eşikte, elinde* ***ekmek ve şarap*** *…bir papazcık göründü».* Дарами в церковном таинстве называются хлеб и вино, что и расшифровано в переводе. В следующем примере контекст в рамках одного предложения не объясняет факторы, побудившие переводчиков интерпретировать личное местоимение в родительном падеже *«его»* и лексему *«книгу»* как *«İncil» / «Евангелие»*, так как изолированное значение обоих единиц оригинала не содержит ссылку на *«İncil» / «Евангелие»*. Обращение к более широкому контексту – в рамках абзаца – позволяет установить отношения эквивалентности оригинала и перевода: *«Он сам попросил* ***его*** *у ней незадолго до своей болезни, и она молча принесла ему* ***книгу****. = Bu* ***İncil'i****, hastalığından az önce, kendisi kızdan istemişti, o da, hiçbir şey söylemeden getirip vermişti. – Geçenlerde hastalanmadan hemen önce, kendisi istemişti Sonya'dan bu* ***İncil'i****. Sonya'da hiçbir şey söylemeden getirip vermişti».*

*«Я, брат, никак и не ожидал, чтобонабылатакая…****аванантненькая*** *(фр. приятная, привлекательная)…а?= Doğrusu bu kadının bu kadar* ***iyi ve anlayışlı*** *olacağını hiç beklemiyordum. (По правдеговоря, я не ожидал, чтоэтаженщинабудет так добра и отзывчива)»* – данный пример также демонстрирует необходимость обращения к внеязыковой ситуации для извлечения смысла *«приятная, привлекательная»* реалии-экзотизма попавшей в русскую речь из французского языка и отражающей колорит определенной эпохи.

Теория перевода рассматривает значение некоторого слова как ключ к пониманию целого. Доминирующая функция текста извлекается переводчиком из сообщения, когда он ориентируется на информацию, сообщаемуюему через значение лексических единиц в составе сообщения [24, 83].

В переводе важно учитывать различие, которое проявляют языки, в использовании тех или иных значений. Другими словами, нужно обращать внимания на то, что одному и тому же факту могут присваиваться разные значения. Один и тот же смысл может быть выражен разными лингвистическими средствами в разных языках, поскольку смысл – «категория коммуникативная и субъективная, независящая от различий между языками» [25, 81].

По мнению З. Д. Львовской смысл предложений зависит от того, «в какой именно речевой ситуации и с какой целью они были произнесены» [26, 78 – 79].

Так, перевод нижеприведенного предложения считается эквивалентным на уровне цели коммуникации, тогда как на уровне знаков наблюдается полное несоответствие лексем оригинала и перевода: *«Он было хотел пощупать пальцем, но* ***отдернул руку****...= Parmağıyla ellemek istedi, ama* ***vazgeçti****. – Eliyle de yoklamak istedi, ama* ***vazgeçti****...».*Толковый словарь не приводит трактовки *«отказываться, отступиться от чего-то; перестать, прекратить»* как значения слова *«отдернуть»*. Однако, широкий контекст и ситуация позволяет интерпретировать его как *«отказаться от своего намерения»*.

Выводы. Анализ фактического материала, представленного нашими русскими и турецкими параллельными текстами романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» показал, что значение и смысл имеют одинаковую ценность для переводчика, который рассматривает значение языкового знака как базу для извлечения смысла высказывания и построения предложения в ПЯ.

Материалы исследования показывают, что знаки могут обладать смыслом только как связанные единицы, формирующие тексты и передающие их содержание. Смысл знака зависит не только от контекста и ситуации, но и от цели коммуникации, а также отношения отправителя сообщения к высказыванию, его намерений.

Примеры отчетливо показывают, что соотношение слова, а именно графико-звуковой оболочки знака, с его значением можно выделить только при понимании включенности слова в предложения и тексты. Семантика слов в тексте может отличаться от значения изолированных слов, поскольку только в тексте слово получает свое осмысление.

Углубленного изучение прагматического значения, передача которого может провоцировать семантические сдвиги и изменения мотивационного контекста определяют **перспективу** дальнейших исследований.

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М. : Русский язык, 2001. – 720 с. – ISBN 5-200-03017-X.
2. Швейцер А. Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты) / А. Д. Швейцер. – М. : «Наука», 1988. – 215 с. – ISBN 5-02-010882-0.
3. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М. : «Наука», 1977. – 310 с. – [Электронный ресурс], режим доступа : http: // books.e-heritage.ru / book / 10077375.
4. Дюрович Л. Соблазн родства (О значении лексем в родственных языках) / Любомир Дюрович / / Слово в тексте и в словаре. Сборник статей к 70-ти летию академика Ю.Д. Апресяна. – С. 69–73 [Электронный ресурс], режим доступа :http: // bookre.org / reader?file=1472565.
5. Карлова Т. Є. Лексичне значення: досвід концептуального аналізу / Т. Є. Карлова / / [Электронный ресурс], режим доступа :http: // archive.nbuv.gov.ua / portal / soc_gum / apif / 2010_5 / karlova.pdf.
6. Косериу Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение / Э. Косериу / / Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXV. Контрастивная лингвистика. – С. 63 – 81 [Электронный ресурс], режим доступа : http: // www.classes.ru / grammar / 166.new-in-linguistics-25 / source / worddocuments / _4.htm.
7. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю. Д. Апресян. – М. : «Восточная литература» РАН, 1995. – 365 с. – [Электронный ресурс], режим доступа : http: // ru.scribd.com / doc / 73912524 / Апресян-Ю-Д-Избранные-труды-Том-1-Лексическая-семантика-1995.

8. Латышев Л. К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения) / Л. К. Латышев. – М. : Международные отношения, 1981. – 247 с.
9. Кочерган М. П. Вступ до мовознавства: Підручник для студентів філологічних спеціальностей вищих навчальних закладів / М. П. Кочерган. – К. : Видавничий центр «Академія», 2001. – 368 с. – ISBN 966-580-100-7.
10. Бархударов Л. – С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. – С. Бархударов. – М. :Международные отношения, 1974. – 240 с.
11. Петренко В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – СПб. : Питер, 2005. – 480 с. – ISBN 5-94723-527-7.
12. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка), там же, 8.
13. Философия, логика, язык / [перевод с англ. И нем. / сост. предисл. В. В. Петрова, общ. ред. Д. П. Горского и В. В. Петрова] – М. : Прогресс, 1987. – 336 с.
14. Петров В. В., там же, 130 – 132.
15. Слобин Д. Психолингвистика / Д. Слобин, Дж. Грин ; [перевод с англ. Е. И. Негневицкой, под общ.ред. А. А. Леонтьева). – М. : Прогресс, 1976. – 351 с.
16. Nida Eugene A. Thetheoryandpractice of translation / Eugene A. Nida and Charles R. Taber. – Leiden : BrillAcademicPublishers, 2003. – 218 p. – ISBN 9004132813.
17. Петров В. В., там же, 133.
18. Косериу Э., там же, 63 – 81.
19. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 416 с. – ISBN5-8465-0019-6.
20. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков) / В. Г. Гак. – М. : «Международные отношения», 1977. – 264 с.
21. Петров В. В., там же, 133 – 135.
22. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка), 15.
23. Дюрович Л., там же, 72.
24. Сдобников В. В. Теория перевода / В. В. Сдобников, О.В. Петрова. – М. : Восток-Запад, 2006. – 448 с. – ISBN 5-478-00306-9.
25. Львовская З. Д. Теоретические проблемы перевода (на материале испанского языка) / З. Д. Львовская. – М. : Высшая школа, 1985. – 232с.
26. Львовская З. Д., там же, 78 – 79.
27. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1980. – 320 с.
28. Белянин В. П. Психолингвистика / В. П. Белянин. – М. : Флинта, 2004. – 232 с. – ISBN 5-89349-371-0.
29. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – [Электронный ресурс], режим доступа : http: // ozhegov.info / slovar / .
30. Türk Dil Kurumu Büyük Türkçe Sözlük – [Электронный ресурс], режим доступа : http: // tdkterim.gov.tr / bts / .
31. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. – Харьков :Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1983. – 480 с.
32. Dostoyevski F. M. Suç ve Ceza: 2 Cilt / F. M. Dostoyevski. – İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2002. – 738 s. – ISBN 975841478X.
33. Dostoyevski F. M. Suç ve Ceza / F. M. Dostoyevski. – İstanbul: Kumsaati Yayınları, 2010. – 687 s. – ISBN 978-975-458-902-3.

Гванцеладзе А. М. Значення та зміст знака для теорії перекладу (на матеріаліросійських та турецькихпаралельнихтекстів роману Ф.М. Достоєвського «Злочин і покарання») / А. М. Гванцеладзе // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 73–81.

У статті розглядаються поняття «значення» та «зміст» з точки зору лінгвістики, психології, психолінгвістики та філософії, надаються погляди на значення слова як основи лексичних, лексико-семантичних та граматичних трансформацій.

Автор визначає співвідношення значення та змісту, плану вираження та плану змісту мовного знака, намагається систематизувати теоретичну основу взаємовпливу лексичного складу висловлювання на його синтаксичну організацію в перекладі.

Ключові слова: тюркські мови, турецька мова, російська мова, теорія перекладу, значення, зміст, знак.

Gvantseladze A. N. The meaning and the sense of the linguistic sign in theory of translation (on the material of the Russian and the Turkish parallel texts of F.M. Dostoyevsky's novel "Crime and Punishment") / A. N. Gvantseladze // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 73–81.

The defenitions of meaning and sense of the linguistic sign through such branches as linguistics, psychology, psycholinguistics and philosophy are represented in the current article. From the other hand, different concepts of meaning which form the base for the lexical, lexico-semantic and grammatical transformations in translation are given in the represented work.

Transformations require from the translator clear understanding of the context, deep knowledge of the background of the phrase or described situation, knowledge of the non-linguistic features and peculiarities of the situation given that is vital important for picking out the only one right variant of interpretation of the meaning of a word. On the other hand the meaning of the linguistic sign influences directly on the content (meaning) of the text. It should be mentioned that the denotative meaning and the significative meaning form the semantic meaning of a phrase.

In accordance with the different aspects of the meaning of the word or the sense of phrase translator chooses an appropriate variant for the interpretation.

The communication through translation marks out a question of the correlation between such terms as meaning and sense. The theorists of translation cannot avoid mentioned topics in their studies while describing the issue of equivalence between texts in the source and the target languages, bases for the lexico-semantic transformations, marking the degree of semantic shifts, describing criteria for the estimation of translated texts.

The represented article dues with the correlation of meaning and sense and the correlation of the form of expression and the form of content of the linguistic sign. The research represents systematization of the theoretical base of the interference (two-way influence) between the lexical composition and the syntactical structure of a phrase while being translated.

Key words: the Turkic languages, the Turkish language, the Russian language, theory of translation, meaning, sense, linguistic sign.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 82–88.

УДК 398

РИТУАЛЬНО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА СВАДЬБЫ В КОСМОГОНИЧЕСКОМ ПЛАНЕ (НА МАТЕРИАЛАХ, СОБРАННЫХ В КАРАБАХЕ)

Караев С.

Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана
E-mail: safa.qarayev@facebook.com

В научной работе исследован ритуал бракосочетания в контексте ритуально-мифологической семантики. Свадьба (бракосочетание) является одним из обрядов, способствующих сохранению космического и социального порядка в обществе. Как и все обряды, эта церемония также обладает свойственным ей содержанием и техникой исполнения. В статье исследуются ритуально-мифологические аспекты свадьбы, основанные на этнографических фактах, наблюдавшихся на территории Азербайджана.

В ходе исследования автор выделяет основные составные части ритуала:

1. Упорядочение социальной ситуации (родственники невесты дают придачу родственникам жениха. Этот ритуал восходит к семантике жертвы)
2. Поведения развлекательного характера (танец, похищение жениха и т.д.)
3. Регулирование морали и передача опыта (деятельность *енге* и шафера)
4. Факты, непонятные в синхронном плане (деятельность дружки и т.д.)

Ключевые слова: жених, свадебный ритуал, шафер, дружка, карабахская свадьба, фата, свадьба как космогонический акт.

Постановка проблемы. В Карабахе перед свадьбой юноша принимает статус жениха («бей»). В день свадьбы жениха сопровождают шафер и дружка. Шафер выбирается из числа женатых, а дружка – из числа холостых. Семья жениха, отправляясь в торжественной свадебной процессии за невестой, берет с собой зеркало. Перед домом невесты участники обряда веселятся, танцуют, а затем жениха приводят к комнате суженой. В это время один из родственников невесты преграждает дорогу жениху. Жених дает выкуп (*nəmər*), и только после этого ему разрешают войти в комнату невесты. Невеста сидит в комнате в свадебном платье, прикрыв лицо белой или красной вуалью. Брат жениха подходит к невесте и повязывает ей на пояс красную ленту, приговаривая при этом: «*Anam bacım qız-gəlin, Əl ayağı düz gəlin, Yeddi oğul istərəm, Bircə dənə qız gəlin».*

После этого выходит отец невесты. Он трижды проводит дочь вокруг керосиновой лампы, находящейся на полу, а затем передает (вверяет) ее одному из лиц дома жениха или самому жениху. Невесту проводят в дом жениха в сопровождении лампы и зеркала, перевязанных красными лентами. Кроме этого в обряде используется и хлеб: его делят пополам над головой невесты и относят одну половину в дом невесты, а другую – в дом жениха. Родственники жениха, пребывая в доме невесты,

могут украсть все, что им понравится. Родственники невесты заранее готовятся к такой краже: прячут из виду некоторые вещи, надежно запирают домашних животных. Это не считалось воровством. Нельзя было отнимать то, что взяли родственники жениха. Далее родственники жениха, взяв невесту с собой, направляются к своему дому. По описаниям пожилых людей, раньше невесту приводили на коне, а уже позднее – на машине. Дети и сельские жители всячески преграждали путь, по которому двигалась свадебная процессия. Только после того, как они получали *nəmər* (деньги), разрешалось двигаться дальше. Когда невеста подходила к дому жениха, у ее ног приносили в жертву барана с красной ленточкой на шее. Кровью этого барана смачивали палец и проводили по лбу жениха и невесты. На пороге дома невеста должна разбить перевернутую вверх дном тарелку, и только после этого она может войти в дом. Войдя в дом, невеста не садится: свекор и свекровь дарят ей различные ценные подарки, затем она дает согласие сесть. В это время ей на руки дают подержать маленького мальчика.

На двери дома жениха повязывают красную ленточку. Вообще красной лентой повязывают все предметы, связанные с приданым невесты или свадьбой. Когда невеста входит в дом, помещение окуривают дымом могильника (сухой травы, сжигаемой от дурного глаза). Для новобрачных в доме жениха готовят спальную комнату, которую украшают преимущественно предметами красного цвета. Эта обязанность возлагается на женщину, специально выбранную для сопровождения невесты в дом жениха. Через три дня снова собираются родственники и отмечают этот день как «трехдневник».

Семантика символов в свадебной церемонии.

Мирча Элиаде в книге «Миф о вечном возвращении» в разделе «Сакральная модель ритуала» указывает на то, что у первобытных народов наряду с обрядами сосуществуют также многочисленные повседневные отношения и факты в их первозданном виде [1]. На наш взгляд, к свадебному обряду надо подходить именно в данном аспекте. Все свадебные ритуальные факты и символы, оживляя первообраз, первичное время и первичное пространство, тем самым реактуализируют космогонический акт.

«Вуаль», известная в свадебном обряде как фата, имеет большое значение для исследования мифо-информационной семантики этой церемонии. Для раскрытия сущности этого элемента его необходимо рассмотреть как маску. «К маскам можно отнести все факты от использующихся косметических деталей до головных покрывал» [4, 536]. «Маска надевается на голову или тело, и с ее помощью человек преображается» [5, 82]. В этом смысле вуаль невесты может рассматриваться как одна из форм проявления маски.

Для понимания сущности маски следует знать, что «общим положением для маскировок является группирование их с точки зрения времен года, рождения, смерти и других подобных годичных или жизненных переходов» [4, 537]. Иными словами, маска широко используется в ритуалах, исполняемых во время этих переходов. Маскировка по своей сути связана со скрытием. Однако она нуждается в более широком объяснении: 1) маскирующийся и 2) причина маскировки. Если подойти к вопросу с подобной точки зрения, то границы этого процесса расширяются.

Мифологические реалии для первобытного человека представляли большую ценность, чем его реальное бытие. Следовательно, для маскирования были две причины: а) защита от реального мира (например, скрытие лица во время сражения); б) в целях регулирования отношений с мифическими существами (свадебная церемония, как известно, заключает в себе «магические обряды защиты от скверны и обеспечение будущего потомства» [6, 109]. Необходимость в подобной защите наиболее ясно проявляется в таких ритуальных фактах, как церемония наряжения невесты (ее «вуалирования»). Это ритуальная защита и е сущность не может быть объяснена в эстетическом, философском плане. Поэтому в дальнейшем объяснение семантики вуалирования в церемонии наряжения невесты целесообразнее называть «скрыванием». В связи с этим значение чистоты, непорочности в эстетическом плане данной церемонии выступает более ясно.

Красное покрывало на голове невесты подчеркивает ее ритуальный статус и отношение к хаосу. Для лучшего понимания этого факта достаточно вспомнить мотив девы в облике птицы, встречающийся в сказках. Между обликом девы-птицы и вуалью в наряде невесты существует тесная связь. Вуаль, указывая на хтоническую природу принадлежащего ей образа, в то же время изолирует его от космического мира. Не случайно, что невеста, вступающая в дом жениха, проходя через различные переходные ритуалы, космологизируется и, поднимая вуаль (фату), становится полноправным членом общества.

Когда жених входит в дом невесты, то один из людей преграждает ему путь, требуя у него халат. Лицо, преграждающее путь, в эпическом плане эквивалентно таким ритуальным образам, обладающим необыкновенной силой, как дивы, драконы, которые стерегут девушку (или же берут ее в плен). Халат, подносимый домом жениха, соответствует символу «жертвы». После этого жениха впускают в дом невесты. Присутствующий здесь ритуал «окрашивания в красное» также является важным фактом для понимания мифосемантики свадьбы. Согласно этому ритуалу брат жениха проводит красную ленту над головой и под ногами невесты, а затем трижды кружит ее над головой невесты, приговаривая при этом следующие слова: *«Anam, bacım qız-gəlin»*. Посредством «окрашивания в красное» невеста подготавливается к переходу, к «космическому путешествию». На это указывают и слова *qız-gəlin* (т.е. девушка-невеста). После этого отец невесты трижды кружит ее вокруг лежащего на полу светильника. Три круга, проделанные невестой вокруг очага, – это ее символическое сожжение. Существует множество фактов, когда огонь характеризует переходную ситуацию. Сюда можно отнести, например, традицию разжигать костер и трижды прыгать через него во время праздника Новруз; или нашедшее свое отражение в сказке о Мелик Мамеде проваливание в колодец главного героя, который после сожжения переходит в другой мир.

Одним из ритуальных фактов во время пребывания жениха в доме невесты является **«кража, похищение»**. Люди жениха могут незаметно взять любую вещь из дома невесты, и это не считается кражей. Этот факт, собственно говоря, свидетельствует о правилах территории хаоса. Ввиду того, что дом невесты считается пространством хаоса, нормы здесь повсеместно нарушаются. Антинорма (кража) превращается в «норму», активизируются «законы», обратные космическим законам. В

символическом плане это можно рассматривать как «тотальную кражу»: похищаются и невеста и вещи. По нашему мнению, здесь следует искать корни традиционного в некоторых культурах обряда «похищения невесты».

Как известно, хаос является пространством существования женщины в мифологическом времени. Информация мифологического времени может восстанавливаться во время эмоционального переживания. В этот момент лицо, являющееся носителем «психологии», свойственной эпическим героям, похищает девушку подобно героям, снизошедшим в хаос. В символическом плане ритуалы, сопровождающие приведение невесты в дом жениха, и обряд похищения невесты являются носителями одной и той же мифологической семантики. В обоих случаях девушка, находящаяся в ситуации хаоса, похищается космическим героем.

В самом обряде похищения невесты присутствует семантика некоего конфликта. Можно предположить, что помимо социального значения «вековой вражды» между семьями жениха и невесты существовала также мифологическая семантика. На наш взгляд, мифологическая оппозиция подсознательно проявляется в ином содержании. Наглядным примером этому может служить эпос «Кёроглу». Э. Аббасов пишет по поводу семантики пространств в данном эпосе: «В «Кёроглу» походы героев направлены из Ченлибеля к вражеским городам, что соответствует движению сверху (с горы) вниз (в долину)…Сюжет большинства походов строится на неоднократном поражении врагов, пашей и других отрицательных сил; …при подходе к вражеским городам наступают сумерки, а при возвращении в Ченлибель – утро, что является проявлением оппозиции свет – тьма, светлый мир – темный мир» [7, 117]. Таким образом, победа Кёроглу над врагами в то же время является победой космоса над хаосом. А дочери врагов, находящиеся рядом с Кёроглу, были в большинстве случаев похищены им.

Следовательно, внутри социального противопоставления существует также мифологизированное противопоставление, которое проявляется в «параллельной символизации». Кёроглу, разоряя беков, поработителей, стоящих на позиции хаоса, в то же время похищает их дочерей. Здесь ритуал переходит с мифологического аспекта к реализации «тотального похищения». Хотя противостояние между Кёроглу и беками в социальном плане представлено борьбой за собственность, местью и т.д., все же в мифо-информационном плане это противопоставление хаоса и космоса. Как видим, есть соответствие между свадебным обрядом похищения невесты и «похищением» Кёроглу: из пространства хаоса похищаются как девушки, так и собственность. Иными словами, происходит разрушение, исчезновение хаоса. Не случайно, что Ральф Абрахам в своей статье «Корни хаоса» пишет по этому поводу: «Короче, традиционно сотворение мира выражается как завоевание космосом хаоса» [8]. Таким образом, свадебное похищение также должно быть осмыслено в контексте «тотального похищения», нашедшего отражение в эпических текстах. Антинорма, отражающая в мифологическом ряду хаос, активизируется в доме невесты. Как и во время праздника Новруз (имеются в виду уличные представления-травести с переодеваниями и сменой мужских и женских ролей), здесь на переходном этапе так же «антинорма» превращается в норму. Посредством этого перехода реализуется похищение, недопустимое в космическом плане. Невеста, перед тем как войти в

дом жениха, проходит через ритуал космологизации. Одним из таких ритуалов является ритуал «разбивания тарелки», символизирующий второе рождение. Как было отмечено выше в этнографическом плане, на пороге дома жениха под ноги невесты кладут перевернутую вверх дном тарелку. Только после разбивания тарелки девушка может войти в дом. Прежде, чем объяснить этот факт, следует отметить, что в разных регионах существуют различия в реализации данного ритуала. По описаниям студентки филологического факультета БГУ Алмаслы Э.Х., в поселке Гарачала Сальянского района под ноги невесты кроме перевернутой тарелки кладут также стакан с водой. Невеста опрокидывает стакан, а затем разбивает тарелку. В это же время трижды открывают и закрывают входную дверь и трижды включают и выключают свет в доме.

Добавив эти факты к ритуалу «разбивания тарелки», получаем более серьезные основания для символического объяснения ритуала «второго рождения». Этот вопрос можно рассматривать с двух аспектов. Прежде всего, считаем целесообразным подход с точки зрения семантики переходов. Ван Дженнеп в своей книге «Переходные обряды» подчеркивает, что между двойственными предметами во время перехода возникают ритуалы, которые характеризуются как переходные. По смыслу это можно объяснить как отделение от прежнего мира и вступление в новый мир [6, 23]. Ранее отмечалось, что мифологическую основу ритуала «приведения невесты» составляет переход между двумя мирами. В целом, представление о переходе между «двумя мирами» подарило культуре цикл переходных образов. Одним из таких образов является образ двери. «В повседневной жизни дверь играет роль границы между чужим и своим, а в молельных домах – между профанным и сакральным мирами. Так, выражение «перейти порог» означает вступление в новый мир. Подобный акт очень важен в обрядах бракосочетания, усыновления, получения высокого чина, поминок» [6, 24]. Если подойти к вопросу с данной точки зрения, то можно увидеть в ритуале перехода невестой порога дома жениха семантику вступления в новый мир. В таком случае ритуал «разбивания тарелки» является фактом, символизирующим второе рождение. Например, такие глаголы как «поломаться», «разбиться», «открываться», содержат в то же время семантику рождения. Кроме этого, ритуал разбивания тарелки можно рассматривать как «жертву», необходимую для нового рождения.

Выводы и перспектива. Прокомментированные факты как составные части единого ритуала в синхронном плане обладают следующим значением:

1. Упорядочение социальной ситуации (родственники невесты дают придачу родственникам жениха – этот ритуал восходит к семантике жертвы)
2. Поведения развлекательного характера (танец, похищение жениха и т.д.)
3. Регулирование морали и передача опыта (деятельность *енге* и шафера)
4. Факты, непонятные в синхронном плане (деятельность дружки и т.д.)

Современный план фактов свадебного обряда не отрицает их объяснения как сакральных деталей единого свадебного ритуала. Можно сказать, что современный план данного вопроса является продуктом трансформации «мифолого-сакрального времени» в профанное время. В таком случае сам сакрально-мифологический факт продолжает существовать, но меняется его содержание. Таким образом, к одному бы-

тующему факту можем подойти в рамках двух содержаний: с точки зрения семантики «сакрально-мифологического времени» и семантики «профанного времени».

В данной статье мы хотя и рассматривали значение в «сакрально-мифологическом» времени ритуальных фактов, имеющих место в свадебной церемонии, все же это не оттеняет их значение в профаном времени, потому что «сакральное время является вместилищем профанного времени» [12, 41].

Литература

1. Abbasov E.H. “Koroğlu”: poetik sistemi və strukturu (Paris nüsxəsi əsasında) / E.H. Abbasov. – Bakı: Nurlan, 2008. – 140 s.
2. Ağaverdi Xəlil. Folklor terminləri / Xəlil Ağaverdi. – Bakı: Nurlan, 2010. – 140 s.
3. Folklore: an encyclopedia of beliefs, customs, tales, music, and art [edited by Thomas A. Green]. – Bakı: 1997. – 892 s.
4. Kitabi-Dədə Qorqud. Bakı: Yeni Nəşrlər Evi, 1999. – 704 s.
5. M. Kazımoğlu. Epos. Nəsr, Problemlər / M. Kazımoğlu. – Bakı: Elm və Təhsil, 2012. – 164 s.
6. Processes and dreams: archetypal images of individuation. Brunner-Routledge, 2002. – 168 p.
7. Ralph Abraham. Root of chaos [Электронный ресурс] .– Режим доступа: www.ralph-abraham.org| / ...Roots / ms46a.pdf
8. Арнольд ван Геннеп. Обряды перехода / Арнольд ван Геннеп. – М.: Изд-во “Восточная литература” РАН, 1999. – 198 с.
9. Мирча Элиаде. Миф о вечном возвращении, [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // www.jungland.ru / Library / EIMİFOVozvr.htm#4
10. Топоров В.Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы Рукописные памятники древней Руси, / В.Н. Топоров. – М., 2010. – Том. I, 448 с.
11. Тэрнер В. Символ и ритуал / В. Тэрнер. – М.: Наука, 1983. – 277, 83 с.

Караєв С. Ритуально-міфологічна семантика весілля в космогонічному плані (на матеріалах, зібраних в Карабаху) / С. Караєв // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 82–88.

У науковій роботі досліджено ритуал одруження в контексті ритуально-міфологічної семантики. Весілля (одруження) є одним з обрядів, що сприяє збереженню космічного та соціального порядку в суспільстві. Як і всі обряди, ця церемонія також володіє властивим їй змістом і технікою виконання. У статті досліджуються ритуально-міфологічні аспекти весілля, засновані на етнографічних фактах, що спостерігалися на території Азербайджану.

У ході дослідження автор виділяє основні складові частини ритуалу:

1. Впорядкування соціальної ситуації (родичі нареченої дають дарунки родичам нареченого. Цей ритуал сходить до семантиці жертви)

2. Поведінки розважального характеру (танець, викрадення наречених і т.д.)

3. Регулювання моралі та передача досвіду (діяльність енге і боярина)

4. Факти, незрозумілі в синхронному плані (діяльність дружки і т.д.)

Ключові слова: наречений, весільний ритуал, боярин, дружка, карабаське весілля, фата, весілля як космогонічний акт

Karayev S. Ritual and mythological semantics of the wedding in the cosmogonical frame (on materials collected in Karabakh) / S. Karayev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 82–88.

In a study the ritual of marriage in the context of ritual and mythological semantics is investigated. Wedding is one of the rituals that promotes the conservation of space and social order in the society. As all rituals, the ceremony also has its inherent content and technique of the performance. According to its content, the wedding ceremony by its nature presents the changing of the one member’s status in the society. However, this meaning gets its content from the mythical representations and clearly follows from the techniques of

performing this rite. The article explores the ritual and mythological aspects of the wedding and is based on ethnographic facts observed on the territory of Azerbaijan.

In the study the author highlights the major components of the ritual:

1. Arranging a social situation (relatives of the bride give groom's family the gifts. This ritual dates back to the semantics of the victim)

2. entertaining behaviour (dance, the bride theft, etc.)

3. Regulation of morality and knowledge transfer (activity of Enge and best man)

4. Facts that are not clear in terms of the synchronism (activity of the maid of honour, etc.)

Thus, we can approach to one popular fact in two grades: from the point of view of semantics, "sacred, mythical time" and the semantics of "profane time".

Key words: bride, wedding ceremony, the best man, groomsman, the Karabakh wedding, veil, wedding as a cosmogonic act.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 89–98.

УДК 81’282 (5) : 82’282(5)

СУЧАСНА ЛІРИЧНА ПІСНЯ СХІДНОГО СЕРЕДЗЕМНОМОР’Я З ТОЧКИ ЗОРУ АРАБСЬКОЇ ДІАЛЕКТОЛОГІЇ

Кулібаба А. С.

Інститут сходознавства ім. А.Ю.Кримського НАНУ, Київ

Статтю присвячено дослідженню текстів арабських пісень регіону Східного Середземномор'я (представленого країнами: Сирія, Ліван, Йорданія та Палестина), з точки зору тих діалектних маркерів, що дають підставу вважати аналізовані тексти приналежними до діалекту зазначеного регіону. Пропонується аналіз текстового матеріалу пісень на чотирьох мовних рівнях. Результатом авторського дослідження є дані, засновані на реалізації діалектних маркерів, які засвідчують, що мову сучасних популярних пісенних текстів авторства чотирьох зазначених країн, можна зарахувати до єдиного культурного регіону на підставі спільних рис.

Ключові слова: сирійський діалект арабської мови, діалектні маркери, регіон Східного Середземномор'я, текст арабської пісні.

Постановка проблеми. Проблематика дослідження арабської діалектології є одним з наріжних каменів сходознавчих досліджень, як вітчизняних, так і зарубіжних, зважаючи на наявність відчутних відмінностей у діалектному мовленні 22 арабських країн, які умовно поділяють на регіони за подібністю діалектів, а також враховуючи потреби практичної арабістики. Заторкуване питання є складним, багаторівневим, до того ж можна констатувати брак вичерпної літератури, присвяченої різним діалектам арабської мови. Наявна інформація є уривчастою, та й для самих арабів довгий час (приблизно до XX ст., а за деякими даними й досьогодні) було непрестижним присвячувати увагу діалектові, який вважався викривленою формою мови: «автохтонна арабська традиція цілковито ігнорувала опис розмовних форм арабської мови, вони традиційно сприймалися як відхилення від класичної арабської мови, зважаючи на її сакральний статус» [1, 59-61]. На позначення неканонічних форм арабські філологи навіть застосовували термін «لحن العامة» (солецизм простого народу) [1, 59-61; 2, 63]. Тому у витоків досліджень цих питань здебільшого були німецькі, голландські, французькі, швейцарські вчені, згодом й американські, тобто лідерство у цій галузі належить західноєвропейській та американській арабістиці. У вітчизняному сходознавстві дослідження здійснювали: Г.Шарбатов [3, 250-330], А.Кримський [4, 73], та інші. Проте, є думка, що в наші часи арабська діалектологія існує поза межами арабського світу [2, 828].

Серед проблем можна виділити розбіжності та неодностайність у систематичній термінології на позначення досліджуваного в лінгвістичному аспекті регіону Східного Середземномор'я, оскільки у науковій літературі зустрічаємо наступні терміни:

- «Східне Середземномор'я» (Eastern Mediterranian Region);
- «Левант» (The Levant);

- «східно-арабський регіон».

Окрім формулювань «діалект регіону», наводимо додаткові відповідники до його розмовної мовної форми:

- «сиро-палестинська група діалектів», «اللهجات الشامية»;
- «східно-левантський розмовний варіант арабської мови» (Eastern-Levantine Colloquial Arabic) тощо.

Наведені терміни об'єднують у межах єдиного культурного регіону країни колишньої «Великої Сирії» – «الشام، بلادٌ شامية»، а саме територію сучасних країн: Сирії, Лівану, Палестини, Йорданії. Аби досягти досконалішої, на наш погляд, систематики, надалі ми послуговуватимусь у роботі терміном «Східне Середземномор'я» на позначення регіону, діалектні риси якого розглядаються у текстах пісень.

Присвячуючи свою статтю дослідженню діалекту регіону Східного Середземномор'я, який краще було б, напевно, назвати сиро-палестинським або східносередземноморським койне, [1] ми приділяємо увагу саме таким маркерам у сучасних популярних пісенних текстах даного регіону, що свідчать про належність аналізованого текстового матеріалу до згадуваного регіону за діалектними ознаками.

Для досягнення такої мети ставимо наступні завдання:

1. Визначити діалектні риси, спільні для країн Східного Середземномор'я;
2. Проаналізувати матеріал на 4 мовних рівнях на наявність цих рис;
3. За допомогою прикладів визначити статистичні дані щодо співвідношення функціонування діалекту східносередземноморського регіону / інших діалектів / літературної мови.

Серед робіт, присвячених цій тематиці, насамперед слід згадати дослідження Ч.Фергюсона [6, 233-246], який звернув увагу на проблему диглосії в арабських країнах, сучасних арабських дослідників-діалектологів східносередземноморських діалектів, таких як: Х.Абдель Джавад [7, 55-61], Г.Ісмаїл [8, 249-269], З.Дендан [9, 62-75], Е.Аль-Вер [10, 77-82], американського автора-сходознавця: Дж. Оуенс [11, 14-275], британця Е.Кроу [12, 4-333], французького автора Ж.Лентена [13, 249-272], вітчизняного сходознавця: В.Сегаля [14], голландського: Р.Дозі [15].

Для ознайомлення з особливостями сирійського діалекту арабської мови, ми послуговувалися підручником сирійського діалекту Е.Кроу [12], граматичним довідником сирійського діалекту М.Корвела [16], словниками сирійського діалекту, також до робіт з арабської діалектології та історії арабської мови [10; 11;14;15].

Найбільш показовими для визначення особливостей діалектних явищ завжди є фонетичний та лексичний рівень мови, проте у дослідженні на розгляд виносимо чотири мовні рівні: окрім згаданих, морфологічний та синтаксичний.

[1] За визначенням О.Селіванової, койне постає такою інтердіалектною побутовою формою існування мови, яка складається на базі одного з діалектів [5, 221]. У даному випадку вважаємо, що таким діалектом, який ліг в основу східносередземноморського койне, був сирійський, зокрема дамаський. Популярність середземноморського койне арабської мови у ЗМІ, кінематографі, засвідчує його функціональність та практичний потенціал у розмовному мовленні, у зв'язку з чим неможливо не згадати цілковиту ймовірність висновку Ч.Фергюсона про можливість формування згодом трьох окремих незалежних варіантів арабської мови, серед яких сирійський варіант може посісти окреме місце [7, 239].

У працях з діалектології діалектними маркерами (від фр. marquer – «позначати») називають показники, що містять вказівки на наявність тих чи інших діалектних форм, а, отже, й у пропонованому дослідженні у якості маркерів висунуто згадані чотири критерії.

Перейдімо до конкретного розгляду діалектних маркерів сирійського діалекту арабської мови, описаних у Ф.Кроу [12], маючи на увазі у даному випадку регіональне койне східносередземноморського регіону. За приклади взято зразки текстів пісень з кожної країни регіону.

Приклад 1.*Текст сирійської пісні*:

أه أه يا وائل قلبي
انا بعشيرة وهي بعشيرة تاني
والنار والنار والنار بين العشائر ما تنطفي
أهلي ما يرضون عليها أهلها ما يرضون علي
أيش أسوي وأين لقيها و هي لي مثل الماء
نحمل على كفين الروح نهجر ديرتنا ونروح
وإلا نبقى ميت حي

/ رضا– اهلي ما يرضون /

/ Ah, ah ia ua'il galbī. Ana b'ašīra ua hīa b'ašīra tanī
Ua nār ua nār ua nār bain al-'ašair mā tntifī. Ahlī mā iardūn 'alaihā.
Ahlah mā iardūn 'ālai. Īš asawī weni l'īhā ua hiā liā misl al-māī
Nahmil 'ā l-kafīn ar-rūh nahğar diratna ua nrūh ua w lli nabga maiīt hai /

(О горе серденьку моєму! Я з одного роду, а вона – з іншого. Ворожнеча між родами нескінченна (букв. вогонь між родами не згасає – горить, горить, горить). Мої родичі не приймають її, а її родичі – мене. Що ж мені робити? Де її зустріти? Бо ж вона для мене – як вода (= необхідна мені, як вода (вода на Близькому Сході має особливу цінність). Винесемо ж свою душу у долонях, підемо з рідного становища! Бо якщо залишимося, то я стану живим мерцем /Ріда – «Мої родичі не приймають»/

***Риси східносередземноморського койне у прикладі* 2:**

- **Фонетика**: قلبي/ galbī / – "серденько моє", نبقي/ nabga / – "залишимо" – відбувається акомодація приголосного -ق- у зв'язку з чим він одзвінчується до звуку, подібного до українського звуку [г] (ознака чоловічної діалектної вимови), проте вже в прикладі لقيها / l'īhā / "зустріну її" -ق- реалізується через гортанний вибух; الماء / al-māī / – "вода" – внаслідок діерези хамза не артикулюється, її заміняє звук [ī], див [12, 7]; تاني / tanī / – "вдруге" – дисиміляція міжзубного -ث- до зубного -ت-; بعشيرة / b'ašīra / – "з роду" – редукція голосного -i- після частки -بـ-; تنطفي / tntifī / – "згасає", نروح / nrūh / – "підемо" редукція голосного -a- після у першому ненаголошеному складі (проте такі редукції є загальнодіалектними для арабської мови, так само як і опущення кінцевих голосівок; у нашому дослідженні ми фіксуємо це як фонетичне явище); علي / 'ālai / – "мене" – акомодація приголосного [l], набуття звуком твердої вимови; وأين لقيها / weni l'īhā / – "де зустріну її" – явище епентези у випадку появи кінцевого -i- у першому слові.

- **Морфологія:** ما تنطفي / mā tntifī / – "не згасає", ما يرضون / mā iardūn / – "не хочуть" – заперечувальна форма дієслова утворена за допомогою частки -ما.

- **Лексика:** تاني / tanī / – "вдруге"; أيش / īš / – "що"; أسوي / asawī / – "зроблю я".

- **Синтаксис:** أين لقيها / weni l'īhā / – "де зустріну її?", أيش أسوي / īš asawī / "що робитиму?" – питальні речення, що є частотними синтаксичними формулами: питальне слово + предикат; وإلا نبقى ميت حي / ua w lli nabga maiīt hai / – "якщо залишимося, то стану живим мерцем" – умовне речення реального способу, у другій частині якого предикат стоїть у формі активного дієприкметника.

Приклад 2. *Текст ліванської пісні*:

ضيق لبسك ما عندك اوسع منه
ثلاث رباع اولاد الحي فيك جنوا
ختيار على العكازة عجنت على باله الجازة
طفل اللي حاملته أمه يكاغي إسمك على تمه
عجبت أخيه سحرت أبيه ودوبت عمه
هذا يقل لك يعبرني هذا يصفر ويغني
وتلاميذ المدارس ولا واحد فيهن دارس
انت مرقت سرقت حرقت الاخضر واليابس

/ فارس كرام – ختيار على العكازة /

/ Đeīq lebsik mā ‘andek ausa‘a minno, tlat ruba‘i aulād al-hai fikī ğannū
Ĥitiār ‘al il-‘ekkaze ‘agnit ‘ā bēlū l-ğāzī,
Tufl li ħamilto ēmmo iukaġī ismo ‘ā temmo
‘Āğabti ĥaiū sħarti beiū uā dubti ‘ammū
Haidai iuqallik iu‘aburnī, haidai şaffir wu iġannī
Ua tlamiz il-madāris uā l uahid fihun dāris
Enti miraqti sraqti ħraqti al-aĥdar ue l-iābes /

(Твій одяг тісний, вільнішого в тебе немає. Три четвертих кварталу збожеволіло від тебе! О, старенький з палицею, в голові якого – стрижка овець! Малюк, що на руках у матері, залопотів про тебе, здивувавши брата, збентеживши батька, зтурбувавши дядька. (Усі під враженням від тебе – вжито з негативною та нехтувальною конотацією). Цей – біжить за тобою, цей – співає та свистить тобі услід. Жоден зі школярів не вчиться. Бо ти пройшов і вразив усіх (букв. ти пройшов – і вигоріло все: й зелене, й висушене) / Фаріс Карам – «Старенький з паличкою» /.

***Риси східносередземноморського койне у прикладі 2*:**

- Фонетика: جنوا / ğannū / – "збожеволіли", الجازة / l-ğāzī / – "стрижка овець" – ج артикулюється пом'якшено, як французьке "j"; العكازه / il-‘ekkaze / – "палиця" – у цьому та у попередньому прикладі спостерігаємо редукцію кінцевого голосного звуку -a, який артикулюють як -є- або -ī, особливо спостерігається при артикуляції кінцевої ة; على / ‘ā / – "на" – явище дієрези пояснює відкидання кількох звуків у цьому займеннику, тому він артикулюється та пишеться як ع; ضيق / đeīq / – "вузький" – чітка артикуляція ق; تلات / tlat / – "три" – див. вище ("ت"–"ث"); اللي / l-li / – "який" – повна асиміляція приголосних ذ / ت у займенникових лексемах التي / الذي до вказаної форми; أخيه/ ĥaiū / – "його брат", أبيه / beiū / – "його бітько" – явище дієрези у першому складі у вигляді випадіння أ одночасно з явищем епентези – появою -е- у другому складі, дієреза в останньому складі та перетворення закінчення -ِه- на -ū-; منه / minno / – "від нього", تمه / temmo / – "його рот", عمه / ‘ammū / – "його дядько" – див. попередній приклад, дієреза в останньому складі; أمه / ēmmo / – "його мати" – редукція голосного -ū- до -ē-; هذا / haidai / – "цей" – у зв'язку з

кція голосного -ū- до -ē-; هذا / haidai / – "цей" – у зв'язку з появою додаткових приголосних звуків фіксуємо явище епентези, дисиміляція ذ до د; تلاميذ / tlamiz / – "учні", مرقت سرقت حرقت / miraqti sraqti ħraqti / – "пронісся, вкрав спалив" (справив враження, з негативною конотацією) – редукція голосного у першому ненаголошеному складі (дієслівне закінчення жіночого роду вживається для чоловічого роду – морфологічна особливість); طفل / tufl / – "дитина" – редукція голоного -i- в ненаголошеному складі до -u.

- **Морфологія:** ما عندك / mā ‘andek / – "в тебе немає" – для утворення заперечної форми із займенниковою формою використовується частка ما; فيهن / fihun / – "серед них" – займенникова форма множини жіночого роду вживається на позначення множини чоловічого роду; لبسك / lebsik / – "твій одяг" – форма стягненого присвійного займенника "ik", характерна для жіночого роду, вживається для чоловічого роду; ختيار / ĥitiār / – "старенький".

- **Синтаксис:** ولا واحد فيهن دارس / uā l uahid fihun dāris / – "жоден з них не вчиться" – заперечувальне речення, предикат стоїть у формі активного дієприкметника; هذا يقل لك هذا يصفر / haidai iuqallik iu'aburnī, haidai şaffir / – "цей йде за тобою, цей – свистить" – у реченні наявний еліпсис.

Приклад 3.*Текст йорданської пісні* :

لا تسألني انا من وين من الأردن او لبناني
هيدي عين وهيدي عين هي دمي وهي شرياني
انا من ارض الهاشمية اللي بترابها بكحل عيني
وعلى حبا علمني به إفديها بالروح
لبنان اللى عم يمشي بدمي شامم ريحة ارضه بإمي
فرحة فرحي وهمة همي تشوفو حنيت

/ مجد أيوب – لا تسألني انا من وين /

/ Lā tis’alnī anā min weīn min Urdun aw Lubnanī
Haidī ‘āīnu wa haidī ‘āīn hai dammī wa hai širiānī
Enā min arđi l-hašimīī lī bitrabha bikuhel ‘āineī
Wa ā ħubba ‘ālamnī beī ifdīhā birrūh
Lubnān allī ‘ām iamšī bdammī šāmem rīħat ardo b-immī
Farħu farahī wa hammu hammī tešūfū ħannaīt /

(Не питай мене, звідки я: з Йорданії чи з Лівану. Бо і та і інша (країна) для мене як два ока, одна – то кров моя, а друга – вени. Я – з гашимітських земель, її землею підводжу очі (образний вираз, так кажуть, коли щось дуже цінують). Заради любові до неї (Йорданії) батько навчив мене жертвувати життям. А Ліван – тече у моїх жилах, бо моя мати родом звідти (досл. запах його землі вдихаю через свою матір). Його радість – моя радість, його турбота – моя турбота. Ностальгія).

***Риси східносередземноморського койне у прикладі* 3:**

- **Фонетика**: الهاشمية / l-hašimīī / – "гашимітська" – кінцева ة артикулюється як -ī , див. у попередньому прикладі; هذه / haidī / – "ця" – див. вище; الذي = اللي / lī / – "який, яка" – див. вище; بترابها / bitrabha / – "на її землях" – редукція голосного у передостанньому складі; عيني/ ‘āineī / – "мої очі" – акцентування на кінцевому -ī, дієреза виражена уникненням артикулювання закінченням (-ني-), яке б в нормі мало бути у наявності; بإمي / b-immī / – "через свою матір" – див. вище ; حنيت / ħannaīt / – "заностальгував" – редукція закінчення; به / beī / – "за нього / неї" – поява звуків -e,

тальгував” – редукція закінчення; به / beī / – “за нього / неї” – поява звуків -e, -ī- (епентеза) та відкидання -i, -h- (діереза).

- **Морфологія:** تشوفو / tešūfū / – “бачите” – форма теперішньо-майбутнього часу дієслова, у множині чоловічого роду; بكحل / bikuhel / – “підводжу (очі)” – форма дієслова з перформативом, має частку ب; عم يمشي / ‘ām iamšī / – “тече”, перформатив, утворений за допомогою частки عم.

- **Лексика:** الذي = اللي / lī / – форма відносного займенника однини; وين / weīn / = أين – питальна частка “де?” ; تشوفو / tešūfū / – “бачите”.

- **Синтаксис:** انا من وين/ anā min weīn / – “звідки я” – питальне речення, питальний займенник у постпозиції; فرحة فرحي وهمة همي/ farħu faraħī wa hammu hammī / – “його радість – моя радість, його турбота – моя турбота” – еліптичне речення; شامم ريحة ارضه بإمي / šāmem rīħat ardo b-immī / – “запах його землі я вдихаю через свою матір” – декларативне речення з активим дієприкметником-предикатом.

Приклад 4.*Текст палестинської пісні*:

إليها بلاد قصة مش جديدة عن بيت كان وما عاد وعن ناس ما
قصة عم نتنشى عن دخان ونار وعن ناس مش أحرار
وعن أولاد صغار هاللي بدل ما يلعبوا عم يرموا احجار
اللي صار ما راح ننساها
بس بكرة يوم جديد وهالطريق بتوصل لبعيد
خلينا احنا سوا نمشي فيها يد في يد
بعد شويء ها الشمس بتغيب بتركني لحالي بهذه البلد غريب
لو نديت لنجوم السماء بلكي النور بيرجع عن قريب

/ ميرا عوض – بكرة /

/ ’Ussa meši ğdīdi ‘ān bīt kān w mā ‘ād wa ‘ān nās mā ilhā blād
’Ussa ‘ām tantasā ‘ān duĥān u n-nār wa ‘ān nās mīš aħrār
Wa ‘ān awlāde zġār allī badal mā ial‘abū ‘ām iarmū aħğār
Mā Rah nnsā hallī şār
Bas bukra ioume ğdīd wa ha t-tari’a btūsal liba‘īd
Ĥallīnā iħnā sawā nimšī fīha īde f īd
Ba‘de šwai ha š-šams bitġīb bitreknī liħālī bha l-bladu ġarīb
Law nadīt lanğūm es-sama’ belki n-nūr biarğā‘ ‘ān ‘ārīb /

(Стара історія про дім, якого не стало, про людей, у яких немає країни. Історія, що забувається, про дим та вогонь, про поневолених людей, про малих дітей, що кидають каміння замість того, щоб гратися. Ми не зможемо забути те, що сталося. Але завтра – новий день, і цей шлях вкаже далеке (конотація омріяного далекого). Давайте разом йти по ньому, взявшись за руки. Незабаром сонце зникне, залишивши мене насамоті у цій чужій країні. Може, якщо я покличу зорі небесні, світло скоро повернеться? / Міра Авад – “Завтра” /

***Риси східносередземноморського койне у прикладі* 4:**

Фонетика: قصة/ ’ussa / – “історія” – якісна редукція голосного у першому складі / i / – / u / ; الطريق / t-tari’ / – “шлях”; / عن قريب / ‘ān ‘ārīb / – “невдовзі” – ق дисимілюється до “гортанного вибуху”; صغار / zġār / – “маленькі” – пом’якшена вимова ر, редукція голосного у ненаголошеному складі, асиміляція ص до غ за дзвінкістю; مش جديدة/ meši ğdīdi / – “не нова”; نجوم / nğūm / – “зірки”, أحجار / aħğār / – “каміння” – ج артикулюється пом'якшено, як французьке “j”; بيت / bīt / – “дім” –

кулюється пом'якшено, як французьке "j"; بيت / bīt / – "дім" – стягнення дифтонга "ai", перетворення його на "ī"; و / u / – "та" – стягнення дифтонга "aw"; يوم / ioume / – "день" – епентеза наприкінці слова, поява голосного звуку "e".

Морфологія: مش جديدة / meši ğdīdi / – "не нова", / ناس مش أحرار / nās mīš aḥrār / – "невільні" – заперечувальна форма іменника, утворена за допомогою частки "مش" (спільна з єгипетським діалектом структура); عم يرموا احجار / ʻām iarmū aḥğār / – "продовжують кидати каміння" – вираження форми недоконаного виду та процесуальності за допомогою частки "عم"; بتركني / bitreknī / – "залишить", بيرجع / biarğāʻ / – "повернеться" – форми преформативів, утворені за допомогою частки "ب"; ها الشمس بتغيب / ha š-šams bitġīb / – "сонце сховається" – форма теперішньо-майбутнього часу; ما راح ننساها اللي صار / mā rah nnsā hallī ṣār / – "не забудемо те, що сталося" – заперечувальна форма майбутнього часу.

Лексика: بلكي/ belki / – "можливо"; شويء/ šwai / – "трішки"; لحالي / liḥālī / – "на самоті"; إليها / ilhā / – "в неї"; بس / bas / – "але, тільки, лише".

Синтаксис: هالطريق بتوصل لبعيد / ha t-tari'a btūsal liba'īd / – "ця стежина виведе на майбутнє" – дієслівне речення теперішньо-майбутнього часу;عن بيت كان وما عاد / kān w mā ʻād / – "було й не стало" – декларативне речення, що виражає процесуальність; خلينا احنا سوا/ ĥallīnā iḥnā sawā / – "давай ми з тобою разом" – речення імперативного характеру з розділовим займенником.

У вищенаведених прикладах ми проаналізували на чотирьох мовних рівнях ті риси, які, на нашу думку, дають підстави вважати тексти сучасних популярних пісень Сирії / Лівану / Йорданії / Палестини приналежними до єдиного діалекту, а точніше – східносередземноморського койне, де найчастіше виявлено на фонетичному рівні: редукцію голосних, наприклад перехід кінцевої ة у «е» або «ī»; редукції голосних у ненаголошеному складі, їх взаємопереходи a-e-u тощо, дисиміляція приголосних, як то заміна міжзубних приголосних дентальними ت – ث, د – ذ, гортанний вибух або одзвінчене -ŕ-замість ق, ج артикулюється пом'якшено. Морфологічний рівень засвідчує наявність специфічних закінчень та часток; зміст лексичного рівня було звірено з довідкою Словника сирійської мови М. Ель-Массарані, а на синтаксичному рівні було виявлено характерні конструкції.

Як відомо, двома найбільшими центрами мас-медіа на Близькому сході є Ліван та Єгипет. Тому виконавці, скажімо, з Лівану можуть у деяких творах послуговуватись єгипетським діалектом, зважаючи на авторство пісенного твору. Зустрічається також і виконання літературною мовою, де тексти є заздалегідь підготовленими, академічними, написаними сучасною арабською мовою. У процесі нашого дослідження ми здійснили суцільну вибірку сотні пісень, по 25 з кожної країни та проаналізували статистичні дані (таб. 5) щодо її діалектної картини, ми аналізували: діалектні маркери на спільність, а також те, яким є процентне співвідношення у вживанні сучасної арабської мови / східноземноморського койне / інших діалектів для заявленого регіону у мас-медійних пісенних текстах аналізованої вибірки.

Зауважимо, що приналежність до тієї чи іншої країні тексту пісні ми визначали згідно з інтернет-ресурсами, беручи до уваги походження виконавця, країну виробництва, а також мову пісенних творів (сиро-палестинське койне). Наявність діалектної ідентичності може слугувати підтвердженням того, що авторами є представни-

ки одного регіону або центру поширення медіа-дискурсу. Проте, дані вищенаведеної таблиці (таб. 5) свідчать про вірогідність потрапляння текстів єгипетських авторів у тематичний репертуар східносередземноморських виконавців, що є виправданим з огляду на медійну активність Єгипту (але ми вважаємо такі тексти поза межами нашого дослідження, лише фіксуючи це явище як замальовки мовної ситуації]. Найбільший процент нами було зафіксовано на прикладах сирійських та ліванських пісень. Проте літературна форма текстового побутування лишається актуальною (з найвищим показником у Сирії та Палестині, 28%), що пояснюється тяжінням до покладення творів літературної спадщини арабських поетів на музику (зокрема, Нізара Каббані та Махмуда Дервіша).

Таблиця 5.

Співвідношення вживання літературних та діалектних форм у зразках. Східносередземноморське койне / інші форми

Мовна форма	Країни			
	Сирія	**Ліван**	**Палестина**	**Йорданія**
Діалектна форма (східносередземноморське койне)	52%	76%	68%	100%
Літературна форма	28%	-	28%	-
Інші діалекти, у аналізованому випадку – єгипетський діалект	20%	24%	4%	-

Висновки та перпективи. Проведене нами дослідження на прикладі діалектних маркерів дозволяє дійти висновку про те, що тексти сучасного пісенного дискурсу Східного Середземномор'я є типовими зразками існування діалектного мовлення у цьому регіоні, яке існує на рівні ЗМІ та популярної культури. Вивчення цих зразків дає змогу фіксувати актуальні на синхронному етапі розмовні форми, що застосовувані арабами аналізованого регіону та використовувати ці відомості у практичних цілях.

Література

1. Рыбалкин В.С. Классическое арабское языкознание / Валерий Сергеевич Рыбалкин. – К.: Стилос, 2003. – 405 с.

2. Kaye Alan S. Semitic Linguistics in the New Millenium / Alan S. Kaye / / Journal of the American Oriental Society. – 2003. – Vol. 123, No. 4. – P. 819-834.

3. Шарбатов Г.Ш. Арабский литературный язык, современные арабские диалекты и региональные обиходно-разговорные языки / Г.Ш. Шарбатов / / Языки Азии и Африки, IV. – Кн. 1. – М.: Наука, 1991. – С. 250-330.

4. Сирийский язык (библиографическая статья) / Агатангел Крымский / / Энциклопедичесий словарь. – Полутом 56. – СПб.: Брокгауз – Ефрон, 1900. – С.73-74.

5. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / Олена Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.

6. Ferguson C. Diglossia / C. Ferguson / / Language and Social Context ed. By Pier Paolo Giglioli . – 1972. – Harmondswoth: Penguin. – P. 232-251.

7. Abdel Jawad H. The emergence of an urban dialect in the Jordanian urban centres / H. Abdel Jawad / / International Journal of the Sociology of Language. – Vol. 61. – New York, 1986. – P. 53-63.

8. Ismail, Hanadi. The variable (H) in Damascus: Analysis of a Stable Variable / Hanadi Ismail / / Arabic dialectology : in honour of Clive Holes on the occasion of his sixtieth birthday / edited by Enam Al-Wer and Rudolf de Jong. Leiden and Boston: Brill, 2009. – P. 249-272.

9. Dendane, Z. Sociolinguistic variation in an Arabic speech community: Tlemcen / Z. Dendane / / Cahiers de Dialectologie et de Linguistique Contrastive. – 4. – Tlemcen, 1994 – P. 62-77.

10. Al-Wer E. Raising of / a / and related vocalic movements in the emerging dialect of Amman. M.Mifsud (ed.): Proceedings of the 3rd International Conference of Association Internationale de Dialectologie Arabe (AIDA]. – Malta: Salesian Press., 2000. – p. 77-83

11. Owens J. A linguistic history of Arabic / J.Owens. – Oxford and New York: Oxford University Press, 2006. – 316 p.

12. Crow F. Arabic manual: a colloquial handbook in the Syrian dialect. – / F. Crow. – London : Luzac & Co., Luzac's oriental grammar series. – Vol. IV. – Publishers to the India Office, 1901. – 333 p.

13. Lentin J. Quelques Données Sociolinguistiques sur l'Arabe Parlé á Damas ála Fin des Années Mille Neuf Cent Soixante-dix / J.Lentin / / Arabic dialectology : in honour of Clive Holes on the occasion of his sixtieth birthday / edited by Enam Al-Wer and Rudolf de Jong. – Leiden and Boston: Brill. – 2009 . – P. 249-272.

14. Эль-Массарани М., Сегаль В.С. Арабско-русский словарь сирийского диалекта [около 12000 слов] / М. Эль-Массарани, В.С.Сегаль. – М.: Русский язык, 1978. – 552 с.

15. Dozy R. Supplement oux dictionnaires arabes : T. 1, 2 / R.Dozy. – P, 1927. – 598 p.

16. Corwell M. A reference grammar of Syrian Arabic (based on the dialect of Damascus) / M.Corwell. – Washington: Georgetown University press, 1964. – 588 p.

Кулибаба А. С. Современная лирическая песня восточного средиземноморья с точки зрения арабской диалектологии / А. С. Кулибаба // Ученые записки Таврического национального университета имени В. І. Вернадського. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 89–98.

Статья посвящена исследованию текстов арабских песен региона Восточного Средиземноморья (представленного странами: Сирия, Ливан, Иордания и Палестина), с точки зрения тех диалектных маркеров, которые дают основание считать анализируемые тексты действительно принадлежащими к диалекту упомянутого региона. Предлагается анализ текстового материала на четырех языковых уровнях. Результатом авторского исследования являются данные, основанные на реализации диалектных маркеров, которые свидетельствуют принадлежность речи современных популярных песенных текстов к единому культурному региону на основании общих особенностей.

Ключевые слова: сирийский диалект арабского языка, диалектные маркеры, регион Восточного Средиземноморья, текст арабской песни.

Kulibaba A. S. Modern lyrical song of the eastern Mediterranean in terms of Arabic dialects / A. S. Kulibaba // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 89–98.

The present study examines the texts of Arabic popular lyric songs of Eastern Mediterranean region (which is represented by the contemporary territory of Syria, Palestine, Lebanon and Jordan), using a dialect markers analysis technique which is based on estimating the song text according to four language levels that is phonetical, morphological, lexical and syntax level. Correspondingly to mentioned above dialect markers presentation in the song texts of analyzed territory the author makes an attempt to explain the manner of indicating the texts origin and belonging. As far as one deals with Eastern Mediterranean regional dialect of Arabic. It should be pointed out that in spite of Arabic countries diversity, four mentioned above countries considered to be one cultural and dialect unit. Consequently we see it important to demonstrate this fact using songs' texts as an example.

The dialectal variation of Arab world have always been one of the top interests for domestic and European Arabic linguists that is caused by the practical needs of Arabic studies. Arabic language diversity topic was elucidated by Ch.Ferguson 1972, J.Owens 2006, G.Sharbatov 1991, Dozy R. 1927, M.Bahloul 2005, M.Ennaji 2005 e.c. As for the Eastern Mediterranean region, the studies that examines this dialectal variation of Arabic were held by F.Crow 1901, M.Corwell 1964, H.Ismail 2009, J.Lentin 2009, H. Abdel-Jawad 1986, E.Al-Wer 2000. Obviously that mostly and originally Arabic diversity investigations were held by European

researchers as far as traditional Arabic viewpoint was arguing against the relevance of such studies when stressing on the importance of Classical Arabic role as one having a sacral status, but recently Arabic sociolinguists make a considerable contribution into the topic investigation. On the basis of linguistic structure approach and current Arabic dialectal literature, the paper investigates a few closely related dialects of Eastern Mediterranian region attempting to trace its geo-dialectal map.

Thus we have surveyed the similarity of dialectal presentation throughout the introduced examples. To our findings, the fact of similarity in our case, that is related to the low variety of Arabic due to mass-culture environment, can be explained either by the regional identity or by the author's authority and the text origin as far as Middle East media-centers can produce typically similar discources.

Key words: Syrian dialect of Arabic language, dialect markers, Eastern Mediterranian region, the text of Arabic song.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 99–104.

УДК 398.1

ПАРАДИГМА «СЕЙИД» В АРХЕТИПЕ МУДРОГО СТАРЦА

Кулиев Х. В.

Институт Фольклора НАНА
E-mail: Quliyevh@Mail.Ru

В статье концепт «сейид» (господин) рассматривается как парадигма архетипа мудрого старца. В ходе исследования выяснилось, что представления о мудрости и старости трансформировались в образ сейида. Именно в связи с этим концепт сейида, наряду с исламизированным контекстом, может заключать в себе также качества, связанные в культуре с образом мудрого старца. Автор акцентирует внимание читателя на том факте, что образ старого мудреца присущ всем культурам. В данной статье на материале фольклора, полуреальных, полулегендарных сказов рассмотрена трансформация образа сейида, выделены его основные функции и особенности. Автор подчеркивает основные качества сейида – святость и мудрость, основываясь на них, раскрывает его образ в контексте фольклорных сказов. Вместе с этим подчеркнут факт отрыва образа сейида от религиозного контекста. Автором отмечено, что институт сейидства как социально-культурная структура объединяет в себе сложные слои и уровни. Сегодня образ сейида продолжает существовать в обличие фактов и деталей мифологического и исторического сознания.

Ключевые слова: мудрый старец, архетип, сейид, святыня, очаг, парадигма «сейид», змеиный очаг, фаллический символ.

Постановка проблемы. Архетип мудрого старца проявляется внутри каждой культуры на уровне многочисленных образов. В этом плане анализ образа сейида и других святых лиц (точнее – связанных с ними фольклорных текстов) в составе культурных структур могут привести к интересным результатам. Такой анализ становится неизбежным, если принять во внимание ту значительную роль, которую играют сейиды, а также связанные с их именем сакральные места в жизни этноса. Также не может оставаться в стороне от исследования и специфика сакрализации объектов, имеющих отношение к сейидам или святым, в том числе трансформативное отношение к ним фольклора.

Прежде чем перейти к основному предмету данной статьи хотелось бы особо отметить то, что во время анализа в качестве объекта за основу берутся фольклорные тексты, связанные с сейидством. Цель нашего анализа – определить приобретенную сейидством фольклорную семантику в рамках семантики мудрости и патриархальности, а также качества архетипа мудрого старца, воплощенные в образе сейида.

Во всех регионах Азербайджана существует особое отношение и почтение к сейидам. Здесь не найдется такого уголка, где бы ни было сейидов. С их именем связано множество полуреальных, полулегендарных сказов, в основе которых значительна роль фольклора и фольклоризации. В основу нашего исследования легли обнаруженные нами факты и записанные образцы.

Таким образом, два главных качества характеризуют сейида: святость и мудрость. По нашему мнению, здесь произошла трансформация исламских идеалов в образе святого старца. В связи с этим, две черты особенно проявляются у сейидов:

1. Юноши, носящие имя сейида, в обществе чаще всего имитируют деятельность старца-аксакала (степенное поведение, мудрые советы и т. д.).

2. Традиционно у сейидов чаще всего в пожилом возрасте проявляются чудодейственные способности (вообще, сейиды представляются в виде седых аксакалов).

В ходе нашего исследования было выявлено, что даже те лица, которые далеки от предписаний ислама, все же заслуживают уважения в обществе. В целом, в некоторых случаях сейидство проявляется лишь в названии, что связано с уважением и вниманием к старцу и аксакалу, исконно живущими в народной памяти.

Прежде всего, обратим внимание на два выражения, связанные с мудрым аксакалом: *«Ağıl yaşda deyil, başdadır»* («Не по возрасту судят об уме») и *«Saqqalım yoxdur, sözüm keçmir»* (букв.: «Нет бороды, потому и не имею авторитета»). Смысл первого высказывания сводится к тому, что и молодой человек может быть мудрым. Однако во втором примере мы сталкиваемся с противоположным смыслом: безбородый (т.е. не удрученный опытом) молодой человек не может быть принят обществом как мудрец. Компонент «борода» (“saqqal”) во втором выражении свидетельствует об авторитете, почете в обществе образа (семантемы) аксакала. Таким образом, перед нами два выражения, отражающие диаметрально противоположные взгляды общества на понятия «мудрость» и «мудрец». Подобное противопоставление само по себе снимает определенную коллизию между мифологическим и историческим сознанием, а это в свою очередь показывает, что в синхронном плане нельзя ограничивать понятие «мудрость» только внешними признаками. Следовательно, понятие «сейидство» окутано двойной семантикой:

1. Автоматическое присвоение и ношение этого «титула» ввиду сакрального рождения и принадлежности к роду пророка.

2. Традиционная защита и передача накопленного опыта, связанные с древним культом предков.

Это свидетельствует о том, что любая социальная группа и культурная среда реализуют свою потребность в мудром лидере посредством института аксакалов. Причиной широкого распространения института сейидства, а также почтительного отношения к его представителям является все та же потребность общества в мудром лидере на локальном уровне (в селе, районе, региональной зоне и т.д.).

В целом, самоорганизация любого общества исторически происходила посредством механизма аксакалов и мудрецов. Наглядным примером является история древнейших социально-политических структур в Азии и в Европе. З.Фрейд, изображая австралийцев в своем произведении «Тотем и табу», писал: «Проблемы людей обсуждались на совете пожилых» [3, 6]. Самоорганизация общества, проводимая на локальном уровне мудрыми старцами, впоследствии была реализована сейидами.

Интересно также отметить, что образ мудрого старца согласно требованиям патриархального общества, реализуется в мужском типе. Именно в связи с этим функции мужчин-сейидов являются наиболее распространенными и принимаемыми обществом по сравнению с женщинами-сеидами. С другой стороны, унаследование

сейидства от отца указывает на патриархальные отношения в контексте тюркской культуры. Таким образом, образ сейида воплощал в себе культовый уровень мудрого старца и потому является носителем этого культа. Исходя из эпоса «Китаби-Деде Коркуд» [2], можно выделить следующие критерии, необходимые для существования мудрого старца в обществе:

1. Неприкосновенность (на него нельзя поднимать руку).
2. Принадлежащие ему вещи спасают человека от смерти.
3. Решение спорных вопросов.
4. Предсказывание будущее.
5. Сакрализация могил (например, многочисленные могилы Деде Коркуда).
6. Руководство по организации изменения статуса (наречение имени и т.д.).
7. Возведение их рода к роду пророка или другим святым.

Естественно, что эти качества можно увеличить. Сейиды, принятые нами, как парадигма архетипа мудрого старца, обладают также нижеследующими функциями и качествами:

1. Сакрализуются их жилища, могилы, вещи, которые считаются святыми. Над их могилами возводятся мечети, мавзолеи.

2. В одно и то же время могут находиться в разных местах, появляясь в трудные минуты рядом с человеком, помогают ему.

3. Выступают в качестве правителя ритуала при обетах и жертвоприношениях святым, или сами принимают определенные жертвоприношения и обеты.

4. Являясь представителями мужского начала (как признак, присущий также дервишам), одаривают бездетных детьми.

5. Выполняют функцию передачи эзотерического содержания окружающего мира в профанный мир (творят чудеса и т.д.).

Эти качества, выделенные нами для сейидов, можно в определенной степени отнести и к образам аксакала, пожилого человека, дервиша. Архетип спонтанно распределяет в сознании события и образы действительности. В этом плане реальные факты также приобретают определенную ценность. Решение сложных ситуаций в обществе происходит посредством образов, порожденных архетипом. Это достигается благодаря «внутрипсихический автоматизм» [4, 300]. Например, лицо, успокаивающее враждующие стороны (или драку), бывает, как правило, седым, белобородым старцем. Только при его вмешательстве, силой его мудрых слов удается избежать кровопролития и добиться примирения. Следовательно, каждый из нас даже в самой напряженной ситуации не может выйти за эти рамки. Естественно, этого от нас требую архетипы. Так же и в текстах, связанных с сейидами, проявляются качества, порожденные архетипом мудрого старца.

Для начала обратим внимание на факты чудесных проявлений, связанных с сейидами. Они, как видно из имеющихся у нас текстов, утверждают тем самым свой статус в обществе. С одной стороны это показатель необыкновенных способностей, а с другой – факт, указывающий на наличие святости. В одном из таких текстов говорится: У Гаджи Касума Челеби было 40-100 мюридов (учеников). Одного из них звали Сирийли Мюршуд. Однажды люди обратились к Гаджи, что Мюршуд был твоим учеником, пусть он удивит нас чем-нибудь. Тогда Гаджи Касум Челеби сказал мюри-

ду, чтобы тот опустил руку в кипящий котел с мясом. Мюршуд беспрекословно выполнил приказ учителя. После этого Гаджи сказал присутствующим: «Видите! Он не обжег руку. Он сделал так, что кипящее в котле мясо стало холодным как лед» [1, 77]. В другом тексте говорится, что Гаджи Касум Челеби однажды проходил по лесу, как вдруг два-три человека преградили ему дорогу и потребовали показать чудеса. Он позвал куропаток, которые сели ему на руку, а затем улетели [1, 80].

Из этих текстов видно, что сейиды обладают необыкновенными способностями (их руки не обжигает кипяток, они понимают язык птиц и т.д.), отличающими их от обычных людей.

В одном из образцов записей, собранных нами в Зангиланском районе Азербайджана, говорится, что «в период войны 1941-1945 годов Сейид Гасан-аге также пришла повестка и его хотели отправить поездом на фронт. Сколько бы люди ни твердили, что он – сейид, ага, никто не слушал их и не придавал этому значения. И тут произошло необъяснимое – поезд не смог тронуться с места…Сменили машиниста, но и это не помогло. Решили послушать людей и высадить Сейида Гасана-агу с поезда, и …поезд поехал, снова посадили в поезд, поезд опять не сдвинулся с места. В конце концов, его не отправили на войну» [5]. Здесь, как видим, проявляются связи сейидов с неизвестными нам силами, их обладание эзотерическими знаниями.

Змеиные святилища и отношения сейид-змея.

Одним из значимых фактов, связанных с сейидами, является вопрос о змеиных святых местах, а также отношение сейида и змеи. Рассмотрим некоторые из этих текстов.

Прежде всего, обратим внимание на текст, связанный с отношением сейид-змея: *Говорят, что змея, ужалив человека, приходит к святому месту. Человек тоже должен как можно быстрее пойти к очагу. Если змея придет туда раньше, то погибнет человек, а если человек опередит змею, тогда погибнет она* [5].

В одном из текстов описывается, что *Мы посылаем к змеиному святилищу в Собу сахар, деньги, или любое подношение. Из того места приносим горсть земли и посыпаем ею ребенка, и тогда змея никогда не тронет ребенка. Если же бросить эту землю на змею, то она будет не в состоянии куда-либо уползти. Однако нельзя брать землю из других мест, а только из этого святилища. Такую землю называют "заколдованной землей* [1, 73].

Следует отметить в связи с данным текстом, что указанный в приведенном тексте змеиное святилище и вера в него существовали до недавнего времени (т.е. до оккупации Зангиланского района Азербайджана). Нам кажется, что змеиные святилища связаны непосредственно с культом змеи. На основании текстов можно установить сакрализацию святилищ, их целебное значение. Со временем змеиные святилища превращались в святилища сейидов. Соединение этих фактов в одно целое требует психомифологического объяснения. Прежде всего, в архаических культурах змея указывает на хтоническую сущность, подземный и другие миры. Психологически этот образ является мужским (фаллическим) символом. Из сказок также известно, что герой появляется в образе змеи и сватается к девушке или же, обвиваясь вокруг нее, желает вступить в брак. В то же время в азербайджанском фольклоре существуют, наряду с указанными, и такие функции, как дарение определенных вол-

шебных предметов или качеств (например, способность понимать язык птиц, животных и т.д.), указание пути, спасание героя из трудной ситуации и др. Особенности, связанные с сейидами, состоят также главным образом из перечисленных выше функций. Известно, что змея – символ мудрости, фаллический символ, спасительница, целительница, ведет свой род от мужского начала (тех людей, чья мать является сейидом, можно навещать только раз в неделю – по четвергам и это может унаследовать одно поколение). В целом, отношения сейид-змея богаты семантическими элементами. Например, лица, именуемые змееловами и читающие молитвы и заклинания, пользуются уважением в народе. Иногда подобные акты можно увидеть и в институте сейидства. При внимательном рассмотрении можно заметить, что в текстах, связанных с сейидами, эзотерические знания занимают важное место. Не только змеи, но и другие вещи, и предметы, животные и растения подчиняются власти и воле сейида. Этот механизм в основном направлен на сакрализацию сейидства. Сказочный герой, обладающий необыкновенной силой и способностями, так же воплощает в себе все уровни действительности (он спускается в подземное царство, проходит через ритуалы, приобретая тем самым неестественные качества). Согласно традиции, герой приобретает такие качества, и после встречи с дервишем или стариком. Подчинение змей сейидом указывает на его отношение к обоим мирам и обладание тайными знаниями.

В текстах, связанных с божественным даром, встречаем интересные факты, касающиеся и сейидства, и дарования потомства. Например, в одном из текстов говорится, что в Ордекли произошло следующее событие: *«Около змеиного святилища жила девушка. Приходят однажды две змеи. Та змея, у которой был повязан черный платок, сказала, что у девушки будет дар. Девушка, взяв платок, онемела. Она решила пойти к покойному ныне Сейиду Гусейн-аге. Оставшись там три-четыре дня, она снова приобрела дар речи. Девушка рассказала обо всем сейиду. Он сказал, что если бы ты не взяла платок, то осталась бы немой. Если этим платком обвяжет себя вокруг пояса женщина, то у нее непременно будет ребенок»* [1, 83].

В данном тексте имеют несколько деталей, связанных с сейидством. Во-первых, девушка обрела дар речи после того, как осталась в доме сейида на три-четыре дня. Во-вторых, сейид здесь является носителем эзотерических знаний. В то же время, в данном тексте платок, подаренный змеей, обладает также функцией дарования потомства. И здесь змея снова посредством фаллического символа является выразителем мужского начала. Одним из важных фактов, связанных с сейидством, является способность дарования потомства. Традиционно эту функцию выполняют несколько образов: дервиш, старуха, змея и т.д. В рассказах о сейидах так же встречаются ситуации, когда семьи, не имеющие детей, уверовав в целебную силу святилищ, наделяются потомством. И здесь проявляется фаллическая символика.

Выводы и перспектива. В заключение нашего обзора можно сказать, что институт сейидства как социально-культурная структура объединяет в себе сложные слои и уровни. Сегодня образ сейида продолжает существовать в обличие фактов и деталей мифологического и исторического сознания.

Литература

1. Антология Азербайджанского фольклора. Книга XII (зангезурский фольклор]. – Баку: Сада, 2005. – 464 с.
2. Китаби-Деде-Коркут. – Баку: 1999. – 704 с.
3. Материалы из личного архива
4. Фрейд З. Тотем и табу / З. Фрейд. – Баку: 2012. – 208 с.
5. Юнг К.Г Душа и миф: шесть архетипов / К.Г.Юнг. – Киев: 1996. – 384 с.

Кулієв Х. В. Парадигма «Сейід» у архетипі мудрого старця / Х. В. Кулієв // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 99–104.

У статті концепт «Сейід» (пан) розглядається як парадигма архетипу мудрого старця. У ході дослідження з'ясувалося, що уявлення про мудрість і старість трансформувалися в образ Сейида. Саме у зв'язку з цим концепт Сейида, поряд з ісламізованим контекстом, може містити в собі також якості, які пов'язані в культурі з образом мудрого старця. Автор акцентує увагу читача на тому факті, що образ старого мудреця притаманний усім культурам. У даній статті на матеріалі фольклору розглянута трансформація образу сейіда, виділено його основні функції та особливості. Автор підкреслює основні його якості: святість і мудрість, грунтуючись на них розкриває його образ у контексті фольклорних оповідей. Автором зазначено, що інститут сейідства як соціально – культурна структура об'єднує в собі складні шари та рівні. Сьогодні образ Сейіда продовжує існувати як факт і деталі міфологічної та історичної свідомості.

Ключові слова: мудрий старець, архетип, Сейід, святиня, вогнище, парадигма «Сейід», зміїне вогнище, фалічний символ.

Guliyev H. V. The paradigm of “Sayyid” in the archetype of the wise old man / H. V. Guliyev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 99–104.

In this paper the concept of “Sayyid” (the master) is considered as a paradigm of the archetype of the wise old man. During the study the author found out that views about the wisdom and old age were transformed into the image of Sayyid. In this regard the concept of Sayyid along with the Islamized context may also contain the qualities associated with the image of the wise old man in the culture. In the article the semantics of “Sayyid” (the master) is studied as a paradigm of the wise old man archetype in isolation from the context of Islam. The author draws the reader’s attention to the fact that the image of an old wise man is inherent in all cultures, but in each of them he acquired his personal characteristics. In this paper the transformation of the master image is examined, its basic functions and features are marked out. The author emphasizes the basic master’s qualities: holiness and wisdom and bases on them he reveals his image in the context of folk tales. At the same time he stresses the fact of the separation of the master image from the religious context. In a separate category the relationships sayyid – snake are marked out. The image of the snake is discussed and its characteristics in terms of mythology are given.

The author notes that the institute “Sayyid”as social and cultural structure that combines the complex layers and levels. Today, the image of Sayyid continues to exist in the guise of the facts and details of the mythological and historical consciousness.

Key words: wise old man, an archetype, Sayyid, the sacred place, the fireplace, the paradigm of “Sayyid”, snake hearth, a phallic symbol.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 105–110.

УДК 821.512.161-1

ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ АШИКСКОЙ ПОЭЗИИ

Бейтуллаева М. Ю.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
E-mail: muzine_160289@mail.ru

Одним из основных литературных направлений в турецкой литературе является ашикская поэзия. Данное направление зародилось на территории Турции в 15 веке. Источником ашикской поэзии явилась устная турецкая литература. Все произведения этого направления исполнялись под аккомпанимент саза. Писателей, представителей ашикской поэзии называли «ашиками». Сам процесс написания и исполнения назывался «ашиклама». Ашикская поэзия, как любое другое литературное направление имело свои особенности, которые были свойственны исключительно этому направлению.

Ключевые слова: ашикская поэзия, ашик, ашиклама.

Постановка проблемы. Ашикская поэзия играет одну из основных ролей в турецкой литературе. Она передавалась из поколения в поколение на протяжении многих веков, сумев сохранить свой первозданный вид. Ашикская поэзия, вобрав в себя особенности всех видов турецкой литературы, стала одним из уникальнейших направлений в турецкой литературе. Источниками данного направления стали: религия, культура и бытовая жизнь людей. Одной из основных особенностей ашикской литературы является то, что она исполняется под аккомпанемент саза. Актуальность проблемы и стрессы, с которыми встречается так часто современное общество, является результатом недостатка знания. Для стимуляции развития человеку необходимо читать. Литература для чтения должна быть интересной и качественной.

Ашикская поэзия вобрала в себя особенности всех видов и направлений турецкой литературы. Она несет важную информацию, необходимую для человека касательно его культуры, религии, истории, традиций и моральных ценностей.

Ашикская поэзия подобна некому путеводителю. Она помогает человеку узнать ближе самого себя и познать истину.

Результаты данного научного исследования направлены на более глубокое изучение проблем в данной сфере.

Цели:

-Изучить историю зарождения и развития ашикской поэзии.

-Исследовать основные составные ашикской поэзии.

-Выявить источники, послужившие зарождению данного литературного направления.

Методы, использованные в данном научном исследовании. В данном исследовании был использован метод наблюдения, а также исторической метод, при изучении материала, связанного с историей развития ашикской поэзии. При анализе и

сопоставлении материала был использован аналитический метод. При подведении итогов был использован статистический метод исследования.

Данная статья содержит общее понимание ашикской поэзии, как направление турецкой литературы.

Одним из самых основных направлений турецкой литературы является ашикская поэзия. Она передается с поколения в поколение вот уже много лет. Ашикская поэзия берет свои истоки с первородной устной турецкой литературы. Она несет в себе основы культуры и примеры моральных ценностей. Большое влияние на ашикскую поэзию оказали религия и быт.

Поэтов, которые являлись представителями данного направления, называли «ашиками» Сам процесс написания и воспроизведение своего детище в народе называли «ашиклама». Данный термин, применяется и в наше время в узких кругах.

На данное направление литературы большое влияние оказала религия. После принятия турками ислама, основной темой во всех произведениях стала религия, а именно выражения любви Всевышнему.

Источником ашикской поэзии явилась устная турецкая литература доисламского периода. Она зародилась в 15 веке и дошла до наших дней. Произведения в ашикской поэзии исполнялись под аккомпанемент саза. До принятия турками ислама, представителей данного направления в литературе называли «озанами», «баксы» и «камами». А после принятия ислама, их стали называть «ашиками» и «поэтами с сазом». А данную ветвь в литературе стали именовать как «ашикская поэзия». Ашикская поэзия состоит из стихотворений. Знания передавались от мастера-ашика ученику. И это являлось одной из основных отличительных черт данного направления литературы. Многие ашики даже не умели писать и читать, но владели невероятным талантом сочинять стихи и исполнять их под саз. Ашики воспитывались и учились всему у своих мастеров, затем, когда мастер определял их полную готовность, они покидали свои места пребывания, и отправлялись на поиски своей музы.

Свои умения ашики демонстрировали на специальных соревнованиях, в ходе которых определяли лучшего ашика. Основным критериев соревнования было то, что они устраивались в формате «бой один на один», при участии двух ашиков, которые должны были построить диалог в стихотворной форме под аккомпанемент саза. Наиболее талантливый и умелый был вознагражден. Чуть позже, ашикская поэзия стала переходить из устной формы уже и в письменную. Записывать ее стали ашики-ученики, которые уже владели грамотностью, в книгу, которую они назвали «джонк». Таким образом, это стало препятствовать постепенному исчезновению произведений.

Известный литератор Эрман Артун говорит об ашикской поэзии так: «ашикская поэзия – это плод суфийской мысли и Османского жития. Изначально она зародилась и развивалась как религиозно-суфийское направление, затем по некоторым социальным и политическим причинам она была видоизменена и предстала совсем в новом, неподражаемом виде» [1, 2-4].

Ашикская поэзия была своего рода продолжением устной литературы после принятия турками ислама. Так как, в 11 веке в Сельджукской Империи, воздвигнутой султаном Меликшахом, основным языком являлся персидский, не было произ-

ведений на турецком, в основном все произведения написаны на огузком наречии. Начиная с 9 века, как только турками был принят ислам и до периода Танзимат основным критерием всех произведений был их религиозный характер. И после принятия ислама, произведения также носили религиозный характер. Классическая ашикская поэзия несколько отличается от ашикской поэзии, которая подверглась некоторым культурным реформам, и не каждое ее произведение теперь носило именно религиозный характер.

Основными темами в ашикской поэзии были: природа, человек, любовь, героизм и т.п. В произведениях таких представителей ашикской поэзии как Ашик Омер, Гевхери и Дертли, которые начинали писать в стиле Диван и продолжили как ашики, заметно прослеживается влияние диванского направления. Хоть и в их произведениях нет ни диванской техники, ни духа, но ярко выделяется стихотворная форма, рифмовка и тематика диванского направления. Хоть и ашики уже не пишут в религиозном стиле, но влияние суфийской литературы все же дает о себе знать. Мысль произведений, вопросы жизни и смерти очень схожи с суфийской литературой. Ашиков можно разделить на две группы. В первую группу входили ашики, которые жили среди народа всю свою жизнь, в основном в деревнях, писали об их чувствах и мыслях. Это такие ашики как: до 17 века, Караджаоглан, Кайыкчы Кул Мустафа, Кёроглу, Джезаир, а начиная с 19 века, Дадалоглу, как самый известный. Во вторую группу входили ашики, проживавшие в центре, в столице, в больших городах, которые расположили к себе государственных служащих, и у которых было много привилегий. Это такие ашики как: Ашик Омер, Гевхери, Кятиби. Среди них были и те, кто не играл на сазе, но в основном все они играли.

16 век стал веком развития нерелигиозной литературы. Именно в это время появилось много известнейших поэтов данного направления, таких как: визирь Ахмеда I Мехмет Паша, Бахшы, Оксюз Деде, Кёроглу, Хаяли, Кул Чулха, Чырпанлы, Геда Муслу, Огуз Али и другие.

В 17 веке ашики стали принимать участия в Османских походах, и передавать все это в литературной форме. Их поэтому стали называть «военными поэтами». Это такие представители ашикской поэзии как: Кул Деведжи, Тымышварлы Ашик Хасан, Кятиби, Кайыкчы Кул Мустафа, Ашик Гевхери, Ашик Омер и отличавшиеся от них условиями проживания и воспитания ашики Караджаоглан и Эрджишли Эмрах.

Ашикская поэзия 18 века продолжало свое развитие в том же стиле, что и в предыдущее столетие. Но, в отличие от 16 и 17 веков, 18 век не мог похвастаться сильными поэтами. Важными именами этого столетия были: Ашик Шеми, Ходжаоглу, Дервиш Муса, Равзи, Кабасакал Мехмед, Левхи, Шерми, Кыймети, Махтуми, Деруни, Ашик Сулейман и Кюшади.

19 век стал столетием проникновения ашикской поэзии во дворцы. Махмуд II способствовал тому, чтобы ашики обучались мастерству при дворе. Так продолжалось и при правлении Абдулязиза. Но после правления Абдульмеджида и Абдулязиза ашикская поэзия стала терять свою популярность. Отныне, ашики больше не выступали при дворах. Теперь они выступали в литературных кафе, собирая публику и исполняя свои произведения. На праздник Рамазан и вечерами по пятницам они собирали большую публику.

В 20 столетии продолжателями данного литературного направления стали: Пософлу Мюдами, Кагызмалы Хыфзы, Арданучлу Эфкяри, Байбутлу Джеляли, Шаркышлалы Ашик Вейсель, Юсуфелили Хузури и Али Иззет.

Как и любое другое литературное направление, ашикская поэзия имела особенности, которые были свойственны только этому направлению. Рассмотрим эти особенности подробнее. Итак:

1.В ашикской поэзии все произведения писались исключительно четверостишиями.

2.Ашиком становились тот, кто учился этому у мастера, но был и другой способ. Издавна считалось, что ашиком становятся только после того, как увидят во сне фею и выпьют из ее чаши шербет или воду. Также, некоторые считали, что есть во сне виноград или гранат тоже является предзнаменованием.

3. Все ашики брали себе псевдоним.

4.Учения передавались только от мастера к ученику.

5.Для демонстрации умения и выявления наиболее талантливого из ашиков устраивались состязания, на которых двое ашиков садились друг напротив друга и сочиняли стихи экспромтом в виде вопроса-ответа. Сейчас можно встретить такой же стиль состязаний у рэп исполнителей.

6. Другим испытанием, которое проходили все ашики, являлось состязание под названием «Без губ». Здесь ашики должны были сочинять стихи не употребляя губных звуков б, п, в, м, ф. Между губами ашикам ставили иглу и так начиналось состязание.

7.Еще одна особенность ашикской поэзии – устраивать вечера загадок. Сочиняя загадки в стихотворной форме.

8. А самой основной особенностью ашикской поэзии является саз. Струнный инструмент, под аккомпанемент которого ашики исполняли свои произведения.

Выводы и перспектива. В ходе проделанной исследовательской работы было изучено и использовано большое количество материала, связанного с историей зарождения и развития ашикской поэзии. Также были выявлены основные источники, послужившие ее зарождению на территории Османской империи. Приведены основные особенности ашикской поэзии, а также ее основные представители на протяжении веков.

Литература

1. **Erman Artun** Adanalı Aşıkların Şiirlerinde Kıbrıs Barış Harekatı / Artun Erman – Kıbrıs: Araştırmaları Dergisi, 1996. – 2-4 s. – ISBN 9756403896

2.**Ayhan Bıçak** Kültür Medeniyet İlişkileri / Bıçak Ayhan. – Ankara Türk Yurdu Yay, 1998. – 127-128 s. – ISBN 9789756611906

3.**Ayhan Bıçak** Tarih Biliminde Tarih Bilincinin Yeri / Bıçak Ayhan. – İstanbul: Toplumsal Tarih Yay, 1996. – 32 s. – ISBN 9789757206210

4.**Carter Findley** Tarihçinin Diyalektiği / Findley Carter. – İstanbul: Toplum Yay, 1998. – 57 s.

5.**Carter Findley** Tarihçinin Diyalektiği / Findley Carter. – İstanbul : Toplumsal Tarih Yay, 1998. – 57 s.

6.**David Thomson** Tarihin Amacı / Thomson David. – İzmir: Ege Üniversite Yay, 1983. – 17s

7.**Doğan Kaya** Şairnameler. Âşık Edebiyatına Giriş / Kaya Doğan. – Bişkek: 2003. – 37-38 s – ISBN 9789753382748

8.**Emine Yeniterzi** Dîvân Şiirinde Na't / Terzi Emine. – Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı Yay, 1993. – 27 s. – ISBN 9753890915

9.**Emine Yeniterzi** Edebiyatımızda Hz. Muhammed'in İsimleri ve Harflere Dair / Yeniterzi Emine. – Ankara: Dostluk Yay, 1993. – 8 s. – ISBN 9753890958

10. Enbiyâ, 21:107 [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // www.kurantefsiri.com / kuran_tefsiri / / enbiya / enbiya_suresi_tefsiri.aspx?ayet=107

11.**Ensar Aslan** Çıldırlı Âşık Şenlik / Aslan Ensar. – Ankara: Kalem Yay, 2007. – 354 s. – ISBN 9789750136320

12.**Ensar Aslan** Türk Halk Edebiyatı / Aslan Ensar. – Ankara: Kalem Yay, 2000. – 84 s. – İSBN 9786055985103

13.**Erman Artun** Adana Aşıklık Geleneğinde Yiğitleme / Artun Erman. – Adana: Epsilon Ofset, 2000. – 295-296 s. – ISBN 9789759173845

14. **Umay Günay** Türkiye'de Âşık Tarzı Şiir Geleneği / Günay Umay. – Istanbul: Akçağ Yayınları, 1999. – 108 s. – ISBN 9789753382540

15.**Erman Artun** Aşık Edebiyatı Metin Tahlilleri Mayıs / Artun Erman. – Istanbul: Yeşil Yay, 2010. – 96 s. – ISBN 9786054208517

16.**Erman Artun** Âşık Esrarînin Vehhabi Destanı / Artun Erman. – Elazığ: Ayna Yay, 1999. – 105s. – ISBN 9799756403357

17.**Erman Artun** Âşıklık Geleneği ve Âşık Edebiyatı / Artun Erman. – Istanbul: Kitabevi Yay, 2006. – 90 s. – ISBN 9753383576

18.**Erman Artun** Âşıklık Geleneği ve Âşık Edebiyatı / Artun Erman. – Istanbul: Kitabevi Yay, 2006- 90 s. – ISBN 9753383576

19.**Erman Artun** Dini-Tasavvufî Halk Edebiyatı / Artun Erman. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2002. – 45 s. – ISBN 6054208524

20.**Erman Artun** Dini-Tasavvufî Halk Edebiyatı / Artun Erman. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2002. – 55 s. – ISBN 6054208524

21.**Erman Artun** Karacaoğlan'ın Şiirlerinin Kültür Kaynakları / Artun Erman. – Çukurova: Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi, 2003. – 13s. – ISBN 9789759173845

22.**Erman Artun** Karacaoğlan'ın Şiirlerinin Kültür Kaynakları / Artun Erman. – Çukurova: Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi, 2003. – 13s.–ISBN 9789759173845

23.**Erman Artun** Karacaoğlan'ın Şiirlerinin Kültür Kaynakları / Artun Erman. – Çukurova: Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi, 2003. – 13s. – ISBN 9789759173845

24.**Erman Artun** Karacaoğlan'ın Şiirlerinin Kültür Kaynakları / Artun Erman. – Çukurova: Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi, 2003. – 13s. – ISBN 9789759173845

25.**Erman Artun** 19.yy.Osmanlı Dönemi Ortadoğu'nun Sosyal Tarihine Bir Kaynak: Âşık Esrari'nin Vehhabi Destanı / Artun Erman. – Ankara: Ürün Yay, 2003. – 91s. – ISBN 9789759173845

26.**Erman Artun** Osmanlı-Türk Kültüründe Âşık Şiirinin Belirleyici Rolü / Artun Erman. – Adana: Epsilon Ofset, 2000. – 40s. – ISBN 9786055331061

27.**Fuad Köprülü** Edebiyat Araştırmaları / Köprülü Fuad. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Yay, 1986. – 268 s.

Бейтуллаєва М. Ю. Історія зародження та розвитку ашикської поезії / М. Ю. Бейтуллаєва // Ученые записки Таврического национального университета имени В. І. Вернадського. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 105–110.

Одним з основних літературних напрямків в турецькій літературі є ашикська поезія. Цей літературний вид зародився на території Туреччини в 15 столітті. Джерелом ашикської поезії стала усна турецька література. Усі твори даного літературного напрямку виконувалися під саз. Письменників, представників ашикської поезії називали «ашиками». Сам процес написання та виконання називався «ашиклама». Як і всі інші напрямки в літературі, ашикська поезія мала особливості, які були властиві тільки їй.

Ключові слова: Ашикська поезія, Ашик, Ашиклама.

Beytullaeva M. Y. The origin and development of Ashik poetry / M. Y. Beytullaeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 105–110.

Ashiq poetry is a branch of national literature of Turkey that appeared in 15th century.

Ashiqs gave their knowledge from teacher to follower, from one generation to another. The peculiarity of ashik poets lies in the fact they didn't prepare the declamation of their poems, but improvised it.

Each poem consists of quatrain. In the very beginning the poems had only oral form, but later it was written by its followers in a book called Jonk.

Important is the fact, the poetry is based on religion, customs and traditions of Turks at that time.

Ashiks produced their poems to the accompaniment of saz. The process of producing is called ashiklama.

Ashik poetry can be considered as the continuation of oral literature after Turks had converted to Islam. It should be noted, in the 11th century Persian became an official language of the Seljuk Empire, built by Sultan Melikshah. That is the reason there were not much works in Turkish language. Still some of them were written in Oguz dialect.

Starting with the 9th century when the Turks converted to Islam the literature got religious character.

The main topics rose in the poetry are: nature, people, love, heroism, etc. Among the main representatives are Ashik Omer, Gevhery and Dertly. They began to write using Divan method and then turned to Ashiklama, still the influence of Divan is still there.

The 16th century turned out to be the century of non-religious literature. The main famous poets of this direction are vizier Ahmed I Mehmet Pasha, Bahsı, Oksuz Dede, Köroğlu and other.

In the 17th century Ashiks took part in Ottoman campaigns, and expressed their fillings in their literature. This is the reason Ashiks of that time were called «military poets».

19th century was the century was characterized by the penetration Ashik poetry in Sultan palaces. Some of the sultans, such as Mahmoud II supported the poets, while further generations made the poetry lose its popularity. New era began for the poetry. Ashik no longer performed in palaces, they used literary cafes to declaim their masterpieces, gathering large audience.

Among the peculiarities of Ashik poetry we can name the following ones:

Each poem consists of quatrains that were improvised; It existed in only oral form only. Still the main peculiarity in that the poems were declaimed accompanied by saz.

Key words: Ashik poetry, Ashik, Ashiklama

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 111–117.

УДК 398

ГЕЙДАР АЛИЕВ И ИСЛАМ

Пашазаде Т.

Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана
azfolklor@yahoo.com

В научной работе предпринята попытка проанализировать деятельность выдающегося советского и азербайджанского государственного, партийного и политического деятеля Гейдара Алиева. В данной статье исследуется деятельность политического деятеля в области распространения религии после политики атеизма, которая имела место быть в Советском союзе. Автор отмечает, что основными направлениям деятельности Гейдара Алиева были следующие: признание ислама частью национальной культуры азербайджанского народа, выступление в качестве основного фактора духовной и нравственной целостности общества, необходимость нормального регулирования отношений между государством и религией, а также, как основное требование международного положения, признание взаимного понимания религий и народов одним самых важных условий. В выводах отмечается, что политика Г. Алиева по сохранению и развитию исламских ценностей, являющихся основным источником национального менталитета азербайджанского народа, была успешно установлена, развита и продолжается и сегодня.

Ключевые слова: религия, политика, ислам, Гейдар Алиев.

Постановка проблемы. Гейдар Алиев, один из бывших политических руководителей, который большую часть своей жизни и своей деятельности провел в условиях беспощадной советской диктатуры, в течение всего периода своего политического руководства удивлял всех неожиданными политическими шагами и высоким интеллектом. Один из его таких шагов начался с первых мгновений второго прихода к власти после обретения Азербайджаном независимости, в период, когда он еще не был избран президентом, в 1993 году. Он побывал в мечети «Тезе пир», провел встречу с верующими и сказал большую речь. Хотя многие посчитали это политическим шагом, впоследствии число речей подобного содержания увеличилось. Всех интересовал один вопрос. Как так случилось, что политический деятель, бывший на самых высоких постах при Советах, вдруг пошел в мечеть, религиозный храм? Коммунизм наложил жесткий запрет на привязанность человека к религии, в целом, и исламской религии – в частности.

Высший руководитель, в силу своей позиции, со всей наглядностью видевший все эти запреты изнутри, этот политический деятель, переживавший горести в глубине души, воздействующе говорил о своем почтении и любви к своей религии. Искренность и правдивость же этих слов подтверждают его жизненный путь в целом и суть действий. Разве не Гейдар Алиев поднял в годы советской власти свою страну и свой народ на стадию высокого, ускоренного развития?! Разве не Гейдар Алиев своей дальновидной деятельностью создал необходимый для сегодняшнего про-

гресса экономический и культурный потенциал в свое время? В 1996 году Гейдар Алиев на I Международной конференции, организованной в Баку Комитетом мусульман Азии под патронажем Президента страны, сказал:

«Наши азербайджанцы, азербайджанские мусульмане священные для нашей религии места поклонения посещают с очень большим желанием и любовью. По приглашению монарха Саудовской Аравии, Деятеля двух священных мечетей, я в 1994 году поехал в эту страну с официальным визитом. Посещение Мекки, Каабы, Медины, которые являются для нас мусульман самыми святыми местами, считаю одним из самых счастливых страниц моей жизни. Полагаю, что эти чувства помогали нам во все времена выбраться из всех трудностей, и будут помогать и в дальнейшем».

Нет, он никогда не поддавался временным, сиюминутным увлечениям, думал о завтрашнем дне, будущем своей Родины, своего народа. Именно поэтому Гейдар Алиев и в период независимости искусно держал в своих могучих руках политический штурвал своей страны, уберег Азербайджан от таких ужасных бед, как раздробление, гражданская война, он спас свой народ от хаоса, распрей, приобщил к обеспеченной стабильности, экономическому росту. Согласно наблюдениям и мнениям международных экспертов и ученых, Азербайджан, построенный им, отличается от всего исламского мира. Особо важными и характерными национальными духовными ценностями нашей страны являются следующие.

- Религиозная толерантность: в стране в атмосфере взаимопонимания и мирных условий живут, осуществляют деятельность представители всех конфессий, в отношении к ним нет никакой дискриминации. Вооруженные силы Армении оккупировали азербайджанские земли, однако, несмотря на это, в Азербайджане спокойно живут свыше 35 тысяч армян, не подвергаясь никакому давлению и никакой агрессии. Один этот факт является самым весомым примером цивилизованно-культурного уровня азербайджанского народа.
- Высокая безопасность: в нашей стране, где установилась политическая стабильность, человек ощущает себя более комфортно и в большей безопасности по сравнению с другими странами. Известно, что азербайджанский народ отличается гостеприимством. А безопасность в стране, соединяясь с гостеприимными чувствами народа, безграничным уважением и почтением к гостям, создает прекрасную атмосферу общения.
- Культура поведения, общения: путешествуя по Азербайджану, разговаривая с азербайджанцами, невозможно не впечатляться прекрасным отношением нашего народа. Азербайджан – это прогрессивная страна с высоким уровнем интеллекта, стремлением к техническому прогрессу и склонностью к благоустройству.
- Неограниченная выносливость: азербайджанский народ является мудрым народом, способным вынести любые тяготы, встать грудью на лишения и вести себя выдержанно. Миролюбие заложено в природу нашего народа. Оставаться в стороне от раскачивающих мир разногласий и трений, создавать порождающие веру, доверие отношения – вот достоинства, характеризующие наш народ. Видим, что для диалога, взаимной

интеграции западной и восточной цивилизаций, в нашей стране, находящейся между двумя континентами, создаются широкие возможности. В 2009 году Баку был выбран столицей исламской культуры. Рациональный результат этого глобального стратегического направления можно наблюдать во всех сферах, начиная от политической панорамы нашей страны и до культуры, образа жизни народа.

Вне всяких сомнений, много факторов, обусловливающих, делающих исторически необходимыми все эти религиозные, культурно-психологические, социально-политические тенденции...

Занимавший высокий пост в органах безопасности и властной структуре в Советском Союзе, бывшем одним из двух супердержав в XX столетии в мире, Гейдар Алиев был из уникальных государственных деятелей, отличающихся своим сильным харизматическим характером, непоколебимостью и решительностью, твердой волей и целостностью личности. Еще в 1984 году французская газета «Фигаро» в обширном анализе, рассматривающем экономико-политический кризис в СССР, выдвинув имя Гейдара Алиева на первый план среди лидеров, способных управлять этой страной, подчеркнула, что на его руководство СССР Кремль не даст согласия, так как он из мусульманской Азербайджанской Республики.

Замороженный военно-политической и пропагандистской машиной 70-летнего СССР атеизм под воздействием теплого мгновенного дыхания истины растаял как громадный айсберг. Благодать Аллаха укоренилась в душе Гейдара Алиева и судьба не лишила его благодеяния. Он в словах, написанных в 1997 году в городе Медине в книгу славы Мечети пророка, так выразил свои чувства: «Слава Аллаху, что достиг лелеемого долгие годы в душе желания, намерения. Это историческое событие породило в моей душе большое волнение и чувство успокоения, я осознал величие Аллаха!»

Эти слова звучат как подтверждение могущества и мудрости Аллаха. Аллах дарит тем, кого любит, веру, терпеливым дает весть, знает, что в душе людей, а тому, кому хочет, подарит мудрость, науку и вежливость. В 284-ом аяте суры Аль-Багара говорится: «Все, что есть на небесах и на Земле, все принадлежит Аллаху. И если выведете, и если не выведете наружу сокрытое в душе вашей, Аллах сообразно ему с вами рассчитается. Аллах простит, кого пожелает, а кому захочет – страдать заставить. Он на все способен»

В 269-ом аяте той же суры так говорится: «Аллах дает, кому хочет мудрость (науку, вежливость). Кому дана мудрость, тому дано много пользы. Это поймут только умные люди». Когда Гейдар Алиев вернулся в первые годы независимости к власти, эта мусульманская страна жила сложные, трудные и тяжелые годы своей истории. Он, для вывода из тяжелого кризиса, в котором Азербайджан оказался, наряду со сбалансированными политическими шагами, предпринял важные меры по возвращению общества после советов к своим национально-духовным корням. Наряду с выдвижением теоретических основ религиозно-духовных ценностей и отношения к исламу в стране, начал проводить работы по их формированию и развитию. В целом, для того, чтобы в новых исторических условиях Азербайджан, выйдя из кризисов, поверил в себя, возникла необходимость в общенациональной концепции

возрождения. Эта идеология, должна опираться как на национальные обычаи и традиции и религиозно-духовные ценности, так и обеспечить интеграцию Азербайджана в современный мир. Следовательно, только вступившая на путь независимости страна не должна оставаться в стороне от идущих в мире процессов демократизации, развития и глобализации, обеспечить дальнейшую жизнь своей национальной культуре и облику, духовной аутентичности, а также строить отношения с другими культурами и религиями в условиях терпимости. После быстрого падения советской идеологии, возвращение азербайджанского народа к своим национально-духовным ценностям превратилось в естественный процесс, и здесь ислам занял особое место. Поэтому общенациональный лидер Азербайджана отношение страны с исламом начал решать в правильной и здоровой плоскости. Во-первых, признание ислама частью национальной культуры нашего народа. Во-вторых, выступление в качестве основного фактора духовной и нравственной целостности общества, необходимость нормального регулирования отношений между государством и религией, а также, как основное требование международного положения, признание взаимного понимания религий и народов одним самых важных условий. Президент в вопросах, связанных с религией, не был наблюдателем событий, в активной форме чутко относясь к этим вопросам, определял их основные направления. Проводя с религиозными деятелями и деятелями культа в мечетях и местах поклонения неоднократно встречи, сам создавал общение с народом. Как и во всех сферах, Гейдар Алиев действовал в качестве и знающего теоретическую сторону любой проблемы и направляющего в нужном направлении руководителя, и в то же время, регулирующего выполнение реального государственного деятеля. Предпринял мудрые шаги для преодоления воздействия искаженных антирелигиозных действий и деструктивной пропаганды чуждых идеологических течений и миссионерских организаций на религию в Азербайджане и демонстрации истинного места ислама. Фактом является то, что исламская религия является источником здоровых людей и здорового общества. Основной опорой сильного государства является здоровое общество.

Как только распался воспитывавший людей в духе безбожия, неверия Советский Союз, в мусульманских республиках начался этап возвращения к своим корням, к своей религии. Долгие годы народы, храня религиозные верования в своем сердце, со страхом исполняли в тайной форме религиозные церемонии. Обретение независимости во всех сферах породило коренные преобразования, начиная с хозяйственной деятельности и вплоть до обеспечения жизни духовными ценностями, восстановления исторических памятников, возвращения к религиозно-духовных ценностям. Этот процесс и сам, будучи обширным, являлся и сложным, и тяжелым. Это должно было регулироваться с умом. Поскольку и правильное направление обновляющихся тенденций проявляется как новая необходимость.

Приглашение по требованию народа к руководству государством такой феноменальной личности, как Гейдар Алиев, способной показать спасительный путь из порожденного бушующим в первые годы независимости во всех сферах в стране хаосом невыносимости, в первую очередь, вывело народ и государство из кризиса. Он набрался политического опыта в управленческой структуре советской

власти. Будучи одним из руководителей столь огромной страны, как СССР, хорошо знал сущность коммунистически-атеистической идеологии. В то же время досконально знал народ, его менталитет, морально-нравственные нормы. Основная особенность его заключалась не только в том, что он был выдающимся политическим деятелем, но, прежде всего, в наличии сильного чувства новаторства и современности во всех предпринятых и шагах.

Когда Гейдар Алиев вновь возглавил Азербайджан, в сложной политической деятельности по построению правового, демократического государства и осуществлению перехода к рыночной экономике, объединив формирование культуры и духовности, начал реализовывать в этом сочетании обустройство общества. Он как идеологический руководитель сумел правильно определить концепцию строительства нового государства в соответствии с менталитетом народа. В этот концептуальной политической деятельности отношение к религии и значение религиозных ценностей заметны с первого взгляда. В Азербайджане также наблюдается массовое возвращение к религии, устраняются любые запреты, строятся мечети, широко отмечается религиозные церемонии. Именно в период президентства Гейдара Алиева усиливается тенденция к духовному образованию.

Даже в продолжительных встречах с религиозным срезом населения и на научных мероприятиях Гейдар Алиев неоднократно вспоминал горький опыт негативного отношения советского режима к исламу, доводил до внимания присутствующих суровую правду. Целью являлась демонстрация сущности ошибочной политики, принуждение общества к раздумьям над этими фактами. А результатом выявления идеологических фактов является то, что ни 70-летний ошибочный политико-идеологический курс, ни атеистическое мировоззрение не смогли спасти государство от распада. Распад в кратчайшие сроки государства, господствовавшего в шестой части света, есть кара Аллаха.

В краткой речи 5 сентября 1993 года в мечети «Тезе пир» по случаю дня рождения Пророка Алейхисалама Гейдар Алиев раскрывает причины отдаления нашего народа от нашей религии в советский период и, вместе с тем, отмечая это испытанием Аллаха, говорит:

«Это не зависело ни от вас, ни от меня. Возможно, на то воля Аллаха. И это такой экзамен, чтобы увидели, в какие беды попадает человек, лишившись своей религии, и насколько он бывает счастлив, обретя свою религию». Коран испытание Аллахом своих созданий различными способами обосновывает приглашением столкнувшихся в 155-157 аятах суры «Аль-Багара», бедствием созданий Всевышнего к терпению и обосновывает постановку выдающимся политическим деятелем в подобной форме в религиозном контексте. Вместе с тем, повторяет для фиксации в памяти горьких истин антиисламского режима недавнего советского прошлого, внушает в умы невозвращение и невозможность политики безверия. В своем обширном выступлении на международной конференции «Современность и религиозно-духовные ценности», проводимой 1-2 октября 1997 года, Гейдар Алиев указал на то, что в СССР противорелигиозная общенародная и последовательная борьба в целом была против человечества. Известно, что 70 лет воспитываясь коммунистической идеологией, мы были лишены нашей религии и духовных ценностей, ею

нам даримых. Самым большим ударом, нанесенным человечеству коммунизмом за 70 лет, было пропаганда, направленная против религии, особенно запрет и искажение религии». Ругая религию, советская идеология избрала такой безумный путь, как создание культа своих вождей. Поэтому были беспощадны в отношении божественных религий, как и исламская религия, могущих им помешать. Коран верой в единого Аллаха, отринула идолопоклонничество. Сура «Аль-Фатиха»: 5.

На проводившейся 9-11 декабря 1998 года в Баку международной конференции «Исламская цивилизация на Кавказе» лидер азербайджанского народа говорит о противоречащей религии политике советской политико-идеологической системы: «Мы прожили тот период и сейчас, после восстановления Азербайджаном своей независимости, за короткое, с исторической точки зрения, время, еще больше постигаем сколь глубоки корни у религии, в том числе и исламской религии…Если бы в Азербайджане коммунистическая идеология господствовала бы не 70, а 170 лет, оторвать людей от исламской религии было бы невозможно. Это уже факт. Вместе с тем, это доказывает, сколь большой силой обладает исламская религия». Гейдар Алиев подтверждает мощь и моральную силу, несокрушимость исламской религии. Посетив в 1994 году мечеть «Биби-Эйбат», вспоминает разрушение священного очага. При этом принимает решение о постройке новой мечети. Строительство этого комплекса мечетей завершается в мае 1998 года и Президент, приняв участие в этом открытии, еще раз указывает, что ни физическая сила и уничтожение, ни политико-идеологическая пропагандистская машина не могут сломить веру людей. Гейдар Алиев это свое выступление, направленное на нравственное воспитание азербайджанской молодежи, называл будущим нашей молодежи, стратегическим путем развития национальных духовных ценностей, ставил новые задачи: «Однако мы, идя этим путем, не должны никогда ошибаться, не допускать распространения в нашем обществе, морали народа, молодежи чуждых нам, чуждых и противных нашей нравственности элементов». Коснувшийся воспитательной, мобилизирующей и объединяющей сущности ислама гений Гейдара Алиева, придав этим ценностям особое значение, сказал: «Ислам для всех мусульман и принадлежащих к исламскому миру людей азербайджанского народа является самым высшим духовным источником» (5 сентября 1993 года в «Тезе пире»)

Выводы и перспектива. Политика Г.Алиева по сохранению и развитию исламских ценностей, являющихся основным источником национального менталитета азербайджанского народа, успешно продолжается и сегодня.

Литература

1. Алиев Г.Наша независимость вечна / Г.Алиев. – Баку: Азернешр, 2000
2. Алиев Г. Будем едины на пути Аллаха / Г. Алиев. – Азернешр, 1998
3. Газета «Халг». – 6 сентября 1993г.
4. Газета «Халг». – 10 апреля 1998г.
5. Газета «Халг». – 3 октября 1998г.
6. Газета «Халг». – 12 декабря 1998г.
7. Газета «Свет истины». – 24-30 мая 2013г.

Пашазаде Т. Гейдар Алієв і Іслам / Т. Пашазаде // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 111–117.

У науковій роботі зроблена спроба проаналізувати діяльність видатного радянського і азербайджанського державного, партійного і політичного діяча Гейдара Алієва. Автор зазначає, що Гейдар Алієв був унікальним діячем в історії Азербайджану. У даній статті досліджується його діяльність в галузі розповсюдження релігії після політики атеїзму, яка мала місце бути в Радянському союзі. Автор зазначає, що основними напрямами діяльності Гейдара Алієва були: визнання ісламу частиною національної культури азербайджанського народу; виступ цієї релігії в якості головного чинника духовної і моральної цілісності суспільства, необхідність нормального регулювання відносин між державою і релігією, а також визнання взаємного розуміння релігій і народів. Автор доходить висновку, що політика Г. Алієва щодо збереження та розвитку ісламських цінностей, що є основним джерелом національного менталітету азербайджанського народу, була успішно встановлена, розвинена і продовжується і сьогодні.

Ключові слова: релігія, політика, іслам, Гейдар Алієв.

Pashazade T. Geydar Aliev and Islam / T. Pashazade // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 111–117.

In this scientific work the attempt of analyzing the activity of the outstanding Soviet and Azerbaijani state, party and political figure Geydar Aliev, who held a high position in the security services and the power structures of the Soviet Union is undertaken. The author marks that Geydar Aliev was one of those unique politicians, distinguished by his strong charismatic character, immovability, vigour, a strong will and integrity. This article examines the activities of a political figure in the area of the religion planting after the policy of atheism, which happened in the Soviet Union. The author notes that the main directions of Geydar Aliev activity were: the recognition of Islam as the part of national culture of nation at first, establishment of normal relationship regulation between state and religion as the main factor of moral and cultural social integrity, and also cross-religion understanding as the main requirement and most important condition of the global stature.

The author comes to the conclusion that the policy of Geydar Aliev for preserving and promoting of Islamic values are the main sources of Azerbaijan people national mentality has been successfully established, developed and it continues nowadays.

Key words: religion, politics, Islam, Geydar Aliev.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 118–122.

УДК 811.82-84:80

ПРОБЛЕМА ПІДБОРУ ЕКВІВАЛЕНТІВ ПІД ЧАС ПЕРЕКЛАДУ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ (НА МАТЕРІАЛІ СТАТЕЙ ТУРЕЦЬКИХ ПЕРІОДИЧНИХ ВИДАНЬ)

Оніщенко Ю. О.

Таврійський національній університет імені В.І. Вернадського
E-mail: yılan7708@rambler.ru

Стаття розглядає проблему підбору еквівалентів під час перекладу фразеологічних одиниць різносистемних мов.

Ключові слова: фразеологічне значення, переосмислення, метафоризація, образність перекладу, прийом подвійної актуалізації.

З приводу того, що фразеологія виділяється своїми функціями в мові та мовленні, вона вимагає особливого підходу в процесі перекладу. Не дивлячись на те, що існують спеціальні двомовні і одномовні фразеологічні словники та фразеологія виділена в великих тлумачних словниках, це далеко не завжди може задовольнити перекладача. Перекладач повинен вміти самостійно розбиратися в основних питаннях теорії фразеології, уміти виділяти фразеологічні одиниці, розкривати їх значення і передавати їх експресивно-стилістичні функції в перекладі. Основна складність заключається в тому, що ніякий словник не в змозі передбачити всіх можливостей використання фразеологізму в контексті.

Постановка проблеми. Під час перекладу ФО, які є подібними у різних мовах по внутрішній формі, треба мати на увазі, що вони далеко не завжди ідентичні за значенням і під подібною оболонкою в різних мовах ховається різне значення.

Під переосмисленням розуміються різні за ступенем і характером семантичні зрушення. Під стійкістю на фразеологічному рівні – зв'язаність значення компонентів. Замість поняття «зв'язаність значення» В.Г. Гаком та Я.І.Рецкером був запропонований принцип сполучуваності значень. Під семантичною зв'язаністю слід розуміти взаємозв'язок і взаємодію значень компонентів словосполучення, тобто двосторонній зв'язок і взаємозумовленість значень компонентів, в результаті яких створюється повне переосмислення словосполучення в цілому. Це характерно для категорії фразеологічних зрощень або ідіом за класифікацією академіка В.В.Виноградова, яка є зручною для теорії та практики перекладу [6, 147].

Коли сполучуваність значень відсутня і можна говорити лише про переосмислення одного з компонентів ФО або про цілісність переосмисленні всієї ФО, заснованої на метафоризації вільного поєднання слів, то ми маємо справу з фразеологічною єдністю. Ця відмінність між фразеологічними єдностями і фразеологічними зрощеннями має принципове значення при перекладі. Коли зустрічається ФО першої категорії, особливо в газеті або в будь-якому тексті, який не носить відбитка індивідуального стилю автора, метафорична «прозорість», відчутність фразеологіч-

ної єдності зобов'язує перекладача до передачі образності, якщо не ідентичної, то, принаймні, аналогічною образності ФО першотвору. Найчастіше при цьому дотримується жанрова адекватність. фразеологізми суспільно-політичного або соціально-економічного тексту зазвичай переводяться по можливості подібними образними ФО з урахуванням їх вживаності і природності в ТП того ж жанру.

У мові газети та публіцистики спостерігається більш висока дубльованість одних і тих же ФО, що допомагає перевірити вірність узагальнень і висновків, зокрема, відносяться до відмінностей в передачі фразеологічних єдностей і фразеологічних зрощень. Ряд традиційних метафор, що перетворилися у фразеологічні єдиності, отримав «узаконені» образні відповідності в ряді мов [2, 306-307].

Під час перекладу необхідно брати до уваги, що загальне і характерне для всіх без винятку фразеологічних єдностей при перекладі – збереження образності в перекладі. Неважливо, відновлена образність вихідного виразу або замінена, переклад фразеологічних єдностей повинен по можливості бути образним. І зрозуміло, ця образність перекладу не повинна відрізнятися оригінальністю, неповторністю – відбитком індивідуального стилю автора.

Як наголошує Я.І. Рецкер, стандартне і традиційне в оригіналі повинно бути передано стандартним і традиційним в перекладі. Інакше кажучи, фразеологію треба передавати фразеологією, особливо, коли перекладаються фразеологічні єдності.

Щодо фразеологічних зрощень, їх переклад здійснюється переважно прийомом цілісного перетворення, оскільки їх образна основа не сприймається навіть носіями мови. Вирішальне значення має наявність у МП відповідного фразеологізму, тобто ФО, що має таке ж значення і приблизно таку ж стилістичну і експресивне забарвлення, як іншомовна ФО.

Не дивлячись на те, що за останні роки вивчення фразеології різних мов значно просунулося вперед і намітилось багато нових точок зору на різні теоретичні аспекти цієї науки, експресивне використання ФЕ все ще не зовсім досліджене. Між тим, ця проблема представляє безперечний інтерес для лексикографії і перекладу.

Можна вважати встановленим, що фразеологія будь-якої мови володіє притаманною їй внутрішньою експресивністю. Це легко перевірити, зіставляючи ФО з еквівалентним їй, звичайно відносно, словом. У високорозвинених мовах переважна більшість ФО мають лексичні еквіваленти. Як правило, ФО завжди буде більш експресивною ніж її словниковий еквівалент. Наприклад: тікати – накивати п’ятами, здивуватися – витріщити очі, розмовляти – плескати язиками, тощо. Кожній образній ФО властива емоційна і / або оціночна якість. Саме ця властива ФО риса викликає труднощі при їх перекладі [5, 87].

На перший погляд, якщо самі по собі фразеологізми експресивні, не повинно виникати питання про їх експресивне використанні. Це твердження можна спростувати, якщо спробувати хоча б за допомогою словників знайти фразеологізмам і їх лексичним еквівалентам відповідні пари в інших мовах.

Так в турецькій мові фразеологізму *накивати п’ятами* відповідає зворот *palamar koparmak*, що не є повним еквівалентом, бо у словниках даний вираз дається також як розмовна форма слова *тікати*.

Таким чином, спроби дати еквівалентний, придатний для всіх випадків перекладу ФО в словнику не виправдовують себе. Єдина відповідність може виявитися непридатною і не допомогти у вирішенні перекладацької задачі, коли і в смисловому, і в експресивно-стилістичному відношенні переклад, наведений у словниковій статті, виявляється невідповідним. У такому разі перекладач повинен шукати інші шляхи перекладу.

Фразеологічні аналоги, як правило, майже без винятку, відрізняються від своїх лексичних відповідностей стилістичної забарвленістю і експресивним зарядом. Природно, що при перекладі дуже важливо враховувати експресивно-стилістичну сторону ФО і передавати її рівноцінними засобами. Насичений фразеологізмами оригінал повинен зберігати фразеологічну насиченість і в перекладі. Однак, не завжди фразеологізм вихідної мови може знайти фразеологічну заміну в перекладі.

Поряд з відсутністю відповідної ФО в мові перекладу може виявитися, що ФО мови перекладу, яка має такий самий смислове зміст не відповідає ФО вихідного мови в стилістичному або експресивному відношенні. Звичайно, в ідеалі слід прагнути до повної рівноцінності вживаних засобів, але на практиці нерідко доводиться жертвувати функціонально-стилістичним відповідністю для збереження експресивного. Вельми істотно, щоб фразеологічні заміни при перекладі відбивали і національний колорит мови оригіналу [3, 211-215].

Таким чином, під час перекладу фрази «Neticede ‘***ne olursan ol yine de gel’*** diye yabanci sermaye çağırdığımız dönemler çok geride kaldı» ми вважаємо доречним використовувати калькування при перекладі ФО ‘***ne olursan ol yine de gel’***, щоб у мові перекладу зберегти колорит вихідної мови: «Як результат, період, коли ми залучали іноземний капітал із словами «***хто б ти не був, приходь знову***», давно минув («***хто б ти не був, приходь знову»*** слова суфія Мевляни Джелялледдіна Румі, які означають «будь ти грішник, чи праведник приходь до нашої обителі»).

Іноді при перекладі ФО для збереження її експресивності перекладач вдається до прийому подвійної актуалізації, яка полягає у відновленні значень кожного компонента даної ФО, які як би відновлюють її предметну віднесеність і сприймаються одночасно з існуючим глобальним переосмисленим значенням фразеологізму. Я.І.Рецкер зазначає, що саме таким чином досягається паралельне сприйняття як переносного значення самої ФО, так і прямого значення компонентів або подвійна актуалізація [6, 156].

При передачі подвійної актуалізації фразеологічних зрощень в перекладі доводиться вдаватися до прийому калькування. Але це порушення правил, що полягає в «поелементній» передачі фразеологічного зрощення, виправдовується функцією стилістичного прийому – подвійною актуалізацією фразеологізму.

Цей стилістичний прийом стає можливим, коли сам автор примушує перекладача до дослівної передачі його образів, які він неодноразово оживляє і обігрує в своєму тексті.

Отже, під час перекладу ФО, які є подібними у різних мовах по внутрішній формі, насамперед треба мати на увазі, що ФО далеко не завжди ідентичні за значенням.

Висновки та перспективи. Під час перекладу ФО необхідно брати до уваги, що загальне і характерне для всіх без винятку фразеологічних єдностей при перек-

ладі – збереження образності в перекладі. При перекладі фразеологічних зрощень головним фактором є те, що їх переклад здійснюється переважно прийомом цілісного перетворення, оскільки їх образна основа може не завжди сприйматися навіть носіями мови. Вирішальне значення має наявність у МП відповідного фразеологізму, тобто ФО, що має таке ж значення і приблизно таку ж стилістичну і експресивне забарвлення, як іншомовна ФО.

Для перекладу ФО не завжди можна знайти фразеологічну заміну в перекладі. Поряд з відсутністю відповідної ФО в мові перекладу може виявитися, що ФО мови перекладу, яка має такий самий смислове зміст не відповідає ФО вихідного мови в стилістичному або експресивному відношенні.

Великі труднощі виникають під час підбору еквівалентів для перекладу ФО, що вказують на реалії, які не мають місця в мові перекладу. У такому випадку перекладачі нерідко вдаються до калькування, або описового перекладу.

Література

1. Гнатюк І.С. Явище подвійної актуалізації фразеологізму / Гнатюк І.С / / Мовознавство. – 1981. – №1. – С.75-78

2. Ковалев В.П. Основные индивидуально-авторские приемы экспрессивного использования фразеологизмов / Ковалев В.П / / Вопросы семантики фразеологических единиц. Ч.1 – Новгород, 1971. – С.306-307

3. Коломейцева Е.М., Макеева М.Н. Лексические проблемы перевода с английского языка на русский. Учебное пособие / Е.М. Коломейцева, М.Н. Макеева – Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. технич. ун-та, 2004. – 317с.

4. Мисенева В.В. Фразеологические обороты, не имеющие лексических соответствий (семантический, прагматический и культурологический аспекты): Дис…канд. фил. наук: 10.02.02 / Харковский национальный пед. ун-т им. Г.С.Сковороды. – Х., 2004. – 203с.

5. Перевод и проблемы сопоставительного изучения языков / МГУ им. М.В. Ломоносова; Под. ред. В.М. Нечаевой – М. – 1986. -144с.

6. Рецкер Я.И. Теория перевода и переволдческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я.И.Рецкер – 3-е изд., стереотип. – М.: «Р.Валент», 2007. – 244с.

Онищенко Ю. А. // Ученые записки Таврического национального университета имени В. І. Вернадського. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 118–122.

В статье рассматривается проблема подбора эквивалентов при переводе фразеологических единиц разносистемных языков.

Ключевые слова: фразеологическое значение, переосмысление, метафоризация, образность перевода, прием двойной актуализации.

Onischenko Y. A. // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 118–122.

The article considers the problem of equivalents selection in translation of idioms from the language of different language systems. During the translation of phraseological units, which are similar in different languages on the inner form we must remember that they are not always identical in meaning.

During the translation we must remember that the universal and characteristic for all the phraseological unities in translation – save figurativeness in translation. No matter figurativeness restored or replaced the original expression, translation of phraseological unities should if possible be figurative. And of course, the figurative translation should not be original and uniq as a reflection of individual style of the author.

As idiomatic adhesions, their translation is mostly taking a holistic transformation as they shape basis isn't seen even by native speakers. Crucial importance of phraseological units respective phraseologism, ie

phraseological unit, which has the same meaning and about the same stylistic and expressive color as foreign language phraseological unit.

Can be regarded as established that the phraseology of any language has its inherent inner expressiveness . This is easily verified by comparing it with an equivalent word. In highly developed languages the vast majority of phraseological units have lexical equivalents. Usually, phraseological units are more expressive than its dictionary equivalent.

At first glance, if phraseological units themselves are expressive, there should be no questions about their expressive use. This statement can be refuted, if you try using the vocabulary to find corresponding pair (thephraseological unit and its lexical equivalent) in other languages.

So in Turkish language phraseologism *bulge out* corresponding reverse *palamar koparmak*, which are not fully equivalent, because the dictionary this expression is also given as a spoken form of the word escape.

Thus, dictionary is not fit for giving an equivalent, suitable for all occasions of translation of phraseological units. The only correspondence may be unsuitable and doesn't help to solve the translation problems when semantic, and expressive- stylistic terms translation given in a dictionary entry, is inappropriate. In this case, the interpreter must find other ways of translation.

Translating phraseological unit not always a replacement in the idiomatic translation can be find. Along with the lack of appropriate phraseological unit in the target language may be that the phraseological unit of target language which has the same semantic content does not match the phraseological unit of original language in stylistic or expressive terms.

Great difficulties can arise in the selection of translation equivalents for phraseological units which indicate the realities that have no place in the target language. In this case, translators often resort to copying or descriptive translation .

Key words: idiomatic meaning, reconsideration, different interpretation, metaphorization, the figurative-ness of translation, the method of double actualization.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 123–128.

УДК 398.5

СОЦИАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО И ОБМЕН ТРАДИЦИЯМИ ВО ВРЕМЯ ПРАЗДНИКА НОВРУЗ

Гасымова С. А.

Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана
E-mail: azfolklor@yahoo.com

В научной статье исследованы особенности традиций во время празднования праздника Новруз. Выделены характерные культурные черты, присущие празднованию этого праздника у азербайджанцев. Автор указывает на то, что одним из древнейших и обладающих богатой историей, в то же самое время одним из самых и, возможно, даже первых важных памятников национально-духовной культуры Азербайджана является праздник Новруз. Новруз – огромный церемониальный комплекс, который охватывает всю жизнь людей общества. Нет ни одной области жизни людей, которая осталась бы вне этого комплекса. В ходе исследования выяснено, что Новруз как церемониальный комплекс, воплощает в себе социальное единство и традиции обмена. Новруз – это обновление, оживление. Обновление относится не только к времени и к месту, но и к социальным отношениям. Социальная сплоченность создается посредством обмена. Люди обмениваются материальными и духовными ценностями для создания социальной гармонии.

Ключевые слова: Новруз, фольклор, ритуал, праздник, социальное единство, обмен, традиция.

Постановка проблемы. Одним из древнейших и обладающих богатой историей, в то же самое время одним из самых и возможно, даже первых важных памятников национально-духовной культуры Азербайджана является праздник Новруз. Не случайно этот праздник считается самым первым, если учесть его возраст и то, как долго его уже отмечают. Сколько бы великих памятников не было в истории культуры нашего народа, во всех случаях они связаны с определенными эпохами истории.

Новруз занимает особое место и роль в системе национальных и нравственных ценностей азербайджанского народа. С одной стороны, этот праздник является неотъемлемой частью национальных и нравственных ценностей. Как говорил великий лидер Гайдар Алиев " Праздник Новруз, который говорит о приходе весны, о пробуждении природы и оживлении жизни, являлся праздником радости и веселья нашего народа с древнейших времен, и, несмотря на то, что в разные периоды истории этот праздник подвергался давлению искусственных препятствий, он смог дойти до наших дней [1, 72]. Новруз отличается от многих других праздников и он является праздником именно азербайджанского народа. С древних времен и до сих пор азербайджанский народ любит и высоко оценивает этот праздник. Однако были времена, когда у нашего народа хотели отнять этот праздник, хотели помешать празднованию Новруза. Мы прожили это в XX веке. Однако Новруз имеет такие глубокие корни, он настолько глубоко вселился в сердца нашего народа, что никакая сила,

никакое правительство и никакая политическая система не смогла отнять этот праздник у нашего народа [2, 76]. В свете этих представлений как писал на Мухаррам Гасымлы, Новруз, который сегодня отмечается в Азербайджане, в самом смысле слова, первым делом является признаком пробуждения весны, веры человека в свет, жизнь, новый день, в новую жизнь, в светлое будущее, что связано с приходом весны и представляет новый календарь. Как в ходе истории, так и во время Новруза в Азербайджане основными показателями являются гуманизм, творчество, доброта, хорошие связи, дружественные отношения, отношения с уважением к нравственным ценностям, которые возвышают человека [3, 56]. Если обратить внимание на историю Новруза – Нового Года [4, 51], который встречается с радостью тюркским народом, проживавшим на территории от Центральной Азии до Балканских стран, можно заметить тесную связь этого праздника с социальной справедливостью, единством и с обменами традиций. Например, говоря о том, что Новруз был связан с традициями государственного правления в древние времена, Я.В.Чеменземенли пишет, что в древние времена об обычаях, связанных с Новрузом узнавали из " Сиясетнамэ" Низамюль-Мюлькюнь. Несколько дней до праздника на рынках вестники объявляли об открытии двери дворца. Народ собирался и объявлял свои жалобы о короле. Потом король спускался со своего трона и становился на колени перед мобиди-мобидан и говорил: " Не обращая внимания на мою личность, посмотри на его жалобу и осуди меня". Заявители отделялись от народа и устанавливался суд. В результате, мобиди-мобидан рассматривал вины обоих сторон и определял виновника. Короли поступали так, чтобы послужить примером простому народу и призывали всех на путь справедливости. Согласно Низамюль-Мюльку эта традиция продолжалась от Ардешира до Ездигирдов [5, 85]. Праздник Новруз, который с древних времен по сей день занимает особое место в жизни, в быту и в национальном мышлении нашего народа, в целом торжественное мероприятие. Поэтому невозможно представить какую-то традицию, связанную с Новрузом, вне церемонии. То есть, все, что относится к Новрузу, относится и к церемонии. Тем не менее, "церемония" представляет собой широкое понятие. В азербайджанском фольклоре термин "церемония", который имеет арабское происхождение равнозначно термину английского происхождения "ритуал". Оба слова означают то же самое. Английский ученый Виктор Тернер о понятии "ритуал" говорит: "Ритуал – стереотипная последовательность действий, которая включает в себя жесты, слова, объекты; они исполняются в специально приготовленном месте и в соответствии с интересами и целями исполнителя выполняются с целью оказать влияние на сверхъестественные силы и существа [6, 32]. Церемонии, входящие в состав комплекса Новруз, являются праздничными ритуалами. Праздник – один из видов церемоний. В.Н.Топоров отмечает, что "праздник" – это отрезок времени, который имеет особые отношения со священной сферой, построенной на архаичной, мифоэпичной и религиозной традициях, где все участники праздника в максимальной степени имеют отношение к данной сфере, который отмечается в качестве институционального движения [7, 329]. Как праздник азербайджанский Новруз связан с праздничными традициями древних тюрков. Халил Агаверди изучил понятие "праздник" у древних тюрков и показал, что в жизни каждого народа есть традиция празднования знаменательных дней. Широкий

спектр понятий знаменательных дней у тюркских народов показывает существование богатой традиции. Среди них используются "той" / "туй" / "туюн" / "дюйун", "шёлэн", "яхма" и т.д., а также слова "байрам" / "бэйрэм". Один из самых значительных дней в жизни народа – праздники. Как каждый народ имеет свои традиции и обычаи, так же понятие "праздник" имеет свое значение на своем языке. В XI веке Махмуд Кашгарский в "Диван-и-лугат-ит-турк" объяснил это слово как "бэдхрэм" и отметил, что огузы употребляли его как "байрам". Как пояснил Кашгари, " праздник – состояние развлечения и смеха". Приход весны, потепление, таяние снега, оживление природы имело сильное воздействие на всех людей, и на тюрков, в частности, волновало их, что и стало причиной празднования этих изменений разными церемониями [8, 3].

Новруз – огромный церемониальный комплекс, который охватывает всю жизнь людей общества. В жизни людей нет ни одной сферы, который бы оставался вне комплекса праздника Новруз. Всё, что связано с обществом, очищается и обновляется накануне Новруз, во время последних сред и в первый день Новруза они бывают уже в обновленном виде. Это обновление особо себя показывает в социальных отношениях. Во время Новруза не только оживляется жизнь, время, очищается дворы и дома, но и решаются конфликты, произошедшие в течение года между людьми, племенами, соседями, поколениями и другими социальными группами. На основе этого лежит верование. Согласно верованию, если те, кто в обиде не помирятся, то в новом году враждебность будет продолжаться, она принесет с собой неудачи и бедствия. Вот почему люди тянутся к миру и стараются мирить других. Если рассмотреть случай о примирении, мы можем заметить, что он является механизмом внутренней самоочищения общества. Физули Баят пишет, что празднование Новруза каждый год выступает с идеей пробуждения природы и с идеей вечности этносов. Новруз не является праздником отдельных лиц, а возрождением нации, и поэтому он является праздником равенства, единства. Пробужденная природа приносит блага людям и животным, птицам и рыбам, в результате чего Новый День / Новруз превращается в праздник изобилия, плодородия, роста. Люди, которые отмечают Новруз, учитывая код равенства природы и равенство общества, придают празднику социальный смысл. С философской точки зрения равенство дня и ночи, социальное равенство, переносилось от природы к обществу как социальный порядок. Таким образом, демонстрировалось восстановление социального равновесия [9, 34]. С.Рзасой замечает, что Новруз реализуется в социально-психологической гармонии всех его элементов. Люди, соседи, семьи, деревни, которые конфликтуют друг с другом обязательно должны помириться, установить мир. Вся дисгармония, проявившаяся в течение года в социальной структуре общества, устраняется и заменяется сакральной социально-психологической гармонией. Эта гармония без исключения охватывает все структурные уровни социально-политической системы. В связи с этим, на социально – психологической основе праздника Новруз все виды противоречий, конфликтов устраняются [10, 88-89]. Идея социальной сплоченности и распределения во время Гара Байрам также выражено в другом названии этого праздника " Ясданчыхарма". Это и есть Гара Байрам. Как видно из названия люди не оставляют семей в трауре в печали, в горе, в депрессивной психологии, их вклю-

чают в появившееся новое социальное равновесие. Другая традиция, воплощающая социальную сплоченность и распределение, но в то же время уже исчезающая в связи с социальным благополучием традиция, является "Мюрвет тою". Сущность этой традиции состоит в том, что во время Новруз люди собираются и устраивают свадьбу каким-то сиротам. В это время за всю свадьбу платят люди. Это показывает сплоченность общества и идею помогать людям. Во время Новруза обновляется не только отдельное лицо или семья, но и общество в целом, должно быть достигнуто социальное равновесие. Согласно идее предков, счастье человека зависит от счастья всех членов общества. Как видно, Новруз связывает всех неразрывными узами. Тем не менее, общество – это одно целое, в нем может возникнуть как дружба, так и конфликты. То есть, обновленные и сплоченные во время Новруза социальные узы и отношения могут ухудшиться, узы, соединяющие людей друг с другом, могут оборваться. В этом случае, традиции Новруза, обеспечивающие социальное единство, приходят на помощь. Одной из них является традиция «примирения». Это очень важная традиция, и люди ей придают большое значение. В течение года между людьми, семьями, поколениями, селами могут быть конфликты, и даже они могут превращаться в кровных врагов. Если не разрешить этот конфликт, то он может быть причиной несчастий в обществе, нарушения социальной сплоченности, распада общества, миграций. Каждый год Новруз дает возможность устранить эти конфликты, восстановить социальное единство. Потому что все люди, в том числе и те, кто держат обиду друг на друга, и враждующие между собой верят, что, если они не помирятся, то их конфликт, вражда продолжится еще 7 лет, вне зависимости от их воли и желания установить мир. А это означает 7 лет жить в социальной напряженности и вражде. Обычно виновник предлагает примирение. Старейшины тоже вмешиваются, разрешают конфликт и восстанавливают социальное равновесие. Одним из главных качеств праздника Новруза является традиция "Байрамлашма". Это очень большой акт ритуала. Сущность этого акта состоит в том, что люди поздравляют друг друга. Но это не только время поздравлений, но и молитв. Люди говорят друг другу "Байрамын мубарек олсун!" (" С праздником!"). "Мубарак " – арабское слово, что обозначает " изобилие". Таким образом, "Байрамын мубарек олсун" означает иметь "благословенный праздник". Таким образом, люди молятся друг за друга и желают изобилия. "Байрамлашма" – это поздравление друг друга отдельных лиц, социальных групп (семей, соседей, старейшин), когда младшие поздравляют старших. Родители идут в гости к своим замужним дочерям, сестры поздравляют своих братьев. "Байрамлашма" обновляет и еще больше укрепляет отношения между людьми. "Байрамлашма" имеет также формы "Байрампайы", " Байрамлыг". В зависимости от желания "Байрампайы" может относиться к любому человеку. Когда люди навещают своих родных, а особенно болеющих людей, они берут с собой байрампайы. " Байрамлыг" бывает между обрученными. Во время праздника семья жениха обязательно должна принести невесте праздничные сладости и подарки. Одним из форм "Байрампайы" является традиция "Байрам палтары". Люди предпочитают носить новую одежду на празднике Новруз. В течение года одежда портится. В это время покупают новую одежду. В 60-е годы прошлого века особенно в сельских местах люди покупали новую одежду, хранили ее в сундуках и одевали на Новруз.

На основе этой традиции лежит понятие обновления. Купленная в это время одежда считалась подарком, который служил идее социального распределения. Другая традиция, которая служит идее социального равенства и распределения – это традиция "Эвгёрдю". В общем, и в сегодняшний день в Азербайджане есть традиция навещать недавно построенный или купленный дом. Люди идут в новый дом, поздравляют владельца и дают подарки. А хозяин угощает их вкусными блюдами. Если кто-то покупает новый дом накануне Новруза, то радость праздника смешивается с радостью нового жилья. Это еще больше укрепляет социальное единство между семьями, родственниками, соседями.

Выводы и перспектива. Таким образом, праздник Новруз как праздничный комплекс воплощает в себя социальное единство и идею распределения. Новруз – это обновление, оживление. Обновление относиться не только к времени и к месту, но и к социальным отношениям. Во время Новруза люди, конфликтующие друг с другом, мирятся, в обществе появляется социальное равновесие. Социальная сплоченность создается посредством обмена. Люди обмениваются материальными и духовными ценностями для создания социальной гармонии.

Литература

1. Алиев Г. Выступление, посвященное празднику Новруз, 21 марта 2002 / / Энциклопедия Новруз / сост.Абдулла Б., Бабаев Т. – Баку: Шарг-Гарб, 2008
2. Алиев Г. Поздравление с праздником Новруз, 19 марта 2000 / / Энциклопедия Новруз / сост.Абдулла Б., Бабаев Т. – Баку: Шарг-Гарб, 2008. – Стр.72-73
3. Баят Ф. Новый день / социально-экономическая и философская основа Новруза / / Исследования по Азербайджанскому устному народному творчеству, книга 8, Баку: Нурлан, 2009. – стр. 24-42
4. Гасымлы М. Историко-мифологическая семантика обрядового комплекса Новруз / / Исследования по Азербайджанскому устному народному творчеству, книга 8, Баку: Сада, 1999. – Стр. 50-57
5. Иманкулиева А. Новруз в восточных странах / / сборник «Новруз в Азербайджане» / сост. А.Набиев. – Баку: Чыраг, 2012. – Стр. 51-57
6. Рзасой С. Концептуально – философская основа праздника Новруз Исследования по Азербайджанскому устному народному творчеству, книга 8, Баку: Нурлан, 2009. – стр. 87-90
7. Советская энциклопедия, 1982. – С. 329-33113.
8. Тернер В. Символ и ритуал / В. Тернер. – Москва: Наука, 1983, 277 с.
9. Топоров В.Н. Праздник / Мифы народов мира. В 2-х томах. Том 2. Москва:
10. Халил А. Праздник весны тюркских народов и Новруз / А. Халил. – Баку: 2012. -144 стр.
11. Чеменземинли Ю.В. Обряды зороастризма в Азербайджане / Произведения, том 3, Баку: Элм, 1977. – Стр. 82-83

Гасимова С. А. Соціальна єдність та обмін традиціями під час свята Новруз / С. А. Гасимова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 123–128.

У науковій статті досліджено особливості традицій під час святкування свята Новруз. Виділено характерні культурні риси, властиві святкуванню цього свята у азербайджанців. Автор вказує на те, що це свято – одне з найдавніших і володіє багатою історією Новруз – величезний церемоніальний комплекс, який охоплює все життя людей суспільства. Немає жодної області діяльності людей, яка залишилася б поза цього комплексу. У ході дослідження з'ясовано, що Новруз як церемоніальний комплекс, втілює в собі соціальну єдність і традиції обміну. Новруз – це оновлення, пожвавлення. Оновлення відноситься не тільки до часу і до місця, а й до соціальних відносин. Соціальна згуртованість

створюється за допомогою обміну. Люди обмінюються матеріальними і духовними цінностями для створення соціальної гармонії.

Ключові слова: Новруз, фольклор, ритуал, свято, соціальна єдність, обмін, традиція.

Gasimova S. A. Social unity and interchange of traditions during the holiday Novruz / S. A. Gasimova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 123–128.

In a scientific article the peculiarities of the tradition during the celebration of Novruz-holiday are examined, specific cultural traits of the celebration of this festival among Azeris are identified. The author points out that this holiday is one of the oldest holidays and has its rich history, but at the same time it is one of the most important monuments of national and spiritual culture of Azerbaijan. Novruz is a huge ceremonial complex, which covers the entire life of the people and society. Originally being a Zoroastrian festival, and the holiest of them all, Nowruz is believed to have been invented by Zoroaster himself, although there is no clear date of origin. Usually preparation for Novruz begins a month prior to the festival. Each of forthcoming 4 weeks is devoted to one of the four elements and called accordingly in Azerbaijan. Each Tuesday people celebrate the day of one of the four elements – water, fire, earth and wind. There is no area of life that would remain outside of this complex. Novruz is a family holiday. The article examined the following traditions: “Go to the cemetery”, “Gara Bayram”, ”Yasdanchyharma”, “Myurvet toyu”, “Reconciliation”, “Bayramlashma”, “Bayram payy”, “Bayram paltary”, “Ev Gerd”. In the study is found out that the Nowruz as a ceremonial complex embodies the tradition of social unity and exchange of the traditions. Nowruz is renuval and reviving. The renuval refers not only to time and place, but also to the society. During Novruz people in conflict with each other make up. Social cohesion is created through exchange. People exchange material and spiritual values, create social harmony.

Key words: Novruz, folklore, ritual, celebration, social cohesion, sharing, tradition.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 129–136.

УДК 811.222.1

ЯВЛЕНИЕ ОМОНИМИИ В ПЕРСИДСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Сухорукова А. В.

В статье рассматриваются особенности явления омонимии в персидской лингвистической терминологии, выделяются основные ее виды: макросистемная, межнаучная, внутринаучная и внутрисистемная. В работе также раскрываются причины развития омонимии в персидской лингвистической терминологии. Для иллюстрации специфики употребления различных видов омонимов приводятся выдержки из научных персоязычных монографий и статей.

Ключевые слова: персидская лингвистическая терминология, омонимия, макросистемная омонимия, межнаучная омонимия, внутринаучная омонимия, внутрисистемная омонимия.

Постановка проблемы. Омонимия – это формальное (в первую очередь, звуковое) тождество однотипных языковых единиц, различных по значению. Омонимия складывается исторически путем распада полисемии, слово- и формообразовательных процессов, а также вследствие языковых контактов [3, 264]. Явление омонимии в персидском языке (ПЯ) имеет определенные отличия от омонимии в других языках. В основном, это объясняется системой письма, наличием в ПЯ арабских заимствований, а также рядом других факторов. Настоящее исследование посвящено вопросу омонимии в персидской лингвистической терминологии (ПЛТ), находящейся на стадии своего становления в условиях постоянного недостатка персидских эквивалентов для новых лингвистических явлений. Пополнение словаря ПЛТ происходит, преимущественно, за счет терминологизации общелитературных слов или ретерминологизации готовых терминов других наук, а также реанимирования старых, вышедших из употребления лингвистических терминов путем закрепления за ними новых значений, что в условиях отсутствия достаточной скоординированности работы терминологов приводит к возникновению омонимии.

Ученые-иранисты признают факт существования омонимии между персидскими лингвистическими терминами и словами общелитературного значения (макросистемая омонимия) [4, 157], однако до сих пор не производилась попытка исследования других видов омонимии в ПЛТ (межнаучной, внутринаучной и внутрисистемной), что и обуславливает **актуальность** данной темы.

Целью нашего исследования является рассмотрение видов омонимии в ПЛТ, для достижения которой нам необходимо решить следующие **задачи**: проанализировать работы исследователей по данному вопросу, выявить основные виды омонимии, характерные для терминолологической лексики, проанализировать персидские лингвистические термины, указанные в толковых лингвистических словарях, монографиях или научных статьях, выявить среди них омонимы и определить их вид, а также привести примеры.

Анализ последних исследований по проблематике вопроса. Явление омонимии в ПЯ изучалось в трудах таких иранистов как В.А.Кочергина, Л.С.Пейсиков, Ю.А.Рубинчик, иранских исследователей: Б.Ходжи, А.Бирджанди, Х.Галамали-заде, К.Сафави и А.А.Шири, а также современных таджикских исследователей: А. Муминов, Ш. Кабирова, М. Алламуродова, А.М.Байзоева, О.Давлатова, А.Рустамова, З.Абдулазизова и М.Н.Ахмедова.

В диссертации Можде Дехган Халили даются сведения об истории изучения явления омонимии в ПЯ, при анализе омонимии автор уделяет особое внимание специфике передачи звуков в ПЯ [2]. Детально изучен вопрос омонимии в ПЯ Ахмедовой М.Н. в диссертации «Лексико-семантические особенности омонимов персидского языка». Помимо трех основных видов омонимов в ПЯ (лексических, морфологических и лексико-грамматических), автор предлагает выделять дополнительные группы омонимов (смешанные и ситуативные) [1, 8].

Взгляды иранских исследователей относительно понятия «омоним» и его разновидностей характеризуются неоднозначностью. Большинство иранских ученых в определении омонимии опираются скорее на звуковую сторону слова, нежели на графическое изображение. Так, в лингвистическом словаре С.Д.Сагравания под омонимами понимаются слова, имеющие «одинаковую фонетическую структуру, но разное значение» [6, 513]. В словаре М.Мехйара омонимы дефинируются как «слова, имеющие одинаковое произношение, но различные в значении и орфографии, являются омонимами по отношению друг к другу» [15, 268]. Также примечателен тот факт, что для обозначения понятия «омоним» авторами трех известных лингвистических словарей – С.Д.Сагравания, М.Мехйаром и К.Сафави – используются термины واژه‌ی هم آوا wazheye hamawa или هم آوا hamawa, которые скорее передают значение «омофон», чем «омоним». Другие иранские лингвисты разделяют точку зрения, согласно которой омонимы должны иметь звуковое и письменное сходство, и отличаться в значении [14, 314-315; 12, 30; 8, 47-48].

Учитывая, что объектом нашего исследования является ПЛТ, следует помнить, что для терминологии характерны особые виды омонимии, отличные от видов омонимов общелитературного языка. В.П. Даниленко, говоря о разновидностях омонимии в терминологии, отмечала, что «широкое, сложное по границам определения и разнопричинное явление омонимии общелитературного языка в терминологии представлено не всеми своими разновидностями. Главным образом той, при которой «полисемия настолько расходится, что становится омонимией» [5, 88].

В нашем исследовании омонимии персидских лингвистических терминов мы будем руководствоваться разделением омонимов на следующие группы: макросистемные омонимы (термины, образованные от общелитературных слов), межнаучные омонимы (термины одной области знания, переосмысленные и вошедшие в терминосистему другой науки), внутринаучные омонимы (термины, используемые для обозначения понятий и явлений в рамках одной науки). Как частный вид внутринаучной омонимии выступает внутрисистемная омонимия. Данный вид омонимии возникает между терминами, используемыми для обозначения понятий и явлений в рамках одного из разделов или подразделов одной науки.

Омонимия в ПЛТ зачастую бывает вызвана случаями, когда полисемия слова настолько расходится, что утрачивается системная связь между словами. Очень редко наблюдаются случаи случайного совпадения двух слов, не имеющих ничего общего в плане этимологии. Примером таких терминов в ПЛТ могут служить следующие понятия: دری dari «дари (язык)» и دری dari «местный (падеж)». При этом первый термин «дари (язык)» образован от слова دربار darbar «двор». Первоначально язык дари назывался فارسی درباری darbari («придворый персидский») и впоследствии приобрел сокращенный вариант دری dari. Второй же термин является сокращенным вариантом от حالت دری halate dari «местный падеж» и происходит от предлога در dar («в»).

Наиболее многочисленную группу омонимов составляют макросистемные и межнаучные омонимы. Это объясняется тем, что большинство из лингвистических терминов в ПЯ было образовано на базе общеупотребительной лексики, а также в результате ретерминологизации. Обращает на себя внимание анализ лингвистических терминов М.Эхтияра, произведенный Пейсиковым Л.С. Ученый пришел к следующим результатам: «Из трехсот предложенных им (М.Эхтияром) лингвистических терминов тридцать (10%) оказались обиходными, бытовыми словами, употребленными автором в терминологической функции» [4, 157]. Приведем примеры этих макросистемных омонимов в ПЛТ:

термин	**значение в лингвистике**	**общелитературное значение**
آرایش arayesh	порядок слов (в предложении)	украшение
بند band	клауза	1) веревка; 2) повязка; 3) оковы
تأخیر ta'khir	постпозиция	замедление, проволочка
تقدیم taqdim	препозиция	1) преподнесение; 2) дар, подарок
لازم lazem	непереходный (глагол)	нужный, необходимый; важный
نحو nahw	синтаксис	1) образ, способ; 2) *редко* сторона, направление

Развитию межнаучной омонимии в ПЛТ способствует распространенная среди иранских терминологов тенденция к взаимозаимствованию терминов разных областей знания (ретерминологизация), которая во многом облегчает работу и экономит время ученым, работающим над созданием новых терминов.

термин	**значение в лингвистике**	**значение в другой области знания**
آمیزه amize	сращение; бленд	*мед.* микстура
آویزه avize	1) клитика; 2) адъюнкт, определитель	*мед.* аппендикс
جامد jamed	непроизводный	*физ.* твердый; плотный; замерзший (о веществе)
خوشه khushe	кластер, сочетание (звуков)	*бот.* кисть, гроздь; *астр.* соцветие (звезд), созвездие
ظرفیت zarfiyat	валентность	*физ.* ёмкостное сопротивление (электрического заряда)

Одним из самых нежелательных видов омонимии в терминологии является внутринаучная омонимия. В основном данное явление в ПЛТ возникает по причине того, что некоторые значения терминов частично устаревают и ученые закрепляют за ними новые значения. Также в ряде случаев причиной омонимизации может служить снижение внимания ученых к определенным лингвистическим явлениям, и, соответственно, снижение активности употребления терминов в научной литературе. Определенную роль при использовании термина для обозначения нового понятия играет и его степень прозрачности внутренней формы. Приведем примеры внутринаучных омонимов в ПЛТ.

Лексема حرکت harakat обладает следующими значениями в персоязычной лингвистике:

1. «огласовка (как подстрочный или надстрочный знак для обозначения гласного). Пример использования термина حرکت harakat со значением «огласовка» в научной лингвистической литературе:

سه حرکت ساده نیز در زبان فارسی وجود دارد که هر سه تلفظ می‌شوند اما نوشته نمی‌شوند و اگر کلمات فارسی را به خط لاتین بر گردانیم این سه حرکت نیز جزو حروف می آیند. این سه حرکت ساده عبارتند از: فتحه ضمه... کسره... *(В персидском языке существуют также три простых огласовки, которые произносятся, но не пишутся и если мы слова персидского языка передадим при помощи латинских букв, эти три огласовки будут переданы как и все остальные буквы. Данными тремя огласовками являются: фатха... касра... Пример)* [11, 10].

2. «жест». Пример использования термина حرکت harakat с данным значением в научных лингвистических текстах:

برقراری ارتباط میان مردم در ابتدا با حرکات بدنی صورت می گرفت، سپس این حرکات کم کم با اصوات همراه شدند و از آنجا که اندام فراگویی مردم هر منطقه با منطقهٔ دیگر فرق داشت، زبان‌های آن‌ها نیز از هم متمایز شد. *(Установление взаимоотношений между людьми вначале происходило при помощи жестов, позднее эти жесты постепенно стали сопровождаться звуками и, ввиду того, что артикуляционный аппарат людей, населяющих один район, отличается от артикуляционного аппарата жителей другого района, языки их также разнятся)* [13, 164].

Также данное значение термин حرکت harakat приобретает большей частью в составе таких сложных лингвистических терминов, как حرکت شناسی harakatshenasi «язык жестов» [6, 265] и т.д.

3. «перемещение / перестановка (составляющей)» – в данном значении термин используется преимущественно для описания явлений теоретической лингвистики. Приведем пример:

در نتیجه تنوع در ترتیب واژگانی حاصل دو گونه فرآیند است که یکی حرکت گروه اسمی است که میان ر-ساخت و پیمانه آوایی عمل می‌کنند و عمل‌کرد این گشتار اختیاری است و دیگری حرکت هسته است که میان ژ-ساخت و ر-ساخت عمل می‌کند و عمل‌کرد آن اجباری است (*Вариативность порядка слов становится причиной появления двух процессов, первый из которых заключается в перемещении номинативной группы, действует между поверхностной структурой и фонетической формой и представляет собой необязательную трансформацию, второй процесс заключается в перемещении ядра, возникает между глубинной структурой и поверхностной, и является обязательным)*[9, 75].

4. «движение». Данное значение термин реализует в качестве терминоэлемента при переводе русского лингвистического термина – فعل های حرکتی «глаголы движения». Приведем пример использования термина в данном значении в научном тексте:

جفت فعل استمراری (راه رفتن، خزیدن، دویدن و …) اطلاق 18 یا 14در زبان روسی، افعال حرکتی به می‌شوند *(В русском языке к глаголам движения принадлежат 14 или 18 пар глаголов длительного вида)* [10, 6].

Четыре указанных значения термина حرکت harakat обозначают понятия, принадлежащие различным разделам языкознания и представляют явление внутринаучной омонимии.

Еще одним примером внутринаучной омонимии является термин تأکید ta'kid. В известных лингвистических словарях С.Д.Сагравaнияна и М.Мехйара данный термин используется со значением «ударение; акцент; эмфаза» [6, 64]. Приведем пример использования данного термина в контексте:

از نظر زبان شناسی، با استفاده از ارتفاع صوت، زیروبمی و شدت، می‌توان یک کلمه، یا یک بخشی از یک کلمه را که دارای اهمیت بیشتری در گفتار است، بر روی آن تأکید کرد (*С точки зрения лингвистики, путем повышение голоса, его интенсивности и интонации можно выделить одно слово или часть слова, которые в речи имеют большую значимость*) [6, 64].

В современной персоязычной лингвистической литературе данный термин также используется для обозначения понятия «фокус (как часть смысла фразы, задающей новую информацию (в отличие от известной)»:

با وجود شباهتی که از لحاظ واژه‌های مورد استفاده دارند هم معنا ننیستند زیرا کانون 17-9جمله‌های (معنائی یا به عبارتی، تأکید کلام در همه آن‌ها متفاوت است و هر یک در موقعیت کلامی خاص به کار برده می‌شود *(Предложения (9-17), несмотря на сходные черты используемых слов, синонимичными не являются, так как семантический фокус, или фокус высказывания, во всех предложениях разный и каждое предложение употребляется в особой речевой ситуации)*[18, 116].

Интересным представляется анализ значений терминаکشش keshesh. На первый взгляд, значения данного термина близки и происходят от глагола کشیدن keshidan, и, казалось бы, омонимами не являются. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что при создании фонетического терминаکشش keshesh «долгота (звука); длительность» за основу было взято значение глагола کشیدن keshidan «длиться; продолжаться» [16, 332], а при создании грамматического термина کشش keshesh «перетягивание предлога / послелога к определяемому слову главного предложения (вместо присоединения его к местоимению, которое дублирует это самое определяемое слово в придаточном предложении)» за основу было взято значение «тянуть, тащить; протягивать» того же глагола [там же). Иранские лингвисты так дефинируют значения данных терминов:

1. کشش keshesh «длительность (звука)»:

کشش به مدت زمانی که ادای یک صوت طول می کشد، اطلاق می گردد. در صدای انسان مهمترین سازندة کشش، نفس است و هر چه نفس هماهنگ تر باشد، کشش نیز هماهنگتر، خواهد شد. کشش صوت باعث دریافت بهتر صوت می‌شود *(Под «длительностью (звука)» понимают промежуток произнесения звука. В голосе человека самой важной составляющей длительности является дыхание, и чем гармоничнее дыхание, тем более гармоничным будет длительность (звука). Длительность звука способствует лучшему его восприятию)*[6, 337]. ;

2. کشش keshesh «перетягивание предлога / послелога к определяемому слову главного предложения (вместо присоединения его к местоимению, которое дублирует это самое определяемое слово в придаточном предложении)»:

هر گاه جمله وصفی بلافصله پس از اسم مرجع خود قرار گیرد، اغلب حرف اضافه پسین را یا یک حرف اضافه پیشین که منطقاً باید با ضمیر مربوط به اسم مرجع بیاید، با خود اسم مرجع همراه است. این پدیده کشش [کشیده شدن حروف اضافه به سوی اسم مرجع به جای ضمیر مربوط به اسم مرجع]. هم در زبان نوشتار و هم در زبان گفتار یکسان رخ می‌دهد *(В случаях, когда определительное предложение следует непосредственно после имени, к которое оно определяет, послелог -ра или предлог, находящийся в препозиции, которые логически должны присоединяться к местоимению (антецеденту), замещающему определяемое имя (в главном предложении), обычно присоединяется к самому определяемому имени. Данное явление носит название «перетягивание, перемещение [перетягивание предлога к определяемому имени (в главном предложении), вместо присоединения его к местоимению (антецеденту), замещающему определяемое имя в придаточном предложении).)*[17, 264].

Как уже было отмечено выше, в ПЛТ наблюдаются редкие случаи **внутрисистемной омонимии.** Ярким примером данного вида омонимии может служить термин ادات adat, функционирующий в грамматике со значениями «частица» и «адъюнкт; обстоятельство».

Также в качестве примера внутрисистемной омонимии может послужить новый термин в ПЛТ آویزه awize, давно распространенный в медицинской терминологии для называния понятия «аппендикс». В он-лайн словаре лингвистических терминов Навида Фазеля термин آویزه awize имеет значение «клитика» [19]. Однако в лингвистическом словаре Х.Хамаюн за этим термином закреплены значения «определитель, детерминатор, адъюнкт» [7, 7]. Использование данной лексемы в двух значениях в грамматике также представляет собой явление внутрисистемной омонимии.

Выводы и перспектива. В ПЛТ наблюдаются явления макросистемной, межнаучной, внутринаучной и внутрисистемной омонимии. Полностью избежать явления омонимии в ПЛТ трудно, поскольку терминология находится на стадии своего формирования. Несогласованная работа иранских ученых, вводящих в употребление новые термины, является одной из главных причин омонимии в ПЛТ.

Наше исследование омонимии в ПЛТ – это первый опыт специального рассмотрения основных видов омонимии в ПЛТ, поэтому не претендует на исчерпывающее освещение данного вопроса. На каждый из указанных нами видов омонимии может быть приведено гораздо большее количество примеров. Особенно это касается внутрисистемной омонимии. Полагаем, что результаты нашего исследования послужат отправной точкой для дальнейших научных изысканий по данному вопросу.

Литература

1. Ахмедова М. Н. Лексико-семантические особенности омонимов персидского языка: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец 10.02.22 «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (персидский язык)» / Ахмедова Мастура Негматджоновна; Худжандский государственный университет им. Академика Б.Гафурова. – Душанбе, 2010. – 24с.

2. Дехган Халили М. Изучение омонимов и их употребление во фразеологизмах в русском и персидском языках : дис. На соискание ученой степени магистра : спец. «обучение русскому языку» / Дехган Халили Можде ; Тегеранский университет. – Тегеран, 2010.
3. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В.Матвеева. – Ростов н / Д : Феникс, 2010. – 562, [1]. с.
4. Пейсиков Л.С. (Лазарь Самойлович]. Лексикология современного персидского языка. Издательство Московского университета, 1975, 206
5. Реформатский А. А. Введение в языковедение: Учебник для вузов. – М.: Просвещение, 1967. – 544 с.
6. Saghravanian Sayyed Jalil. A Descriptive Dictionary of Linguistics / Sayyed Jalil Saghravanian – Mashhad: Nima Publication, 1991. – 735 p.
7. A Dictionary of Linguistics and Related Sciences (Fully Revised Second Edition) / Hamadokht Homayoun; Institute for Humanities and Cultural Studies. – Tehran, 2001. – 688p. ISBN 964-426-139-9
8. مصطفی عاصی. پردازش دستوری زبان فارسی با رایانه / مصطی عاصی / / دستور. ویژه نامه فرهنگستان. – اسفند 1383. -جلد اول. – شماره اول. – ص.29-50
9. علی افخمی. تبیین تنوع ساختهای نحوی در زبانهای انگلیسی، عربی، فارسی / علی افخمی / / مجله علمی پژوهشی – 88-75. – ص. 45. – دوره 157. – شماره 1380دانشکده ادبیات و علوم انسانی دانشگاه تهران. – بهار ISSN1026-2288
10. میریلا احمدی و معصومعه داد.فعل حرکتی درمفهوم مجازی و طریقه ی بیان آن در زبان فارسی / میریلا احمدی و . – 1388معصومعه داد / / پژوهش زبان‌های خارجی. نشریه دانشکده زبان‌ها و ادبیات خارجی دانشگاه. – تابستان 1026-0188 – ISSN 5-22. – ص.52شماره
11.] – تهران: اساطیر، 3محمد جواد شریعت. دستور زبان فارسی از محمد جواد شریعت / محمد جواد شریعت- [ویرایش 1364 – ISBN 964-331-258-5 .ص459.
12. . – 1383علی اکبر شیری. ردیف از دیدگاه معناشناسی / علی اکبر شیری / / رشد آموزش زبان و ادب فارسی. – پاییز 1606-9218 – ISSN 28-31 – ص.71شماره
13. سیر زبان‌شناسی در جهان اسلام . نویسنده ورستیق کیس، مترجم بشیر نژاد حسن / / فرهنگ. ویژه زبان شناسی. – 155-174 – ISSN 1017-4117. – ص. 52 و 51. – شماره 1383پاییز و زمستان
14. غلامعلیزاده، خسرو. ساخت زبان فارسی / غلامعلیزاده خسرو، – تهران: احیاء کتاب، 1374 – 336ص. – ISBN: 978-964-58-44-38-5
15. فرهنگ دستوری / محمد مهیار . – تهران: نشر میترا، 1376 – 287ص. – ISBN 964-5998-16-6
16. فرهنگ فارسی به روسی / بتصحیح و اهتمام یوری روبینچیک، [تدوین کنندگان م.عثمانوف...و دیگران] – مشهد: 1380جاودان خرد، ج.2. – ISBN 964-5955-75-0
17. لازار ژیلبر. دستور زبان فارسی معاصر / ژیلبر لازار, ترجمه مهستی بحرینی. – تهران: هرمس، مرکز بینالمللی 1384گفتگوی تمدنها، .ص334. -ISBN 964-363-177-X
18. بهروز عزبدفتری. معناشناسی در دستور زبان گشتاری / بهروز عزبدفتری / / دانشکده ادبیات و علوم انسانی تبریز. – 1370پاییز و زمستان 1023-7976 – ISSN 108-156 – ص.141 و 140 – شماره
19. http: // www.dastur.info / #&&Lang=PA&Site=02-21

Сухорукова А. В. Явище омонімії у перській лінгвістичній термінології / А. В. Сухорукова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 129–136.

У статті розглядаються особливості явища омонімії у перській лінгвістичній термінології, визначаються основні Її види: макросистемна, міжнаучна, внутрішньонаучна, внутрішньосистемна. У роботі розкриваються причини розвитку омонімії у перській лінгвістичній термінології. Для ілюстрації специфіки вживання різних видів омонімів надаються витяги з наукових перськомовних монографій та статей.

Ключові слова: перська лінгвістична термінологія, омонімія, макросистемна омонімія, міжнаучна омонімія, внутрішньонаучна омонімія, внутрішньосистемна омонімія.

Sukhorukova A. V. Homonymy in Persian linguistic terminology / A. V. Sukhorukova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 129–136.

The article deals with the features of homonymy in Persian linguistic terminology (PLT]. Previous studies in researching homonymy in Persian language were conducted by Persian and foreign scientists. It has shown that there is no common view on the problem of homonymy between Persian scientists. Some researchers consider homonymy as phenomenon when words have phonetic resemblance and differ in their meanings. Another group of Persian scientists believe that homonyms must have resemblance in phonetics and writing but differ in their meanings. Many foreign researchers arrived at the notion that studying homonymy in Persian language one should take to consideration peculiarities of this language, especially it's way of writing. An attempt of detailed investigation of homonymy in PLT is being made for the first time. Under the words detailed investigation we mean researching all types of homonymy in PLT, because previously one of Russian scientist Peysikov L.S. had already touched upon a subject of homonymy between common word and linguistic term when analyzing linguistic terms mentioned by Iranian linguist Mansour Ekhtiyar. The purpose of the present work is twofold: on the one hand to expose all types of homonymy in PLT verifying it by examples and on the other hand to give reasons of its appearance and functioning in terminology. The study is based on the analysis of PLT obtained from the Persian linguistic journals, linguistic dictionaries, monographs devoted to studying Persian grammar and Internet sources.

During our research we found out that there are four main types of homonymy in PLT: macrosystem homonymy (appears when terms are derived from common word), interscientific homonymy (appears when terms belong to different sciences), intrascientific homonymy(appears when terms belong to different branches of one science) and intrasystemic homonymy (when terms have homonimic relations inside one branch of knowledge].

The statistical data analysis helped the author to make a number of very important observations. The dominating types of homonymy in PLT are macrosystemic and interscientific, that is verified by examples nd extracts from scientific literature. The existence of intrascientific and intrasystemic homonymy leads to difficulties when studying Persian-language scientific works. The author also shed the light onto the reasons of appearing above mentioned types of homonymy in PLT on the example of some linguistic terms.

The author also comes to the conclusion that it's impossible to avoid homonymy in PLT because Persian linguistics is on the stage of its making now. That is why PLT is being replenished every day by new lexical items and very often instead of new terms Iranian terminologists prefer to give new meaning to old half-forgotten terms.

Key words: Persian linguistic terminology, homonymy, macrosystemic homonymy, interscientific homonymy, intrascientific homonymy, intrasystemic homonymy.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 137–141.

УДК. 821 (479. 24)

РОЛЬ М. Б. МАМЕДЗАДЕ В ИСТОРИИ ДУХОВНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Асланова Т. А.

Институт Литературы имени Низами Национальной Академии Наук Азербайджана
azfolklor@yahoo.com

Статья посвящена публицисту и исследователю истории литературы Азербайджана, одному из выдающихся общественно-политических деятелей, носителю идей партии Мусават М.Б.Мамедзаде. Данная работа повествует о наиболее известных произведениях М.Б.Мамедзаде, широко освещая их сюжет и идейную направленность. Основными мотивами произведений автора были мотивы независимости, демократии, темы исторического прошлого тюркских народов. Приводится краткий экскурс в историю Азербайджанской Демократической Республики, в период которой жил и творил литератор. Автор отмечает, что как писатель, драматург, публицист, критик, историк, видный политический деятель своего времени Мирза Бала Мамедзаде был одним из выдающихся личностей азербайджанского движения за национальную независимость.

Ключевые слова: период демократической республики, партия «Мусават», литература в эмиграции, национальное самосознание

Постановка проблемы. Азербайджанская Демократическая Республика появилась на свет как результат многовековой и многосторонней борьбы нашего народа за национальное освобождение. Однако по причине ряда внешних и внутренних факторов её жизнь была недолговечной. 28 апреля 1920 года, подвергшись оккупации Советской Россией, наша независимость, хоть и временно, была уничтожена. Не покорившиеся сыны Азербайджана, не примирившись с этой оккупацией, вели долгие годы борьбу ради восстановления национальной независимости. Одним из тех, кто неустанно трудился в этом направлении, был и Мирза Бала Мамедзаде. Выражающий в своих статьях большие чаяния и желания народа о свободе и независимости азербайджанского народа настроенный по-боевому политический деятель М.Б. Мамедзаде старался показать и пути его спасения. По его мнению, наше национальное спасение лишь в национальном единстве и бескомпромиссной борьбе. Поэтому в своих статьях и выступлениях звал народ к тесному единству, бескомпромиссной борьбе за национальное освобождение, призывал к его хранению пуще зеницы ока. Мирза Бала Мамедзаде, являвшийся прогрессивным национальным деятелям нашего народа, один из идейных носителей «Мусавата», вошел в историю нашей культуры как выдающийся публицист, а также как один из исследователей истории нашей литературы.

Выросший в революционном духе и уверенными шагами присоединившийся к борьбе за свободу нашего народа Мирза Бала Мамедзаде в пору юности выделялся

среди революционных сверстников-революционеров своей мужественной и последовательной позицией, шагал в первых рядах.

Литератор, чьи статьи часто встречались в газетах «Открытое слово», «Прозорливость», уделял особое внимание статьям в демократическом духе, призывающим к национальной независимости, посвященным историческому прошлому тюркского мира. Мирза Бала был главным редактором газеты «Прозорливость». В период демократической республики литератор действовал с особым воодушевлением, проводил исследования об истории демократической прессы, писал статьи о проблемах театра и драматургии. В этом контексте пьеса Мирзы Балы Мамедзаде «Бакинская война» в сентябре 1918 года была поставлена на сцене в постановке А.М.Шарифзаде.

После объявления 28 мая 1918 года Азербайджанской Демократической Республики, он с 23 июля трудился на должности главного редактора журнала под названием «Край молодых» (вместе с Т.Ф.Гаджизаде). Являвшийся органом созданной при партии «Мусават» молодежной организации журнал был закрыт 15-го ноября. Несмотря на эти преграды, 1918-1920 годы Мирза Бала еще больше увеличил свою общественную и политическую деятельность, свои труды в формировании социально-политического сознания среди молодежи.

Век независимости в Азербайджане был недолог. Столица Азербайджана Баку 27 апреля 1920 года была оккупирована XI Красной Армией. В эти дни по указанию Мамеда Эмина Расулзаде для борьбы с имперским завоеванием и продажных местных была создан «Комитет сопротивления». Председателем был избран Мирза Бала Мамедзаде, а его заместителем – Абдульвахаб (Юрдсевер) Мамедзаде. Должность секретаря исполнял Дж. Джаббарлы (Алиев Мёвсюм «Кто такой М.Б.Мамедзаде?; «Мамедзаде М. Б. «Национальное азербайджанское движение», Баку, 1992. – 243). Комитет приступил к изданию в тайной типографии газеты «Независимость». Газета издавалась до 1923 года. В июне 1923 года Абдульвахаб (Юрдсевер) Мамедзаде и его товарищи были арестованы местными правительственными органами. Спасшиеся от ареста националистически настроенные молодые люди затем снова продолжили свою общественно-политическую деятельность. Например, Юрдсевер исполнял обязанности председателя Азербайджанского культурного кружка в Анкаре. Среди уехавших в эмиграцию из-за большевистского террора молодых людей был и настроенный по-боевому патриот Мирза Бала Мамедзаде. Хотя он и покинул Баку в возрасте 25 лет, уже был известен как интересный драматург, прекрасный журналист, красноречивый оратор. Его литературно-публицистическая деятельность накануне образования независимой Азербайджанской Республики и в период национального правительства стало еще более плодовитой и многосторонней. Уже известный в прессе своим богатым пером молодой интеллигент до эмиграции стал автором нескольких значительных произведений. В 1912 году в типографии «Каспий» Иса-бека Ащурбекова он издал небольшую книгу под названием «Конец науки». А в 1922 году в Баку, в типографии «Правительство» издал работу «Азербайджанская тюркская пресса», написал произведение «Между двумя революциями» (Тифлис 1918). М.Б.Мамедзаде в своей работе «Азербайджанская тюркская пресса» дал сведения о, можно сказать, всех образцах нашей национальной прессы с 1875

года по 1921 год. Во всех разделах сумел создать полное и объективное впечатление о каждом органе печати соответственно роли в истории национальной культуры и общественной мысли. В нем даются сведения об истории издания этих органов, редакторах, идейных направлениях и авторах. Первый раздел произведения, называющийся «Печать до первой русской революции», охватывает 1875-1905 гг., второй раздел под названием «Печать после первой русской революции» охватывает период от революции 1905 года до Первой мировой войны.

А третий раздел называется «Пресса в период борьбы». Четвертый раздел, названный автором «Внутри революции», рассказывает об историческом периоде нашей печати с конца Первой мировой войны до мусаватистского периода. Пятый раздел, в котором повествуется об органах печати периода Азербайджанской Демократической Республики, называется «Печать периода «Мусавата»».

В изданной в тот период книге «Между двумя революциями» (Тифлис, 1918) автор дает высокую оценку роли печати и культуры в развитии национально-политического сознания. Расценивает печать как один движущих сил власти. В мае 1924 года по известным причинам вынужденный провести оставшуюся часть своей жизни в эмиграции Мирза Бала переезжает в иранский город Энзели. И здесь, будучи преследуем, едет сначала в Тегеран, затем в Тебриз. В те годы пишет статьи для издаваемого в Стамбуле журнала М.Э. Расулзаде «Новый Кавказ» и не отстраняется от органов печати. В 1927 году Мирза Бала Мамедзаде снова переехал в Стамбул. И в тот же год молодой интеллигент издает книгу «Армяне и Иран». Он, наряду с написанием крупноформатных произведений, делал общественно-политические и публицистические выступления в журналах «Страна огней», «Независимость», «Спасение», «Новый Кавказ», «Азери Тюрк», «Азербайджан» и бюллетене «Мусават». Литератор на страницах упомянутых органов печати уделял особое внимание статьям в демократическом духе, полном призывов к национальной независимости. В общественно-политических статьях он обращал пристальное внимание на вопросы национально-культурного прогресса, просвещения и развития культуры. Автор в своих статьях, относящихся к этому периоду, показывает, что народ, уставший от многолетних преследований и репрессий, познав самого себя, поднялся на борьбу за идеалы национального образования. Весьма интересны и статьи и сборники М.Б.Мамедзаде, посвященные азербайджанскому литературоведению и языку. Его циклы статей «О наших национальных эпосах», «Деде Коркут», «Смерть Калният», «Праздник спасения Новруз», «Эпосы гнета наших героев», «Столичные легенды», «Азербайджанские поэты» и прочие наглядно показывают исследования литератора в области истории литературы. Дающий литературе родного Азербайджана и его создателям самые высокие, самые высшие оценки автор в своей статье «Вчера и сегодня азербайджанской тюркской литературы» говорит: «Сегодняшними предводителями литературной арены снова являются герои вчерашнего периода нации. Сотрясшие литературный мир «события» снова были произведениями Гусейна Джавида. Развеселившее прессу стихотворение – это снова назидания Джавида, оживляющие учебники надписи – также Шаига. Снова Джафар, который своим «Айдыном», «Октаем» и «Алмасом» привносит красоту в театральную жизнь. Опять «Молла Насреддин», который смеется своими слезами». В его художественном творчестве

жанр рассказа занимает важное место. Обращают на себя внимание его рассказы «Моя память», «Контрреволюционеры», «Десять раз убитый», «Родина осталась» и др.Рассказ «Родина осталась» автора, с пера которого ощущался вопль, представляет собой горькое воспоминание о чужих краях. В начале рассказа автор описывает первые месяцы, брошенные величественной волной ненавистного завоевания.

В десятые годы XX века в распространении идей независимости и мусаватизма определенные заслуги имела и литературная мысль, особенно трудящиеся на драматургической и театральной сцене литераторы. Царские армянские цензоры держали печать под жесточайшим гнетом. Может быть, именно поэтому примерно до середины 1917 года на театральной сцене в серьезной драматургии преобладали мотивы просветительства и назидательности. Наряду с этим, несмотря на препятствия, смогли быть созданы такие образцы, как «Надир-шах» Н.Нариманова, «Мертвецы» Дж.Мамедкулизаде, «Ага Магомед-шах Гаджар» А.Хаггвердиева, «Насиреддин-шах» Дж. Джаббарлы.

Произведение М.Б.Мамедзаде «Война за Баку» созвучна с пьесой «Бакинская война» его близкого друга, идейного соратника Дж.Джаббарлы. Поскольку оба были написаны в связи с проводимым конкурсом по случаю освобождения Баку мусаватистскими войсками. Произведение было поставлено 17 декабря 1919 года на сцене государственного театра. Режиссером-постановщиком обоих спектаклей, пьес и «Бакинской войны» Дж.Джаббарлы и «Войны за Баку» М.Б.Мамедзаде, был видный мастер своего времени А.М.Шарифзаде. В пьесе нашли свое отражение исторические события, связанные с вторжением в 1918 году в Баку различных иностранных империалистических войск. Идеи борьбы с колониализмом стояли в центре пьес Дж.Джаббарлы «Завоевание Эдирне», «Траблиская война», а также М.Б. Мамедзаде «Война за Баку». Таким образом, в объемных произведениях М.Б.Мамедзаде как комментируются историко-общественные и политические основы национально-освободительного движения, так и демонстрируются зверские методы, применяемые советской империей для уничтожения азербайджанского независимого идеала. Из статей М.Б. Мамедзаде, служившего пером на стезе изучения и доведения до народа нашей культуры, видно, что этот патриотичный интеллигент изо всех сил трудился ради нашего национального духовного прогресса и не жалел сил своих на это.

Выводы и перспектива. И в конце отметим, что как писатель, драматург, публицист, критик, историк, видный политический деятель своего времени Мирза Бала Мамедзаде был одним из выдающихся личностей азербайджанского движения за национальную независимость. А сегодня настало время, подробно изучив его жизнь и творчество, передать последующим поколениям.

Литература

1. Джаббарлы Никпур. Мирза Бала Мамедзаде и классическое литературное наследие / / Новости Азербайджанской НАН. Серия литературы, языка и искусства, 2001. – № 1-2, 103-109.

2. Джаббарлы Никпур. Эмиграция и классическое литературное наследие. Проблема классического наследия в азербайджанской эмигрантской литературе / Ред.: Камал Талыбзаде. – Баку: Эльм, 2003. – 172 с.

3. Алиев Рагим. Джаббарлы в период революций / / Азербайджанская Демократическая Республика / Рагим Алиев. – Баку: Азернешр, 1992. – С.133-135.

4. Гасанова Айгюн. Азербайджанские эмигранты в первой половине XX века / Айгюн Гасанова. – Баку: изд-ство «Знание», 1992. – 165 с.

5. Ибрагимли Х. Азербайджанская политическая эмиграция (1920-1991) / Х. Ибрагимли. – Баку: Эльм, 1996. – 304 с.

6. Рустамлы Асиф. Самоотверженный исследователь нашей национальной печати / Асиф Рустамлы. Литературная газета (на азерб. языке), 10 декабря 2004 года

7. Ягублу Насиман. Большой мыслитель. Человек национальной идеологии / Насиман Ягублу. Газета «Ени мусават», 28 февраля 1988 года

8. Ягублу Насиман. История мусаватистской партии / Насиман Ягублу. – Баку, 1997

9. Юрдсевер А.В. Задачи тайной мусаватистской организации / А.В. Юрдсевер. – Азербайджан (Анкара), 1991. – № 382.

Асланова Т. А. Роль М.Б. Мамедзаде в історії духовної і суспільної думки Азербайджану / Т. А. Асланова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 137–141.

Стаття присвячена публіцисту і досліднику історії літератури Азербайджану, одному з видатних громадсько-політичних діячів, носію ідей партії Мусават М.Б.Мамедзаде. Дана робота оповідає про найбільш відомі твори М.Б.Мамедзаде, широко висвітлює їх сюжет і ідейну спрямованість. Основними мотивами творів автора були мотиви незалежності, демократії, теми історичного минулого тюркських народів. У статті також наводиться короткий екскурс в історію Азербайджанської Демократичної Республіки, в період якої жив і творив літератор. Автор відзначає, що як письменник, драматург, публіцист, критик, історик, політичний діяч свого часу Мірза Бала Мамедзаде був одним з видатних особистостей азербайджанського руху за національну незалежність.

Ключові слова: період демократичної республіки, партія «Мусават», література в еміграції, національна самосвідомість

Aslanova T. A. The role of the M.B. Mammadzade in the history of Azerbaijan spiritual and social thought / T. A. Aslanova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 137–141.

The article is devoted to the publicist and researcher of the Azerbaijan literature history, one of the most prominent political figures, ideas man of "Musavat" party M.B. Mammadzade. This work says about the most famous works of M.B. Mammadzade, publicizing their plot and the ideological direction. In the M.B. Mammadzade bulky editions historical, social and political foundations of the national liberation movement are commented, the brutal methods used by the Soviet empire for destruction of the ideal of an independent Azerbaijan are demonstrated. The main appeals of the author's works were the ideas of independence, democracy, themes of the Turkic nations historical past.

A brief excursion into the history of the Azerbaijan Democratic Republic, during which the writer lived and created his works is performed, M.B. Mammadzade's research works on the field of the history of the democratic press are depicted. The author notes that as a writer, dramatist, essayist, critic, historian, an outstanding political figure of his time Mirza Bala Mammadzade was one of the most prominent figures of the Azerbaijani national liberation movement.

Key words: the period of a democratic republic, "Musavat" party, the literature on immigration, national identity.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 142–147.

УДК 821.411.21-31:141.312

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В СОВЕТСКОЙ И ЕГИПЕТСКОЙ ФЕМИНИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 20 ВЕКА

Древетняк Е. В.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
E-mail: waykamilky@mail.ru

В данной статье автор сосредотачивает своё внимание на сопоставительном анализе сходств и различий образа женщины в советской и египетской прозе в период их тесного сотрудничества. Автор уделяет большое внимание историко-политическому контексту рассмотрения прозы данного периода, обуславливая особенности развития египетской феминистической прозы влиянием тенденций Советской литературы. Также автор статьи акцентирует внимание на сходстве некоторых литературных приёмов, к которым прибегают писатели феминистического направления как в СССР, так и в Египте.

Ключевые слова: арабская литература, советская литература, роман, феминизм.

Постановка проблемы: Образ женщины в литературе является мерилом демократизации и либерализации общества. На фоне установления социализма в Египте во второй половине 20 века, развитие процесса эмансипации женщины становится неизбежным процессом, а взаимодействие с Советским Союзом во многих сферах придаёт этому движению дополнительный импульс. Процесс усиленной эмансипации женщины находит своё отражение в романистике, которая является основным объектом исследования данной статьи.

Анализ образа женщины на базе рассмотрения романа Наваль Эль Саадави "Женщина в точке ноль"[7, 8] и Натальи Баранской "Неделя как неделя"[1] позволяет наглядно рассмотреть особенности положения и самосознания женщины в Египте и СССР, соответственно. Также в обоих романах поднимаются вопросы, актуальные и в наше время: тема власти, роли женщины в обществе и её позиции по отношению к мужчине. Стоит отметить, что обе писательницы являются "зеркалами феминизма" в своих странах, потому именно их романы представляют особый интерес для рассмотрения в контексте данной тематики.

Основными источниками исследования, на которые опирается автор данной статьи, являются тексты романов Наваль Эль Саадави [7, 8] и Натальи Баранской [1], а также материалы, освещающие социально-политические отношения Египта и СССР во второй половине 20 века.

Цель статьи – раскрыть основные особенности женского образа в египетской и советской романистике на основе рассмотрения феминистической литературы. Цель статьи обуславливает **задачи**, которые необходимо решить в ходе исследования:

-определить причины феминизации женщины в Египте и СССР во второй половине 20 века;

-выявить и проанализировать основные особенности главных женских образов в романах "Неделя как неделя" и "Женщина в точке ноль".

Научная новизна данной статьи обусловлена тем фактом, что на данный момент сопоставительные исследования советской и египетской феминистической прозы не проводились, а их особенности не анализировались.

В ходе проведённого исследования использованы описательный, аналитический, интуитивистский и психоаналитический **методы**.

Литературный процесс неотделим от исторического, потому так важно в ходе анализа учитывать социально-политические особенности развития той территории, на которой создавалось литературное произведение. Судьба взаимоотношений между Египтом и Советским Союзом непростая, именно это порождает особый интерес к изучению феминистической прозы этих государств в сопоставительной форме.

Роман "Неделя как неделя" Натальи Баранской (1969) [1] и "Женщина в точке ноль" Наваль Эль Саадави (1975) [8, 9] написаны в период тесного военного сотрудничества СССР и Египта. Советское военное присутствие в Египте в течение нескольких лет в конце 60-х – начале 70-х годов сыграло большую роль в поддержке борьбы за пост колониальную независимость египетского народа и народов других арабских стран. Также революция 1952 года в Египте повлияла на общественный уклад жизни египтян, так как в период правления Гамаля Абдель Нассера преобладает политики арабского социализма:

Арабский социализм – политическая идеология, представляющая собой смешение панарабизма и социализма. Появляется около 50-х годов 20 века как идеологическая основа Партии арабского возрождения Баас и политика Гамаля Абдель Насера [2].

Исходя из определения арабского социализма можно сделать вывод, что он несколько отличался от классического социализма, построением которого занимались в СССР. Очевидно, что классический марксистский социализм как концепция уклада не только экономической, но и всех остальных сфер жизни общества, не подходит для арабского мира. Принципиальные отличия арабского социализма от советского – это отвержение традиционного марксизма с присущими ему атеизмом, интернационализмом и материализмом, т.е. теми аспектами, которые являются несовместимыми с любым религиозным мировоззрением [2]. Проще говоря, социальная политика Гамаля Абдель Насера была направлена на построение светского государства с некоторой либерализацией и пересмотром канонов шариата, при этом с сохранением религии – ислама – как основной идеологии, служащей объединению египтян и всех арабов (панарабизм) [2]. Что же касается социализма в СССР, то, в отличие от Египта, влияние советского бюрократического государства изначально распространилось на такие сферы традиционно частной жизни, как наука, литература, театр, религия, семья, проведение свободного времени. Советский политический режим приобрел черты тоталитарного. Его основу составляли средства массовой информации. Благодаря техническому прогрессу и распространению грамотности и стал возможен тотальный охват населения коммунистической пропагандой. Социа-

листическая идеология доводились до каждого в виде отточенных формул и подменяла многие отрасли духовной жизни советского общества.

Очевидно, что такое положение дел не могло не сказаться на гендерной политике государств.

Начнём анализ положения женщины с Советского Союза. В СССР женщина с момента революции активно вовлекается в общественное производство и политическую жизнь. Идеал советской женщины – женщина, ориентированная на семью и материнство (как способ увеличения трудоспособного населения Советского Союза), но, вместе с тем, работающая на советских предприятиях и в учреждениях [3, 25-32]. Такая позиция женщины в обществе была крайне выгодна советскому руководству, поскольку женское население страны составляло около половины работоспособного населения и с экономической точки зрения потеря 50% трудящихся означало бы неоправданные потери. Учитывая факт упразднения религиозного мировоззрения, которое, так или иначе, регулировало отношения между мужчинами и женщинами, и замена его "удобной" во всех отношениях советской идеологией мы можем говорить не столько о феминизации женщины, сколько об её маскулинизации. Относительно положения египетских женщин во второй половине 20 века можно сказать, что оно практически не изменилось с начала века, но о нём стали намного больше говорить. Несмотря на то, что доступ женщин к своим политическим правам после революции 1952 года и принятия более демократичной Конституции стал отправной точкой для привлечения женщины на государственные и руководящие должности, признав её равной мужчине по правам и обязанностям, египетское общество не было готово к тому, чтобы обеспечить женщину всеми необходимыми благами социалистического государства [2]. Получив право на образование наравне с мужчинами, женщина при этом не получила права на такую же меру самореализации.

Безусловно, такое положение женщин не могло не отразиться в литературе обоих государств и, стоит отметить, что феминистическое движение в обоих странах преследовалось и властью не поощрялось. Также необходимо пояснить, почему для анализа в данной статье были взяты романы Наваль Эль Саадави и Натальи Баранской. Дело в том, что обе эти писательницы – яркие представительницы феминистического движения своих государств; их произведения – рефлексия положения женщины в обществе и её позиции. Обе писательницы неоднократно сами становились в той или иной мере жертвами предрассудков, неуважительного отношения к женщине, режима и политики правящей партии. Наваль Эль Саадави подверглась унизительной процедуре клитеродектомии [11], а Наталья Баранская неоднократно находилась в ссылке вместе со своей матерью, а впоследствии – с мужем, подвергалась публичному осуждению за поддержку творчества Пастернака, Бродского и других врагов режима [5]. Таким образом, произведения писательниц – каждое по-своему – все-таки были зеркалом формирующегося женского сознания и женской позиции.

В романе Наваль Эль Саадави главная героиня – Фердаус – изображена в аспекте соотношения старого и нового, традиционного и современного. Можно сказать, что Фердаус – это олицетворение бунта, конфликта, который порождён несо-

стоятельностью современного ей египетского общества. Наваль Эль Саадави расставляет акценты на острые социальные язвы арабского социума, которые выражает благодаря стилистически и композиционно новым приёмам таким, как внутренний монолог и полный скрытого напряжения и отчаяния поток сознания.

В своём романе Наваль Эль Саадави затрагивает обширный спектр тем и проблем, которые были близки не только ей, но и многим женщинам Египта: тема истинной природы власти, тема образования, проблема женской позиции в арабском обществе, проблема общественного мнения и многие другие не менее важные вопросы. Автор словами Фердаус практически высмеивает закостенелость традиций арабской этики, высоко ставящей культ мужской силы и мудрости, противопоставляя ей мужские образы романа, полные агрессии и невежества. Вот что в своей исповеди говорит об отношении к мужчинам Фердаус: «Каждый мужчина, которого я встречала, наполнял меня лишь одним желанием: поднять мою руку и ударить его прямо по лицу. Но будучи женщиной, я никогда не осмеливалась сделать это…» [10, 10].

В повести "Неделя как неделя" главная героиня – Ольга Николаевна Воронкова – это пример смирения перед натиском режима, она, в некоторой степени, противоположность Фердаус. Она не бунтует, во всех разногласиях, возникающих в ходе повести, она занимает срединную позицию. Положение героини показано автором как заурядное. – она обычная женщина, одна из многих себе подобных в этом обществе. Рисуя типичный женский характер, Баранская совершенно очевидно хочет доказать, что, прежде всего, само общественное устройство обессмысливает жизнь женщины. Ее героиня задается вопросами: "Почему так живется? В чем высший смысл? Откуда и зачем такие требования, ответственность, обязательства? Что такое тогда вообще жизнь?"[1, 17-18]. Но ответить на них у нее нет ни сил, ни времени. Это повесть не об экстраординарной личности, но про "мышь", для которой типично смирение и отстранённое созерцание всего того, что её не устраивает в укладе жизни. Социологический портрет героини повести столь же конкретен, сколь и метафоричен. У Ольги словно нет ни родителей, ни родственников. Как биографический факт это возможно, хотя и требует каких-то пояснений. Однако для автора отсутствие родных скорее символическая деталь. Их просто нет, и она наедине с этой данностью; как у типичной советской женщины, у нее просто нет выхода, и работа, и семья – только ее личное дело. И если у Наваль Эль Саадави Фердаус в конце концов находит свою свободу и выход из замкнутого круга, то у Баранской – совсем наоборот, система поглощает героиню. Обезличенность языка в повести "Неделя как неделя" (только во снах или немногочисленных монологах речь Ольги становится эмоционально насыщенной) имеет определенную художественную функциональность. С одной стороны – аналог безликости самого времен, с другой – желание ценой отказа от внешних эффектов выдвинуть на первый план ужас и бессмыслицу самого хода жизни и событий, его составляющих. Таким образом, подобно Наваль Эль Саадави, Наталья Баранская сознательно обратилась к двум очень опасным и болезненным темам – советского быта и положения женщины в советском обществе.

Стоит отметить важный факт – оба произведения написаны в нетипичной форме. Наваль Эль Саадави избирает для своего повествования форму исповеди – монодрамы [6], а у Натальи Баранской повесть завязана вокруг анкеты, которую должна заполнить главная героиня, которая также является искажённой формы исповеди. Другое дело, что героиня египетского романа к своей главной исповеди готова, а её советская сестра не в силах признаться себе в своих страхах.

Выводы и перспектива. Во второй половине 20 века в позиции женщин в СССР и в Египте наметился перелом, связанный, в первую очередь с развитием самосознания женщины и с формированием благоприятной социально-политической атмосферы. Сравнительный анализ образа женщины в литературе привёл нас к следующим выводам.

- Основными причинами феминизации женщин в Египте стала революция 1952 года, которая привела к установке социалистического режима, демократизация светской жизни, также частичный пересмотр норм ислама, влияние постколониальной политики и заимствование европейских традиций поведения в обществе, которые, однако, лишь усилили недовольство арабских женщин своим положением, поскольку обнажили несовершенство современной им политической системы. Что касается Советского Союза, то феминизация женщины здесь – это процесс, который был умело заложен в идеологию социализма и являлся неотъемлемой её частью. Однако, возлагая не женщину роль матери и жены, идеология определяла её позицию также как трудящегося на производстве и в учреждениях, в чём и заключалась трагедия советской женщины.
- Женские образы романа Наваль Эль Саадави и Натальи Баранской несмотря на то, что являются прототипами женщин, которые занимают угнетённую позицию в обществе, представляют читателю две совершенно различные реакции – бунт и смирение. При этом с помощью образов Фердаус и Ольги Николаевны писательницы поднимают фактически один спектр проблем:власть, положение женщины в обществе, трудности быта и многие другие.

Данное исследование является важным шагом в изучении не только творчества Наваль Эль Саадави и Натальи Баранской, но также гендерных особенностей литературы СССР и Египта. В перспективе представляется возможным углублённое изучение влияния идей марксизма на гендерный вопрос в египетской романистике.

Литература

1. Баранская Н. Неделя как неделя // Баранская Н. Женщина с зонтиком. – М., Современник, 1996. – С. 3-54.
2. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс] : Арабский социализм. – Режим доступа к статье: http: // ru.wikipedia.org / wiki / Арабский_социализм
3. Клементс Б.Е. Рождение новой советской женщины / А. Глисон, П. Кенетс и Р. Ститец. Большевистская культура: Порядок и эксперимент русской Революции. Indiana University Press, 1989. – 220с.
4. Кашкарова Е. Женская тема в прозе 60-х годов: Наталья Баранская как зеркало русского феминизма / / Все люди сестры. – Бюллетень ПЦГИ. СПб, 1996. – № 5. – С. 57-69.

5. Кирпиченко, Валерия Николаевна. Современная египетская проза, 60-70-е гг / В. Н. Кирпиченко; АН СССР, Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1986. – 291с.
6. Литературная энциклопедия [Электронный ресурс] : Монодрама / Мокульский С. – Режим доступа к статье: http: // slovari.yandex.ru / ~книги / Лит. энциклопедия / Монодрама /
7. Официальный сайт Наваль Эль Саадави [Электронный ресурс] : A short biography of Nawal El Saadawi. – Режим доступа к статье: http: // www.nawalsaadawi.net / index.php?option= com_content&view=category&layout=blog&id=34&Itemid=54
8. El Saadawi Nawal. Woman at Point Zero / Nawal El Saadawi; Zed Books Ltd. – London, 1983. – 144p. – ISBN 978-84277-872-2
9. El Saadawi Nawal. Woman at Point Zero – Second Edition / Nawal El Saadawi; Zed Books Ltd. – London, 2007. – 117p. – ISBN 978-1-84277-873-
10. Malti-Douglas Fedwa. Men, Women, and God(s): Nawal El Saadawi and Arad Feminist Poetics / Fedwa Malti-Douglas; University of California Press. – London, 1995. – 273p. – ISBN 0-520-20071-3
11. The Encyclopedia of Informal Education [Электронный ресурс] : Nawal El Saadawi – A Creative and Dissident Life / Belton Brian, Dowding Clare. – 2000. – Режим доступа к статье: http: // www.infed.org / thinkers / et-saadawi.htm

Древетняк Є. В. Порівняльний аналіз образу жінки в радянській і єгипетській феміністичній прозі другої половини 20 століття / Є. В. Древетняк // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 142–147.

У даній статті автор зосереджує свою увагу на порівняльному аналізі подібностей і відмінностей образу жінки в радянській та єгипетській прозі в період їх тісної співпраці. Автор приділяє велику увагу історико-політичному контексту розгляду прози даного періоду, обумовлюючи особливості розвитку єгипетської феміністичної прози впливом тенденцій радянської літератури. Також автор статті акцентує увагу на схожості деяких літературних прийомів, до яких вдаються письменники феміністичного спрямування як в СРСР, так і в Єгипті.

Ключові слова: арабська література, радянська література, роман, фемінізм.

Drevetnyak Y. V. Comparative Analysis of Woman`s Image in Soviet and Egyptian Feminist Prose of the Second Half of 20th Century / Y. V. Drevetnyak // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 142–147.

In this article, the author focuses on the comparative analysis of the similarities and differences of the woman`s image both Soviet and Egyptian prose during their close cooperation. Comparative analysis is based on the feministic works of Soviet and Egyptian writers (Baranska NV and Nawal El Saadawi]. The author pays great attention to the historical and political context of the consideration of prose of this period, depending on the features of development of Egyptian feminist prose influenced by tendencies of Soviet literature and implementation of Soviet culture in many areas of the Egyptian life. In addition, author of the article focuses on the similarity of some literary devices are often used by feminist writers both in the USSR and in Egypt. The author stresses that even stylistic features of feminist prose of the second half of 20 century in the Soviet Union and Egypt are alike – mainly feminist works are the brainchild of realism and laconic style.

The main goals and objectives of his article the author relates to the definition and characterization of the main features of feminist prose of Egypt and the Soviet Union. The author also aims to determine the characteristics of Egyptian prose that have arisen under the influence of Soviet literature.

The author emphasizes the importance of this work by the fact that scientific works containing similar comparison of the Soviet and Egyptian feminist literature of this period in Russian does not exist.

Key words: Arabic literature, Soviet literature, novel, feminism.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 148–152.

УДК 811.512.1

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО АЙАНИ ШАБУСТАРИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ «АНБИЙАНАМЕ»

Керими Х.

Институт рукописей им. Физули Национальной академии наук Азербайджана
E-mail: karimi281@yahoo.com

В статье проанализировано произведение «Анбийанаме» Бурханаддина Ибрагима ибн Гасана Шабустари Баниси, являющееся всесторонним и самым большим поэтическим эпосом на религиозную тему на персидском языке. В данной работе художественные особенности произведения впервые представлены с использованием различных поэтических отрывков. Автором выделяются образцы художественного словесного искусства, среди них: богатство звука, повторение, внутренняя рифма, равновесие или соотношение одной строки с другой, джинас слов и его виды. А также приводятся примеры из произведения на персидском языке и их перевод на русский язык.

Автор анализирует культурные и исторические факторы, повлиявшие на слабое развитие поэзии в эпоху Тимуридов. Среди них он отмечает новые нашествия монголов и внутренний беспорядок, развитие и широкое распространение тюркского языка, влияние религии.

Ключевые слова: литературные обогащения, период Тимуридов, «Анбийанаме», Айани Шабустари, способ, стиль

Постановка проблемы. В IX веке персидская поэзия имела тенденцию к простоте и плавности. Хотя часть поэтов подражала напыщенным, сложным стихам древних поэтов, это не носило общего характера [7, 163]. Эти поэты и их произведения показывают, что наряду с тем, что период Тимуридов был плодотворным с точки зрения развития разных видов искусства, он также был одним из важных периодов с точки зрения развития поэзии и, возможно, последним важным древним литературным периодом Ирана [7, 170]. «Одной из особенностей соблюдения правил учтивости и этикета в поэзии и творчестве поэтов того периода является включение в поэзию элементов художественного творчества» [9, 129]. «Использование джинасов, намеков, сравнения, метафоры, наличие обязательства, многочисленность длинных редифов, арабских слов и новых составов, ликвидация архаизмов, свойственных хорасанскому стилю, включение тюркских слов» [9, 129] являются своеобразными особенностями данного и предшествующего ему, стиля. В этот период одним из выдающихся и гениальных поэтов, обладающим всеми особенностями, свойственными поэтам, связанным с поэзией иракского стиля, был Бурханаддин Ибрагим ибн Гасан Баниси Шабустари, известный как Айани Шабустари. Одним из ученых, поэтов, грамматиков и комментаторов, живших и творивших в IX- начале X веков по хиджри-гамари, Айани Шабустари, родился в селе Банис пункта Шабустар [2, 1901]. Благодаря многочисленным произведениям по арабским наукам в арабских научных кругах он был извес-

тен как «второй Сибуйа». Он – автор обширного и величественного месневи «Анбийанаме» [1, 153]. Как свидетельствуют его стихи на персидском и арабском языках, Айани Шабустари – поэт, в совершенстве знающий все тонкости поэтического искусства, можно представить прекрасные образцы, отражающие его искусство и умение в этой области.

Согласно Айани, свет и лоск слову дарят не только лишь приукрашивания, а истина не отражается лишь в словах. Приступая к дастану, он старается продемонстрировать свое поэтическое искусство. В совершенстве владея «науками, предметами» и «стилями», он уверен, что вступает на новый этап.

Мало кто из персидских и арабских поэтов смог подобно ему выразить в поэтической форме возможности высказываний и иносказаний и поднять риторику до наивысшего расцвета. В произведении «Анбийанаме» темой и целью Айани является создание дастана и сказания. У него есть возможности создать внешние красоты и украсить слова, т.к. тема (сказания о пророках) сама по себе важна и прекрасна. В конце произведения «Анбийанаме» Айани размеренно объясняет причины избегания приукрашивания слов. Но он придерживается мысли, что вынужден демонстрировать свое искусство, чтобы быть по душе читателю и усилить его интерес к чтению. Он скромно заявляет, что «Анбийанаме» – не стихотворение, чтобы быть приукрашенным искусством, намеком и таджнисом. Основная цель – провозглашение истины.

Образцы основного художественного словесного искусства в произведении «Анбийанаме» Айани:

1. Богатство звука (мелодичность букв): повтор одного согласного или гласного звука или слога в составе одного бейта или выражения. Так, это сочетание звучит как музыка.

دل اشکسته شد تا زاشکستگی / / ببیند به دست کرم بستگی(تکرار؛ ش، ک،س، ت)(1 / 592)

(Сердце разбито, и из-за этого жаждет сострадания) (повтор: ш, к, с, т) [1, 592].

2. Повтор или такрир: повтор одного слова два раза подряд в составе одного бейта.

چو خواریست از بهر تو یاریار / / میفزا میفزا به دل خار خار(همان / 1275)

(По твоей вине я расстроен, о любимая, не увеличивай шипы, вонзаемые в мое сердце) (повтор: любимая; мейефза, расстроен) [1, 1275].

3. Создание внутренней рифмы: схожесть двух частей одного бейта или выражения.

نیفزوده روزی به تدبیر کس / / نکاهیده چیزی به تقصیر کس(همان / 5)

(Не увеличивается заработок благодаря кому-то, не уменьшается по чьей-либо вине) [1, 5].

4. Равновесие или соотношение одной строки с другой: сингармонизм двух или нескольких предложений посредством внутреннего ритма.

چه بینی ز فرزند و خویش و تبار / / چه جویی ز اتباع خویش اعتبار(1 / 1273)

(Что ты видишь от своего ребенка и родственников, что ожидаешь доверия от своих рабов?) [1, 1283].

5. Джинас слов: схожесть двух слов по звучанию, различие по составу.

گل وخار نادیده از هم تمیز / / نه خارا ز دیبا نه خوار از عزیز(1 / 36)

(Цветок и шип не отличаются друг от друга, ни муар от шелка, ни соперник от близкого) [1, 36].

6. Сложный или связанный джинас: два слова схожи по слогам и рифме, но различаются по строению.

وز آنها کشان دیده بر سینه بود / / سمر گشت علمی که در سی نبود(1 / 829)

Они причинили горе, дастан стал наукой, которой не обучишь [1, 829].

7. Схожий джинас: передние согласные близки по значению.

که هین ای به ما از کرامت کلیم / / منه پای بیرون ز حدّ گلیم(ک و گ) (همان / 456)

(Сейчас, из-за великодушия к нам собеседника, не вынимай ноги из килима) (повтор: к и г) [1, 456].

8. Письменный джинас (изменение): рукны джинасов на письме схожи, но различны по произношению и расположению точек.

همه در عرق غرق پا تا به فرق / / شتابان به محشر ز غرب و ز شرق(همان / 1276)

(Все вспотели с головы до ног, спешат к судному дню с запада на восток) [1, 1276].

Средства художественно-нравственного обогащения.

1. Схожесть и соотношение: в составе одного бейта или выражения используются такие слова, между которыми существует связь схожести и соотношения даже за пределами данного бейта или выражения:

فرو خورده چون دیده میخانه را / / سبو و خُم و رطل و پیمانه را (همان / 830)

(میخانه،سبو،خُم،رطل و پیمانه با هم ارتباط دارند)

(Так как проглотили глаза мейхану, кувшин, бадьян и бокал) [1, 830].

2. Противоречие: в составе одного бейта или выражения используются два, противоречащих друг другу, слова.

چه مؤمن چه کافر چه نیک و چه بد / / که جلوه گرند از ازل تا ابد(همان / 827)

(верующий, неверующий, хороший, плохой, издавна и всегда будут существовать) [1, 827].

3.Талмих (указание): указание писателя или автора на письме или в речи на определенный стих, событие, дастан или известную поговорку.

ز شقّ همان سینه در شرح صدر / / به نوک هلال تو شق گشت بدر (1 / 936)

(Здесь указывается на разделение луны на две части).

(Та грудь словно грудь, раздираемая от гнета, полная луна разделилась на две части кончиком твоего полумесяца) (1 / 936].

4. Гипербола: преувеличение какой-либо особенности человека или события, невозможное в реальности.

بهنگام ناورد آن کینه جوی / / به گرز گران کوه گشتی دو توی(همان / 557)

(Тот мститель не принес вовремя, гора разделилась на две части тяжелой булавой) [1, 557].

5. Создание поговорок: два предложения схожие друг другу, строятся таким образом, что напоминают поговорку.

ز ما رزم این کینه ساز درشت / / «همان داستان درفش است و مشت»(همان / 557)

(Наша битва с тираном еще продолжается, это дастан булавы и кулака) [1, 557].

6. Намек на напоминание, предостережение, одно из слов выражения напоминает другое слово, схожее с ним по форме.

که نوح نبی را ز غرقاب دهر / / چو شد کشتی جان زساحل به بهر(یادآور بحر ودریا)(همان / 115)

(Из водоворота времен пророка Ноя отправился с берега в море спасательный корабль) [1, 115].

7. Сравнение: уподобление в иносказаниях чего-либо чему-то, основываясь на ложь или гиперболу.

شبیه مجمل: عیانی در این موج خیز وبال / / نجومست صُحب و سفینه است آل(1 / 24)

(Айани, на этой бурной волне звезды – путеводитель, а семья – корабль) [1, 24].

8. Иносказание: использование одного слова вместо другого называется иносказанием. С тем условием, чтобы между двумя этими терминами была связь вне данного выражения.

زلالی چنین برچنان زشت زال / / ز فتوی ده دل نیامد حلال(مجازا به معنی شمشیر)(1 / 1063)

(Такая чистая вода в руках такого грязного зала, нет халала от духовного лица) (иносказание несет значение меча) [1, 1063].

9. Метафора: упоминать что-то, не называя его настоящего имени с тем, чтобы занять его место. Группирование метафор с точки зрения наличия слова, используемого в переносном значении.

همانها کزان نرگس نیم خواب / / به آیینهٔ دیده دادند تاب (استعاره از چشم مست)(1 / 829)

(И они подарили свет и блеск глазам от сонного нарцисса) (здесь метафора: с темными глазами) [1, 829].

10. Аллегория: такие предложения и выражения, посредством прямого и переносного значений которых автор имеет в виду другое.

مبادا بر افسردگان رای تو / / که بر یخ نویسند اجرای تو(همان / 31)

(Не приведи Аллах павшим духом твое мнение, они напишут твои деяния на льду) [1, 31].

Выводы и перспектива. IX век, иногда сокращенно называемый периодом Тимуридов, является периодом многочисленных, но слабых поэтов. Есть несколько причин этой слабости: новые нашествия монголов и внутренний беспорядок, развитие и широкое распространение тюркского языка, уменьшение и исчезновение дворцов покровителей поэзии, отсутствие тяжелого дворцового соперничества и вынужденность поэтов создавать безупречные стихи, с каждым днем возрастающее внедрение простых мыслей и разговорной речи в поэзию, полное вытеснение национальных и героических дастанов и появление на поэтической арене фанатичных и непоколебимых с религиозной точки зрения поэтов. Этих доказательств в отдельности достаточно, чтобы мы не ожидали создания значительных произведений, написанных высоким стилем. Но говоря о произведении «Анбийанаме» Айани, мы с изумлением становимся свидетелями воплощения художественного наследия, духовного и приятного словесного искусства Низами и Саади, поучительных мыслей Мевляны и плавности и величия Фирдауси. Айани подарил читателям такое величественное произведение, что уносит его в хорошие былые времена персидской поэзии. Наряду с тем, что поэтические образцы, представленные в данной статье, свидетельствуют о положении Айани, они отражают необходимость прочтения упомянутого произведения.

Литература

1. برهان الدين ابراهيم بن حسن شبستري. انبيانامه، تصحيح، مقدمه و تعليقات از حسين كريمى بر اساس نسخه خطى باكو و تبريز و قونيه تركيه به شمارۀ 131.
2. حاجى خليفه(مصطفى بن عبدالله]. كشف الظنون عن اسامى الكتب و الفنون، دار الأحياء التراث العربى، بيروت-لبنان، ج 1و2.ص1901(موزون 1901)(تائيه267-268)
3. شفيعى كدكنى، محمدرضا، (1350)، صور خيال در شعر فارسى. تهران. انتشارات نيل
4. شميسا،سيروس،(1374)،سبک شناسى شعر،چاپ اول، تهران،انتشارات فردوس.
5. همايى، جلال‌الدّين،(1364) فنون بلاغت و صناعات ادبى، جلد اوّل (صنايع لفظى بديع و اقسام شعر فارسى)، چاپ سوّم.تهران،انتشارات توس.
6. وحيديان كاميار،تقى(1379)،بديع از ديدگاه زيبايى شناسى،چاپ اول، تهران،نشر دوستان.
7. منصور ثروت،(1364)، فرهنگ كنايات، چاپ اول، تهران، اميركبير.
8. نخجوانى، حسين ،(تير1332)كتاب انبيا نامه و مؤلف آن ، نشريه زبان و ادبيات «يغما » شماره 6 (3 صفحه – از 152 تا 154].

Керімі Х. Художня творчість Айані Шабустарі у творі «Анбійанаме» / Х. Керімі // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 148–152.

У статті проаналізовано твір «Анбійанаме» Бурханаддіна Ібрагіма ібн Гасана Шабустарі Баніс, що є всебічним і найбільшим поетичним епосом на релігійну тему перською мовою. У цій роботі художні особливості твору вперше представлені з використанням різних поетичних уривків. Автором виділяються зразки художнього словесного мистецтва, серед них: багатство звуку, повторення, внутрішня рима, рівновага або співвідношення одного рядка з іншим, джінас слів і його види. А також наводяться приклади з твору перською мовою та їх переклад на російську.

Автор аналізує культурні та історичні чинники, що вплинули на слабкий розвиток поезії в епоху Тимурідів. Серед них він зазначає нові навали монголів і внутрішній безлад, розвиток і широке поширення тюркської мови, вплив релігії.

Ключові слова: літературні збагачення, період Тимурідів, «Анбійанаме», Айан Шабустарі, спосіб, стиль

Kerimi H. Ayani Shabustari artistry in "Anbiyaname" writing / H. Kerimi // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 148–152.

The article analyzes the Burhanaddina Ibrahim ibn Hasan Shabustari Banis's work "Anbiyaname" (845-917 AD), which is the most comprehensive and the largest epic religious theme poem written in Persian. In this paper for the first time the artistic features of the composition are shown with the using of different poetic extracts. The reign of the Timurid was considered by simplicity in the Persian prosody. Ayani Shabustari in his work "Anbiyaname" repeatedly notes that he avoids prates and epithets because the elegance of the theme (dastans about Prophets) is beautiful by itself and does not require any embellishment. The author points out some verbal art samples, among them are the sound abundance, repeating, internal rhyme, equilibrium – the ratio of one line to the other, word jinas and its types. Also the examples from this work in Persian and its Russian translation are represented. Artistic and moral enrichment methods which are used in work are shown. The author analyzes the cultural and historical factors that influenced on the weak development of the poetry during Timurid era. Among them he notes the new Mongol invasion and internal disorder, the development and wide spreading of the Turkic language, reduction and disappearing of poetry patrons palaces, the lack of heavy palace rivalry, constrained creation of perfect poems by the poets and influence of religion.

Key words: literary enrichment, Timurid period, "Anbiyaname", Ayani Shabustari, manner, trend

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 153–156.

УДК 821.411.21: 82 А. МАТАР 1 / 7.08-1

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО СТИЛЯ АХМАДА МАТАРА

Заменягре В. С.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
E-mail: celestial@meta.ua.

В статье рассматривается творчество и особенности поэтического стиля иракского поэта Ахмада Матара. Ставятся следующие задачи: определить особенности поэтического стиля писателя, проанализировать стихотворение Ахмада Матара "لمن نشكوا مأسينا؟"; выяснить исторические причины депортации поэта из страны и эмиграции.

В результате исследования установлено: что творчество известного иракского поэта Ахмада Матара имеет своеобразный «политический» стиль и «революционный характер», его стихи саркастически-иронические, поэзия писателя имеет большое жанровое и стилистическое своеобразие, революционное настроение и борьба за свободу слова имели большое влияние на взгляды и убеждения иракского народа.

Иракского поэта Ахмада Матара называют королем стихотворения "ملك الشعراء", его стихи революционные, пропитаны бунтарским характером, так как главной темой его стихотворений является политика. В современном мире тема войны и терроризма, знакома каждому человеку, и это проблема захватила все арабские страны, доказательствами этому служит всем известная арабская весна в Египте, Тунисе, Ливии, вспыхнувшая гражданская война в Сирии, которая забрала множество невинных жизней, и, которой никто не в силах положить конец. Именно этим актуальным на сегодняшний день проблемам посветил свою жизнь и творчество Ахмад Матар, именно своим уникальным мировоззрением и не безразличностью к человеческим судьбам нас заинтересовало его творчество. Его творчество не просвещенно любви, любовным проблемам, не разделенным чувствам, поэта интересуют более серьезные современные темы.

Постановка проблемы. Современный поэт Ахмад Матар в своих произведениях затрагивает актуальные проблемы арабского общества, осуждает политическую власть, сатирически и с ироний высмеивает современных политических вождей арабского мира, противостоит беззаконию, поднимает актуальные темы революции и войны в арабских странах, сталкивает читателей лицом к лицу с арабским миром и жестокой реальностью. Примечательным остается тот факт, что творчество Ахмада Матара не знакомо нашим современникам, оно остается малоисследованным до сегодняшних дней, его поэзия и поэтический стиль, язык не подвергались анализу со стороны современных арабистов.

Цель статьи – изучить творчество Ахмада Матара, его поэтический стиль, язык стихотворения, проанализировать стихотворения "لمن نشكوا مأسينا"؟.

Задачи исследования:

определить особенности поэтического стиля писателя;

проанализировать стихотворение Ахмада Матара;

выделить особенности поэтического языка

выяснить исторические предпосылки ссылки из страны и эмиграции;

В процессе написания статьи были использованы: культурно-исторический, психологический, психоаналитический методы, а также аналитично-описательный метод.

Предметом исследования служит литературное наследие иракского поэта Ахмада Матара, а именно политическое стихотворениея ."لمن نشكوا مأسينا"؟

Поэт в своих произведениях затрагивает важные темы современного мира, тему революции на арабском востоке, бессмысленной войны в Сирии, прав и свобод человека в современном мире, либеральных взглядов на жизнь.

Главным фактором для написания данной научной статьи о жизни и творчестве Ахмада Матара является особый стиль стихотворений, который отличается от современных арабских писателей, его революционные взгляды на современные проблемы общества, иронический характер стихотворений, сатирическая манера высмеивания правительства иракского государства, смелые обвинения и возгласы в сторону всех политических вождей арабского мира.

Лирическим произведениям Ахмада Матра свойственно чувство искренней любви к своей родине, эти чувства передаются читателю с помощью удачного поэтического синтаксиса, мастерски отшлифованных сравнений, риторических вопросов, виртуозных рифм, системой метрического стихосложения (аруда).

Риторические вопросы к воображаемому собеседнику, с целью усиления экспрессии стихотворения:

لمن نشكوا مأسينا؟ Кому мы можем пожаловаться?

و من يصغي لشكوانا و يجدينا؟ И кто прислушается к нашим жалобам?

انشكو موتنا ذلا لوالينا؟ Жаловаться на наши смерти унижаясь перед нашим господином?

و هل موت سيحيينا؟! И будет ли смерть нашим спасением? [2].

Риторические вопросы, не предусматривающие ответы, поскольку ответ невозможен. Диалог с самими собой, который передает горесть и всю безысходность ситуации. Именно риторические вопросы придают произведению афористичности, создают иллюзию происходящего.

В поэтическом синтаксисе стихотворения Ахмада Матара особую роль играет аллитерация. (Аллитерация – повторение одинаковых или однородных согласных в стихотворении, придающее ему особую звуковую выразительность (в стихосложении) [7]. В арабском стихосложении это называется монорим. (франц. monorime), стихотворение, все строки которого имеют одну рифму (по типу: Лямия "ل", нинея ,"ن") [5]. Например:

قطيع نحن...و الجزار راعينا	Мы – стадо овец, и мясник – это наш предводитель;
و منفيون ....نمشي في اراضينا	Мы изгнанники….маршируем по нашейс собственной земле;
و نحمل نعشنا قسرا...بأيدينا	Мы поневоле несем наши гробы ….своими же руками
و نعرب عن نعازينا....لنا ...فينا!!!	И выражаем соболезнование …..один одному!!! [2].

Каждая строфа произведения заканчивается на «Нун», что придает особую рифму и звуковую образность стихотворению. Большую роль в передаче настроения, чувства, раскрытии образной души играют и отдельные синтаксические фигуры. Например:

Сравнение, كفيتم أرضنا بلوى أعادينا- ты превратил наши земли в ночной кошмар; رآنا أمةً وسطًا – видишь нас как «среднюю нацию».

Персонификация; وهذي القدس تشكركم – и за это благодарит тебя Иерусалим; Алегория: Аллего́рия (от др.-греч. ἀλληγορία – иносказание) – художественное сравнение идей (понятий) посредством конкретного художественного образа или диалога: [7].

قطيعٌ نحنُ . والجزار راعينا – сравнение нации и людей со стадом овец.

Также большого драматизма стихотворению придают так называемые рваные предложения, что придают стихотворению философичности, размышлений о нынешних проблемах, и горестях, мысли автора разорваны.

Например:

قطيعٌ نحنُ . والجزار راعينا
ومنفيون ..... نمشي في أراضين
فما أبقى لنا دنيا .... ولا أبقى لنا دينا !! [2].

Заканчивается стихотворения следующими словами:

ولاة الأمر	Правители!
هذا النصر يكفيكم ويكفينا	Этих побед хватит с нас и с вас!
تهانينا ... [2].	Наши поздравления!

С помощью красочной художественной гаммы человеческих чувств, воплощенных в символических образах, Ахмаду Матару удалось создать благородный человеческий характер, который поражает своим душевным богатством, которому хочется подражать.

Выводы и перспектива. Политическая лирика Ахмада Матара, рожденная в период беззакония, репрессий, политической нестабильности в стране, пропитана глубокой душевной печалью и болью за свою страну, наталкивает читателя на философские размышления о родине и не оставляет равнодушным. Именно поэтому его стихотворения широко распространенны на всем арабском востоке.

Его стихотворения излюбленны иракским народом, зачитывались на литературных вечерах, и даже положены на музыку сирийскими музыкантами Рибалом Алькходари и Базелом Раджуб, в проекте под названием "قصايد السياسية", при поддержке «Арабского Фонда культуры и искусств» ‘‘آفاق- الصندوق العربي للثقافة والفنون’’ [9]. Его также называют «поэтом без любви», потому что Ахмад Матар не писал на романтические темы любви между мужчиной и женщиной, однако его стихотворения пропитаны любовью к своей родине и свободе человека вопреки жестокости и тирании.

Литература

1. Аль-Зубейди Ю. Ш. Кароль Поэтов / Юсуф Шинут Альзубейди / دار دجلة. – 2008. – 270 с.
2. Arabic poetry [Электронный ресурс] : بذة حول الشاعر: احمد مطر Режим доступа к статье: http: // www.adab.com
3. ArabArtsBlog [Электронный ресурс] : Ahmad Matar’s Black Humor. / Tansin. – 2012. – Режим доступа к статье: http: // arabartsblog.wordpress.com

4. Elwatannews [Электронный ресурс] : هاجر / "أحمد مطر. "ملك الشعراء" الذي تمرد على كل "ملوك السلطة" هشام. – 2012. – Режим доступа к статье: http: // www.elwatannews.com / news / details / 70529
5. Литературная энциклопедия [Электронный ресурс] : Монорим / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Режим доступа к статье: http: // dic.academic.ru / dic.nsf / ruwiki / 1567405
6. Литературная энциклопедия [Электронный ресурс] : Бурлеск / Крысин Л.П. – Режим доступа к статье: http: // slovari.yandex.ru / бурлеск /
7. Литературная энциклопедия [Электронный ресурс] : Аллитерация / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Режим доступа к статье: http: // dic.academic.ru / dic.nsf / brokgauz_efron / 3317
8. Revolutionary Arabic poetry in translation [Электронный ресурс] : Translation of Ahmad Matar / Walaa Quisay. – 2011. – Режим доступа к статье: http: // revolutionaryarabicpoetry.blogspot.com
9. Free Syrian Music [Электронный ресурс] : قصائد السياسية. – Режим доступа к статье: http: // freesyrianmusic.wordpress.com /
10. Энциклопедия Кольера [Электронный ресурс] : Ирак. История. – 2000. – Режим доступа к статье: http: // dic.academic.ru / dic.nsf / enc_colier / 255 / Ирак.

Заменягре В. С. Особливості поетичного стилю Ахмада Матара / В. С. Заменягре // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 153–156.

У статті розглядається творчість та особливості поетичного стилю іракського поета Ахмада Матара. Ставляться наступні завдання: визначити особливості поетичного стилю письменника, проаналізувати вірш Ахмада Матара "لمن نشكوا مأسينا؟"; вияснити історичні причини депортації поета з країни та еміграції.

В результаті дослідження встановленно: що творчість відомого іракського поета Ахмада Матара моє своєрідний «політичний» стиль, його вірші саркастично-викривальні, поезія письменника має велику жанрову та стилістичну своєрідність, революційний настрій та боротьба за свободу слова мали великий вплив на погляди та переконання іракського народу.

Ключові слова: стиль, поезія, жанрова своєрідність, література, революційна поезія.

Zamenyagre V. S. The main Peculiarities of the poetic style of Ahmad Matar / V. S. Zamenyagre // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 153–156.

The article deals with the creativity and peculiar poetic style of Iraqi poet Ahmad Matar. The following objectivities: to determine the features of the poetic style of the writer, to analyze the poem of Ahmad Matar "لمن نشكوا مأسينا؟"; to find out the historical reasons for the deportation of the poet from the country and emigration.

As a result of the research work it was determined that the creative works of the famous Iraqi poet Ahma Matar have a kind of peculiar “political” style and “revolutionary” character, his poems have a sarcastic and ironic manner, poetry of the author has an original genre and style. Revolutionary spirit and fight for freedom had a great effect on the attitudes and beliefs of the Iraqi people.

Contemporary poet Ahmad Matar in his work involves actual problems of Arabic society, condemns the political power, satire and ridicule ironies of the contemporary political leaders in the Arab world, he resist the lawlessness, raises topical issues of war and revolution in Arab world. However, the creation works of Ahmad Matar are still little-investigated by the Russian and foreign scholar, his poetry and poetic style has not been analyzed by the modern Arabists.

During the reign of Saddam Hussein, Ahmad Mattar had been exiled from the country for the recitation of his revolutionary poetry; however, people love his brave character and a strong word, his unwavering belief in a better future. He is also called “a poet without love”, because Ahmad Matar did not write about the romantic themes of love between a man and a woman, but his poems are imbued with love for his country and freedom of people in spite of the cruelty and tyranny.

Key words: style, poetic, genre identity, literature, revolutionary poetry.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 157–162.

УДК 81’362.2’373.612.2 / ’373.7

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ОТОБРАЖАЮЩИЕ ЦВЕТОВОСПРИЯТИЕ В АРАБСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Рублева В. В.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
E-mail: fikturiya@rambler.ru

В научной работе исследованы фразеологизмы, содержащие концепт «цвет» на материале русского, арабского и английского языков, приведены примеры в языках изучения. Концепт цвета рассмотрен сквозь призму культуры и искусства, обращено внимание на эволюцию цветосимволики в разное время и у разных народов. Также символизм цвета рассмотрен с точки зрения психолингвистики и особенностей культурных реалий народов-носителей языка.

Ключевые слова: языкознание, сравнительно-сопоставительная лингвистика, языки, фразеология, психолингвистика, цвет.

Постановка проблемы. Многочисленные аспекты жизни человека находят свое отображение в языке при помощи концепта цвета, который является частью идиоматических выражений. Понятие цвета присуще каждой культуре, в которой он несет свою особенную смысловую нагрузку. Изучение идиоматических выражений с концептом цвет интересно не только с точки зрения лингвистики, но и с точки зрения культуры. А сравнение нескольких языковых систем позволяет сделать выводы об особенностях восприятия народов и их взаимодействии, позволяет найти точки пересечения, выявить схожести и различия.

Актуальность. Фразеологизмы с концептом «цвет» формируются на пересечении этнических, культурных, психологических, интеллектуальных, социальных и исторических путей. Вбирая в себя все выше перечисленные факторы, языковая единица являет собой интересный материал для изучения. Учитывая специфику и особенности формирования такого рода фразеологизмов, следует серьезно относиться к их переводу на неродственные им языки.

Цель статьи – выявление таких выражений в трех языках изучения, их анализ, варианты перевода, а также выявление роли цвета в формировании фразеологизма и его восприятии носителями языка.

В статье необходимо решить следующие **задачи**:

- выявить фразеологизмы, содержащие в себе концепт цвета;
- дать их характеристику, варианты перевода;
- определить роль культуры на рода на их формирование и последующее восприятие.

Источниками фактического **материала** являются двуязычные специализированные русско-арабские и арабско-русские словари: Баранов Х.К. “Арабско-русский словарь” [2], Борисов В.М. “Русско-арабский словарь” [7], “Англо-русский фразеологический словарь” Кунина А.В. [1].

В ходе работы были использованы следующие **методы**: описательный, исторический, сравнительный, семантический (метод компонентного анализа).

Объектом исследования являются фразеологизмы, содержащие в себе концепт цвета.

Для полного освещения проблемы и ее понимания необходимо дать определения следующих **понятий**: фразеологизм, устойчивое сочетание.

Фразеологизм – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава [9].

Устойчивые сочетания – это составные лексемы, иногда их называют «языковыми клише» (или «штампами»), они вставляются в нашу речь целиком. Устойчивые сочетания – это не речевые комбинации знаков, а особые сложные знаки [9].

В данной работе будет подвергнут исследованию концепт цвета во фразеологии русского, арабского и английского языков. Цвет в данных выражения – основной формообразующий фактор, который является источником смысла приведенных в качестве примеров устойчивых словосочетаний. Издревле цвету отводилась особая роль, равно как и в культуре общества, так и в восприятии человека.

Цвет – это зрительно воспринимаемое качество среды, окружающей человека. «Цветовую» часть спектра способен воспринимать человек с помощью зрения и оценивать как познавательно, ориентационно, так и эстетически. Основными цветами являются красный, желтый и синий цвета. Белый, серый и черный цвета – ахроматические.

В нашем исследовании мы рассмотрим эти белый, желтый и синий цвета как составляющие устойчивых словосочетаний. Но, прежде всего, необходимо исследовать символизм цвета в каждой из культур, а потом перейти непосредственно к анализу наиболее ярких фразеологизмов.

Желтый цвет – один из семи основных тонов хроматического ряда, спектра солнечного света. Желтый цвет теплый, он ассоциируется с солнцем, теплом и светом, а также с цветом золота. Золотисто-желтый в разных культурах традиционно связывался с завистью, ревностью (по ассоциации с желчью); он самый пронзительный и, по определению Й. В. Гёте, «вызывает досаду». Иуда, по традиции, изображается в бледно-желтых одеждах. В аллегориях четырех темпераментов – желтый, цвет льва, связывается со стихией огня и темпераментом холерика. Желтый цвет обладает наибольшей экспрессивностью. Недаром этот цвет более других любил В. Ван Гог, живописец, работавший на пределе психических возможностей человека. Он объединяет в себе и положительные, и отрицательные качества, выражает разносторонность, поиски, надежды, пылкость. Желтый – цвет сплетен (желтая пресса). Ему присущи радость, бодрость, нежное возбуждение. Рассмотрим примеры фразеологизмов в английском языке, содержащих концепт «желтого» цвета: **yellow-bellied** – трусливый; **a yellow streak –** склонность к трусости в характере; **yellow as a guinea** – желтовато-бледный(о лице), желтый как лимон (букв. желтый

как гинея);**yellow as gold** – желтый, золотистый; **the yellow pages** – «желтый справочник»; **the yellow press** – желтая пресса;**yellow dog** – подлец, прохвост [1]. Данные примеры несут в себе как положительные, так и отрицательные качества данного цвета. Основная коннотация приведенных примеров – трусость, лицемерие и прямое восприятие данного цвета.

В русском языке встречаются следующие выражения: желторотый птенец – наивный, неопытный человек; **желтый дом –** психиатрическая лечебница; **желтая пресса** – беспринципная, бульварно-сенсационная периодическая печать; **желтые профсоюзы** – работающие в союзе с капиталистами, предающие интересы трудящихся масс [5]. Как и в английском языке сохраняется коннотация лживости, к которой добавляется неопытность и психическая неустойчивость.

Желтый – Yellow – اصفر

النقابات الصفراء – желтые профсоюзы; اصفر الرنان – золото; الصفراء – золото; الحمي الصفراء – желтая лихорадка;الهواء الاصفر – холера (букв. желтый воздух); ابتسمة صفراء – кислая, натянутая улыбка (букв. желтая улыбка);اصفر وجهه – побледнеть (букв. его лицо стало желтым) [2, 7]. Арабские фразеологизмы, как и английские, и русские сохраняют все выше приведенные значения.

Белый цвет. В физическом смысле представляет собой полное слияние всех цветов спектра и потому в разных этнических культурах является символом полноты физического бытия, соединения всех сторон физического мира в духовном. Белый флаг – эмблема капитуляции, дарования жизни через смерть.
В христианстве белый цвет символизирует совершенство Бога, неделимость и поэтому чистоту, невинность, девственность, спасение. Белый цвет – это совершенный цвет, цвет соединяющий в себе все остальные цвета. Его главное качество и особенность – это равенство. Рассмотрим примеры в трех языках изучения.

white as snow – белый как снег, белоснежный; **a white crow –** белая ворона, редкое явление – противоречивый символ инаковости, непохожести, отличности, избранности; **a whited sepulchre –** гроб повапленный, ханжа, лицемер 1. То, что прикрывается наружным блеском, а на самом деле ничтожно, пусто, никуда не годно. 2. Внешне привлекательный, но гнусный, отвратительный человек; **as white as a sheet –** белый как полотно, как смерть, белый как мел (от испуга); **white elephant –** обременительное, разорительное имущество, обуза (происхождение выражения связано с имевшей место в Сиаме традицией, по которой король Сиама дарил неугодным ему лицам белого слона. Белые слоны почитались как священные животные и не должны были работать, но стоимость содержания слона разоряла получателя такого подарка. Также может означать практически бесполезный, но дорогой предмет. В биржевой практике известно выражение «белый слон» как обозначение операции, при которой расходы превышают прибыль от сделки.

Русский аналог: «чемодан без ручки»). **white as a ghost –** белый как призрак (от страха, испуга или болезни); **a white lie –** невинная ложь, **a white-collar worker –** «белый воротничок» (работник офиса, служащий, клерк) [1].

В русском языке: дела как сажа бела – неважные, плохие дела, белая ворона, сказка про белого бычка – докучная сказка, повторение одного и того же, белый свет – мир, белая кость – барская, дворянская порода, черным по белому – ясно,

очевидно, понятно даже идиоту, белое духовенство – не монашествующие, мирские служители культа, белый флаг (выбросить белый флаг) – капитулировать, сдаться.

Белый – White – ابيض

ابيض وجهه – быть счастливым (его лицо побелело, посветлело);ما كل بيضاء شحمة – all is not gold that glitters / не все то золото, что блестит (не все то жир, что бело); ارض بيضاء – голая земля (букв. белая земля); لا يملك ابيض و لا اسود – гол как сокол, ни кола, ни двора – extreme poverty (букв. у него нет ни белого, ни черного);يد بيضاء – милость, благодеяние (букв. белая рука);سلاح ابيض – холодное оружие; ثورة بيضاء – бескровная революция (букв. белая революция);يوم ابيض – счастливый день (букв. белый день); الموت الابيض – естественная смерть; непредвиденная смерть (букв. белая смерть) [2, 7].

В арабском языке в большинстве случаев мы наблюдаем положительные ассоциации с белым цветом – счастье, радость, мирное разрешение конфликтов. Также белый ассоциируется с пустотой и бедностью.

Синий цвет – один из семи основных тонов спектра, или хроматического ряда. Синий является холодным тоном и одним из трех основных цветов, так называемой «трехцветки» (красный, желтый, синий). Синий – один из самых любимых цветов в искусстве, отличается многообразной символикой. Это цвет неба, небесной лазури. В отличие от голубого синий тон обладает предельной насыщенностью и пространственностью (глубиной). Поэтому созерцание синего в вышине неба рождает необычайные ощущения. Живописец П. Сезанн говорил, что синий цвет «создает вибрацию». В Средневековье синий цвет считали символом любви и верности. Синий цвет неба в сочетании с красным цветом крови дает фиолетовый – «цвет молитвы». Синий настраивает на глубокие размышления (зеленый успокаивает, красный возбуждает, а желтый раздражает). Синий цвет сосредоточен на себе. У этого цвета нет дна, он не заканчивается. Синий цвет – это постоянство, упорство, настойчивость, преданность, самоотверженность, серьезность, строгость. Синий цвет – потеря реальности, мечтание, фанатизм. Рассмотрим примеры в языках изучения.

В английском языке синий и голубой – одно и то же. стоит заметить, что голубой – больше склонен к меланхолии, задумчивости. Ранее упоминался стиль музыки – блюз, которому присущи «голубые» ноты.

blue devils – уныние, белая горячка; blue fear – испуг, паника, замешательство;blue murder – громкий, пронзительный крик (букв. голубое убийство); blue Monday – понедельник перед Великим Постом, тяжелый понедельник; to blue pencil something – выделить что-либо, подчеркнуть, «взять на карандаш»; a blue-eyed boy – любимчик; once in a blue moon – когда рак на горе свистнет (очень редко. Букв. однажды в голубую луну); men / boys in blue – полиция, люди в голубых мундирах; blue blood – (от испанского sangre azul) – голубая кровь, аристократическое происхождение; a blue stocking – синий чулок (about woman which devoid of femininity); blue study – мрачные раздумья, тяжёлые мысли; to appear / happen out of the blue – совершенно неожиданно, как гром среди ясного неба; to make blue – злить; have the blues, have a fit of the blues – хандрить, заскучать; to look / feel blue – быть грустным, хандрить, казаться грустным; Between the devil and the deep blue sea – меж двух огней [1].

В русской фразеологии этот цвет ассоциируется со счастьем. Синяя птица – символ счастья. Как синь-порох в глазу – символ дорогого и близкого сердцу, и голубая кровь употребляется в отношении человека аристократического происхождения.

Как и в английском, в русском языке бытует выражение синий чулок / blue stocking – уничижительное обозначение женщины, внешний вид, личные качества, поведение, деятельность, интересы и / или образ жизни которой в значительной степени не соответствуют феминному стереотипу о них в её окружении.

Синий – Blue – ازرق

خوف ازرق – смертельный страх (букв. голубой страх);عدو ازرق – заклятый враг (букв. Голубой враг);عرق ازرق – холодный пот (от страха, букв. синий пот);الماء ازرق – глаукома (букв. голубая вода) [2, 7].

Результаты исследования можно представить следующим образом:

- в ряде случаев значения идиом совпадают, что свидетельствует об универсальности цветовосприятия во всех культурах. Тот факт, что эти цвета воспринимаются в трех культурах почти одинаково, свидетельствует об универсальности восприятия;
- в культуре человечества цвет всегда играл важную роль, будучи тесно связанным с философией и эстетикой;
- исследуя фразеологию в компаративном аспекте можно не только избежать трудностей при переводе, а также постигнуть культуру через язык, в котором она нашла наибольшее свое отображение.

Перспектива. Данное исследование выражения цвета в языке на примере области фразеологии не является последним. В дальнейшем будут изучены цветовые гаммы в фразеологизмах-соматизмах на материале арабского, русского и английского языков.

Литература

1. **Англо-русский фразеологический словарь**: [Ок. 5000 единиц / составитель А.В.Кунин]. – 8-е изд., стереотип. – М. : Рус.яз. – Медиа, А.В. Кунин 2007. – XII, 571, [9]. с. ISBN 978-5-9576-0370-2
2. **Арабско-русский словарь**: [арабско-русский словарь / составитель Х.К. Баранов – В 2 т. – 11-е изд., стереотип.] – М.: Живой язык, Х.К. Баранов, 2006. – 456 с. – ISBN5-8033-0377-1(т.1) ISBN 5-8033-0371-2
3. **Власов В.Г**. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства в 10 т / В.Г. Власов**:** – Спб.: Азбука-классика, 2004-2009.
4. **Маклаков А. Г.** Общая психология.: учебник / А.Г. Маклаков – СПб.: Питер, серия «Учебник нового века», 2001. – 592 с.: ил. – ISBN 5-272-00062-5
5. **Миронова Л.Н.** Семантика цвета в эволюции психики человека / / Проблема цвета в психологии / Л.Н. Миронова – М., 1993. – 207 с.
6. **Петров В. В.** Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы / В.В. Петров / / ВЯ, 1988. – № 2. – С. 41.
7. **Русско-арабский словарь**: [Более 42000 слов: Под ред. В.М. Белкина: русско-арабский словарь / составитель В.М.Борисов] – М.: Валерий Костин, 2008.-1120 с. – ISBN 978-5-901278-06-2
8. **Учебный русско-арабский фразеологический словарь**: [около 900 фразеологизмов.: учебный словарь / составители А.М. Фавзи, В.Т. Шкляров] – М.: Русский язык, 1989. – 616 с. – ISBN 5-200-00807-7

9. **Языкознание**. Большой энциклопедический словарь / [Гл.ред. В.Н.Ярцева). – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.: ил. – ISBN 8-85270-307-9 (БРЭ)
10. **ABBYY Lingvo** [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: //www.lingvo.ua / ru

Рубльова В. В. Фразеологічні одиниці, що відображають сприйняття кольору в арабській, російській та англійській мовах / В. В. Рубльова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 157–162.

У науковій роботі досліджено фразеологізми, що містять концепт «колір» на матеріалі російської, арабської та англійської мов, наведені приклади в мовах вивчення. Концепт кольору розглянуто крізь призму культури і мистецтва, звернуто увагу на еволюцію символізму кольору в різний час і у різних народів. Також символізм кольору розглянуто з точки зору психолінгвістики та особливостей культурних реалій народів-носіїв мови.

Ключові слова: мовознавство, порівняльна лінгвістика, фразеологія, метафора, психолінгвістика, колір.

Rublyova V. Phraseological Units Expressing Colour Perception in Arabic, English and Russian Languages / V. Rublyova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 157–162.

In this article were investigated idioms with the concept of the colour. The research is based on the material of Arabic, English and Russian languages. The purpose of this paper is to study these expressions, to give their comparative analysis and characterization, as well as identification of the role of colour in their formation, meaning and perception.

Many aspects of human life find its reflection in language due to the concept of colour, which is a part of idiomatic expressions. The concept of the colour is inherent to every culture, in which it has its own peculiar and specific meaning. Colour is a kind of universal, through which the world is perceived and described.

Finding reflection in language, colour continues to carry a particular sense of culture and the centuries-old experience. Study of idiomatic expressions with colour concept is interesting not only from the point of view of linguistics, but also in terms of culture. A comparison of several language systems allows to draw conclusions about the peculiarities of perception of people and their interaction, and allows you to find the intersection point, to identify similarities and differences.

Having examined the concept of idioms with color, the author came to the conclusion that the color has always played an important role in human culture, being closely associated with the philosophy and aesthetics. The world is full of different ethnic groups and cultures. Each of which has its own language. All languages have their own systems and the features that are directly manifested in vocabulary, in particular, in the phraseology.

Key words: linguistics, comparative linguistics, phraseology, metaphor, psycholinguistics, colour

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 163–168.

УДК 811.222.1.001.36:141.336:801.661

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИМВОЛИЗМА СУФИЙСКОЙ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

Терещук С. В.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
E-mail: sirius_clavdius@mail.ru

Сравнительный анализ символизма суфийской и дальневосточной философской традиции. В научной работе проведено исследование в области суфийской философской традиции, а также сравнительный анализ суфийского символизма с элементами символизма дальневосточных мистических философских школ. Подчеркивает важность таких лингвистических понятий как «план выражения» и «план содержания». Дан краткий обзор суфийской философской парадигмы и анализ основных элементов символизма, присущих суфизму как самостоятельному мистическому течению в исламе. Раскрывается влияние суфийского философского мировоззрения на персидскую литературу и его отображение в её текстах. Предоставлен сравнительный и сопоставительный анализ значений суфийских мистических символов сквозь призму дальневосточной философской традиции.

Ключевые слова: суфизм, восточная философия, сравнительный анализ, символизм.

Постановка проблемы. Внимание данной научной работы сосредоточено на сравнительном исследовании суфизма как мистического ответвления ислама с восточной философской точки зрения. Актуальность данной работы определяется ее теоретическим и практическим значением. Исследования значений символизма, религиозных традиции и обычаев, философских парадигм по-прежнему актуальны, потому что отсутствием такого рода исследований обуславливается невозможность анализа суфийского литературного наследия сквозь призму восточной философии. Данным вопросом занимались такие ученые как Бертельс Евгений Эдуардович («Заметки по поэтической терминологии персидских суфиев») и Керимов Гасым Мамедович («Возникновение суфизма и основы его учения»). Результаты их исследований отображены в книгах и научных статьях, указанных выше.

Субъектом данного исследования является изучение сходств и различий между мистическими психодуховными учениями суфизма Ближнего Востока и философских школ Дальнего Востока.

Объектом исследования являются философские базисы суфизма и восточных учений.

Символ означает значительно больше, чем его собственный образ, но в первую очередь он, всё-таки, является образом. Равно как и проявляющееся изображение на фотоплёнке, символ раскрывает себя плавно и медленно. Несмотря на то, что каждый элемент символа напрямую взаимодействует с нашим восприятием, нельзя ставить знак тождественности между символом и значением или понятием. Символ

сам по себе не может быть абстрактным, но он указывает на абстракцию и приводит к целостному абстрактному понятию.

Символизм – это приём использования символов для обозначения идей и качеств, давая им символические значения, которые отличаются от их буквального смысла. Символизм может принимать различные формы. Как правило, это объект, представляющий определенное понятие, чтобы придать ему совершенно другой смысл, гораздо более глубокий и значительный. Однако, действие, событие или слово, сказанное кем-то, могут также иметь символическое значение. Символы переносят (меняют) свое значение в зависимости от контекста, в котором они используются. Например, "цепь" может нести значение сплочённости и союза, но с другой стороны – лишения свободы. Таким образом, символическое значение объекта или действия становится понятным, отталкиваясь от того, когда, где и как он используется. Данный эффект также зависит лица, которое воспринимает тот или иной символ.

Символ – это знак, основным свойством которого является функция обозначения. Исходя из этой функции, можно выделить понятие биполярности символа как языкового знака. Материальный объект (или событие), который используется в качестве представителя другого объекта, есть означающая сторона знака (план выражения), а то, что обозначается знаком – означаемая сторона знака (план содержания). План выражения языкового знака называют экспонентом.

В сознании пользующихся данной знаковой системой, план содержания и план выражения (экспонент) знака связаны между собой. Для того чтобы пользоваться знаком, недостаточно знать экспонент, недостаточно и знания того, что он что-то обозначает, нужно знать, что именно обозначено данным экспонентом, каков план содержания знака.

Отношения означаемого и означающего, плана содержания и плана выражения, могут быть подведены под философские категории содержания и формы. Означаемое может рассматриваться как содержание, а означающее – как форма языкового знака. Однако соотношением означаемого и означающего не исчерпывается применение к языку категорий формы и содержания. План содержания языкового знака – действительно его содержание, план выражения языкового знака – действительно его форма, но понятия содержания и формы языковых явлений могут получать и другие трактовки.

В виду своей специфики, символизм вплотную связан с таким понятием как мистика, которая, в свою очередь, является ядром целостной философско-теологической парадигмы под названием «мистицизм». Фёдор Гиренок обращал внимание на то, что в современной культуре стерта разница "между знаком и символом", между тем как спецификой символа является указание на сверхреальное. Мистицизм всегда подразумевал наличие скрытой, незримой истины, к восприятию которой можно придти, располагая тайными знаниями. А именно: мистики пытались найти связь с Богом или другими сверхъестественными силами посредством единения с окружающим миром, а также путём поиска скрытых смыслов и значений за определёнными знаками или символами. В этом и заключалась ценность ответа, так как найти его было отнюдь нелегко. Из этой ценностной характеристики вытекает один из древнейших мистических постулатов: "Река истины протекает через

каналы заблуждений". Чтобы сделать информацию доступной лишь для немногих избранных и скрывать ее истинное значение от остальных, было принято пользоваться аллегориями, символами или методами перестановки; при этом смысл сообщения становился неясным для тех, кто считался неподготовленным или даже недостойным воспринять его.

Суфизм или тасаввуф, как его принято называть в мусульманском мире, являет собой яркий пример исламского мистицизма. Не мусульмане часто воспринимают суфизм как секту ислама. Но суфизм более точно можно описать как некий аспект или течение ислама. Суфийские ордена (тарикаты) можно встретить в суннитских, шиитских и в других исламских группах.

Суфии подчеркивают, что исламские знания должны быть получены от учителей, а не только из книг. Тарикаты могут проследить линии своих учителей через поколения до самого Пророка. Эта связь имеет название "силсила" – духовная генеалогия глав суфийских тарикатов, цепь посвящения, обретения благодати от предыдущего шейха.

Хотя суфии относительно малочисленны, они формировали ход исламской мысли и истории на протяжении многих веков. Суфии привнесли неоценимый вклад в исламскую литературу и, в частности, в персидскую. Например, влияние Руми, Аттара и Аль-Газали выходит за рамки мусульманских земель и распространяется даже на западных философов, писателей и богословов. Суфии сыграли заметную роль в распространении ислама, особенно на дальние форпосты мусульманского мира в Африке, Индии и на Дальнем Востоке.

При изучении суфийской поэзии легко заметить, что количество образов, которыми пользуются суфийские поэты, довольно ограниченно. Весь запас их сводится к определенным формулам, так сказать, основным типам. Они являются отправной точкой при создании стихотворения – почти не видоизменяясь, лишь вступая в различные сочетания друг с другом, они направляют ход мыслей поэта.

Если бы эти образы должны были пониматься в буквальном смысле, то, конечно, такое положение вещей могло бы быть признано доказательством бедности мысли поэта, нежелания его вводить в круг своего творчества новый материал. Но для суфийской мистической поэзии дело обстоит иным образом. Аутентичной ценности в ней образ не имеет, потому что его основная функция заключается исключительно в проявлении себя неким словесным иероглифом, который прикрывает собой истинное философское значение. И поскольку основная тема суфийского стихотворения предопределена заранее, то и уровень важности самого концепта разнообразности материала значительно понижается и на переднем плане вырисовывается задача наиболее целесообразного сочетания тех элементов, которые предоставлены автору на пути изучения философской доктрины. Центр внимания смещается, основным становится вопрос оптимального использования имеющегося материала в целях корректировки, уточнения и уяснения проблем суфийской философии, а не введения нового материала с целью создания художественных образов.

Такой взгляд на суфийскую поэзию, конечно, допустим только при условии признания рефлексии необходимым интегрирующим моментом в суфийской поэзии. Данные восточных источников скорее могут склонить к отрицанию этого момента,

большей частью сообщая о том, что поэт создавал свои произведения в состоянии экстаза, как бы инспирированный, изрекая не свои слова, а являясь только голосом выявления абсолютной истины. Надо помнить, что если может иметь место такого рода творчество, то и подделка под него, имитация экстаза не менее реальны. Учитывая, что западной литературе известен технический прием «поэтического беспорядка», обнаружение тайных нитей, связывающих план содержания художественного мира автора с экспонентом примеров его творчества, представляется весьма противоречивым и спорным моментом. Данный процесс являет собой не что иное, как поиск ключа к мистическим побуждениям и мотивам автора.

Для этого же, прежде всего, необходимо, чтобы эти произведения рассматривались именно как то, чем они являлись для суфия: не просто сменой традиционных образов, более или менее ярких, а вполне логичной последовательностью мыслей, обоснованной требованиями суфийской философии. Образы должны перестать быть только образами, напротив, они должны трансформироваться в соответствующие философские понятия, упразднить свое иероглифическое прикрытие.

Осознание необходимости раскрытия этих образов, толкования перевода их на язык доктрины ощущалось и самими суфиями. Доказательство этому – многочисленные комментарии к поэтическим произведениям. Не вызывает сомнений и тот факт, что материал, в сущности говоря, ограничен и может быть систематизирован и сведен к сравнительно небольшому числу основных типов. Это доказывают попытки создать своего рода код, или составить некие словари суфийских поэтических символов.

Одним из главных отличительных признаков, которые характерны практически всем мистическим школам или течениям, является концепт отшельничества или аскетизма. В суфийской философской парадигме он носит название "зухд". Многие мистические школы, если не берут своё начало от практики отшельничества, то, как минимум, выделяют для него конкретное место в своих учениях. И суфизм не является исключением. Еще задолго до этапа становления данного течения мистики, которые впоследствии будут называться суфиями, практиковали именно аскетизм как одну из форм духовного восприятия окружающего мира и поиска истины. Аскетизм был напрямую связан с исламским принципом "таваккуль" – упование на Божью Волю. С другой же стороны, аскетизм почти всегда тесно связан практикой медитации, что характерно и для других мистических течений, таких как: буддизм, даосизм, йога и т.д. Сам по себе элемент уединения пророка для размышления и восприятия окружающего проявляет себя как в исламе (Мохаммад), так и в буддизме (Сиддхарта Гаутама).

В разных мистических учениях процесс медитации проходит по схожим алгоритмам, несмотря на то, что вариативная составляющая также оказывает существенное влияние. Тем не менее, сам процесс чаще всего направлен на достижение некого экстатического состояния. В суфизме это состояние имеет название "ваджд" и характеризуется чувством "опьянённости" от божественной любви, когда мистик сближается с абсолютом, сохраняя при этом все человеческие атрибуты. В свою очередь в индуистской и буддийской медитативных практиках существует понятие "самадхи" – состояние, при котором исчезает сама идея собственной индивидуальности (но не

сознание) и возникает единство воспринимающего и воспринимаемого. В дзэн-буддизме такого рода единение носит название "сатори". С точки зрения современной психологии эти понятия можно сопоставить с термином "катарсис", в виду того, что вышеописанные процессы, высвобождая психическую энергию, способствуют эмоциональной разрядке.

Несомненно, что для достижения экстатического состояния необходимы психосоматические факторы влияния. Этим инструментом для адептов мистических учений служат разного рода молитвы или песнопения, отличительной чертой которых является элемент многократного повторения при поддержании соответствующего темпа дыхания. Отсюда, на примере буддистских мантр, можно проследить причинную связь деления молитв на слоги ("Ваджрасатва" 100-слоговая мантра). Кроме того, нельзя отрицать наличие схожих действий, выполняемых суфиями во время зикра и йогами в практике, которая позже получила название "холотропное дыхание". Встречаются подобные приёмы медитации и у шаманов Юго-восточной Азии.

Но все это лишь шаги на пути к цели. И сам по себе "путь" представляет собой не менее важный аспект мистического прогресса. Для ищущего мистика-суфия – это дорога к Абсолютной Реальности в сопровождении любви. И конечной целью, пунктом назначения предстает Бог. Посредством данного пути суфий приходит к гармонии с Божественной Природой. В дополнение к этому, категория пути является одной из основных для философской школы даосизма, где он понимается и как первопричина вселенной, и лежащая в её основе таинственная и непознаваемая закономерность, и целостность жизни. Трактовки этой категории в суфизме и даосизме отличаются, но, помимо отличий, существует и одно любопытное сходство, которое можно заметить, внимательно прочитав следующие слова из Дао дэ цзин: "Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао", что, если не явно, то косвенно, указывает на общность с суфизмом в плане мистического принципа невозможности выражения осознанной истины.

Конечной целью пути мистика принято считать полное единение с Абсолютом и, как результат, приобретение Просветления. Состояние, которое суфии называют "хакикат". Это финальная фаза духовного самосовершенствования, в буддизме известная как "нирвана". Данное состояние предоставляет мистику свободу от желаний, страданий и привязанностей, отсутствие их влияния на события жизни. Иначе говоря, постижение Абсолютной Божественной истины, которая и являет собой главным качеством Человека Просветлённого (Инсан камиль для суфиев или Будды для буддистов).

История мистики содержит много страстных песен о любви к Абсолюту, но в суфийской поэзии есть своеобразное богатство, глубина, цвет, который завораживает и прельщает столь многих из нас.

Суфийская поэзия изобилует аллегориями и любовными романсами, рассказами, в которых легко прочитать скрытый смысл страсти к Абсолюту. Различные темы суфийской литературы: соловей влюблен в розу, мотылек кружит вокруг света свечи, стоны голубя, который потерял свою половинку, таяние снега в пустыне, тростник, оторванный от своей чащи, жалобная музыка которого заполняет глаза слезами.

Читатель суфийской поэзии в первый раз, может быть поражен, возможно, даже смущен экстравагантным языком, очевидным пренебрежением всех человеческих и божественных законов. Но при дальнейшем рассмотрении любовь суфия к своей возлюбленной сияет всем спектром яркости света.

Выводы и перспектива. Следует сказать, что при рассмотрении способов приспособления к дальневосточному типу ума, идеи, аллегории и примеры, характерные для суфизма, были развиты много веков назад и есть определённое сходство между восточной философией и суфизмом в терминологии, истории и в деятельности мастеров, но в то же время нам предстоит разгадать еще немало мистических тайн.

Литература

1. Ahmed Zarruq.The Principles of Sufism // Ahmed Zarruq, Zaineb Istrabadi, Hamza Yusuf Hanson : Amal Press, 2008
2. Idries Shah, The Sufis – ISBN0-385-07966-4
3. Leonard Lewisohn.The Legacy of mediæval Persian Sufism. – Khaniqahi-Nimatullahi Publications, 1992.
4. Shaikh Sharfuddin Maneri. Letters from a Sufi Teacher. Mountain View, CA: Golden Elixir Press, 2010 – ISBN 978-0-9843082-4-8.
5. Zubair Fattani. The meaning of Tasawwuf: Islamic Academy [Электронный ресурс] : Режим доступа к статье: Islamicacademy.org

Терещук С. В. Порівняльний аналіз символізму суфійської і далекосхідної філософської традиції / С. В. Терещук // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 163–168.

В науковій роботі проведено дослідження в області суфійської філософської традиції, а також порівняльний аналіз суфійського символізму з елементами символізму далекосхідних містичних філософських шкіл. Підкреслюється важливість таких лінгвістичних понять як « план виразу» і « план змісту». Дано короткий огляд суфійської філософської парадигми та аналіз основних елементів символізму, властивих суфізму як самостійній містичній течій в ісламі. Розкривається вплив суфійського філософського світогляду на перську літературу і його відображення в її текстах. Надано порівняльний аналіз значень суфійських містичних символів крізь призму далекосхідної філософської традиції.

Ключові слова: суфізм, східна філософія, порівняльний аналіз, символізм.

Tereshchuk S. V. Comparative analysis of symbolism of Sufi and Far Eastern philosophical traditions / S. V. Tereshchuk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 163–168.

This paper shows a study in the field of Sufi philosophical tradition, as well as a comparative analysis of the Sufi symbolism with elements of mystical symbolism of the Far Eastern philosophical schools. The researcher defines and reveals the term "symbolism" and points out the key moments of its specificity. The importance of such linguistic concepts as "expression plan" and "content plan" is emphasized.

A brief overview of Sufi philosophical paradigms and analysis of the main elements of the symbolism inherent in Sufism as an independent mystical flow in Islamic doctrine are given. The influence of Sufi philosophical outlook on Persian literature and the way it is being displayed in Persian literary texts are revealed.

The work provides a comparative and contrastive analysis of the hidden meanings of the Sufi mystic symbols through the prism of the Far Eastern philosophical traditions and also shows the constructive summary of the research. By using historical and philosophical data the straight connection between symbolism of Sufi mystical worldview and Far Easter philosophical tradition is revealed.

Key words: Sufism, Eastern philosophy, comparative analysis, symbolism.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 169–174.

УДК 81.411.21’373.613

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АДАПТАЦИЙ АРАБИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ: НА ПРИМЕРЕ БУКВЫ «А»

Бекирова И.И., Джемалитдинов В. Э.

Таврический национальный университет имени В.И.Вернадского
E-mail: İndzhika@mail.ru

В работе рассмотрены фонетические, морфологические и лексические адаптации арабских заимствований в крымскотатарских словах на букву «А».

Ключевые слова: арабский язык, крымскотатарский язык, арабизм, лексика, фонетика, морфология.

Постановка проблемы. Исследование арабских заимствований в современном крымскотатарском языке и изучение фонетических, морфологических и лексических особенностей заимствованных слов можно отнести к ряду актуальных проблем развития арабистики в Крыму, имеющих теоритическое и практическое значение [1]. Учитывая вышеуказанные особенности, сама проблема находится в тесной связи с решением ряда вопросов, касающихся различных аспектов контактирования рассмастриваемых разносистемных языков.

Цель исследования – исследование путей проникновения арабских заимствования в крымскотатарский язык, описание арабизмов, как составной части лексической системы крымскотатарского, характеристики фонетического и морфологического освоения арабских заимствований в крымскотатарском языке.

Таким образом, с поставленной целью исследования обусловлены следующие задачи работы:

- определить объем арабизмов в крымскотатарских словах, начинающихся на букву «А» в словаре Усеинова С.М., и их процентное соотношение;
- выявить закономерности изменения в фонетической структуре арабизмов;
- выяснить специфику процесса изменения заимствованного слова сквозь призму морфологии и лексикологии.

Предметом исследования является вся словарная лексика на букву «А» указанная в «Крымскотатарско-русский словарь» 2005 года, Усеинова С.М., содержащий свыше 25000 слов [3].

Объектом исследования являются арабские заимствованные лексические единицы, являющиеся результатом как прямого заимствования из арабского языка, так и опосредствованные другими языками, содержащиеся в «Крымскотатарско-русском словаре» 2005 года, М. Усеинова, содержащий свыше 25000 слов.

В работе использованы труды отечественных лингвистов, рассматривающие арабские заимствования в словообразовательной системе крымскотатарского языка (Меметов А.М., Эмирова А.М., Сейдаметова Н.С.), работы зарубежных востокове-

дов (Абдулжалилов И.Г., Сиразиев И.И.), учебные пособия «Курс арабской грамматики» Гранде Б.М., «Учебник арабского языка» Ковалева А. А. и Шарбатова Г.Ш.

В ходе изучения исследуемой лексики было выявлено, что среди 1274 крымскотатарских слов на букву «А» в словаре Усеинова С.М. содержится 428 заимствованных с арабского языка слов. В исследуемых словах прослеживаются лингвистические адаптации обусловленные заимствованием лексических единиц.

Проникновение арабизмов отразилось на фонетике языка-реципиента. Отличительной чертой тюркских языков на фонетическом уровне является сингармонизм, однако в заимствованных словах законы сингармонизма не соблюдаются [3].

Большая часть звуков в арабском и крымскотатарском языках имеют сходную артикуляцию. В случае расхождений в артикуляции имеет место фонетическая адаптация слова, т. е. передача слова фонетическими и графическими средствами заимствующего языка. Процессы адаптации на фонетическом уровне включают обычно изменение фонетического облика слова в соответствии с фонемным составом языка-реципиента, устранение нехарактерных для него звуковых комплексов и др [8].

Долгие гласные [а:] [и:] [у:] в арабском языке заменяются краткими [а], ([е]), [и] ([ы]), [у] соответственно: авале – حوالةпоручение, авес – حواس- страсть, адисе – حديثة – событие, акъикъат – حقيقات – правда, афан-туфан – طوفان – потоп

Краткая гласная [а]. в араб. заменяется в кр.тат. на:

1 [а] – [а] азап – عذاب-мучение

2 [а] – [е] авес – حواس – страсть

3 [а] – [я] алякъа – علاقة – связь

Краткая гласная [и]. в араб. заменяется в кр.тат. на:

1. [и] – [и] алий – علي – высокий
2. [и] – [ы] азыр – حاضر – готовый

Краткая гласная [у] в араб. заменяется в кр.тат. на:

1. [у] – [у] афу- عفو – извенение

Знак сукун, обозначающий отсутствие гласной в кр.тат. словах отражается как:

1. [-] – [-] авдет – عودة- возвращение
2. [-] – [и] абит – عبد- раб
3. [-] – [ы] акъыл – عقل- ум

В заимствованных словах были обнаружены особенности использования арабских огласовок в кр.тат. Огласовки танвин: ан, ин, ун полностью исчезли и в написании, и в произношении арабизмов в кр.тат., потому что в самом арабском языке происходит упрощение этих огласовок – в конце слова они опускаются. Шадда (удвоение согласных) в кр.тат. в некоторых словах сохраняется, а в других опускается. Причина данного упрощения пока нам не известна:

1. Амма – أمّا, атта – حتّى
2. Амам- حمّام – баня

В исследуемых словах так же было обнаружено такое явление как васлирование – слияние звуков, присутствующее в изафетных конструкциях: алель-аджеле – حال العجلة – поспешно, алель-хусус – حال الخصص – в особенности.

В арабском языке 28 согласных букв, среди которых есть 13 специфических звуков, несвойственных современному кр.тат.: межзубные ,ثذэмфатические ص ض ط ,ظгубно-губное фрикативный звонкий ,و глубоко-задненебный шумный фрикативный глухой – خ, глубоко-задненебный шумный фрикативный звонкий غ, глухой взрывной связочный – ء, зевной взрывной звонкий шумный – ع, зевный фрикативный шумный глухой – ح, связочный фрикативный – ه

Исходя из этого, несвойственные кр.тат. языку арабские звуки уподобляются привычным звукам в кр.тат.: ص ث– [c], ض ظ ذ – [з], ه خ- [x], ء ع ح – [а], و – [в].

По причине того, что в современном кр.тат. письменность осуществляется на кириллице, искажается семантический ряд слова. Так для кр.тат. слово азим в словаре приводится два значения: 1 решимость, намерение, 2 громадный, мощный. На самом деле эти значения относятся к двум совершенно разным словам. Слово в значении намерение пишется так: ,عزمa слово со значением мощный пишется так: غظيم. Это же явление можем пронаблюдать в словах адале (мускул) и адалет (справедливость). На первый взгляд, мы может отнести эти слова к однокоренным, но это станет ошибкой, так как адале – عضلة, адалет – عدلة, а так же аят – حياء(стыдливость), аят – اية (стих].

Учитывая вариативность фонетических адаптаций гласной арабской на [а). крымскотатарские [а], [е], [я], [э], в крымскотатарском появилась многовариантность слова с одним и тем же арабским корнем: алят – алет (الة – инструмент), амель- эмель (عمل – труд), аят – ает – айет – (اية стих].

Морфологическое освоение заимствованных лексических единиц предполагает вхождение их в грамматическую систему языка-реципиента, а также приспособление парадигматики и синтагматики слова к особенностям грамматического строя языка. Это отражается, прежде всего, в распределении заимствованных слов по различным лексико-грамматическим классам (частям речи), что, как известно, затрагивает не только морфологические, но и синтаксические признаки слова [8].

Большинство арабизмов в крымскотатарском языке представляют собой имена существительные, прилагательные, реже – наречия, союзы, частицы и междометия [5].

Морфологическая освоенность арабизмов проявляется также в их способности давать новые производные слова, образованные с использованием разноязычных словообразовательных средств [11].

В ходе изучения исследуемой лексики были выявлены следующие морфологические особенности:

а) к корням арабского происхождения добавляют словообразовательные элементы арабского происхождения: алекет – علقة – суматоха; алем – عالم – мир; амелият – عملية – практика; адий – – عاديпростой.

б) к корням арабского происхождения добавляют словообразовательные элементами персидского происхождения: аби+хава هواء = абихава – –погода; адалет عدلة +первер = адалетпервер (поборник справедливости); арам حرام +заде = амарзаде (рожденный незаконно); амель عمل +перест = амельперест (карьерист).

в) к корням арабского происхождения добавляют крымскотатарские словообразовательные элементы: аман امن +сыз = амансыз(жестокий);алحال +лы = аллы (состоятельный), амамحمام +джы = амамджы (банщик), асретحسرة +ленмек =

стоятельный), амамحمام +джы = амамджы (банщик), асретحسرة +ленмек = асретленмек (тосковать).

г) сочетание арабской и английской основ: автонакълие – نقلية- автотранспорт.

Было выявлено, что образование слов из арабских основ больше всего происходит за счет крымскотатарских словообразовательных частиц.

Арабские заимствования повлияли и на морфологию крымскотатарского языка, и в следующем явлении: в заимствованных словах наблюдается наличие форм грамматического рода, «ломаного» множественного числа используемых как единственное (в кр.тат. – аза, в араб. ед.ч. – عضو-член, мн. ч. – اعضاء).

При адаптации заимствованных лексем существенным изменениям подвергается семантическая структура слова, которое оказывается в новой для него лексической системе.

Вследствие этого иноязычные слова обнаруживают ряд отличий по сравнению с их прототипами в языке-источнике – как в семантическом объеме, так и в сфере функционирования.

Процесс освоения арабских заимствований крымскотатарским языком сопровождается следующими изменениями: 1) сужение значения; 2) изменение значения.

При заимствовании лексических единиц семантическая структура, как правило, упрощается, то есть многозначное слово приходит в новый язык с более ограниченным кругом значений по сравнению с языком источником [8]. Такой процесс наблюдается в следующих словах:

ает(стих) – اية (1.стих, 2.знамение, 3.чудо); азыр(готовый) – حاضر (1.готовый, 2.присутствующий, 3.оседлый, 4.настоящий).

Выводы и перспектива. В процессе изучения слов и их этимологических значений было выявлено изменение значений исконных арабских слов: азрет (пророк, святой) – حضرة (1. господин, 2. наличие); айры (отдельный) – غير (1.иной, 2.чужой).

В ходе работы было рассмотрено 1274 слова на букву «А», содержащихся в «Крымскотатарско-русском словаре» С.М. Усеинова, 2005 года выпуска, из них 428 слов, в основе которых лежат арабские корни, что составляет 33, 6 %.

Процесс формирования лексического состава языка на базе арабского языка обусловлен экстралингвистическими факторами, политическими, экономическими, культурными изменениями в жизни крымскотатарского народа.

Процесс фонетической адаптации играет важную роль в использовании арабизмов в крымскотатарском языке. Таким образом в процессе изучения выбранного предмета были обнаружены воздействия специфических фонетических законов на заимствованные слова: перестановка ударения, упрощение звуков, замена нехарактерных арабских звуков на привычные звуки крымскотатарского языка, акустические и артикуляционные изменения.

Морфологическая адаптация арабизмов проявилась в их способности давать новые производные слова, образованные с использованием разноязычных словообразовательных средств.

Процесс лексико-этимологической адаптации арабских заимствований крымскотатарским языком сопровождается изменением и сужением значения.

Исходя из сформулированных выводов, несомненно, арабизмы в лексико-семантической структуре крымскотатарского языка занимают важное место, широко используются в словообразовании и терминообразовании. Изучение научных данных об особенностях арабских заимствований в крымскотатарском могут поспособствовать созданию целой методики преподавания арабского языка крымскотатарскоязычным студентам и ученикам.

В перспективе дальнейших исследований планируется изучение арабских заимствований, которые содержатся во всей словарной лексике крымскотатарского языка на базе «Крымскотатарско-русского словаря» С.М. Усеинова. Данные исследования способствуют развитию арабистики в Крыму, изучающей существенное влияние арабского языка на один из тюркских языков мира.

Литература

1. Абдулжалилов И.Г. Функциональные особенности арабских элементов в современном литературном аварском языке языков : автореф. на получение науч. ступени канд. филол. Наук: спец.10.02.02 / И.Г. Абдулжалилов ; Дагест. гос. пед. универ. – Махачкала, 2002. – 217с.
2. Арабско- русский словарь: около 84000 слов / состав. Баранов. – Ташкент: Каламак, 1994. – 912с.
3. Иванов С.Н. Арабизмы в турецком языке / С.Н. Иванов. – Ленинград, 1973
4. Кырымтатарджа-русча лугат = Крымскотатарский русский словарь : свыше 25 000 слов и словосочетаний / состав. – С. М. Усеинов. – Симферополь: Оцая, 2005. – 396с.
5. Меметов А.М. Арабские заимствования в современном крымскотатарском языке / / Советская тюркология. – Баку, 1985. – № 5. – С.9-21.
6. Меметов А.М. Лексикология крымскотатарского языка / А.М. Меметов. – Симферополь, 2000. – 288с.
7. Русско-арабский словарь : [более 42 000 слов / под ред. В.М. Белкина). – М.: Валерий Костин, 2008. – 1120с.
8. Сиразиев И.И. Арабский пласт лексики современного татарского литературного языка: автореферат на получение получение науч. ступени канд. филол. Наук: спец.10.02.02 / И.И. Сиразиев; Казан.гос.универ. – Казань, 2002. – 177с.
9. Сулейманова И.И. Имя действия – масдар в арабском языке. Особенности употребления масдара-арабизма в крымскотатрском языке / И.И. Сулейманова. – Симферополь, 2012. – С.14.
10. Сулейманова И.И. Использование арабской лексики в крымскотатарских сказках 30годов ХИХ века / И.И. Сулейманова. – Симферополь, 2011. – С.12-14.
11. Эмирова А.М. Онимы как кумулятивные знаки этнической культуры / / Избранные научные работы / А.М. Эмирова. – Симферополь, 2008. – С. 326 – 331.
12. Öner.M. Lehçe-ı tatarının söz varlıgı üzerine bir deneme / / . № 3 Ученые записки, том 23 / M. Öner, M. Kaya, M. Özşahin. – Симферополь, 2010. – 1195с.
13. Osmanlıca-türkçe ansiklopedik luğat / [состав. Девелиоглу Ф]. – Анкара: Aydın kitabevi yayınları, 1993. – 1195с

Бекірова І. І. Порівняльний аналіз лінгвістичних адаптацій арабізмів в сучасній кримськотатарській мові: на прикладі літери «А» / І. І. Бекірова, В. Е. Джемалітдінов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 169–174.

В роботі розглядаються фонетичні, морфологічні та лексичні адаптації арабських запозичень у кримськотатарській словах на літеру «а».

Ключові слова: арабська мова, кримськотатарська мова, арабізм, лексика, фонетика, морфология.

Bekirova I. I. Comparative Analysis of Lexicological Adaptions of Arabic Borrowings in Modern Crimean Tatars Language: On Example of Letter of «A» / I. I. Bekirova, V. E. Dzhemalitdinov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 169–174.

The Topicality of research. Examining of Arabic borrowings in Crimean Tatars language and studying of phonetic, morphological and lexical peculiarities of borrowings may be referred to series of Arabic Studies' topical problems in the Crimea, that have theoretical and practical values. According to above features, the problem itself locate in close connection with solution of problems concerning various aspects of contact of researching languages.

The Goals of research – survey of penetrations of Arabic borrowings into Crimean Tatars language, description of Arabism as a basic part of lexical system of Crimean Tatars language, characteristic of phonetic and morphological developing of Arabism in Crimean Tatars language.

Therefore, according to the goals tasks of the work are conditioned: to determine the amount of Arabism in Crimean Tatars words, that begins from letter A in The Crimean Tatars-Russian Dictionary dictionary by S.M. Useinov and its percentage ratio, to identify patterns of change in the phonetic structure of Arabism and find out the specifics of the process of change of the borrowed word thorough morphology and lexicology and to highlight areas of the Arabic language in the modern Crimean Tatar.

The object of research is all the dictionary lexicon of the letter "A" referred in the "Crimean Tatar-Russian Dictionary" in 2005 by S.M. Useinov, that contains over 25, 000 words.

The works of linguists are used, in that considered the Arabic borrowings in derivational system of the Crimean Tatar language (A.M. Memetov, A.M. Emirova, N.S. Seydametova].

In a study of examined vocabulary are found that among of 1274 Crimean Tatar words with the letter "A" (from the dictionary S.M. Useinov) contains 428 borrowed word from the Arabic. In their basics is detected the morphological features revealed the following:

Basics of Arab origin are combined with the derivation of Arabic origin;

Basics of Arab origin are combined with the derivation of Persian origin;

Basics of Arab origin are combined with the Crimean Tatar word-formation elements.

The process of phonetic adaptation, (adaptation Arabic sounds and audio circuits to the phonetic system of the languages) plays an important role in the use Arabism in the Crimean Tatar language. Thus, in the study of the selected items were found specific effects of phonetic laws on borrowed words: permutation of stress, simplify sounds ع ه ح, replacement uncharacteristic Arab sounds familiar to the sounds of the Crimean Tatar language, acoustic and articulator changes.

The work made the following conclusions: 1274 words with the letter "A" was considered, 428 words from which are considered Arabic constructions, that is 33, 6%. Hence, undoubtedly, Arabism in the lexical-semantic structure of the Crimean Tatar language plays an important role, are widely used in the derivation and terms forming. The study of scientific data about the features of Arabic borrowings in Crimean Tatar language may contribute to the creation of an entire methodology of teaching Arabic language to Crimean Tatar students and pupils.

In the future research the study of Arabic borrowings is planned, which are contained in the entire Crimean Tatar language vocabulary on the basis of "Crimean Tatar-Russian Dictionary" by S.M. Useinov. These studies will contribute to the development of Arabic Studies in the Crimea, which searches a significant impact on the Arabic language is one of the Turkic languages of the world.

Key-words: Arabic, Crimean Tatars language, Arabism, vocabulary, phonetics, morphology.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 175–182.

УДК 81.411.21’276.11

ПРИРОДА И ЗНАЧЕНИЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА МЕЖДИАЛЕКТНОГО ОБЩЕНИЯ

Лапина А. Н.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
E-mail: Lusha_93@mail.ru

В статье авторы исследуют феномен арабского языка междиалектного общения, его природу и влияние на формирование лингвистической среды современных арабов. Также изучаются основные аспекты процесса заимствования кодов между различными уровнями одного языка. Исследование основано на примере арабского языка Марокко.

Ключевые слова: язык междиалектного общения, современный литературный арабский, заимствование кода, коммуникация, языковой уровень

Постановка проблемы. В рамках одного языка существует множество лингвистических вариаций или подуровней данного языка, которые требуют четкого нормирования для грамотного их использования. Арабский язык не исключение. Одним из таких подуровней является арабский язык междиалектного общения, который является средством общения арабов из разных стран. В ситуации с арабским языком проблема определения языка коммуникаторов стоит особенно остро, так как существуют большое различие между литературным арабским языком и тем арабским, который существует в фактическом обиходе.

Актуальность работы заключается в том, что сегодня арабский язык характеризуется большим количеством разновидностей. Носители языка часто манипулируют речью в зависимости от обстоятельств: формальность ситуации, необходимость общения с представителями других диалектов. Процесс смешения разных уровней одного языка является одной из первостепенных проблем арабского языка. Исходя из этих факторов, современные западные ученые выделяют новую разновидность современного арабского языка – арабский язык междиалектного общения.

Цель статьи – это изучение феномена арабского языка междиалектного общения, его природы и влияния на формирование лингвистической среды современных арабов. Также были изучены основные аспекты процесса заимствования кодов между различными уровнями одного языка. Исследование основано на примере арабского языка Марокко.

В статье необходимо решить следующие **задачи:**

1. Дать определение понятию «арабский язык междиалектного общения».
2. Проследить роль арабского языка междиалектного общения в современной лингвистической ситуации арабских стран.
3. Изучить природу процесса заимствования лексического кода между различными уровнями одного языка.

4. Охарактеризовать феномен арабского языка междиалектного общения в Марокко.

Источниками фактического **материал**а являются двуязычный специализированный арабско-русский словарь Баранова Х.К. “Арабско-русский словарь” [2], справочник по грамматике арабского языка междиалектного общения Брусрада К. “Аспекты арабского языка междиалектного общения в Египте” [8], также печатные и аудиоматериалы арабских средств массовой информации.

В ходе работы были использованы следующие **методы**: описательный, сопоставительный, стилистический анализ, метод компонентного анализа.

Объектом исследования является речь современных носителей арабского языка из разных регионов арабского мира, а также анализ проведенных исследований по изучению процесса заимствования лексического кода между различными уровнями одного языка.

Для полного освещения проблемы и ее понимания необходимо дать точное **определение** понятию «арабский язык междиалектного общения».

Арабский язык междиалектного общения – это неформальный язык, используемый образованными арабами для удовлетворения их ежедневных языковых потребностей. Одним из главных свойств данного языка является его доступность для понимания носителям разных диалектов арабского языка. Это достигается за счет упрощения его синтаксиса, грамматики, фонетики и лексики в сравнении с литературным арабским языком. Эта вариация арабского языка задокументирована как западными, так и арабскими авторами.

Язык смешивается и изменяется по-разному. Носители арабского языка порой используют более одной вариации арабского в ракурсе беседы или даже предложения. Этот процесс относится к *смешению языкового кода*. Например, ведущая на телевидении может обращаться к аудитории образованных людей используя элементы их языка в своей речи для предотвращения потери этой аудитории. Другим рабочим методом является «понижение», введение весьма локальных диалектных элементов в ракурс диалектов большей местности. Это может повлиять на все лингвистические уровни-семантический, синтаксический, фонетический и др. Подобные изменения могут быть кратковременными, когда общается группа носителей разных диалектов, или долговременными, что зачастую встречается когда люди из сельской местности переезжают в города и перенимают более престижный урбанистический диалект, возможно с течением нескольких поколений.

Для анализа формальности уровней разговорного арабского мы может обратиться к Бадауи [5], который выделяет 5 уровней языка:

1.Fusha al-turath – Классический арабский язык

2.Fusha al-‘asr – Современный литературный арабский язык

3.‘Ammiyyat al-muthaqqafin – Язык междиалектного общения

4.‘Ammiyyat al-mutanawwirin – Полу-литературный арабский язык

5.‘Ammiyyat al-‘ummiyyin – Нелитературный арабский язык

Митчелл утверждает, что народный арабский никогда не бывает простым или несмешанным, он постоянно подвергается влиянию современности [6]. По его словам, арабский язык междиалектного общения является отдельной разновидностью,

он сотворен и поддерживается за счет взаимодействия между письменным языком и разговорным. Митчелл выдвигает следующие **причины существования арабского языка междиалектного общения:**

1. Во-первых, в современном мире, образованные мужчины и женщины, как правило, разговаривают на темы, не охваченные конкретным региональным языком.

2. Во-вторых, образованные люди хотят делиться и общаться с другими арабами подобного образования. Они хотят развивать такие формы языка, которые необходимы для удовлетворения давления модернизации, урбанизации, индустриализации, массового образования и интернационализма.

Таким образом, арабам необходимо создать единое средство связи, и на это неизбежно влияет то, что все они имеют общие черты: знание структуры и лексики современного литературного языка. Понимание региональных / национальных диалектов связано с повседневной жизнью в большей степени чем с академической / профессиональной жизнью, а значит, коммуникаторы, возможно, не имеют готового словаря для обсуждения технологических, научных тем.

Язык междиалектного общения отличается от литературного. Например, в современном литературном арабском двойственное число употребляется в указательных местоимениях, глаголах, существительных, личных местоимениях и прилагательных. В языке междиалектного общения оно употребляется только в существительных и прилагательных. Отрицание в современном литературном выражается частицами *лям, лян, ла* и *ма*. В языке междиалектного общения последние заменяются другими формами, используемыми в разговорных вариациях, в зависимости от региона.

Арабский язык междиалектного общения – это язык имеющий формы как разговорного, так и литературного языков, который плохо кодифицирован, кроме того, было проведено очень мало его исследований. Ни одно исследование не установило, какие правила на самом деле управляют этим смешиванием двух форм языка, и мы не знаем, могут ли такие правила быть обобщены. В настоящее время нет достоверной информации о том, что данное смешивание не является влиянием, скажем, личных или региональных факторов. Для более ясного понимания причин, вынуждающих коммуникаторов смешивать литературную и диалектную форму языков нужно рассмотреть **процесс переключения языкового кода.**

До последнего времени переключение языкового кода не рассматривалось по разным причинам как в западном, так и в арабском мире. Ниже приведен ряд аспектов и функций в дискурсе, относящихся к процессу заимствования кода.

Ряд исследований попытался объяснить мотивацию переключения между высокими и низкими уровнями языка в арабоязычных странах. Эти исследования сосредоточены меньше на форму и больше на мотивацию для переключения.

Предложение Абу Мехлима[4]. о теории аккомодации пытается объяснить связь арабских диалектов, утверждая, что *идея о том, что арабские носители разных диалектов полагаются на современный разговорный арабский, когда они разговаривают друг с другом не является точной и требует некоторых оговорок*. Он изучает пять разговоров, каждый из которых длится в течение получаса, с участием иорданской и египетской пары. Субъекты выбирали свою собственную тему. Иор-

данцы были из Ирбид, а египтяне из Каира. Таким образом, по словам ученого, они говорили на городских диалектах. Исследование показывает, что коммуникаторы используют различные стратегии размещения, разговаривая друг с другом, и что эти стратегии включают в себя не только переход от их регионального диалекта к современному разговорному арабскому языку, но и переход от их региональных диалектов на английский. Например, ученый утверждает, что иорданцы переходили на английский, чтобы подчеркнуть или прояснить заявление, в то время как они могли переключиться на современный литературный при цитировании кого-либо или, чтобы еще раз подчеркнуть заявление. Переключение с иорданского арабского на египетский используется иорданцами чтобы приспособиться к доминирующей престижной разновидности (египетский арабский) и,

Был проведен ряд исследований, которые пытались объяснить заимствование кода между диалектом и современным литературным арабским в Египте, будь то в письменной или устной форме. Абдель-Малек проводил исследования по влиянию диглоссии в романах Юсуф аль-Сибай [7]. Ученый обнаружил, что развитие жанра романа в арабской литературе в начале XX века привело к значительной напряженности взаимодействия между высоким и низким уровнями языка, в ответ на что в арабской прозе появился новый языковой стиль. Идея Абдель-Малека [7]. о смешанном стиле похожа на идею языка междиалектного общения, хотя он и не указывает четких правил для определения этого стиля.

Говард Джайлс [6] использует термин "теория аккомодации" для объяснения социальных мотиваций для переключения кода среди других явлений взаимодействия. Он утверждает, что в социальных взаимодействиях коммуникаторы хотят получить социальное одобрение от своих слушателей и изменяют свою речь в направлении кода слушателя, чтобы получить это одобрение. Это называется *конвергенцией или аккомодацией*. В некоторых случаях, однако, коммуникатору может потребоваться дифференцировать себя от слушателя. Она или он сделает это, подчеркивая разницу между ними через выбор кода. Это называется *речь расхождения*.

Следующая модель представлена идеей «социальной сферы» [5]. Существует три универсальных социальных арены, которые влияют на код выбора: личность, власть и взаимодействие. Коммуникатор переключается на различные коды для определения взаимодействий, происходящих в условиях определенной социальной сферы, либо для сохранения его неизвестности.

После проработки полученных сведений о природе процесса переключения языкового кода можно сделать следующие выводы:

1. Первая универсальная социальная арена – это идентичность: коммуникатор переключается в соответствии с личностью человека, с которым он или она говорит, а также в соответствии с его или ее собственной идентичностью.

2. Вторая социальная сфера – это власть; код переключения также зависит от превосходства одного над другими, или силы, что другие имеют над одним.

3. Третья арена – взаимодействие: код переключения зависит от ситуации и от цели речевого акта. Коммуникатор может не быть уверенным в социальной сфере: он или она использует код, который поможет сохранить взаимодействие определенным.

Далее пронаблюдаем феномен арабского языка междиалектного общения на примере **арабского языка Марокко**.

Марокканский арабский можно разделить на городские и сельские вариации. Помимо нескольких лексикологических и фонологических особенностей, эти региональные диалекты понятны всем жителям Марокко.

Однако, классификация вариаций арабского на высокие и низкие, на самом деле, не соответствует лингвистической ситуации в Марокко и в Магрибе в общем, так как существует три вариации, которые находятся в *триглосии*: классический арабский, современный литературный арабский и марокканский диалект. Классический арабский используется в мечети, в министерствах юстиции и по делам ислама, в официальных выступлениях, в классической поэзии и литературе. Вместо классического арабского языка, современный литературный арабский язык используется в письменной корреспонденции, в политических или научных дискурсах, в средствах массовой информации и администрации. Марокканский арабский используется в неформальной обстановке: дома, на улице, в общении с друзьями и т. д. Таким образом, анализируя взаимосвязь этих вариаций, мы имеем триглоссию: классический арабский язык, современный литературный арабский язык, марокканский диалект арабского языка.

Тем не менее, сегодня в Марокко и во всем арабском мире существует не триглоссия, а *квадриглоссия* [8]. В добавление к трем вышеперечисленным вариациям добавляется еще одна – **язык междиалектного общения** (или современный марокканский арабский). Он может быть использован в качестве лингва-франка для арабов из разных арабских стран или для обращения к иностранцам, говорящим на арабском языке. 40% арабов используют эту разновидность в своем повседневном общении.

Арабский язык междиалектного общения – это развивающийся язык, который во многом подвергается влиянию со стороны лексики современного литературного арабского. Вот несколько примеров:

1. استمرت الدراسة الى الثامنة

Занятия длились до восьми часов.

2. زيب لي الربورت الي شفت الديريكتور – язык междиалектного общения

سلم اليي التقرير الذي ارسلته الي الرئيس – литературный арабский язык

Дай мне отчет, который ты послал директору.

Однако стоит заметить, что язык междиалектного общения, как и марокканский диалект – это разговорные варианты, не использующиеся на письме. Этот язык в основном используется в средствах массовой информации.

Язык междиалектного общения обычно слышно по радио и телевидению, и в научных кругах. Время от времени, лекции, беседы, игры, дискуссии проводятся на данном языке. Однако, учитывая высокий уровень неграмотности (48%, по данным официальной статистики)[7], можно утверждать, что язык междиалектного общения, как язык образованных людей не получил широкого распространения.

Упомянутые выше вариации арабского языка, составляющие квадриглосию, находятся в конфликтном отношении. Одним из последствий чего является трудность в изучении языка и обучении ему. Многие студенты и преподаватели страда-

ют от так называемой «языковой небезопасности», так как они должны быть уверены, что используют подходящую вариацию арабского языка в конкретном контексте. Сложность возрастает, если коммуникаторы хотят перейти от разговорного варианта к письменному. В результате, многие образованные люди прибегают к переключению кода, когда смешивают марокканский диалект и современный литературный арабский.

Выводы и перспектива. Проделанные исследования помогли выстроить полноценное понимание современной ситуации использования арабского языка. Различия между наречиями и современным стандартным арабским языком традиционно называют термином «диглоссия», указывая на бинарное деление между «высшими» (литературными) и «нижними» (разговорными) формами языка. Однако, ситуация с арабским языком является гораздо более сложной, чем просто бифуркация. Этот лингвистический феномен был проанализирован арабскими лингвистами, такими как Бадауи, Гарри, и Митчелл [5, 6, 8]. Образованные арабы видоизменяют свой языковой стиль естественным или искусственным образом для следования коммуникативным нуждам любой ситуации или контекста, формального и неформального, публичного и частного, дружественного или враждебного, веселого или грустного, спокойного или напряженного.

Феномен арабского языка образованных людей начинает влиять на образовательный процесс в неарабских странах. Признание данного языка является откровенным и сложным, и обращается к центральной проблеме связанной с обучением арабскому языку: как, когда и зачем учить подлинные вариации разговорного арабского языка. Эта проблема не простая, а со многими составляющими: образовательной, теоретической, практической, философской и идеологической.

Следует отметить, что очень важно понимать, что различные формы разговорного арабского языка являются сложными системами речи, встроенными в социально-культурную матрицу. Это не просто деградировавшие или упрощенные формы арабского языка, они на самом деле являются сложными, постоянно развивающимися формами интерактивного дискурса. Они очень разнообразны, что является одной из фундаментальных проблем в современном учебном процессе.

Данное исследование арабского языка междиалектного общения как одной из современных форм арабского языка не является единственным. Уже был изучен язык арабских средств массовой информации, а следующей ступенью исследования станут другие вариации арабского языка (современный литературный арабский, региональные диалекты) и современная языковая политика арабских стран. Результаты данных исследований позволят создать полное и четкое понимание того, как в настоящее время используется и развивается арабский язык.

Литература

1. Ковалёв А. А, Шарбатов Г. Ш, Учебник арабского языка / А.А. Ковалев, Г. Ш. Шарбатов. – М.: Восточная литература, 2008.

2. Арабско-русский словарь: [арабско-русский словарь / составитель Х.К. Баранов – В 2 т. – 11-е изд., стереотип.] – М.: Живой язык, Х.К. Баранов, 2006. – 456 с. – ISBN5-8033-0377-1(т.1) ISBN 5-8033-0371-2

3. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / [Гл.ред. В.Н.Ярцева). – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.: ил. – ISBN 8-85270-307-9 (БРЭ)

4. Benmamoun E, Perspectives on Arabic Linguistics XIX / E. Benmamoun. – Illinois: John Benjamins Publishing Company, 2005. – P. 250-280.

5. Ryding K, Formal Spoken Arabic / K. Ryding. – Washington: Georgetown University Press, 2005.

6. Ryding K, A Reference Grammar of Modern Standard Arabic / K. Ryding. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

7. Mejdell G, Aspects of Formal Spoken Arabic in Egypt – Lugha Wusta or Lughat Al-Muthaqqafiin. A View from the North / G. Mejdell. – Oslo: Oslo University Press, 2000.

8. Brusrad K, The Syntax of Spoken Arabic: A Comparative Study of Moroccan, Egyptian, Syrian, and Kuwaiti dialects / K. Brustad. – Washington: Georgetown University Press, 2000.

Лапіна А. М. Природа і значення арабської мови міджіалектного спілкування / А. М. Лапіна // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 175–182.

У статті автори досліджують феномен арабської мови міждіалектного спілкування, його природу та вплив на формування лінгвістичного середовища сучасних арабів. Також вивчаються основні аспекти процесу запозичення кодів між різними рівнями однієї мови. Дослідження засноване на прикладі арабської мови Марокко.

Ключові слова: язик міждіалектного спілкування, сучасна літературна арабська, запозичення коду, комунікація, мовний рівень

Lapina A. M. The nature and impact of formal spoken arabic / A. M. Lapina // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 175–182.

The primary aim of the research is to study the phenomenon of Formal Spoken Arabic, its nature and impact on the formation of the language space of modern Arabs. We have also analyzed the aspects of code-switching process within different levels of one language. The research was based on the example of Moroccan Arabic.

The actuality of the work lies in the fact that today Arabic is characterized by a wide number of varieties. However, Arabic speakers are often able to manipulate the way they speak basing on the circumstances. Within all these factor modern western scientists distinguish a new variation of Modern Standard Arabic, namely Formal Spoken Arabic.

Formal Spoken Arabic (FSA) or Educated Spoken Arabic (ESA) is the current informal language used among educated Arabs, fulfilling in general their daily language needs. It is also the main means of Arabic interdialectal communication, one of its most important trends being its intercomprehensibility among speakers of different vernaculars, arising mainly from the speaker's incentive to share a common language with his interlocutor or interlocutors. This type of Arabic has been documented by both western and Arab author. The differences between the vernaculars and Modern Standard Arabic has traditionally been referred to by the term "diglossia, " indicating a binary division between "higher" (literary) and "lower" (colloquial) forms of a language. The Arabic situation, however, is far more complex than mere bifurcation.

It should be noted that for the complex research of the theme we should analyze theoretical as well as social and psychological causes of the code-switching process that is the base of different language levels interaction. We can use the term 'accommodation theory' to explain the social motivations for code-switching among other interaction phenomena. It is claimed that in social interactions speakers desire their listener's social approval and modify their speech in the direction of the listener's code to get this approval. This is called 'convergence' or 'accommodation'.

One of the examples of the accommodation process is the language situation in Morocco. Today it will be incorrect to affirm a common diglossia as there is a quadriglossia on modern Morocco. These are Classical Arabic, Standart Arabic, Educated Spoken Arabic and Moroccan Arabic. The Arabic varieties which are in a quadriglossic relation are in a conflict situation. In fact, one of the consequences of this relation is the difficulty in Arabic language teaching and learning; many students and intellectuals suffer from some kind of linguistic insecurity, for they have to make sure that they use the appropriate Arabic variety in the right context.

Within the main aims, these are the chapters included in the research:

1. The idea of Educated Spoken Arabic
2. The Nature of Code-Switching Process
3. The Phenomenon of Educated Spoken Arabic in Morocco

In conclusion it should be stated that it is very important to understand, that he various forms of vernacular Arabic are intricate speech systems embedded in a sophisticated socio-cultural matrix. They are not simply degraded or debased forms of Arabic; they are, in fact, complex, constantly evolving forms of interactive discourse. They are not monolithic; they are highly diverse that causes one of the fundamental problem in today's learning process.

Key words: Formal Spoken Arabic, Modern Standard Arabic, code-switching, communication, level of language

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 183–188.

УДК 811.411.21'373.7:32

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Бахи А. М.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
E-mail: bahialie@mail.ru

Данная статья посвящена изучению политических фразеологизмов в арабском языке. В исследовании применяется нетрадиционный («широкий») подход детерминации понятия «фразеологизм». В статье выявляются особенности политической фразеологии: формирование, метафоричность и эмоциональная окраска. Особое внимание в статье уделено классификации фразеологизмов: терминологические и нетерминологические. Кроме того, в работе анализируются специфика и функции фразеологических жанров и особенности перевода.

Ключевые слова: арабский язык, фразеология, фразеологическая единица, фразеологический термин, фразеологизм нетерминологического характера, метафора, фразеологический жанр, перевод.

Постановка проблемы. Одним из богатейших пластов современной фразеологии являются обороты, связанные с социальной и политической жизнью страны. Это терминологические наименования явлений социальной и политической жизни, традиционные фразеологические единицы, используемые политиками, а также крылатые слова и выражения, принадлежащие тому или иному политику или приписываемые ему [1, 20].

В последнее время политическая фразеология стала объектом исследования во многих странах, однако, политическая фразеология арабского языка является малоисследованным пластом арабского политического дискурса.

Актуальность исследования политической фразеологии арабского языка обусловлена важностью употребления фразеологизмов в речи политиков, а также частое использование их в средствах массовой информации.

Цель статьи – выявление и исследование политических фразеологизмов в арабском языке.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Исследовать особенности политической фразеологии арабского языка на примерах газетных статей, современных СМИ и лексики ООН;
2. Классифицировать политическую фразеологию по их жанрам;
3. Исследовать особенности перевода фразеологизмов на русский язык.

Источниками исследования являются такие труды по языкознанию следующих авторов: Селезнева Г.Я. «Политическая фразеология: учебно-методическое пособие по специальности 020200», Чудинов А.П. «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры», Матвеева Т.В. «Полный словарь лингвистических терминов», двуязычные специализированные русско-арабские и

арабско-русские словари: Баранов Х.К. Арабско-русский словарь, Борисов В.М. Русско-арабский словарь, а также газетные статьи и современные СМИ.

Объект исследования: политические фразеологизмы в арабском языке.

Фразеологизм (фразеологическая единица, ФЕ) – общее обозначение лексически неделимых устойчивых словосочетаний, обладающих семантическим и интонационным единством [2, 516]. Важно отметить, что многие лингвисты относят к фразеологии только единицы типа القلوب لدى الحناجر (букв. «сердца у горла») – душа в пятки ушла. Это так называемый «узкий» метод детерминации понятия фразеологизма. Другие же лингвисты считают, что любое словосочетание или предложение, обладающее устойчивостью, необходимо рассматривать как фразеологизм. В данном исследовании мы будем следовать этому «широкому» методу детерминации понятия фразеологизма.

Фразеологические единицы прикреплены к той или иной сфере, выделяют группы фразеологических единиц, связанных с религией, экономикой, политикой. В настоящее время политическая фразеология является богатейшим пластом современной фразеологии:

социальная интеграция – الإدماج الاجتماعي;
демографический взрыв – طفرة الإنجاب;
территориальное море – بحر إقليمي;
политика и практика – السياسات والممارسة;
политика "зеленого ящика" – سياسات الحزمة الخضراء؛ سياسات الصندوق الأخضر;
социально-экономический показатель – مؤشر اجتماعي اقتصادي;
финансово-экономический сектор – فرع المالية والاقتصاد;
социальный маркетинг – تسويق اجتماعي;
социальный учет – المحاسبة الاجتماعية;
сеть "Третий мир" – شبكة العالم الثالث;
Муаммар Каддафи: "زنقة زنقة، بيت بيت، دار دار".

Политические фразеологические единицы формируются, как правило, вокруг ключевых слов политической сферы, репрезентирующих основные политические концепты [1, 23]. Рассмотрим некоторые ключевые слова:

1. حكم
а) советская власть – الحكم السوفياتي
б) прийти к власти – وصل إلي الحكم
в) судебное решение в пользу истца вследствие неявки ответчика – حكم غيابي
2. حزب
а) политическая партия – حزب سياسي
б) рабочая партия – حزب العمال
3. مستوى
а) уровень контроля – مستوى المراقبة
б) уровень запасов – مستوى المخزونات
الحيز
а) политическая сфера – حيز سياساتي
б) гуманитарное пространство – الحيز الإنساني
в) общее информационное пространство – حيز المعلومات المشترك

Мы видим, что вокруг данных слов, как вокруг стержневых компонентов, формируется большое количество фразеологических единиц.

Исследования в области политической лингвистики показывают, что одной из важнейших составляющих современного политического общения является его метафоричность.

Метафора – самый распространенный и значимый троп, состоящий в переносном употреблении слов и выражений на основе сходства сопоставляемых явлений. Метафора содержит в себе сравнение, но передает его особым образом: путем создания семантической двойственности слова или выражения [2, 206].

Многие политические метафоры повторяются и воспроизводятся в речи политиков и в средствах массовой информации, что и позволяет рассматривать политическую метафору в составе фразеологии. Например: مصدر المشكلة.

Согласно данным Чудинова А.П [3], чаще всего современные политики обращаются к метафорам с исходными понятийными сферами «криминал», «война», «болезнь».

холодная война – حرب باردة;

информационная война – الحرب المعلوماتية;

профессиональная болезнь – مرض مهني.

По мнению Чудинова А.П [3]. политическая метафора с понятийными полями "театр", "цирк", "игра" по-прежнему активно употребляется в политическом дискурсе. Например:

политическая сцена – المشهد السياسي;

политические игры – الألعاب السياسية;

политическая драма – الدراما السياسية;

теория игр – نظرية المباريات.

Политическая фразеология делится на две группы: а) ФЕ – термины и б) ФЕ нетерминологического характера. ФЕ – термины, называют реалии политической жизни региона. Например: президентская республика – جمهورية رئاسية. Что касается фразеологических единиц нетерминологического характера, то они служат для формулировки принципов и особенностей политической борьбы. ФЕ нетерминологического характера – это выражения, фразы и цитаты, запомнившиеся людям и ассоциируемые с определенным событием или политиком. Например: Муаммар Каддафи: "زنقة زنقة، بيت بيت، دار دار".

Политическая фразеология – явление сложное, многомерное. Жанры политической фразеологии могут быть сгруппированы по ряду оснований: по характеру обобщения действительности, по отнесенности к политическим реалиям, по функции [1, 34]. Рассмотрим жанры политической фразеологии по его функциональным характеристикам.

По функции политическая фразеология включает в себя знаки интеграции, ориентации и агональности [1, 35]. Агональные знаки предназначены для вовлечения в политическую деятельность. Важно отметить, что фразеологические единства нетерминологического характера могут незначительно меняться с течением времени или в зависимости от территории их использования. Примером изменения агонального знака может быть лозунг Арабской весны: الشعب يريد إسقاط النظام.

Центральным лозунгом арабской весны был лозунг الشعب يريد إسقاط النظام. Следует отметить, что в лозунге используется литературный арабский язык, т.к. АЛЯ понимают во всем арабском мире, то этот лозунг мгновенно дошел до народа. Этот слоган появился в Тунисе. Восставшие в Египте использовали этот слоган без каких-либо изменений. Этот же слоган использовали в Ливии, Йемене, Бахрейне и Сирии. В Палестине слоган также был изменен на الشعب يريد إنهاء الإقتسام (прекращение разногласий между движениями «Фатх» и «Хамас» и объединение Западного Берега и Сектора Газа). В Сирии слоган использовали без каких-либо изменений, также сторонники режима Башара Асада использовали лозунг с заменой второй части высказывания: الشعب يريد بشار الأسد. В настоящее время исламисты используют данный лозунг с изменениями второй части: الشعب يريد إعلان الجهاد. На демонстрации в городе Алеппо, исламисты изменили лозунг на الأمة تريد الخلافة الإسلامية. Они изменили слово народ (الشعب) на теологически ориентированный термин – الأمة.

Мы видим, что данный агональный знак предназначен для вовлечения в революцию народа. В данном лозунге преобладают речевые акты призыва и требования. То есть данный слоган используется как инструмент политической борьбы непосредственно в ходе политической акции.

Важно отметить, что перевод фразеологизмов представляет особую трудность из-за таких явлений как синонимия, полисемия и омонимия. Исследования политической фразеологии позволяют нам выделить следующие межъязыковые соотношения:

Полные фразеологические эквиваленты, т.е. совпадающие по лексическому составу и грамматической структуре [4] : уровень жизни – مستوى المعيشة; минное поле – حقل ألغام; сеть безопасности человека – شبكة الأمن البشري; химическая война – حرب كيميائية.

Частичные фразеологические эквиваленты имеют имеющие незначительные частные лексические или грамматические расхождения [4]. Частичные фразеологические эквиваленты среди фразеологических единиц арабского и русского языков можно подразделить на две группы: а) ФЕ, совпадающие по значению, стилистике, но несколько отличающиеся по лексическому составу: рыночная экономика – اقتصاد السوق الحر; б) ФЕ, совпадающие по значению, стилистике, но отличающиеся грамматической категорией (например, числом, в котором стоит имя существительное): социальная политика – السياسات الاجتماعية; политика руководства- الإدارة Управление.

Фразеологический аналог – образная фразеологическая единица в русском языке по смыслу аналогичная арабской фразеологической единице, но основанная на ином образе [4] : демографический взрыв – طفرة الإنجاب.

Описательный перевод – передача значения арабской ФЕ свободным сочетанием слов в русском языке [4] : судебное решение в пользу истца вследствие неявки ответчика – حكم غيابي.

Переводу фразеологических единиц уделено немало внимания в теоретических и практических пособиях и публикациях, также рекомендуются различные методы перевода.

Выводы и перспектива. В статье были изучены политические фразеологизмы арабского языка. В ходе данного исследования были выявлены свойства и особенности политической фразеологии арабского языка. Опираясь на эти свойства, мы

можем классифицировать фразеологизмы по характеру возникновения: ФЕ – термины и ФЕ нетерминологического характера, а также понять принципы формирования политических ФЕ, их метафоричность и особенности перевода.

Принимая во внимание значимость и роль политических фразеологизмов в современном политическом дискурсе, мы видим необходимость дальнейшего изучения политической фразеологии, в частности метафоричность ФЕ и различные средства манипулирования общественным мнением в рамках фразеологического фонда арабского языка.

Литература

1. Селезнева Г.Я. Политическая фразеология: учебно-методическое пособие по специальности 020200 / Селезнева Г.Я. – Воронеж, 2004. – 72с.
2. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Матвеева Т.В. – Ростов н / Д. «Феникс», 2010. – 562с [1]. – ISBN 978-5-222-17060-1
3. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография / А.П.Чудинов – Екатеринбург: Урал. 2001. – 238с.
4. Прозоров В.Г. Курс «Основы теории и практики перевода с английского языка на русский» – Перевод фразеологических единиц (4 урок) / Прозоров В.Г.
5. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: избр. тр. – М.: Наука, 1986. – 182 с.
6. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь: арабско-русский словарь / Х.К. Баранов – В 2 т. – 11-е изд., стереотип. – М.: Живой язык, 2006. – 456 с. – ISBN5-8033-0377-1(т.1) ISBN 5-8033-0371-2
7. Борисов В.М. Русско-арабский словарь: Более 42000 слов: Под ред. В.М. Белкина : русско-арабский словарь / В.М.Борисов – М.: Валерий Костин, 2008. – 1120 с. – ISBN 978-5-901278-06-2
8. Многоязычная терминологическая система ООН – UNTERM [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: // unterm.un.org /

Бахі А. М. Політична фразеологія арабської мови / А. М. Бахі // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 183–188.

Дана стаття присвячена вивченню політичних фразеологізмів в арабській мові. У дослідженні застосовується нетрадиційний («широкий») підхід детермінації поняття «фразеологізм». У статті виявляються особливості політичної фразеології: формування, метафоричність і емоційне забарвлення. Особливу увагу в статті приділено класифікації фразеологізмів: термінологічні та нетермінологічні. Крім того, в роботі аналізуються специфіка та функції фразеологічних жанрів і особливості перекладу.

Ключові слова: арабська мова, фразеологія, фразеологічна одиниця, фразеологічний термін, фразеологізм нетермінологічного характеру, метафора, фразеологічний жанр, переклад.

Bahi A. M. The political phraseological units of the Arabic language / A. M. Bahi // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 183–188.

This paper concerns with the political phraseological units of the Arabic Language. In this research we use nonconventional ("broad") approach of determination the “phaseological unit”. The main goal of this work is investigating political phraseological units in the Arabic Language. For achieving this goal the following tasks are set: classifying phraseological units by their genres, investigating their using, formation and peculiarities of translation to Russian. This research allows us to discern two types of phraseological units: phraseological units – terms and phraseological units of nonterminological character. In this article we pay attention to not less important component of a modern political discourse – metaphor. According to A.P.Chudinov's research, modern politicians very often use phraseological units with such components as "crime", "war", "ill-

ness", "theater", "circus", "game". The Arab region isn't an exception; the Arab politicians skillfully use these tools in their speech.

It must be mentioned, that phraseological units are the most difficult units to translate, because polysemy, homonymy, and synonymy are natural for them. For this reason in this article the special is given to the translation of political phraseological units into Russian. This research allowed us to discern two categories of political phraseological units: equivalent political phraseological units and political phraseological units that don't have equivalents. The political phraseological units that don't have equivalents are usually translated by descriptive way. For translation the political phraseological units we need to know the lexical and stylistic features of the languages.

Exploring political phraseology, we come to the conclusion that it is the low-studied field of language. Study of political phraseology in the Arabic language is a hot topic because of importance of their use in politicians' speeches and frequent using in mass media. This article considers only some features of political phraseology of the Arabic language. We see prospects of further development of a subject in the analysis various lexical tools to manipulate public opinion in the political phraseological units of the Arabic Language.

Key words: Arabic language, phraseology, phraseological unit, phraseological unit-term, nonterminological unit, metaphor, phraseological genre, translation.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 189–194.

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.145. (477.75)

ТИЛЬНИНЪ АГЪЗАВИЙ ВЕ ЯЗМА УСЛЮПЛЕРИНИНЪ КЪАРШЫЛЫКЪЛЫ ТЕСИРИ (КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИ УЗЕРИНДЕ)

Меметова Э. Ш.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
E-mail: edie70@mail.ru

Бизим макъалемиз тильнинъ агъзавий ве язма услюплеринин къаршылыкълы тесири талилине багъышлангъандыр.

Ишимизнинъ **актуаллиги** тильнинъ агъзавий ве язма услюплеринин бугуньки къулланылмасы нетиджесинде къаршылыкълы тесири аз дереджеде олгъанына багълыдыр, чюнки айны меселелер башкъа тюркий ве славян тиллерде инкишаф этмектедирлер [1-7; 12], къырымтатар тилининъ исе лексиканынъ шекилленюв менбалары ве услюбий хусусиетлери огренильгендир [9; 11].

Ишимизнинъ объекти вазифесинде агъзавий ве язма услюплернинъ лексикасынен берабер Шамиль Алядин, Ю. Болат, Ш. Селим, Хикяеджи Сохтанынъ эсерлери чыкъа.

Тедкъикъатнынъ предмети къырымтатар тилининъ функциональ-дифференциаль болюнмеси нетиджесинде пейда олгъан услюбий хусусиетлер.

Мезкюр ишимизнинъ **макъсады** – тильнинъ агъзавий ве язма услюплеринин къаршылыкълы тесири мейдангъа чыкъмасы ичюн, бугуньки тилимизде олып кечкен ве тилимизнинъ темизлигине зарар кетирген меселелерни огренип, оларгъа ёл бермемектир. Макъсаткъа иршимек ичюн, ашагъыдаки **вазифелерни** беджермек керек:

1. Къырымтатар тилининъ бугуньки алыны огренмек;
2. Къырымтатар тилининъ агъзавий ве язма услюплернинъ хусусиетлерини огренмек;
3. Радио ве телеяйынларда, нешир этильген эсерлерде акъсыз къуллангъан алынма сёзлерни огренмек;
4. Бугуньки куньде тильнинъ агъзавий ве язма услюплеринин къаршылыкълы тесирине маниа олгъан себеплерни огренип, тильни бозгъан неснелерге ёл бермемек ичюн имкянларны огренмек.

Тедкъикъатнынъ **усуллары**: махсус эдебиятынынъ талили, лексик мананынъ компонент талилининъ усулы, дистрибутив усул.

Земаневий эдебий тиллернинъ косьтергенлерине коре, тюрлю заманларда язма ве агъзавий услюплер арасындаки олгъан багълары бир чешитте дегиль эди. Деерлик эписи эдебий тиллер халкъ лакъырды тили темелинде догъа эдилер. Эдебий тиллернинъ чокъусы аз я да чокъ дереджеде халкъ агъыз яратыджылыгъы тесири

алтында инкишаф эте эдилер. Язма услюплер даима джемиетнинъ агъзавий нутугъына тесир эте эдилер.

Функциональ услюплер лакъырды ве китабий-язма чешитлерине болюнелер.

Лакъырды нутукъ эдебий-лакъырды ве эдебий олмагъан лакъырды услюплерни къабул эте.

Китабий-язма нутукъкъа исе иш кягъытларынынъ услюби, ильмий беяннынъ услюби, публицистик услюп кирмекте. Тарихий джеэттен мында диний услюпни де кирсетмек мумкюн. Бу услюп фаджиалы сюргюнликтен эвель Къырым татарларында артыкъ инкишаф эткен эди, амма бугуньки куньде тек къарт адамларнынъ араларында, ве янъыдан динге урулгъан яшлар араларында къулланыла. Бу услюп акъкъында, башкъа функциональ услюплернинъ арасында Н. А. Баскаков къайд эткен эди [1, 16, 18]. Шуны да къайд этмек керек ки, сонъки вакъытлары славян услюбиетине багъышлангъан ишлерде де айны услюп айырылыр [8, 287].

Къырымтатар лакъырды нутукънынъ эсас хусусиетлери. Лакъырды нутукъ – нутукънынъ диалогик шекили. Язма нутукънен къыяслагъанда – бу джанлы нутукъ, мында даима янъы сёз ве ибарелер пейда ола, бекленильмеген сёз шекиллери ве скъулланыла. Лакъырды нутукъ эмоция (дуйгъу) джеэттен ренклидир: – *Сенинъ тилинъе гъалиба шейтан тюкюрген…Шам ёлу тюм-тюз, сени мында зорнен тутмайлар* [14, 189]. Сёйлейиджининъ дуйгъулары ялынъыз сёзлернинъ хусусий сырасынен дегиль де, махсус дереджеликлер ве интонация вастасынен ифаделенир. Ондан гъайры сёйлейиджининъ нутугъы даима къол ишаретлери ве мимика ярдымынен ифаделенир.

Эдебий-лакъырды нутукъ – эдебий ишленген, нормалаштырылгъан нутукътыр. Эдебий-лакъырды услюптеки сёз ве ибарелер гъает чешит тюрлюдир. Мына битараф лексиканынъ сёзлеринен бир сырада бам-башкъа нутукъ саадаки сёзлернинъ къулланылувы сийрек дегильдир.

Эдебий олмагъан лакъырды нутукъ нормадан тыш фонетик, грамматик ве лексик унсурларнынъ олмасынен айырылыр. Бу нутукънынъ мисаллери муайен бир ичтимаий саанынъ тасвирленмесинде бедий эсерлердеки къараманларына аит: – ***Чуллу*** *эфенди, мында бакъ* [14, 109]; – ***Къандалай, боджек****; я мен сени юмрукънен ерге ялпаштырсам, курешмеге меджалынъ къалырмы?* [14, 236] – *…****Джинабетнинъ*** *ятаджакъ ери джеэннем атешлери олсун…[14,189].*

Къырымтатар тилининъ лакъырды нутугъы акъкъында лаф юрсеткенде, шиве лексикасыны айырмакъ мумкюн: *Сабах ачылыюр. Йылдызлар яваш-яваш кок узеринден силиниюр [16, 22]. Гонълю чокъ юмушакъ, «юреги юфкъа», «дуйгъу къурбаны» сайылырды. Мудерриснинъ фикрине коре, «Зекерья эриш табиатлы, къуйлу сохтачыкъларны баш этюп оламаз»ды [16, 23].* Базыда шиирнинъ эки сатырында эки шивеге аит сёзлерни расткетирмеге де мумкюн: *Шириет – Танъри къургъан Сарайдыр, Бу Сарайгъа пенджереден кирильмез. Эр ишинъе коктен Озю* ***къарайдыр****, – Рух бермесе,* ***яздыкъларынъ*** *корюльмез* [15, 176].

Къырымтатар эдебий-китабий нутукънынъ эсас хусусиетлери. Лакъырды нутукътан фаркълы оларакъ, сёз, ибарелернинъ ве синтактик консрукцияларынынъ арды-сыралы къулланылмасынен айырылыр.

Иш кягъытлырынынъ услюби. Иш кягъытларынынъ услюби чешит тюрлюдир. Къырым татарларынынъ ресмий-канцеляр услюби, башкъа къадим языларына саип олгъан халкъларнынъ киби, тюрлю тарихий девирлерде чешит эди. Ярлыкълар адети узьре, ханнынъ адынен башлана эдилер: *Toqtamış sözüm! [11, 19]*.

Ильмий услюпте мантыкъ болюнювининъ васталары кенъ къулланыла: метин къысым, болюк ве параграфларгъа болюне. Ильмий нутукъ эмоциональ дегиль. Лякин мантыкъ аныкълыгъынынъ кучьлю олмасы ичюн суаль-джевап, антитеза, синтактик параллелизм киби услюбий васталар къулланыла.

Публицистик услюпте ичтимаий-сиясий мевзуларгъа багъышлангъан макъалелерде къулланылыр. Публицистиканынъ эписи чешитлери ичюн умумий олгъан хусусиетлерден бири макъалелернинъ шиарджылыгъыдыр [5, 90-92].

Къырымтатар эдебий тильнинъ огренильмеси меселелери сырасында бойле чешитлерни айырмакъ мумкюн: услюп джеээттен дифференциациясы, ве жанр болюнмеси, экспрессиянынъ шекиллери, башкъа тиллер иле мунасебети (энъ эвеля турк тилинен багъы), эм де агъзавий ве язма чешитлери арасындаки специфик фаркъ аляметлерининъ лексик, грамматик ве услюбий дереджелеринде огренильмеси.

Агъзавий эдебий нутугъынынъ огренильмеси энъ эвеля объектнинъ айырылмасыны талап эте эди. Лакъырды услюп онъа ляйыкъ олгъан синтактик конструкциялар, морфологик шекиль, лексика ве фразеологиянен айырылмакъта. Бу услюп те агъзавий эдебий нутугъынынъ башкъа услюплери киби ички тарафтан бир чешит дегильдир, о да бир сыра жанр ве услюбий экспрессив чешитлерине айырыла. Энъ кенъ даркъалгъан чешитлеринден бири агъзавий-турмуш чешитидир.

Лакъырды услюп ичюн типик хусусиет вазифесинде, эмоционаллик чыкъа.

Тильнинъ нормасы да эдебий нутукъта бир къач вариантларда чыкъып ола. Башкъа услюплер арасында турмуш нутукъта норманынъ чешит вариантлары кенъ къулланылмасы ичюн имкян ола.

Тиль васталарынынъ услюбий дифференциациясы энъ айдын лексик дереджеде акс олуна. Энъ буюк группаны исе битараф лексика тешкиль эте. Буны да къайд этмек керек ки, битараф сёзлернинъ къулланув саасы агъзавий я да язма шекиллернен сынъырланмай. Бу группа бутюн услюплерде къуллана. Мисаль оларакъ, *аякъ, боюн, от, аяз, эв, ёл, кок, енгиль, мемнюн, о, сиз, бу, он эки, он алты, чапмакъ, ашамакъ, язмакъ, арекет этмек* в.и.

Услюбий битараф лексика вакъыт кетишатынен денъишмеси мумкюн, тургъун фразеологик ибарелерде къулланылувы мумкюн, энъ чокъ бедий ве лакъырды нутукъларда къулланыла.

Бедий нутукъта керчек образлар яратылмасы ичюн лакъырды жаргон лексикасы къулланыла. Бойле сёзлер, эльбетте, эдебий нормадан тыш ерлешелер. Неологизмлер, яни янъы сёзлернинъ эмиети бедий услюп ичюн айрыджа муимдир. Языджылар джеэттен тюшюнип чыкъарылгъан янъы сёзлер индивидуаль-муэллиф хусусиетке саиптир.

Услюп джеэттен эскирген сёзлернинъ куъулланылувы да муимдир.

Къырымтатар тилининъ агъзавий ве язма чешитлери – къырымтатар миллий тилининъ эки къуллангъан шекиллеридир.

Агъзавий къырымтатар тилинде язма тили тесири алтында бир сыра денъишмелер олып кечти, ве нетиджеде агъзавий тиль язма тильге якъынлаштырылды. Афсуски, бугуньде-бугунь, телевидение я да радиода чалышкъан бутюн яш мутехассысларымыз бу ёнелиштеки ишке о къадар «гъайретнен тутулдылар ки», атта бизим тилимизге, озь сёзлеримиз олгъанына бакъмадан, турк тилинден алынгъан сёзлернен акъсыз шекильде фааль къулланалар: *чалышма – иш, тедкъикъ* ерине, *садедже – тек*, *ялынъыз* ерине, *керчеклештирмек – омюрге кечирмек* ерине, *дестеклемек – къол тутмакъ* ерине. Бу да аз корюнип, базы аркъадашларымыз язма тильде де озь сёзлеринден къачынып, турк тилиндеки сёзлер иле къулланалар: *Икяелернинъ язылгъан **тарихлери** исе 1903-1917 сенелерине аиттир [16, 3]. ...геми иле «Къаршыгъа», яни Тюркиеге **кочь эттилер**. Яни Хикяеджи Сохтанынъ озь ады Сулейман Гъазы олгъаня **ачыкъланды**. Игна Гъазы Парижде рессам оларакъ **танымлыдыр** ве онынъ иджадындан бир чокъ нумюнелер*...[16, 4].

Афсуски, базы джиддий неширлерде адден ашыр турк, озьбек тиллеринден алынгъан ве атта пейда олувы белли олмагъан сёзлерни къайд этмек мумкюн: *пара йыгъмасы [13, 28], ашыры мейперестлик [13, 20], килит яргъан огъру [13, 31], вакъиа олгъан ернинъ бакъышма акты [13, 18], гъайыбубет [13, 20]*.

Язма тиль тесири алтында агъзавий эдебий нутукъта базыда шиве сёзлернинъ къулланылувы да эксиле. Къырымтатар тилининъ бугуньки алы, джемиет тарафындан тильнинъ керек дереджеде къулланылувы алчакъ басамакъта олгъаныны акс эте. Бу, эльбетте, тильнинъ девлет статусы олмагъанына догърудан-догъру багълыдыр. Эгер биз, къырымтатар джемиети украин тилини насыл менимсегенине дикъкъат айырсакъ, бизим, къырымтатар тилимизни де, къыскъа бир муддет ичине огренильмесине ёл ачыладжакътыр. 90-ынджы сенелери, къырымтатар халкъы Къырымгъа кутьлевий алда кочип кельген девринде, Озьбекистанда мектеп битиргенлернинъ бири украин тилини бильмей эди. Амма Къырымда эр бир малюмат берген васта украин тилинде олгъаны себебинден, даа тюневин украин тилинде «тырт» демеге бильмегенлер, аман-аман 10 йыл ичинде, шу тильни деерлик сербест анълап башладылар. Яни, къырымтатар тили де халкъымызнынъ зеинине синъип, акъыллырында къалмасы ичюн, Къырымда хабер берген бутюн васталар озь яйынларыны къырымтатар тилинде алып бармалылар. Амма бунынъ къоркъунчлы тарафы да бар, юкъарыда айтып кечкенимиз киби, кутьлевий малюмат васталарынынъ тилини керек дереджеде «тарагъан» мутехассыслар ёкъ. Мисаль оларакъ, профессор Меметов айткъанларындан белли ки, бизим зиялыларымыз Озьбекистанда тилимизнинъ темизлигини къасевет этип, газета ве журналларда чалышкъан мутехассыслар, айда бир кере топлашып, тильге насылдыр «ябанджы» сёзни янъылыпмы, я да аселет кирсеткен «затны» юзьлеп, шу янъылыш къулланувгъа ёл бермей эдилер. Бизим бугуньки АТР телеканалымыз насыл да олса, девлет каналы олмайып, бир адамнынъ къолуна багълыдыр. Шу себептен, мында тек халкъымызнынъ севген аталар сёзю акъылгъа келе: *Парасыны берген, дюдюгини чалдыра*. Эльбет, бойле джиддий месселелер шахсий дегиль де, девлет тарафындан ачылгъан телеканалларда чезильмеси мумкюн. Амма энъ эвеля бу месселе тильнинъ девлет статусына багълы олып, тиль, эдебият ве тарих месселелерининъ огренильмесинен огърашкъан ильмий-тедкъикъ институт ачылмасына багълыдыр.

Нетиджеде бойле хулясаларны чыкъармакъ мумкюн: къырымтатар тили кенъ къулланувда, яни радио, телеяйынларда олмагъаны, мектеплерде мутлакъиет алда бутюн эалининъ балалары тарафындан огренильмегени себебинден, бугуньде-бугунь тилимизнинъ агъзавий ве язма услюплери керек дереджеде бири-бирине къаршылыкълы тесир этип оламайлар.

Тедкъикъатнынъ келеджеги: зарар кетирген ят унсурлардан тилимизни къорчаламакъ.

Эдебият

1. Баскаков Н. А. Структурные и функциональные стилистические модификации современных тюркских языков / Н. А. Баскаков. – Тезисы докладов конференции «Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР». – Ашхабад, 1966. – 10-19 с.
2. Бойко Н. І. Українська експресивна лексика в словнику, мові та мовленні: Навчальний посібник для студентів філологічних спеціальностей / Н. І. Бойко. – Ніжин : Редакційно-видавничий відділ НДПУ ім. М. Гоголя, 2002. – 217 с.
3. Жолковский А. К. К описанию смысла связного текста. Материалы ИЙ / А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов. – Инст. Русского Языка АН СССР, 1972. – 73 с.
4. Ковтунова И. И. "Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова, Н. Ю. Шведова. – "Наука", 1986. – 205 с.
5. Курбатов Х. Р. Татарская лингвистическая стилистика и поэтика / Х.Р. Курбатов. – М. : Наука, 1978. – 219 с.
6. Курбатов Х. Р. Хәзерге татар әдәби теленең стилистик системасы / Х.Р. Курбатов. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1971. – 190 с.
7. Лукъянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. – Новосибирск: Наука, 1986. – 230 с.
8. Мацько Л. І. Стилістика української мови : Підручник / Л. І. Мацько, О. М. Сидоренко, О. М. Мацько ; За ред. Л. І. Мацько. – К. : Вища шк., 2003. – 462 с.
9. Меметов А. М. Источники формирования лексики крымскотатарского языка / А. М. Меметов. – Ташкент : Фан. – 1988. – 112 с.
10. Меметова Э. Ш. К вопросу функционально-стилистической дифференциации крымскотатарского языка / Э. Ш. Меметова / / Тезисы докладов Международной научной конференции «VIII востоковедческие чтения А. Крымского». – Киев. – 4-5 июня. – 2004. – С. 80-85.
11. Меметова Э. Ш. Къырымтатар тилининъ услюбиети / Э. Ш. Меметова. – Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2001. – 144 с.
12. Одинцов В. В. Стилистика текста / В .В. Одинцов. – М., 1980. – 263 с.
13. Рустемов О. Д. Русско-украинско-крымскотатарский словарь юридической терминологии / О. Д. Рустемов. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2013. – 236 с.
14. Болат Ю. Алим: Роман / Ю. Болат. – Т .: Эдебият ве саньат нешрияты, 1980. – 424 б.
15. Селим Ш. Къырымнаме. Сайланма эсерлер. Эки джылтлы. I джылт (шиирлер, дестанлар, терджимелер) / Ш. Селим. – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2006. – 176 с.
16. Хикяеджи Сохта. Фуртуна. Икяелер / Тертип эткен Девлетов Э. – Симферополь : КъДжИ «Къырымдевокъувпеднешир» нешрияты», 2011. – 84 с.

Меметова Э. Ш. Взаимодействие устных и письменных стилей языка (на материале крымскотатарского языка) / Э. Ш. Меметова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. І. Вернадського. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 189–194.

В работе рассматривается соотношение элементов языка, берущих начало из устного и письменного источников, даются рекомендации по подбору соответствующих норме пропорций в употреблении письменных, уже устоявшихся в литературном языке, и устных, иногда диалектных слов, грамматических форм и выражений.

Ключевые слова: устный стиль, письменные стили, крымскотатарский язык, турецкий язык, узбекский язык, стилистика.

Меметова Е. Ш. Взаємодія усних і письмових стилів мови (на матеріалі кримськотатарської мови) / Е. Ш. Меметова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 189–194.

У роботі розглядається співвідношення елементів мови, що беруть початок з усного та письмового джерел, даються рекомендації з підбору відповідних нормі пропорцій у вживанні письмових, вже усталених в літературній мові, і усних, іноді діалектних слів, граматичних форм і виразів

Ключові слова: усний стиль, письмові стилі, кримськотатарська мова, турецька мова, узбецька мова, стилістика.

Memetova E. Sh. The interaction of oral and written language styles (on the basis of the Crimean Tatar language) / E. Sh. Memetova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 189–194.

We consider the ratio of the elements of language, originating from oral and written sources, and recommendations for the selection of appropriate proportions in normal use of written, already well-established in the literary language, and verbal and sometimes dialect words, grammatical forms and expressions.

The style of the national language as a linguistic science investigates the level of development of the national language, the historical stages of the formation of stylistic devices, the main features of the current state of the language, functional styles of language.

Speaking of the interaction of oral and written style of the Crimean Tatar language, noted the lack of status of the State, and therefore, can not be at the proper level to control unjustified harm and carrying a current state of the Crimean Tatar language penetration of words, idioms and expressions of others, even of related languages.

The necessity of the Crimean Tatar public broadcasting around the clock channel.

Separating the oral form of the Crimean Tatar language, spoken language is described, and as consequence of the features of the Crimean Tatar speaking, are dialectal features of the Crimean Tatar language, with the assistance of examples of pre-war publications available in manuscript form on arabitse, and today transliterated into Cyrillic, as well as works Crimean Tatar literary luminaries such as Yusuf Bolat, Shamil Alyadin, Shakir Salim.

Describing the writing styles marked features book styled. Marked infiltration artificially Uzbek and Turkish words. During the expulsion of the Crimean Tatars were able editions of periodicals and with proper and responsible approach to the execution of their duties, have been meeting regularly, on time tracking and rebuked unnecessary borrowing. This was the preservation of the purity of language. Today, due to the lack of strict control, unfortunately, this practice has not been effective. As a result, in the speech of television and radio broadcasters very often not used by the Crimean Tatar word.

What is even more monstrous in serious publications devoted to the description of the legal terminology, the terms that have nothing to do with the Crimean Tatar language.

In conclusion, taking into account the above, marked postulate, indicating the current state of disappointing that requires urgent changes in the approach to the study of the Crimean Tatar language.

Key words: oral style, writing styles, Crimean Tatar, Turkish, Uzbek, stylistics.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 195–199.

УДК – 811.512.145'33

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ ГЛАГОЛА НА – *ГЪАН ЭКЕН* В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Бекирова Л. И.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
E-mail: bekirova.79@mail.ru

В статье исследуется форма прошедшего времени глагола изъявительного наклонения на – *гъан экен* в современном крымскотатарском языке. В ходе исследования установлено, что категория прошедшего времени изъявительного наклонения в крымскотатарском языке представляет собой сложную и многообразную по грамматической структуре систему.

Установлено, что форма прошедшего времени на – *гъан экен* относится к аналитическим формам прошедшего времени.

Ключевые слова: морфология, глагол, функция, прошедшее время, крымскотатарский язык.

Постановка проблемы. Обычно в грамматиках тюркских языков аналитические формы времен со служебным элементом экен не рассматриваются в составе грамматической структуры времен, а переносятся в раздел о модальных значениях времен. Это происходит потому, что в существующих грамматиках, в основном, преобладает семантический принцип рассмотрения форм грамматических категорий, а не принцип исследования по формам значений, что приводит к выпадению из систем времен некоторых форм [1].

Актуальность. К числу наименее исследованных, грамматических форм относятся и формы прошедшего времени, образуемые при участии служебного глагола экен.

Цель и задачи исследования – описание категории прошедшего времени глагола на – гъан экен изъявительного наклонения в современном крымскотатарском языке с использованием современных достижений тюркологии.

Из поставленной цели вытекают следующие главные задачи:

- выявить форму прошедшего времени на – гъан экен изъявительного наклонения глагола, существующую в современном языке, определить её функциональные формы;
- показать основные семы, характерные для выявленной формы, их употребление в языке;
- показать место форм и семантики, парадигматики, синтагматики данной категории в грамматической структуре крымскотатарского языка;

Методы исследования – в основном описательный, в необходимых случаях используются сопоставительный и сравнительно-исторический методы, метод компонентного анализа форм и семантики глагола.

Основой для исследования принят подход от формы – к значению грамматической категории. Исходным для исследования является грамматическая форма времени, т.е. принят формально – семантический подход. Каждая форма прошедшего времени является языковым выражением естественного (понятийного) времени. Мы придерживаемся той точки зрения, что «семантический подход не обеспечивает надежного критерия для определения аналитических глагольных форм: он представляет широкую возможность субъективизму при установлении степени утраты вспомогательным глаголом его исходного лексического значения» [4, 22]. У каждой формы прошедшего времени выявляются и подробно описываются ее основные формы функционирования в языке и речи, затем анализируются ее основные значения (семы) в речи. Такой подход, прежде всего, отвечает интересам читателя, обеспечивает ему быстрый доступ к искомой форме, которую он встречает в тексте. Рассмотрение форм времен по их существующим названиям, традиционно идущее от схем индоевропейской грамматики, не всегда дает возможность всесторонне исследовать каждую из форм времен.

Исследуемая в статье модель – наиболее распространенная среди всех моделей, образуемых посредством служебного глагола *экен*. В книге А.Меметова, К.Мусаева эта форма названа «Давнопрошедшее неочевидное время» [2, 212]. Модель этой формы: *глагол+гъан+экен: сат+къан+ экен* «оказывается, он продавал».

Эта форма принимает, как и все другие формы с *экен,* аффиксы лица первой группы (парадигму спряжения см. выше), которые присоединяются к слову *экен*, а глагол в форме на *-гъан* остается без изменений.

Парадигма спряжения глаголов в форме на *-гъан экен*
в положительном аспекте

Единственное число

1л. *мен окъу+гъан экен+им, сат+къан экен+им, бер+ген экен+им, сёйле+ген экен+им*

2л. *сен окъу+гъан экен+синъ, сат+къан экен+синъ, бер+ген экен+синъ, сёйле+ген экен+синъ*

вежл. *окъу+гъан экен+сиз, сат+къан экен+сиз, бер+ген экен+сиз, сёйле+ген экен+сиз*

3л. *о окъугъан экен* ‘оказывается, он читал’, *сат+къан экен* ‘оказывается, он продал’, *бер+ген экен* ‘оказывается, он дал’, *сёйле+ген экен* ‘оказывается, он говорил’

Множественное число

1л. *биз окъу+гъан экен+миз, сат+къан экен+миз, бер+ген экен+миз, сёйле+ген экен+миз*

2л. *сиз окъу+гъан экен+сиз, сат+къан экен+сиз, бер+ген экен+сиз, сёйле+ген экен+сиз*

Эта форма одновременно обозначает как простую, так и вежливую форму второго лица множественного числа.

3л. *олар окъу+гъан экен(+лер), сат+къан экен+(лер), бер+ген экен+(лер), сёйле+ген экен(+лер)*

Употребление формы на *-гъан экен* в форме положительного аспекта в третьем лице – наиболее распространенное: *О, бундан эки кунь эвель Мустафаны корьген ве къадынынен корюштирмеге сёз берген экен* [6, 256]. ‘Два дня тому назад, он видел-ся с Мустафой и, оказывается, обещал познакомить его со своей женой’. В данном примере *экен* имеет связь с перечисленными двумя глаголами в форме на *-гъан*, но присоединяется к последнему.

Форма отрицательного аспекта образуется посредством присоединения аффикса *-ма / ме* к глагольной основе перед аффиксом – *гъан* : *о окъу+ма+гъан экен* ‘оказывается, он не читал’, *о сат+ма+гъан экен* ‘оказыывается, он не продал’*, о бер+ме+ген экен* ‘оказыывается, он не дал*’, о сёйле+ме+ген экен* ‘оказывается, он не говорил’. *Бир къач куньден берли бу тарлаларда машиналарнынъ давушы да эшитильмеген экен* [6, 132]. ‘Несколько дней подряд на этих полях, оказывается, не было слышно даже шума машин’.

Форма вопросительного аспекта образуется присоединением к глаголу вопросительной частицы *мы / ми* после аффикса *-гъан* перед *экен: окъугъан+мы экен?* ‘возможно, он читал?*’ берген+ми экен?* ‘возможно, он дал?’ и т.д. В этом крымскотатарский язык отличается от ряда других кыпчакских языков, в которых вопросительная частица присоединяется к слову *экен,* и сближается с огузскими языками. Ср. казахскую форму *окъыгъан екен бе?,* где вопросительная частица присоединяется к *екен. Кинотеатр бинасы янындаки адамлар четке чекильгенми экенлер*? [6, 186]. ‘Стоящие возле кинотеатра люди, (разве) отошли в сторону?’

Форма аспекта возможности образуется по общему правилу – к основному глаголу присоединяется аффикс *-а / е / й,* затем перед аффиксом *-гъан* прибавляется вспомогательный глагол *ал*, создается модель: *глагол+а / е / й+ал+гъан+экен. О, сатып алгъан экен.* ‘Он, оказывается, купил’.

Интикъамджылар бу операцияны бир гъайыпсыз кечире алгъан экен [6, 14]. ‘Оказывается, мстители смогли завершить эту операцию без всяких потерь’.

Форма аспекта невозможности образуется от формы аспекта возможности присоединением к глаголу *ал-* аффикса отрицания, т.е. по модели: *глагол+а / е / й+ал+ма / ме+гъан+экен*. О, *сатып олмагъан экен.* ‘Он, оказывается, не смог продавать’. *Бу дакъкъада пек чокъ адамлар азбарда топлаша олмагъан экенле* [6, 169]. ‘К тому времени очень многие люди не смогли собраться во дворе’.

Семантика прошедшего времени на -гъан экен

Форма выражает «действие, которое действительно имело место в прошлом, однако говорящий не был его очевидцем, он знает об этом понаслышке, из рассказов других лиц. Обычно сферой функционирования данной формы являются сказки, рассказы о прошлом» [2, 222].

Парадигматические семы формы на -гъан экен

1. Определенность совершения действия в прошлом. Действие совершилось, оно может привести предмет в новое состояние. *Онынъ эви пек эскирген экен* [8, 170]. ‘Его дом, оказывается, стал очень ветхим’. *О, фурсат беклеп, зеэрли йылан киби, сускъан экен* [8, 144]. ‘Ожидая нужного момента, оказывается он (а) притаилась, как ядовитая змея’.

2. Неочевидность, говорящий не был участником события, он узнал об этом по информации других источников. *Теллерини кечирмеге бильмеген, дост, анавы бизни къарпызнен сыйлагъан эриф япкъан экен* [8, 27]. Друг, оказывается провода не смог провести тот мужчина, который угощал нас арбузом.

В сказках, обычно, в их начале – в присказке широко употребляется эта форма для обозначения неочевидного действия: *Бир заманда бар экен, бир заманда ёкъ экен, бир койде эки къарт яшагъан экен.* (Присказка) ‘То ли было, то ли не было, в одном селе, жили были старик со старухой’.

Синтагматические семы формы на -гъан экен

1. Значение в первом лице – приписанное действие, которое не совершалось говорящим. *Бельгиленильген куннинъ акъшам устю мен баргъан экеним* [7, 218]. ‘К вечеру назначенного дня я, оказывается, ходил туда’. В этом примере на самом деле говорящий туда не ходил, ему приписали это действие другие.

2. Ирония: *Меним огълум не вакъыттан берли бу къадар акъылдане олгъан экен* [7, 214] ‘С каких же пор мой сын стал таким умным’.

Выводы и перспектива. Можно утверждать, что крымскотатарский язык сохранил эту форму и ее семантику в виде, свойственном и другим кыпчакским языкам.

Литература

1. Агазаде Н.Г. Система глагольных наклонений в современном азербайджанском литературном языке / Н. Г. Агазаде. – Баку, 1967. – 34 с.
2. Меметов А.М., Крымтатарский язык. Ч.I. Общие сведения о языке. Ч. II. Морфология : учебное пособие / А. М. Меметов, К. М. Мусаев. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2003. – 288 с.
3. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М. : Наука, 1988. – 386 с.
4. Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках / А. А. Юлдашев. – М. : Наука, 1965. – 274 с.
5. Юсупов Ф. Ю. Изучение татарского глагола / Ф. Ю. Юсупов. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1986. – 286 с.
6. Осман А. Тутушув : Повестлер. Икяелер / А. Осман. – Ташкент : Эдебиат ве саньат нешрияты, 1988. – 400 с.
7. Умеров Э. Йылдызларгъа догъру : повестлер / Э. Умеров. – Ташкент : Эдебиат ве саньат нешрияты, 1983. – 278 с.
8. Эдемова У. Юрек атеши : повестлер / У. Эдемова. – Ташкент : Эдебият ве саньат нешрияты, 1987. – 336 с.

Бекірова Л. І. Минулий час дієслова на – *гъан екен* в сучасній кримськотатарській мові / Л. І. Бекірова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 195–199.

У статті досліджується форма минулого часу дієслова дійсного способу на – *гъан екен* в сучасній кримськотатарській мові. В ході дослідження встановлено, що категорія минулого часу дійсного способу в кримськотатарській мові є складною і багатообразною по граматичній структурі системою.

Встановлено, що форма минулого часу на – *гъан екен* відноситься до аналітичних форм минулого часу.

Ключові слова: морфологія, дієслово, функція, прошедшее час, кримськотатарську мову.

Bekirova L. I. The past tense of the verb on *the – ghan eken* in the Modern Crimean Tatar language / L. I. Bekirova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 195–199.

In the article the form of the past tense of the verb in the indicative mood – ghan eken in the Modern Crimean Tatar language is examined. The basis of the approach adopted for the study of the form – the value of the grammatical category. The starting point for this study is the grammatical form of time, ie formally adopted – the semantic approach. Each form of the past tense is the linguistic expression of the natural (conceptual) time. Each form of the past tense are identified and described in detail the functioning of its basic forms of language and speech, then analyzed its core values (Seme) in question. Consideration of the forms on time to their existing titles, traditionally coming from the grammar of the Indo-European schemes, does not always provide the opportunity to fully explore each of the forms of time.

The study in the paper model – the most common among all the models produced by the call of the verb Eken. This takes the form, as well as all other forms with Eken, affixes the first group of persons who join word Eken, and the verb in the form of on-the-ghan remains unchanged.

Use of the form on the -ghan eken in the form of a positive aspect in the third person – the most common.

The form of the negative aspect is formed by joining -ma / me affix to the verb stem to affix-gan: o oku + + ghan ma eken ‘turns out he did not read. ‘

The form of a question aspects are formed by adding to the verb interrogative particle mi after the affix - ghan before eken: okugan + eken mi? 'Perhaps he read it? In this Crimean Tatar language is different from some other Kipchak languages in which the interrogative particle is attached to the word Eken, and moving closer to the Oghuz languages.

Form on – ghan eken expresses «an action that was indeed the case in the past, but the speaker does not witnessed it, he knows this firsthand, from the stories of others. Typically, the functioning of this form are fairy tales, stories about the past».

The shape of the past tense on – ghan eken refers to the analytical forms of the past tense.

Key words: morphology, verb, function, past tense, the Crimean Tatar language.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 200–205.

УДК 81, 373.7(512.145)

КНИЖНЫЕ И РАЗГОВОРНО-БЫТОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

Куртсеитов А. М.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
E-mail: otarli@mail.ru

В статье обобщены результаты многолетней научной и преподавательской работы. Рассмотрены многочисленные труды языковедов, которые исследовали фразеологию, произведения писателей и тексты исполнителей крымскотатарского фольклора, давние и современные периодические издания.

В работе общие и специфические фразеологические средства систематизированы в нескольких аспектах, а также дано толкование большого количества фразеологизмов, относящихся, в частности, к истории и этнографии. Широко использованы описательный, сравнительно-исторический, структурный методы исследования, что способствовало углубленному анализу крымскотатарских фразеологизмов.

Фразеологические обороты вместе со словами составляют одну из существенных сторон языка, являются как бы его строительными материалами. В современном крымскотатарском языке есть такие понятия, которые выражаются только фразеологическими единицами, их значение можно передать не иначе как целым комплексом словосочетаний.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, словосочетание, семантика, идиома, крымскотатарский язык.

Постановка проблемы. Яркая выразительность большинства крымскотатарских фразеологизмов позволяет авторам использовать их как богатое стилистическое средство. Чаще всего писатели, поэты, журналисты используют фразеологизмы без изменения их формы, потому что устойчивый оборот сам по себе обладает высокой образностью, эмоциональностью, всегда экспрессивно окрашен. Часто фразеологизмы употребляются в синонимичном ряду или с фразеологизмами, или с отдельными словами. Причем располагаются они так, что каждый последующий член ряда заключает в себе большую степень признака или действия, чем предыдущий. Возможен и прием антитезы – использование фразеологизмов в анатомическом ряду. Один из способов употребления фразеологизмов – стилевой контраст, когда в одной фразе сталкиваются фразеологизмы книжный и разговорный, архаичный и активно действующий в современном крымскотатарском языке, жаргонный и межстилевой.

Так в предложении: *“Къызынъны манъа бермесенъ, тутар да, бутюн падишалыгъынъны якьып йыкьарым, таш устюнде таш къалдырмамам”*. – Если не отдашь мне свою дочь, я возьму и сожгу – разрушу все твое королевство, не оставлю камня на камне. Два фразеологизма: *Якьып йыкьмакь* – сжечь и развалить; *Таш устюнде таш къалдырмамакь* – не оставить камня на камне.

Они стоят в одном синонимическом ряду и вместе создают определенную градацию, нагнетание, нанизывание действий.

Книжные фразеологизмы употребляются преимущественно в книжной речи и имеют повышенную экспрессивно – стилистическую окраску официальности, торжественности, поэтичности и т.д. Например: *Нетиджe чыкъармакъ* – сделать вывод.

Основной пласт современных крымскотатарских фразеологизмов составляют разговорно-бытовые фразеологизмы. Они употребляются в устной речи и имеют сниженную экспрессивно – стилистическую окраску (шутливо, иронично, презрительно, фамильярно и т.д.) Например: *Дюнья дюльбери* – мировая красавица (иронично).

Среди разговорных фразеологизмов выделяются просторечные: *Зыр дели* – круглый дурак.

Просторечные фразеологизмы, как и просторечные слова, отличаются от разговорных некоторой грубостью и имеют отрицательную окраску неодобрительности, пренебрежительности, бранности: *Къара халкъ* – черный народ; беднота.

По структуре фразеологизм напоминает свободное сочетание слов, то есть, как и в свободном сочетании, стержневое слово принадлежит к определенной части речи. Например, это может быть имя существительное:

Килитли юрек – закрытое на замок сердце.

Имя прилагательное: *Йымшакъ табиатлы* – слабохарактерный.

Глагол: *Бурун сокъмакъ* – совать нос.

Но это сходство чисто внешнее. Во-первых, слова в свободном сочетании могут вступать в связь с широким кругом слов, в то время как во фразеологических единицах эта сочетаемость ограничена. Так в предложении: "*Одунларны ташлап, атеш якъмакъ*. " – Подбросив дрова, разжечь огонь. Сочетание слов: *атеш якъмакъ* – разжечь огонь – свободное, но во фразеологизме: *Атеш сачмакъ* – сеять огонь – компонент *атеш* имеет несвободное значение и сочетается только со словом *сачмакъ*.

Во–вторых, фразеологизм и свободное сочетание слов по-разному ведут себя в предложении. Например: *"О меним чувалыма бир кило къадар алма къойды"* – Он положил в мой мешок около килограмма яблок. Сказуемым является одно слово *къойды*. А в предложении: *"Мен терекке чыкъып, онъа бир акъыл къойдым*. " – Я залез на дерево и проучил его.

Сказуемым будет весь фразеологизм: *акъыл къойдым* – проучил;

потому что он неразложим.

По мнению многих ученых языковедов, глаголы лексико-фразеологического типа напоминают сложные глаголы. Они состоят из двух слов, первое из которых имя существительное, а второе глагол. Но в отличие от сложных глаголов, где второй элемент несет грамматическую функцию, глагол, входящий в состав идиомы лексико-фразеологического типа, имеет образное значение, что и придает образный характер всему сочетанию. То, что этот глагол в образном значении сочетается только со строго ограниченным количеством слов, придает всему сочетанию устойчивый характер. Такое сочетание, однажды возникнув как образное выражение, становится как бы особой моделью лексико-фразеологической единицы, которая представлена одним данным выражением. Наречные фразеологизмы, употребляемые в крымскотатарском языке, расширяют выразительные возможности говоря-

щих и пишущих. Но в разговорной речи нередки нарушения, когда один компонент фразеологизма подменяется другим словом. Например:

"Эгер бей ачувланса, ыргъатнынъ бир къат терисини сыдыра биле (А.Велиев). – Если бай рассердится, он может содрать один слой кожи с работника. Вместо:

Еди къат терисини сыдырмакъ – содрать семь шкур.

В обиходной речи часто употребляется устойчивый сравнительный оборот:

Олю киби (юкълай) – как мертвый (спит).

Подобные обороты соотносительны с наречиями, их нередко называют наречными фразеологизмами.

Так, в крымскотатарском языке, с помощью наречных фразеологизмов можно передать целый ряд характеристик человека:

Копек киби ач – голоден как собака.

Таякъ киби арыкъ – худой как палка.

Именной компонент *баш* не может сочетаться с определяющими его словами, что было бы вполне возможно при свободном употреблении слов. Например, во фразеологической единице:

Къара юрек – черное сердце; коварный.

Компонент, выраженный прилагательным, не может иметь форм степеней сравнения. Более того, некоторые устойчивые словосочетания употребляются только в строго фиксированной грамматической форме.

Баш тешмек – продырявить голову.

На лексическом уровне не допускает перемены компонентов. Управляющий глагольный компонент ограничен в выборе форм залога, он не может выражать и различные лексико-грамматические оттенки, с некоторыми вспомогательными глаголами вовсе не сочетается.

Тенденция дословно переводить составные части фразеологизмов нередко приводит к неточностям и даже курьезам.

В крымскотатарском языке, так же как и в других языках, есть такие фразеологические обороты, которые свойственны только крымскотатарскому языку. Однако есть и такие фразеологические обороты, которые отличаются только фонетическим оформлением. В крымскотатарском языке:

Акъкъан сувлар токътар – проточные воды остановятся.

Балтаны ташкъа урмакъ – бить топором по камню.

Джеби тешик – карман дырявый.

Дёрт къолнен къучакъламакъ – четырьмя руками обнимать.

В турецком языке:

Акан сулар дурур – совершить невозможное.

Балтаи таша вурмак – заниматься бесполезным делом.

Джеб делик – бедняк.

Дёрт элле сарылмак – сильно обнять.

Подобрать к крымскотатарским фразеологизмам турецкие (и наоборот) очень просто. Вот примеры соотносительных крымскотатарско-турецких фразеологизмов:

Тапкъан сайын курсемек (кр. тат) – как найдет, бесится; беситься с жиру.

Миннет ве шукретмиёр (тур) – не ценит того, что есть; беситься с жиру.

Чалкъадан йыкъылмакъ (кр. тат) – упасть на спину; проиграть.

*Сырт устю дюшмек (*тур*)* – упасть на спину; проиграть.

Союлгъан танадай окюрмек (кр. тат) – как резаный теленок орать; очень громко кричать.

Богазланмиш дана гиби багириёр (тур) – как резаный теленок орать; очень громко кричать.

Турецкий язык является одним из самых близких языков к крымскотатарскому, поэтому и фразеология крымскотатарского языка имеет много общих черт с турецкой фразеологией.

К этому убеждению мы пришли, изучив работы ведущих турецких ученых. Хотя турецкая лингвистическая литература богата различными сборниками фразеологического содержания, материалы в них, как правило, включались без дифференциации, поэтому они охватывали обычно, кроме пословиц и поговорок, также афоризмы, формулы благословения, собственно фразеологизмы и другие самые разнообразные устойчивые сочетания, в том числе и идиоматические выражения.

Первым, дошедшим до нас сборником такого рода, является по видимому, “Atalar sözü”, составленный в 1480 году неизвестным автором. Позже, в 1547 году, Мустафой эфенди был составлен персидско-турецкий фразеологический словарь.

В XIX веке появляется ряд интересных сборников: “Durubi emsali osmaniyye” (1870), Şinasi, Ebüzzıya (1885).

Значительно позднее были изданы: “Atalar sözü” (1939) Сади Киримли, “Atasözleri ve deyimler” (1965) Омера Асима Аксоя. Каждый из этих сборников имеет свои особенности. От издания к изданию заметно улучшалось их техническое оформление, повышался научный уровень.

Из словарей, изданных за последние годы особо стоит, отметить словарь Кемаля Эйубоглу, состоящий из двух книг.

Первая книга в основном включает пословицы и поговорки. Приведем из нее несколько примеров:

Bülbül ağlar, gül güler (С. 51) (досл.: Соловей плачет, роза смеется)

Bitmez iş olmaz (С. 47) (досл.: Нет дела, которое не имело бы своего завершения)

Eçeli gelen köpek çobanın ekmeğini yer (С. 82) (досл. Собака, которой пришло время сдохнуть, съедает хлеб пастуха)

Во второй книге помещены собственно фразеологизмы и другие устойчивые сочетания различного характера:

Bağrı yanmak (С. 45) – изнывать от жажды.

İnsan oğlu (С. 260) – подлинный человек.

Bir ağızdan (С. 304) – быть в настроении.

Здесь же приводятся формы проклятий и благословения:

Ağzından yeller alsın (С. 10) – чтобы его черт побрал.

Başin sağ olsun (С. 61) – будь здоровым.

В сборнике имеется немало и однословных выражений:

Afsunlamak (С. 5) – колдовать.

Yolunmak (С. 436) – быть ощипанным.

Заслуживают быть особо отмеченными в словаре материалы по исторической фразеологии турецкого языка:

Yüz suyu dökmek (С. 448) – опозорить.

Kenara çekmek (С. 300) – отодвинуть.

Dünya gözüme dar olmak (С. 150) – сильно страдать.

Словарь построен по алфавитному принципу. Источником для него послужили письменные памятники турецкого языка.

В первой книге приведены 6840 пословиц и поговорок из произведений 714 авторов.

Более капитальной как по объему, так и по охвату материалов является вторая книга, включающая фразеологизмы. Здесь собрано 11112 фразеологизмов с 13526 подтвердительными цитатами.

Выводы и перспектива. Фразеологический словарь Кемаля Эйубоглу – самый большой из существующих в тюркологии, он охватывает примерно 600-летний период.

В конце книги даны два указателя, содержащие ценный материал источниковедческого характера.

Толковый словарь фразеологизмов Сабахата Эмира интересен тем, что в нем встречаются формулы проклятия и благословения:

Ağzı kurusun (С. 47) – Пусть рот высохнет.

Allah akıl versin (С. 60) – Пусть Аллах образумит.

В словаре Х. Фетхи Гёзлера отмечены редкие фразеологизмы:

Kanına ekmek doğramak (С. 232) – Радоваться чужому горю.

Особо следует отметить работы Омера Асима Аксоя, который четко разграничивает пословицы и поговорки от фразеологизмов.

В целом работы турецких ученых представляют значительный интерес с точки зрения тюркской фразеологии.

Литература

1. Бабкин А.М. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода / А. Бабкин. – С.–Птб. : Квотам, 1994. – 408 с.

2. Винокур Г.О. О языке художественной литературы / Г. Винокур. – М.: Высш. шк., 1991. – 448 с.

3. Гужва Ф.К. Лексика и фразеология русского языка / Ф. Гужва. – Киев: Вища шк., 1982. – 184с.

4. Даибова К.Ф. Фразеология кумыкского языка / К. Даибова. – М. : Наука, 1973. – 23 с.

5. Ершова–Белицкая Л. Фразеологические единицы как семантическая структура / Л. Ершова-Белицкая. – Ростов–на–Дону, 1971.

Куртсеїтов А. М. Книжкові та розмовно-побутові фразеологізми / А. М. Куртсеїтов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 200–205.

У статті узагальнено результати багаторічної наукової та викладацької роботи. Розглянуто численні праці мовознавців, які досліджували фразеологію, твори письменників та тексти виконавців кримськотатарського фольклору, давні і сучасні періодичні видання.

У роботі загальні та специфічні фразеологічні засоби систематизовані в декількох аспектах, а також дано тлумачення великої кількості фразеологізмів, що відносяться, зокрема, до історії та етнографії. Широко використано описовий, порівняльно-історичний, структурний методи дослідження, що сприяло поглибленому аналізу кримськотатарських фразеологізмів.

Фразеологічні звороти разом зі словами становлять одну з істотних сторін мови, є як його будівельними матеріалами. У сучасній кримськотатарській мові є такі поняття, які виражаються тільки фразеологічними одиницями, їх значення можна передати не інакше як цілим комплексом словосполучень.

Ключові слова: фразеологія, фразеологічна одиниця, словосполучення, семантика, ідіома, кримськотатарська мова.

Kurtseitov A. M. Bookish and common idioms / A. M. Kurtseitov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 200–205.

The paper summarizes the results of many years of research and teaching work. Examined numerous works of linguists, who studied rhetoric, the work of writers and artists of the Crimean Tatar folklore texts, ancient and modern periodicals.

In general and specific phraseological tools are summarized in several aspects, as well as the interpretation given to a large number of idioms relating, in particular, to the history and ethnography. Widely used descriptive, comparative- historical, structural research methods that facilitate in-depth analysis of the Crimean Tatar idioms.

Turns of phrase, along with the words, constitute one of the essential aspects of the language, are like his building materials. In today's Crimean Tatar language there are concepts that are expressed only in phraseological units, and their value can be passed only as a whole set of phrases. For example: bash tartmak – refuse, word for word. pull your head; yureginde tash olmak – much to experience, word for word. be at the heart of stone; ak Suyek – blue blood, word for word. white bone, etc.

Idioms, though, and are resistant in semantics and composition, reproduced in some form units in the operation of a system of language undergo some changes. At the moment it is not possible to reveal all the semantic and structural changes that have occurred in the historical development of idiomatic fund Crimean Tatar language. Therefore, the disclosure of certain semantic and structural changes in phraseology will be based mainly in synchronous plan.

For example, nouns: es – consciousness, memory and use – a sense, using verbs, take different case endings and form options phraseological expressions:

Esi ketmek – faint; research etmek – feel.

The issue of semantic and structural transformations of phraseological units directly connected with the practical problems of lexicographic treatment of these units. Proper filing of phraseology in entries intelligent and phraseological dictionaries depends on the resolution of the problems of variance, the most accurate compositional phrases and forms of their components.

Crimean Tatar idioms created in many cases based only on their intrinsic images, and because of their individual nature can co-exist with other equivalent units of the internal form. Idioms such complexes are usually used for events that sphere of reality, which displays the character calls for a different emotional relationship.

The word, whatever it was metaphorical, does not create the same tactile imagery, which has idiom.

At the same time, a large number of Crimean Tatar phraseology does not synonymous or close in meaning to the expression him, and acts as one single nominative-representational unit. In today's Crimean Tatar language there are concepts that are expressed only in phraseological units, their values can be transferred except as a whole set of phrases.

Key words: phraseology, phraseological unit, the phrase, semantics, idiom, the Crimean Tatar language

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 206–217.

УДК 811.512.145 276.6:34

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ БУЛГАРСКОГО ХАНСТВА «MAGNA BULGARIA»

Умеров Э. Ш.

Юридическая служба «Омер-Бекташ»
E-mail: edie70@mail.ru

В работе рассматривается, на основе «Хронографа русской редакции» и сделанных из извлечений из «летописца Эллинского и Римского» на стр.25-27, переведенной со старо-церковно-славянского языка проф. А. Поповым, и исследованный акад. А. Куником и проф. В.В. Радловым, «Именник булгарских хаганов», язык булгар государства «Magna Bulgaria», в период с IV по VIII вв. н. эры, на территории Северного Причерноморья, Северного Приазовья и Крымского полуострова. Исследования лексики, имен и титулов «Именника булгарских хаганов», указывают на прямое отношение языка древних булгар к древнему чувашскому языку.

Ключевые слова: булгарское ханство «Magna Bulgaria, «Хронограф русской редакции», «летописец Эллинский и Римский», «Именник булгарских хаганов», Ботпай хан, род Дулу – Дуло, род Ашина, «алтом= алт-ом – алтан – (шестьдесят), «шехтем – шехт-ом-саксан (восемьдесят); «вечем = ве – ом – учон (тридцать), «тутом – тортон (сорок); «алеем = ал- ем – еллир -«пятьдесят»; «твирем – йигирма (двадцать); «текучетем – теку – четем -семьдесят девять; «шегор = саккыр = сегыз; куньми – шаньюй – каган; сяньбийцы рода «цифу»; Забер хан -Ча-быргъан или Чакъ бэргэн – дарованный временем.

Постановка проблемы. Исследуя проблему древней истории образования и развития крымскотатарской государственности и права во времена существования в Северном Причерноморье, Северном Приазовье и Крымском полуострове булгарского ханства, именуемого в источниках «Magna Bulgaria», а также учитывая, что одним из важнейших критериев государственности является наличие в исследуемом государстве государственного языка, принимая во внимание то, что вопрос принадлежности государственного языка в одном из последних наших исследованиях остался удовлетворительно неисследованным.

Вопросы языка древних булгар IV – VIII вв. в Северном Причерноморье, Северном Приазовье и Крыму, был предметом изучения целого ряда ученых России и за рубежом в 18-19 вв., которые, в своих исследованиях, относили булгар хана Кубрата и хана Аспаруха, и *к ираноязычным*, и *к финно – угорским,* и даже *славянским племенам*. Мы не будем здесь, в связи с ограниченным объемом статьи, приводить работы русских ученых – Венелина, Иловайского, Костомарова, и др., разрабатывавших тезис славянства древних булгар, отметим лишь, что этот тезис не нашел своего подтверждения в дальнейшем. Например, А.Ф. Гильфердинг в своей работе «История сербов и болгар» [3, 3-14], указывает о финно-славянском происхождении и финно – славянском языке исследуемых нами древних болгар государства «Magna Bulgaria», хотя и пишет о тюркских обычаях, укладе и быте древних булгар [3, 25-

27]. И. Иречек, в своей обширной «Истории Болгар», изданной в 1878 году, неуверенно, но относит булгар к финской группе языков, при этом, подчеркивая *их тюркоязычие*, пишет – «*в 517 году н.эры, вместе со славянами явились на Дунай неславянские Болгаре, финские или тюркские номады, которых не следует смешивать с нынешними Болгарами*» [9, 103]. Викентий Макушев, написавший большую рецензию на работу Иречека И., пеняя Иловайскому, указывал о том, что. – « (…)…*таким образом, опровержение, представленное г. Иловайским, тюрко-финской теории оказывается неудачным, а его доказательства в пользу славянского происхождения Болгар следует признать несостоятельными и произвольными* (…)» [11, 278]. Н. Овсяный, также не берется четко определить язык древних булгар, считая, что – «*вопрос о происхождении болгар, появившийся в науке в конце XVIII века, вызвал целую литературу, но и до сих пор в нем остается много противоречий и невыясненных сторон*. Рассказывая о сделанных исследованиях в этой области, тем не менее, Н.Овсяный, отмечая работы Гильфердинга, Голубинского, Соколова, Туннмана, Канитза и др., указывает о том, что. – «*их* (булгар – Э.У.) *следует отнести к семье финно-уральских или татарских народов*» [15, 1]. Первым, из русских ученых, занимавшихся болгарской проблематикой, отметил их тюркоязычие, был Матвей Соколов, который пишет, что. – «*Последних* (булгар – Э.У.) *многие несправедливо относили к финскому племени, между тем как они принадлежат к Тюркам, и притом, как думает Куник, к Старо – Тюркам, пришедшим в Россию за долго до нашествия Монголов. (…) Если бы такая точность в определении родства исчезнувших Болгар с Тюркскими племенами оказалась и не совсем правильной, то во всяком случае остатки языка Болгар несомненно свидетельствуют об их тюркском происхождении*» [22, 92]. Наконец, проф. К. Рот, в 1908 году опубликовал свое исследование, посвященное истории славян, в котором орды хана Аспаруха, сына Кубрат хана, прямо называет *потомками турко-татарских завоевателей* [20, 10]. Перечисляя дореволюционных исследователей, не могу, не упомянуть о проф., Е. Голубинском, который в своей работе указывал, что. – «*этими* (булгарскими – Э.Умеров) *завоевателями были родичи гуннов и угров и вообще народ урало-чудского племени – болгары*, *придоша от Скуф, рекше от Козар, рекоміи Болгаре, седоша на Дунаи, населници Словеном быша*» [4, 3]. Другой проф. П. Голубовский, разрешая вопрос о языке булгар, не приходит к единому мнению, относя булгар то к чуди, то есть, финскому племени, то к тюркскому племени [5, 3]. Тем не менее, в середине второй половине XIX в., зарубежными и русскими учеными, в большинстве своём, были сделаны первые шаги в подтверждение мнения о болгарском происхождении чувашей. Это обстоятельство, учитывая, что чуваши являлись тюркоязычными, уже прямо указывало на тюркоязычие древних булгар всего Северного Причерноморья и Приазовья.

Немного ранее, в 40-х гг. XIX в., чешский ученый П. И. Шафарик, ссылаясь на данные исторических источников, заключил, что *чуваши – потомки волжских болгар* [24, 269]. В 1863 г. татарский ученый мулла Хусейн Фейзханов выступил в печати со статьей «Три надгробных болгарских надписи», в которой представил научной общественности результаты расшифровки *болгарских эпитафий чувашскими словами* [25, 395-404]. Вскоре и крупный ориенталист Н. И. Ильминский опублико-

вал статью о *чувашских словах в болгарском языке*[8, 80-84]. После публикации в 1866 г. «Именника болгарских царей», академик А. А. Куник заявил в печати, что в чувашах он видит остатков волжских болгар, что чуваши, *«задолго до вторжения татар»*, поселились в Среднем Поволжье, наконец, что с *чувашами связаны «хагано – болгары на Дунае, черные болгары на Кубани*» [10, 118-161]. Венгерский ученый Б. Мункачи, который в 1887–1894 гг. опубликовал три статьи о болгаро-чувашских словах в венгерском языке и подтвердил выводы академика А. А. Куника [36, 467-474]. В 1897 году финский ученый Х. Паасонен издал труд «Тюркские слова в мордовском языке», в котором рассматривал, главным образом, *чувашские заимствования, свидетельствующие о болгарском влиянии* [38, 1-64]. В написанном в 1904 г. труде «Волжские болгары» И. Н. Смирнов пришел к выводу, что *болгарский язык – древнечувашский язык, Волжская Болгария – древнечувашское государство, болгарская культура – древнечувашская культура* [21, 64-80].

Исследования по языку булгар, послереволюционного периода, практически, остаются неизменными, вплоть до конца 20 столетия, за исключением того, что исследуемый нами *древнебулгарский народ*, в советской, да и болгарской науке, *стал ираноязычными*. Этому служили следующие обстоятельства. Известно, что в годы Великой Отечественной войны нападение фашисткой Германии на СССР стали сравнивать с монголо-татарским нашествием. В таких условиях 9 августа 1944 года, ЦК ВКП (б) принял постановление «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». В нем была подвергнута критике идеализация татарскими историками и литераторами тюркского государства Золотой Орды и имелось предупреждение: *не сметь увязывать историю и культуру татарского народа с Золотой Ордой.* Очевидно, поэтому, до настоящего времени, в АН Болгарии преобладает точка зрения, согласно которой, булгары государства хана Кубрата «Magna Bulgaria», и государства его сыновей – хана Аспаруха, Батбаян хана, Курум хана, являлись ираноязычными.

В 70-80 -е годы XX в., карачаевский филолог, ученый С.Я. Байчоров, собрал, классифицировал и расшифровал северокавказские болгарские наскальные рунические письмена с особенностями чувашского типа р – языка. Исследования С. Байчорова позволяют говорить, что рунические знаки Восточной Европы и древнешумерский язык, близки к буквам уйгурской классической письменности Центральной Азии (70 – 80-е гг. XX в.). В то же время лексика карачаевско-балкарского языка сходна, с одной стороны, с лексикой древнетюркской письменности памятников Орхона и Енисея – *Кюль – Тегину* и *Бильге Кагъану*, а с другой, эта же лексика сходна с шумерской лексикой Ближнего Востока [2, 123-151].

Таким образом, учитывая родство карачаевского и балкарского языков с крымскотатарским, в сравнении с «Опытом словаря тюркских наречий», незабвенного проф. В. В. Радлова, где стержневым и связующим для упомянутых языков является известный крымскотатарский словарь – Кодекс Куманикус, написанный в 1287-1303 гг., в г. Солхате (совр. г. Старый Крым), и сохранившийся в книжке стихов поэта Петрарки, в библиотеке монастыря Святого Марка в Италии, можно говорить и родстве булгарского государственного языка «Magna Bulgaria» с современным крым-

скотатарским языком. Отметим, лишь, что этот аспект требует дополнительного и специального исследования. Взглянем на этот аспект с точки зрения археологии.

Как известно, Саркел – единственный исследованный город, выстроенный и заселенный народами, создавшими салтово-маяцкую культуру, является несомненным хронологическим эталоном для всех средневековых памятников юго-востока Европы. Так утверждает археолог С. Плетнева [17, 2]. О единстве салтово-маяцких памятников р. Дон и, практически, всего Приазовья, М. И. Артамонов писал ещё в 1940 г., когда после раскопок Саркела, пришёл к заключению, что культура этого города совершенно идентична культуре строителей белостенных крепостей верховьев Северского Донца и Дона. Крепости эти М. И. Артамонов считал *феодальными замками* [17, 3]. Согласно мнению С. Плетневой, вывод М. И. Артамонова заключается в следующем: – *«народы, обитавшие в Подонье и Приазовье в VIII-IX вв., представляли собой конгломерат различных, взаимовлияющих друг на друга племенных групп, состоявших в основном из ираноязычных аланов и тюркоязычных болгар. Причём, тюркский язык, судя по одинаковым надписям на камнях Маяцкого городища и на баклажках, найденных на нижнем Дону, был распространён по всему Подонью и на аланских лесостепных, и на болгарских степных поселениях, и в кочевьях* [17, 4]. Результатом исследовательских работ археолога И. И. Ляпушкина, по мнению С. Плетневой, явилась большая статья, в которой впервые была создана классификация салтово-маяцких памятников (городищ, поселений, жилищ и погребальных комплексов). Источниковедческий подход к археологическому материалу позволил И. И. Ляпушкину сделать ряд выводов, главнейший из которых заключается в разделении салтово-маяцкой культуры р. Дон на два варианта – *северный* и *южный* [17, 5]. *Северный вариант* характеризуется городищами с каменными стенами, поселениями осёдлых племен, жилищами-полуземлянками и катакомбными могильниками аланов – выходцев с Северного Кавказа, *долихокранов – европеоидов; южный вариант* – обширными городищами, укреплёнными земляными валами, жилищами-юртами и ямными могильниками, в которых похоронены *брахикраны – европеоиды*, относящиеся к той же *антропологической группе*, что и покойники из *праболгарского могильника* у села Нови Пазар (в Болгарии) и *болгарских волжских могильников* у сёл Кайбелы и Большие Тарханы. Аналогично разделил салтово-маяцкую культуру и Н. Я. Мерперт, работавший над классификацией погребальных обрядов и вещей Салтовского могильника и раскопавший в 1957 г. *древнеболгарский* могильник у с. Кайбелы[17, 6-7]. Не подлежит сомнению, писала С. Плетнева, что в целом такое деление культуры имеет достаточно оснований. Как указывает И. И. Ляпушкин. – *все памятники южного варианта относятся к праболгарам. Юго-западная граница* культуры, как и *северная*, вырисовывается довольно определённо. На Таманском полуострове к ней относятся средневековые (VIII-IX вв.) слои Таманского городища и Фанагории. Памятники этого типа заходят и в Крым. Следует отметить большую каменную плиту, обнаруженную и описанную в 1925 году О.Акчокраклы, потерянную, и вновь, через 70 с лишним лет, обнаруженную братьями Александром и Андреем Ена, в 2011 году, в районе старого села Абузлар в Крыму, на которой сохранились рунические знаки и тамги, среди которых мы можем указать на тамгу булгарского рода Дуло[7, 6-7].

Таким образом, вся степная полоса от Волги до Дуная была занята, по-видимому, народами, создавшими салтово-маяцкую культуру. Разумеется, на всей этой громадной территории салтово-маяцкая культура была далеко не однородной. Она распадается на несколько вариантов, количество которых увеличивается по мере роста наших знаний. Сегодня, пишет, археолог С. Плетнева, в 1967 году, мы уверенно можем говорить о *семи вариантах* одной той же *культуры*: *средневолжской, дунайской, дагестанской, крымской, приазовской, нижнедонской и верхнедонской* [17, 7-8].

Через двадцать лет, болгарский ученый Д. Димитров, в своей монографии «Протобулгары северного и западного Черноморья», в 1987 году, пишет буквально следующее. – «Наиболее смутным представляется местоположение реки – Чдар – болкар, её помещают и в бассейны *Big Rombit* или р. Дон, и в восточной части Крымского полуострова, и на севере Дагестана. И, что примечательно, в каждом из четырех названий рек слово *«Булгар»* имеет разные формы. По мнению Д. Димитрова, эти обстоятельства являются неоспоримым доказательством существования *диалектных особенностей* (подчеркнуто нами – Э.У.) у различных древнебулгарских племен, отразившихся даже на *их* общем *этнониме* [6, 7-8].

Важнейшим источником для изучения языка булгарского ханства «Magna Bulgaria» является древнейший из письменных источников по истории булгарских ханов – *«Именник булгарских хаганов»*. В 1866 году проф. А. Н. Попов, в числе текстов рукописей «*Еллинского летописца»*, опубликовал один из важнейших документов по древней истории булгарского ханства – *«Именник булгарских каганов»,* имеющий неоценимое значение для науки истории крымскотатарского государства права. Поэтому, проф. А. Н. Попову, крымскотатарская наука истории государства и права, обязана разъяснением этого вопроса. В двух рукописях, носящих заглавие: *«Летописец Эллинский и Римский»*, нашел проф. А.Н.Попов отрывок родословия дунайских Хагано-Булгар. При именах ханов обозначены церковно-славянскими цифрами продолжительность правления и на каком-то неславянском языке продолжительность жизни каждого кагана [18, 25-27]. Вот как описывает свои размышления А. Куник во время изучения *Именника*. – «*При ближайшем сравнении этих болгарских чисел с числами Якутов, османов, Восточных Тюрков и т.д., встретилось поразительное сходство в звуковом отношении, но в то же время встретились и значительные различия. Тотчас же возникла у меня мысль, что все тюркские народы с нынешнего времени должны делиться по своим языкам на две главные отрасли, из которых одна уже во время нашествия Гуннов (или даже до Аттилы?) проникла далеко в Европу*» [10, 122]. «*Шафарик, правда*. – продолжает А.Куник. – *был на верной дороге, и лучше чем его предшественники выяснил тюркское происхождение коннаго народа, смешавшагося, впоследствии со Славянами, но он внёс в этот вопрос неисправимую путаницу, назвав Болгар урало-финским народом и отнеся другие родственные им племена к отрасли «уральской Чуди*» [10, 123]. *«Велико число тех, которые в продолжение последних десятилетий,* -пишет А.Куник. – *считали фенское происхождение Хагано-Болгар за окончательно решённый вопрос.(…) В особенности не мало содействовал увековечению этой галлюцинации привратный взгляд на происхождение Мадъяров (…]. Точно также останется не-*

опровержимым в историческом отношении и то, что Мадъяры были покорены тюркскою ордою и под ея влиянием в степи преобразовались в конный народ» [10, 125]. Исследуя «Именник…», А. Куник, отметил интересную особенность относительно существования у древних булгар собственного письма. *«В пользу предположения транскрипции славянского текста с греческой рукописи следует привести форму «верени» (смотрите имя 6-го кагана), предполагающую византийскую форму «Вер». Не воспользовались ли*. – вопрошает А. Куник. – *в известных случаях, по переходе через Дунай, болгарские хаганы греческим шрифтом? Допустить это возможно, так как и Славяне, до изобретения славянского алфавита, употребляли, хотя и в крайне редких случаях, греческие буквы. Равным образом можно допустить, что Болгаре – язычники, имели и своё собственное письмо ещё до перехода через Дунай. Эн – Недим, сообщивший нам сведения о письме Руссов (язычников?) 10 века*, *упоминает также о письменности (языческих?) Болгар*. В одной из следующих глав, этой работы, А. Куник ещё раз возвращается к этому предмету и сообщает сведения об алфавите одного гуннского племени (Черных Болгар?) на Кавказе, встречающиеся у одного древняго сирийского писателя» [10, 127]. Большая часть ханских имён, упоминаемых в булгарском Именнике, известны нам из Византийцев, которые естественно только тогда вспоминали о булгарских хаганах, когда эти последние подавали к тому какой-нибудь особенный повод. «*Так как хронологически указания Византийцев о вступлении на престол упоминаемых ими хаганов вполне согласуются с преемственной росписью хаганов в Именнике, то этим бесспорно подтверждается правдивость показаний Именника»*. – пишет А.Куник [10, 128]. Особенного внимания заслуживает известие Именника, что *восемь ханов или султанов были из рода Дуло*. Это известие подтверждают и византийские писатели 9-го столетия, Феофан Исповедник и Никифор Патриарх [10, 17-168]. В этом отношении сошлемся на бесценные сведения Н. А. Аристова, который прямо указывает о роде Дуло. – «*имя Ботпай встречается в сказании византийского историка патриарха Никифора о разделении болгарской орды, (…) правление Ирника, то есть Ирнака (это несомненно тюркское имя, у енисейских киргизов князь Ернак стоял во главе третьего поколения киргызов, боровшихся с русскими) сына Аттилы, без сомнения должно быть также почитаемо (первой) династиею, вторым периодом политической жизни хуннов и дулатов на западе. С Курта видимо начинается, около 574 года, третий период, в котором во главе остатков хуннов стало племя дулу, старейшины котораго делаются наследственными болгарскими князьями* [1, 350-351]. *«На основании данных Именника болгарских князей*. – пишет Н. Аристов. – *и других обстоятельств, можно полагать, что род д у л у вероятно существовал до Рождества Христова, потому что часть его во II столетии после христианской эры укочевала вместе с хуннами от пределов Китая, из нынешней западной Монголии, в киргизскую степь и затем разделила судьбы гуннов, после же распадения царства Аттилы вожди дулу стали во главе той части болгар (союза гуннских и отуреченных угро-финских родов), которая основала болгарское царство за Дунаем*» [1, 351-352].

Вернемся к Именнику. 15 марта 1866 года, академик А. Куник, направил письмо в Барнаул, профессору В. В Радлову, с целью ознакомить его с открытием проф.

А. Попова, рассказав также и о своём беглом определением этого открытия. В ответ на его просьбу подвергнуть при досуге его мнение и взгляды проверке, В. В. Радлов прислал А. Кунику, 10 февраля 1867 года, из Барнаула сравнительную таблицу числительных имен различных тюркских народов. В своем письме к академику А. Кунику, В. В. Радлов писал. – *«Согласно желанию Вашему пытаясь объяснить болгарские числа и сравнить с числами известных мне тюркских наречий я пришел к следующему выводу, (...), что эти числа принадлежат народу, говорящему на тюркском наречии и что это наречие очень близко к чувашскому*» [10, 139-142]. 1) «*алтом= алт-ом* есть, без сомнения, алтайско-татарское – *алтан – (шестьдесят*), так что *алт=алты* должно иметь значение чувашского *алта (шесть*); 2) *«шехтем-шехт-ом*-алтайское *саксан (восемьдесят*) так что *шехт* должно бы означать *«восемь»* или как показывают числа *шехт-щегор* (правильнее было бы, без сомнения *шагор* или *шегар*), к которому всего ближе стоит чувашское *саккыр»*; 3) *«вечем=веом*, вероятно, соответствует алтайскому *учон (тридцать*), так что *веч=уч* должно бы означать *три.* Весьма близко к слову *веч* чувашское *висе. Тридцать* по чувашски *вутур»;* 4) *«тутом*, конечно, ничто иное, как алтайское *тортон (сорок*); *торт* соответствует следовательно форме *тут,* при чем опущено *р.* Это обстоятельство заслуживает тем менее удивления, что в чувашском *дватта (четыре) р* выпущено. В единицах болгарских чисел мы находим *дван (четыре)*, которое мы тоже должны сопоставить с *дватта* и *торт*. Здесь обращает на себя внимание замена звука *н* звуком *т.* Быть может, прежде оно и произносилось *двант*, так что гласная *у* в слове *тутом* произошла из *ва*»; 5) *«алеем=ал-ем* стоит, как кажется, близко к тюркскому *еллир* и к чувашскому *алла*, и означает, следовательно, *«пятьдесят»;* 6) *«твирем* мог бы я сопоставить с татарским *йигирма(двадцать),* по киргизскому *йирме*, по телеутскому *йигирме (тийгерме)* произносится *чэгэрбэ*. Правильнее было бы писать это слово *тивирем»;* 7) *«текучетем* самое загадочное изо всех чисел. Я полагаю, что это не простое, а сложное число, которое надо писать так *теку-четем*; означает же оно *семьдесят девять*, так что слово *тегу* соответствует слову *тох,* то есть *девять,* а слово *четем* означяает *семьдесят-четтен* алтайское, при этом *чет* обозначало бы *семь* и с ним можно было бы сопоставить чувашское *сичча»;* 8) *«шегор =саккыр=сегыз*, смотри *шехтем; дван=дватта-торт*, смотри *тутом*; *дилом=билом-пилик*, смотри *алеем; верени,* конечно же ничто иное, как татарское *бир,* чувашское *пер,* можно предположить, что у Болгар это число произносилось *бер* или *бере*; *дохс, тох, теку* без сомнения происходит от татарского *тогус (девять)* и произносилось, как должно полагать по аналогии с *шегор,* первоначально *токор*, по чувашски *девять = тукур, девяносто,* по всей вероятности, произносилось (по аналогии с *шехтем) тохтом*; *сомор*- здесь мы не находим подобия в тюркских языках, так как сопоставить *сомор с йигир* из *йигирми* было бы, по моему мнению, несколько рискованно, хотя якутское *сюрбэ* и могло бы служить здесь переходом из чувашского *сирим* так же смело было бы привести здесь монгольскую форму *хуйар»*. В заключение, приведя все добытые результаты в виде таблицы, проф. В. В. Радлов писал. – *«Вот результаты моих изысканий; чувствую сам всю неудовлетворенность их. Тем не менее, я надеюсь, что они вполне достаточны для того, чтобы*

подтвердить Ваше мнение о тюркском происхождении болгарских чисел и о близкой связи их с чувашскими числами» [10, 142-143].

Наиболее древние титулы правителей кочевых народов – *царь* у скифов, *куньми* у усуней, *царь царей* (*шах ин шах*) у юечжи в период их правления в Кушанском царстве, *шаньюй* у гуннов – не стали традиционными у восточноевропейских булгар. В III в. у сяньбийцев появился титул государя – *каган.* Как полагает Габриель Моле. – «титул *каган* появился среди сяньбийцев группы *«цифу»* во второй половине III в. н. эры, постепенно заменив у народов Центральной Азии и Восточной Азии, гуннский титул – *шаньюй»*. Канадский исследователь Пуллиблэнк полагает, что впервые, титул *кагана* принял один из правителей рода *«туюйхуней»* в 285 году. Он же, указывает, что китайские источники дают противоречивые сведения о времени появления титула *каган,* называя первым каганом, также, Шулюганя, около 405 года, или, Куалюя, VI века, или просто отмечая, что «во времена Вэй и Чжоу их государи стали зваться *каганами*». Г. Е. Марков, полагает, что титулы *каган* и *хан* – это титулы *«правителей земледельческих государств»* [12, 68]. Это мнение подтверждается мнением Ф.Энгельса, который считал, что основой феодализма было земледелие, и завоевательные походы его по существу имели целью приобретение земель [28, 408]. Применительно, к Северному Причерноморью, если учесть, что первое упоминание о племенах оногуров, входивших в состав империи гуннов, мы находим у Приска [19, 108], под 461-465 гг. н. эры, а конкретно, о оногурских государях – *Забер хане (Ча-быргъан или Чакъ бэргэн* – дарованный временем), *Сандил хана (Сантиллик* – одарённый многой, разнообразной речью), правительнице *Акъкъагъас,* о которых упоминает Менандр, [19, 109]. наконец, приняв во внимание, «Именник булгарских каганов» [18, 25-27], ведущий своё начало, с конца 1 века н. эры, мы должны признать, что титулы *хана, кагана и катунь*, как институт государя кочевого государства «Magna Bulgaria», применялся, на территории от р.Волги до р.Дуная, уже в конце I – начале II вв. н. эры. Титул кагана был у правителей жуаньжуаней, предтечи аваров и Аварского каганата в Восточной Европе. Полный титул кагана – *«цю доу фа кефань»,* что в переводе с жуаньжуаньского языка на китайский язык, означило – *«правящий каган, приведший к расширению (пределы страны)»,* приведенная этимология соотносится и именем Кубрат хана. Каганы имели пространные титулы – *«юйчен-каган» – «милостивый каган»,* который, согласно исследованиям Э. Ш. Меметовой, правомерно, соотнести, с выражением *«юдже Алла»,* в современном крымтатарском языке, в значении – *«милостивый Аллах» [*13, 12-21]. или, что также соотносимо с *«ути-каган» – «божественный каган»,* приставку *«ути» – «божественный»*, что, по – нашему мнению, корректно соотнести с приставкой *«ути»,* в этнониме *«ути-гуры»,* названии одного из племенных союзов уйгуров – *«божественные уйгуры»,* отвечая на вопрос В.В. Радлова, высказанный им, во фразе. – «*мы принуждены остановиться на том, что* «от» *или* «ут» *есть атрибутивная приставка, однако, определить ее смысл трудно» [*19, 110]. Сведения о титуле кагана у тюрков дал П. Б. Гольден: *«Каган* – хорошо известный алтайский титул, значащий *«император»,* эквивалент византийскому – *«базилевс»,* со всем тем, что предполагает претензии на универсальное правление. Очевидно, потому что, *каган считался святым,* и его обязанности включали ряд *шаманско-религиозных* функ-

ций. Вера в это проявилась в ряде церемоний, таких, как *ритуальное удушение тюркского кагана, хана во время его инвеституры* (обычай сохраненный хазарами Хазарского каганата, кыпчаками ханства Дешт -и- Къыпчакъ, ханами Золотой Орды, ханами Крымского ханства, династии Гираев – Э.Умеров), участие кагана в церемониях предсказания будущего и взгляд на кагана как на символический, приносящий счастье, амулет, нужный для благополучия государства. Как это ясно засвидетельствовано орхонскими надписями, *каган правил по мандату Неба,* благодаря чему, каган, был источником всех законов и творцом политики. Титул *кагана* был подобен древнему титулу – *шаньюй.* Жена *кагана* имела титул *катунь* [27, 83-85].

Имя правительницы (катунь) сабиров *Боарикс,* связывается с названием реки, у которой они обитали, и, может быть, происходит от него. Моравчик приводит также славянскую форму имени *«Боа рикс»,* где *«Боа»* – имя, *«рикс» – «рекс»* – в значении – *«государь»,* которые указывают, по-нашему мнению, на тюркскую основу, в первом слове – *«Боа»,* которое мы ассоциируем со словом – *«бабушка», «дедушка», «старшая мать»* – старшая в роду, государстве, в форме почтительного обращения у старших – *«бува»* [21, 77-88], что хорошо подтверждается формой английского перевода текста Иоанна Никиусского – *«gueen Boa»* [26, 85], и показывает нашу правоту в части княжеского титула крымской правительницы.

Считаем также необходимым упомянуть об этимологии, встречающегося в «Хронографии» Феофана оногурского и булгарского имени – «*Gorda» [*27, 17]. Д. Моравчик предлагает тюркско-венгерскую этимологию, от *Oyurda – «друг огуров»* и тюркскую этимологию, от слова *«Qurt»* – в значении *«волк»* [35, 114]. Не отвергая точки зрения Моравчика, Ф. Альтхайм приводит также среднеперсидскую этимологию от *«qurd»* – в значении *«герой».* Однако, китайское *«Juan-Juan»* больше соответствовало в древнетюркском языке -слову *«Qurt»,* которое имело значение *«волк»;* потому что волк, был тотемным зверем у тюркютов, в том числе, *западных,* например, волчий ханский род Ашина (*волк)* в Хазарском каганате, кроме того, имя *«Qurt»* встречается в алтайских именах князей [31, 355]. Вариант имени, сохраненный списками «Хронографии» Феофана- *«Кробатун»,* передает, с точки зрения Хауссига, алтайскую форму – *«Qorobatu»,* дословно, *«князь червя»,* так как, *«Quru\Qurt»,* в имени народа или хана объяснимо как замена запретного (тотемного) – *«Qurt»* в значении *«волк»* на обычное *«Qurt»* – в значении *«червь*», аналогичное китайскому *«Juan-Juan»,* в значении – *«волк»* [39, 415]. Д. Немет, сомневаясь в приведенной выше этимологии, видит в форме *«qobrat»* повелительное наклонение от тюркского глагола *«qobran\qubran*», в значении – *«собирать»,* засвидетельствованного коктюркскими и уйгурскими надписями; в связи с чем, имя *«Кувpат»,* по Немету, означает *«ты должен собрать (народ) снова*» [37, 171-174].

Любопытным является значение имени булгарского хана Батбаян, смысл которого, необходимо рассматривать как эволюцию в развитии властной, государственной титулатуры кочевых государств Восточной Европы в IV- VIII вв. Тюркское *«baiyan»,* в значении *«богатый*», часто употреблялось как имя собственное у тюркских ханов [27, 259]. Имя – *«Бат»* у Феофана Исповедника, видимо, следует понимать по аналогии с «*bat»,* в имени хана *Кробат-а*, потому что Г. Хауссиг, переводит его в значении – *«князь» – «Furst»* [39, 430], то есть, *«князь Баян».* Однако, В. Зла-

тарский и Д. Ангелов отождествляют *Батбаян хана,* с известным, по «Именнику булгарских ханов», ханом *Безмером* [33, 196]. Этимология имени *хана Аспарух* рассматривается Д. Моравчиком из тюркско-булгарского *«Esperu x\Esberu x»* [35, 75]. Ф. Альтхайм – Г.Хауссиг возводят это имя, предположительно к алтайскому – *«isparoq*»- в значении *«отряд всадников».* Имя Аспарух известно на Кавказе и в более раннее время, по надписи найденной в Мцхете, и объясняется Альтхаймом – Хуссигом из древнетюркского – *«Isparoq»,* в более точном значении – *«тот, чьё племя (oq) – всадники»* [39, 27-49]. К сказанному, следует добавить и замечание Д. Немета, который склоняется, к более поздней, османо-тюркской этимологии и дает имя *«Аспарух»* хана в значении – *«сокол»* [37, 176-177]. Титул *хана Кубрата*, его сыновой Аспаруха и Батбаяна, правнука Курума, у Феофана Исповедника в его «Хронографии» и Никифора Патриарха в его «Бревиаруме», соответствует термину – *«dominus»,* переданном Анастасием, в значении – *«господин»,* что является обычной формой обращения к византийскому императору [27, 131]. Употребление этого титула в применении к варварским правителям описано у Феофилакта Симокатты, который, называет так *хагана аваров* [40, 257]. Наиболее употребительная формула в отношении к иностранным властителям – *«архонт»*, а к булгарским – *«архонт от бога»,* что находило себе соответствие в византийской титулатуре – *«василевс от бога»,* как именовали византийского императора. Титул *«архонт от бога»,* был официально признан за булгарскими ханами, по мнению В. Бешевлиева, в 814 году, после заключения мира между Византией и Омуртаг ханом (814-831) [30, 294-295, 297], до этого же момента официально признанным титулом был *«архонт».* Подчеркиваем этот аспект в пользу того, что Дунайская Болгарии, как государство, еще в 831 году имеет правителя – хана, а не царя, который – кесарь, появляется, по мнению С. Н. Палаузова, лишь после принятия Борисом христианства, в 861-862 гг [16, 24].

Выводы и перспектива. Настоящее исследование позволяет сделать следующие предварительные выводы:

1. Народы, обитавшие в Северном Причерноморье и Приазовье, на территории Крымского полуострова во II – IX вв., и входившие в состав государства – ханства «Magna Bulgaria», представляли собой конгломерат различных, взаимовлияющих друг на друга племенных групп, *состоявших, в основном, из тюркоязычных булгар и их племенных отделений и колен*.

2. Существование европейских рунических знаков, слов и предложений, в исследуемое время, позволяют говорить о их родстве с руническими надписями Орхона и Енисея, как предшественников слов из словаря католических миссионеров Кодекс Куманикуса.

3. Археологический материал в сравнении с письменными источниками, позволяют выдвинуть рабочую гипотезу о существовании в государственном языке булгарского ханства «Magna Bulgaria» *диалектов булгарского языка*.

4. На основании данных «Именника булгарских хаганов и в соответствии с классификацией тюркских языков В.В. Радлова, Н.Баскакова, можно считать, предварительно установленным, что язык булгарского ханства «Magna Bulgaria» IV – VIII вв.

относится к западной (огузо-печенежской), смешанной в диалектном отношении группе тюркских языков и родственной предтечей языку Кодекса Куманикуса.

Литература

1. Аристов Н. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей / Н. Аристов. – Живая Старина. – вып.3-4. – СПб. – 1896. – 351 с.

2. Байчоров С. Древнетюркские рунические памятники Европы / С. Байчоров. – Ставрополь, 1989. – 340 с.

3. Гильфердинг А. Ф. История сербов и болгар / А. Ф. Гильфердинг. – СПб, 1868 – 274 с.

4. Голубинский Е. Краткий очерк истории православных церквей – болгарской… / Е. Голубинский. – Москва, 1871. – 180 с.

5. Голубовский П. Болгары и хазары … / П. Голубовский. – Оттиск из журн. «Киевская старина». – Киев, 1888. – 43 с.

6. Димитров Д. Протобулгары северного и западного Черноморья / Д. Димитров. – Варна, 1987. – 80 с.

7. Ена Ал. Загадка урочища Абузлар / Ал. Ена, Ан. Ена. – газета «Къырым» – № 66 (1727) – 04 сентября 2013.

8. Ильминский Н. И. О фонетических отношениях между чувашскими и тюркскими языками / Н. И. Ильминский. – СПб, 1865. – Т. V. – Вып. 2. – С. 80 – 84.

9. Иречек И. К. История Болгар / И. К. Иречек. – Одесса, 1878. – 785 с.

10. Куник А. А. О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому «Именнику» / А. А. Куник. – СПб., 1879. – Т. 32. – Кн. 2. – Прил. – № 2. – 161 с.

11. Макушев В. История Болгар в труде К. Иречка / В. Макушев. – ЖМНП, 1878, СПб. – С.239-296.

12. Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология / Г. Е. Марков. – СЭ, 1981. – №4. – 124 с.

13. Меметова Э. Ш. Стилистика крымскотатарского языка / Э. Ш. Меметова. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2001 – 144 с.

14. Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах / Н. Я. Мерперт. – Казань, 1957. – 36 с.

15. Овсяный Н. Болгария и Болгары / Н. Овсяный. – СПб., 1900. – 180 с.

16. Палаузов Н. Век болгарского царя Симеона / С. Н. Палаузов. – СПб. – 120 с.

17. Плетнева, А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / С. А. Плетнева. – МИА – №142 – М., 1967. – 300 с.

18. Попов А. Обзор хронографов русской редакции / А. Попов. – I. II. Москва, 1866. – 700 с.

19. Радлов В. В. К вопросу об уйгурах / В. В. Радлов. – СПб., 1893. – 110 с.

20. Рот К. История Славян / К. Рот. – Часть II. – СПб., 1908. – 138 с.

21. Русско-узбекский тематический словарь. – Ташкент, 1965. – 420 с.

21. Смирнов Н. И. Волжские болгары / Н. И. Смирнов. – М., 1904. – 124 с.

22. Соколов М. Из древней истории болгар / М. Соколов. – СПб., 1879. – 360 с.

23. Rad jugoslavenske Akademije snanosti – Kn. 13. – p.229.

24. Шафарик П. И. Славянские древности / П. И. Шафарик. – М., 1847. – Т. II. – Кн. 1. – 269 с.

25. Фейзханов Х. Три надгробных болгарских надписи / Х. Фйзханов. – СПб., 1863. – Т. IV. – Вып. 5. – С. 395 – 404.

26. Узбекско- Русский словарь. – М., 1959. – 890 с.

27. Чичуров, И. – С. Хронография Феофана, «Бревиарий» Никифора / И. – С. Чичуров. – М. : Наука, 1980. – 220 с.

28. Энгельс, Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств / Ф. Энгельс, К. Маркс. – ПСС. – М., 1961. – 650 с.

Источники на иностранных языках

29. Altheim. Geschichte, II, 285.

30. Besevliew, 700.

31. Doerfer., «Elevente», II, 390.

32. Dolger, «Diplomatik», 490.
33. Златарски, «История», I, 1, 307., Ангелов, «Образуване», 218.
34. Malala, «Chron.», 431.
35. Moravcsik «Byzantinoturcica», II, 190.
36. Munkacsi Berna't., ;«A magyar ne'pies hala'szat münetlve» / / «Ethnographia», 1893. IV. S.510.
37. Nemet. «Произходътъ», 171-174.
38. Paasonen H. «Die Turkischen Lehnworter im Morwiniscen», Helsingfors, 1897 XV, №2, 90.
39. Haussig. Exkurs., 650.
40. Th. Sim. Hist., 420.

Умеров Е. Ш. До питання про мову булгарского ханства « MAGNA BULGARIA » / Е. Ш. Умеров // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 206–217.

У роботі розглядається, на основі « Хронографа російської редакції » і зроблених з витягів з « літописця Еллінського і Римського » на стор.25 -27, перекладеної з старо – церковно – слов'янської мови проф. А. Поповим, і досліджений акад. А. Куніков та проф. В.В. Радловим, « Именник булгарських хаганом », мова булгар держави « Magna Bulgaria », в період з IV по VIII ст. н . ери, на території Північного Причорномор'я, Північного Приазов'я та Кримського півострова. Дослідження лексики, імен і титулів « именником булгарських хаганом », вказують на пряме відношення мови древніх булгар до стародавнього чувашскому мови.

Ключові слова: булгарське ханство «Magna Bulgaria», «Хронограф російської редакції», «літописець Еллінський і Римський», «Именник булгарських хаганом», Ботпай хан.

Umerov E. S. About the question of language of the Bulgarian Khanate «MAGNA BULGARIA» / E. S. Umerov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 206–217.

In the scientific research on the basis of the “Chronograph of the russian edition” and extracts which are made from the “chronicler of the Hellenic and Roman” on p.25 -27 and are translated from the old Church Slavonic language by prof. A. Popov, and are examined by Acad. A. Kuniko and prof. V.V. Radlov “The list of names of Bulgar khans” the language of the state of the Bulgars «Magna Bulgaria» during the period from IV to VIII centuries AD, in the northern Black Sea region, Northern Azov and the Crimean peninsula is examined. The analysis of the vocabulary, names and titles of “The list of names of Bulgar khans” points to a direct relation of the ancient Bulgars’ language to the Chuvash language, to communicate with the language of the ancient Bulgars Saltovo – Mayak culture and language of Eastern European runic characters that are based on comparative analysis with Khumarian runic signs and texts in the Caucasus show the homogeneity of culture, and there are several dialects in ancient Bulgar language, finally, uniformity, and close relatives of the ancient Bulgarian language with the Chuvash, on the one hand, and with the vocabulary of the Turkic Orkhon- Yenisei monuments, on the other hand, allows you to think about that the ancient Bulgar language is the forerunner of the language of the people with the words of which was compiled by Catholic missionaries in the 1287 – 1303 biennium, in Solkhat known Crimean Tatar language dictionary – Code Kumanikus .

Key words: Bulgar Khanate “Magna Bulgaria”, “Russian edition chronograph”, “chronicler of the Hellenistic and Roman”, “Nominalia Bulgar khans, Botpay Khan.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 218–225.

УДК 415.2=943.22(021) + 811.512.145

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ЗОНЫ

Берберова Р. А.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
E-mail: bra.berberova@yandex.ru

В статье впервые исследуются языковые контакты русской культурной зоны. В формирование языков играют немаловажную роль культурные и языковые контакты, которые действуют и в наши дни. О функционировании языковых контактов говорится в работах Л. Блумфилда и У. Вайнрайха, представляющих обстоятельства их возникновения. Языковые контакты сыграли роль и в формировании русского языка, который развивался на территории между Европой и Азией. Наследие Н.-С. Трубецкого служит важным источником для исследователей, изучающих характер русской народной культуры. Роль исследования Н.-С. Трубецкого заключается в том, что он многосторонне изучал исторические и общественные условия формирования этого сложного процесса. Важным открытием его исследования является определение региона «русской культурной зоны», в центре которой находится Волжский бассейн, обитаемый разными восточными народами. Установление региона русской культурной зоны имеет особое значение с точки зрения исследования культурных связей, формирующих восточнославянский характер русской национальной ментальности и категорий русского народного языка. В конце 20 века появилась новая дисциплина под названием лингвокультурология, которая поставила цель изучение взаимосвязи языка и культуры, учитывая теорию В. ф. Гумбольдта и его последователей.

Ключевые слова: исследование, контакты, русский, языковой, культурный, зона.

Постановка проблемы. При формировании языков играют немаловажную роль культурные и языковые контакты, которые действуют и в наши дни. О функционировании языковых контактов говорится в работах Л. Блумфилда и У. Вайнрайха, представляющих обстоятельства их возникновения. Языковые контакты сыграли роль и в формировании русского языка, который развивался на территории между Европой и Азией. О восточном характере русского языка говорится в книге «Жизнь происходит от слова» (1999) В. В. Колесова, подчеркивающие роль русской культуры с точки зрения возникновения его специфических черт.

Цель научной работы: Исследовать языковые контакты русской культурной зоны.

Выводы В. В. Колесова о восточном характере русского языка в основном соответствуют положению Ф. П. Филина (1977), завершающему длительные научные дискуссии о характере русского литературного языка. Он убедительно доказал восточнославянский, а не южнославянский характер русского литературного языка, в формировании которого важную роль сыграли культурные традиции русского на-

рода. Упомянутые вопросы являются довольно сложными и многоярусными, которые требуют лубокого знания русской народной культуры.

Наследие Н.-С. Трубецкого служит важным источником для исследователей, изучающих характер русской народной культуры. Роль исследования Н.-С. Трубецкого заключается в том, что он довольно широко и глубоко изучал исторические и общественные условия формирования этого сложного процесса. Важным открытием его исследования является определение региона «русской культурной зоны», в центре которой находится Волжский бассейн, обитаемый разными восточными народами. Он указал на то, что формирование Русской империи сопровождалось углублением контактов с народами, попавшими под её власть по истечению веков. Н.-С. Трубецкой подчеркивает то, что эта зона имеет более сильные культурные контакты с Востоком, чем с другими славянскими народами, так как пределы этой зоны резко отделяют его от культурного региона западнославянских народов. Трубецкой уделил особое внимание культурным контактам между русским и соседними тюркскими, финно-угорскими народами. Установление региона русской культурной зоны имеет особое значение с точки зрения исследования культурных связей, формирующих восточнославянский характер русской национальной ментальности и категорий русского народного языка.

В конце 20 века появилась новая дисциплина под названием лингвокультурология, которая поставила целью изучение взаимосвязи языка и культуры учитывая теорию В. ф. Гумбольдта и его последователей. В центре научного исследования этой дисциплины стоит определение характера русской национальной ментальности, о чем свидетельствуют работы О. А. Корнилова, В. В. Воробьёва, В. В. Колесова и других исследователей. Уточнение восточного характера русской народной культуры является сложной задачей, так как в ней смешиваются элементы славянского культурного наследия с мотивами византийских традиций и с традициями степных кочевников.

Выводы Н.-С. Трубецкого о значении культурных контактов подтверждаются положениями как Й. Поливки, так и К. Горалека, и Р. Якобсона об оригинальности русского фольклора, отличающегося от фольклора западных и южных славян. Соблюдая принципы лингвокультурологии необходимо учитывать диалектическую связь между языком и культурой, определяющей характер языковой модели мира языков. По положениям сторонников новой дисциплины и в языке должны появляться отпечатки характера культурных традиций.

При изучении лингвистических работ, написанных в конце 20 века и в начале 21 мы установили, что все большее внимание уделяется изучению восточного характера некоторых типичных элементов народного русского языка. При установлении основных характерных черт новой тенденции исследования необходимо указать на значение семантической концепции А.А. Потебни, заложившего основы лингвокультурологии в русистике, так как он обратил внимание и на культурные традиции при трактовке языковых фактов. В его работах изучены примеры, взятые из фольклора, что свидетельствует об уважении народной культуры.

Важными работами исследования языковых контактов с народами, живущими в регионе русской культурной зоны являются труды О. Б. Ткаченко и Н. А. Баскакова,

так как они открыли новый путь в ареальной лингвистике. О. Б. Ткаченко (1979) обратил внимание на сходство между типичным зачином русских народных сказок «жил-был» и параллельными структурами финно-угорских языков. Он считал существование параллельных сложений сочинительного типа наследием финно-угорского субстрата в русском языке, так как сходные языковые элементы не типичны ни для западнославянских ни для южнославянских языков. Концепция и результаты его исследования в области лингвистики открыли данные, подтверждающие положение Н.-С. Трубецкого о влиянии контактов с соседними финно-угорскими народами на русскую культуру. О. Б. Ткаченко разрабатывал принципы исследования исторической фразеологии, что служило опорой для дальнейшего исследования языковых контактов. Направленность исследования Н. А. Баскакова тоже имеет соотношение с русской культурной зоной, так как он обратил внимание на контакты русского народа с тюркоязычными обитателями данного региона. Достижения его концепции заключаются в том, что он подчеркивает значение и необходимость сопоставительного исследования русской и тюркской фразеологии. Н. А. Баскаков считает необходимым также исследование парных слов в русском языке, предполагая влияние тюркских языков в возникновении данного специфического вида деривации алтайских языков.

Нам необходимо указать на то, что работы О. Б. Ткаченко и Н. А. Баскакова дополняют друг-друга и в аспекте лингвистики, подтверждают обоснованность положений Н.-С. Трубецкого о существовании упомянутых контактов. Их работы заложили основу дальнейшего исследования и мотивировали возникновение новых работ, изучающих проблемы ареальной лингвистики.

Работы швейцарского исследователя Д. Вайса дополняют результаты исследования О. Б. Ткаченко при исследовании парных слов в русском языке, имевших параллели в финно-угорских языках. В статье «Русские двойные глаголы» (2003) он изучает сложные глагольные структуры сопоставляя их с параллельными структурами финно-угорских языков. Другая работа Д. Вайса «Verb serialization in North East Europe: the case of Russianand its Finno-Ugric neighbours» (2011) тоже посвящена компаративному изучению этих специфических структур русской разговорной речи, имеющих ареальный характер и отражающих языковые и культурные контакты с финно-угорскими народами, в которой углубляет и расширяет спектр своего исследования.

Статья Д. В. Андриановой «Парные сочетания в славянских языках» (2009) тоже посвящена изучению парных слов в русском языке в аспекте ареальной лингвистики. Автор статьи сопоставляет изученные структуры в славянских языках, учитывая достижения исследователей, изучающих данный специфический вид деривации. Д. В. Андрианова ссылается на деятельность А. А. Потебни, впервые изучившего парные сочетание в русском языке.

В статьях Д. Вайса и Д. В. Андриановой упоминается о работе «Ареальные аспекты парных слов в русском языке» (1995) венгерского слависта И. Пачаи, который рассматривает основные вопросы, связанные с парными словами в русском языке. В статье Д. Вайса «Русские двойные глаголы» (2003) подчеркивается новаторство концепции И. Пачаи, включившего в сферу компаративного исследования

парных слов параллельные структуры китайского и индийского языков. По мнению Д. Вайса расширением пределов ареального исследования получаются новые данные о круге языков использующих данную древнюю форму словотворчества, отражающей специфический характер обозначения понятий.

Концепция венгерского исследователя соответствует положению А. А. Потебни (1899), изучившего данный вид деривации в русском языке. Великий языковед-мыслитель указал на общие семантические и морфологические свойства сочинительных сложений русского, китайского и индийского языков.

В своей книге И. Пачаи рассматривал общие морфологические и семантические признаки парных слов, которые по представленным общим признакам являются типичными структурами восточно-евразийских языков. Для венгерского слависта в исследовании парных слов в русском языке важным ориентиром служило научное наследие и А. А. Потебни, о чем упоминается в его статье «Еквиваленти парних слів у східноєвразійських мовах» (2012), опубликованной в научном журнале «Мовознавство». Достижения И. Пачаи заключаются в том, что он представил сходства между русскими, финно-угорскими, китайскими и индийскими структурами на большом собранном материале. Посредством конкретных параллельных структур доказал теоретическое положение А. А. Потебни, не пользующегося конкретными языковыми фактами. Положение А. А. Потебни о типологическом сходстве русских, китайских и индийских структур, подтвержденные конкретными примерами, в аспекте лингвистики имеют соотношение с выводами Н.-С. Трубецкого, указавшего на то, что русская культурная зона соприкасается с другими азиатскими культурами.

В книге «Парные слова в русском и крымскотатарском языках» (2012) автора настоящей статьи при анализе парных слов, упомянутая выше работа помогла избежать разнобой классификации изученных нами структур. Строгость принципов классификации в основе которой стоит семантический аспект, использованный в работе А. А. Потебни, служила важным ориентиром для работы И. Пачаи. Таким образом он смог избежать проблемы классификации, о которых говорится в работе Г. Х. Ахатова (1981), что в некоторых работах в состав сочинительных сложений (парных слов) вошли сложения типа «kalaverkko» «рыболовная сеть» либо билбау «пояс», относящиеся к подчинительным сложениям. При сопоставлении парных слов изученных языков основные типологические свойства как в морфологическом, фонетическом, так и в стилистическом аспекте мы могли пользоваться упомянутой работой. Несмотря на то, что сходства между сопоставленными структурами намекают на контакты между языками, использующими общий прием деривации венгерский исследователь старался более углублённо рассматривать действие культурных контактов русской культурной зоны в аспекте языковых контактов. Статьи «Сліди російської культурної зони у мові та морфології фольклору» (2001) и «Роль теории «русской культурной зоны» Н.-С. Трубецкого в исследовании парных слов» (2005) посвящены изучению положений Н.-С. Трубецкого о возникновении культурных контактов в регионе Волжского бассейна и отражению культурных контактов в области народного русского языка. В упомянутых статьях автор тщательно рассматривает теорию Н. – С. Трубецкого, освещающего систему сложных языковых контактов изучаемого ареала. Синтез достижений исследования И. Пачаи наблюдается

в его книге «Специфика русской культурной зоны в русской народной речи и фольклоре» (2002) в которой изучены вопросы языковых и культурных контактов русской культурной зоны в русской народной словесности и в русской народной речи. Автор старался нарисовать общественный и исторический фон возникновения контактов в изученном ареале и доказывает многосторонние культурные связи конкретными примерами, взятыми из фольклора, диалектологии и литературных произведений русских народных писателей.. Исследование языковых и культурных контактов обращают внимание венгерского исследователя на ареальные проблемы русской фразеологии. О достижениях его исследования свидетельствует то, что в историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» (2005) при трактовке этимологии русских фразеологических единиц ссылаются и на его данные. В статье «Восточные корни некоторых русских фразеологических единиц» (2012) автор представляет параллели в фразеологии тюркских и финно-угорских народов, живущих в ареале русской культурной зоны.

Выводы и перспектива. Представленные нами работы свидетельствуют о том, что исследователи обращались к проблемам языковых и культурных контактов, формирующих характер русской культуры и русского языка. Вопросы, трактуемые в упомянутых работах имеют связь с проблемами, изученными в работах Н.-С. Трубецкого и культурными контактами русской культурной зоны.

Литература

1. Андрианова Д. В. Парные словосочетания в славянских языках. Проблемы истории, филологии, культуры / Д. В. Андрианова. Т. 2 (24]. – Москва – Магнитогорск – Новосибирск: Изд. РАН, 2009. – С. 359-364.

2. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения / Н. А. Баскаков. – Москва: «Наука», 1979

3. Берберова Р. А. Модели образования парных глаголов в русском и крымскотатарском языке / Р. А. Берберова. – Актуальные проблемы славянской филологии. Международный сборник научных статей Лингвистика и Литературознавство, Выпуск XI, Ч. I. – Киев, 2006. – С. 130-133.

4. Берберова Р. А. Модели образования парных вспомогательных частей речи / Р. А. Берберова. – Научное издание «Мова и Культура». Выпуск 9, Т. VI (94) – Киев, 2007. – С. 320-325.

5. Берберова Р. А. Модели образования парных наречий в русском и крымскотатарском языках / Р. А. Берберова / / Мова и культура. – Выпуск 10, Т. VI (106). – Киев, 2008. – С. 96-100.

6. Берберова Р. А. Къырымтатар тилинде исим япыджы моделлер / Р. А. Берберова / / Улусларарасы II. Тюрколожий конгреси. Билдирилер. – Къырым – Украина, 2008. – С. 666-670.

7. Берберова Р. А. Модели образования сложных слов в крымскотатарском языке / Р. А. Берберова. Література / Фольклор / Проблемы поэтики. – Вып. 33, Ч.2. – Киев, 2009. – С. 239-244.

8. Берберова Р. А. Къыскъартма сёзлернинъ морфологик хусусиетлери / Р. А. Берберова. – Культура народов Причерноморья, 2010 год, № 182. – С. 18-21.

9. Берберова Р. А. Модели образования парных вспомогательных частей речи в украинском и крымскотатарском языках / Р. А. Берберова // Язык и культура» – Выпуск 12 – Том XII- 135 – 2010 год – С. 186-191

10. Берберова Р. А. Модели образования парных прилагательных в русском и крымскотатарском языках / Р. А. Берберова. – Научное издание «Мова і сучасне суспільство». – 16. 04. 2010 г.

11. Берберова Р. А. Сложные слова в произведениях Амди Гирайбая / Р. А. Берберова. – Учёные записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. – 2011 год. – Том № 24 – Филология. – 0, 5 п / л. – Статья – ISBN.

12. Берберова Р. А. Парные слова в русском и крымскотатарском языках / Р. А. Берберова. □ Крымучпедгиз – Симферополь, 2012. 183 с.

13. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – Москва: «Астрель – АСТ – Люкс», 2005

14. Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд.– Москва: «Прогресс», 1968.

15. Будагов Р. А. Сходства и несходства между родственными языками / Р. А. Будагов. Москва, 1985.

16. Вайс Д. Русские двойные глаголы. Русский язык в научной освещении / Д. Вайс. Москва, 2003. – 37–59.

17. Weiss D. Verb serialization in North East Europe: the case of Russianand its Finno-Ugric neighbours. To app. in: B: Hansen & B. Wiemer (eds) Language contact and grammatizalization / D.Weiss. Amsterdam-Philadelphia, 2011.

18. Вайнрайх У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. – Киев, 1978.

19. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы / В.В. Воробьев. – Москва: Изд. Российского Университета дружбы народов, 1997

20. Колесов В. В. Жизнь происходит от слова / В. В. Колесов. – Санкт-Петербург: «Златоуст», 1999.

21. Корнилов О. А. Языковые модели мира как отражение национальных менталитетов. Россия и запад, диалог культур / О.А. Корнилов. – Москва: МГУ, 1994.

22. Пачаи И. Ареальные аспекты парных слов в русском языке / И. Пачаи. – Ниредьхаза, 1995.

23. Пачаи И. Сліди російської культурної зони у мові та морфології фольклору / И. Пачаи. – Киев: Мовознавство, 2001. – С. 32-34.

24. Пачаи И. Специфика русской культурной зоны в русской народной речи и фольклоре / И. Пачаи. – Nyíregyháza: Stúdium Kiadó, 2002. – 296с.

25. Пачаи И. Роль теории «руской культурной зоны» Н. – С. Трубецкого в исследовании парных слов / И. Пачаи, Russian Linguistics Vol. № 1. – 29 с. Springer – Göttingen, 2005. – С. 95–109.

26. Пачаи И. Восточнославянские элементы в словацком фольклоре / И. Пачаи. Slavica Slovaca Ročník 46 / 2011, 143-155

27. Пачаи И. Восточные корни некоторых русских фразеолгичских единиц / И. Пачаи. – SLAVIA časopis pro slovanskou fillogii Ročník 81 – Praha, 2012. – С. 315-325

28. Пачаи И. Еквиваленти парних слів у східноєвразійських мовах / И. Пачаи. Мовознавство, 2012. – №3 88-93.

29. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – Т. III. – Москва: «Просвещение», 1968.

30. Ткаченко О. Б. Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков / О.Б. Ткаченко. – Киев: «Наукова думка», 1979.

31. Трубецкой Н. – С. О туранском элементе в русской культуре / Н.С. Трубецкой. – М.: Вестник Моск. Ун-та. Сер. 8. фил., 1990. – №6, 60-80.

32. Трубецкой Н. – С. Общеславянский элемент в русской культуре / Н.С. Трубецкой. – Вопросы языкознания. – М., 1990 / 2. – 121-139.

33. Трубецкой Н. – С. Наследие Чингисхана / Н.С. Трубецкой. – Вестник Моск. Ун-та. Сер. 9. фил. – М., 1991. – №4, 33-78.

34. Трубецкой Н. – С. Верхи и низы русской культуры / Н.С. Трубецкой. – Вестник Моск. Ун-та. Сер. 9. фил. 1991. – № 1, 87-98.

35. Филин Ф. П. Образование языка восточных славян / Ф. П. Филин. – Москва – Ленинград, 1962.

36. Филин Ф. П. Об истоках русского литературного языка / Ф. П. Филин. – Вопросы языкознания, 1974. – № 3. – С. 3-13.

37. Филин Ф. П. О свойствах и границах литературного языка / Ф. П. Филин. – Вопросы языкознания, 1975. – № 6. – С. 3-12.

38. Филин Ф. П. О генетическом и функциональном статусе современного русского литературного языка / Ф. П. Филин. -Вопросы языкознания, 1977. – №4. – С. 3-20.

39. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф. П. Филин. – Москва, 1981.

40. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – Москва, 1957.

Берберова Р. А. Дослідження мовних контактів російської культурної зони / Р. А. Берберова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 218–225.

У статті вперше досліджуються мовні контакти російської культурной зони. У формування мов грають важливу роль культурні і мовні контакти, які діють і в наші дні. Про функціонування мовних контактів говориться в роботах Л. Блумфілда і В. Вайнрайха, що представляють обставини їх виникнення. Мовні контакти зіграли роль і у формуванні російської мови, яка розвивалася на території між Європою і Азією. Спадщина Н. – С. Трубецкого служить важливим джерелом для дослідників, що вивчають характер російської народної культури. Роль дослідження Н. – С. Трубецкого полягає в тому, що він багатобічно вивчав історичні і суспільні умови формування цього складного процесу. Важливим відкриттям його дослідження є визначення регіону «російської культурної зони», в центрі якої знаходиться басейн Волжський, населений різними східними народами. Встановлення регіону російської культурної зони має особливе значення з точки зору дослідження культурних зв'язків, що формують східнослов'янський характер російської національної ментальності і категорій російської народної мови. В кінці 20 століття з'явилася нова дисципліна під назвою лингвокультурология, яка поставила мету вивчення взаємозв'язку мови і культури, враховуючи теорію Гумбольдта і його послідовників.

Ключові слова: дослідження, контакти, російський, мовний, культурний, зона.

Berberova R. A. The study of Russian cultural zone language contacts / R. A. Berberova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 218–225.

Cultural and linguistic contacts play important and significant role in forming of languages. About functionality of linguistic contacts talked in works of L. Bloomfield and Uriel Weinreich, presenting the conditions of their origin. Linguistic contacts also played a role in formation of Russian which was developed on the territory between Europe and Asia. About an eastern character of Russian is talked in the book “Life originates from the word” (1999) by V. V. Kolesov. In this book the author underlines the role of the Russian culture from point of its origin. The conclusions of V. V. Kolesov about the oriental character of Russian mainly correspond with the position of F. P. Filin (1977), and finish the polonged scientific discussions about the nature of literary Russian. He proved convincingly the eastern Slavonic but not south Slavonic character of literary Russian, in forming of which an important role was played by cultural traditions of the Russian people. The mentioned questions are difficult enough and require the knowledge of the Russian folk culture. The heritage of N. S. Trubetskoy serves as an important source for researchers studying nature of the Russian folk culture. The role of researches of N. S. Trubetskoy consist in studying from many sides the historical and public terms of forming this difficult process. The important discovery of his research is determination of the region named the «Russian cultural area», the center of which is the Volga basin, and it is inhabited by different east people. He pointed out that the formation of the Russian empire was accompanied with deepening of contacts between people, getting under its power during the ages. N. S. Trubetskoy underlines that this area has more strong cultural contacts with East what with other slavonic people, because the borders of this area sharply separete it off the cultural region of west Slavonic people. Trubetskoy gives the special attention to the cultural contacts between the Russian people and Turkic and Finno-Ugric peoples. The discovery of region named “the Russian cultural area” has significant value from point of research of cultural connections that formates the eastern slavonic character of Russian national mentality and categories of folk Russian. By the end of 20th century appeared new discipline named cultural linguistics. The purpose of which is to study the correlations between language and culture basing on the theory of Gumboldt and his followers. The scientific research of this discipline focuses on the determination of character of Russian national mentality as evidenced by the works of O.A. Kornilov, V. V. Vorob'ev, V.V. Kolesov and other researchers. Clarification of east character of the Russian folk culture is an intricate problem, because it consists the elements of slavonic cultural heritage with features of byzantine traditions and with traditions of steppe nomads. The conclusions of N. S. Trubetskoy about the value of cultural contacts are confirmed by positions I. Polivka, K. Goralek and R. Yakobson about originality of Russian folklore, that is different from folklore of western and Sonth slavs. Observing the principles of cultural linguistics it is necessary to take into account dialectical connection between a language and culture, determining character of linguistic model of the languages world. Basing on the works of new discipline supporters’ the imprints of cultural traditions character should appear in the language. During the study of linguistic works, arising up at the end of a 20th century and at the beginning of 21st we discovered that

more attention is spared to the study of east nature of some typical elements of folk Russian. During the determination of the characteristic features of new tendency of research it is necessary to specify on the value of semantic conception by A.A. Potebnya, laid the foundations of Russian studies in linguistics, as it drew attention to the cultural traditions in the interpretation of linguistic facts.

Key words: research, contacts, russian, linguistic, cultural, area.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 226–231.

УСКЮТ КОЮ БАЛА ОЮНЛАРЫНЫНЪ ХУСУСИЕТЛЕРИ

Мурахас М. С.

ТНУ им В.И. Вернадского
E-mail: m-mumine@mail.ru

Ишимизнинъ актуаллиги. Эр бир миллетининъ бала оюнлары асырлар девамында шекилленип кельгенлер. Олар инсан яшайышынынъ эр бир саасыны акс этелер. Бу оюнлар, несильден несильге кечип, балаларнынъ дюнья бакъышларыны, аяткъа олгъан мунасебетини шекиллендирелер. Къырымтатарлар асырлар девамында бу саада олгъан аньанелерни башкъа миллетлер оюнынынъ тесиринден сакълап, янъы меракълы элементлеринен толдура эдилер.

Ильмий меселе. Къырымтатар бала оюнларыны огренгенде, тарихий, этнографик, фольклор малюматлардан гъайры, белли бир тиль материалынынъ мевджут олгъаныны да къайд этмек мумкюн [1, 250-251].

Бала оюнларынынъ къыйметини, баланынъ омюринде олгъан маиетини, табиатларынынъ шекилленювине олгъан тесиринининъ эмиети гъает буюктир. Бу оюнларнынъ бала омюринде, миллий табиат чизгилерининъ шекилленювинде, миллетининъ илерилев эснасында къыйметли вазифеси устюндир.

Оюнларнынъ эр бирисини балалар буюк авесликен ойнайлармы? Эльбет де ёкъ! Ильк эвеля бу ал баланынъ табиат чизгисине уйгъанынынен багълы. Шу себептен балаларнынъ оюнларыны сечип алмакънынъ имкянларыны арттырмакъ керек [2, 467].

Языкъ ки, шимдики заманда бала оюлары, адет узьре, тек копьютер оюнларынен сынъырлана. Шу оюнларда миллий аньанелернинъ темсили акъкъында лаф юрютмеге, эльбет де, сыра кельмей.

Эр бир оюнны ойнамакъ ичюн, бала, биринджиден, ичтимаий джеэттен белли бир севиеге иришкен олмакъ лязим. Экинджиден, хатыра имкянлары керекли севиеде олмалыдыр, чюнки эр бир оюннынъ къанун ве къаиделерини акъылында тутмакъ кереклер. Эгер оюн мурекеп олса, баланынъ бу табиат чизгилери де белли севиеде олмалы. Макъаледе тедкъикъ эткен оюнлар Ускют коюнинъ оюнлары олгъаны себебинден бу койдеки оюнларынынъ хусусиетлери акъкъыда беян этиледжек. Ускют коюнде бала оюнлары эм яш, эм осьмюр, эм къырджыман несили тарфындан отърю, "акъранлыкъ" меселеси шарт дегиль эди. Шундан себеп ойнагъанларынынъ яшларына да буюк эмиет берильмей эди.

Бала оськенинен, ойналгъан оюнлары да мурекеплеше биле. Эгер де баланынъ авеслиги эски, эвельден ойналгъан, онъа яхшы белли олгъан оюнларнен сынъырланса, демек, онынъ инкишафыны да бельгилемек олур. Шу себептен, бала янъы оюн усулларыны, янъы оюн канунларыны менимсеп, къабул этип оламай; я да яш бала, онъа таныш олгъан, шу севимли оюнларыны даа ойнап тоялмагъан, шундан себеп, янъыларыны менимсеп ойнамагъа чаре тапамай. Бойле вазиетлерде ана-баба мукъайт олып, эмиет берип, себебини бельгилемелилер. Баланынъ оюн эснасында эльде эткен эмоциональ алыны, беден тербиелев ве акъыл зийреклигининъ инкишаф этюв севиесини де козь огюне алмалылар [4, 3-4].

Къырымтатар халкъынынъ бала оюнлары арасында энъ кенъиш даркъалгъан оюнлар куреш, чапышув, топ оюны, ат чапышув, секирюв, аркъан киби, беден тербиелевинен багълы олгъан, оюнлардыр [1, 468]. Ускют кою бала оюнлары да буны тасдикълай билелер.

Лякин Ускют коюнинъ бала оюнарынынъ белли хусусиетлери де бар. Бу ал оюнларнынъ эм мундериджелеринде, эм бу оюнларынынъ адланувларында акс олунгъандыр.

Мисаль оларакъ, башкъа койлерде ойналгъан «Чукъур топ», «Къой къачты», «Чалме топ», «Мырт», «Учь таш», «Тура», «Шамар оюны», «Анам, экмек!» деген оюнлар Ускют коюнде расткельмейлер. «Челека», «Айгъырчыкъ», «Дандирюк» оюнлары эм Ускюте, эм де Къырымнынъ башкъа койлеринде ойнала эди [3, 98]. «Лапата», «Домузчыкъ», «Сокъур теке», «Гечелюп» оюнлары исе тек Ускют коюнде расткелелер.

Ускют маалесинде ойналгън оюнларда «бадашма» деген сёз къулланыла. Асылында бу сёзнинъ манасы акъкъында айтаджакъ олсакъ, бу – оюнларнынъ башында балаларнынъ эки такъымгъа болюнип ойнагъанынен, я да оюнны башлагъан баланы бельгиленгенинен багълы усул. Бадашманынъ энъ къолай чешити саювлардыр. Саювлар чешит тюрлю ола билелер. Меселя : «укум-букум джарым-барым пыкъ».

Бадашманынъ экинджи чешити оларакъ, таякъ бадашмасы эсаплана.Таякънынъ бир уджундан, тюбюнден, ойнагъан балаларнынъ бириси тута, дигери исе ондан юкъары ала, бойлеликнен, таякънынъ узунлыгъы биткендже, таякънынъ юкъарыдаки уджу кимге раст кельсе, олар оюнлар бирер- бирер чыкъалар.Оюнны исе сонъки къалгъан бала башлай. Бу макъаледе мисаль оларакъ кетирильген бадашма Ускют коюнде къулланылгъан бадашманынъ бир чешитидир.

Ашагъыда анълатылгъан Ускют коюнинъ бала оюнлары фааль ве арекетченлигинен айырылып туралар. Шекиль ве мундеридже джеэттен исе олар чешит-тюрлю ве гъает меракълыдырлар. ки, Кърымтатар миллий бала оюнлары чешит тюрлю олгъанына бакъмадан, бу оюнлар арсында не къокъла, не де инсан сыфатыны тасавут эттиреджек оюнджаклар расткетирильмгенини къайд этмели. Филоненко бу алны, бириджиден, ислам дининде инсан сыфатыны акис эткен оюнджакълар ясакъ олунгъанынен анълата. Бизим макъалемизде тевсие этильген оюнлар арасында да бойле (къокъла инсн сыфатыны анъдыргъаны ичюн) къокъла оюны анъылмай.

Ускют коюнынъ бала оюнларынынъ даа бир бир хусусиетини айыра билемиз. Бу хусусиет баларнынъ топнен ойналмагъанынен багълы. Бойле оюнларда топ ерине ялпакъ таш къулланыла эди. Бу ал дин тарихына юзь берген вакъиаларнен анълатыла (Шеит кеткен Асан, Усеиннинъ башыны эудийлер топ этип ойнагъанлар). Ускютте динъ къавий кутюльгени бунынъле багълыдыр.

Бойледже, Ускют коюнинъ бала оюнлары акъкъында, чаремизге коре, арап тапкъан малюматларны тевсие этмекнен бир сырада, бу оюнларны гъайрыдан балалар арасында джанландырмакъ макъсадынен 12 оюнны дикъкъатынъызгъа авале этемиз.

1. ЧЕЛЕКА ОЮНЫ (ЧЕЛИК ОЮНЫ – игра «чижик»). Эвеля балалар бадалашып эки группагъа болюнелер. Балаларнынъ бириси авучында бир шей сакълай. Къайсы группадаки бала сакълангъан шейни тапса, о бала такъымы оюнны башлай.

Челека – бу къыскъа севри уджлу таякъчыкъ. Оны узун таякънен ура эдилер. Оюнны башлагъан бала, челеканы ерге къойып, онынъ уджуна таякънен ура. Челека тёпеге атылгъанда, оны бир даа таякънен уралар. Челека учып кеткенде, оны экинджи группа балалары таякънен чильселер (авада урсалар), вазифе беджерильди деп сайыла ве балалар вазиетлерни денъиштирелер . Эгер де челеканы чильмеселер, ургъан бала таякъны ерге къоя. Балалардан башкъасы гъайрыдан оюнны башлай . Бойлеликнен, балаларнынъ эр бириси невбетнен челека уралар.

2. ЛАПАТА ОЮНЫ (тек Ускют коюне аит олгъан оюндыр). Эки группа балалар, ялпакъ ташларны уджларыны топракъкъа комип, эки сырагъа тизелер. Сыраларнынъ арасы 10 – 12 м. Бириндже группа балалары, алма къадар ташларны алып, къаршыдаки (экинджи группанынъ) ташларыны урып йыкътырмакъ кереклер. Къайсы группа къаршыдаки ташларнынъ эр бирисини урып йыкътырса, о группа юта . Юттургъан балалар юткъан балаларны аркъаларына алып оларнынъ таш сыраларынадже баралар. Сонъ оюн кене девам эте.

3. АТЛАН ЯТЫР ОЮНЫ. Балалар такъымындан бириси башыны белини букип тура, башкъалары исе бирер бирер онынъ устюне атылалар. Ахыр сонъу атылгъан балалар озьлери туралар.

4. БАДАШМА. Оюн башламаздан эвель балалар бадашалар. Бадашма бйле ола : Эки бала ян-янаша туралар. Къалгъан балалар исе экишер экишер олып, мисаль оларакъ, «танк » я да «самолет » сечип алалар ве бириндже балаларнынъ янларына келип « Танк сайлайсынъ, ёкъса самолет?» – деп сорайлар. Эгер самолет десе, демек, « самолет» олгъан бала онынъ группасына, «танк» исе къаршы группада ола. Бойлеликнен, балалар экиге болюнелер.

5. АЯГЪЫРЧЫКЪ ОЮНЫ (АЙГЪЫЧЫКЪ ОЮНЫ). Бадалашып экиге болюнген балалар оюнны башлайлар . Балалардан бириси эллинде бир шей сакълай. Къайсы группадаки бала тапса, о бала такъымы бириндже «атларнынъ» аркъаларына минмеге арекет этелер. Экинджи группа аркъан тутып тизилип тура. Аркъаннынъ бир уджуны « аягъыр» тута да, чапып минеджек баланы урмагъа тырыша. Эгер де бирде бирини тутса, группаларнынъ вазиетлери денъише.

6. ГЕЧЕЛЮП ОЮНЫ. Балардан бири «Атлан ятыр» оюны киби ята . Балалар бирер – бирер онынъ устюнден атылалар . Балалар атылгъан сонъ, яткъан бала бир адым четке чекиле, бириндже кере яткъан ерине чызыкъ чыза. Балалар экинджи кере атылгъанда, о чызыкъкъа басып атылалар . Сонъ яткъан бала бир адым даа чызыкътан четке чекилеле.Балалар учюнджи кере атылалар . Ойлеликнен, оюн девам эте. Ким де ким атылып олмаса, демек, о ята ве онынъ устюнден атылмагъа башлайлар, оюн гъайрыдан башлана.

7. ДАНДИРОК ОЮНЫ (МАЙМУН ОЮНЫ А.Н. Олиферов). Дандирок къатты, агъыр агъачтан япылып, тюбюне мыкъ урула эди . Дандирокны къамчы тасмасына сарып, аталар. О айланмагъа башлай . Оны къамчынен ургъан сайын о тез (чабик) айлана. Дандирокны энъ девамлы айландыргъан бала енъе.

8. БАДАШ М А – САКЪЛАНМА ОЮНЫ. Балалар бадашып эки группагъа болюнелер. Сакъланма оюнны факъат гедже ойнай эдилер. Бириндже группанынъ балалары аранларда, я да башкъа ерлерде сакъланалар. Экинджи группанынъ балала-

ры исе оларны къыдырап(арап) тапкъан сонъ, экинджи группа сакълана, бирinджиси исе оларны къыдыра.

9. ТАШЧЫКЪ ОЮНЫ. Учь-дерт бала, адетинджe къыз балалар, ёлнынъ я да дамнынъ устюнде 6 дерткошеликтен ибарет олгъан чызыкъ чызалар. Балалардан бириси 5-6 см диаметрде олгъан ялпакъ ташны бирinджи дёрт кошеге ташлай. Сонъ бир аягъы устюне турып, о ташчыкъны тепе-тепе алты дерткошеден де чыкъара. Бундан сонъ экинджи деткошеге ташлап, тепип айланып чыкъа. Эп дерткошелерни кечкен сонъ, «есть»ке келе. Яни о бала козьлерини юмып, эп дерткошелерни, чызыкъларгъа басмайып, чыкъъа. Эгер де бала, ташчыкъны тепкенде, я да «есть» япкъанда аягъынен чызыкъкъа басса, о оюндан чыкъа, ве башкъа бала оюнны девам эте. Бу оюн Орта Асияда ойналмагъа девам эте эди.

10. БЕКТАШОЮНЫ. Бу оюнны да эксериетнен къыз балалар ойнай эдилер. Учь-дерт бала къаршы-къаршыгъа отуралар. Бириси башлай . О авучына беш таш тута. О бирисисни тепеге ата да, къалгъан дерт ташны ерге ташлай ве атылгъан ташны тута. Сонъ кене баш ташны тепеге ата ве таш тюшкендже дерт ташны экишер-экишер ерге ташлап, атылгъан ташны тута. Сонъ кене ташны тепеге ата ве бу таш тюшкендже элиндеки дерт ташны учь ве бир этип ерге къоя.Сонъки сефер исе баш ташны тепеге атып, оны туткъандже дерт ташыны бир кереден ерге ташлай.

Сонъра исе, ерге къойып, авучыны ачып, о ташларны эки пармакъ арасына «арангъа » айдай. Эгер ойнагъан бала янълышса, оюнны башкъасы девам эте.

11. С О К Ъ У Р Т Е К Е О Ю Н Ы. Къызлардан бирисининъ козьлерини чумбернен(къыйыкънен) багълайлар. Къалгъанлары исе онынъ сыртыны яваштан уралар. Эгер де ургъанда «сокъур теке» кимни де тутса, демек энди онынъ козьлерини багълап сыртына урып къачалар.

Ойнагъанда – «Сокъур теке не арасын?»-дейлер.

О исе – «Алтын юзюк»- деп джеваплана.

- Сипиркиси къач. – дейлер.

- Элли – деп джеваплана.

- Эллиси манна, эллиси сана, дубара дуп – деп къызлар сыртыны урып, оюнны девам этелер.

12. ДОМУЗЧЫКЪ ОЮНЫ. Дерт-беш бала иштиракъ этмеси мумкюн. Эписининъ эллерине таякълар ола. Олар бир алма къадар ташыны ортагъа къоялар ве бир ерчикте чукъурччыкъ къазалар . Балалардан бири, «чобан» оларакъ, таягъынынъ уджуны чукъурчыкъкъа къоя . Балалар «домузчыкъ» ташыны «арангъа» айдамагъа арекет этелер. «Чобан» исе «арангъа» къоймамакъ керек. Эгер де ойнагъанда «чобан» озь таягъынен кимнинъ де таягъына урса, урулгъан бала «чобан» ола. Бундан гъайры, эр бир байрамларда балалар, буюклер киби, куреше эдилер.

Тедкъикъатнынъ нетиджеси ве келеджеги. Бойлеликнен, Ускют бала оюнлары даа эм этнографлар, эм тарихчилер, эм тильшынаслар тарафындан огренильмелидир, балалар арасында ойналмалылар. Бу оюнларгъа экинджи аят береджек шимдики янъы несильдир, миллий адетлерини севген кутькен инсанлардыр.

Эдебият

1. Хайруддинов М.А. Народная игра как средство национального воспитания / М.А. Хайруддинов Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы. – 2002 г.

2. Филоненко В.И. Детские игры крымских татар / В.И. Филоненко. – ИТУАК, 1919. – №56 стр. 242-246
3. Олиферов А.Н. В предвоенном Крыму: воспоминания о жизни в татарской деревне / А.Н. Олиферов. – Крымский архив, 1999г. – №4
4. Десяткина Т [Электронный ресурс] : Психология детской игры / Т.Десяткина. – Режим доступа к статье: http: // www.ipapa.ru / otdyh / 24-sovmestnye-igry / 222-particularities-psychologies-baby-plays.html

ИНФОРМАТОРЛАР: Ускут коюнинъ сакинлери:
1. Аджи-Селимов Садых оджа
2. Уркумет Февзие
3. Узунумер Найде

Мурахас М. С. Особенности детских игр деревни Ускут / М. С. Мурахас // Ученые записки Таврического национального университета имени В. І. Вернадського. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 226–231.

Игра рассматривается современными исследователями не только как обязательная принадлежность детства, но и как значимый элемент социально-педагогической системы, целенаправленно используемый обществом для подготовки детей к «взрослой» жизни. Отношение к игровой деятельности, как средству, обладающему мощным воспитательным, обучающим, развивающим и адаптирующим потенциалом, прошло длительную проверку временем, а «разнообразная полезность» самостоятельной детской игры и игр взрослых с детьми – что не одно и то же! – тщательно анализировалась в течение ряда веков.

В данной статье рассматриваются подвижные детские игры довоенного Крыма, а именно, деревни Ускут Алуштинского района. Такие игры как, «Челека», «Айгъырчыкъ», «Дандирок », «Лапата», «Домузчыкъ», «Сокъур теке», «Гечелюп».

В данной статье восстановлены довоенные детские игры деревни Ускут, а именно названия, правила, возрастной ценз, а также по последовательность и ход игры.

Ключевые слова: тюркский, огузский, диалект, ускутский говор, глагол, мышление, речь, игра.

Мурахас М. С. Особливості дитячих ігор села Ускут / М. С. Мурахас // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 226–231.

Гра розглядається сучасними дослідниками не тільки як обов'язкова приналежність дитинства, але і як значущий елемент соціально – педагогічної системи, цілеспрямовано використовуваний суспільством для підготовки дітей до «дорослого» життя. Ставлення до ігрової діяльності, як засобу, котрий володіє потужним виховним, навчальним, розвивають і адаптирующим потенціалом, пройшло тривалу перевірку часом, а «різноманітна корисність» самостійної дитячої гри та ігор дорослих з дітьми – що не одне і те ж! – Ретельно аналізувалася протягом ряду століть.

У даній статті розглядаються рухливі дитячі ігри довоєнного Криму, а саме, села Ускут Алуштинського району. Такі ігри як: «Челека», «Айгъырчыкъ», «Дандирок», «Лапата», «Домузчыкъ», «Сокъур теке», «Гечелюп».

Ключові слова: тюркський, огузский, діалект, ускутскій говір, дієслово, мислення, мова, гра.

Murahas M.S. Features of children's play of village Uskut / M.S. Murahas // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 226–231.

The game is considered by modern scholars not only as essential part of childhood, but also as an important element of social and educational systems, specifically used by the society to prepare the children for “adult” life. Game activity has a powerful educational, training, developing and adapting potential. It passed the test of time. There are two different types of the games: independent children's games and games adults with children – which is not the same thing. These aspects are carefully analyzed during the centuries.

In folk pedagogy is noted that the game has great educational value in the child’s life. It states: «The child playing grows».

While playing, the child develops, clearly showing emotions, creativity, activity initiative. A special place in the development of spiritual and physical strength of the Crimean Tatar children are an active games, based on the movements.

This article focuses on active games for children of pre-war Crimea, especially, villages of Uskut-Alushta region. Games such as “Cheleka”, “Aygyrchyk”, “Dandirok”, “Lapata”, “Domuzchyk”, “Sokur teke”, “Gechelyup”.

Fundamental in this scientific field of studies, particularly in the field of the Crimean Tatar children's games, is the work of V.I. Filonenko and A.N. Oliferova. However, in these papers, the authors have restricted the description of children's games to Bakhchisarai region.

In this article, restored pre-war children's games village Uskut, especially the names, rules, voting age, as well as the sequence and the game.

Particular attention is paid to role in the national development of the child's feelings.

For centuries in folk games vividly reflects the lifestyle of the people, their way of life, labor, national foundations, the notions of honor, bravery, courage, desire to possess the strength, agility, endurance, agility and beauty of movement, be smart, patience, creative fiction, resourcefulness, the will and desire to win.

Key words: Turkic, Oghuz dialect, uskutsky accent, verb, thought, speech, game.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 232–237.

УДК 811.512.145:81'342:81'373

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ СТАНОВЛЕНИЯ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА ЭПОХИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

Рустемов О. Д.

РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

В статье речь идет о проблемах крымскотатарской частной исторической стилистики и рассматривается общий перечень документов и научных трудов по изучению истории становления официально-делового стиля крымскотатарского языка. Эволюция стиля деловых бумаг крымскотатарского языка представлена в основных исторических этапах. В работе указан также общий перечень исторических рукописных документов, которые могут являться объектами изучения и анализа с точки зрения стилистически маркированной лексики, терминологии, приемов синтаксиса. Особый интерес представляют исторические реалии, отображаемые в рукописях и приближение стиля некоторых официальных бумаг к стилю художественной литературы.

Ключевые слова: Крымское Ханство, историческая стилистика, реестры судебных решений, сиджиль, худжет, яфта, акче, флюри, самопрезентация, османская традиция**.**

Постановка проблемы. Крымское ханство, как государственное объединение, развивалось на двух основных социально-политических фундаментах: с одной стороны оно явилось политическим наследником Золотой Орды, а с другой, в многое восприняло из государственного управления, судопроизводства, территориального деления и терминологии Османской Турции. Это привело к существованию двух основных языковых стилистических традиций в крымском канцелярите в период с XVI-го по XVIII век. Обе традиции прошли определенный путь эволюции, слившись в поздний период существования Крымского государства. Утвердившийся единый официально-деловой стиль просуществовал довольно долго с конца XVIII-го вплоть до 20-х годов XX-го в. Сохранившиеся документы дают основание говорить о доминирующей и стилеформирующей роли османской традиции в указанный период развития крымскотатарского языка.

Цель изучения стилистических особенностей документов юридического и дипломатического характера из истории Крымского Ханства определяет себя в русле решения общих **задач исторической стилистики** крымскотатарского языка. В частном крымскотатарском языкознании эти вопросы исторической, как и вопросы синхронной стилистики, не получили своего разрешения ни в довоенное время, ни после возвращения крымских татар из депортации. Исключение составляют труды Э. Ш. Меметовой, в которых автор раскрывает общие положения и описывает уровни синхронной стилистики в ее классических толкованиях применительно к крымскотатарскому языку [6; 7]. Более подробно исследователь останавливается на вопросах собственно литературного стиля на материалах современной литературы.

Исторической стилистики, как и насущных проблем современных функциональных стилей Меметова Э. Ш. не касается.

Данный факт обуславливает **актуальность настоящей работы,** в **результате которой** предусматривается освещение общего хода истории изучения исторической стилистики в области официально-делового письма крымскотатарского языка с описанием круга источников по практическому изучению особенностей эволюции крымского канцелярита.

Стилевое расслоение тюркских языков имеет древнюю традицию, о чем свидетельствуют тексты VI-VIII вв. н. э., известные в науке как орхоно-енисейские рунические памятники. Яркими периодами в истории развития делового письма в тюркских языках явились эпоха Золотой Орды, Османской Империи, Крымского Ханства, эпоха Тимуридов в Средней Азии и некоторые другие государственные образования и связанные с ними темпоральные рамки.

С точки зрения изучения истории становления крымскотатарского делового письма наименее исследованными являются сиджили или реестры судебных решений крымских уездных кадиев. Сиджили представляют собой различного типа документы, среди которых обнаруживаются приговоры суда Шариата, письменные долговые расписки, закладные (сенед), договора, в том числе брачные (худжет), постановления о разделе имущества (яфта) или определения наследников, ханские указы, строительные сметы на постройку мечети, свидетельские показания и прочее. Впервые записи крымских кадиев стали изучаться во второй половине XIX в. российскими учеными, в частности, данные из этих документов, были представлены в известном труде Ф. Ф. Лашкова "Исторический очерк Крымско-татарского землевладения". Совместно с другой его работой "Сборник документов по истории Крымско-татарского землевладения" упомянутый очерк был опубликован в нескольких номерах "Известий Таврической ученой архивной комиссии" (ИТУАК) [4; 5].

В более ранних выходах указанного академического издания по изучению Крыма был представлен перевод на русский язык некоторых текстов из кадиаскерского "сакка[1]", выполненный Мурат Беем Биарслановым [2], которого по праву можно назвать первым переводчиком и комментатором этих любопытных рукописей из истории Крыма. Переводы, выполненные Биярслановым, взяты, вероятно, из разных томов кадиаскерских дефтеров. До настоящего времени нам удалось обнаружить лишь один текст, переведенный Биярслановым. В нем речь идет о большой сумме денег (4 вьюка акче), которую ссудил покойному (на момент разбирательства дела) крымскому хану Селямет Гирею известный политический деятель и вельможа Ибрагим эль-Мютеферрика [8, Т. I, 25]. Эта ссуда была частично погашена ханом еще при жизни. Оставшийся долг приняли на себя по повелению нового хана, Джанибек Гирея, дети Селямет Гирея: Азамет Гирей султан, бывший в ту пору Нуреддином, и Мубарек Гирей султан. Они удовлетворили ходатайство Ибрагима эль-Мютефферика о возврате долга, отдав в его распоряжение недостроенный корабль "Кара Мурсель", о чем и была сделана запись в реестре судебных решений.

[1] Сакк (осм. из араб. "saqq": "suquq"-"sıqaq"-"esqaq") – книга, свод; свидетельство, удостоверение.

Первые публикации переводов были помещены в восьмом выходе "Известий". Всего в этом номере представлено семь разных текстов, среди которых находятся "…два раздела (яфты) (*имеется в виду раздел имущества Р.О.)*, два крепостных акта (худжета), две закладные записи и одно кадиаскерское решение" [2]. Общим числом во всех трех выходах "ИТУАК" было опубликовано двенадцать текстов решений Суда Шариата, а также одно письмо – повеление крымского хана Селима Гирея. В своих комментариях относительно переведенных текстов Биярсланов более-менее подробно останавливается на отдельных аспектах производства Мусульманского суда Шариата, упоминая разные его разделы. В частности, такую его часть, "которая в мусульманском праве считается самой главной, и, по мнению *законоведцев*, составляет особую науку права – "ильму эль-фараиз" (*"наука о предположениях"* – применительно к судопроизводству: *"право по аналогии" Р.О.*) [2, 48]. К сожалению, переводчик не приводит своих замечаний относительно языка данных текстов, его лексических, стилистических и формальных особенностей.

В свое время исключительно с информативной точки зрения к материалам из кадиаскерских сиджилей обращался В. Д. Смирнов, для написания своего труда по истории Крымского Ханства [9]. В начальный период существования Крымской АССР сиджилями интересовались Бекир Чобан-заде и В. А. Гордлевский. После Второй Мировой войны бахчисарайские судебные реестры были вывезены с территории Крыма и помещены на хранение в библиотеку им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге, где и поныне находиться сто двадцать томов оригинальных кадиаскерских книг. Шестьдесят один том в виде факсимильных копий были переданы оттуда в библиотеку им. Гаспринского в Симферополе, где сегодня можно с ними познакомиться.

Новый этап в изучении этих уникальных документов связан как раз с фактом приобретения копий рукописей бахчисарайских сиджилей симферопольской библиотекой. Исследователями нового поколения явились турецкие ученые, обнаружившие упомянутые копии бахчисарайских сиджилей и представившие их первичное описание и выборочные переводы отдельных документов. Первое "приближение" к документам в Симферополе было сделано Ахмедом Незихи Тураном, который в ряде своих статей проинформировал ученое сообщество о содержании кадиаскерских дефтеров, огромном объеме исторического и культурологического материала, содержащегося в них, и сделал первые переводы отдельных текстов уже после их возвращения в Крым [10; 11; 19]. Детальное внешнее описание каждого тома и опыты транслитерации сиджилей (по одному, два примера из нескольких томов, иногда не полные) представлены в совместной работе Ахмета Джихана и Феми Йылмаза, опубликованной в Турции в "Вестнике исследований Ислама" [13].

Материалы крымскотатарских сиджилей фигурируют в работе Нури Кавака, при освещении вопросов о дополнительных налогах и денежных фондах (вакуфов – "para vakufları"), существовавших в Крымском Ханстве, на деньги которых строились новые мечети и иные сооружения социального предназначения [16].

На большом массиве фактического материала из кадиаскерских дефтеров Карасубазарского кадылыка построена книга турецкой исследовательницы Зейнеп Озьдем "Социально-экономическая жизнь крымского Карасубазара" [17]. Впервые они

были найдены в 20-х годах XX-го века в Ялтинском Историко-Литературном музее В. А. Гордлевским и вновь обнаружены там же уже в наше время. Автор более подробно знакомит читателя с реалиями крымской социальной и экономической жизни, существенно дополняет комментарии Мурата Биярсланова. Зейнеп Озьдем использовала гораздо больший объем переведенного материала, что дало ей возможность детальнее остановиться на вопросах заключения брака, семьи, положении "райи" (*немусульманское население Крыма – Р.О.*), взаимоотношений мирян и власти. Но, как и в публикациях Биярсланова, у Зейнеп Озьдем не представлены образцы деловой речи, как нет языковедческого анализа переработанного материала.

Кроме сиджилей, к образцам деловой речи эпохи Крымского Ханства следует отнести также ханские ярлыки, содержащие в себе различные указы, постановления, и др.Прежде всего, это тарханные ярлыки, и письма дипломатического содержания, как ханов, так и других влиятельных людей из числа крымской аристократии. Данная часть крымскотатарского письменного наследия разработана и изучена несколько более подробно. В ряду отечественных исследователей жалованных крымскотатарских тарханных ярлыков и деловой переписки следует назвать таких видных российских ученых XIX века как Вельяминов-Зернов В., Березин И., Смирнов Д. В [1; 3; 9]. Большую и информативную работу по изучению ярлыков во второй половине XX-го века проделал М. А. Усманов. В его книге "Жалованные акты Джучиева улуса", представлены переводы текстов, словарик употребительных терминов, предпринята попытка анализа стилевых особенностей указанного типа документов [12].

Из зарубежных исследователей большой интерес представляет труд турецкого ученого Акдеса Н. Курата. В своей монографии "Ярлыки и документы Золотоордынских, Крымских и Туркестанских ханов из архива музея Дворца Топкапы" он приводит транскрипцию средневековых арабо-письменных текстов на латинской графике, дает свои версии толкования различных устаревших слов, и рассматривает структуру ярлыка, как особый текст официально-делового стиля, обладающего внутренними формальными и модальными признаками [14].

Выводы и перспектива. Более подробную работу по выявлению и анализу стилистических особенностей документов крымского средневекового канцелярита на базе жалованных грамот и писем проделал другой турецкой исследователь Мелек Озьетгин. Автор акцентирует свое внимание на характеристике структуры текстов крымских документов, принадлежащих хану Менгли Гирею, калгаю Нур-Девлету и мирзе Эминеку, выделяя в них отдельные значимые части, уделяя внимание вопросам самопрезентации сановной особы, стандартным формулам приветствия и обращения, выражения просьбы и т. п [18]. Однако в исследованиях Озьетгина нет ни слова от понятий "модальности" Шарля Балли и исследований субъективно-экспрессивных категорий лексических и синтаксических единиц.

По такому же принципу, построена книга польского ученого Дариуша Колоджейчика: "Крымское Ханство и Польско-Литовское государство" (Международная дипломатия на европейской периферии), в которой в качестве иллюстративного материала фигурируют документы европейской дипломатической переписки с правящим домом Гиреев [15].

Таким образом, в настоящее время крымскотатарское письменное наследие эпохи Крымского Ханства изучено неравномерно. Приоритетным направлением исследований в этой области представляются кадиаскерские дефтеры, перевод и анализ которых позволит решать актуальные задачи частной лингвистики и отечественной османистики в целом.

Литература

1. Березин И. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадет-Гирея с введением, переписью, переводом и примечаниями / И. Березин – Казань: Типография Университета, 1851. – 24 с.
2. Биярсланов М. Выписи изъ кадіаскерского сакка (книги) 1017 – 1022 хиджры (1608 / 9 – 1613 г. хр. лет.), хранящагося в архіве Таврического Губернского Правления / / Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). №№ 8; 9; 10. Симферополь. Типография Таврического губернского правления. 1889 – 1891.
3. Вельяминов-Зернов В. Материалы для изучения Крымского ханства, извлеченные по распоряжению императорской АН из Московского главного архива Министерства иностранных дел. – СПб.: 1864. – 119 с.
4. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения / / Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК) №№ 21; 22; 24; 25. Симферополь. Типография Таврического губернского правления. 1894 – 1897.
5. Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории Крымско-татарского землевладения / / Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК) №№ 22; 24; 25; 26, Симферополь. Типография Таврического губернского правления. 1895 – 1898.
6. Меметова Э. Ш. Къырымтатар тилининъ услюбиети ве нутукъ медениетининъ эсаслары. Учебное пособие / Э. Ш Меметова. Симферополь: Крымучпедгиз, 2002.– 82 с.
7. Меметова Э.Ш. Къырымтатар тилининъ услюбиети / Э.Ш. Меметова. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2001. – 144 с.
8. Репринтные рукописи бахчисарайских сиджилей, хранящиеся в библиотеке им. Гаспринского в Симферополе. Т. 1- 61.
9. Смирнов Д. В. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. В 2-х томах / Д. В. Смирнов – М., Издательский дом "Рубежи XXI", 2005. Т.1 – 542 с.; Т.2 – 314с.
10. Туран Ахмет Незихи. "Судебные реестры Крымского Ханства (после их обнаружения)" / / Культура народов Причерноморья № 30, 2002. – С. 90 – 93.
11. Туран Ахмет Незіхи. Релігійні суди періоду Кримського Каганату / / Україна – Туреччина: минуле, сучасне та майбутнє. – Київ, 2004. – С. 118-121
12. Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV – XVI вв / М. А. Усманов – Казань: Изд-во КазГУ, 1979. – 317 с.
13. Ahmet Cihan, Fehmi Yılmaz. Kırım Kadı Sicilleri / / İslam Araştırmaları dergisi. – Sayı 11, Üsküdar, 2004. – S. 131-176.
14. Kurat, Akdes N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait yarlık ve bitikler. – İstanbul, 1940. – 212 s.
15. Kolodziejczyk, Dariusz. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania (Ottoman Empire and It's Heritage]. International Diplomacy on the European Periphery (15th-18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. – Leyden-Boston, Brill, 2011.
16. Kavak, Nuri. Kırım Hanlığı Şer'iyye Sicillerinde Yer alan Avariz ve Para Vakıfları Üzerine / / Eskişehir Osmangazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. – № 10 (1). – S. 273-287.
17. Özdem, Zeynep. Kırım Karasubazar'da Sosyo-Ekonomik Hayat (17. yüzyıl sonlardan 18. yüzyıl ortalarına kadar] / Zeynep Özdem. – Ankara, 2010. – 197 s.
18. Özyetgin, Melek. Altın Ordu, Kırım ve Kazan Sahasına Ait Yarlık Ve Bitiklerin Dil Üslûp İncelemesi (inceleme-metin-tercüme-notlar-dizin-tıpkıbasım] / Melek Özyetgin. – Ankara, Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, 1996. – 297 s.
19. Turan, Ahmet Nezihi. Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Hakkında Notlar / / Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi. – № 9. – İstanbul, 2003. – S. 1-16.

Рустемов О. Д. Джерела з вивчення становлення офіційно-ділового стилю кримськотатарської мови епохи Кримського Ханства / О. Д. Рустемов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 232–237.

У статті йдеться про проблеми частної історичної стилістики і розглядається загальний перелік документів і наукових праць з вивчення історії становлення офіційно-ділового стилю кримськотатарської мови. Еволюція стилю ділових паперів кримськотатарської мови представлена в основних історичних етапах. У роботі вказано також загальний перелік історичних рукописних документів, які можуть бути об'єктами вивчення та аналізу з точки зору стилістично маркованої лексики, термінології, прийомів синтаксису. Особливий інтерес представляють історичні реалії, які відображаються в рукописах і наближення стилю деяких офіційних паперів до стилю художньої літератури.

Ключові слова: Кримське Ханство, історична стилістика, реєстри судових рішень, сіджіль, худжет, яфта, акче, флюрі, самопрезентація, османська традиція.

Rustemov O.D. Sources for the study of the formation of the Crimean Tatar language official style during the era of the Crimean Khanate / O.D. Rustemov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 232–237.

The article focuses on the problems of particular historical style and is considered a general list of documents and research papers on the study of the history of the formation of Crimean Tatar language official style.

The theory of style is based on the ideas and design of the famous French linguist Charles Bally, reflected in his famous work "The General Linguistics and French language issues". One of the main problems addressed in the article is the lack of a modern approach to the study and practical development of style in a particular Crimean Tatar linguistics. Also there is not at all in science the general course of development of functional styles of the Crimean Tatar language from the point of view of their historical base, the formation and subsequent evolution. In the article the range of sources and documents, the study of which will solve the problems of modern diachronic and synchronous style of the Crimean Tatar language is examined. This article is preceded by a series of publications of the style of "sidzhils" – registers of judgments and notarial documents of the Crimean Khanate in the period between XVI and XIX centuries. Evolution of business papers style in the Crimean Tatar language is represented in the main historical stages. The paper also indicated on a common list of historical handwritten documents, which can be subjects of study and analysis in terms of stylistically marked words, terminology and techniques syntax. Of particular interest are the historical realities that appear in manuscripts and style approximation of some official papers to the style of fiction.

Key words: Crimean Khanate, the historical style, registers judgments, sidzhil, hudzhet, yafta, akche, flyuri, self-presentation, the Ottoman tradition.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 238–249.

УДК 811.512.145

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ПРОШЕДШЕГО КАТЕГОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ НА -ДЫ / -ДИ / -ТЫ / -ТИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С СООТВЕТСТВУЮЩИМИ АНГЛИЙСКИМИ ФОРМАМИ ГЛАГОЛА

Швед Е. В.

Институт перевода Библии (Москва)
E-mail: kitap.inform@gmail.com

Хорошее знание международных языков, а в частности английского языка, является необходимым условием существования в нашем мире. Для того, чтобы его усвоение было успешным, необходимо сопоставление его грамматических структур со структурами родного языка. Однако до сих пор никто не занимался сопоставлением английского и крымскотатарского языков. В данной статье ставится задача сопоставить структуры и семантические значения крымскотатарского глагола прошедшего категорического времени на *-ды / -ди / -ты / -ти* с английскими формами глагола, в первую очередь с формой простого прошедшего времени Past Simple Tense, образующегося чаще всего с помощью суффикса *-(e)d*. В результате исследования выявляются наличие большого количества общих закономерностей, но также показываются и различия в построении и употреблении данных форм.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, английский язык, прошедшее категорическое время, Past Simple Tense

Постановка проблемы. Знание английского языка с каждым днём становится всё более необходимым условием для успешного существования в нашем мире. Существует большое количество материалов по изучению английского языка для носителей многих языков, в том числе и русского языка. Однако они являются несколько инородными для крымскотатарского читателя, так как русский язык существенно отличается от крымскотатарского. Лица, владеющие крымскотатарским языком и желающие подробно изучить английский язык, не имеют материалов, которые помогли бы им сопоставить формы английского языка со своими родными. Самым важным в данном сопоставлении является сопоставление глагольных форм, из которых формы прошедшего времени являются самыми употребительными.

Актуальность работы. На сегодняшний момент автору не известны исследования на данную тему. Для успешного овладения английским языком представляется просто необходимым сопоставление его грамматических структур со структурами родного языка. Именно таким образом произойдёт эффективное усвоение и позже использование в речи осознанно правильных конструкций.

Целью статьи является структурно-семантический анализ крымскотатарского глагола прошедшего категорического времени на *-ды / -ди / -ты / -ти* в сопоставле-

нии с соответствующими английскими формами глагола, выявление сходств и различий между двумя языками.

Структурный анализ образования форм глаголов прошедшего времени на *-ды / -ди / -ты / -ти* в крымскотатарском языке и соответствующих форм глагола в английском языке

Самой распространённой формой глагола для передачи прошедшего времени в крымскотатарском языке является форма ***прошедшего категорического времени*** (далее «ПКВ»). Она образуется посредством суффикса – *ды / -ди / -ты / -ти* (выбор формы суффикса происходит в соответствии с законами ассимиляции и гармонии гласных) и соответствующих суффиксов лиц и чисел.

Примеры спряжения глаголов *бармакъ* (“пойти”), *бакъмакъ* (“посмотреть”), *корьмек* (“увидеть”), *кетмек* (“уйти”):

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	*бар-**ды-м***	*бар-**ды-къ***
2 л.	*бар-**ды-нъ***	*бар-**ды-нъыз***
3 л.	*бар-**ды***	*бар-**ды(-лар)***

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	*бакъ-**ты-м***	*бакъ-**ты-къ***
2 л.	*бакъ-**ты-нъ***	*бакъ-**ты-нъыз***
3 л.	*бакъ-**ты***	*бакъ-**ты(-лар)***

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	*корь-**ди-м***	*корь-**ди-к***
2 л.	*корь-**ди-нъ***	*корь-**ди-нъиз***
3 л.	*корь-**ди***	*корь-**ди(-лер)***

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	*кет-**ти-м***	*кет-**ти-к***
2 л.	*кет-**ти-нъ***	*кет-**ти-нъиз***
3 л.	*кет-**ти***	*кет-**ти(-лер)***

Самой распространённой формой глагола для передачи прошедшего времени в английском языке является форма простого прошедшего времени *Past Simple Tense* (далее «PST»). Она образуется одним из двух способов:

1) У всех правильных глаголов форма прошедшего времени образуется с помощью конечного суффикса *-(e)d*: *to bake* – ***bake-d*** (“испечь – испёк”), *to stay* – ***stay-ed*** (“остановиться – остановился”), *to walk* – ***walk-ed*** (“ходить – шёл”].

2) У неправильных глаголов форма прошедшего времени образуется поразному, её необходимо находить в таблицах неправильных глаголов и запоминать: *to go* – ***went*** (“пойти – пошёл”), *to find* – ***found*** (“найти – нашёл”), *to eat* – ***ate*** (“(съ)есть – (съ)ел”].

Примеры спряжения правильного глагола *walk* (“ходить”) и неправильного глагола *eat* (“кушать”):

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	*I walk-**ed***	*we walk-**ed***
2 л.	*you walk-**ed***	*you walk-**ed***
3 л.	*he / she / it walk-**ed***	*they walk-**ed***

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	*I **ate***	*we **ate***
2 л.	*you **ate***	*you **ate***
3 л.	*he / she / it **ate***	*they **ate***

Как видно, в крымскотатарском языке образование форм ПКВ происходит от глагола неопределённой формы посредством а) опускания суффикса неопределённости *-мек / -макъ*, б) добавления суффикса *-ды (-ди, -ты, -ти)* в соответствии с правилами сингармонизма, в) присоединения суффиксов соответствующего лица и числа. В английском языке неопределённая форма глагола совпадает с корневой (если её можно так назвать), поэтому суффикс прошедшего времени *-(e)d* присоединяется прямо к ней. (Если глагол неправильный, то форму прошедшего времени необходимо определить по таблице форм неправильных глаголов.) В прошедшем времени глаголы английского языка не изменяются в зависимости от лица и числа. Для всех лиц и чисел существует только одна форма.

Интересно заметить, что образование форм прошедшего времени крымскотатарских глаголов и правильных глаголов несколько похоже на фонетическом уровне. Как в английском, так и в крымскотатарском языке выбор произношения конечного суффикса зависит от правил сингармонизма, но в крымскотатарском это проявляется в графической форме, а в английском только на фонетическом уровне. Хотя в английском языке графически суффикс пишется без изменений (*-ed*), после глухого согласного звука суффикс произносится глухо [t], а после звонкого согласного произносится звонко [d]. Если же глагол заканчивается на звук [t]. или [d], то в таком случае суффикс произносится [ɪd]. Примеры: *walk**ed*** [ˊwɔ:k**t**], *stay**ed*** [ˊsteɪ**d**], *found**ed*** [ˊfaʊndɪ**d**], *ignite**d*** [ɪgˊnaɪtɪ**d**]. На этом структурное сходство заканчивается.

Семантический анализ

Форма прошедшего категорического времени в крымскотатарском языке чаще всего выражает ***действие, которое уже совершилось к моменту речи***. Главное здесь – факт завершения действия [1, 467]. Это действие может иметь значение и последствие для настоящего, а может и не иметь. Главное, что действие было завершено к моменту говорения.

В английском языке форма PST также обозначает ***действие, которое имело место ранее, до момента речи*** [2, 469]. В обычном употреблении форма PST совмещает в себе два значения: а) действие / событие / состояние имело место в прошлом, и между его завершением и настоящим моментом есть разрыв; б) говорящий или пишущий точно представляет себе, в которое конкретное время произошло данное действие / событие / состояние [3, 183].

Форма ПКВ может употребляться в следующих случаях:

1. Говорящий является очевидцем однократного действия, произошедшего в недавнем или в далёком прошлом: *Тюневин мен меракълы бир макъалени* ***окъудым***. “Вчера я **прочитал** интересную статью”; *Бир бинъ докъуз юз докъсан дёртюнджи сенеси буюк бир зельзеле бутюн Къырым ярымадасыны* ***къалтыратты***. “В 1994-ом году большое землетрясение **потрясло** весь полуостров Крым»).

В данном случае в английском языке употребляется форма PST, которая обозначает кратковременные завершённые действия / события вне зависимости от того, произошли они в недавнем или очень далёком прошлом: *Yesterday I* ***read*** *an interesting article.* “Вчера я **прочитал** интересную статью” ; *In 1994 a large earthquake* ***shook*** *the whole Crimean peninsula.* “В 1994-ом году большое землетрясение **потрясло** весь полуостров Крым». В английском языке не имеет значения, является ли говорящий очевидцем произошедшего события или нет. В данном случае форма PST часто употребляется с обстоятельством времени, относящего нас к прошлому.

Таким образом, при описании единократных действий и событий, произошедших в прошлом и передаваемых очевидцем, крымскотатарской форме ПКВ соответствует английская форма PST, которая употребляется просто для констатации действия / события, произошедшего в прошлом, определяемом обстоятельством времени.

2. Говорящий не является очевидцем однократного действия, произошедшего или в недавнем прошлом, или в далёком прошлом, однако он не сомневается в том, что действие имело место: *Кечкен кунь Украина президенти Европагъа* ***кетти***. “Позавчера президент Украины **отправился** в Европу”; *Ана-бабам къыркъ беш йыл эвельси* ***эвленди***. “Мои родители **поженились** сорок пять лет тому назад».

В английском языке в таких случаях употребляется форма PST. Морфологически не даётся указание на то, был ли говорящий очевидцем события или нет. Это становится ясно из контекста. Существует полная уверенность в том, что событие произошло: *The day before yesterday the President of Ukraine* ***left*** *for Europe.* “Позавчера президент Украины **отправился** в Европу”; *My parents* ***became*** *married 45 years ago.* “Мои родители **поженились** сорок пять лет тому назад».В данном случае также часто присутствует обстоятельство времени.

Как видим, при описании единократных действий и событий, произошедших в прошлом и передаваемых человеком, не являвшимся очевидцем действия / события, в крымскотатарском языке может употребляться форма ПКВ, которой и в данном случае соответствует английская форма PST. В описанных случаях употребления формы ПКВ может не обращаться внимание, является ли говорящий очевидцем события или нет.

3. Говорящий повествует о событиях, которые произошли в очень далёком прошлом. При этом он убеждён, что они на самом деле имели место: *Эй, иман кетиргенлер! Мусаны ынджыткъанлар киби олманъыз! Аллаh оны, узерине айтылгъан ифтиралардан* ***пакледи***. *О Аллаhнынъ индинде дегерли бир киши эди* [4, 426]. *“*О вы, кто верует! Не будьте вы подобны тем, Которые тревожили и оскорбляли Мусу! Аллах его от поруганий их **очистил**, И стал пред Богом досточтимым он” [5, 456].

Довольно часто в крымскотатарской литературе форма ПКВ употребляется вне зависимости от того, ведётся ли повествование о событиях реальных или вымышлен-

ных. Здесь события рассматриваются исключительно в рамках самого произведения, и со взгляда изнутри они имели место: *Тамам шу вакъыт къартнынъ къабири башында беяз бир колетке ельпиреп* ***котерильди****, соньъ* ***чёкти*** *ве бир къач керелер шай* ***текрарланды*** [6, 88]. "В это же время у изголовья могилы старика какая-то тень раскачиваясь **поднялась**, потом **опустилась**, и это **повторилось** несколько раз".

В английском языке в данном случае также употребляется форма PST. При этом событие могло произойти на самом деле или быть вымышленным. *So Moses* ***stretched*** *out his staff over the land of Egypt, and the LORD* ***directed*** *an east wind upon the land all that day and all that night* [7, 85]. "Моисей **простер** посох над землей египетской – и ГОСПОДЬ **послал** на Египет восточный ветер" [8, 76]. В данном случае событие (то, что Моисей простёр свой посох и Бог послал на Египет ветер) считается реальным, произошедшим в истории событием. В предложении *Once upon a time the evil king of the land of Gorthridge on the Moon* ***sent*** *a messenger to Earth*. ("Однажды злой царь страны Гортридж на Луне **отправил** на Землю гонца») используется та же форма PST, но с самого начала предложения видно, что речь идёт о вымышленных событиях.

Из этого следует, что как в крымскотатарском, так и в английском языках при описании единократных действий / событий, произошедших в далёком прошлом, вне зависимости от того, является ли говорящий очевидцем этого действия / события или нет, употребление форм ПКВ и PST синонимично. Часто присутствует обстоятельство времени, относящее нас в прошлое. Однако время действия может выводиться и из контекста.

4. Говорящий сообщает о действии, которое продолжалось долгое время в прошлом. В данном случае просто констатируется тот факт, что событие имело место в прошлом, не связывая данное событие с другими одновременно происходящими событиями и действиями: *Мен он йыл девамында Озьбекистанда* ***яшадым***. "Я десять лет **жил** в Узбекистане». Обычно подразумевается, что действие уже не имеет место в настоящем времени. Если посмотреть на предыдущий пример, то в данном случае можно с уверенностью заявлять, что говорящий жил в Узбекистане десять лет, а в данное время он там не проживает.

В английском языке в предложении *I* ***lived*** *in America for two years* "Я **прожил** в Америке два года" Кроме того, факта, что говорящий жил в Америке продолжительное время, форма PST также указывает на то, что сейчас говорящий уже не находится в Америке.

Таким образом, как как в крымскотатарском, так и в английском языках формы ПКВ и PST могут употребляться для описания продолжительных действий / событий, имевших место в прошлом, которые не имеют место в момент говорения. Разрыв связи события, произошедшего в прошлом, с настоящим временем обозначается наличием обстоятельств времени. Но совершенно необязательно явное наличие обстоятельств времени. Достаточно того, чтобы говорящий предполагал, что и слушающий относит событие / действие / состояние к прошлому [3, 184].

5. Говорящий сообщает о действии, которое носило характер повторяющегося, многократного действия в прошлом. В данном случае также просто констатируется тот факт, что событие имело место в прошлом, не связывая данное событие с дру-

гими одновременно происходящими событиями и действиями: *Мен яш йигит олгъанымда, биз эр вакъыт къартбабам ве къартанамнен берабер джумаэртеси кунь-лери акъшамлыкъ* ***ашадыкъ***. "Когда я был подростком, мы всегда по субботам **ужинали** вместе с дедушкой и бабушкой».

Единократность или многократность действия может пониматься из контекста. Главное, что действие было завершено: *Мен бу китапны* ***окъудым***. "Я прочитал эту книгу"; *Мен бу китапны беш кере* ***окъудым***. "Я пять раз прочитал эту книгу».

В английском языке в данном случае также употребляется форма PST, которая в контексте обозначает повторяющиеся события: *When I was a teenager we always* ***had*** *dinner together with my grandparents.* "Когда я был подростком, мы всегда **ужинали** вместе с дедушкой и бабушкой». Из данного предложения явно следует, что говорящий более не является подростком, а также больше не ужинает с бабушкой и дедушкой. В данном случае в английском языке для обозначения повторяющегося действия используется обстоятельство времени «всегда». Без употребления данного обстоятельства можно было бы употребить фразу с ***used to*** (*we* ***used to have*** *dinner together* – "мы **ужинали** вместе" (или "**имели обыкновение** ужинать вместе"].

Как видно, в крымскотатарском и английском языках формы ПКВ и PST могут использоваться для передачи многократных завершённых действий / событий. Как один, так и другой язык прибегает к помощи других средств (обстоятельствам времени, таким как *всегда, каждый раз, по пятницам, часто* и т.д.) для того, чтобы выразить многократность действия.

6. Необходимо отметить ряд случаев, когда действие, произошедшее в прошлом, имеет последствия в настоящем: *Мен артыкъ бу китапны* ***окъудым***. "Я уже прочитал эту книгу" – прочитал и сейчас знаю, о чём она; *Мен деми башлыкънынъ машинасыны* ***корьдим***. "Я только что видел машину начальника в гараже" – видел и сообщаю, что она сейчас скорее всего находится там же.

В английском языке для передачи этих прошедших действий традиционно употребляется не форма PST, а форма настоящего перфектного времени: *I* ***have*** *already* ***read*** *this book.* "Я уже прочитал эту книгу»; *I* ***have*** *just* ***seen*** *the chief's car in the garage.* "Я только что видел машину начальника в гараже».

В английском языке форма настоящего перфектного времени **Present Perfect Tense** (далее «PresPT») является одной из самых употребимых форм для: а) передачи сообщений о уже произошедших событиях, результаты которых ещё ощущаются в момент говорения; б) передачи сообщения о состоянии или действии, которое началось до момента речи и продолжается до настоящего времени, а иногда будет продолжаться и в будущем.

Данная форма образуется одним из двух способов.

1) У всех правильных глаголов форма прошедшего перфектного времени образуется с помощью вспомогательного глагола ***have*** и глагола с суффиксом ***-(e)d*** (так называемой формой «прошедшего причастия»): *to bake* – ***have bake-d*** ("испечь – испёк"), *to stay* – ***have stay-ed*** ("остановиться – остановился"): *I* ***have*** *just* ***ironed*** *twenty shirts.* "Я только что погладил три двадцать рубашек ".

2) У неправильных глаголов форма прошедшего перфектного времени образуется с помощью ***have*** и глагола в так называемой форме «прошедшего причастия».

Эту форму легко найти в таблицах неправильных глаголов: *to go – went – **gone*** (“пойти – пошёл”)*, to find – found – **found*** (“найти – нашёл”].

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	*I **have** walk-**ed***	*we **have** walk-**ed***
2 л.	*you **have** walk-**ed***	*you **have** walk-**ed***
3 л.	*he / she / it **has** walk-**ed***	*they **have** walk-**ed***

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	*I **have eaten***	*we **have eaten***
2 л.	*you **have eaten***	*you **have eaten***
3 л.	*he / she / it **has eaten***	*they **have eaten***

Однако в ряде случаев в разговорной речи форма PST употребляется вместо формы настоящего перфекта [3, 185]. В данном случае форма PST употребляется с обстоятельствами времени *always, never, ever* (“всегда”, “никогда”, “когда-нибудь”): *I always **knew** you were my friend.* “Я всегда знал, что ты мой друг». Здесь форма глагола описывает действие / состояние, которое продолжается и до сегодняшнего дня. Данную конструкцию следует отличать от случаев с обстоятельствами времени, относящими нас к определённому времени в прошлом: *In the past, I always thought you were my friend*. (“В прошлом я всегда думал, что ты мой друг.) Здесь подразумевается, что на сегодня положение дел уже другое, и употребляется форма PST.

Небольшое различие в употреблении формы PST глагола можно увидеть между Британским и Американским английским [3, 193]. В Американском английском существует тенденция использовать больше и больше форму PST вместо перфектной формы глагола настоящего времени: ***Did** you ever **go** to Florence?* “Вы когда-либо ездили во Флоренцию?” вместо ***Have** you ever **gone** to Florence?;* или ***Did** the children **come** home yet?* “Дети уже пришли домой?” вместо ***Have** the children **come** home yet?;* или *You **told** me already* “Ты мне уже рассказал” вместо *You **have told** me already;* или *I just **came** back*. “Я только что вернулся” вместо *I **have** just **come** back.*

При анализе вышеупомянутого необходимо сделать вывод, что в крымскотатарском и разговорном английском языках (особенно в Американском английском) формы ПКВ и PST могут использоваться для передачи сообщений о действиях / событиях / состояниях, произошедших в прошлом, но имеющих последствия в настоящем. Что же касается литературного английского языка, особенно его Британского варианта, то вместо формы PST в данном случае будет употребляться форма PresPT.

При переводе английских глагольных форм PresPT следует обращать внимание на их значения. С помощью формы ПКВ можно перевести на крымскотатарский язык только те глаголы, которые обозначают свершившиеся в прошлом действия / события. Если с помощью формы PresPT выражается действие / событие, начавшее-

ся в прошлом, которое продолжается и в настоящем, а также может продолжаться и в будущем, формой ПКВ такие формы передавать нельзя.

Следует заметить, что в крымскотатарском языке нет отдельной формы, подобной английской форме PresPT. Имеет ли действие, произошедшее в прошлом, свои последствия в настоящем или нет, понимается из контекста.

1. В пословицах и поговорках форма ПКВ иногда может употребляться для выражения привычного, повторяющегося действия, без акцента на очевидность или неочевидность. Здесь больше имеется в виду обычное положение дел: *Акъыллыгъа* ***айттым*** – ***анълады***, ***бильди***, *акъылсызгъа* ***айттым*** – ***шакъылдады кульди*** [9, 18]. “Скажешь умному – поймёт, скажешь глупому – рассмеётся и отшутится”. Буквально “Я сказал умному – он понял, осознал, а сказал глупому – он пошутил и рассмеялся». Но в подавляющем количестве случаев в пословицах и поговорках для выражения прописной истины используется преимущественно форма будущего постоянного (ещё называемого «настояще-будущего») времени: *Артына бакъкъан ёл* ***алмаз*** [9, 28]. “Тот, кто оглядывается назад, в дорогу не выходит»; *Арсыз* ***утанмаз***, *сою* ***утаныр*** [9, 28]. “Бессовестному не стыдно, а стыдно его родне»; *Догъру сёз адждже* ***олур*** [9, 68]. “Правда бывает горькой»; *Догъру сёз* ***ольмез*** [9, 68]. “Правдивое слово не умирает»; *Мышыкъ олмагьан эвде сычанлар баш* ***къалдырыр*** [9, 111] “В доме, в котором нет кошки, мыши восстают».

В английском языке для передачи прописных истин обычно используется не форма прошедшего времени PST, а форма настоящего времени глагола: *Bad news* ***travels*** *fast.* “Плохие новости быстро разносятся»; *As the old cock* ***crows***, *so* ***crows*** *the young.* “Молодой петух кричит так же, как и старый»; *That which* ***does not kill*** *us* ***makes*** *us stronger.* “Что нас не убьёт, то сделает сильнее”. – букв. “Что нас не убивает, то делает нас сильнее»; *You* ***can't make*** *an omelette without breaking eggs.* “Яйцо не разобьёшь – не сделаешь омлет» ; *You* ***catch*** *more flies with honey than with vinegar.* “На мёд поймаешь больше мух, чем на уксус». Однако, в редких случаях может употребляться и форма PST: *Worrying never* ***did*** *anyone any good.* (“От переживаний толку не будет”. -буквально: “Переживания никогда ни в чём никому не принесли добра»)

Таким образом, крымскотатарская форма ПКВ и английская форма PST в редких случаях могут синонимично использоваться для передачи прописных истин. Однако в большинстве случаев такие совпадения не имеют место, так как в крымскотатарском языке в данном случае используется форма настояще-будущего времени глагола, а в английском – форма настоящего времени.

Использование форм ПКВ и PST на уровне текста (или дискурса)

При повествовании о реальных событиях форма ПКВ используется для того, чтобы вести основную, первостепенную линию развития событий. Данная форма не употребляется для передачи фоновых действий и событий.

Даа кеченлерде Ресуль эфенди янаша кой – Беш арыкътан мусафирликтен къайтмакъта эди. Ёлда, кене шу койге кетмекте олгъан Мемиш агъа ***расткельди****. Селям бермей, ат устюнден Ресуль эфендининъ къайда ве не ичюн баргъаныны* ***сорады****. Ресуль эфенди джевап ерине, онынъ къаршысында озь шахсий иши ичюн*

*джевапкяр олмагъаныны **сёйледи**. Мемиш агъанынъ этли янакълары бирден алланып, къан ёлакъларынен **къапланды**, козьлери атеш кескинлигинде парылдап **алды**.*

*– Сен меним къулумсынъ, джевап бер, – **деди** о* [6, 8-9].

("Ещё недавно Ресуль-эфенди возвращался из соседней деревни Беш арыкъ, куда ходил в гости. По дороге он **встретил** Мемиша-агъа, который шёл в ту же деревню. Не поздоровавшись, Мемиш-агъа с лошади **спросил** у Ресуля-эфенди, куда тот ходил и зачем. Вместо того, чтобы ответить, Ресуль-эфенди **сказал**, что не обязан отчитываться перед ним о своих личных делах. Мясистые щёки Мемиша-агъа сразу же зардели, **покрылись** кровавыми полосами, а глаза **загорелись** огнём.

– Ты – мой раб, отвечай! – **сказал** он") (Перевод Е.Ш.)

В данном отрывке крымскотатарские глаголы *расткельди, сорады, сёйледи, къапланды, алды, деди* ("встретил, спросил, сказал, покрылись, загорелись, сказал") поступательно ведут основную сюжетную линию и выражают единократные действия. Для выражения фоновых действий, особенно длительных действий, используются другие формы глагола, к примеру глагол *къайтмакъта эди* ("возвращался"), выражающий длительное действие, которое создаёт обстановку, на фоне которой происходят основные действия.

Ещё один пример:

*Эртеси куню ишке чыкъкъан **олмады**. Къарты-яшы, эписи саба намазына **топландылар**. Мемиш агъа биле кибирлигини унутып, халкънен **селямлашты**, намаздан сонъ джами алдында къалып, агъыз ачмадан динъленип **турды**. Онынъ къан киби къызыл юзю баягъы агъаргъан, козьлерине юкъусызлыкъ ве кедер солгьунлыгъы тюшкен эди. О, нечюндир раатсызлана ве терен шубелерде къалгъан адамнынъ бичарелигинен козьлерини дёрт бир тарафкъа долаштырмакъта эди. Дерсинъ, даркъамай, джами алдында къарышып, недир, бир шейлер беклеп тургъан джемааттан имдат истей эди* [6, 89].

("На следующий день никто **не вышел** на работу (буквально: "не было никого, кто вышел на работу"). И дети, и старики – все **собрались** на утренний намаз. Даже Мемиш-агъа, позабыв свою спесивость, **поздоровался** с людьми, и, оставшись после намаза перед мечетью, **стал**, слушая и не раскрывая рта. Его обычно красное как кровь лицо значительно побледнело, а глаза стали бесцветными от бессонницы и забот. Он о чём-то беспокоился, а глазами стрелял то в одну, то в другую сторону, подобно несчастному человеку, одолеваемому серьёзными сомнениями. Он как будто хотел попросить помощи у народа, который не расходясь, толпился перед мечетью и стоял, чего-то ожидая"). (Перевод Е.Ш.)

Глаголы *олмады, топландылар, селямлашты, турды* ("не вышел, собрались, поздоровался, стал") также и здесь поступательно ведут основную сюжетную линию и выражают единократные действия. Фон создаётся глаголами в других формах, которые передают либо действия, которые произошли до событий основной сюжетной линии (*агъаргъан, тюшкен эди* – "(лицо) побледнело, (глаза) стали бесцветными"), либо действия, имеющие определённую продолжительность *(раатсызлана, долаштырмакъта эди, истей эди* – "беспокоился, (глазами) стрелял, хотел попросить (помощи)").

В английском языке форма PST также используется для ведения основной событийной линии. А для передачи фоновых событий и действий обычно используются другие формы глагола.

*They **fought** on, through exhaustion and beyond, to exhaustion immeasurable and inconceivable, until the crowd of brutes, its blood-lust sated, terrified by what it saw, **begged** them impartially to cease. And Cheese-Face, ready to drop and die, or to stay on his legs and die, a grisly monster out of whose features all likeness to Cheese-Face had been beaten, **wavered** and **hesitated**; but Martin **sprang** in and **smashed** him again and again* [10, 129].

("Бой **возобновился**, и хотя оба противника дошли до предела изнеможения, они все же продолжали осыпать друг друга ударами, пока, наконец, окружавшая их звериная стая, насытив свою жажду крови, не почувствовала страха и **не начала уговаривать** их прекратить драку. Масляная Рожа, едва державшийся на ногах, страшное чудовище, потерявшее человеческий облик, **остановился** в нерешительности, но Мартин **кинулся** на него, снова и снова осыпая ударами») (Перевод С.Заяцкого.)

В данном отрывке основная линия событий передаётся глаголами в PST *fought on, begged, wavered, hesitated, sprang in, smashed* – "бой возобновился, начала уговаривать, остановился в нерешительности, кинулся, осыпая ударами". Эти глаголы передают основную событийную линию; фоновую или какую-либо другую информацию они не передают.

Ещё один пример: *And as they **stood** so, their hands **met** and **clasped**, though they **did not know** it. And still they **waited** for they **knew** not what. Then presently it **seemed** to them that above the ridges of the distant mountains another vast mountain of darkness **rose**, towering up like a wave that should engulf the world, and about it lightnings **flickered**; and then a tremor **ran** through the earth, and they **felt** the walls of the city quiver. A sound like a sigh **went up** from all the lands about them; and their hearts **beat** suddenly again* [11, 941].

("Когда они так **стояли**, их руки **встретились** и **сплелись** друг с другом, а они об этом и **не знали**. Они всё **ждали неизвестно** чего (буквально "и не знали чего"). Некоторое время спустя им **показалось**, что над далёкими горами **поднялась** другая огромная тёмная гора, подобно волне, которая вот-вот проглотил весь мир. Над ней **замерцали** молнии. И вдруг земля **задрожала**, и они **почувствовали**, как затряслись городские стены. Подобный глубокому вздоху звук **поднялся** со всех сторон, и их сердца вдруг снова **затрепетали**"). (Перевод Е.Ш.)

В данном отрывке основная сюжетная цепочка глаголов в форме PST такова: *stood, met, clasped, did not know, waited, knew not, seemed, rose, flickered, ran, felt, went up, beat* – "стояли, встретились, сжали, не знали, ждали, не знали, показалось, поднялась, замерцали, задрожала, почувствовали, поднялся, затрепетали". Они употребляются для передачи поступательного развития сюжета, имеют первостепенное значение и не передают фоновую информацию.

Как видно из приведённых примеров, для передачи действий основной сюжетной линии используются форма ПКВ в крымскотатарском языке и форма PST в анг-

лийском языке. Похоже, что в данном случае можно смело утверждать, что эти две формы идентичны в данном семантическом значении.

Выводы и перспектива. При анализе употребления крымскотатарского глагола прошедшего категорического времени на – *ды / ди / ты / ти* (форма прошедшего категорического времени) в сопоставлении с английскими формами глагола обнаружено, что данная форма семантически соответствует употреблению формы Past Simple Tense (форма прошедшего времени глагола на *-(e)d* у правильных глаголов). Исключением составляют случаи, когда произошедшее в прошлом действие имеет последствия в настоящем времени (хотя в английском в таком случае и возможно употребление формы Past Simple Tense, в литературном языке употребляется форма Present Perfect Tense), а также случаи, когда идёт речь о прописных истинах (в английском в таком случае чаще всего употребляется форма Present Simple Tense). Что же касается употребления данной формы в дискурсе, то форма ПКВ и форма PST идентично друг другу употребляются для передачи действий / событий основной сюжетной линии.

Для получения более полного представления о том, как соотносятся друг с другом крымскотатарские и английские времена, необходимо также провести сопоставление в первую очередь крымскотатарского прошедшего неочевидного времени с английскими прошедшими временами.

Литература

1. Меметов А. Крымскотатарский язык. – Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2013. – 576 с.
2. Суон М. Английский язык в современном употреблении. – М., Высш. шк., 1984. – 552 с.
3. Quirk R., Greenbaum S. A Comprehensive Grammar Of The English Language. – London and New York: Longman, 1994.
4. Къур'ан-ы Керим. – Переклад Корана кримськотатарською мовою. Видання друге, виправлене и доповнене. Переклад М.-Р. Фазила. – Акъмесджит, 2006. – Сура 33:69.
5. Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. – 8-е издание. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – 800 с. – Сура 33:69.
6. Болат Ю. Алим (роман]. – Симферополь: Тарпан, 2009. – 384 с.
7. The Topical Chain Study Bible. New American Standard. – Nashville, Camden, New York: Thomas Nelson Publishers, 1983. – Exo 10:13.
8. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические. Современный русский перевод. – М.: Российское Библейское Общество, 2011. – Исх 10:13.
9. Аталар сёзлери ве айтымлар. (Къырымтатар тилининъ паремиологик лугъаты) / Шевкет Асанов – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты. Симферополь – 2002. 184 с. Къырым татар тилинде.
10. Лондон Джек. Мартин Иден: Роман. – На англ. яз. – К. : Дніпро, 1980. – 367 с.
11. J.R.R. Tolkien. The Return of the King. – Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 2002.

Швед Є. В. Структурно-семантичний аналіз кримськотатарського минулого категоричного часу на -ди / -ді / -ти / -ті в зіставленні з відповідними англійськими формами дієслова / Є. В. Швед // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 238–249.

Добре знання міжнародних мов, а зокрема англійської мови, є необхідною умовою існування у нашому світі. Для того, щоб її засвоєння було успішним, потрібне зіставлення граматичних структур англійської мови із структурами рідної мови. Проте досі ніхто не займався зіставленням англійської і кримськотатарської мов. У даній статті ставиться завдання зіставити структури і семантичні значення кримськотатарського дієслова минулого категоричного часу на *-ды / -ди / -ты / -ти* з англійськими

формами дієслова, в першу чергу з формою простого минулого часу Past Simple Tense, що утворюється найчастіше за допомогою суфікса *-(e)d*. В результаті дослідження виявляються наявність великої кількості загальних закономірностей, але також показуються і відмінності в побудові і вживанні цих форм.

Ключові слова: кримськотатарська мова, англійська мова, минулий категоричний час, Past Simple Tense

Swede E. V. Structural and semantic analysis of the Crimean Tatar past definite time -dy / -di / -ty / -ti contrasted with the English verb forms / E. V. Swede // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 238–249.

An excellent knowledge of international languages, in particular English, is vitally necessary in our world. In order to master it, one needs to compare the grammatical structures of English to those of his mother tongue. Unfortunately until now nobody has done anything to compare the English and Crimean Tatar languages. The purpose of this article is to contrast the build-up of Crimean Tatar Past Categorical Tense verbs ending in *-ды / -ди / -ты / -ти* with the corresponding English verb forms, primarily Past Simple Tense verbs formed with the help of the suffix *-(e)d*.

As a result of this research it has been determined that the Crimean Tatar Past Categorical Tense verbs are used to express events, actions, or states that happened in the near past, far past, and very ancient past. The speaker may be the one who witnessed the event, action, or state; or he may not have been the witness of the event, but he is confident that the event happened in the past based on the reliable sources of information available to him. The action could have happened once or it could have happened several times (this information is derived from the context]. The sentence may contain adverbs referring to the past, or it may contain none. Crimean Tatar verbs use Past Categorical Tense to carry on the main plot line and to present primary information. Other verb forms are used for backgrounding and introducing secondary information.

Much in the same way the English Past Simple Tense verbs are used to name events, actions, and states that happened in the past and that are no longer happenning in the moment of speaking. They are as well used to carry on the main plot line and to present foreground information. The presence of adverbs referring to the past is almost a must in English in these cases, although they can be omitted if both the speaker and the listener are in no doubt about the time that the unit of speech refers to. As it is the case with the Crimean Tatar Past Categorical Tense, English Past Simple Tense verbs are not used for the events, actions, and states that form the background. Whether the event or action happened once or multiple times is deduced from the context. By default the verb form itself indicates a single action.

The difference in the use of verb forms between the two languages comes when the action or state took place in the past, but its effects are clearly seen or felt in the present. In this case English would most likely use the Present Perfect Tense, while Crimean Tatar will make no distinction and use the Past Categorical Tense forms. However, if the action or state began in the past and still continues in the moment of speaking, Crimean Tatar will use a present tense verb form and some other way to indicate that the action has continued for a while, while English may just use the Present Perfect Tense or Present Perfect Progressive Tense.

Contrasting the use of the above-mentioned tenses of Crimean Tatar and English is just the beginning in analyzing complex verb form variations present in the modern Crimean Tatar language.

Key Words: Crimean Tatar language, English language, Past Categorical Tense, Past Simple Tense

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 250–256.

УДК 811.161.1+811.512.161

РОЛЬ КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА В ЭКВИВАЛЕНТНОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. – С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» НА РУССКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ)

Шеремет В. В.

Таврический Национальный Университет имени В. И. Вернадского
E-mail: sheremetvitaliy@gmail.com.

Автор статьи раскрывает перспективу использования системного подхода к грамматической категории падежа для снятия полисемии и омонимии при трансфере синтаксических явлений в машинном переводе. Предметом системного рассмотрения становится категория падежа, как явление, структурное описание которого влечет за собой полисемию и омонимию синтаксических конструкций. Выявляются релевантные для формирования отношений падежа с другими языковыми феноменами параметры, на основе которых возможна разметка параллельных текстов. Границами выделяемых сегментов становятся монопропозитивные конструкции, обладающие предикативностью (эксплицитной либо имплицитной). В турецком языке в соответствии с данными конструкциями отбираются эквивалентые единицы, которые также формализуются с учетом специфики языка и сопоставляются с конструкциями русского языка.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, русский язык, турецкий язык, эквивалентный перевод, синтаксические конструкции, полисемия, омонимия, категория падежа, системный подход, параллельные тексты, сопоставительный анализ.

Постановка проблемы. Среди проблем прикладной лингвистики в современных машинных переводчиках (МП) выделяется вопрос синтаксической полисемии и омонимии, особенно важный при работе с материалом разнородных языков, таких, как русский и турецкий.

Снятие омонимии и полисемии формальных конструкций видится возможным при ситемном представлении категории падежа. Однако данный подход прежде не применялся в оптимизации МП.

В этой связи **целью** исследования стала верификация системного подхода падежа, для достижения которой релевантные параметры падежных эквивалентов описывались и сравнивались с результатами, полученными на основе других теорий (как в фундаментальном, так и прикладном описании).

Объектом исследования стала конструктообразующая функция падежа, рассматриваемая нами как «элемент иерархических построений синтаксической структуры, который обладает собственными лексико-семантическими, структурно-морфологическими и функциональными особенностями» [1, 29]. **Предметом** исследования – категория падежа.

Исследование проводилось на **материале** параллельных текстов повести А. – С. Пушкина «Капитанская дочка» на русском и турецком языках. Методом сплошной выборки было извлечено 100 эквивалентных конструкций, в которых осуществлялось описание категории падежа при помощи синтморфологического, семантического анализов. Полученные результаты сравнивались с существующими теориями и прикладными разработками на основе сопоставительного метода.

На данный момент в прикладном описании языковых явлений доминирует струткурный-синтаксический подход. Он позволяет формализовать язык в ограниченном количестве синтаксических структур, трансфер которых используется в широкоизвестных коммерческих машинных переводчиках (МП) (Systran, Prompt]. Данный подход удобен математически, однако не позволяет элиминировать полисемию, омонимию [1; 2, 183–184]. В экспериментальных МП приводятся попытки преодолеть его ограниченность на основе **структурно-семантического** подхода. С этой целью к дифференциации синтаксических значений привлекаются семантические типы предикатов [2, 289], падежей [3], предлогов [4]. Однако в полной мере в структурном подходе проблема полисемии и омонимии не решается.

В качестве альтернативы структурному подходу в лингвистике был разработан **системный** подход. В нем языковые явления описываются во взаимоотношении с другими явлениями, как явными, так и скрытыми [5-7; 8, 21–27; 9, 126–127, 300–305; 10-12]. Так, падеж описывается во взаимосвязи с лексическими, лексико-грамматическими, семантическими, синтаксическими, а также ограничивающими его употребление средствами (см. схема 1.1).

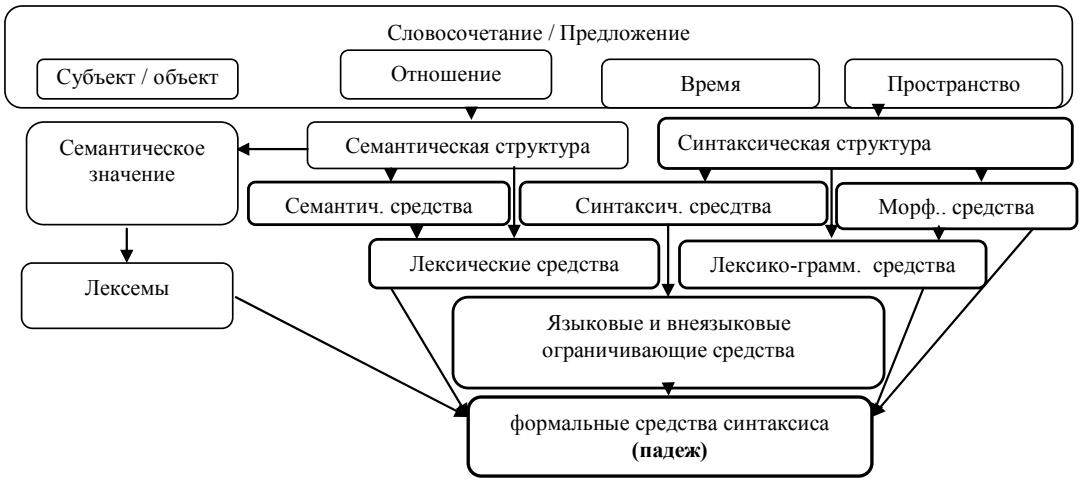

Схема 1.1. Описание падежа в системном подходе

При формальном представлении выявленные параметры разделяются на группы актанта, предиката, сирконстанта. Отдельно указываются ограничения, как, например, запрет распознавания падежного конструкта (в случае с устойчивыми и асемантичными конструкциями) и ограничение на применение падежа (в случае стилистической маркированности). Результаты описания сегмента параллельного корпуса по этим параметрам выводятся в отдельный модуль и считаются моделью.

Сегмент турецкой части корпуса описывается по такому же образцу с учетом языковой специфики (наличия актантов, предикатов, выраженных в аффиксах, аддитивности изафетных конструкций) (см.таб.1.1., 1.2., 1.3., 1.4).

Таблица 1.1

Структура модуля актанта

Модуль актанта				
лексемный	**морфосинтаксический**			**семантический**
управляемая лексема	Падеж	Часть речи	Синт. функ	сем.тип актанта
отец	1	N	Subj	Subject

Таблица 1.2

Структура модуля предикта / сирконстанта

модуль предиката / сирконстанта				
лексемный		**морфосинтаксический**		**Семантический**
лекс1 (эксплиц. пр)	лекс2 (импл. предик.)	Часть речи	Разряд / залог	сем.тип
служить	----------	V	it / act	occupation

Таблица 1.3

Структура модуля ограничений

Модуль ограничений					
Модуль исключений				**Модуль маркеров**	
Комму-никема	Фразео-логизм	Фразео-схема	Аддитивность	Стилистический маркер	Нормативность

Таблица 1.4

Модуль модели падежного конструкта

Модуль представления			
синтаксическое отношение	**семантическое отношение**	**структурное представление**	**Лексемное представление**
PredicatSyntO	AgentSemR	N1 / subj+Vit / act / служил (PredicatSyntO / AgentSemR)	Отец служил

Подобный системный подход с опорой на параллельные тексты [13;14], в которых уже заложена ситуационная эквивалентность [15], с точки зрения соответствия национальным, международным стандартам [16; 17], эталонному представлению о переводе [18], фундаментальной теоремы Байеса актуален и позволяет оптимизировать синтаксический трансфер.

Так, в результате проведенной разметки были получены, с учетом обобщения по семантическому типу актанта, предиката, для именительного падежа – 21 модель, для родительного – 17, для дательного – 7, для винительного – 4, для творительного – 8, для предложного – 4. Результаты данного этапа (с учетом большой

разницы в выборке), в перспективе, существенно превосходят существующие структурные модели падежа. Так, например, А. М. Лаврентьев выделяет для именительного падежа – 3 модели, для родительного – 28, для дательного – 7, для винительного – 7, для творительного – 11, для предложного – 6 [19].

Если сравнивать результаты работы МП с сегментами турецкого языка в практическом материале, можно отметить, что прямые падежи переводятся в большинстве случаев корректно. Исключение составляют случаи, когда необходимо подбирать переводческий эквивалент к сочетанию с аддитивным глаголом. Например, к «отец служил», «он женился» можно подобрать эквиваленты только с учетом аддитивности предиката. При описании структур с косвенными падежами проявляется превосходство системного подхода перед структурным, где МП не дифференцирует семантику, системный подход позволил бы добиться эквивалентности (см.таб. 1.5).

Таблица 1.5.

Сравнение результатов перевода падежных конструктов

№	исходный текст	Системный подход (парал.текст)	Trıdent	Systran	Prompt
1	по милости	Yardımıyla	Iyilikte	Iyilikte	Iyilikte
2	отдан был Савельичу	(seyis Savelyiç'in eline) verildim	Савельичу'e veriri	Savelyich'e verildi	Savelichu'e geri verildi
3	пожалованному мне	lalalığıma atanmıştı	Devretri bana	Devretri bana	Bana verr
4	выучился грамоте	Rus gramerini öğrenmiş	Kültürlü üstün başarıya	Diplomaya öğrenildi	Öğrendi karşı Sertifika
5	не понравился Савельичу.	(Savelyiç'in) canını sıktı.	Memnun etiri Савельичу.	Hoş değil Savelyich.	Hoşnut değil Savelichu.
6	страсть к [прекрасному полу).	karşı cinse tutkusu	Fuar için tutku cinsel dürtü	Adil tutku cinsel dürtü	Adil tutku cinsel dürtü

Выводы и перспектива. Оптимизация формального описания синтаксических структур при помощи системного рассмотрения падежа в параллельных текстах обладает перспективами прикладного использования в сравнении с существующими структурными подходами. Так, 61 выделенная модель из 100 лингвистических эквивалентов позволяет прогнозировать рост количества падежных конструктов до тысячи моделей при увеличении материала исследования до объема всей повести А. – С. Пушкина «Капитанская дочка», которая насчитывает порядка 14000 эквивалентных конструкций.

Данной работой перспективность предмета исследования не исчерпывается и требует дальнейшего его изучения.

Список использованных источников и литературы

1. About Systran [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.systransoft.com / systran / corporate-profile / translation-technology / what-is-machine-translation.

2. Пиотровский Р. Г. Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном обучении) / Пиотровский Р. Г. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008**. –** 256 с. – ISBN : 978–5–8064–4349–0.
3. Апресян Ю. Д. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, В. З. Санников. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 408 с. – ISBN : 978–5–9551–0386–0.
4. Селендили Л. С. Микросинтаксис крымскотатарского языка (формальный и прикладной аспекты) / Селендили Л. – С. – Симферополь : «ДИАЙПИ», 2012. – 347 с. – ISBN : 978–966–491–340–6.
5. Там же [3], 289.
6. Сунь Шуан. Семантическая интерпретация падежных форм в системах русско–китайского машинного перевода : на примере творительного падежа : дис... канд. филол. наук : 10.02.21 «Сравнительно–сопоставительное языкознание» / Сунь Шуан ; Моск. гос. ун–т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2009. – 198 с.
7. Мансурова О. Ю. Представление и передача пространственных отношений в многоязычной системе машинного перевода (на материале английского, русского и турецкого языков) : дис. .. канд. филол. наук : 10.02.22 «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и. Австралии» / Мансурова Оксана Юрьевна ; Рос. ун. дружбы нар. – Москва, 2006. – 160 с.
8. Попова З Д. К теории падежного значения / З. Д. Попова / / Вопросы языкознания, 1970. – №4 – С. 93.
9. Бабушкин А. П., Кашкин В. Б. когнитивный аспект грамматического употребления / А. П. Бабушкин, В. Б. Кашкин / / Методические и лингвистические проблемы в обучении иностранному языку. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. – №6. – С. 3–6.
10. Дремов А. Ф. Роль падежей русского языка в обеспечении связности компрессии текста : дис. …канд.филол.наук : 10.02.01 «Русский язык» / Дремов Алексей Федорович. – Москва, 1984. – 189 с.
11. Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения / Прияткина А. Ф. – М. : Высш. шк., 1990. – 176 с. – ISBN : 5-06-000195-4.
12. Шведова Н. Ю. Грамматика русского языка. Синтаксис / Шведова Н. Ю., Арутюнова Н. Д., Бондарко А. В. и др. – М. : Наука, 1980. – 709 с.
13. Кашкин В. Б. Сопоставительная лингвистик / Кашкин В. Б. – Воронеж, 2007. – 87 с.
14. Макаров А. К. Дативные отношения в скрытой грамматике : дис. …канд. филол. наук : 10.02.04 «Германские языки» / Макаров Андрей Константинович – Воронеж, 2008. – 166 с.
15. Матченко Г. В. Генетивные отношения в английском языке : дис. …канд. филол. наук : 10.02.04 «Германские языки» / Матченко Герман Валерьевич – Курск, 2005. – 131 с.
16. Неопубликованный перевод. Общие требования и правила оформления : ГОСТ 7.36–2006. – (действительный от 01.07.2007). – М. : Стандартинформ, 2006.
17. Інформація та документація. Оформлення перекладів / ДСТУ 4309:2004 (чинний від 28.05.2004). – К. : Держаспоживстандарт, 2005.
18. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / Комиссаров В. Н. – М. : Высш.шк., 1990. – 253 с. – ISBN: 5-06-001057-0.
19. Лаврентьев А. М Типолгический анализ категории падежа в русском языке : дис. …канд.филол.наук : 10.02.01 «Русский язык» / Лаврентьев Алексей Михайлович. – Новосибирск, 1999. – 229 с.

The list of literature

1. About Systran [elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: www.systransoft.com / systran / corporate-profile / translation-technology / what-is-machine-translation.
2. Piotrovskiy R. G. Lingvisticheskiy avtomat (v issledovanii i nepreryivnom obuchenii) / Piotrovskiy R. G. – SPb. : Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2008. – 256 s. – ISBN : 978–5–8064–4349–0.
3. Apresyan Yu. D. Teoreticheskie problemyi russkogo sintaksisa: Vzaimodeystvie grammatiki i slovarya / Apresyan Yu. D., I. M. Boguslavskiy i dr. – M. : Yazyiki slavyanskih kultur, 2010. – 408 s. – ISBN : 978–5–9551–0386–0.

4. Selendili L. S. Mikrosintaksis krymskotatarskogo jazyka (formal'nyj i prikladnoj aspekty) / Selendili L. S. – Simferopol' : «DIAJPI», 2012. – 347 s. – ISBN : 978–966–491–340–6.
5. Ibid [3], 289.
6. Sun Shuan. Semanticheskaya interpretatsiya padezhnyih form v sistemah russko–kitayskogo mashinnogo perevoda : na primere tvoritelnogo padezha : dis. .. kand. filol. nauk : 10.02.21 «Sravnitelno–sopostavitelnoe yazyikoznanie» / Sun Shuan ; Mosk. gos. un–t im. M.V. Lomonosova. – Moskva, 2009. – 198 s.
7. Mansurova O. Yu.Predstavlenie i peredacha prostranstvennyih otnosheniy v mnogoyazyichnoy sisteme mashinnogo perevoda (na materiale angliyskogo, russkogo i turetskogo yazyikov) : dis. .. kand. filol. nauk : 10.02.22 «Yazyiki narodov zarubezhnyih stran Evropyi, Azii, Afriki, aborigenov Ameriki i. Avstralii» / Mansurova Oksana Yurevna ; Ros. un. druzhbyi nar. – Moskva, 2006. – 160 s.
8. Popova Z. D. K teorii padezhnogo znacheniya / Z. D. Popova / / Voprosyi yazyikoznaniya, 1970. – №4 – S. 93.
9. Babushkin A. P., Kashkin V. B. kognitivnyiy aspekt grammaticheskogo upotrebleniya / A. P. Babushkin, V. B. Kashkin / / Metodicheskie i lingvisticheskie problemyi v obuchenii inostrannomu yazyiku. – Voronezh : Izd-vo VGU, 2001. – №6. – S. 3–6.
10. Dremov A. F. Rol padezhey russkogo yazyika v obespechenii svyaznosti kompressii teksta : dis. …kand.filol.nauk : 10.02.01 «Russkiy yazyik» / Dremov Aleksey Fedorovich. – Moskva, 1984. – 189 s.
11. Priyatkina A. F. Russkiy yazyik. Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya / Priyatkina A. F. – M. : Vyissh. shk., 1990. – 176 s. – ISBN : 5-06-000195-4.
12. Shvedova N. Yu. Grammatika russkogo yazyika. Sintaksis / Shvedova N. Yu., Arutyunova N. D., Bondarko A. V. i dr. – M. : Nauka, 1980. – 709 s.
13. Kashkin V.B. Sopostavitelnaya lingvistika / Kashkin V.B. – Voroneg, 2007. – 87 s.
14. Makarov A. K. Dativnyie otnosheniya v skryitoy grammatike : dis. …kand. filol. nauk : 10.02.04 «Germanskie yazyiki» / Makarov Andrey Konstantinovich – Voronezh, 2008. – 166 s.
15. Matchenko G. V. Genetivnyie otnosheniya v angliyskom yazyike : dis. …kand. filol. nauk : 10.02.04 «Germanskie yazyiki» / Matchenko German Valerevich – Kursk, 2005. – 131 s.
16. Neopublikovannyiy perevod. Obschie trebovaniya i pravila oformleniya : GOST 7.36–2006. – [deystvitelnyiy ot 01.07.2007]. – M. : Standartinform, 2006.
17. InformatsIya ta dokumentatsIya. Oformlennya perekladIv / DSTU 4309:2004 [chinniy vId 28.05.2004]. – K. : Derzhavspozhivstandart, 2005.
18. Komissarov V. N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspektyi) / Komissarov V. N. – M. : Vyissh.shk., 1990. – 253 s. – ISBN: 5-06-001057-0.
19. Lavrentev A. M Tipolgicheskiy analiz kategorii padezha v russkom yazyike : dis. …kand.filol.nauk : 10.02.01 «Russkiy yazyik» / Lavrentev Aleksey Mihaylovich. – Novosibirsk, 1999. – 229 s.

Шеремет В. В. Роль категорії відмінка у еквівалентному перекладі (на матеріалі оповідання А. – С. Пушкіна «Капітанська дочка» російською та турецькою мовами) / В. В. Шеремет // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 250–256.

Автор статті розкриває перспективи використання системного підходу до граматичної категорії відмінка у знятті полісемії та омонімії при трансфері синтаксичних явищ у машинному перекладі. Предметом системного розгляду стає категорія відмінка як явище, структурне розглядання якого впливає на виникнення полісемії та омонімії синтаксичних конструкцій. Виявляються релевантні для формування відносин відмінка з іншими язиковими феноменами параметри, на базі яких можлива розмітка паралельних текстів. Кордонами наданих сегментів стають монопропозитивні конструкції, що володіють предикативністю (експліцитною або імпліцитною). В турецькій мові згідно з наданими конструкціями відбираються еквіваленти, які також формалізуються згідно з мовною специфікою та зіставляються з конструкціями російської мови.

Ключові слова: прикладна лінгвістика, російська мова, турецька мова, еквівалентний переклад, синтаксичні конструкції, полісемія, омонімія, категорія відмінка, системний підхід, паралельні тексти, зіставний аналіз.

Sheremet V. V. The role of the case category in the equivalent translation (on the base of material of A. S. Pushkin's story "The Captain's daughter" in the Russian and Turkish languages) / V. V. Sheremet // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 250–256.

The article discusses the problem of machine translation in the aspect of the polysemy, homonymy of the syntactical transfer and the role of system thinking approach to the case grammatical category in its solving.

To the present day the case grammatical category in the applied linguistics is not utilized as an object of the translation (because of the structuralistic approach) but as a morphological element, which participates in the foundation of the syntactic constructions.

That's why the aim of this investigation is to verify the potential of case grammatical category utilization in the syntactical transfer in the machine translation on the base of system thinking approach.

According to this aim the case and relevant to it language phenomenon are marking out in parallel texts in mono-propositive constructions with predicativity (explicit or implicit]. To differentiate the polysemy and homonymy of the syntactical structures the case grammatical category is described in the complex of morphological, lexical, syntactical and semantic phenomenon.

Given constructions on the base of whole parameters, relevant to the founding relation between case and other language units, were marking out in parallel texts.

The structure of the Russian part of parallel texts consists from the module of argument, module of the predicate / adjunct, module of exclusions and module of presentation.

The types of the distinguished sums of the parameters were grouped due to their formal case expression.

Equivalents of these constructions are also presented formally, taking to attention the peculiarities of the Turkish language. They were compared and correlated with the theoretic descriptions of the case in the Russian language and result of the phrase translation by different machine translators.

In the end of the article conclusion is drew out and the perspectives of this investigation is observed. However, as it turned out, case grammatical category under observation like this have more meaning than traditionally is figured out. Also the open electronic translators not attend to keep the grammatical equivalence clear. All these facts point to the potential of the case grammatical category utilization in the applied investigation.

Also in the future works is necessary to create a thesaurus of the used meaning of semantic and syntactic parameters and describe the relations between them to prepare the linguistic material fully to the mathematic treatment.

Key words: applied linguistics, Russian language**,** Turkish language, equivalent translation, syntactic construction, polysemy, homonymy, case category, system thinking approach, parallel texts and comparative analysis.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 257–263.

УДК 811.512.145

КЪЫРЫМТАТАР ТИЛЬНИНЪ ТЕРРИТОРИАЛЬ ДЕФФЕРЕНЦИАЦИЯСЫ. ЯЛЫБОЙНЫНЪ УЛУ-ОЗЕН ЛЕХДЖЕСИНИНЪ ХУСУСИЕТЛЕРИ

Шукурова С. Ш.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
E-mail safie.shukurova.94@mail.ru

Актуаллиги. Шивешынаслыкъ фени эр бир халкънынъ озюне хас олгъан хусусиетлерини, несильден несильне кечкен медений ве тиль мирасыны сакълап къалмагъа хызмет эте. Озь невбетинде, эм шиве сезлери, эм де топонимлер тильнинъ тарихыны огренюв саасында дегерли бир манбадыр. Языкъ ки, шимдики заманда шиве сёзлернинъ ве топонимлернинъ чокъусы тек къартлар арасында къуллангъаны себебинден, бу сезлер пассив лексикагъа чевириле ве базы алларда ич те гъайып олалар. Шивешынаслыкъ фени исе бу миллий хазинемизни: тилимизни, тарихымызны, медениетимизни, догъгъан улькемизни огренмеге, ве бу бильгилерни келеджек несиллерге сакълап къалдырмагъа имкян бере.

Белли олгъаны киби, Улу-Узень кою ве Джур-джур учансувнынъ этрафы Къырымнынъ энъ дюльбер ерлеринден биридир .

Алуштадан Судакъкъа алып баргъан ёлнынъ 20км. месафесинде, Къуру-Узень койнинъ меркезинде Улу-Узенге костергич тура. Бу косьтергичтен койгедже 7 км бар. Ялы бойнынъ аджайип манзаралы бир къысмында о ёл учь койден – Къуру-Узень, Кучук-Узень ве Улу-Узенден кече. Шимдики заманда Улу-Узенге кеткен ёлнынъ четинде **макиналаргъа** (агъызда-машина) сув толдургъан мазимет тура. Бундан язда машиналар сув алып, сувлары олмагъан койлюлерге ташыйлар, чюнки яз мевсиминде меркезий боруларда базыда сув олмай.

Улу-Узень, дагъгъа таба тырмаша ве Тирки-Къаянынъ этегинде ерлешкен. Денъизден койгедже 7км ёл кетмек керек. Эгер къуш котерильген юксеклерден ашагъы бакъсанъ, койлер учькошелекни тешкиль этип, сюйрю кошеси тамам Улу-Узенге тирелир.

1948 сенеси 18-майыста Къырымдаки эписи яшалгъан нокъталарынынъ адларыны денъиштирдилер. Бу эмирге коре Улу-Узень- Генеральское, Кучук-Узень – Малореченское, Къуру-Узень исе Солнечногорское деген адларнынъ саиби олдылар. Бу адлар эвельки адларына ич алякъасы ёкъ, амма насылдыр терджиме сезиле. Эгер баштаки адларнынъ тарихий ве джогърафик манасы олса, шимдикилери ич бир манна ташымай.

Дагълар этегинде ерлешкен Улу-Узень койнинъ иклими мурекkеп. Язда сыджакъ, амма ягъмур ягъып тура. Къыш къарлы, амма сувукъ дегиль. Кимерде ноябрь айында къар ягъып баягъы вакъытлар да иримейип тура. Дагъларда исе къышта фуртуналар къопып, орталыкънынъ аст-устюни къарыштыргъан киби ола. Эгер бирде-бир адам бу вакъытта дагъгъа барса, къарлы перде артындан бир шей танымайып юрмеге меджбур ве гъайып олмакъ мумкюн (бойле вакъиалар да олып кечти 1936сенеде). Ягъмурлар, адет узьре, апрель айында башлана. Амма къургакъ йыллар

да олгъан. Тарлада чалышкъан адамлар сыджакъ кунеш нурларындан зайыфлана эдилер. Берекетли дагъда олгъан чокъракълар ярдымынен сакълангъанлар.

Улу-Узеннинъ табияты

Къуру-Узень ве Кучук-Узендеки киби Улу-Узенде инджир, зейтюн, эмиш сельбиси (кипарис) осьмейлер, чюнки олар ичюн мындаки ава салкъынджа келе.

Чокътан-чокъ чокъракълар ягъмур вакътында дагълардан ашагъы энген сув Хопхал-Богъазы этрафларында догъгъан Улу-Узень озенини ве Курватадан акъкъан, язда суву пек эксильген Кучук-Узенни толдура. Эки озен де Къара денъизге барып тюше.

Улу-Узень дагълары **хан-кираз**(джилек (земляника)) ашалгъан ве илядж ерине къулланылгъан отлар иле толу эди. Баарьде дагълар чешит ренкли чечеклер ичинде бата эди. Бириндже олып акъбардакъ ве онынъ чешитлери ача, улу-узенлилер оларнынъ бир чешитине **чичень** дей эдилер…

Кой сакинлери тыш корюништен эсмерли, къара сачлы, оюкъ эля козьлю, узун бетли эдилер. Бойлары орта ве ондан юксек, эндамы чандырлы тенли эдилер. Койде семиз адам ёкъ эди.

Кой маалелери

Койнинъ бир къач мааллеси олгъан. Олар бойле тертипте ерлешкенлер:

Таш-Огу(автобус дурагъынынъ янында);

Джами (Джур-Джургъа айлангъан ёл устюнде тургъан тюкян);

Узень-Бою (Чохрах ве Джур-Джургъа алып баргъан ёлнынъ эки тарафы);

Лямайля (шимди де сакъланып къалгъан учькъатлы ятакъханенинъ этрафлары)

Мал-Ичи (койге кирген меркез ёлнынъ сагъ тарафы)

Хуру-Устю(койнинъ сагъ юкъары тарафы, дагъгъа таба тёпеликтен алып баргъан ёл)

Ашагъы Харши маалле (Джыйын чокъракътан юкъары яшалгъан маалле эди)

Юкъары Харши маалле (Джыйын чокъракътан юкъары яшалгъан маалле эди)

Бу мааллелернинъ адлары эвель-эзельден къоюлгъан. Совет укюмети вакътында чокъсу мааллелернинъ адлары денъиштирильген эди. Мисаль ичюн, **Мектеп мааллеси** – автобус дурагъы артында корюмсиз эки къатлы бир эв тура. Дженктен эвель о эвнинъ артында Ана-Дола дересине бармаздан мектеп олгъан, онынъ ичюн маалленинъ ады ойле къоюлгъан эди.

Бальница – дуракътан Хуру-Устюне алып баргъан ёл бою, кулак деп сюргюн этильген Хара Джелильнинъ эвинде тиббият нокътасы ачкъан эдилер, онынъ ичюн бу ер Бальница мааллеси, деп адландырылды;

Клуб – тиббият нокътасында узакъ дегиль, даа бир сюргюн этильген кулакнынъ эвинде клуб япкъан эдилер;

Фурун – Джур-Джургъа кеткен ёлдаки тюканнынъ еринде башта колхоз идаресининъ бинасы ве фурун бар эди. Бу бина да, фурун да сюргюн этильген кулакнынъки эди.

Джами – Джур-Джургъа алып баргъан ёлда, эски тюкяндан 10метр месафеде дереге тюшкен бир ирмачыкъ бар. Бу ирмакъ дереге тюшкен ерден къаршы тарафкъа бакъсанъ, кой джамисининъ темелини корьмек мумкюн.

Хаве-Ханелер – койнинъ учь мааллесинде къаве ханелер чалыша эди.

Дегирменлер – озен бою, чокъракътан башлап ве амамгъа алып баргъан копюргедже бири – бири артындан учь дегирмен ерлешкен эди.

Тохмах(кийиз ясалгъан устахане) – юнь ишлеген иншаатлар дегирменлер ерлешкен ерде чалышкъанлар.

Санат маллары тюкянлары.

Эт тюкянлары – койде эки эт тюкяны чалыша эди.

Устаханелери:

Кузня (демирджи устаханеси) – мында кой хаджалыкъ ве дигер алетлер тамирлене эди.

Чарух тикен устахане – бугъа ве сыгъыр терисинден чарух тике эдилер.

Дегирмен таш устасы – койде дегирмен таш тишлери ашалгъан олса, улары ёнгъан усталар вар эди.

Аньаневий зенаатларнынъ векиллери

Ибе аналар(эбанай)- койде къадынлар эвде бала тапкъанлар ве, эльбетте, эбанайларнынъ хызметине мухтадж эдилер.

Суннетчи – мусульман аньанесине коре, эркеклерэписи сунет олмакъ керек, койде шу сой ишни япкъан уста бар эди.

Хасапчи(къасап) – ислям дини талапларына бойсунып айван союлмаса, арам сайыла. Койде мал соймакъ устасы олгъан.

Мевта юван инсанлар – мевта ювмакъ насыл керек олгъанынынъ бутюн инджеликлерини, дуаларыны бильгенлер, онынъ ичюн олю чыкъкъан азбаргъа бу адамлар чагъырылгъан.

Теллялджы – койде джемаат давет этиледжек киби тедбирлер: байрамлар, дюгюнлер, топлашувлар, дженазелер кечирильгенде сеси келишкен махсус бир адам койлюлерге шу тедбир акъкъында къычырып илян эткен.

Улу-Узень мектеби

1917 сененинъ инкъилябындан эвель Улу-Узендеки тасиль къурумы динге эсаслангъан. Эписи балалар кой мектебинде окъугъанлар. Ондан сонъ руждие мектебине я да гимназиягъа кирмеге имкянлары олгъан. Гимназияда риязият, физика, химия, тарих, эдебият киби фенлерни огрене эдилер. Гимназияда окъугъан балалар университетке киргенлер. Амма койлю ана- бабаларда маддий вазиети себебинден балаларны узакъкъа ёллап окъутмагъа имкянлары олмагъан, онынъ ичюн чокъсу улу-узенлилернинъ тасили шу кой джамиси янындаки мектепнен биткен.

Улу-Узенде еди йыллыкъ мектеп ачылды. Мектеп койнинъ шималь тарафында, автобус дурагъынынъ юкъарысында ерлештирильди. Мектепнинъ азбары таш къоранен сарылгъан эди. Шимди сабыкъ мектеп бинасынынъ темелинде яшалгъан эвлер тура.

Мектеп ачылгъан сонъ эписи ана-балалар озь бабаларыны, яшына ве джынысына бакъмадан, мектепке бермеге ашыкътылар. Оджалар бу къадар чокъ талебелерни не ерде окъутаджыгъыны бильмей эдилер, чюнки сыныфлар, ралелер, дерсликлер, оджалар азлыкъ эте эди. Сыныфларда эписи фенлер алып барылсын деген макъсатнен дигер койлерден керекли оджалар ны чагъырткъанлар. Улу- узень оджалары исе, аксине, Тувакъ, Кучук-Узень, Къуру-Узень койлерине къатнап ча-

лышкъанлар. Талебелер чокъ олгъанындан себеп, кучюк сыныфлар сабадан, юкъары сыныфлар исе уйледен сонъ окъуй эди.

Мектепке дженктен эвель чалышкъан оджаларнынъ адлары ве сой адлары косьтерильген.

- Кишвиев-мектеп мудири(шеэрден ёллангъан эди)
- Аджи Темир-оджа, арап уруфаты, Ислям дини эсаслары(Аджи Темир Азамат)
- Бари-оджа, эсап, физика (Бари Азамат)
- Рамазан-оджа, ана тили (тувакълы Рамазан Домбай)
- Реяне-оджа, табиат (Меслядин Муратнынъ омюр аркъадашы)
- Шамрат-оджа, эсап, физика (кучук-узенли Шамрат…?)
- Ибраим-оджа, тарих(тувакълы Ибраим Касай)
- Гъафар-оджа, джография (Гъафар Зиядин)
- Таир-оджа, эсап (тувакълы Таир Сохта)
- Юсуф-оджа, тарих (Юсуф Патель)
- Ремзие-оджа, ана-тили(Ремзие…?)
- Пакизе-оджа, ...(Такур Керимнинъ омюр аркъадашы)
- Сервер-оджа, эсап (Сервер…? сюргюнликте Ташкент алий окъув юртларында чалышкъан)
- Нафе-оджа, эсап, физика (Нафе Мемиш)
- Мураф – оджа, джография (Мурат Софу)
- Акифе- оджа, джисманий тербие, пионер ве комсомол отрядларнынъ ребери(Азамат Аджи Темир къызы Акифе)
- Ремзий-оджа, …(Ремзий Адаман)
- Фатиме оджа, …(Тувакъ мектебинде чалышы эди)
- Назылхан-оджа, …(Тувакъ мектебинде чалыша эди)

Еди ве он йыллыкъ мектепни битирген яшлар шеэрге барып мутехассыз – техника окъув юртларына, техникумларгъа ве алий окъув юртларына кире эди. Окъувы биткен сонъ, оларны санайы ве койходжалыкъ ишханелерине яш мутехассыз оларакъ ёллай эдилер.

Улу-Узень мектеби 30-сенелеринде ачылып, 1941 сенесине къадар чалышты. Немселер койге келип кирген сонъ, мектепни озь аскерлери ичюн казарма яптылар, 1943 сенесининъ ноябрь айында исе бутюн койнен берабер якътылыр.

Улу-Узендеки бала оюнлары

Оюнларда эсасен 7-12 яшындаки балалар иштирак эте эдилер. Оюнларнынъ эксериети этрафтаки шараитлерге аит ве буюк зийреклик иле тюшюнип тапылгъан. Оларда завод-фабрикаларда япылгъан оюнджакълар ишлетильмей. М ында, эльбетте, джанлы махлюкъларнынъ нусхасы олгъан оюнджакъларнен ойнамакъ олмаз, деген мусульман адетине де уйгъунлыкъ корюне. Кой балалары оюнджакъларны озьозьлерине тюшюнип тапкъанлар ве озь къолларынен ясагънлар. Бу оларнынъ бильгилерини ве усталыгъыны арттыра эди. Эшья ясамакъта олар ильк теджрибе ала эдилер.

Энди, 60 йыл кечкен сонъ, чокъ оюнлар унутылды, чюнки шимдики балалар бу оюнларны ойнамайлар.

- ташчыкълар оюнлары
- ашыкъ оюны
- сычрамакъ, чапмакъ оюнлары
- къаравул оюны
- иджадий оюнлар
- чилик оюны
- джевиз оюны
- шамар оюны
- фильджан оюны

Оюнларнынъ чешитлери пек чокъ эди. Шахсий оюнлар аз, эсасен къошулып ойналгъан оюнлар ойнала эди. Оюн иштиракчилери чокъсу группаларгъа болюнгенлер ве эр бири озюне одаман сайлагъан. Сонъра оюннынъ вакъты ве оюнны бозгъанлар ичюн джеза тайинленген. Буларны тайинлемек ичюн махсус сайымлар бар. Энъ адийси: эписи балалар тегерекке туралар, бириси саймагъа башлай. Сайым кимнинъ устюнде токъталса, о ортадан чыкъа. Сайым бир адам къалгъандже девам эте.

Бундан гайры таякъны да ишлетелер. Бириси таякънынъ бир уджуны къолуна ала. Экинджиси онынъ къолу устюнден таякъны тута, учюнджеси.

Улу – узенлилернинъ лагъаплары

Улу-узенлер асырлар бою озь коюнде сербест ве шенъ яшагъанлар, олар шакъалашмагъа ве бири-бирини элиштирмеге севе экенлер.

Адет узьре эр бир къорантанынъ бирде-бир лагъабы олгъан. Бу лагъап я къорантa башынынъ зенаатыны косьтерген, я онынъ джемааттаки ерини я да бу къорантанынъ омюринде олгъан насылдыр ошлу вакъианы акс эттирген. Улу-узенлер озьара лаф эткенде ким акъкъында айткъаныны костьереджек олсалар, ялынъыз адыны айтмагъа азлыкъ эте, чюнки Маммет, Юсуф, Аппаз, Аблямит ве иляхре адлы койдешлери чокъ. Амма лагъабыны къошып айтсалар, ким акъкъында лаф кеткенини эр кес анълай. Мисаль ичюн, Халайджы Маммет деселер, ким олгъаныны ве насыл зенаатнен огърашкъаны бир кереден анълашыла. Сой адлар язылмагъа башлагъанда чокъсу койлюлер лагъабыны яздыргъанлар.

Сюргюнликтен къайткъан улу-узенлилер Къырымнынъ чешит кой ве шеэрлеринде, атта Къырымдан тыш яшамагъа меджбур олдылар. Койни зиярет этмек ичюн корюшювлер кечирмеге башладылар. Корюшювлерге кельген улу-узенлилер сюргюнликте догъгъан балалары ве торунлары иле келелер. Бири-бирини корьмеген ве танымагъан адамлар танышкъанда: «Кимнинъ огълу (къызы)сынъ?» – деп сорайлар. Эгер балалар анна-бабасынынъ адыны айтсалар, къартлар лагъабыны айтмакъны талап этелер, чюнки лагъабындан тапышмакъ енгильдже. Мен фелянча, Чакуч Асаннынъ огълу я да Аптраман байнынъ къызы, дегенде, бир кереден ким олгъаныны таныйлар. Ойле ола ки, сой-акъраба тапыла, чюнки сюргюликте адамлар чешит ерлерге – кимиси Уралгъа, кимиси Озьбекистангъа барып тюшкен олсалар, ич корюшмегенлер. Лагъабыны бильгенлер бири-бирини 60 йыллыкъ айырылыкътан

сонъ биле сой-акърабалыгъыны енгиль тиклейлер. Бу ерде сой адгъа чевирильген бир къач лагъап теклиф этиле.

Азамат – Олар эмдже балалары олып, алты агъа-къардаш эдилер. Бу къорантанынъ эрлери эписи бол юрекли, улу табиатлы инсанлар эди. Онынъ ичюн оларгъа АЗАМАТ лагъабы берильди.

Аристан – Бу къорантанда эджатлардан бири апсханеде ятып чыкъкъан. Бундан сонъ оларгъа АРИСТАН (якъалангъан) лагъабы япышты.

Тедкъикъатнынъ нетиджеси ве келеджеги. Меним макъсадым – ялынъыз бир кой мисалинде ХХ асырнынъ бириндже ярымда олып кечкен вакъиаларны акс эттирмек. Чюнки буюк ресимлер кучюк бир чизгилерден ибарет, оларны исе келеджекте даа да терен огренмелимиз.

Эдебият

1. Крымские татары «Хроника текущих событий» №5-6, 2000 г. Крымская АССР(1921-1945) выпуск 3. – Симферополь: «Таврида», 1990г.
2. Араджиони М.А., Герцен А.Г. Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре / М.А. Араджиони, А.Г.Герцен. – Симферополь: «Доля», 2005г.
3. Керим Якъуб «Кучук-Узень тарих, этнография» / Якъуб Керим. – Акъмесджит: «Доля», 2006.

Улу – Узень кою акъкъында малюмат бергенлер:

- Шукурова Эмнегуль Мурат-къызы
- Рамазанова Заде

Шукурова С. Ш. Территориальная дифференциация крымскотатарского языка. Улу-озенский говор южнобережного диалекта / С. Ш. Шукурова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. І. Вернадського. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 257–263.

Территориальные разновидности языка не являются замкнутыми системами с четкими границами, поэтому существуют зоны распространения отдельных диалектных явлений, на основании чего определяются территориальные разновидности разного уровня. Таким образом, диалекты крымскотатаркого языка распадаются на говоры. В частности, южнобережный диалект – на айсерезский, ускутский, улу-озенский и др. В данной статье рассматриваются особенности улу-озенского говора южнобережного диалекта, с точки зрения довоенного его использования и отображения им различных сфер жизнедеятельности деревни Улу-озен (самоназвание Улу-узень]. Приводятся некоторые исторические факты отображающие социальную сферу жизни (названия всех общественных заведений, мастерских, существовавших до войны), географическую (топонимические названия), а также в статье представлены названия некоторых давно забытых детских игр.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, диалект, улу-озенский говор, лексические диалектизмы, этнографизмы, топонимы, южнобережный диалект, территориальные разновидности, исторические факты, названия общественных заведений, мастерских, существовавших до войны.

Шукурова С. Ш. Територіальна диференціація кримськотатарської мови. Улу-озенскій говір південнобережного діалекту / С. Ш. Шукурова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 257–263.

Територіальні різновиди мови не є замкнутими системами з чіткими кордонами, тому існують зони поширення окремих діалектних явищ, на підставі чого визначаються територіальні різновиди різного рівня. Таким чином, діалекти кримскотатаркого мови розпадаються на говори. Зокрема, південнобережний діалект – на айсерезскій, ускутскій, улу-озенскій та ін У даній статті розглядаються особливості улу-озенского говірки південнобережного діалекту, з точки зору довоєнного його використання та відображення їм різних сфер життєдіяльності села Улу-Озен (самоназва Улу-Узень]. Наводяться деякі

історичні факти відображають соціальну сферу життя (назви всіх громадських закладів, майстерень, що існували до війни), географічну (топонімічні назви), а також у статті представлені назви деяких давно забутих дитячих ігор.

Ключові слова: кримськотатарська мова, діалект, улу-озенскій говір, лексичні діалектизми, етнографізми, топоніми, південнобережний діалект, територіальні різновиди, історичні факти, назви громадських закладів, майстерень, що існували до війни.

Shukurova S. Sh. Territorial differentiation of the Crimean Tatar language. Ulu-ozensky accent of the south coastal dialect / S. Sh. Shukurova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 257–263.

Regional dialects are not closed systems with clear boundaries, so there are areas of distribution of certain dialectal phenomena, which are determined on the basis of territorial species at different levels. Thus, the dialects of the Crimean Tatar language split into sub-dialects. In particular, the South Coast dialect has such accents as on-ayserezsky, uskutsky, ulu-ozensky etc. This article discusses the features of ulu-ozensky accent of the south coastal dialect from the point of view of its pre-war use and displays its various spheres of life in the village of Ulu Ozen. There are some historical facts that depict the social sphere of life (the names of all public buildings, workshops, existed before the war), geographic (place names), as well as in the article are the names of some long-forgotten children's games. The article provides the readers with the information about where and how children are educated. The paper is divided into two parts. First partis about the location of the village, the second – about the nature of the village Ulu -Uzen, the third division of the village on the ascent (districts), the fourth part of the workshops, which were in the village, the fifth – about the professions that are in demand in the village, the sixth part – about the traditional homes in Ulu Uzen village, the seventh part – about education in the village, provides a list of teachers, the eighth – about the children's games, in the ninth paragraph describes the nicknames (lah'aplar].

Key words: Crimean Tatar language, dialect, ulu-ozensky accent, dialect vocabulary, ethnographisms, place names, south coast dialect, territorial species, historical facts, names of public institutions, workshops, existed before the war.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 264–269.

УДК – 398

КЪЫРЫМТАТАР АТАЛАР СЁЗЛЕРИНДЕ МИЛЛИЙ ДЮНЬЯ КОРЮНИШИНИНЪ АЙДЫНЛАТЫЛУВ ЁЛЛАРЫ

Сеитбилялова Л. Э.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
E-mail: iseitbilyalova@mail.ru

Айдынлатылгъан **меселенинъ муимлиги** къырымтатар фольклор эсерлеринин чешит жанрларында расткельген аталар сёзлеринин миллий дюнья корюнишининъ хусусиетлерини тайинлемектен ибареттир. Халкъымызнынъ дюньябакъышыны терен ве кениш акс эткен аталар сёзлеринде миллий дюнья корюнишининъ инджеклери, оларнынъ насыл айдынлатылгъаны аля даа огренильмеди.

Тедкъикъатымызнынъ эсас макъсады – фольклор эсерлеринде къулланылгъан аталар сёзлеринде къырымтатар халкъынынъ миллий дюнья корюшининъ айдынлатылув даиресини тайинлемектен ибареттир.

Фольклор эр бир халкънынъ дюнья корюнишининъ бир къысмыдыр. Илькидюнья корюнишининъ темелини бала фольклоры такъдим эте.Бала даа тили чыкъмагъанда, юрип башламагъанда, онъа халкъ масалларыны окъуйлар. Масалларда аталар сезлери расткелелер. Баланынъ акълында медениет, тербие, ахлякъ акъкъында бильгилер айны шу миллий дюнья корюши ярдмынен къала [8, 1].

Фольклор анъаневий миллий медениет тарафындан тешкиль олунгъан акъылферасет стереотиплерине эсаслана. Акъылнынъ фаалиетинде стереотиплернинъ эмиети олдукъча буюк. Бу стереотиплер тильни бильген эр бир шахыскъа мевджуттыр**.** Лякин ич бир лугъат оларнынъ акъкъында малюмат бермей. Стереотиплер концептуаль къурумларнынъ медений къысымы шекилинде акс олуна.Фольклорда дюньянынъ сурети тильнинъ дюнья суретинден тешкиль этиле [2, 16]. Эр бир халкънынъ тиль къурулышыне фольклоры да, дюнья корюши де фаркълаша, эвельки энъ тургъун адиль мифологик фикирлер земаненинъ тесири алтында денъишир экен, шимди тилимизге дюнья мевджют олгъан нумюнелерден пек айырды этиле [8, 2].

Къырымтатар халкъынынъ агъыз яратыджылыгъында аталар сёзлери буюк *бир* ер туталар. Аталар сёзлеринде халкънынъ дюньябакъышы, онынъ икмети акс олуна [2, 5]. Аталар сёзлери бугуньки кунюмизде де гъает **актуальдир.** Аталар сёзлерининъ огренилюви нетиджесинде 1914 сенеси А.Н.Самойлович ве П.А.Фалевлернинъ редакциясы алтында А.А.Боданинский, Э.Л.Мартино, О.Мурасовларнен тарафындан топлангъан «Пословицы, поговорки и приметы крымских татар» [7]. адлы джыйынтыкъ нешир олунды. П.А.Фалевнинъ макъалесинде баягъы меракълы малюматлар тапмакъ мумкюн. Тек бу джыйынтыкъта такъдим этильген нумюнелерде халкъымызнынъ миллий дюнья бакъышы, корюши асыл негизинде сакъланып, шиве элементлери халкъ арасында къулланылгъаны киби такъдим этильгенини къайд этмелимиз. Биз тедкъикъ этеджек аталар сёзлери асыл негизини сакълап къалгъан аталар сёзлерине аиттир. Чюнки ондан сонъ нешир олунгъан джыйынтыкълардаки

аталар сёзлеринде шиве элементлери ёкъ этильди ве дигер халкъларнынъ аталар сёзлеринен къарыштырылды.

Октябрь инкъилябындан эвель олгъан девирдеки аталар сёзлери халкънынъ тарихыны, тюшюндже ве умютлерини акс эттирген дегерли *бир* менбаа деп саймакъ мумкюн. Оларда эмексеверлик, адалет, джесюрлик ве *бу* киби бир чокъ мусбет чизгилер акъкъында халкънынъ тасавуры топлангъандыр.

Аталар сёзлеринде халкънынъ миллий дюнья корюшининъ хусусиетлери эсасен ахлякъый тасавурлар вастасынен, инсанлар арасындаки мунасебетлерге кесильген къыйметнен амельге кечириле [4, 278]. Къоранта, джемиетке мевджют олгъан халкъ халкъ тюшюнджеси къыскъа ибаре ве келиме шеклинде хуляса чыкъарылып анълатыла. Оларда адий инсангъа олгъан севги ве урьмет акс эттириле, тенбеллик *исе* тенкъидке огъратыла. Олар мераметли ве сабырлы олмагъа эм де яхшылыкънынъ къыйметини бильмеге огретелер [6, 23]. Белли бир девирде яшагъан халкънынъ ичтимаий-сиясий ве икътисадий вазиети ве турмуш теджрибеси акъкъында бойле аталар сёзлерини мисаль оларакъ косьтермек мумкюн**:** *Йоргъанына коре, аякъларыны узатмаганны аяклары тышта къалыр* [7, 32]; *Арамдан кельген борангъа кетер* [7, 30].

Халкъ яшайышында яхшылыкъ ве яманлыкъ не олгъаныны бойле мисаллернен анълатмакъ мумкюн. Меселя: *Яманнен пиляв ашагьандже, яхшынен таш аша [*5, 19]; *Сонь болсун, тек онъ болсун* [10, 21]. Фольклор эсерлеринде иштелильген бу аталар сёзлери эльбеттеки халкънынъ миллий дюнья корюнишини акс этелер. Яхшылыкъ, яманлыкъ, джумертлик, къызгъанчлыкъ, джесюрлик, къоркъакълыкъ киби аталар сёзлеринде халкънынъ ахлякъий чизгилери тасвирленип, кене халкънынъ миллий дюнья корюшининъ къалыбы косьтериле [8, 9]. Оларда амелий тевсиелер бериле: *Ямангъа айтма сырынъны***;** аятий дегерликлер ифаделене: *Коп сёйлеген, коп янъылыр;* тербие нумюнелери анълатыла: *Тилинъни сакъла, ол йыландыр, санъа тиер. Сёзнинъ къыскъасы, йипнинъ узуны яхшы.*

Айванлар акъкъындаки къырымтатар аталар сёзлеринде ачыкь-айдын алда аньаневий метафоралар вастасынен халкънынъ миллий дюнья корюниши ифаделене. Белли бир замандарда халкъ ходжалыгъынынъ буюк къысмыны айван асравджылыкъ тешкиль *эткенини: Къаймакъ сюйсенъ, бугъа ал; Олъген сыйырнынъ сютю татлы болур; Сыйыр агъачлыкъкъа кирсе, бёрю гюняхсыз; Хасап мал дертинде, къозу олюм дертинде;* киби аталар сёзлеринден сечмек мумкюн.

Къырымнынъ джогърафик ерлешюви ве икълимине коре, ашератларнынъ чокълугъы халкъны душмандан къорчаланмагъа огреткенини: Душман хырмысха олса да, сен ону филь гиби гёр;Хырмысханы аягъынъа орьмелемеге къойсанъ, башынъа минер; Чешит халкъларнынъ аталар сёзлеринде айванлар сималары чешит символик функцияларны беджерелер. Мисаль ичюн рус тилинде копек симасы достлукъ, садыкълыкъны бильдире: *Собака человеку неизменный друг; При верной собаке сторож спит; Хорошая собака без хозяина не останется; Вольно собаке на небо лаять*. Копек симасы ишлетильген къырымтатар аталар сёзлеринде халкънынъ миллий дюнья корюшинде копек симасынынъ менфий чизгилерни ифаделене:Ит озю ит экенинu бильсе, юреги ярылыр олер эди. Ит итни таныр, сонъ uce caubuн таныр.Копек акъкъында олгъан аталар сёзлеринен бир сырада борю акъкъында олгъан аталар сёзлери де расткеле: *Бёрю де, итлер де ярашса, къорада къойлар*

къалмас. Ит кетип, борю кельди. Бёрюнинъ азгъыны сычан тутар. Борю тутулгъанда, терисини берип къуртулыр.

Къырымтатар халкъы къадимий заманлардан берли сувда махсулдарлыкъ менбаасыны корип кельгени бойле аталар сёзлеринде косьтериле: *Ташкъын кетер, таш къалыр. Туз сувда тува, сувда оле. Балыкъ сувдан тоймас. Балыкъ баштан сасыр* [7, 58]. Бу аталар сёзлеринден де халкънынъ миллий дюнья корюшини тайинлемек мумкюн.

Къырымтатар тилинде инсаннынъ джемиеттеки ерини айдын косьтерген аталар сёзлери бардыр: *Адамлыкъ эки заттан тавланыр: бириси-юрек, бириси тиль; Адам адамдыр, бир колеги болмаса да, эшек эшектир, алтындан чулу болса да* [7, 22]; *Инсан бир терининъ ичинде эм семирир, эм азар; Дюньяда изинъ къалсын. Эр къой озь баджагъындан асылыр* [5, 18]; *Душмангъа догърусын айтсанъ, достунъа унер болур* [7, 49]; *Инсаннынъ джемиеттеки ерини тайинлеген аталар сёзлеринде миллий дюнья корюниш бойле анълатылыр*.

Къырымтатар аталар сёзлеринде къоранта, сой-соплыкъны анълаткъан: къадын, къоджа, эвлят, келин, къыз, ана, баба киби терминлер гъает кениш ишлетильмектедир. Ана-баба акъкъындаки аталар сёзлери: *Анасы айтар, къызы къайтар; Анасына ошар баласы, экмегине ошар къалачы.Къызым, санъа айтам, келиним – динъле* [7, 36].

Баллалар акъкъындаки аталар сёзлери: *Яшларгъа буюр, тек козьсюз къалдырма; Къызын чиркин болса, къызыл антер кийдир; Анасыны бабасыны корчаланны Алла корчалар* [7, 27]; *Баласы олмагъанны бир дерди бар, баласы олгъаннынъ бинъ дерди бар* [7, 44]. Къоранта, инсанларнынъ сой-соплыгъыны тайинлеген аталар сёзлеринде халкънынъ миллий дюнья корюши бойле анълатылыр.

«Эркек», «къадын» киби сёзлер къулланылып ифаделенген аталар сёзлеринде халкънынъ миллий дюнья корюши бойле тасвирлене.Дюнья тасвиринде (къадын) ве (эркек) концепты тафсилятлы ифаделене: *Насипли къадын эрден тюзелир; Акъайсыз апай копексиз эв; Халкъ ичинден чыкъкъан аталар сёзлеринде къадын эркекнинъ садыкъ аркъадашы, онъа тенъ олгьан инсан оларакъ анълатыла: Арув арув тюгюльдир, джан сюйген гузельдир; Гузель гузель дегильдир, джан севген гузельдир; Къызым санъа айтаман, келиним, сен тынъла; Йигит – юртнынъ тереги; Къыз бала – эль эвининъ чырагъы* [5, 25]. Къадынларгъа урьмет ве севги балалыкътан ашлатыла: *Авучында ананъа йымырта къызартып берсенъ де, берген сютюнъе етишмез.*

Инсан арасындаки алыш-вериш мунасебетлери де тильде озюнинъ аксини таптылар: *Мал деген зат къолнунъ киридир; Манълайынъны терлетмеген мал болмас; Алгъан къол бермеге де билир* [5, 62].

Пара акъкъында олгъан паремияларнынъ чокъусында ич бир шейге денъиштирильмез ар-намус акъкъындаки фикирлер анъыла*: Паранынъ юзю сыджакътыр; Пара – къолунънынъ кири: ювсанъ кетер, юмсанъ къалыр* [5, 80]. Шунынънен берабер элял эмекнен къазанылгъан зенгилликнинъ къыймети акъкъындаки фикир бойле шекильде айырылып косьтериле.

Къырымтатар тили достлукъ акъкъында олгъан айтым эм де аталар сёзлеринен зенгиндир: *Досттан аягьан мал болмас; Халкънынъ дослугъу – душманнынъ бошлугъу;Эки дост душман олмас; Дост агълатып, душман кульдюрип айтар* [5, 35]. *Бетке дегиль, юрекке бакъып дост ара;Акъ дост къара кунь ичю;Афу этильген*

душман дост олмаз;Дост башкъа бакъар, душман – аякъкъа [5, 36]. Бу аталар сёзлери халкъымызнынъ дюнья корюшини тасвирлеп, достларнынъ къадрини бильмеге огретелер.

Аталар сёзлерининъ бир къысмы такъдир ве сеадет акъкъында олгъан тасаврыны айырып косьтерелер. Бу эки тюшюндже эр анги халкънынъ дюньябакъыш системасында муим ер туталар. Меселя: *Анасыз бала гюн гёрмез; Баш язысыны козь корер; Дюнья – мердивен, бири энер, бири мине; Дюнья малы дюньяда къалыр; Дюнья чалгъысыз да ойната* [5, 49].

Тедкъикъатнынъ нетиджеси ве келеджеги. Бойледже, теткъикъ этильген меселенинъ нетиджеси бир сыра хулясаларны айырмагъа имкян бере. Къырымтатар аталар сёзлеринде халкънынъ миллий дюнья корюши къырымтатар халкъынынъ мусафирперверлик, сабыр-интизам, урф-адетлерни кутюв киби миллий чизгилернен айырылып тасвирленгенинен тарифлене. Аталар сёзлеринде халкънынъ миллий дюнья корюши къырымтатар халкъынынъ урф-адетлеринен, халкъ медениетининъ инджеликлеринен, эмексеверлик, тувгъан юрт, оджакъ, эв, аиле ве достлукъ киби умуминсаний чизгилернинъ къыйметинен акс олунып бельгилене.**Хулясалар.** Фольклор эсерлеринде расткельген аталар сёзлеринде халкъымызнынъ миллий дюнья корюши чешит поэтик формулалар шеклинде тасвирленгени айыра ве тайинлей билемиз.Аталар сёзлерининъ эр бир джеэтен ахлякъий-этик ве эстетик вазифелер беджергенлерини де къайд эте билемиз. Миллий гъаелернинъ осеяткъан несильге синъдирилювинде эмиети гъает буюк олгъаныны кесен-кес айта билемиз.

Аньаневий поэтик формулалар тарзында халкънынъ анъына синъип къалгъан ве мерасим, адетлеримизнинъ сырлы алемине сефер къылмагъа муит яраткъан аталар сёзлеринде миллий дюнья корюнишнинъ чешит шекиллери акс олунгъаныдыр. Олар халкъ акъыл-идракининъ аньаневий инджеликлерининъ ве поэтик табиатынынъ тедкъикъ этильмесине имкян яраталар, халкънынъ миллий дюнья корюшини мейдангъа кетирелер.

Эдебият

1. Аталар сёзлери ве айтымлар. Тертип эткен Ш. Асанов. / Асанов Шевкет. – Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2002. – 183с. – ISBN 966 – 8029 – 199.

2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира / Г. Д. Гачев. – М., 1988. – 448 с.

3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос / Г. Д. Гачев. – М., 1995. – 79 с.

4. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – Москва: «Гнозис», 2002. – 284с. – ISBN 5-94244-009-3

5. Къайда бирлик, анда тирилик. Къырымтатар аталар сёзлери. (Тертип эткен Р.Фазыл / Фазылов Риза. – Ташкент: Эдебият ве санъат нешрияты, 1971. – 192с.

6.Музафаров Р. И. Татарские народные пословицы / Р. И. Музафаров. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1959. – 153с.

7. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранные А.А.Боданинским, Э. Л. Мартино и О. Мурасовым / Боданинский А.А., Мартино Э.Л., Мурасов О. – Симферополь: Типография Таврич. Губерн. Земства, 1914. – 67с.

8.Сулаева Ж.А. Классификация картин мира / / Ж.А.Сулаева. Актуальные проблемы гуманитарных наук: сборник научных трудов. Вып. 6. – Махачкала: ДГТУ, 2010. – С.255-261.

9.Риза Фазыл. Ирмакълар / Фазылов Риза. Аталар сёзю – акъылнынъ козю. Эдебий макъалелер, очерклер, хатырлавлар, левхалар. – Симферополь, 2002. – С. 154 – 159.

10. Филоненко В. И. Загадки крымских татар / Къырымтатар тапмаджалары / В. И. Филоненко. – Симферополь, 1926. – 57 с.

Сеитбилялова Л. Э. Къырымтатар аталар сёзлеринде халкънынъ миллий дюнья корюшининъ айдынлатылув ёллары. (Картина мира в крымскотатарских пословицах) / Л. Э. Сеитбилялова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. І. Вернадського. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 264–269.

В научной работе автором впервые рассматриваются крымскотатарские пословицы сквозь призму их этнокультурных и специфических значений. В области крымскотатарской фольклористики данная тема изучается впервые.

Общеизвестно, что пословицы складывались на протяжении многих веков и представляют собой особую ценность при изучении культуры и языка. Следует отметить, что этимология крымскотатарских пословиц не изучена и представляет широкое поле для исследования. Изучение крымскотатарских пословиц позволит выявить особенности мировосприятия и менталитета его носителей, исследовать отдельные фрагменты национальной языковой картины мира. Крымскотатарские пословицы, как единицы синтаксиса, до сих пор не становились предметом отдельного изучения. Синтаксический аспект пословиц представляет значительный интерес, так как каждая пословица является законченным высказыванием, оформленным по законам данного языка.

Ключевые слова: крымскотатарский фольклор, крымскотатарские пословицы, картина мира.

Сєїтбілялова Л. Е. Картина світу в кримськотатарських прислів'ях / Л. Е. Сєїтбілялова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 264–269.

У науковій роботі автором вперше розглядаються кримськотатарські прислів'я крізь призму їх етнокультурних і специфічних значень. В області кримськотатарської фольклористики дана тема вивчається вперше. Відомо, що прислів’я складалися протягом багатьох століть та уявляють собою особливу цінність при вивченні культури та мови. Варто відзначити, що етимологія кримськотатарських прислів’їв не вивчена та уявляє широке поле для дослідження. Вивчення кримськотатарських прислів’їв дозволить виявити особливості світосприйняття й менталітету його носіїв, дослідити окремі фрагменти національної мовної картини світу. Кримськотатарські прислів’я, як одиниці синтаксису, до цих пір не ставали предметом окремого вивчення. На відміну від речень, які використовуються в широкому контексті, прислів’я самостійні, незалежні від контексту. Вони рівнозначні за своєю семантикою. Виступаючи в ролі речення, кримськотатарські прислів’я й приказки збагачують образність та глибину мови.

Ключові слова: кримськотатарський фольклор, кримськотатарські прислів'я, картина світу.

Seitbilyalova L. E. The picture of the world in Crimean Tatar proverbs / L. E. Seitbilyalova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 264–269.

In the study for the first time the Crimean Tatar proverbs through the prism of their ethnic, cultural and specific values are examined. In the Crimean Tatar folklore this subject is studied for the first time.

It is well known that proverbs evolved over many centuries and are of special value in the study of culture and language. It should be noted that the etymology of Crimean Tatar proverbs has not been studied and is a broad field for research. The study of the Crimean Tatar proverbs will allow to identify the particularities of the world-view and mentality of its carriers, to examine parts of national linguistic world. Crimean Tatar proverbs, as a unit of syntax still not been the subject of a separate study. Syntactic aspect of proverbs is of considerable interest, because each proverb is a complete statement created under the laws of the language.

Crimeantatars proverbs and sayings of prerevolutionary period are the valuable source, a kind of oral Chronicle, in which nation displays their own history, reflects own thoughts and hopes. There are national view of courage, hardworking, justice, humanity, cheerfulness, love to own nation in crimeantatars proverb expressions and sayings. Also they created ideological, aesthetic and ethical ideal of the nation.

For the study were used crimeantatars proverbs and sayings, taken from different texts. In the study were used proverbs reflecting ethnic and cultural identity of ideological and aesthetic, ethical ideal of crimeantatars nation. The most considerable results of the analysis give ability to form some basic conclusions. During the analyzing of crimeantatars proverb picture of the world were discovered distinctive features of crimeantatars nation, such as hospitality, adherence to the traditions and customs, patience and eloquence, which are ideo-

logical and aesthetic, ethical ideal. Proverb expressions, where traditions, customs, culture of nation were reflected, saved big culturological potential.

Syntactical aspect of proverb expressions represent considerable interest. In contrast to the sentences, which are used in a wide context, proverb expressions are independent, separate from the context. Acting as a sentence, crimeantatars proverbs and sayings are enriching language by figurativeness, capacity and deepness. Proverb expressions and sayings are fully and thoroughly reflecting life, activity and worldview of the nation, wisdom, sensibility, realistic orientation of its mind. This proverb expressions are actual nowadays.

Key words: folklore, proverbs, world picture

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 270–275.

ФИЛОЛОГИЯ БЕЗ ГРАНИЦ

811.512

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ САГЫШ, САБЫРЛЫК В ТАТАРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Замалетдинов Р.Р., Замалетдинова Г.Ф.

Казанский федеральный университет, Казань, Россия
E-mail: alyusupova@yandex.ru

Язык находится в неразрывной связи с культурой: в языке находят отражение те черты действительности, которые представляются релевантными для носителей соответствующей культуры. В нем содержится культурная, историческая информация о народе, его нравах, обычаях, традициях и психологии. Язык отражает внутренний мир человека и даже целой нации. Он представляет собой форму культуры, воплощающую в себе исторически складывающийся тип жизни во всем его разнообразии и диалектической противоречивости (Тарланов, 1993]. Язык, как отмечает Э.Сепир, связан с культурой теснейшим образом: он «прорастает» в нее, выражает ее, является обязательной предпосылкой развития культуры в целом (Сепир, 1993]. Язык выступает в качестве реализованной «внутренней формы» выражения культуры как внеязыкового содержания предметно-понятийного характера, а культура – как процесс освоения человеком действительности на всех уровнях.

Решение вопроса о соотношении языка и культуры во многом связано с поиском универсального и специфического в восприятии реальности носителями разных лингвокультурных традиций. Одним из аспектов такого исследования является комплексный анализ ключевых концептов на материале отдельного языка.

Ключевые слова: лингвокультурология, эмоциональный концепт, татарский язык, языковая картина мира, национальный менталитет

В качестве примеров, характеризующих мир эмоций татарского народа, рассмотрим наиболее актуальные концепты *САГЫШ* и *САБЫРЛЫК*.

Сагыш может быть переведен на русский язык как *тоска, грусть кручина.* Это расположение духа, вызванное тоской по кому либо или чему-либо. Оно преимущественно связано с расставанием, разлукой: *аерылу сагышы*. Историческими словообразовательными связями это слово связано с глаголом *сагыну* (скучать). В татарско-русских словарях имя действия *сагыну* и существительное *сагыш* переводятся одной и той же лексемой *тоска*. *Сагынулар мине моңлы, ләззәтле бер сагышка батыралар иде* (Ф.Әмирхан). *Үлем сагышы кебек авыр бу тойгы* (К.Нәҗми). Это чувство тяжелое, как предсмертная тоска.

Это же слово используется для обозначения процесса погружения в чувство, названное словом *сагыш*, процесса переживания названного чувства. *Газинур урман*

кисәргә киткәч, гөлләр ничектер ямансулый, сагышлана башлады (Г.Әпсәләмов). Когда Газинур уехал на рубку леса, цветы стали как-то грустить, тосковать.

Лексема *сагыш,* безусловно, связано с глубоко личными, внутренними переживаниями человека, однако оно также связывается с внешними проявлениями переживаемого чувства, видимыми для окружающих, визуально ими воспринимаемыми: *сагыш йөзгә чыга. Аның күзләре сагышланды, тавышы да кинәт йомшарып, бөтенләй моңсуланып китте* (А.Шамов). Ее глаза наполнились тоской, голос вдруг стал мягким, совсем грустным.

В татарском языке существует ряд дериватов от *сагыш*. Рассотрим некоторые из них.

Сагышлау – состояние человека, который, предаваясь названному чувству, вспоминает кого-либо, думает о ком-либо, испытывая чувство беспокойства. *Әллә юкса, мин әйтәм, башыңа берәр исәп төшеп, шуңа сагышлап утырасыңмы, дим?* (Ф.Бурнаш). *Ана сугыш мәйданында, кан эчендә үлеп калган балаларын сагышлый* (С.Рәмиев). Мать тоскует по детям, павшим на поле боя, пропитанном кровью.

Сагышчан – быстро предающийся названному чувству. Оно также может быть связано с внешними проявлениями этого чувства. *Марат үзенә бикләнүчән, тирән кичерүчән һәм бераз сагышчан кыяфәттә* (Н.Исәнбәт). Марат выглядит замкнутым, глубоко переживающим и немного предающимся тоске.

Сагышлану – состояние погруженности в названное чувство. Это чувство может сопровождать какие-либо действия человека: сагышланып җырлау. *Айсылу, Мәрьямнең сагышланып түбән караган ябык йөзенә күз салып, аның кәҗәсен сатарга уйлавының сәбәбен белергә тырышты* (Г.Бәширов). Айсылу, глядя в тоскливо склонившееся лицо Марьям, пыталась понять, что побудило ее продавать козу.

Сагышлы – переживающий названное чувство, грустный, печальный, горестный. *Бәлки, ул җырны сагышлы әсир үзе уйлап чыгарган булгандыр* (Н.Дәүли). Возможно, эту песню сочинил печальный пленник когда-то сам. Этим же словом могут быть названы чувства или мысли, преживаемые одновременно с *сагыш,* примешанные к нему. *Яфраксыз агач башларында, өй кыекларында һәм кайбер тәрәзәләрдә кояшның кызгылт шәүләләре чагылып күңелләргә сагышлы уйлар сала* (Ш.Камал). Красные отблески солнца, отражаясь на голых верхушках деревьев, крышах домов и в некоторых окнах, наполняют души тоскливыми мыслями.

В цветовоспрятии татар *сагыш* устойчиво ассоциируется с желтым цветом, о чем свидетельствуют фразеологизмы *сары сагышка бату* (букв. погрузиться в желтую тоску) и пословицы *кайгы ирне картайта, сагыш ирне саргайта* (букв. горе старит мужчину, тоска делает его желтым); *сабын кулны агарта, сагыш йөзне саргайта* (букв. от мыла руки становятся белыми, от тоски лицо – желтым).

Алмачылар алма сата, Бар микәнни табышы? Ак йөземне сары алды, Бар да дөнья сагышы (песня).Торговцы (букв. “садоводы, выращивающие яблони”) продают яблоки, неужели это приносит доход? Мое белое лицо пожелтело, все это от мирской тоски. В приведенном фрагменте мы обнаруживаем еще одно устойчивое сочетание – *дөнья сагышы* (мирская тоска) – печали и заботы, связан-

ные с жизнью. *Яшел җебе – яшь көннәрем, Зәңгәр җебе – хыялларым, Кызыл җебе – шатлыкларым, Сары җебе – сагышларым* (Р.Әхмәтҗанов). Зеленая нить – дни юности моей, голубая – мои мечты, красная – радости, желтая – тоска.

Концепт *сагыш* связывается очень часто с ностальгией, тоской по родине, родной земле. Для национального сознания татарского народа, который относится к числу дисперсных народов, этот концепт имеет очень большое значение. *Каршы ала туган якта Тургай тавышы. Бары тургай аңлый бугай Минем сагышны* (Р.Вәлиев). Встречает в родном краю голос жаворонка. Лишь только жаворонок, похоже, понимает мою тоску. *Гомеремнең икенче яртысында мин бик ерак илләрдә булдым, әллә ниткән хикмәтле вулканнар, джунглилар, тау куышлары, шәһәрләр, халыклар, буар еланнар, филләр күрдем. Әмма гомер буе минем йөрәгемне телеп-телеп сагыш кайнады, бала вакытта шул юкә төпләрендә чыбыклы юл буенда ятканда уйлаган уйларым миңа гомер буе тынгылык бирмәде, гел каядыр чакырып торды…*(М.Мәһдиев). Во второй половине своей жизни я побывал в далеких краях, повидал удивительные вулканы, джунгли, горные пещеры, города, народы, удавов, слонов. Однако всю жизнь мое сердце разрывалось тоской, думы моего детства, посещавшие меня, когда я лежал у дороги под липами, никогда мне не давали покоя, все время звали куда-то…

Рассмотрим и ряд фразеологизмов и пословиц с концептом *сагыш*: *сагышка чуму* (букв. погрузиться в тоску, печаль), *сагышта тору* (букв. жить в тоске, печали); *күңел сагышы китү* (букв. освободиться от печали в душе); *әҗәл белән сагынуга дәва юк* (букв. нет исцеления от смерти и тоски); *артык шатлык сагыш китерер* (букв. чрезмерная радость приведет к тоске) и др.

Если *сагыну* имеет четкую рационально объяснимую причину и конкретный объект чувства (в этом случае тоскующий знает, по чему именно он тоскует), то *сагыш* – чувство менее определенное, более расплывчатое, в нем присутствует иррациональный компонент значения, нечто экзистенциальное (тоскующий может и не знать определенно, чем вызвано его переживание).

Однако в отдельных случаях *сагыш* может ассоциироваться с повседневными хлопотами и заботами: *сарае барның сагышы бар* (букв. у имеющего дворец (или сарай) есть заботы).

По мнению А.Д.Шмелева, русское слово *тоска* несет на себе печать русских пространств (Шмелев, 2002). *Тоска* – душевная тревога, уныние: *наводить тоску на кого-либо.* Она может иметь внешние проявления: *тоска во взгляде. Тоска* также соотносится со скукой, с чем-либо неинтересным. *На даче осенью тоска.*

Следующий наиболее характерный для татарской ЯКМ концепт САБЫРЛЫК.

Для татарского менталитета в целом характерно стремление не выносить вовне, не афишировать испытываемые чувства, скромность и умеренность в выплескивании наружу чувств и переживаний, самообладание. Поэтому мы не встречаем выражений, подобных *посыпать голову пеплом, рвать на себе волосы* и т.п. для внешнего описания аффектов. Напротив, характерны стремления прятать их, проглатывать (*йоту*). В связи с этим усиливается роль концепта ***сабырлык*** в татарской традиционной системе ценностей. *Ләкин, күпме генә уйласам да, киләчәк минем өчен билгесез иде. Ни көтә мине, ни булып бетәр моның ахыры?. Йә, ходa,*

сабырлык бир миңа!. (Ә.Еники). Но, сколько бы я ни предавалась размышленям, будущее мое было неопределенно. Что меня ожидает, чем все это закончится?…О боже, дай мне терпения!…

Сабырлык – терпение, терпеливость, выдержка, сдержанность. Это абстрактное существительное образовано от прилагательного *сабыр* со значением терпеливый, выдержанный, смиренный, имеющий спокойный нрав, несуетливый. Соответственно *сабырсыз* – нетерпеливый, несдержанный; *сабыр итәргә* – терпеть, иметь терпение; *сабырсызланырга* – проявлять нетерпение, несдержанность, терять терпение.

Данная лексема употребляется в составе следующих фразеологизмов татарского языка: *сабырлыгым бетте, сабыр коелары* (*коесы*) *тулу, сабыры* (*сабырлык*) *төкәну, сабыр чылбыры өзелү* – терпение лопнуло / / чаша терпения переполнилась / / терпение иссякло; *сабырлыкны югалту* – терять терпение, *сабырсызлык күрсәтү* – выражать нетерпеливость; *сабырлык җитү* (*җитмәү*) – (не) хватило терпения и т.д. *Аның сүзен мин һәрвакыт тыңлый идем, әмма бу юлы тыңламадым, сабырлыгым җитмәде* (А.Шамов). Я всегда его слушался, однако на этот раз не послушался, не хватило терпения. *Сабыр казаны шартлау* (букв. лопнул котел терпения), *сабыр савыты тулу, сабыр савыты ташу* – переполнилась чаша терпения. В этих примерах терпение предстает как субстанция, место размещения которой напоминает некий сосуд. Однако такое представление о терпении в татаркой культуре не единственное. Так, например, концепт *сабырлык* связывается с крыльями: *сабыр канаты* (букв. крылья терпения) собственно терпение, выдержка, сдержанность, *сабыр канаты сыну* (букв. поломались крылья терпения) – в значении «переполнилась чаша терпения».

Сабыр сабы ычкынган (букв. отлетела рукоятка терпения) – не хватило терпения. *Сап* – рукоятка, ручка для того, чтобы что-либо держать, чем-либо управлять. Здесь мы наблюдаем своеобразный рефлекс того, что именно терпение и выдержка должны управлять поведением человека.

Чрезвычайно большую ценность того, что обозначается этим концептом, эксплицируют активно используемые в речи татар пословицы: *сабыр төбе сары алтын* (букв. на дне терпения – золото), *сабырлык куанычка илтер, ашыгу көенечкә илтер* (букв. сдержанность приводит к радости, спешка – к огорчению), *сабыр иткән морадына җиткән* (букв. проявивший выдержку своей цели добился), *сабырлы – солтан, сабырсыз – шайтан* (букв. сдержанный – султан, нетерпеливый – черт) и др.

Выводы и перспектива. Эмоциональные концепты татарской лингвокультуры – этнически и культурно обусловленные ментальные образования. Их специфика определяется традициями, обычаями, нравами, основными спереотипами мышления и моделями поведения.

Анализ татарских эмоциональных концептов подтверждает известный тезис о том, что для тюркского менталитета характерна сдержанность в проявлении эмоций, стремление не демонстрировать посторонним испытываемые чувства, скромность и умеренность в выплескивании наружу чувств и переживаний, самообладание. Поэтому в татарском языке мы не встречаем выражений, подобных *посыпать*

голову пеплом, рвать на себе волосы и т.п. для внешнего описания аффектов. Напротив, характерно стремление прятать или проглатывать (*йоту*) их. В связи с этим достаточно серьезно усиливается роль концепта *сабырлык* в татарской традиционной системе ценностей.

Как показывают результаты проводимых нами исследований, эмоциональное состояние и внутренний мир человека в целом в сознании носителей татарского языка представляет собой сложное образование, где присутствуют различные сущности и субстанции разных уровней, вступающие между собой в сложные отношения.

Литература

1. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики / А.Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
2. Замалетдинов Р.Р. Теоретические и прикладные аспекты татарской лингвокультурологии. – Казань: Магариф, 2009. – 351 с.
3. Замалетдинов Р.Р. и др. Татарская лингвокультурология: концепты духовного мира человека / Р.Р.Замалетдинов, Г.Ф.Замалетдинова, Р.С.Нурмухаметова, З.А.Мотыгуллина, Р.Р.Данилова, А.Ш.Василова, Р.Р.Закирова, Ф.Р.Сибгаева, Ф.Г.Габдрахманова / под ред. Р.Р.Замалетдинова. – Казань: ИПК «Бриг», 2012. – 300 с.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологи / Э.Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 654 с.
5. Тарланов З.К. Язык. Этнос. Время: Очерки по русскому и общему языкознанию / З.К.Тарланов. – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1993. – 222 с.
6. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю / А.Д.Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224с.

Замалетдінов Р. Р. Репрезентація концептів сагиш, сабирлик в татарській мовній картині світу / Р. Р. Замалетдінов, Г. Ф. Замалетдінова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 270–275.

Мова перебуває в нерозривному зв'язку з культурою: в мові висвітлюються ті риси дійсності, які представляються релевантними для носіїв відповідної культури. У мові міститься культурна, історична інформація про народ, його звичаї, традиції та психологію. Мова відображає внутрішній світ людини і навіть цілої нації. Вона являє собою форму культури, що втілює в собі історично складений тип життя в усьому його розмаїтті і діалектичній суперечливості (Тарланов, 1993]. Мова, як зазначає Е. Сепір, пов'язана з культурою найтіснішим чином: віна «проростає» в неї, висловлює її, є обов'язковою передумовою розвитку культури в цілому (Сепір, 1993]. Мова виступає як реалізація «внутрішньої форми» змалювання культури як позамовного змісту предметно- понятійного характеру, а культура – як процес освоєння людиною дійсності на всіх рівнях.

Вирішення питання про співвідношення мови і культури пов'язане з пошуком універсального і специфічного в сприйнятті реальності носіями різних лінгвокультурних традицій. Одним з аспектів такого дослідження є комплексний аналіз ключових концептів на матеріалі окремої мови .

Ключові слова: лингвокультурологія, емоційний концепт, татарська мова, мовна картина світу, національний менталітет

Zamaletdinov R. R. Representation of Concepts Sagyh, Sabyrlik in the Tatar Language Picture of the World / R. R. Zamaletdinov, G. F. Zamaletdinova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 270–275.

Language is inseparable from culture: the language are reflected in the features of reality that seem relevant to the culture media. It provides cultural, historical information about the people, his manners, customs, traditions and psychology. Language reflects the inner world of man, and even the whole nation. It is a form of culture that embodies a historically emerging type of life in all its diversity and dialectical contradictions (Tarlanov, 1993]. Language, as the E.Sepir associated with the culture intimately: he "grows" in it, express it, is a

mandatory prerequisite for the development of culture as a whole (Sapir, 1993]. Language serves as the sales of "inner form" expressions of culture as extra-linguistic content of the subject-conceptual nature, and culture – as a process of human exploration of reality at all levels.

The issue of the relationship between language and culture is largely associated with the search for a universal and specific to the perception of reality linguocultural speakers of different traditions. One aspect of this study is a comprehensive analysis of the key concepts in the material of a particular language.

The key concepts of cultural any language picture of the world (hereinafter – YAKM) applies the concept of "rights", without which analysis is not possible to adequately describe the culture of the ethnic group, as the reality of any place in the system of cultural values - no matter whether it belongs to the reality of the world of artifacts or the natural world – may be determined primarily by the role that plays in relation to the realities of the people. In the Tatar world picture "The Man" is expressed by the word "cache."

Most often attracted the attention of scientists concepts of soul, heart, longing, sadness and other configuration concepts related to ethical and emotional state. Analysis of emotional concepts is essential for modeling the inner world of a person on the material in a given language. In the works A.Vezhbitskoy the problem of the existence of "basic human emotions, " and said that the conceptualization of the world cultural and emotions of each linguistic community is in its own way. She notes that the feelings called Russian word "sad" or "melancholy" is significant in the Russian language picture of the world, there is no exact English equivalent for their expression (Wierzbicka, 2001]. There is a specific representation of the emotional and tokens in the Tatar language. In this case, following the tradition of Russian scientists terminology, the term 'emotion' we use the concept of a collective.

Key words: cultural linguistics, emotional concept, the Tatar language, language picture of the world, national mentality

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 276–281.

УДК 811.512

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ПЛОДЫ И ОВОЩИ» В ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Юсупова А.Ш.

Казанский федеральный университет, Казань, Россия
E-mail: alyusupova@yandex.ru

Выбор темы исследования обусловлен тем, что многоаспектное изучение фитонимической лексики позволит по-новому решить некоторые языковые, этнолингвистические и историко-лингвистические проблемы. Ведь названия растений представляет собой специфическую часть лексической системы татарского языка. Примечательно, что интересующая нас лексика имеет многовековую историю и ее формирование осуществлялось в разные исторические эпохи неодинаково. Изучение эволюционных процессов в формировании фитонимической лексики проливает свет на многие вопросы истории татарского языка.

Принципиальное значение имеют взаимоотношение татарского литературного языка и его диалектов в области фитонимии, формирование и нормализация ботанической терминологии. Поэтому тщательное описание фитонимии татарского литературного языка и его диалектов с целью систематизации и унификации терминологии при составлении словаря ботанических терминов представляется актуальным.

Фитонимическая лексика татарского языка чрезвычайно неоднородна. Она включает в свой состав лексемы, которые отличаются давностью существования, характером функционирования. В современном татарском языке существуют фитонимы разного происхождения. С точки зрения происхождения можно выделить два основных лексических пласта – исконную лексику и лексику заимствованную.

Состав фитонимической лексики татарского языка отличается своей специфичностью, и при исследовании его эволюции необходимо учитывать как лингвистические особенности, так и экстралингвистические факторы, которые находят свое отражение в лексике, во взаимодействии лексических единиц. Однако развитие лексики происходит неравномерно, и интенсивность развития проявляется по-разному. Если состав лексем одной лексико-семантической группы фитонимии изменяется быстро и кардинально, то изменения в другой – происходят медленнее, что и обеспечивает ее устойчивость на протяжении очень длительного периода времени.

Ключевые слова: тематическая группа, татарский язык, словарь, растения, заимствования

Постановка проблема. Тематическая группа – выделенная в пределах семантического поля или независимо от него лексическая группировка, в которой лексика объединена по денотативному признаку, т. е. по обозначению реалий действительности. Тематическая группа классифицируют все элементы действительности – от предметов домашнего обихода до небесных тел, с одной стороны, и мыслительных процессов, с др. стороны.

Первым в тюркологии исследованием лексики по тематическому принципу занялся К.М.Мусаев. Его научный труд «Лексика тюркских языков в сравнительном освещении» (М., 1975) посвящен изучению словарного фонда в лексико-семантическом отношении. В разделах «Названия животных», «Названия растений», «Названия частей растений», «Термины родства», «Названия дней недели» слова из западнокыпчакских языков представлены по происхождению: тюркский, заимствованный, неизвестный слой. По мнению К. Мусаева, «общетюркский слой является основой их словарного состава в лексическом отношении, он отражает более древнюю общность западнокыпчакских языков как внутри групп, так и с другими, а также тюркских языков между собой вообще» [Мусаев, 1975, 338].

В татарском языкознании первые труды по изучению тематического аспекта лексики принадлежат перу ученого-тюрколога А.Г.Шайхулова. В работе «Лексические взаимосвязи кыпчакских языков Урало-Поволжья в свете их историко-идеографической характеристики на общетюркском фоне» он предлагает тематическую классификацию лексики татарского языка [Шайхулов, 1999, 66].

В томе, посвящённом тематической структуре татарской лексики в свете её происхождения, проекта многотомного коллективного труда «Татарская лексикология» академик М.З. Закиев выделяет следующие тематические группы:

I. Татарская лексика, относящаяся к тематической группе **«Природа».**

II. Татарская лексика, относящаяся к тематической группе **«Человек».**

III. Татарская лексика, относящаяся к тематической группе **«Общество».**

IV. Татарская лексика, относящаяся к тематической группе **«Человек и Вселенная»** [Закиев, 2003, 6 − 12].

Одна из самых больших тематических групп – это группа «Растения». В своей работе, в целях лингвистического анализа, мы считаем целесообразным разделить состав данной группы на несколько подгрупп: «Хлеба, травы» «Плоды и овощи», «Названия деревьев».

Лексика флоры относится к числу наиболее изученных групп в татарском языкознании. Она впервые собрана и проанализирована учёным-просветителем К.Насыри в начале XX века в работе «Гөлзар вә чәмәнзар» («Гульзар и чаманзар», 1903]. В этом труде автор даёт описание лекарственных растений, приводит название каждого растения на татарском языке, дает перевод на арабский, латинский, русский языки, характеризует его лечебные свойства.

В данной статье объектом исследования являются названия плодов и овощей, которые зафиксированы в двуязычных словарях XIX века и не потеряли активность в настоящее время. Лексическую базу составляют такие слова, как آلما **алма** – яблоко [О., 1892, 14; В., 1894, 368], ليمون **лимун** – лимонъ, افليسون **эфлисун –** апельсинъ, قاق **какъ** – пастила, بالان **баланъ** – калина [Кр., 1880, 7; О., 1892, 34; Т., 1833, 228; О., 1876, 55], شومورط **шумуртъ** – черёмуха, قارليغان **карлыганъ –** смородина [О., 1876, 85; В., 1894, 303; Кр., 1880, 17; О., 1892, 111; Н., 1878, 84; Т., 1835, 82], چيه **чия –** вишня [В., 1894, 22; Кр., 1880, 16; О., 1892, 226; О., 1876, 134; Н., 1878, 50; Т., 1833, 495; Н., 1892, 16], ميلاش **миляшь** – рябина [В., 1894, 287; О., 1892, 149], جيلاك **джилякъ** – ягода, بورلوكان **бюрлюганъ –** костяника [Н., 1878, 32; О., 1876, 60; О., 1892, 47; Кр., 1880, 18; Т., 1833, 193], **кура жиляги** – малина [В., 1894, 125; Кр.,

1880, 16], موك جيلاگى **мюкъ жиляги** – клюква [В., 1894, 104; Кр., 1880, 16; О., 1892, 151], **нарат җиляге** – брусника [Т., 1835, 247; В., 1894, 14; Кр., 1880], **кара җимеш** – чернослив [Т., 1835, 78], **кара җиляк** – черника [В., 1894, 359, Кр., 1880, 17; Т., 1835, 77; О., 1876, 72], **йозем** – виноград [В., 1894, 22; Кр., 1880, 16; О., 1892, 79; Т., 1833, 107; О., 1876, 73; Н., 1892, 16], айва – а**йва** [Н., 1892, 5], طورنا كوزچيا **тукранкүзция** – клюква [Г., 1801, 41], قاين جيله عي **каен җиляге** – земляника [Б., 1871, 35]; قاراعان**караганъ** – рябина [Б., 1871, 46]; قزل**җжия** – болотная ягода, **җчкызыл җия** – брусника, **турня кызыл җия** – клюква [Б., 1871, 450], ايله ك **иляк** – ягоды [Б., 1871, 362]. и т.д.

Алма – яблоко во всех языках западнокыпчакской группы тюркских языков обозначается одним словом. Это же слово отмечено и М.Кашгари [МК, т.1. с.150], который писал, что *алма* – огузское слово, турки же говорят *алыма.* В основной части тюркских языков также употребляется слово *алма* без каких-либо фонетических изменений. В.Г.Егоров предполагает, что это название первоначально относилось к дикому (лесному) яблоку [Егоров, 1964, 273]. Кстати, чувашское слово *улма* обозначает «картофель» – по сходству формы.

Лексема **җия (чия)** зафиксирована в семантически изменённом виде. Хотя в литературном языке *чия* употребляется в значении «вишня», в словарях И.Гиганова, Л.Будагова она отмечана как «болотная ягода». Слова **тукранкүзция** [Г., 1801, 41] и **турня кызыл җия** [Б., 1871, 450]. являются диалектными единицами и составляют синонимический ряд. Литературным вариантом является составное слово **мүк җиляге,** которое в значении «клюква» зафиксировано в словарях Н.Остроумова и А. Воскресенского.

В данной группе достойное место занимают названия плодов, заимствованные из арабского и персидского языков: بدام **бадам** − миндаль [О., 1892, 32; Н., 1878, 28; Т., 1833, 180; О., 1876, 55], زيتون**дәйтүн** – оливки [Т., 1833, 563], ترانج **туряндж** – апельсин [Н., 1878, 24], خرمة**хөрмә** – финик [Н., 1878, 50; Т., 1833, 519], **карбуз** – арбуз [О., 1876, 85; В., 1894, 2; О., 1892, 111; Н., 1878, 83; Т., 1835, 80; Н., 1892, 6].

Карбыз – арбуз заимствовано из персидского языка («харбозе, харбузе»). Это однолетнее стелющееся растение семейства тыквенных родом из Южной Африки. В Россию оно попало из Персии во время монгольского нашествия. Персидское «харбозе, харбузе» буквально означает «ослиный огурец» [Рахимова, 1993, 47].

Интересно отметить лексему ترانج **туряндж** – апельсин [Н., 1878, 24]. Здесь имеется неточность, т.е. в словаре слово указано опечаткой. Данное слово своими корнями уходит в индийские языки. Индейское слово **нарандж** было заимствовано в арабский язык и современем первая буква **н** выпала и слово стало употребляться **арандж.** А еще позже стало употребляться в фонетической форме **орандж,** которая присуще для многих европейских языков.

Вторая подгруппа состоит из названий овощей: شالقان **шалканъ –** репа [В., 1894, 286; О., 1892, 235; Н., 1878, 60], **хардяль** – горчица [Ю., 1900, 65], **нугыт** – ворожба [О., 1892, 154], **кыяр** – огурец [Т., 1835, 131; О., 1876, 97; В., 1894, 172; О., 1892, 13; Н., 1878, 91], **чогендер –** свёкла [Н., 1878, 40; Т., 1833, 475; О., 1892, 228; В., 1894, 290; О., 1987, 134], كيشر **киширь** – морковь [Т., 1835, 175; В., 1894, 131; О., 1892, 123; О., 1876, 90; Н., 1878, 95, Б., II т., 129], قوزغالاق **кузгалакъ** – щавель [Н., 1892,

75; В., 104; Кр., 1880, 16; О., 1892, 76], **балтырганъ –** борщевикъ [Т., 1833, 228; Б., 1869, 237; О., 1892, 34; Кр., 1880, 30], **торма** – редька [О., 1892, 201; Н., 1878, 23; О., 1876, 123], **сарымсакъ** – чеснок [В., 1894, 360; О., 1892, 172; Н., 1878, 69; О., 1876, 102], **суганъ –** лук [В., 1894, 123; О., 1892, 178; Н., 1878, 72; Н., 1892, 75; О., 1876, 115], **борычъ** – перец [В., 1894, 199; О., 1892, 47; Н., 1878, 32; Т., 1833, 174; О., 1876, 60; Н., 1892, 125; Г., 1893, 14], **бярянге** – картофель [О., 1876, 63; О., 1892, 100; Кр., 1880, 17; В., 1894, 100; Н., 1878, 31; Т., 1833, 184], **кабакъ –** тыква [О., 1876, 81; В., 1894, 334; О., 1892, 102; Н., 1878, 81], **кавынъ** – дыня [О., 1876, 86; В., 1894, 60; О., 1892, 114; Н., 1878, 87; Т., 1835, 125; Н., 1892, 41], **гомбя –** гриб [Н., 1878, 99; О., 1876, 65; В., 1894, 50; Кр., 1880, 16], **ляплябель** – свекла [Г., 1801, 48], تورات زرته ك **торобъ** – редька [Г., 1801, 48.], قن **кынъ** – стручокъ [Г., 1801, 480[, مارل **марулъ** – салатъ [Г., 1801, 48], قوقنار **кукнаръ** – макъ [Г., 1801, 48], قاباعاي**кабагайъ** – репчатый лук, **قابغي** بال **балъ кабагы** – желтая тыква, اق قابق **ак кабакъ** – бухарская тыква [Б., 1871, 36], **сыйыр шалканъ** – репа [Б., 1869, 671] и т.д.

Этимология некоторых слов вызывает особый интерес у лингвистов. Слово **кузгалакъ** – щавель [Н., 1892, 75; В., 1894, 104; Кр., 1880, 16; О., 1892, 76]. состоит из двух корней, первый корень которого **кузы** обозначает «ягненок», а второй **галак –** «ухо».

Значение составного слова **قابغي** بال **балъ кабагы** – жёлтая тыква [Б., 1971, 36]. в татарском языке принято как «медовая тыква», а в турецком языке оно имеет другое значение: *bal kabaqi* – «тыква крупноплодная».

Название **кыяр** (огурец) также заимствовано из персидского языка. Это – самая древняя и одна из самых распространенных на земном шаре овощных культур из семейства кабачков. В некоторых тюркских языках *кыяр* означает не огурец, а другой вид овощей (например, в балкарском языке *кыяр* − тыква).

Айбагыр обозначает подсолнечник [О., 1876, 64; О., 1892, 6]. Эта лексическая единица активно употреблялась в речи в XIX веке, поэтому она встречается практически во всех словарях того периода. В современном литературном языке слово *айбагыр* не употребляется. Но в определённых областях, особенно в мишарском диалекте, встречаются его фонетические варианты *айбагар / айбагыр* [ТТДС, 1993, 21]. Например, если слово *айбагыр* активно употребляется в мелекесском и хвалынском говорах, то в чистопольском, дрожжановском и ульяновском говорах его фонетический вариант *айбагар* используется в качестве синонима слова *көнбагыш* (семечки) [ТТАС, т.I, б.29].

Лексема **марул** в значении «салат (трава)» употребляется в тобольском диалекте сибирских татар [Тумашева, 1992, 148], **ляплябель** – свекла, **торобъ** – редька тоже являются диалектными словами, которые присущи восточному диалекту татарского языка. Интересно отметить, слово **тороб** в значении “редька” употребляется в речи татар, проживающих в Китае.

Слово **сыйыр шалканъ** – репа [Б., 1869, 671]. является калькой или авторским – индивидуальным переводом.

В этой тематической группе преобладают слова тюркского происхождения. Среди них мало заимствований и диалектных слов. Как видно из перечисленных

примеров, в этой группе много забытых слов, которые можно было бы восстановить и ввести в активное употребление.

Выводы и перспектива. Состав фитонимической лексики татарского языка отличается своей специфичностью, и при исследовании его эволюции необходимо учитывать как лингвистические особенности, так и экстралингвистические факторы, которые находят свое отражение в лексике, во взаимодействии лексических единиц. Однако развитие лексики происходит неравномерно, и интенсивность развития проявляется по-разному. Если состав лексем одной лексико-семантической группы фитонимии изменяется быстро и кардинально, то изменения в другой – происходят медленнее, что и обеспечивает ее устойчивость на протяжении очень длительного периода времени.

Литература

1. Закиев М.З. Татарская академическая лексикология / М.З.Закиев / / Актуальные вопросы татарского языкознания. Вып.2. – Казань, 2003. – С. 6 – 12.
2. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка / В.Г.Егоров. – Чебоксары, 1964. – 355 с.
3. Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении / К.М. Мусаев. – М., 1975. – 357 с.
4. Рахимова Р.К. Из земледельческой терминологии татарского языка / Р.К.Рахимова / / Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – С. 107 – 118.
5. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда. – Казан: тат. кит. нәшр., 1977. – Т. 1. – 475 б.
6. Татар теленең диалектологик сүзлеге. – Казан: тат. кит. нәшр., 1993. – 459 б.
7. Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар / Д.Г.Тумашева. – Казань: изд-во Казан. ун-та, 1992. – 255 с.
8. Шайхулов А.Г. Лексические взаимосвязи кыпчакских языков Урало-Поволжья в свете их историко-идеографической характеристики на общетюркском фоне / А.Г.Шайхулов. – Уфа, 1999. – 200 с.

Юсупова А.Ш. Тематична група «плоди та овочі» в двомовних словниках татарської мови / А. Ш. Юсупова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 276–281.

Вибір теми дослідження зумовлений тим, що багатоаспектне вивчення фітонімічної лексики дозволить по-новому вирішити деякі мовні, етнолінгвістичні та історико-лінгвістичні проблеми. Адже назви рослин являють собою специфічну частину лексичної системи татарської мови. Примітно, що вивчаєма нами лексика має багатовікову історію і її формування здійснювалося в різні історичні епохи неоднаково. Вивчення еволюційних процесів у формуванні фітонімічної лексики проливає світло на багато питань з історії татарської мови .

Принципове значення мають взаємовідносини татарської літературної мови та її діалектів в області фітонімів, формування і нормалізація ботанічної термінології. Тому ретельний опис фітонімів татарської літературної мови та її діалектів з метою систематизації та уніфікації термінології при складанні словника ботанічних термінів є актуальним.

Фітонімічна лексика татарської мови надзвичайно неоднорідна. Вона включає до свого складу лексеми, які відрізняються давністю існування, характером функціонування. У сучасній татарській мові існують фітоніми різного походження. З точки зору походження можна виділити два основних лексичних пласта – споконвічну лексику і лексику запозичену.

Ключові слова: тематична група, татарська мова, словник, рослини, запозичення

Yusupova A.Sh. Theme group “Fruits and vegetables” in the bilingual dictionary of the Tatar language / A. Sh. Yusupova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 276–281.

At the present stage of development of society new approach to the study of language becomes significant, especially the formation of the thematicvocabulary, for example vocabulary of the names of plants that make a particular subject group of words in any language.

This topic of the research was chosen due to the fact that a multidimensional study of phytonyms vocabulary will allow to solve some linguistic, ethno-linguistic, historical and linguistic problems. The names of plants are specific part of the Tatar language lexical system. It is should be mentioned that we are interested in studying of the vocabulary because it has a long history and was formed during different historical periods. The study of formation processes of the phytonyms vocabulary sheds light on many questions about the Tatar language history.

One of the main points of the research is the interrelation between the Tatar literary language, its dialects and plants vocabulary, formation and normalization of botanical terminology. Thus, the description of phytonyms vocabulary in Tatar literary language and its dialects in order to organize and unify this terminology is important and useful.

Vocabulary of the phytonyms in Tatar language is extremely heterogeneous. It includes different lexemes. Phytonyms of the modern Tatar language have different origin. In terms of its origin, there are two basic lexical ways – native words and vocabulary borrowed.

Formation ot the phytonyms vocabulary in Tatar language is characterized by its specificity, and the study of its evolution must be considered as linguistic features and extra-linguistic factors, which are reflected in the lexicon, in conjunction lexical units. However, the vocabulary is developing irregularly and intensity of its development is manifested in different ways. If the composition of of one phytonym in the borders of its lexical-semantic groups is changing rapidly, the changes in the other – are slower, which ensures its stability over a very long period of time.

Key words: Theme Group, the Tatar language, dictionary, plants, borrowings

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 282–288.

УДК 811.512

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РУССКО-ТАТАРСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Фатхуллова К.С.

Казанский федеральный университет, Казань, Россия

E-mail: *alyusupova@yandex.ru*

В данной статье рассмтриваются лигвометодические вопросы развития русско-татарского двуязычия, так как в полиэтническом Татарстане для успешного межкультурного общения необходимо целенаправленно развивать многоязычие. Решение этой актуальной проблемы во многом связано с системой образования, так как татарский язык как государственный язык является обязательным учебным предметом во всех общеобразовательных школах РТ. У каждого языка, есть только ему присущая миссия, и он вносит свой вклад в развитие мировой культуры. Соответственно, система обучения татарскому языку в условиях двуязычия должна видеть эту миссию и создавать необходимые условия для формирования у обучающихся таких качеств, как доброжелательное отношение, уважение и толерантность к другим народам, компетентность в межкультурном диалоге, коммуникативность, открытость. Такое понимание роли татарского языка как учебного предмета способствует решению не только методических, но и общих педагогических проблем образования, связанных с воспитанием современной социокультурной личности. Успешное развитие двуязычия невозможно без развития мотивации изучения татарского языка и конкурентоспособности языковых знаний, а также без комплексного подхода к реализации основных целей обучения.

Ключевые слова: язык, метод, методология, лингвистика

Постановка проблемы. В эпоху современной глобализации и активной межкультурной коммуникации знание языков является необходимым условием жизнедеятельности человека, а многоязычный индивид – своего ряда связующим звеном между различными культурами. В каждом многонациональном государстве существуют проблемы билингвизма и полилингвизма, так как для коммуникации используются разные языки. Согласно статье 8 Конституции Республики Татарстан татарский и русский языки являются равноправными государственными языками РТ. Татарский язык как государственный язык РТ является обязательным учебным предметом во всех общеобразовательных школах, а также изучается в определенном объеме во многих высших учебных заведениях, используется как средство межличностного и межкультурного общения в разных сферах общественной жизни. Статус татарского языка как государственного в Республике Татарстан требует и от носителей языка, и от тех, для которых он не является первым языком, речевых умений и навыков, необходимых для полноценной языковой коммуникации в различных жизненных ситуациях, так как «двуязычным можно назвать того человека, который кроме своего первого языка в сравнимой степени компетентен в другом языке и способен со схожей эффективностью пользоваться в любых обстоятельствах тем

или другим из них» [4, 11]. Это требует создания необходимых педагогических условий для гармоничного развития русско-татарского двуязычия в республике, в том числе внесения изменений в методику преподавания татарского языка как неродного в соответствии с требованиями времени. Актуальность решения данной проблемы неоспорима, поскольку развитие русско-татарского двуязычия должно способствовать сближению контактирующих народов, воспитанию уважительного отношения к их культуре и языку, традициям и обычаям. Как показывает исторический опыт, у каждого языка, у каждой культуры есть только им присущая миссия, и они вносят свой вклад в развитие мировой культуры. Соответственно, система обучения татарскому языку в условиях двуязычия должна видеть эту миссию и создавать необходимые условия для формирования у обучающихся таких качеств, как доброжелательное отношение, уважение и толерантность к другим народам, компетентность в межкультурном диалоге, коммуникативность, открытость. От успешного решения этой актуальной лингвометодической задачи зависит, станет ли татарский язык средством реального и полноценного общения.

Как показывает практика, становление татарского языка как государственного осуществляется во многом за счет изменений в системе школьного образования. Исходя из вышесказанного можно сформулировать некоторые лингводидактические требования к процессу целенаправленного развития русско-татарского двуязычия в системе образования. Овладение татарским языком как средством общения должно обеспечить способность и готовность обучающихся к коммуникации в повседневной жизни, к взаимодействию и взаимопониманию в полиэтническом обществе. Как средство познания татарский язык должен служить развитию интеллектуальных и творческих способностей обучающихся. В современной лингводидактике одна из основных проблем заключается в практическом овладении неродным языком как средством общения через речевую коммуникацию. Коммуникация же, в свою очередь, представляет собой единство языка и речи, так как речь создается с помощью языковых средств, а язык как средство общения реализуется в речи, т.е. язык не существует вне речи, а речь не существует без языка. Следовательно, для того чтобы учащиеся практически усвоили татарский язык и могли общаться на нём в условиях двуязычия, необходимо сформировать у них коммуникативную компетенцию. Как подчеркивается в методической литературе, коммуникативная компетенция – это способность понимать и порождать высказывание на изучаемом языке с учетом целей, времени, места и обстановки общения. Основными её составляющими в условиях школьного образования являются: языковая, речевая, социокультурная компетенции [5, 9].

Методика обучения татарскому языку совершенствуется с учётом основных положений сознательно-коммуникативного, деятельностного, социокультурного подходов. При этом основу учебного процесса составляют *принцип коммуникативности*, который предполагает речевую направленность учебного процесса, максимальное приближение его к условиям естественного общения, чтобы учащиеся могли учиться общению общаясь; *принцип сознательности*, в соответствии с которым языковой материал рассматривается как органическая и системно организованная часть учебного материала для развития речевой деятельности учащихся. Кроме это-

го, обучение татарскому языку предполагает приобщение учащихся к культуре татарского народа, лучшее осознание культуры своего народа, готовность и способность к диалогу культур; взаимосвязанное овладение видами речевой деятельности; учет особенностей родного языка; преемственность обучения. При разработке школьной программы исходным пунктом для нас явилась лингвометодическая система, направленная на практическое овладение татарским языком как средством общения [3]. В ней сформулированы основные цели и задачи обучения, регламентирован отбор языкового и речевого материала для практического усвоения учащимися. Ведущие цели обучения татарскому языку в русской школе сводятся к следующим: коммуникативные (формирование и развитие у учащихся коммуникативной компетенции на татарском языке); личностноформирующие (воспитательные, образовательные, развивающие). Как видно, реализация этих целей направлена на развитие не только практически-речевого, но и культурного двуязычия в школьном образовании, так как «постигая красоту изучаемого языка, его неповторимую прелесть, уважение и любовь от языка начинаешь переносить на его творца и носителя – иноязычный народ. Только таким образом можно воспитать у учащихся уважение к иноязычному народу, его культуре, языку, нравам и обычая» [2, 9]. Такое понимание роли татарского языка как учебного предмета способствует решению не только методических, но и общих педагогических проблем образования, связанных с воспитанием современной социокультурной личности.

Согласно программе, содержание обучения татарскому языку направлено на формирование коммуникативной компетенции в основных видах речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо) в типичных ситуациях и сферах общения; развитие познавательных и речевых способностей; развитие мотивации к дальнейшему овладению татарским языком как государственным языком Республики Татарстан; формирование уважения к контактирующей нации, ее истории, культурным ценностям, которое является залогом межнационального согласия, взаимопонимания, толерантного отношения к иной культуре. Темы для развития связной речи и чтения, представленные в программе, выбраны с учетом познавательно-коммуникативных интересов учащихся на разных этапах обучения и направлены на информирование школьников о национальных традициях, о культуре и искусстве, о литературе и истории, выдающихся личностях татарского народа. Диапазон лексических тем необычайно широк, и он позволяет знакомить учащихся с наиболее значимыми событиями в жизни татарского народа, его духовным наследием. На основе вышеназванной программы разработаны учебно-методические комплексы (УМК) по татарскому языку для русскоязычных учащихся 1-11 классов. Основное содержание УМК направлено на развитие и совершенствование у учащихся навыков употребления языковых и речевых единиц в процессе устного и письменного общения; развитие коммуникативных умений полно и последовательно передавать свои мысли при общении; пробуждение у школьников интереса и положительной мотивации к изучению татарского языка; приобщение учащихся к духовной культуре татарского народа. Разработанные нами учебно-методические комплекты предстают как подсистема, обусловленная целями и содержанием учебного предмета, методами и средствами обучения и педагогическим процессом, которая способствует фор-

мированию у школьников коммуникативной компетенции, необходимой для практического использования татарского языка в условиях двуязычия. Разнообразные по тематике и объему диалогические и монологические тексты, составленные с использованием наиболее частотно употребляемых лексических единиц и их грамматических форм, языковые и речевые упражнения, ситуативные и коммуникативные задания, богатый лингвострановедческий материал, а также творческий подход учителя к организации учебного процесса выступают как необходимые педагогические условия для обеспечения практического усвоения татарского языка. При организации педагогического процесса, учителю важно творчески подходить к системе упражнений, представленной в учебниках, т.е. вносить индивидуальные корректировки, приспосабливая задания к определенным условиям работы, упрощая или усложняя их. Не менее важно учитывать уровень практических знаний учащихся, стараться сделать обучение языку более информативным и содержательным, привлекать дополнительные страноведческие материалы, чтобы усилить воздействие на личность школьника средствами изучаемого языка. Для этого нужно уметь выбирать из многообразия заданий, содержащихся в учебниках, именно те, которые востребованы в этой конкретной ситуации, или же видоизменять их, используя свой творческий потенциал и опыт работы.

Одним из последних наших разработок в данном направлении является учебный комплект для русскоязычных и иностранных студентов «Татар теле – күңелем теле» [6]. Он подготовлен на средства гранта, полученного в рамках реализации Совместной Программы Европейского Союза и Совета Европы для Российской Федерации “Национальные меньнинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества” и издан в рамках проекта Федеральной национально-культурной автономии татар “Язык души моей” (руководитель – Председатель Совета ФНКАТ И.И. Гильмутдинов). Это методически выверенный, современный, богатый по содержанию учебный ресурс, состоящий из учебника и аудиокурса. Он ярко и красочно оформлен, что создает дополнительную мотивацию для изучения татарского языка. В нем представлен богатый лингвокультурологический материал. С первых уроков татарского языка студенты знакомятся с образцами устного народного творчества, этикетными выражениям, а в дальнейшем им предлагаются для аудирования тексты о национальных особенностях и традициях татарского народа, о его культурных достижениях, о выдающихся представителях, о достопримечательностях Республики Татарстан, отрывки из татарских сказок, народные песни. Привлекательно и то, что учебник сопровождается переводом на русский и английский языки.

Наряду с созданием и внедрением в учебный процесс новых учебно-методических пособий, мультимедийных ресурсов, Республика Татарстан прикладывает большие усилия к популяризации татарского языка и культуры не только в регионах РФ, но и странах ближнего и дальнего зарубежья, где имеются татарские диаспоры, путем использования дистанционных и онлайн-технологий. Наиболее широкомасштабными проектами являются онлайн-школа обучения татарскому языку “АНА ТЕЛЕ” (*anatele.ef.com*.), портал “ТАТАР ИЛЕ” (*tatarile.org*), в котором размещен начальный курс татарского языка. Продолжает

активно развиваться сайт *belem.ru*, который оказывает огромную помощь учителям татарского языка и литературы. Помимо этих возможностей, правительство республики ежегодно выделяет необходимые средства для организации на базе Института филологии и искусств КФУ бесплатных курсов татарского языка для населения, которые пользуются большой популярностью. Они тоже вносят существенный вклад в дело повышения статуса и популярности татарского языка, так как дают возможность каждому желающему практически освоить татарский язык как средство речевой коммуникации, использовать его в различных жизненных ситуациях и быть двуязычным.

Как показывает наш многолетний опыт обучения татарскому языку как неродному, в дальнейшем необходимо как можно шире использовать коммуникативно-ориентированные технологии, которые предусматривают моделирование и реализацию ситуаций для осуществления коммуникации на татарском языке. Успешное развитие двуязычия невозможно без развития мотивации изучения татарского языка и конкурентоспособности языковых знаний, а также без комплексного подхода к реализации основных целей обучения. Совершенно очевидно, что первостепенные задачи реализации татарского языка как государственного в образовательной системе на современном этапе заключаются в следующем:

- необходимо формировать новое методическое мышление и осуществить прорыв в профессиональной подготовке учителей общеобразовательных школ, качественно обновив содержание образования и внедрив в учебный процесс в достаточном количестве и должного качества инновационных информационно-коммуникативных технологий, а также осуществлять переподготовку уже практикующих учителей для работы в новых условиях языкового образования;

– совершенствовать учебно-методические комплекты по татарскому языку для школ и вузов, чтобы сделать обучение информативным, содержательным, развивать у всех групп обучающихся интерес к овладению татарским языком и литературой, преодолевая формализм при организации учебно-воспитательного процесса;

– обеспечить обучение татарскому языку и литературе качественным методическим сопровождением и строить учебный процесс на основе преемственности учебных программ для разных ступеней, начиная дошкольной и кончая послевузовской ступенью [1, 37].

Выводы и перспектива. Решение этих насущных проблем, несомненно, будет способствовать повышению реальной востребованности татарского языка в практической и интеллектуальной деятельности, упрочению паритетного двуязычия в республике.

В заключение хочется подчеркнуть, что необходимо всемерно развивать и укреплять в республике русско-татарское двуязычие; создавать качественно новые средства обучения с учетом требований ФГОС; повысить социальную значимость татарского языка; совершенствовать методику обучения татарскому языку как неродному.

Литература

1. Гузельбаева Г.Я., Фатхуллова К.С. Реализация языковой политики и пути выравнивания языковой асимметрии в современном Татарстане / / Филология и культура, 2012. – №3 (29]. – С. 35-41
2. Двуязычие и взаимовлияние языков / Отв. Ред. М.М.Михайлов. – Чебоксары: ЧГУ, 1990. – 107 с.
3. Рус телендә урта (тулы) гомуми белем бирү мәктәбендә татар телен һәм әдәбиятын укыту программасы (рус телендә сөйләшүче балалар өчен). 1- 11 нче сыйныфлар / Төзүче – авторлары: К.С.Фәтхуллова, Ф.Х. Җүәһәрова / Рус телендә урта (тулы) гомуми белем бирү мәктәпләре өчен татар теле һәм әдәбиятыннан үрнәк программалар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. – 119-178 б.
4. Сигуан М., Макки У.Ф. Образование и двуязычие. – М.: Педагогика, 1990. – 184 с.
5. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций / Е.Н.Соловова. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2003. – 239 с.
6. Фәтхуллова К.С., Юсупова Ә.Ш., Денмөхәммәтова Э.Н. Татар теле – күңелем теле. Уку-укыту комплекты. – Казан: Слово, 2011. – 296 б.

Фатхуллова К.С. Лінгвометодичні аспекти російсько-татарської двомовності / К.С. Фатхуллова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 282–288.

У науковій статті розглядено лінгвометодичні питання щодо розвитку російсько-татарської двомовності, тому що в поліетнічному Татарстані для успішного міжкультурного спілкування необхідно цілеспрямовано розвивати багатомовність. Вирішення цієї актуальної проблеми багато в чому пов'язане з системою освіти, так як татарська мова як державна мова є обов'язковим навчальним предметом у всіх загальноосвітніх школах РТ. У кожної мови є тільки їй притаманна місія, і вона вносить свій внесок у розвиток світової культури. Тому система навчання татарській мови в умовах двомовності повинна бачити цю місію і створювати необхідні умови для формування в учнів таких якостей як доброзичливе ставлення, повага і толерантність до інших народів, компетентність у міжкультурному діалозі, комунікативність, відкритість. Таке розуміння ролі татарської мови як навчального предмета сприяє вирішенню не тільки методичних, але і загальних педагогічних проблем освіти, пов'язаних з вихованням сучасної соціокультурної особистості. Успішний розвиток двомовності неможливий без розвитку мотивації вивчення татарської мови та конкурентоспроможності мовних знань, а також без комплексного підходу до реалізації основних цілей навчання.

Ключові слова: мова, метод, методологія, лінгвістика

Fathullova K. S. Linguistic and methodological aspects of Russian-Tatar bilingualism / K. S. Fathullova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 282–288.

This article will briefly explain linguistic and methodological issues of Russian-Tatar bilingualism. The solution to this pressing problem is largely due to the education system, as the Tatar language as the state language is a compulsory school subject in all secondary schools in Tajikistan. The training system of the Tatar language in a bilingual must create the necessary conditions for the formation of students' qualities such as positive attitude, respect and tolerance for other people, communication, openness. This understanding of the Tatar language role as a school subject contributes to the solution, not only teaching, but also the general pedagogical educational issues related to the education of modern social and cultural identity. The successful development of bilingualism is impossible without the development of the Tatar language through the linguistic knowledge, and without a comprehensive approach to the implementation of the main goals of education.

The Republic of Tatarstan is making great efforts to promote the Tatar language and culture through the creation of modern teaching aids, online courses. Nowadays the most popular projects are the training package "Tatar tele – күңelem body", an online training school Tatar "ANA BODY" (anatele.ef.com.), Portal "Tatar ILE" (tatarile.org), which placed the initial course of the Tatar language. Continues to develop site belem.ru, which is of immense help to teachers of the Tatar language and literature.

It is important to develop Russian-Tatar bilingualism in terms of lingvometodiki are as follows: it is necessary to form a new methodical thinking and make a breakthrough in the professional training of secondary school teachers, efficiently updating the content of education and the learning process in implementing information and communication technologies, as well as to retrain already practicing teachers to work in the new environment of language education, improve teaching methods on the Tatar language for schools and universities to do the training informative, meaningful, develop in all groups of students interest in studying the Tatar language, to provide training of the Tatar language and literature.

Key words: language, method, methodology, linguistics

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 289–296.

THE SIGNS OF DECONSTRUCTIVE READING OF DERRIDA IN MEVLANA'S ENGLISH TRANSLATIONS AND GESTALT THEORY

Erdoğdu Ş.

İstanbul Arel Üniversitesi, Fen-Edebiyat Fakültesi, Mütercim-Tercümanlık Bölümü
E-Mail: suleerdogdu@arel.edu.tr

Mesnevi'nin İngilizce Çevirilerinde Derrida'nın Yapısökümcü Okuma İzleri ve Gestalt Kuramı (2. Bölüm)

Mevlana Celaleddin Rumi'nin (1207-1273) Mesnevi adlı eserinin günümüzde yabancı dilde birçok çevirisi mevcuttur. Gerek yaşadığı dönemde, gerekse vefatının akabinde evrensel nitelikteki öğretilerinin varlığı sürmektedir. İnsan duygularına hitap eden, mistik atmosferi her ifadesinde hissettiğimiz Mevlana'nın öğretilerinin, evrensel boyuta taşınmasında çevirilerin önemi kesinlikle yadsınamaz.

Amaç ve hedefimiz. Bu makalede J. Derrida'nın (1930-2004) *différance* kavramıyla, yapılmış Mesnevi İngilizce çevirileri 'yapısöküme' uğratılarak çevirmenlerin çevirilerinde kaynak metindeki hangi ögelerde yoğunlaştığı, erek kültüre aktarım sırasında hangi ögelerin yadsındığı, tercih edilenin anlam aktarımı mı yoksa biçem aktarımı mı olduğu gibi hususların üzerinde durulduğu araştırılacaktır. Ayrıca metinler parçalara ayrılıp tekrar bir araya getirildiğinde nasıl bir farklılığın ortaya çıktığı, disiplinlerarası bir görüş ışığında Gestalt Kuram ve J. Derrida'nın yapısökümcü okuma yöntemi üzerinde durulacaktır.

Makalede şu yollar (metot) takip edildi. Mesnevi'nin İngilizce çevirilerinde, alıntılar ve örnekler ışığında çevirmenlerin metnin yapısında yer alan yapıları sökerek erek kültürdeki karşılıklarını nasıl aktardıkları tasvir edilmeye çalışıldı.

Edebi metinleri anlamak ve çevirmek için büyük oranda çıkarımlar yapmak gerekir. Çıkarım yapabilmemiz için de metinlerin yapılarını sökerek metnin ne söylediğini ya da neyi gizlediğini görebiliriz. Gestalt Kuram'a göre bütün, kendisini oluşturan parçalardan farklıdır. Yapıları söküldükten sonra metin, an itibariyle artık çok farklı bir metindir. Yazar bir öznel birey ise, çevirmen öznel bir kişilik ise ve okur da öznel bir konumda ise aslında her üçünün arasında mutluk bir anlam, kesin bir kanı oluşmayabilir çünkü her birinin dünya gerçekliği birbirinden farklıdır ve göstergeleri yorumları da farklı olacaktır. Lakin yıllardır çevirmen, kaynak kültür ve erek kültür arasında bir köprü göreviyle nitelendirilirken Derrida'ya kulak verdiğimizde çevirmen acaba nerede yer almaktadır? Mesnevi'nin üç çevirmen tarafından İngilizceye yapılmış çevirileri ışığında göstergeler sökülecektir. Her bir çeviri bağlamında ayrı ayrı anlamlar üretilecektir, dolayısıyla da anlam tüketilemeyecektir.

Derrida'nın Différance Kavramı ve Yapısöküm – Gestalt Kuramı

Göstergebilim ve yapıbozuculuk kuramları, çeviri sürecinde çevirmenin nasıl çalıştığının en somut kuramlarıdır. Çevirmen tam da göstergebilimsel yöntemlerin metnin türüne göre her biriyle ayrı ayrı işlem yaparken, diğer yandan her bir göstergenin çevirisinde yapıları, yani göstergeleri / sözcükleri hatta cümleleri bozup, önce kendi bilincinde sonra da diğer dilin gösterge sisteminde yeniden kurar. Yapıbozuculuk da, göstergebilim gibi metinlerin yapılanma özelliklerinin altını çizer. Bu postyapısalcı çözümleme yöntem-

leri, metinlerin göstergelere ayrılabilir ve tekrar birleştirilebilir olduğundan yola çıkar. Yapıbozuculuğun bakış açısına göre, metinler tekrar birleştirilerek oluşturulduğunda aynı olmazlar. Çünkü göstergelerin çözümlemesinin yapılması ve yorumlamada yeniden oluşturulması metni yazmaya devam etmektir [6, 255-257]. Okur, okuduğu metinde geçen yapıları yaşamında yazmaya devam etmektedir. Aslında yapıları öznel değerlendirmeleri sonucunda söküp sonra birleştiren çevirmenin erek kültür için oluşturduğu çeviri metni, okur tarafından sökülür ve yeniden birleştirilir. Burada üç aşamalı bir yapısöküm süreci söz konusudur. İlk olarak kaynak metin yazarı öğretilerini ya da aktarmak istediği iletileri söker ve yeniden birleştirerek kendi eserini oluşturur. Sonrasında kendi öznel dünya görüşüyle ve bir okur kimliğinde çevirmen eseri ele alır. Aynı süreçlere tabi olan kaynak metin yapıları da parçalara ayrılır ve bir erek metin oluşturulur. Okurun kaynak metnin yazıldığı dili bilmediğini varsayarak erek metni kendi gerçekliği ışığında çözümlediğini görürüz. Aslında söz konusu metin birçok defa bir bütün olarak ele alınıp parçalandıktan sonra birleştirilmiştir. Hiçbir boyutta, bütünlüğü sökülerek parçalara ayrılan metin birleştirildiğinde artık aynı metin değildir.

Çevirmen kaynak metnin okuru ve okur olarak kaynak metnin ilk andaki eleştirmenidir de. Her çeviri bir okuma, anlama, kullanma ve eleştirme biçimidir. Çevirmenin anlama süreci, bir kaynak metin okuru olarak, okuyup anladığı bir metni eleştirerek üretme şeklinde gelişir. Bu anlamda çevirmen kaynak metnin okuru olduğu kadar, onun eleştirmenidir de. Çünkü kaynak metni çevirmen kadar didik didik eden ve her yönüyle anlamaya, anlatmaya, tanıtmaya ve kullanılması için elinden geleni yapmaya çalışan bir başka kişi yoktur. Kaynak metin, çevirmenin anladığı yorumladığı bir metindir ve eleştirmenin, kaynak metnin eksiklerinin kaynağını kaynak metinde aramaktan çok, çevirmenin kaynak metni anlaması ve yorumlamasında araması daha doğru bir eleştiri tavrıdır [5, 211-214-215]. Différance (Fr.), yapısökümcülüğün kurucusu Derrida'nın Fransızcada iki ayrı anlamı bulunan *différer* eyleminden ad türetmek yoluyla geliştirdiği felsefe terimidir. Bu bağlamda bir yanda "ayrı olmak" anlamına gelirken, öbür yanda "erteleme", "geciktirme", "sonraya bırakma" gibi anlamlar taşıyan *differance* sözcüğü, günümüz différence sözcüğünden farklı yazılıyor olmasına karşın (birinde "a" ile yazılırken berikinde "e" ile yazılmaktadır), her iki sözcüğün de konuşma dilindeki okunuşları aynıdır. Kuşkusuz Derrida'nın aynı anda iki ayrı anlam taşıyan bir sözcükten yeni bir sözcük türetme yoluna gitmesinin ardında, hiçbir sözcüğün anlamının kesin sınırlarla belirlenemeyeceği, bu türden her çabaya karşı dilin kendi özgül korunakları yardımıyla bir biçimde direniyor olduğu gerçeği yatmaktadır [8, 382]. Derrida'nın *différance* terimi, hem ayrı sözcüklerin anlamlarını meydana getiren anlamlandırmaları arasındaki ayrımı, hem aynı sözcüğün ayrı anlamlarındaki ayrımı, hem de bir sözcüğün (bir ayrıma) gönderilmesi zorunlu olarak oluşan ayrımı kapsayarak anlamın anlamının ertelenmesi düşüncesi üstüne kurulmuştur [Ulaş, 2002: 383]. Metni ayakta tutan ve çıkartıldığı zaman ya da başka bir ifadeyle yanlış / eksik aktarılmasından dolayı metnin çökmesine yol açacak yapılar, Derrida'nın yapısökümcü okuma yöntemi ile çözümlenebilir. Yapısökümcülerin asıl parmak bastıkları önemli nokta, metnin her durumda yazarın niyetlerinin çok ötesine uzanan bir anlam ufku bulunduğu; çokanlamlılığıyla dikkat çeken bu ufkun asla kendi içinde tutarlı tek bir anlam yapısı içine kapatılmayacak denli açık uçlu (Eco'nun deyişiyle "açık yapıt") bir nitelik sergiliyor olmasıdır [8, 1179]. Metinlerin de anlamı, metinde olmayanla, söylenmeyenle

bağıntılıdır. Derrida bunu kanıtlamak için metni, yapı-sökme yöntemiyle didik didik eder, önemsiz sayılan ayrıntılara eğilerek bunların, metnin kendi mantığını sarstığını, yadsıdığını, yani metnin söyler göründüğünün tersini de söylediğini belirtir. Öyleyse Derrida'ya göre bir metnin anlamı, ayağını yere sağlam basan sabit bir anlam değildir, oynaktır, kaypaktır, çelişkilidir ve dolayısıyla belirsizlikler taşır. Kısacası, hiçbir metnin tek ve kesin anlamı olamaz [4, 242]. Edebiyat yazarı, söylemek istediğini açıkça değil, imgelerle, simgelerle, retorik oyunlarla dolaylı bir yoldan dile getirir. Bundan ötürü metnin anlamı apaçık değil örtüktür, belirsizdir [4, 203]. Yapısökümcü analizler, yakın bir biçimde metinlerin biçimsel ve retorik özelliklerini çalışırlar, bunu yaparken amaç, söz konusu özelliklerin, metinde ortaya konulan argümanlarla nasıl bir etkileşim içerisinde olduklarını ve onları nasıl yorumladıklarını göstermektedir. Yapısökümcü, bir metnin farklı parçaları arasındaki beklenmedik ilişkileri araştırır veya ilk bakışta çevresel / periferik olarak görünen, fakat çoğu zaman argümanı karışıklığa sevk etmeye veya onun altını kazmaya dönen [metnin sıkı bir bütün olarak düşünmemizi sağlayan]. düşünüş tarzlarını gevşetir [1, 321]. "Bütün, kendisini oluşturan parçaların toplamından farklıdır."Gestalt'çılara göre, "görme" işlevi başlangıçtan beri örgütlü bir eylemdir. Bir başka deyişle, görmede bir bütünlük söz konusudur. İnsan, parçaları değil, o parçalar arasındaki bütünsel ilişkiyi görür. Gestalt, sözcük olarak, şekillerin birleşmesi anlamına gelmektedir. İnsanların algısal alanın bütünü üzerinde tutarlı ve anlamlı izlenimler oluşturduklarını ileri sürer. Böylece bütün, parçalarının toplamından farklıdır. Bunun sonucu olarak, sosyal algılamada bir kişilik özelliğinin anlamı, o özelliğin içinde bulunduğu bağlamdan (contex) etkilenmesidir [2, 104]. Kurt Koffka, Max Wertheimer ve Wolfgang Kohler gibi ünlü Gestalt'çıların, algılamayı insan beyninin doğası gereği sahip olduğu örgütlenme eğiliminin bir ürünü saydıklarını belirtelim [2, 103]. Birey, yaşantısının bir parçası olan herhangi bir nesneyi, durumu ya da olayı, duyu organlarının ilettiği parçasal verilerden, bütünsel, yapısal bir anlama dönüştürerek algılar. Algılama, duyularla gelen parçasal verilere değil, bunlar arasındaki bütünsel ilişkilerin yapılanmasına bağlı olarak gerçekleşir [2, 106]. Birey için önemli olan ve bireyin dikkatini daha çok çeken nesnelerle, önemsiz olanlar da ayrılır. Bir uyarımın sık sık tekrarlanması, şiddetli oluşu, çevresindekilerle zıt bir özelliğe sahip oluşu da onun ayrı olarak örgütlenmesine yol açabilir [9].

Mesnevi Örneğinde Derrida'nın Yapısökümcü Okumalarının ve Gestalt Kuramı'nın Çeviriye Uygulanması

Mevlana ney kavramıyla okuyucuyu ya da öğretileri dinleyen kimseyi bir gösterilene yönlendirmiştir. Çevirmen şayet ney kelimesini Batı Müziği'ne ait bir müzik enstrümanı olarak tanımlarsa yapının rotası değişebilir. A noktasına gitmesi istenen bir okur, çevirmenin farklı biçimde algılamasıyla B noktasında kendisini bulabilir. Dolayısıyla okur Mevlana'ya ulaşmaya çalışırken kendisini farklı bir mana dünyasında bulmuş da olabilir. Tosun'un da ifade ettiği gibi, gramer dışı olanla yeniden zincirlenmek, yeni bir söz dizimi yaratmak olacaktır: Anlaşılmamak riski pahasına. Bu ise hem mücadele dolu, hem "üretici", hem de "yeniden inşa edici" bir tavrı gerektirmektedir. Bu anlamda yapıbozma, aslında bir kurma işlemidir [6, 261]. Çevirmen, ney kavramını aynen bırakarak belki de birçok okur tarafından anlaşılmayabilirdi. Bu riski alarak hem -üretici- hem de -yeniden inşa edici- bir görevi olacaktı. Üretici olacaktı, çünkü çevirmen erek kültüre yeni bir

kavram sunarak onların hayat gerçekliğinde bir şeyler inşa edecekti. İlk başta anlaşılmayabilirdi, fakat okurunda merak uyandıracaktı. Böylece okur, kendi dünyasında kavramın ve / ya terimin karşılığını bulmaya çalışacaktı.

Sözcük anlamlarını kesin kalıplar içine yerleştiremediğimiz gibi yapıtı (okur olarak çevirmen) ya da metni okuyan kimse (yine kaynak metin okuru olarak çevirmen ya da erek kültür okuru) tarafından da anlam ertelenmiş olacaktır. Her söylem oluşturulduğu dönemden şu ana dek kendi değerinden bir şeyler kaybetmiştir. Dolayısıyla değerlendirme yapılırken karar anında gözden kaçabilen olguların varlığı göz önünde bulundurulmalıdır.

Mesnevi'nin İngilizceye yapılmış çevirilerini örnek olarak seçmemizin ardında, üç farklı çevirmenin Mevlana'nın söylemek istediklerini nasıl yorumladıkları ve aktardıklarını ortaya koymaktır. Çevirileri bir bütün olarak düşündüğümüzde yapıları parçalara ayırmayı, böylece metinde geçen anahtar kelimelerin çok yönlü anlamlarını çözümlemeye çalışmak çalışmamızın bir başka parçasıdır.

Gestalt öğrenmeye göre; bir nesnenin algılanışı onun diğer parçalarla olan ilişkisine bağlıdır. Metinde yer alan herhangi bir parça ya da öğe, diğer parçalarla anlam kazanır. O parça çıkartıldığında başka parçalarla yan yana getirildiğinde ise başka anlamlara işaret edebilir. İngilizce çeviriler bütün olarak ele alındıklarında Mesnevi aracılığıyla Mevlana'nın öğretilerinin aktarılması amacını taşır. Her bir çevirmenin öznel uğraşı sonucunda kaleme alınan çevirilerin yapılarını sökerek (deconstruction) ve yeniden bir araya getirme aşamasında (reconstruction) ne gibi ayrılıkların ortaya çıktığını merak etmekteyiz. Bu durumu bir örnekle ilişkilendirecek olursak; tamir etmek için elimize aldığımız bir makineyi önce parçalara ayırır, sorunun tespitinden sonra birleştirmeye çalışırız. Nedendir bilinmez bazen elimizde yerleştiremediğimiz birkaç vida kalır. Bütün parçalara ayrıldı, fakat bir araya getirildiğinde ilk halinden uzaklaşmış oldu.

Derrida ve Emmanuel Levinas'ın bir sentezi niteliğindeki çalışmasında Cornell, yapısökümün zorunlu olarak *ötekiler*le etik bir ilişkiyi varsaydığını iddia eder; yapısöküm bizden, sadece *ötekileri* ve *öteki* olarak tanımamızı / kabul etmemizi değil, fakat ayrıca onlara ve onların perspektiflerine de açık olmamızı ister. Böylece yapısöküm hem kendi inançlarımızı sorgulamamız hem de *ötekiler*in bakış açılarını ve durumunu anlamamız anlamında, etik bir zorlayıcılık / buyruk içerir [1, 325-326]. İngilizce çevirilerde ifadeleri yapısökümüne uğrattığımızda yabancı kültüre ait olmayan anlamı ortaya çıkmaktadır.

Örnek: reedflute / ney

Kavramı arama motorunun 'görseller' kısmına yazdığımızda bizi Batı müziğine ait bir enstrümana götürmektedir. Yapısöküm, şayet ötekini – öteki- olarak kabul etmemizi istiyor ise, okur -öteki- diye herhangi bir şeyle karşılaşmamaktadır. Ney, okurun kültüründe yer almayan bir terim ise, çeviriyi okuduğunda zihninde üflemeli bir müzik enstrümanı canlanabilir. Bu da okuyucuların erek kültüre ait öğeleri tanımasını engeller niteliktedir.

Örnek: 1. Beyitin İngilizce Çevirileri

Reynold Nicholson

1. Listen to this **reed** how it complains: It is telling a tale of separations [10].

Jawid Mojaddedi

1. Now listen to this **reed-flute**'s deep lament

About the heartache being apart has meant: [3, 4-6].

Victoria R. Holbrook

1. Listen to this **reedflute** as it tellsitstales

Complaining of separations as it wails [10].

Türkçesi: Dinle, bu ney neler hikayet eder, ayrılıklardan nasıl şikayet eder [11].

Bir metinde yer alan karmaşık ilişkiler ağını çözümlemek için yapıları sökmek için çok basit bir soru sormak etkili olabilir: Neyin ayrıcı özellikleri nelerdir?

Reed: a thin piece of wood or metal which shakes very quickly to produce sound when a musician blows over it [12].

Cambridge yayınevine ait sözlüğün tanımına göre; tahta veya metal hammaddeden yapılmış ve bir müzisyenin üflemesiyle ses çıkaran ince bir parçadır.

Birinci beyitin üç çevirisini biçem açısından incelediğimizde üç çevirmen de kafiyeli olmasına dikkat etmiştir. "Ney" kelimesinin çevirisi için Nicholson "reed" kelimesini tercih ederlerken, Holbrook ve Mojaddedi "reed-flute" ifadesini kullanmıştır. Anlam açısından baktığımızda da her üçü *neyin ayrılık acısı*na işaret etmişlerdir.

Arama motorunun görseller kısmına *reed* kelimesini yazdığımızda, Türk kültüründe tam olarak neye götürmemektedir. Daha çok sazlık resimlerinin olduğu ya da batı toplumunun müzikal enstrümanı olan flüte yönlendirmektedir. Bu sebeple çeviride tercih edilen kelime okuru adrese tam olarak doğru bir şekilde götürememektedir. Şayet okur kitlesinin hayatında ya da gerçekliğinde neyin olduğu bilgisi mevcut değilse zihninde farklı çağrışımlar uyandırmasına neden olabilir.

Caddede, metrobüste, markette kısacası hayatın her anında birileriyle karşılaşırız / tanışırız. Bunun gibi olasılıkların aslında ne kadar çok olduğu ilk satırı okurken aklımızdan geçiriyor da olabiliriz. Tanıştığımız bu bireyleri en temel olarak kategorize ettiğimizde kimileri iyi iken, kimileri de kötüdür. Onlar hakkında elbette bu tür yorumları yapabilmemiz için biraz vakit geçirmemiz gerekir. Yanıltıcı durumların da olduğunu varsaymadan edemeyiz. Çevirmen Holbrook'un çevirisindeki yapıları söktüğümüzde neyin, her cemiyette ağladığını görmekteyiz. Fiil bazında incelememize devam ediyoruz: "seek out."

Seek someone / thing out: search for and find someone or something [13]. "Bir şeyi araştırmak ve birini / birisini bulmak" anlamına gelir. Bu fiilin taşıdığı anlam ise bulana dek bir şeyi / birini aradığımızdır. Lakin her arkadaşımızı ya da tanıdığımızı arayarak mı hayatımıza almaktayız? Halbuki bu paragrafın ilk cümlelerinde de belirttiğimiz üzere, yaşam içinde bireyler ister istemez bazen bizim anlayamadığımız bir şekilde yerlerini almış olurlar. Bunların yanı sıra Holbrook'un çevirisindeki anlama göre; bizler herkesin içindeki iyiyi ve kötüyü ararız. Adeta *Yinyang* sembolüne işaret ederek her iyinin içinde bir kötü, her kötünün içinde de bir iyi olduğu görüşü bizde çağrışım yapmaktadır. Fakat beyitin Türkçesine bakınca "iyilerin de kötülerin de arkadaşıyım." ifadesiyle pek örtüşmemektedir. Mojaddedi'nin çevirisine göz attığımızda ise *Among the crowd, alone I mourn my fate* cümlesinden kalabalığın ortasında sanki kaderinden tek şikayet eden neyin kendisiymiş gibi bir anlam çıkıyor karşımıza. Ney, her cemiyette ağladı, inledi, feryadını dile getirdi. Ayrıca Mojaddedi, beyitin Türkçesinde *alone* kelimesine yer verilmemişken, çevirisinde kullanmıştır.

*Gösterilen*in bir parçası her zaman bir başka yerdedir; anlam apaçık değildir. *Gösteren*, *gösterilen*e kesin bir şekilde bağlanamaz. Bir sözlükte bile bir sözcük birçok anlamı beraberinde getirir. Gösterge her zaman başka bir göstergeye gönderir. Dolayısıyla bir metinde kesin bir anlama varılamaz, anlam ancak sökülür. Bu söküm sonucunda da tek bir anlam değil birçok anlam ortaya çıkar. Hatta bir cümle sonuna kadar okuyuncaya kadar, birçok gösterge, okuyucuyu birçok göndergeyle baş başa bırakır. Hatta sonraki cümlenin anlamı, önceki cümlenin anlamını ya da tersi, önceki cümlenin anlamı sonraki cümlenin anlamını değiştirebilir [7, 2298].

J.Derrida'ya göre her yorum eksiktir. Aktarılan her söylem, kendi değerinden bir şeyleri kaybeder. Bu pencereden baktığımız zaman yapısöküm şöyle bir düşünme biçimine çağrı yapması açısından anlamlı ve önemlidir: Bir özne, bir olguyu, bir olayı anlamlandırırken, karar verirken kör noktaların, gözden kaçırabileceği olguların olabileceği olasılığını göz önünde bulundurmalıdır. Birdenbire aceleyle kesinlemelere gitmek yanlış kararlar, yargılar doğurabilir [7, 2305].

Sonuç olarak çıplak gözle güneşe bakıp başka bir yere baktığımızda görme yetimiz hemen yerine gelmez. Biraz süre geçtikten sonra algımız netlik kazanır. Edebi metinlerde bir açıdan bu benzetmeyle ilişkilidir. Kaynak metin yazarı kendi okuruna bir şeyler iletmek için kaleme almıştır yapıtını. Okur ise kendi zihninde, kendi gerçekliğinde karşılıklarını bularak zihninde somut düzleme taşımaya çalışır. Çevirmen ise hem yazar, hem de okur kimliğinde kaynak metnin yapılarını sökerek aslında metninde ne söylediğini aynı zamanda neleri söylemediğini ortaya koymaya çalışır. Biz çalışmamızda Derrida'nın çok sık kullanılan yapısöküm ve yapıbozuculuk kavramlarını tercih ederek, Gestalt Kuramın Mesnevi çevirilerindeki etkilerini inceledik.

Mesnevi ve Mesna kelimeleri aynı kökten olup "ikişer ikişer" manasına gelir. Bu sebeple kafiyeleri ikili olan şiire "mesnevi" denmiştir. Dolayısıyla metin türünün bir şiir olması amaçlanmıştır. Çevirmenlerin içeriği aktarmaya çalışırken çevirilerinde her beyitin kafiyeli olmasına dikkat edip etmedikleri üzerinde durduk. Türkçenin ve İngilizcenin yapıları farklı olduğundan dize düzenini çevirmenlerin nasıl sağladıklarını ya da ne gibi durumlarda değişiklik yaptıklarını ve çeviri sırasındaki sözcük seçiminde, sözlükteki karşılıkları yerine Mesnevi'deki işlevini ne kadar dikkate aldıklarını gözlemlemeye çalıştık. Kaynak metindeki kelimeler, diğer bir deyişle parçalar aynı iken her bir çevirmenin çeviri sürecinde seçmiş olduğu parçalar birbirinden oldukça farklıdır. Lakin çevirmenlerin tek tek kelimelerden yola çıkması onları hataya düşürecektir. Metni bir bütün olarak okuduğunda, parçalar bütün içinde yerini bulacaktır. Bütün, her birine göre farklı şekilde bir araya gelir. Önemli olan bütünden parçaya ulaşmaktır. Adeta fasulye yemeğini yaparken aşçıların kullandığı malzemeler aynı iken kimisi salçasını, kimisi baharatını ön plana çıkarır. Bütünde fasulye yemeği iken her bir aşçı bir parça üzerinde daha fazla durur. Çevirilerde de Derrida'ya göre bütün yapısöküm yöntemiyle tersine okunur. Her bir çevirmenin aynı parçayı algılaması farklı olduğundan çeviri metni okurunu başka noktalara götürebilir, her biri ertelenmiş bir çeviridir ve anlam örtüktür.

Derrida'ya göre *gösterge*nin *gösterilen* tarafı sınırlandırılamaz çünkü her gösterge, her terim okuyucusunu bir başka anlama göndererek anlamı öteler. Dolaysısıyla anlamın öznelliği ön plana çıkmaktadır, lakin aynı dil yapıları içinde tek bir göstergeden yola çıktığımızda farklı okurların farklı anlamlara ulaşabilecekleri kaçınılmaz bir durum.

Yalnız çevirmen karşı dil yapısına aktarırken, anlamın ötelendiği fikrini yadsımadan çevirdiğinde ve kendi algıladığı biçimde karşı kültüre bu aktarımı iletirken anlamın ertelenmesi nasıl cereyan etmektedir? Okuyucuların kaynak dili bilmediklerini bu durumdan dolayı da erek metni eleştirme olanaklarına sahip olmadıklarını farz edelim. Çevirmen, anlamın sınırlandırılamayacağından yola çıkarak biraz keyfi bir çeviri yapar ise o zaman kaynak metnin hiçbir hükmü kalmayacaktır. Fakat her çevirinin doğası gereği çıkış noktası kaynak metindir. Kaynak metin elinde bütündür.

Mesnevi sembollerle örülü bir eserdir ya da kaynak metindir. Mevlana'nın öğretilerindeki bu gizemli yapıların, salt günlük dilin imkanlarıyla çözülmesi mümkün değildir. Onu anlayabilmek ve diğer dillere çevirip aktarabilmek için Mevlana felsefesinden bağımsız düşünülmesi beklenemez ve bir bütün olarak algılanmalıdır.

Bibliyografya

1. Balkin Jack M. Yapısöküm, Çev. Kasım Küçükalp / / Jack M. Balkın. – Uludağ Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi, 2004. – S. 318-329

2. İnceoğlu Metin. Tutum, Algı, İletişim / Metin İnceoğlu. – İstanbul: Beykent Üniversitesi, 2010. – 170 s. – ISBN 288-000-002-561-0

3. Mojaddedi Jawid. The Masnav i Jalaal Al-Dain Raumai; Jalal Al-Din Rumi / Jawid Mojaddedi. – New York: Oxford University, 2004. – 271 s. – ISBN 978-143-560-941-9

4. Moran Berna. Edebiyat Kuramları ve Eleştiri / Berna Moran. – İstanbul: İletişim Yayınları, 2012. – 352 s. – ISBN 978-975-470-704-5

5. Tosun Muharrem. Çeviri Eleştirisi Kuramı / Muharrem Tosun. – İstanbul: Aylak Adam Kültür Sanat Yayıncılık, 2013. – 245 s. – ISBN 978-605-484-903-1

6. Tosun Muharrem. Çeviri Eleştirisi Kuramının Temelleri / Muharrem Tosun. – Sakarya: Sakarya Yayıncılık, 2007. – 307 s. – ISBN 978-975-864-470-4

7. Uçan Hilmi. Modernizm-Postmodernizm ve Derrida'nın Yapısökücü Okuma ve Anlamlandırma Önerisi / Hilmi Uçan / / Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic Dergisi, 2009. – S. 2283-2306

8. Ulaş, Sarp Erk. Felsefe Sözlüğü, (Haz.: A. Baki Güçlü; Erkan Uzun; Serkan Uzun; Ü. Hüsrev Yolsal) / Sarp Erk Ulaş. – Ankara: Bilim ve Sanat Yayınları, 2002. – 1728 s. – ISBN 975-729-845-X

9 [Электронный ресурс] : Режим доступа к статье: http: // www.mersinpsikolojikdanismanlik.com / index.php?option=com_content&task=view&id=36&Itemid=51.

10 [Электронный ресурс] : Режим доступа к статье: http: // www.dar-al-masnavi.org / reedsong.html#4

11 [Электронный ресурс] : Режим доступа к статье: http: // www.semazen.net / sp.php?id=141

12 [Электронный ресурс] : Режим доступа к статье: http: // dictionary.cambridge.org /

13 [Электронный ресурс] : Режим доступа к статье: http: // www.oxforddictionaries.com / definition / / english / seek?q=seek+out#seek__11

Эрдогду Ш. Признаки деконструктивного чтения Ж. Дерридой английских переводов текстов Маснави и гештальтпсихология / Ш. Эрдогду // Ученые записки Таврического национального университета имени В. І. Вернадського. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 289–296.

Сегодня существует множество переводов «Маснави» Мевляна на иностранные языки. Таким образом, мы можем увидеть влияние учений Руми на людей не только при его жизни, но и после смерти. Важность этих переводов, которые сделали его творчество интернациональным, весьма велика, так как учения Мевляна основаны на человеческих чувствах, а также создают своего рода мистическую атмосферу. Цель переводов его работ в данном случае символична, она как факел должна пролит свет на истоки культуры и на ее цели одновременно. Разбирая английские переводы Маснави при помощи деконструктивизма, в научной работе изучается термин «дифферент» Ж.Дерриды. В данном случае переводчики акцентируют свое внимание на самом переводе, при анализе источника текста, а также на

те элементы перевода, которые были опущены, и на выбранный переводчиком вариант слова. Цель данной статьи – междисциплинарное исследование между термином деконструктивизм Ж.Дерриды и постулатом гештальтпсихологии: «Целое отлично от суммы его частей».

Ключевые слова: Мевляна, Маснави, гештальтпсихология, деконструктивизм, Ж.Деррида

Ердогду Ш. Ознаки деконструктивного читання Ж. Деррідою англійських перекладів текстів Маснаві і гештальтпсихологія / Ш. Ердогду // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 289–296.

Сьогодні існує безліч перекладів «Маснаві» Мевляна на іноземні мови. Таким чином, ми можемо побачити вплив навчань Румі на людей не лише за його життя, але і після смерті. Важливість цих перекладів, які зробили його творчість інтернаціональною, вельми велика, так як вчення Мевляна засновані на людських почуттях, а також створюють свого роду містичну атмосферу. Мета перекладів його робіт у даному випадку символічна, вона як факел повинна пролити світло на витоки культури і на її цілі одночасно. Розбираючи англійські переклади Маснаві за допомогою деконструктивізму, в науковій роботі вивчається термін «диферент» Ж. Дерріди. У даному випадку перекладачі акцентують свою увагу на самому перекладі, під час аналізу джерела тексту, а також на ті елементи перекладу, які були опущені, і на обраний перекладачем варіант слова. Мета даної статті – міждисциплінарне дослідження між терміном деконструктивізм Ж. Дерріди і постулатом гештальтпсихології : «Ціле відмінно від суми його частин».

Ключові слова: Мевляна, Маснаві, гештальтпсихология, деконструктивізм, Ж. Дерріда

Erdoğdu Ş. The signs of deconstructive reading of Derrida in mevlana's english translations and gestalt theory / Ş. Erdoğdu // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 289–296.

Today there are many translations of Mevlana's work called 'Masnavi' in foreign languages. We can see the effects of Mevlana's international living teachings both in the period when he lived and even after his death. The importance of the translations, which made Mevlana's teachings international, can never be ignored because Mevlana's teachings are based on the human beings' feelings and they are all such kind of expressions where we sense the mystic atmosphere. The aim of translation is to be like a torch fire setting a light to the source culture and it helps to illuminate the target culture at the same time. By deconstructing the English translations of Masnavi, this study examines the term '*différence*' of J. Derrida, where the translators especially focused on in their translations while translating the source text and which elements were ignored during the transfer and also what type of selections (meaning transfer or style transfer) the translators made. The purpose of this paper is to present an interdisciplinary study between the term *deconstruction* of J. Derrida (1930-2004) and this notion put forward by Gestalt psychologists: "*The whole is different than the sum of parts*."

Key words: Mevlana, Masnavi, Gestalt Theory, Derrida and Deconstruction

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 297–303.

УДК 800

АНАЛИЗ СВЯЗИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ И СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Абдурахманова К.

Национальная академия наук Азербайджана, Институт языкознания им. Насими
E-mail: kenulchik@gmail.com

В статье проводится анализ синтаксических и морфологических единиц. На основе примеров рассматриваются варианты эмотивных синтаксем, а также исследуется их взаимосвязь. Объектом исследования является синтаксема – минимальная синтактико-семантическая единица языка, несущая обобщенный категориальный смысл и характеризующаяся взаимодействием морфологических, семантических и функциональных признаков. Автор указывает на то, что синтаксема является интуитивно понятной конструкцией для любого носителя языка и используется им повсеместно для построения различного рода высказываний.

Проанализированы работы лингвистов-славистов в области синтаксических и морфологических категорий, отмечены взаимодействия многих категорий в области синтаксиса. Автором рассматриваются психологическая проблема генезиса термина «эмоция», когнитивные процессы и теория мотивации.

Ключевые слова: Синтаксема, семантика, эмотивный, одноядерный, двуядерный, субстантивный, экзистенциональная, квалитативная.

Постановка проблемы. В 1973 г. в докладе на VII Международном съезде славистов А.В.Бондарко, говоря о морфологических категориях, таких, как наклонение, время, лицо, число, затронул вопрос о возможных синтаксических категориях: «Понятие синтаксической категории пока еще разработано недостаточно, однако нужно признать необходимость «отведения места» для такого понятия» [2, 43]. Действительно, формы морфологических категорий (хотя и не всех) в предложениях на основе синтаксической связи передают ту или иную семантику, которую соответственно и можно назвать синтаксической семантикой. Если на базе морфологической семантики возникают противопоставления, именуемые морфологическими категориями, то почему бы и синтаксическая семантика не могла лечь в основу синтаксической категории? Позже, в 1991 г., к мысли о наличии в языке таких категорий в области синтаксиса обратился и автор этих строк в докладе «Грамматические категории и их взаимосвязь в области синтаксиса» [5, 66-67]. В этом докладе сопоставлялись, с одной стороны, элементарные морфологические единицы – морфемы, выделяемые в структуре той или иной части речи (например, морфемы времени в структуре глагола), с другой – элементарные синтаксические единицы – синтаксемы, которые выделяются в их противопоставленности друг другу в парадигматическом плане в позиции того или иного компонента предложения. В частности, указывались акциональные, стативные и квалитативные синтаксемы в позиции сказуемого, а также агентивные синтаксемы в позиции подлежащего или зависимого компонента, которым соответствуют категории акциональности, стативности, квалита-

тивности и агентивности. Одновременно было указано и на широкое взаимодействие многих категорий в области синтаксиса, которое проявляется в том, что синтаксемы одной категории совмещают в себе синтаксико-семантические (синсемантические) признаки, характерные для синтаксем других категорий. Так, агентивная категория включает в себя наряду с собственно агентивной синтаксемой и агентивную акциональную, а также агентивные стативную и квалитативную, которые вместе с некоторыми другими синтаксемами при общности у них признака агентивности образуют единый оппозитивный ряд. Остановимся здесь несколько подробнее на побудительной синтаксической категории, к которой относятся довольно многочисленные оппозитивные ряды синтаксем (не только процессуальных, но и квалификативных и субстанциальных), выраженных в основном с помощью форм другой из упомянутых выше морфологических категорий – наклонения, точнее, посредством форм повелительного наклонения [2, 169-171]. Ранее, изучая побудительную семантику и, соответственно, побудительные синтаксемы, мы использовали и термин «повелительный» или «императивный» в соответствии с распространенной терминологией (ср. «побудительное предложение», «императивное предложение» и т. д.), что находило отражение и в самих обозначениях побудительных синтаксем – ImpAc, ImpAclt, ImpAcCnt и т. п [2, 170-171]. Однако повелительное наклонение (или императив) вовсе не покрывает собой сферу употребления побудительных синтаксем, для выражения которых используются и некоторые иные средства. Поэтому следует признать, что более адекватным интернациональным термином в данном случае является «хортативный» (от лат. hortativus *грам.* «побудительный»), т. е. можно говорить о побудительной или хортативной категории, побудительной или хортативной семантике, побудительных или хортативных синтаксемах. Ср.: **«Побудительный** *англ.* hortatory, hortative. Призывающий к выполнению какого-либо действия, выражающий побуждение к действию, повелительный. *Побудительное значение. Побудительная речь. Побудительные слова-предложения. Русск.* Вон! Цыц! Айда! Тс-с…» [1, 326]. Рассмотрим многообразие способов передачи побудительной семантики на примере вариантности п о б у д и т е л ь н о й , или х о р т а т и в н о й , акциональной синтаксемы (HrtAc), являющейся исходной синтаксемой побудительного акционального ряда и наиболее употребительной из всех побудительных синтаксем. Ее основным вариантом служит глагол в форме повелительного наклонения (V_{im}): *Believe* me, madam (J. Galsworthy). Для передачи различных экспрессивных оттенков приказания, смягчающих его или, наоборот, усиливающих его, форма повелительного наклонения может иметь при себе местоимение you, которое обычно предшествует ей (в разговорной речи часто следует за ней), составляя с ней семантически неделимое сочетание *(you* V_{im}, V_{im} *you):* «Yes, well, *you wait in the car, young lady…*» (K.Vonnegut) (ср. *Go you* to the window). Большая роль при передаче побудительной семантики отводится и инфинитиву в различных синтаксически неделимых сочетаниях, в частности со служебным глаголом do, образующим эмфатический вариант синтаксемы *(do* V_i): *Do stay* and talk to me (I. Murdoch). При передаче приказания, обращенного к лицу или лицам, побуждаемым к действию совместно с говорящим, употребляется инфинитив в сочетании со служебным глаголом let и местоимением us *(let us* V_i, *let's* V_i): *Do let's go* and eat (E. Hemingway).

Оттенок вежливости сообщается с помощью присоединительного вопроса *(let's* V_i …shall me? let's V_i *...should we?):* Let's hear it, *shall we?* etc. Служебный глагол let часто используется для передачи побудительной семантики и в сочетаниях с объектными местоимениями третьего лица, а также с существительным, оформляя местоименные и субстантивные варианты синтаксемы *(let him* V_i, *let her* V_i, *let them* V_i, *let S* V_i): Let him go! 'Пусть он уйдет!' и т. п. В этой связи Б.А.Ильиш замечает, что выражения типа let me go, let us go, let him go «ни в коем случае не являются морфологическими явлениями. Они принадлежат синтаксису» [3, 110]. Все эти синтаксемы, как и упомянутая выше акциональная, представлены в языке многообразными системами вариантов, отличными от систем вариантов соотносительных с ними синтаксем в позиции сказуемого. Среди их вариантов особенно нужно выделить синтаксически неделимые сочетания со служебным глаголом do, образующим эмфатические варианты побудительных синтаксем, а именно сочетания этого глагола с глаголом be (служебным и неслужебным), которые совершенно невозможны в позиции сказуемого, ср.: *Do be quiet; Do be* here at nine o'clock. В этом отношении примечательно также наличие указанного выше варианта побудительной стативной синтаксемы, выраженного существительным (без предлога), которое не может представлять соответствующую стативную синтаксему в позиции сказуемого. Здесь же, в побудительных предложениях (в позиции ядерного компонента), такое существительное употребляется наряду с прилагательным и служебным глаголом, ср.: *Silence! – Be silent!; Attention! – Be attentive!,* etc. Наконец, нужно упомянуть и побудительную синтаксему (Hrt), выраженную междометиями, которая не имеет соответствия среди синтаксем в позиции сказуемого и которую нельзя отнести ни к какому из трех классов синтаксем (процессуальных, квалификативных, субстанциальных), например: *Hush!* Психологические теории генезиса весьма разнообразны. Ученые не проявляют единодушия даже по такому вопросу, как определение самого понятия «эмоция». Обычно она определяется как переживание человеком своего отношения к чему-либо (к настоящей или будущей ситуации, к другим людям, к самому себе и т. д.); как выражение состояния субъекта и его отношения к объекту; как состояние, которое увеличивает или уменьшает способность самого тела к действию, благоприятствует ей или ограничивает ее, как функция двух факторов: мотивации или потребности, с одной стороны, и разности между информацией, необходимой для удовлетворения данной потребности, и информацией, доступной субъекту – с другой (речь идет об информации прагматической, по сути дела о средствах удовлетворения потребности) и т. д.

Помимо этого узкого значения термин «эмоция» используется и в широком смысле, когда имеется в виду целостная эмоциональная реакция личности, включающая не только психический компонент – переживание, но и специфические физиологические изменения в организме, сопутствующие этому переживанию. В этом случае можно говорить об эмоциональном состоянии человека. Хотя большинство эмоций является полярным: удовольствие – неудовольствие, веселье – грусть, радость, печаль и т. п., в сложных человеческих чувствах они нередко образуют противоречивое единство. Существует смещение эмоции, когда в одном и том же переживании сочетаются и положительные, и отрицательные оттенки (например,

можно получать удовольствие от страха в «комнате ужасов»; в ревности страстная любовь уживается со жгучей ненавистью и т. п.).

Одна и та же причина может вызывать разные эмоции. Это зависит от индивидуальных вкусов, интересов, нравственных установок и опыта, а также от темперамента людей и, наконец, от ситуации, в которой они оказываются. Например, опасность у одних вызывает страх, а у других – радостное, приподнятое настроение (уместно упомянуть модное ныне увлечение «экстримом»).

Наличие напряжения, возбуждения или противоположных им состояний вносит в эмоции существенную дифференциацию. Эмоции традиционно делят на стенические, повышающие жизнедеятельность организма, и астенические – ослабляющие ее.

Различные эмоциональные состояния являются прямым следствием оценки перспективі в плане удовлетворения потребности. Если удовлетворение маловероятно, возникает отрицательная эмоция; в противоположном случае, когда перспективы удовлетворения потребности благоприятны, преобладает позитивный эмоциональный фон. Именно такое определение эмоции доминирует в когнитивно-ориентированных теориях.

Рассматривая теории, интерпретирующие эмоцию как результат когнитивной оценки ситуации, необходимо отметить те из них, которые предлагают различать два основных компонента эмоций: нейрофизиологический компонент возбуждения специфичен по отношению к качеству переживаемой эмоции. Качество эмоции зависит от физиологического возбуждения, а точнее – от оценки человеком собственного физиологического состояния, хотя способность субъекта к распознаванию и дифференцирование паттернов физиологического состояния весьма несовершенны. Такая точка зрения подкрепляется данными о специфичности паттернов физиологического возбуждения для разных эмоций.

Когнитивные процессы (когнитивная оценка ситуации) на эмоциональные переживания, но и эмоции, в свою очередь, оказывают влияние на познавательные процессы. Например, известно, что лучше запоминается та информация, которая соответствует настроению.

Рассматриваются также некоторые теории мотивации, хотя в науке нет единого мнения о том, следует ли рассматривать мотивацию и эмоции как совершенно независимые феномены. Между прочим, этимологически оба термина происходят от одного латинского глагола *mavere,* что означает «двигаться»; в самом деле, если наши потребности толкают нас к действию, то наши эмоции тоже часто лежат в основе наших поступков.

Современная физиология показала, что эмоции не сводимы к одним лишь периферическим реакциям. В эмоциональных процессах участвуют в теснейшем взаимодействии как периферические, так и центральные факторы.

Элементы, относимые к собственно эмотивной синтаксеме, характеризуются только одним синтаксико-семантическим признаком – эмотивностью. Основной вариант собственно эмотивной синтаксемы выражен междометием: *We took Giuseppe and Maria to the church and had them married. Ugh! That wedding!* (Modern Short Stories, p. 110)

В качестве его функциональных эквивалентов выступают:

наречие: *«Enough!» Paul ordered. He weighed Irulan's revelation about public nostalgia – ah, now that'd carried a note of truth once more Irulan had proved her worth.* (F.Herbert, Dune Messiah, p. 63);

местоимение: *Why, it's you miss Essex. What a pleasant surprise!* (J. Priestly, Sir Wichael…, p. 95); *Zach: How much? Morris: Half a crown. Zach: What!* (New English Dramatists, I, p. 168);

междометные фразеологизмы: Hot damn! Dear me! Gracious me! Goodness Gracious me! Doggone me! Jeez bud! Attabcy! Bailey! Lames! Gee whiz!

Во всех рассмотренных выше примерах собственно эмотивная синтаксема находится в позиции ядерного компонента. Некоторые варианты собственно эмотивной синтаксемы могут занимать позицию ядерного компонента в главной части сложноподчиненного предложения. В этой функции были отмечены следующие варианты: собственно эмотивная синтаксема, **выраженная местоимением** My: My, if that isn't fancy unusual name. *(W.Stevens, The Gunner, p. 164);* **междометным фразеологизмом** Dear me: Dear me, if it isn't Miss Beddingfeld. *(A.Christie, The Man in Brown Suit, p. 168)*

Собственно эмотивная синтаксема никогда не выступает в позиции зависимого компонента. Далеко не все элементы, характеризуемые синтаксико-семантическим признаком эмотивности, способны заменять друг друга. Сравните следующие примеры: Man, wow, there's so many things to do, so many things to write! *(J.Kerouac, On the Road, p. 7); –* Were you really scared? – Fie, Nicholas! *(Plays for Youth, p. 151)*

«Wow» в первом примере выражает возбуждение, во втором примере эмотивное предложение *«Fie»* употребляется для выражения презрения. Подчеркнутые элементы не могут заменить друг друга: *wow* никогда не употребляется для выражения презрения; *fie* может выражать только неодобрение, презрение, упрек. Различие передаваемых ими смысловых оттенков не позволяет указанным элементам заменять друг друга. *Wow, fie* являются оттеночными вариантами собственно эмотивной синтаксемы [5, 365].

Выводы и перспектива. Собственно эмотивная синтаксема представлена многочисленными оттеночными вариантами. Выделяя среди английских междометий междометия общего и частного значения, мы полагаем, что взаимозаменяемыми могут быть элементы, выраженные междометиями общего значения. Междометия, обладающие узким частным значением, могут заменить друг друга, если они обладают родственным значением. В нашу задачу не входило отнесение тех или иных элементов к указанным выше типам междометий, мы хотели только показать, что наряду с факультативными вариантами собственно эмотивной синтаксемы имеются варианты иного рода – оттеночные варианты. В плане сочетаемости собственно эмотивная синтаксема не оторвана от других эмотивных синтаксем: она допускает сочетаемость: а)с субстанциальной атрибуционной синтаксемой [4, 169, 196], б)с квалификативной квантитативной: *a) Alas, for it. O, for a despot. Hurrah for he movement!* (New Black Playwrights, p. 251); *«Alas, he is dead!» sobbed the Widov. «Alas, and doubly alas!» echoed the Cannt.* (K.Graves, Collected Short Stories, p. 293)

Случаи сочетаемости собственно эмотивной синтаксемы с другими синтаксемами редки, исключение составляет эмотивная синтаксема, выраженная междометием *alas*. В словаре отмечается его частая употребительность с конструкцией с предлогом *for*.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М., 1966
2. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация / А.В. Бондаренко. – СПб.: Идеи времени, 1999. – 256 с.
3. Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики. Текст, структура и семантика. – Т. 1 / А.В. Бондаренко. – 2001
4. Бондарко А.В. Категории и разряды славянской функциональной морфологии (морфологические категории и лексико-грамматические разряды) / А.В. Бондаренко. – Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов: М., 1973
5. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка [на английском языке). Теоретический курс для англ. отдел. и ин-тов / Б.А. Ильиш. – Изд. 2-е, Л.: Просвещение (Ленингр. отд.), 1971
6. Мухин А.М. Грамматические категории и их взаимосвязь в области синтаксиса / Категории грамматики в их системных связях (в теоретическом и лингводидактическом аспектах), тез.конф / А.М. Мухин. – Вологда, 1991
7. Мухин А.М. Функциональный синтаксис / А.М. Мухин. – СПб., 1999

Абдурахманова К. Аналіз зв'язку синтаксичних і морфологічних одиниць / К. Абдурахманова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 297–303.

У статті проводиться аналіз синтаксичних і морфологічних одиниць. На основі прикладів розглядаються варіанти емотивних синтаксем, а також досліджується їх взаємозв'язок. Об'єктом дослідження є синтаксема – мінімальна синтактико-семантична одиниця мови, яка несе узагальнений категоріальний сенс і характеризується взаємодією морфологічних, семантичних і функціональних ознак. Автор вказує на те, що синтаксема є інтуїтивно зрозумілою конструкцією для будь-якого носія мови і використовується ним повсюдно для побудови різного роду висловлювань. У статті проаналізовано роботи лінгвістів – славістів в області синтаксичних і морфологічних категорій.

Автором розглядаються психологічна проблема генезису терміна «емоція», когнітивні процеси та теорія мотивації. У статті розкриваються значення даних понять, а потім досліджується їх реалізація в мові на прикладі емотивних синтаксем. Щодо позиції синтаксеми, то вона грає роль ядерного компонента в мові.

Ключові слова: синтаксема, семантика, емотивний, одноядерний, двоядерний, субстантівний, екзистенційна, квалітативна.

Abdurahmanova K. The analysis of the syntactic and morphological units' connection / K. Abdurahmanova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 297–303.

The article analyzes the syntactic and morphological units. The research is based on the examples of the emotive syntaxemes' variants and their relationship. The object of the study is syntaxeme – a minimal syntactic and semantic unit of language, which carries a generalized categorical sense and is characterized by the interaction of morphological, semantic and functional features. The author points out that syntaxeme is an intuitive and understandable concept for any medium of language and he uses it for the construction of various types of sentences. In order to understand the sentence we need not only knowledge of the syntaxeme's meaning. The important factor is their compatibility with each other. This compatibility is determined by the binary relations on the syntaxeme's set.

In the main part of the article the works of Slavic linguists in the field of syntactic and morphological categories are analyzed, the interaction of many categories in syntax is pointed out. This interaction is shown in the combining by the syntaxemes of one category the syntactic and semantic characteristics of the syntaxemes of other categories.

Also the author considers the psychological problem of the genesis of the term “emotion”, the cognitive processes and the theory of motivation. The article describes the importance of these concepts and their realization in the language on the example of emotive syntaxemes. The author points out the fact that the elements attributable to the actual emotive syntaxeme is characterized by only one syntactic and semantic feature- emotivity. The basic version of the actual emotive syntaxeme is expressed by interjection. However, as the author notes, the functional equivalent of interjections can act adverbs, pronouns and interjectional idioms. Regarding the position of syntaxeme, it plays a role of the nuclear component in the speech.

Key words: syntaxeme, semantics, emotivity, uninuclear, binuclear, substantive, qualitative, existential

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 304–311.

УДК 81.272

РЕАЛИЗАЦИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА КАК ГОСУДАРСТВЕННОГО В ОБЛАСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ (20-30-е ГОДЫ XX ВЕКА)

Кириллова З. Н.

Институт филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: zkirillova@yandex.ru

Данная работа посвящена исследованию процесса становления татарского языка как государственного в 20-30-е годы прошлого века. Основное внимание было уделено проблемам функционирования татарского языка в различных учебных заведениях ТАССР, а также исследованию деятельности Академического центра и Научного общества татароведения.

Ключевые слова: реализация татарского языка, государственный язык, языковая политика, 20-30-е годы XX века.

Постановка проблемы. Начиная с 1992 года – времени провозглашения в Татарстане татарского языка государственным наряду с русским языком, – упрочились имевшиеся у татарского языка функции в сфере национальной культуры, религии, театра, искусства, художественной литературы, перевода, периодической печати, радио и телевидения. Татарский язык, наряду с русским, стал языком воспитания (в детских садах, например) и образования (в начальной, средней школах и частично – в высшей школе), языком учебно-педагогической литературы, частично – науки (главным образом, гуманитарных наук). Как видно, налицо постепенное обретение языковой симметрии в функционировании русского и татарского языков в указанных сферах [1, 134].

Актуальность проблемы функционирования татарского языка как государственного в настоящее время, в частности в сфере образования, вынуждает нас обратиться к опыту прошлого.

В 1921 году, т.е. на 71 год раньше Закона 1992 года, татарский язык впервые официально был провозглашён государственным языком, и была развёрнута большая работа по претворению в жизнь этого решения.

Декрет, объявляющий татарский язык государственным наряду с русским, был принят 25 июня 1921 года [2, 5-7], т.е. в день первой годовщины образования ТАССР. Однако в первые годы работа носила лишь декларативный характер. Претворению в жизнь постановлений Декрета мешала, с одной стороны, малочисленность татарских служащих, работающих в государственных учреждениях, с другой стороны, нехватка квалифицированных татар, одинаково хорошо знающих татарский и русский языки. Помешал развитию этой работы и страшный голод 1921 года и его последствия. Только с середины 1922 года начали выходить новые декреты и постановления. Они были посвящены реализации татарского языка (далее – РТЯ) не только в государственных учреждениях, но и в кооперативах, профсоюзах, кантонах

и волостях, сельских советах. Только после этого началась большая кампания в прямом смысле этого слова.

Работой РТЯ руководила постоянная Центральная комиссия по реализации татарского языка (ЦК РТЯ), созданная специально при Центральном исполнительном комитете Татарстана (ТЦИК). Центральная комиссия организовала работу РТЯ в 50 организациях республики Татарстан, в подведомственных им учреждениях и 12 кантонах [3, 37].

1. РЕАЛИЗАЦИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ТАССР

Комиссариат просвещения в эти годы исполнял роль реального двигателя реализации татарского языка как государственного. Работающие под его руководством Главное управление по социалистическому воспитанию (Главсоцвос), Главное управление профессионального образования (Главпрофобр) и Академический центр (Академцентр) в республике проводили большую работу по РТЯ.

В 20-е годы школы первой (четырёхлетки) и второй ступени (семи- или девятилетки), школы крестьянской молодежи работали под руководством Главсоцвоса. В татарских школах первой ступени обучение велось на татарском языке, но уже с 1924 года стали появляться мнения о том, что нужно обратить больше внимания обучению русскому языку. Как известно из истории, к сожалению, именно это направление позднее получает интенсивное развитие и вытесняет из школ татарский язык. Приверженцы данного направления доказывали, что в дальнейшем дети татар не смогут продолжить своё образование, т.к. в школах второй ступени, в профессионально-технических учебных заведениях обучение ведётся на русском языке, для поступления в вузы также необходимо было знать русский язык [4, 3-8].

Если в Декрете 1921 года обучение татарскому языку было только для желающих, то на основании инструкции, принятой 21 декабря 1922 года, во всех школах второй ступени, профессионально-технических учебных заведениях, в партийных школах, рабочих факультетах и вузах, а в городах также в последних классах школ первой ступени для всех учащихся изучение татарского языка стало обязательным [2, 6, 13]. Хотя эта работа и претворялась в жизнь [5, 15-17], результаты были неутешительны и плачевны, особенно отставал процесс обучения русских детей татарскому языку. Программа по татарскому языку для русских школ была издана лишь в 1927 году [6].

Работой профессионально-технических учебных заведений, курсов, школ ФЗУ, техникумов, рабочих факультетов и вузов руководил в эти годы Главпрофобр. Происходит заметный сдвиг в привлечении татар в эти учебные заведения. Так, на протяжении 1922-1931 гг. количество татар, обучающихся в вузах, увеличилось на 18, 8% [7, 24]. В 1920-1925 гг. для татар были открыты 6 техникумов и 1 рабочий факультет. Чтобы облегчить поступление татар в учебные заведения, образуются подготовительные курсы и группы. Но, к сожалению, в эти годы даже в тех учебных заведениях, где большинство составляют татары, обучение ведётся на русском языке.

На основании многочисленных постановлений государства, в средних и высших учебных заведениях обучение татарскому языку стало обязательным [2, 9, 13]. Как видно из справки Центральной комиссии, студенты обязаны были сдавать зачёты по татарскому языку, как и по другим предметам, тем же, кто не сдал зачёта, диплом не выдавался. В случае если выпускные дипломы всё-таки выдавали, в них указывалось отсутствие зачёта по татарскому языку [8, 229].

Но на самом деле это указание реализовалось только в Восточном педагогическом институте, а в других учебных заведениях или совсем не велось обучение татарскому языку, либо вводилось только для желающих [9, 38]. Сильно осложняло дело также отсутствие в вузах специальной программы для преподавания татарского языка русскоязычным студентам. Считая, что ещё рано создавать специальную программу для вузов, члены методической и педагогической комиссий при Академическом центре предлагали для высших школ временно взять за основу программы, написанные для второй ступени (9 лет) русских школ.

С 1919 года расширяет свою деятельность Государственный рабочий факультет при КГУ, а с 1923 года – специальный рабочий факультет при Восточном педагогическом институте [10, 110]. Даже для поступления на Государственный рабочий факультет татары вынуждены были пройти через подготовительные группы, т.к. их знаний не хватало не только для учёбы в вузах, где обучение велось на русском языке, но и для поступления на рабочие факультеты [11, 204].

Главпрофобр не обращало должного внимания на вопросы обучения татарскому языку в подведомственных ему учебных заведениях. За исключением одного документа, который гласит, что татарский язык изучается по 2 часа в неделю на протяжении 2-х лет, ничего не было. Ярким примером служит отрывок из письма в Центральную комиссию учителя татарского языка Касима Субаева, датированное 16 октября 1925 года: “*.. в медицинском техникуме в 1924 / 25 гг. татарский язык изучался только на I курсе. Больше половины студентов не посещали занятий по татарскому языку. После того как я неоднократно обращался в администрацию школы, дал список прогульщиков, было написано объявление: “Не сдавшие зачёт по татарскому языку будут отчислены из техникума”. Когда наступила весна, зачёт по татарскому языку отложили на осень. Несмотря на моё сопротивление, осенью даже без зачёта по татарскому языку студенты продолжили обучение.. От студентов невозможно было требовать многого, но администрация сочла трудным даже опрос по пройденному материалу. Хотя прямых намёков не было, но стало очевидно, что они были за поверхностный опрос студентов. После того, как на собрании перед всеми учащимися на вопрос “Как Главпрофобр смотрит на реализацию татарского языка?” директор техникума ответил: “Главпрофобр даёт 2 часа в неделю и смотрит формально”, стало ясно, как учащиеся отнесутся к предмету, о котором учитель говорил как об обязательном, заранее известно, какое после этого значение будет придаваться татарскому языку...”* (Перевод наш – З.К.) [12, 8].

2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Академический центр Татарстана, который осуществлял общее руководство научной, учебно-педагогической, воспитательной работой и литературной деятельностью, проводил очень большую работу по РТЯ. Его работа велась в основном по трём направлениям: научно-педагогическому, редакционно-издательскому и краеведческому.

Самой важной работой научно-педагогической комиссии было создание программ для различного типа учебных заведений, учебных планов и учебников. 20-е годы – это период отрицания старых программ и учебников, период поисков и метаний по созданию новых. В это время Академическим центром создаются новые программы по татарскому языку для школ 1 и 2 ступеней обучения, ответственных работников, советских учреждений, русских школ, техникумов и школ ФЗУ [13, 264]. Большинство учебников было создано авторскими коллективами. Среди авторов были видные учёные М.Курбангалиев, Р.Газиз, Г.Ибрагимов, Ф.Сайфи, Г.Шараф, Х.Бадиги, Г.Сайфуллин и др. Эти учебники были полностью проникнуты идеями той эпохи и брали за основу марксистскую теорию и трудовой процесс. В описываемый период широкое распространение получает отрицание предметной системы и создание учебников по комплексной системе, которую диктовали программы по русскому языку.

Для редактирования книг, изданных на татарском, русском языках и на языках национальных меньшинств, при Академцентре создаётся редакционная коллегия. В республике все книги, учебники и руководства, учебно-методические пособия и научные труды издавались только после просмотра и утверждения Академцентром. Большинство этих трудов составляли книги на татарском языке [14, 79]. Кроме проверки рукописей, редактирования и разрешения на издание, Академцентром издаются журналы “Мәгариф” (“Просвещение”), “Безнең юл” (“Наша дорога”) и на русском языке “Вестник просвещения”.

Академический центр занимается также вопросами создания научной терминологии на татарском языке, для чего создаётся специальная комиссия. Под её руководством в редакции газеты “Татарстан” и в издательском отделе народного комиссариата Земледелия работают также отдельные комиссии [5, 20]. На основании постановлений, принятых о создании терминов на татарском языке, Академцентром создаются термины по многим наукам и учебники по этим дисциплинам. Для широкой публики выпускаются научные труды и научно-популярные книги. До 1927 года было создано около 15 тысяч татарских терминов [15, 71] и многочисленные терминологические словари по разным областям.

Споры, продолжавшиеся более 10 лет по вопросу реформ в орфографии татарского языка, в начале 20-х годов дали ощутимые результаты: за основу берётся орфография из 6 гласных звуков, и это становится большим шагом вперёд для татарского народа. В 20-30-е годы в связи с тем, что алфавит менялся два раза, орфография продолжает претерпевать изменения, это находит отражение в словарях Г.Алпарова, И.Рами и в словаре, изданном Академцентром.

3. НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО ТАТАРОВЕДЕНИЯ

В 1923-1927 гг. Научное общество татароведения (НОТ), которое работает при Академическом центре, вносит большой вклад в изучение языка татарского народа, его истории и культуры, собирает вокруг себя крупных учёных, в том числе специалистов среди татар. С момента образования общества обязанности председателя выполняет профессор русской истории Н.Фирсов, секретарями в разное время работают М.Худяков, Е.Чернышев и Г.Рахим. Число членов общества ежегодно увеличивается и к 1929 году доходит до 28 человек. Среди членов управления были Г.Рахим, Дж.Валиди, Г.Губайдуллин, Г.Ибрагимов, М.Курбангалиев, Г.Максуд, Г.Шараф, Г.Сагди, М.Тагиров, М.Худяков и др.

Наиболее активная деятельность общества начинается с 1925 года. Именно в это время увеличивается количество общих собраний, общество начинает издавать свой специальный орган – журнал “Вестник научного общества татароведения” (ВНОТ). На страницах журнала публикуются важные доклады, прочитанные на общих собраниях общества, а также отдельные труды, носящие исследовательский характер. В 10 номерах журнала, успевших увидеть свет, было опубликовано всего 75 научных статей и 75 мелких заметок, рецензий и др. материалы. При помощи своего печатного органа Научное общество татароведения устанавливает регулярную связь со 120 научными, учебными и просветительскими организациями и обществами, расположенными на территории СССР и иностранных государств. Устанавливаются связи с городами Берлин, Нью-Йорк, Гамбург, Лондон, Рим, Харбин и др [16].

4. ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Наше исследование показало, что процесс РТЯ продолжался около 15 лет. Это был первый шаг на пути реализации татарского языка как государственного. Однако выяснилось, что этот процесс в целом, а также в сфере образования в частности, встретил большие трудности. В результате проведённого исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Несмотря на то, что в 1921 году процесс РТЯ был начат с большим вдохновением, в конце 20-х и особенно в 30-е годы, когда начинают претворяться в жизнь идеи Сталина о безнациональном и одноязычном коммунистическом обществе, а люди, имеющие возможность противодействовать этой идее, становятся трагическими жертвами культа личности, татарский язык был полностью вытеснен русским из всех сфер жизни.

2. Большим препятствием в работе по РТЯ явились последствия революции, кровопролитной гражданской войны и страшный голод 1921 года.

3. Одна из самых больших причин, неоднократно указанных в источниках – безденежье, т.е. ограниченные финансовые возможности. С одной стороны, по процессу РТЯ правительством издавались многочисленные постановления, а с другой стороны, для проведения этой работы Москва не выделяла денег, а местный бюджет был практически нищим. Те крохи, которые выделялись, комиссариатом финансов вовремя не высылались, в некоторые годы они еще более урезались или совсем не

выделялись. Многие народные комиссариаты и центральные организации постановления по процессу РТЯ были вынуждены выполнять за свой счет.

4. Отсутствие финансирования приводило к другим многочисленным трудностям. Вот некоторые из них: принималось много постановлений о претворении в жизнь решений о повышении заработной платы, премированию и материальной заинтересованности работников, знающих два языка, но эта работа не находила реального воплощения на практике; по причине отсутствия финансирования организации не могли содержать специальных переводчиков и практикантов, приглашать квалифицированных преподавателей, покупать учебники и пишущие машинки; знатоки татарского языка из-за низкой заработной платы вынуждены были искать другую, более высокооплачиваемую работу.

5. Одной из главных преград на пути к РТЯ явилось отсутствие желания у нетатарского населения изучать татарский язык. Эта часть населения, которая до сих пор обходилась и продолжала обходиться без знания татарского языка, считала, что эта работа бесполезна и бессмысленна.

6. Не было определённой регламентации профессий, для которых знание татарского языка было обязательным. Общие выражения, типа “те, кто тесно связан с татарским народом”, оставляли лазейки для конкретных дел.

7. Большую трудность в превращении татарского языка в государственный создавала также немногочисленность опытных, квалифицированных, специально подготовленных татарских специалистов, хотя различные типы учебных заведений, Центральные курсы РТЯ вели активную работу по устранению этих трудностей.

8. Не хватало грамотных, опытных преподавателей, обладающих эффективной методикой преподавания татарского языка для нетатар. Из-за низкой зарплаты и отсутствия должных условий преподаватели отказывались от работы.

9. Определённую трудность в изучении татарского языка русскими создавал и алфавит, основанный на арабской графике и т.д.

Выводы и перспектива. Процесс реализации татарского языка как государственного проходил в тяжелые годы гражданской войны, голода, разрухи, в условиях смены арабского алфавита на латиницу, в годы резких общественно-политических перемен, в жестокие годы культа личности и массовых репрессий. Несмотря на все эти условия, процесс реализации татарского языка как государственного в определенной степени выполнил свои функции и, возможно, только благодаря этому в период перестройки стало возможным придание татарскому языку наравне с русским официального статуса как государственного.

В отличие от 20-30-х гг. в настоящее время в реализации языка наибольшую трудность вызывает не только отношение русских к татарскому языку, а в первую очередь незнание татарского языка татарами и их нежелание изучать родной язык, т.е., говоря термином социолингвистики, явление “языкового нигилизма”. Предстоит большая работа по пробуждению у татар чувства национального самосознания и национальной гордости, в чем огромная роль принадлежит системе образования и периодической печати.

Современность требует продолжения разумной языковой политики, проникновения татарского языка не только в культуру, просвещение, издательство, но и во

все сферы общественной жизни. Предстоит большая работа по ликвидации общих для двух периодов факторов, противодействующих становлению татарского языка как государственного в XXI веке.

Литература

1. Байрамова Л.К. Симметрия и асимметрия в функционировании русского и татарского языков в Татарстане / Л.К.Байрамова / / Русская и сопоставительная филология: состояние и перспектива: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С.134-135.
2. Сборник Декретов, Постановлений, важнейших Циркуляров и других материалов в области реализации татарского языка. – Казань: Изд. Центр. Комиссии по реализации татарского языка при ЦИК ТАССР, 1925. – 88 с.
3. НА РТ, ф. 732, оп. 1, д. 766. – 204 л.
4. Мәгариф. – 1925. – № 9. – Б. 3-8.
5. НА РТ, ф. 732, оп. 1, д. 154. – 347 л.
6. Икенче баскыч (9 еллык) рус мәктәпләре, шулай ук, вакытлыча, югары мәктәпләр өчен татар теле программасы. – Наркомпрос басмасы, 1927. – 33 б.
7. Материалы к отчёту правительства АТССР за время с 8-го по 9-й съезд Советов. – Казань: Изд. Орготдела ЦИК АТССР, 1931. – 28 с.
8. НА РТ, ф. 732, оп. 1, д. 768. – 297 л.
9. Доклад Центральной Комиссии по реализации татарского языка при ЦИК Тат. АССР "О положении дела по РТЯ и перспективах" на 3-ей Сессии ЦИКа Татарской АССР 12-13 марта 1927 г. (Стенограмма). Прения и постановление по докладу. – Казань: Изд. ЦК РТЯ при ТЦИК-е, 1927. – 68 с.
10. За 5 лет. К 5-й годовщине провозглашения ТССР. – Казань: Изд. ТЦИК, 1925. – 208 с.
11. Отчёт ЦИК и СНК за время с 3-го по 4-й съезд Советов. – Казань: Тип. «Красн. Печатн.», 1923. – 304 с.
12. НА РТ, ф. 732, оп. 1, д. 769. – 235 л.
13. НА РТ, ф. 3682, оп. 1, д. 288 б. – 325 л.
14. НА РТ, ф. 3682, оп. 1, д. 501. – 100 л.
15. Мәгариф. – 1927. – № 10-11.
16. ВНОТ. – 1925. – № 1-2, 3; 1930. – № 9-10.

Кириллова З. М. Реалізація татарської мови як державної в галузі освіти (20-30-ті роки ХХ століття) / З. М. Кириллова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 304–311.

Дана робота присвячена дослідженню процесу становлення татарської мови як державної в 20–30-ті роки минулого століття. Основна увага була приділена проблемам функціонування татарської мови в різних навчальних закладах ТАССР, а також дослідженню діяльності Академічного центру та Наукового товариства татарознавства.

Ключові слова: реалізація татарської мови, державна мова, мовна політика, 20-30-ті роки ХХ століття.

Kirillova Z. Implementation of the Tatar language as the state in the field of education (20-30-ies of XX century) / Z. Kirillova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 304–311.

This paper investigates the process of formation of Tatar language as the official one during the 20-30s of the last century. The main attention was paid to the functioning of the Tatar language in the various schools of Tatarstan, activities of the Academic Center and the Scientific Society of the Tatar language.

The actuality of the Tatar language functioning as the official one at this moment, particularly in the sphere of education, forces us to turn to the experience of the past.

In 1921, 71 years before the Act of 1992, the Tatar language was officially declared as the state language, and an extensive work was initiated to implement this decision.

The Central Commission for the implementation of the Tatar language (CC TLR), designed specifically by the Central Executive Committee of the Republic of Tatarstan (TCEC) took measures in realizing of the Tatar language as the official one. It has organized the work of the Tatar language realization in 50 organizations of the Republic of Tatarstan, and their subordinate institutions in 12 cantons.

In 1920s training at the Tatar schools of the first stage was conducted in Tatar. Later, from 1924, the opinion on necessity of paying more attention to learning Russian language came into being. As we know from history, unfortunately, it was this trend that later was developed intensively and pushed the Tatar language out from the schools.

According to the Decree of 1921, Tatar language training was only for those who want. Then on the basis of instructions adopted in December 21 (1922) the study of the Tatar language in all schools of the second stage, vocational educational institutions, political schools, business schools and faculties and at the graduated forms of the first stage schools in the cities was made compulsory for all students.

The Academic Center of Tatarstan supervised the scientific, educational and pedagogical, educational work and literary activities. It conducted a great job on the implementation of the Tatar language as well. Its work was done mainly in three areas: research and pedagogy, publishing, and local history.

In 1923-1927 Scientific society of the Tatar language which operated under the Academic Center made a great contribution to the study of language of the Tatar people, its history and culture, gathered prominent scientists including specialists among the Tatars.

Our study revealed that the process of the Tatar language realization lasted over 15 years. It appeared, however, that the process as a whole and, in particular, in the field of education had met great difficulties which were reflected in the work as well.

The process of the Tatar language realization as the official one passed the difficult years of the civil war, famine, destruction, transition period of the Arabic alphabet to Latin, in the years of rapid social and political change, in the violent years of the cult of personality and mass arrests. In spite of these conditions, the process of implementation of the Tatar language as the official to some extent fulfilled its function and, possibly, it is because of this that during the adjustment period was possible to infuse the official status of Tatar as an official language on a par with Russian.

Key words*:* realization of the Tatar language, the official language, the language policy, the 20-30s of the XX century.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 312–319.

УДК 811.512.162

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА И ИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Гейдарова З. К.

Институт языковедения им. Насими НАНА
azfolklor@yahoo.com

В научной работе автором исследованы синтаксические особенности детской азербайджанской литературы. Цель написания статьи – сделать процесс восприятия окружающей среды детьми более простым и понятным, потому что, изучая синтаксический строй языка, мы сталкиваемся со сложной формой человеческого мышления. Наблюдения над языком детской литературы начала XX века показывают, что одним из характерных признаков литературы этого периода является прочность, стабильность синтаксического построения в этих произведениях, деятельность её в рамках нормы. В статье рассмотрены все типы словосочетаний и предложений, встречающиеся в детской литературе, приводятся и анализируются примеры из произведений.

Автор приходит к выводу, что в начале XX века в языке детских произведений в плане грамматического строения азербайджанского языка преобладали самобытные типы предложений Таким образом, синтаксическое строение детской литературы начала XX века сформировалось, развиваясь на основе грамматического построения азербайджанского народного языка.

Ключевые слова: синтаксис, детская литература, предложение, словосочетание.

Постановка проблемы. Изучая синтаксический строй языка мы сталкиваемся со сложной формой человеческого мышления. Формирующие детское мышление, детскую речь, воспитывающие детские писатели в своих произведениях должны выстраивать синтаксические конструкции таким образом, чтобы они были простыми и понятными, в то же время достаточно сложными и богатыми, соответствовали уровню детского литературного языка [7, 157]. Наблюдения над языком детской литературы начала XX века показывают, что одним из характерных признаков литературы этого периода является прочность, стабильность синтаксического построения в этих произведениях, деятельность её в рамках нормы. В языке исследованной нами детской литературы указанного периода при синтаксическом оформлении предложения оказывается максимальная забота о его построении, предложения словно бы очищаются от лишних слов и выражений, предпочтения отдаются коротким, ясным предложениям, ряд слов, при условии не нарушения принципа художественности, выстраивается согласно требованиям грамматики. Современный синтаксис со всеми составными: место слов в предложении, формирование словосочетаний, строение предложений, полностью соответствует синтаксическим нормам современного народного языка произведений А.Шаига, Ахундова и сейчас живет именно по тем же синтаксическим нормам [4, 162].

Словосочетания. Обращает на себя внимание многообразие используемых в начале XX века в детской литературе словосочетаний. Исследование показывает, что у способов и правил образования используемых в языке детской литературы словосочетаний с современным азербайджанским языком серьезных отличий, можно сказать, и нет.

Именные словосочетания I типа. В языке исследуемой детской литературы, именные словосочетания I типа, образуясь на основе примыкания, грамматически состоят из существительного, прилагательного с существительным, числительного с существительным, местоимения с существительным. 1. Именные словосочетания I типа, обе стороны которого состоят из существительных: Туда пришел *старик-попрошайка*, идущий по дороге на звук ворон (Qarğaların səsinə yol ilə gedən bir *qoca dilənçi* oraya gəldi) [2, 47]; *Дедушка Керим* посвистывая, строгал влажную трубку (*Kərim baba* fit çala-çala bir yaş çubuğu yonurdu) [10, 343]. 2. Именные словосочетания I типа, состоящие из прилагательного и существительного: *Дружелюбная девушка* маленькими руками положила шапочку на голову петуха (*Mehriban qız* o balaca əlləri ilə xoruzun papağını başına qoydu) [10, 197]; Будешь идти, навстречу тебе выйдут *белая вода*, *черная вода* и затем *красная вода* (Gedərsən, qabağına bir *ağ su*, bir *qara su* və sonra bir qırmızı su çıxacaq) [5, 62]. В некоторой части подобных именных словосочетаний первая сторона выражается образованными прилагательными. *Вкусные фрукты* Гююлюджи известны на всю округу. В садах были высажены ароматные цветы. (Güllücənin *dadlı meyvələri* ətrafda məşhurdu. Bağçalarda *ətirli güllər* və çiçəklər əkmişdilər) [2, 34]. Из приведенных примеров становится ясно, что слова, состоящие как из простых, так и образованных прилагательных, и составляющие первую сторону словосочетаний, в большинстве своем выражают качество второй стороны и обращают на себя внимание своим национальным колоритом. 3. Именные словосочетания I типа, состоящие из числительного и существительного: Словосочетания, состоящие из количественных числительных с существительными: В ту ночь *два ребенка с матерью* не знали, что делать от радости (O gecəsi *iki bala, bir ana* şadlıqlarından bilmirdilər ki, nə etsinlər) [2, 12]. 4. Именные словосочетания I типа, состоящие из неопределенных числительных и существительных: Три-четыре года проучившись в школе, они лишь по родному языку приобрел *некоторые знания* (Üç-dörd il məktəbdə oxuyub, ancaq ana dilində *bir az savad* qazanmış idi) [2, 90] – Дочка, уже достаточно, спускайся, пойдем соберем *немного* груш, винограда и hulu (Qızım, daha bəsdir, düş gedək bir *qədər armud*, üzüm və hulu yığaq) [2, 71]. В этом густом лесу, со всех сторон обнимающем эти прекрасные места, *мало-помалу* встречались и поляны (Bu gözəl yerləri dörd bir tərəfdən qucaqlayan o qalın ormanlıq içində *az-çox talalar* da var idi) [11, 13]; Ну давай, вставай, открой шкаф, поедим *немного* варенья (Di dur işqafı aç *bir az mürəbbələrdən* yeyək) [3, 91].

Именные словосочетания II типа. В языке детской литературы начала XX века достаточно использовались и именные словосочетания второго типа. И здесь первая сторона именных словосочетаний второго типа образуется без аффикса, а вторая, завершаясь на согласные, принятием аффиксов принадлежности *-ı, -i, -u, -ü*, а завершаясь на гласные – *-sı, -si, -su, -sü.* Грамматически в подобных соединениях

обе стороны состоят преимущественно из существительных. *Детское племя* создано для того, чтобы играть, смеяться как Агджа-ханум (*Uşaq tayfası* Ağca xanım kimi oynamağa, gülməyə yaranmışdır) [2, 83]; В их саду под *деревом сирени*, в корзине, неслись курицы (Bağçalarındakı *yasəmən ağacı* altında bir səbət içində toyuqlar yumurtlayırdı) [10, 197]. Первая сторона именных словосочетаний второго типа очень часто состояла из географических названий – ономастических единиц топонимов, этнонимов: После этого *земля Борчалы* уже не увидит героя (Bundan sonra daha *Borçalı torpağı* igid üzü görməyəcək) [11, 28]; И дедушка Керим сидел рядышком с *девушкой из Айрыма* на одном углу паласа (Kərim baba da palazın bir ucunda *Ayrım qızı* ilə yan-yana oturmuşdu) [11, 21].

Именные словосочетания III типа. Как и в нашем современном языке, в именные словосочетаниях третьего типа, используемых в языке детской литературы в начале XX века, первая сторона образуется аффиксом родительного падежа, **а вторая сторона аффиксом принадлежности *-ı, -i, -u, -ü*, в существительных, заканчивающихся на согласную – аффиксом *-si, -si, -su, -sü*:** Вечера, ночи этих мест заставляли меня забыть обо всем; журчание родников, переливы птиц, блеянье ягнят, лай собак, смешавшись друг с другом, придавали хутору некие краски, другую картину (Bu *yerlərin səhərləri, axşamları* mənə hər şeyi unutdururdu: *bulaqların şırıltısı, quşların ötüşməsi*, *quzuların mələşməsi, itlərin hürüşməsi* bir-birinə qarışaraq, obaya başqa bir rəng, başqa bir şəkil verirdi) [10, 333]. Разумеется, примеров такого рода сколь угодно и среди них преобладают сочетания, в которых обе стороны выражены существительным. В образовании именных словосочетаний III типа на первой стороне сочетания преобладают рабочие варианты аффикса *-lar, -lər*. Частое использование писателями подобных словосочетаний в языке детской литературы, положительно воздействуя на обогащение детского мышления, особенно детского художественного мышления, служит появлению и обогащению у детей первых зачатков художественного воображения. В начале XX века именных словосочетаниях третьего типа, используемых в языке детской литературы XX века, встречается и такая особенность. Так, если в первой стороне участвуют аффикс принадлежности всех трех лиц, тогда эта сторона не принимает аффикс родительного падежа. Во второй стороне же аффикс принадлежности, как правило, применяется: Наша классная комната светлая и большая: над *нашими головами* есть потолок, а под ногами – пол. (Bizim dərs otağımız işıqlı və böyükdür: *Başımız üstündə* tavanı, *ayağımız altında* döşəməsi var) [12, 33]. В языке детской литературы много и именных словосочетаниях третьего типа, первая часть которых используется без аффикса: Мало-помалу привыкал к *ребятам хутора* (Yavaş-yavaş *oba cocuqlarına* alışırdım) [11, 13]; *Капли дождя* стегали войлок шатра над нашими головами (*Yağış damcıları* başımızın üstündə alaçığın keçələrini dum-dum qamçılayırdı) [10, 348].

Предложение. Виды предложений по цели и интонации. В начале XX века язык детской литературы, как уже отмечалось, был прост, ясен, искренен, поэтичен, приглажен и отшлифован. В синтаксисе детского языка наряду с другими благоприятными качествами большее внимание привлекает одна черта. И это большее использование простых предложений сообразно детской речи. В языке детской

литературы при выражении мысли очень велика роль простого предложения для подачи простой информации или же подробного описания.

Простые предложения помогают образованию мышления и интеллектуальной речи у детей. В языке детской литературы находят свое отображение все виды простого предложения по интонации.

Повествовательное предложение. Повествовательные предложения, будучи описательного характера, участвуют в более естественном и обычном образовании общения. По сравнению с предложениями, где сказуемое выражено существительным, повествовательные предложения с глаголом в качестве сказуемого преобладают в большей степени [8, 264]. При описании событий в детских произведениях, особенно широко используются повествовательные предложения, связанные с повествованием: *Поднялись на вершину древней горы. Навстречу нам вышла еще большая гора. Перешли и эту гору. Вышли на простор, подобный царству цветов. Уже дошли. Я* ***чуть не*** *прыгал от радости. Наша повозка остановилась у шатра. Сошли на землю. Нас привели в шатер из войлока. В одно мгновение деревенские женщины и дети окружили нас* [10, 331]; Данный выше текст,, как можно заметить, относится к типу и простых, и развернутых повествовательных предложений, и к тому же завершенное и отшлифованное по строению. Вместе с тем, каждое слово, все члены предложения на своем месте соответствуют грамматической системе. Такие произведения имеют очень большое значение в приобщении детей к прекрасной, правильной речи и усвоению литературного языка, а также нормировании детской речи.

Вопросительное предложение. Вопросительное предложение образуется в языке детской литературы тремя способами. Интонация, вопросительные частицы и вопросительные местоимения являются основными средствами при образовании подобных предложений.

1. Вопросительные предложения, образованные посредством интонации: *Видите ту черную тучку?* [11, 31]; *Это кажется тебе удивительным?* [10, 344].

Как видно из примеров, в детской литературе предложения, образованные вопросительной интонацией нашли достаточное отображение. Вместе с тем, образованные с помощью интонации вопросительные предложения состоят из глагольных и именных предложений.

2. Вопросительные предложения, образованные вопросительными частицами. Отметим, что образованные вопросительными частицы вопросительные предложения создаются преимущественно частицами məgər, bəs, -mi: *Разве* ты можешь бежать? (*Məgər* sən qaça bilirsən?) [10, 378]; *Ну а* ты вовсе не засыпаешь? (*Bəs* sən heç yuxulayıb yatmayırsan?) [5, 50]; Болит *ли* твоя нога*?*(Ayağın *ağrıyırmı)* [2, 35]. В результате исследования становится ясно, что в языке детской литературы по сравнению с частицами məgər, bəs вопросительных предложений с частицей -mi больше. К тому же частица – mı принимают самое деятельное участие не только в образовании риторических художественных предложений, но также и грамматических вопросительных предложений.

3. Вопросительные предложения, образованные вопросительными местоимениями. Как известно, самым распространённым видом вопросительных предло-

жений в нашем языке является образованные вопросительными местоимениями. Это находит свое отображение и в языке детской литературы. Сынок, *почему* плачешь? Сосед, *что* несешь? [12, 39]; Если и ты уйдешь, *кто* будет следить за яйцами в нашем гнезде? [10, 201]; В *какой* комнате спят дети? [10, 418]; Дедушка, *как* обучают воробья? [2, 36]. В вопросительных предложениях, выраженных в показанных в примерах вопросительных местоимениях, главной целью является получение сведений о неизвестном лицу объекте, его признаке и качестве.

Сложное предложение. Простота, ясность и плавность, являющиеся специфическими свойствами синтаксического построения детской литературы, находят свое отображение и в сложных предложениях. В написанных для детей произведениях использованы сложные предложения соответствующие возрасту маленького читателя. Такие предложения развивают мышление детей, обогащают их речь. Необходимо отметить, что в произведениях, написанных для детей младшего возраста, сложное синтаксическое построение бывает в очень простой форме. Большинство сложносочиненных предложений разработаны при этом без союза. «Широкое распространение бессоюзных предложений, прежде всего, объясняется тем, что в процессе первого образования сложного предложения простые предложения в порядке примыкания опирались на логичные требования, отдельные части, составляя некое единство, выражали сложное содержание. При этом наибольшее внимание уделялось интонации, интервалу, а также порядку сторон» [8, 343]. Как видно из примеров, большинство простых предложений в составе сложносочиненных предложений состоят из предложения и сказуемого, в некоторых же случаях легких и ясных для детей второстепенных членов. Подобные предложения бывают друг с другом в однородных отношениях. Известно, что в детских стихотворениях нельзя основываться на длинные сложные предложения. В период дошкольного образования в детских стихотворениях основные предложения бывают ритмичными, динамичными и мелодичными. Подобные предложения можно давать простыми предложениями в максимально лаконичной форме [7, 165]. В некоторых случаях детский писатель, принимая во внимание возрастные особенности маленького читателя, несколько расширяя простые предложения, входящие в состав сложного предложения, вводит в них и второстепенные члены:

Изменилась природа, изменилось время,
В разноцветные цвета окуталось все вокруг.
Экзамен был устроен,
В зале скамейки установлены [213].

В этот период в языке детской литературы бессоюзные сложные предложения использовались и в прозаических произведениях. Наступил вечер, похолодало, из долин подниматься стал туман [2, 28]; Бильгейис села, открыла свою книгу, проведя по голове желтой курицы, сказала [10, 197]. Месяц закончился, год прошел, много снега выпало [5, 24]. Как видно, в построении сложносочиненных предложений, приведенных нами из детской литературы начала XX века, ни один союз не участвует, компоненты сложных предложений – отдельные простые предложения – как в живом разговорном язык, соединены друг с другом интонацией. Эти предложения к тому же могут беспрепятственно быть усвоены маленьким читателем, осесть в его

памяти. Подобные простые, развернутые предложения ребенок долгое время может хранить в своей памяти, что является важным фактором для детской литературы. В детских произведениях эпохи находят свое отражение и сложносочиненные предложения с причинно-следственной связью. Такие предложения, расширяя сферу интересов маленького читателя, вместе с тем, подвигают его на изучение причин событий, то есть на выдвигание суждения, помогает детям выдвигать идеи. *Ноги коровы заскользили на льду, она упала, сломала ногу* [5, 8]; *Солнце зашло, наступил вечер* [10, 161]. Использование выражающих взаимное противоречие сложносочиненных предложений с союзами создает условия для точного и правильного вывода со стороны маленького читателя и быстрого понимания этого: Они долго кружили по лесу, однако не увидели и следа медведя [2, 63]; Когда моя мама была жива, оставляла и меня без обеда, только я проказничал [2, 68]. Как можно заметить, в предложениях, приведенных нами из материалов литературного языка эпохи, наблюдаемые в предложениях союзы, носят формальный характер, и даже при их неучастии эти предложения выражают полностью ясную для ребенка завершенную мысль. Союзы в предложениях используются для усиления стилистически-поэтического момента: В двустишии От страха звери-птицы забились в норы, Только солнце порой выходит на призыв союз *только* использован для усиления мысли, то есть и без использования *только* мысль находит свое полное, законченное выражение. При исследовании в языке детской литературы в сложносочиненных предложениях встречаются союзы, указывающие на участие, разделение и отрицание. Вставай, дочка, пока Солнце не встало, и по саду нашему пройдемся, и для хозяев фрукты соберем [2, 70]; Зейнаб то собирала цветы, то с криком гоняла мотыльков [2, 15]; *Gah* otlayan ceyrana, Yanaşıb yan aslana. Çərtməni bağda *ya* yerə sancardıq, *ya da* ağacda budağa bağlarıq [2, 111]. В языке детских произведений встречаются и выражающие отрицание сложносочиненные предложения: Была такая тишина, что не было слышно ни голоса жизни, не видно ни одного колебания листьев [2, 28]. В начале XX века в детских произведениях, наряду со сложносочиненными предложениями, встречаются и сложноподчиненные предложения. В детских произведениях больше используются и придаточные предложения условия, причины, дополнения, времени.

Придаточное предложение условия. Если бы мог открыть окно, пришел бы и ты, поговорили бы тут [2, 74]; Если бы я был сильным, солнце не растопило бы меня [5, 7]. **Придаточное предложение причины.** замешательство Гюльпери нарастало, так как боялась, что ценные вещи возле неё пропадут [2, 27]; Мурад даже не знал, что ему сделать от страха, так как каждый из гусей тянул Мурада в одну сторону [10, 198]. **Придаточное предложение дополнения**. Агджа-ханум знала, что отец назло своей жене может позволить ей играть с Чернушкой [2, 78]; Дедушка Имамверди знал, что вывих надо поскорее вставить на место [2, 35]; Зайдя домой, Фатима увидела, что там сидит страшная старуха [5, 62]. **Придаточное предложение времени.** Как только открываю глаза, виденная во сне кукла встает перед моими глазами. Тогда, когда ваша служанка пришла и рассказала историю моей матери и попросила меня для того, чтобы я стал твоей куклой [10, 379].

В начале XX века в языке детских произведений для грамматического строения азербайджанского языка преобладали самобытные типы предложений и больше всего используют их с простыми, развернутыми, однородными типами, что вытекает из целей пишущих детские произведения писателей, педагогов: первая цель этих авторов заключалась в том, чтобы объяснить, подвигнуть полюбить родной язык и детей маленького возраста.

Выводы и перспектива. Таким образом, синтаксическое строение детской литературы начала XX века сформировалось, развиваясь на основе грамматического построения азербайджанского народного языка.

Литература

1. Абдуллаев А. Современный азербайджанский язык [на азерб.языке] / А. Абдуллаев, Ю. Сеидов, А. Гасанов. – Баку, 1972

2. Ахундов С.С. Избранные произведения (Чернушка. Школьная библиотека) [на азерб.языке] / С.С. Ахундов. – Баку, 1876

3. Эфендиев Р. Детский сад [на азерб.языке] / Р. Эфендиев. – Тифлис, 1912

4. Гаджиев Т. Азербайджанский литературный язык в начале XX века [на азерб.языке] / Т. Гаджиев. – Баку, 1977

5. Кочарли Ф. Подарок детям [на азерб.языке] / Ф.Кочарли. – Баку, 1967

6. Современный азербайджанский язык. III т. Синтаксис [на азерб.языке] / Баку, 1961

7. Мамедова В.А. Язык и стилистические особенности детских стихов Саххата [на азерб.языке] / В.А. Мамедова. – Баку, 1970

8. Миразаде Г. Историческая грамматика азербайджанского языка [на азерб.языке] / Г. Мирадзаде. – Баку, 1990

9. Миразаде Г. Исторический синтаксис азербайджанского языка [на азерб.языке] / Г. Мирадзаде. – Баку, 1968

10. Шаиг А. Произведения. III т [на азерб.языке] / А. Шаиг. – Баку, 1972

11. Шаиг А. Гюльзар [на азерб.языке] / А. Шаиг. – Баку, 1912

12. Шаиг А. Детские очки [на азерб.языке] / А. Шаиг. – Баку, 1911

Гейдарова З. К. Синтаксичні особливості азербайджанської дитячої літератури на початку XX століття та їх лінгвістичний аналіз / З. К. Гейдарова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 312–319.

У науковій роботі автором досліджено синтаксичні особливості дитячої азербайджанської літератури. Мета написання статті – зробити процес сприйняття навколишнього середовища дітьми більш простим і зрозумілим, тому що вивчаючи синтаксичний лад мови діти зіштовхуються зі складною формою людського мислення. Спостереження над мовою дитячої літератури початку XX століття показують, що однією з характерних ознак літератури цього періоду є міцність, стабільність синтаксичного побудови мовних конструкцій. У статті розглянуті всі типи словосполучень і речень, що зустрічаються в дитячій літературі, наводяться й аналізуються приклади з творів.

Автор доходить висновку, що на початку XX століття в мові дитячих творів з точки зору граматичної побудови переважали самобутні типи речень. Таким чином, синтаксична будова дитячої літератури початку XX століття сформувалась на основі граматичної побудови Азербайжанського народної мови .

Ключові слова: дитяча література, синтаксис, речення, словосполучення.

Heydarova Z. K. Syntactical peculiarities of Azerbaijani children's literature in the early twentieth century and its linguistic analysis / Z. K. Heydarova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 312–319.

In a study the author investigated the syntactic peculiarities of Azerbaijani children's literature. The purpose of this writing is to make the process of perception of the environment easier and more intuitive to chil-

dren. Because during the language learning children face with a complex form of human thinking. Forming a child thinking and baby talk the children's writers in their works build a syntactic constructions in such a way that they are clear and simple, however at the same time are quite complex and rich, equal to the level of children's language. Observations on field og the language of children's literature in the twentieth century has shown that one of the characteristics of the literature in this period is the strength, stability of syntactic constructions in these works, its activity within the normal range. In the language of the investigated children's literature of that period the care of its construction is noted, the sentence seems to be cleared of unnecessary words and phrases, a wide berth is given to short and clear sentences, a series of words are built according to the requirements of grammar. The article deals with all types of phrases and sentences that occur in children's literature, the examples of works are given and analysed.

The author comes to the conclusion that in the early twentieth century in the language of children's books from the point of the grammatical structure of the Azerbaijani language distinctive types of sentences are dominated and most of them are used with simple, constant words and phrases, which follows from the purpose of children's prose writers and educators: the first purpose is explanatory, it encourages love to their native language in the young readers. Thus, the syntactic structure of children's literature at the beginning of the twentieth century has emerged and now is developing on the basis of the grammatical construction of Azerbaini national language.

Key words: children's literature, syntax, sentence, phrase.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 320–324.

УДК 811.111-26

О НЕКОТОРЫХ НЕОЛОГИЗМАХ В АНГЛИЙСКОЙ МОРФОЛОГИИ

Исмаилова Г.[1], Мусаева С.[2]

[1]Военно-Морское Училище им. Г. Алиева
azfolklor@yahoo.com

[2]Высший Азербайджанский Технический Университет

В статье рассматриваются малоизвестные аспекты английской морфологии, приводится анализ частей речи (существительного и местоимения), рассматриваются особенности некоторых грамматических категорий (например, определенности – неопределенности), приводятся примеры в английском языке, собранные авторами. Переосмысливается порядок согласования заимствованных существительных, образование их множественного числа и использование в речи. Рассматриваются виды местоимений (возвратные, указательные, притяжательные и неопределенные) и особенности их правильного грамматического выбора в речи. Отмечается, что при выборе между личным и возвратным местоимением необходимо, в частности, учитывать, что между ними существует ряд смысловых различий. Что касается неопределенных местоимений, то употребление с существительными, обозначающими исчисляемые предметы, становится характерным не только для сравнительной степени – less и для превосходной – least, но также для положительной степени (little, much) и для неопределенного местоимения – a little. В категории указательных местоимений сделан следующий вывод: указательное местоимение this является разговорным синонимом:

а) неопределенного артикля и б) неопределенного местоимения – one – «некий».

Отмечается все большее использование нулевого артикля в речи.

Ключевые слова: неологизмы, английский язык, артикль

Постановка проблемы. В переосмыслении заимствованных существительных, образующих множественное число при помощи суффикса -a, сделан еще один шаг: они теперь не только согласуются с глаголом в форме единственного числа, но и употребляются с неопределенным артиклем. Например: Your article completely ignores the adverse effect that a hostile media has on the situation there (Newsweek).

Правило, гласящее, что при персонификации транспортных средств существительное заменяется личным местоимением -she, нуждается в расширении. -She используется главным образом в речи мужчин применительно не только к транспортным средствам, но вообще к объектам и средствам трудовой деятельности. Например, лесоруб о деревне: She's about to fall.

Интересна наметившаяся тенденция употребления исчисляемых существительных в собирательном значении как неисчисляемых. Например: Buying Cars: More car for less money (рекламное обьявление, записано в Лондоне).

Артикль. Продолжается распространение употребления нулевого артикля. Например: .. taking language out of classroom (из выступления участницы американо-советского симпозиума, австралийки по происхождению].

Местоимение. Личные местоимения. Вместо -he с обобщенным значением, относящимся к лицам обоего пола (например: *When a person has no will to live he is often very difficult to help),* все шире употребляется сочетание-*hes or her* вместо-*hes.*

Притяжательные местоимения. *Your* может использоваться в качестве разговорного синонима неопределенного артикля. Например: *Have you seen your old man in a closed-down market, kicking up a paper with his worn-out shoes?*(из популярной английской песни «Streets of London «).

Возвратные местоимения. При выборе между личным и возвратным местоимением необходимо, в частности, учитывать, что между ними существует ряд смысловых различий. Так, возвратные местоимения используются для передачи в большей степени полноты признака или большей близости к живому существу, чем местоимения личные. Сравните: *Jonh pulled the blanket over himself* и *Jonh puled the blanket over him.* В первом предложении сообщается о том, что Джон укрылся одеялом с с головой, а во втором – что он укрылся одеялом не весь. Еще пример: предложение *Jonh hid thr book behind him* говорится о том же или о том, что книга. Возможно, лежала на стуле, а Джон стоял, загораживая ее; но в любом случае первое предложение – что етого не было. Сравните также: *The dictator was lying at the foot of that statue of him on horseback.* В первом предложении речь идет о том, что диктатор лежал живой и в полном сознании рядом со своей статуей, а во втором – что он был либо мертв, либо без сознания.

Неопределенные местоимения. Употребление с существительными, обозначающими исчисляемые предметы, становится характерным не только для сравнительной степени – *less* и для превосходной – least, но также для положительной степени (*little, much*) и для неопределенного местоимения – *a little*. Например: *You'll find that recipe contains very little dried milk solids*- "малое количество сухих твердых молочных веществ" (сравните: *...very few dried milk soids*-"мало химически различных сухих твердых молочных веществ", т.е. при замене *few* на *little* может происходить изменение значения); *How much royalties do you get from you book?* (данное сочетание ьогло возникнуть по аналогии с *How much in the way of royalties); You'll have to take a little / a few pains if you want to accomplish something.*

Неопределенные местоимения, оканчивающиеся на -*one* и *body,* соотносятся в разговорном стиле с местоимениями множесвонного числа *they, their* и *tremselves,* а также с особой формой единственного числа *tremself* и взаимным местоимением *one another.* Например: *Anyone can talk to me about tremselves / tremself; But everyone I know is either shouting or dancing around like wild or beating up one another* (R. Bradbury). С другой стороны, *they, their* и *tremselves* могут сочетаться не только с местоимениями, оканчивающимися на – *one* u – *body*, но также и с неопределенным местоимением – *each,* а в официальном стиле – с существительным в единственном числе, в том числе с имением собственным. Например: *They finished two bottles of champagne but, as before, because of what each had on their mind, while it lifted their spirits the occasion was not a gala one* (D. Daniels); *No other industry [than the airlines]*.

would alow a customer to reserve a perishable commodity, then not make them pay for it if they did not use it; If there is a Barbara Wassman on board, could they make themselves known to the cabin? В последнем предложении подразумевается, что екипажу точно не известно, есть ли на борту пассажирка с такой фамилией. Если бы предполагалось, что, есть, то объявление звучало бы так: *If there is a Barbara Wassman on board, could she make herself known to the cabin?*

Помимо смыслового оттенка отсутствия уверенности (как в предпоследнем примере) местоимения *they, their* и *tremselves* служат для передачи обобщенных значений. Например: *I know a member of this club who, for the obvious reason of being chairman of the nominating committee, cannot nominate tremselves* . Здесь употреблении *tremselves* преследует цель придать высказыванию характер обобщения: показать, что данных принцип распространяется на всех председателей подобных комитетов, а также избежать указания на пол председателя (этому не мешает употребление слова *chairman* поскольку оно не может относиться как к мужчине, так и женщине).

Указательные местоимения. Относительно выбора между-*this* и -*that* дополнительно отметим следующее. – *This* является разговорным синонимом:

а) неопределенного артикля и б) неопределенного местоимения – one- «некий». В значении «а»- this употребляется после *There was* для введения персонажа устного рассказа. Например: *There was this traveling salesman, and he* .. В значении «б» употребление -*this* оживляет изложение и привносит оттенок некоторого пренебрежения, в то время как – one свидетельствует о наличии официальных отношений между собеседниками. Сравните: *This Fred Snooks turn out to have 24 cats One Fred Snooks was found to be in possession of dangerous drugs.*

При сообщении дополнительной информации о человеке или предмете, упомянутом в предыдущем высказывании. – *that* характерно для разговорного стиля, в то время как в нейтральном стиле употребляются как *this* так и -*that.* Сравните: разг. *John likes to kick puppies. That man's gonna get his, («ему достанется) one of these days! John likes to kick puppies. That / this man will be fined one of these day!*

При соотнесенности с предшествующим высказыванием в целом -*this* и -*that* различаются не только тем, что первое более характерно для американского, а последнее – для британского варианта. Между ними есть еще два существительных различия. Во-первых, поскольку -*this* чаще используется в речи для введения последующего высказывания, а -*that* – для ссылки на уже высказанное, то в тех случаях, когда в последней функции используется -*this* слушающий все же ожидает продолжения. При употреблении -*that* такого ожидания нет.

Во-вторых, такое употребление -*this* ограничено монологической речью, в то время как -*that* употребляется как в монологе, так и диалоге. Сравните монолог: *Dick says that the Republicans may have credibility problems. This / -that is an understatement* и диалог: "*Dick [..]. problems". – "That is an understatement".*

Употреблении -*that* часто свидетельствует об эмоциональной близости собеседников. Например, механик гаража может спросить водителя-мужчину(но не женщину): *Check that oil?* -"Проверил масло?". Сравните также: *That left front tire is pretty worn u Your left front tire is pretty worn.* Первое предложение могло быть вы-

сказано механиком, а второе – полицейским автоинспектором, отношения с которым у водителя значительно более официальные.

Выводы и перспектива.

Употребление -*that* и его синонимов -*your* и -*the* характерно при выражении сочувствия в вопросах о травмах и болезнях. При этом -*that* и -*the* носят более разговорный характер, чем -*your*. При употреблении последнего говорящий явно показывает, что болен не он. Это привносит оттенок отчужденности, которого лишены -*that* и – *the* . Они же свидетельствуют о том, что говорящий уже в течение некоторого времени знал о болезни собеседника и был обеспокоен ею. Например: *How's that throat?* В ответе можно употребит -this как синоним притяжательного местоимения – *my: This throat is better, thanks.*

Таким же образом -that употребляется в дружеских советах типа *Soak that toe twice a day*- «Делайте ванночку для пальца два раза в день» и *Button that lip* – «Попридержи язык». При выборе между употреблением указательных местоимений -*this* и -*that* и личного -*it* необходимо, следующее. Если в предыдущем высказывании есть распространенное словосочетание, последующее указательное (но не личное) местоимение может быть относиться к нему в целом (а) и (реже) к одному из его компонентов (б). Например: а*) I read a story about the theory of evolution. That / this look a long time to read* (указательное местоимение относится ко всему словосочетанию *a story about the theory of evolution*); б) *I read a story about the theory of evolution. That / this / it took a long time to gain popular acceptance* (указательное местоимение, как и личное -it, относится к the theory of evolution компоненту словосочетания *a story about the history of evolution*). Сравните также: I *read a story about the theory of evolution. That / this look a long time to understand*. Здесь с -*that*более вероятно значении «а», а с -this- «б»: -*Do that, -do it* и -do so часто взаимозаменяемы. Например: А) Rover *is scratching the door.* В) *Yes, he always does that / it / so when he wants attention; Mr.Brown goes to the hospital for treatment every week: in fact he has been doing that / it / so ever since I have known him.*Но между ними есть и смысловые различия. -*Do it* характерно для случаев, когда речь идет об одном и том же действии, а -*do so*- при описании однотипных действии. Сравните: *Martin is painting his house. I'm told he does it every four years* (т.е. делает одно и то же) *Martin is painting his house. I'm told this is merely because his neighbour did so last year*(т.е.производит действие того же типа). -*Do that* отличается от -*do it* в двух отношениях.

Во-первых. – *that* более информативно и чаще несет логическое ударение, чем – *it.* Сравните: *Is Connie still trying to light the stove? She should have DONE it by NOW* и *Are you trying to light the stove with a match? I wouldn't do THAT.*

Во- вторых, *do it,* в отличие от *do that,* употребляется с более ограниченным числом сказуемых, а именно с такими, которые передают действия субъекта, контролируемые им самим. Сравните: *A)When you chop off a chicken's head and its already dead, it still kicks a few times. B)Why does it do THAT? A [..]. B / I wonder how it DOES it.*

Литература

1. Ganshina M. English grammar / M. Ganshina, N. Vasilyevskaya. – Москва: Высшая школа, 1964

2. Murphy R. English grammar in USE [Murphy (advanced) / R. Murphy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 360 p.
3. Рагимов И. Грамматика английского языка / И.Рагимов. – Баку: Маариф, 1966. – 317 с.

Ісмаїлова Г. Про деякі неологизми в англійській морфології / Г. Ісмаїлова, С. Мусаєва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 320–324.

У статті розглядаються маловідомі аспекти англійської морфології, наводиться аналіз частин мови (іменника і займенника), розглядаються особливості деяких граматичних категорій (наприклад, визначеності-невизначеності), наводяться приклади в англійській мові, зібрані авторами. Розглядаються види займенників та особливості їх правильного граматичного вибору в мові. Відзначається, що пыд час вибору між особистим і зворотним займенником необхідно, зокрема, враховувати, що між ними існує ряд смислових відмінностей. Що стосується невизначених займенників, то вживання з іменниками, що позначають обчислювані предмети, стає характерним не тільки для порівняльної ступеня – less і для вищої – least, але також для позитивної ступеня (little, much) і для невизначеного займенники – a little. В категорії вказівних займенників зроблено наступний висновок: вказівний займенник this є розмовним синонімом:

а) невизначеного артикля і б) невизначеного займенники – one – «якийсь».

Відзначається все більше використання нульового артикля в мові.

Ключові слова: неологізми, англійська мова, артикль

Ismailova G. Some neologisms in English morphology / G. Ismailova, S. Musaeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 320–324.

The article examines a little-known aspects of English morphology, analyses the parts of speech (nouns and pronouns), discusses the features of some grammatical categories (for example, certainty – uncertainty), provides the reader with the examples in English language, that are compiled by the authors. The authors rethought the approval procedure according to the borrowed nouns, the formation of the plural and its usage in the speech. The types of pronouns (reflexive, demonstrative, possessive and indefinite) and their choice in the speech due to its correct grammatical features are examined. It is noted that when we make the choice between personal and reflexive pronoun we should take into account that there are a number of semantic distinctions between them. As for the indefinite pronouns, the use of nouns denoting countable items is characteristic not only of the comparative degree – less and superlative degree- least, but also for the positive meaning (little, much) and for an indefinite pronoun – a little. In the category of demonstrative pronouns is concluded that the demonstrative pronoun is a colloquial synonym to:

a) the indefinite article, and b) an indefinite pronoun – “one”.

The increasing usage of zero article in the speech is noted.

Key words: neologisms, English language, the article

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 325–330.

УДК 81’373. 72

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА, ВХОДЯЩИХ ВО ФРАЗЕО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЭМОЦИИ»

Чернобай С. Е., Фукова Т. А.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
E-mail: svetoniy@mail.ru

В статье рассматриваются структурные и семантические особенности фразеологических единиц английского языка, входящих во фразео-семантическое поле «эмоции». Подчеркивается актуальность междисциплинарного характера исследования ввиду привлечения данных психологии для изучения языковых средств, в частности особенности выражения эмоциональных состояний во фразеологии. Были рассмотрены термины «эмоции» и «чувства». В ходе исследования было описано 8 фразео-семантических групп: страх, волнение, гнев, грусть, стыд, радость, счастье, удовлетворение. Определено, что количество эмоциональных ФЕ с отрицательной оценочностью в английском языке преобладает над количеством эмоциональных ФЕ с положительной коннотацией, что может быть объяснено большей дифференцированностью отрицательных эмоций, более острой эмоциональной и речемыслительной реакцией людей именно на отрицательные явления. По структуре среди исследуемых ФЕ преобладают многовершинные глагольные фразеологизмы (100 единиц, что составляет 74% от общего количества)

Ключевые слова: фразеологизм, семантика, структура, эмоции, чувства, фразео-семантическое поле.

Постановка проблемы. С помощью языка, являющегося мощным средством выражения человеческой индивидуальности, люди передают не только мысли, но и чувства, эмоции. Чувственные основы языка не менее важны, чем его логические основания. Язык является ключом к изучению эмоций. Он выражает, описывает, категоризирует и классифицирует эмоции, формирует эмоциональную картину мира, составной частью которой являются фразеологические средства выражения эмоций [1, 35]. Данное исследование является **актуальным** ввиду его междисциплинарного характера, позволяющего описать особенности вербализации эмоциональных состояний фразеологическими средствами и выявить основные характеристики эмоциональной картины мира британцев. **Материалом** исследования послужили 135 ФЕ, отобранных методом сплошной выборки из англоязычных лексикографических источников, входящих во фразео-семантическое поле «эмоции». Был использован **метод** компонентного анализа, который позволил рассмотреть семантические и структурные особенности исследуемых фразеологических единиц.

Эмоции (от лат. emovere – возбуждать, волновать) – особый вид психических процессов или состояний человека, которые проявляются в переживании каких-

либо значимых ситуаций (радость, страх, удовольствие), явлений и событий в течение жизни. Эмоции являются одним из главных регуляторов психической жизни и возникают в процессе практически любой активности человека.

Представляя собой группу очень сложных и многообразных психических явлений, эмоциональные переживания с трудом поддаются общему анализу. В связи с этим в психологии до сего времени не создано общепризнанной классификации эмоций [1, 54]. Существующие попытки такой классификации часто исходят всего лишь из разного понимания относящихся к данной проблеме терминов. Так, по мнению одних, термин «эмоция» должен быть отнесен только к простейшим эмоциональным состояниям, связанным с удовлетворением или неудовлетворением элементарных органических потребностей, а термин «чувства» – к субъективным переживаниям, источником которых являются высшие потребности человека, возникшие в процессе исторического развития человеческого общества. Другие, наоборот, чувствами называют элементарные процессы, а эмоциями – сложные комплексы, состоящие из чувств и ощущений. Третьи рассматривают чувства как устойчивые субъективные переживания, «укоренившиеся особенности человека», а эмоции лишь как особую форму непосредственного переживания чувств, например состояние наслаждения, восхищения, возмущения. Четвертые считают характерным для эмоций, в отличие от чувств, их яркое внешнее выражение, сближая их с аффектами, и т. д. [2, 34].

Эмоции могут быть более удачно разделены на составляющие их виды в зависимости от характерных для них признаков длительности и интенсивности психического переживания. При этом термин «эмоции» употребляется как родовое понятие, обозначающее все психические процессы и состояния данной группы, а отдельными классами или видами эмоций будут настроения, чувства и аффекты. Эмоции составляют ядро мотивационной структуры человека. Они влияют на наши мысли и поступки в повседневной жизни, а порой и драматически изменяют судьбу человека. Человеческое поведение зиждется на эмоциях, они активизируют и организуют восприятие, мышление и устремления человека [2, 21].

В качестве способа изучения языковых средств выражения этих состояний выбран метод семантического поля. Семантическое поле выступает как объединение единиц семантического уровня – семем – на основе наличия общих смыслов для всех элементарных единиц и характеризуется относительной автономностью, непрерывностью смыслового пространства, психологической реальностью для наивного пользователя языка. Семантическое поле – совокупность явлений или область действительности, имеющие в языке соответствие в виде тематически объединенной совокупности лексических единиц. Семантическое поле времени, семантическое поле пространства, семантическое поле душевных переживаний и т. д [3, 37]. Фразео-семантическое поле представляет собой совокупность фразеологических единиц (ФЕ), объединенных общностью значения и отражающих понятийное сходство обозначаемых явлений. Внутри ФСП выделяются субполя и микрополя. Фразеологические единицы ярче и глубже характеризуют эмоциональное состояние, чем лексические единицы, поэтому они являются семантическими центрами микро и макро текста [4, 18].

В силу ряда объективных факторов в работе подвергаются анализу ФЕ, выражающие наиболее экспрессивные и богатые по своей внутренней форме эмоциональные состояния, условно объединённые в две группы: 1) отрицательные эмоции (страх, волнение, гнев, грусть, стыд) и 2) положительные эмоции (удивление, радость, любовь]. Одним из основных свойств, которые выделяются при определении семантики предикатов эмоционального состояния, является инактивность субъекта, его "страдательность", так как состояние не требует приложения каких-то усилий, энергии для своего поддержания. Характер, интенсивность и протекание ЭС зависят не только от его субъекта, но и от внешнего источника, являющегося причиной данного ЭС [5, 64].

Во фразео-семантическом поле эмоционального состояния противопоставляются группы ФЕ, характеризующие удовлетворение, радость (*to be in high spirits* ‘быть в хорошем настроении’; *as pleased as Punch* ‘очень доволен, рад – радёшенек’; *in the seventh heaven* ‘на седьмом небе от радости’), удовольствие (*draw pleasure / take pleasure in* ‘получать удовольствие’), удивление с одной стороны, и неудовлетворение, уныние (*to be in low spirit* ‘быть в плохом настроении’), неудовольствие (*hot under the collar* ‘рассерженный, возмущенный’), тревогу, ужас, отчаяние (*at bay* ‘в отчаянном положении, припертый к стене’), страх (*to have cold feet* – ‘похолодеть от ужаса’; *to give smb. the creeps* – ‘привести кого-либо в содрогание’), недоумение с другой стороны.

Кроме относительных в исследуемом материале встречаются и градуальные оппозиции. Это противопоставление членов ряда, характеризующееся разной степенью (градацией) одного и того же признака. Градуальную оппозицию можно представить фразеологическими единицами, характеризующими степень интенсивности отрицательных и положительных эмоций. Встречаются и случаи эквиполентных оппозиций внутри некоторых групп фразеологических единиц. Эквиполентные оппозиции – это противопоставление по одному дополнительному дифференциальному признаку: *Hot under the collar* ‘рассерженный, возмущенный’ – удовольствие; *derive pleasure* ‘получать удовольствие’ – страх; *in a blue funk* ‘в паническом состоянии, в панике’ – радость; *pride and joy* ‘гордость и радость’ – гнев; o*ne's blood is up* ‘вышел из себя’ – вдохновение; *snock of joy* ‘прилив радости’ – ужас; *one's blood turned to ice* ‘кровь застыла в жилах’ – любовь; *be fathoms deep in love* ‘быть безумно влюблённым’ – отчаяние; *come to a fine (pretty) pass* ‘попасть в очень трудное положение’ – счастье.

Фразео-семантическое микрополе отрицательных эмоций:

1) ФЕ, выражающие отчаяние: *at bay* ‘в отчаянном положении, припертый к стене’; *have one's back to the wall* ‘быть припертым к стенке’; *pull the devil by the tail* ‘биться как рыба об лед’; *be on one's beam ends* ‘быть в тяжелом положении’.

2) ФЕ, выражающие ужас: *one's blood turned to ice ‘* кровь застыла в жилах’; *get the shivers – ‘*содрогаться от ужаса, мороз по коже подирает, мурашки по спине бегают’; *to have cold feet* – ‘похолодеть от ужаса’; *to give smb. the creeps* – ‘привести кого-либо в содрогание’.

3) ФЕ, выражающие гнев: *one's blood is up* ‘вышел (вышла) из себя’; *savage as a meat ax(e)* ‘взбешенный, рассвирепевший’; *break the camel's back* ‘переполнить чашу терпения’; *get smb. 's back up* ‘рассердиться, разозлиться’.

4) ФЕ, выражающие злобу: *flash (shoot) fire* ‘метать искры (о глазах)’; *bad blood* ‘вражда, озлобление’; *in blood* ‘яростный, злой’; *be out in the field* ‘быть враждебно настроенным’; *flip one's lid* ‘потерять голову, рехнуться, спятить’.

5) ФЕ, выражающие страх, панику: *in a blue funk* ‘в паническом состоянии’; *take (the) alarm* ‘впасть в панику’.

6) ФЕ, выражающие тревогу: *on the bench (seat)* ‘в тревоге, обеспокоенный’; *on the anxious bench* ‘в тревоге, обеспокоенный’; *be off one's balance* ‘потерять равновесие, нервничать’; *nervous as a cat* ‘очень нервный’; *all of a doodah* ‘в состоянии возбуждения, в волнении’.

7) ФЕ, выражающие уныние: *(as) miserable as a bandicoot* ‘жалкий, несчастный’; *be in the blues* ‘быть в угнетенном состоянии’; *knit one's brows* ‘нахмурить брови, нахмуриться’; *off colour* ‘не в духе, в плохом настроении’;

blue devils ‘уныние, тоска, меланхолия.’

Фразео-семантическое микрополе положительных эмоций:

1) ФЕ, выражающие радость: *from ear to ear* ‘широко улыбаться’; *as pleased as Punch* ‘очень доволен, рад – радёшенек’; *in the seventh heaven* ‘на седьмом небе от радости’; *pride and joy* ‘гордость и радость’; *snock of joy* ‘прилив радости’; *burst out laughing* ‘разразиться смехом’; *die with laughter* ‘умереть со смеху’; *laugh oneself into convulsions* ‘смеяться до упаду’; *tread on air* ‘радоваться’.

2) ФЕ, выражающие счастье: *to be in high spirits* ‘быть в хорошем настроении’; *be fathoms deep in love* ‘быть безумно влюбленным’; *be in alt* ‘в приподнятом настроении’; *one’s cup was full* ‘его счастье было безмерным’; *float on a cloud / on clouds / on the clouds* ‘ликовать, радоваться, чувствовать себя очень счастливым’; *be / jump over the moon* ‘быть очень счастливым’; *be (или sit) on top of the world* ‘находиться на верху блаженства, чувствовать себя счастливее всех на свете’.

3)ФЕ, выражающие удовольствие: *derive pleasure* ‘получать удовольствие’; *delirious with delight* ‘бредить от наслаждения / удовольствия’; *grin from ear to ear* ‘улыбаться на все тридцать два’.

При изучении структуры исследуемых ФЕ применяется классификация по соотнесенности фразеологизмов с определенными частями речи (так называемая смысловая классификация).В основу разделения принадлежность основного слова выражения к какой-либо части речи [6]. Выделены были следующие группы ФЕ:

1. глагольные устойчивые сочетания:

Be in a cold sweat; To be in high spirits; To give smb. the creeps.

2. устойчивые сочетания с прилагательными:

(As) miserable as a bandicoot; Nervous as a cat- очень нервный; blue funk.

3. устойчивые сочетания с существительными:

Pride and joy; Snock of joy.

4. устойчивые выражения с предлогами:

On the anxious bench;In a blue funk; In the seventh heaven.

Среди исследуемых ФЕ преобладают многовершинные глагольные фразеологизмы (100 единиц, что составляет 74% от общего количества).

Выводы и перспектива. В статье были проанализированы 135 ФЕ, входящих в состав фразео-семантического поля «эмоции», а также рассмотрены их структурно-семантические особенности. ФЕ, выражающие эмоции и чувства человека, являются одной из значимых областей фразеологического фонда и, соответственно, английской языковой картины мира. Количество ЭФЕ с отрицательной оценочностью в английском языке преобладает над количеством ЭФЕ с положительной коннотацией, что может быть объяснено большей дифференцированностью отрицательных эмоций, более острой эмоциональной и речемыслительной реакцией людей именно на отрицательные явления. В статье рассматриваются 8 фразео-семантических групп: страх, волнение, гнев, грусть, стыд, радость, счастье, удовлетворение. Распределение ФЕ по фразеосемантическим подгруппам проводилось на основе их идентификации с интегральными семами. Что касается особенностей структуры исследуемых ФЕ, то преобладают многовершинные глагольные фразеологизмы (100 единиц, что составляет 74% от общего количества).

Средством воплощения культурно-национальной специфики ЭФЕ служит образное основание, а способом указания на эту специфику является интерпретация образного основания в зеркале национальной культуры данного языкового сообщества. Такого рода интерпретация ЭФЕ на основе соотнесения их ассоциативно-образных восприятий со стереотипами, отражающими народный менталитет, раскрывает их культурно-национальный смысл и характер, которые и являются содержанием национально-культурной коннотации. Ввиду это перспективно изучение национально-культурной специфики английских фразеологизмов, входящих во фразео-семантическое поле «эмоции».

Литература

1. Додонов Б.И. В мире эмоций / Додонов Б.И. – К., 1987. – 124с.

2. Васильев И.А. Роль интеллектуальных эмоций в регуляции мыслительной деятельности / Васильев И.А / / Психологический журнал. – 1998. – №4. – С. 49 – 60.

3. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка / Шанский Н.М. – М., 1964. – 148с.

4. Выготский Л.С. Проблема эмоций / Выготский Л.С / / Вопросы психологии. – 1985. – №3. – С. 17–23.

5. Изард К. Е. Эмоции человека / Изард К.Е. – М.: Просвещение, 1990. – 124с.

6. Кунин А.В. Курс фразеологии современного языка: Учеб. Для ин-тов и фак. иностр. яз. – [2е., перераб.] / Кунин А.В. – М.:Высш. Шк., Дубна : Изд. Центр «Феникс», 1996. – 381с.

Чорнобай С. Є. Структурно-семантична характеристика фразеологічних одиниць англійської мови, що входять до фразео-семантичного поля «емоції» / С. Є. Чорнобай, Т. О. Фукова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 325–330.

Ця стаття розглядає структурні та семантичні особливості англійських фразеологічних одиниць, що входять до фразео-семантичного поля «емоції». Зазначена актуальність міждисциплінарного характеру дослідження, тому що застосовуються дані психології для вивчення мовних засобів, а саме особливостей вираження емоційних станів у фразеології. Було розглянуто терміни «емоції» та «почуття». В ході дослідження було описано 8 фразео-семантичних груп: страх, хвилювання, гнів, смуток, сором, радість, щастя, задоволення. Визначено, що кількість емоційних ФО з негативною оцінкою в англійській мові переважає над кількістю емоційних ФО з позитивною конотацією. Це можна пояснити біль-

шою диференційованістю негативних емоцій, більш гострою емоційною та мовленнєвою та розумовою реакцією людей саме на негативні явища. За структурою серед досліджуваних ФО переважають багато вершинні дієслівні фразеологізми (100 одиниць, що складає 74 % від загальної кількості].

Ключові слова: фразеологізм, семантика, структура, емоції, почуття, фразео-семантичне поле.

Chornobay S. Y. Structural and semantic charactersitcs of english idioms constituting the semantic field “emotions” / S. Y. Chornobay, T. O. Fukova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 325–330.

The article scrutinizes semantic and structural peculiarities of English idioms which constitute the semantic field “Emotions”. The topicality of the interdisciplinary research is highlighted as it gives the opportunity to use the psychological data for study of the language means, namely the peculiarities of expressing the emotional states within phraseology. This approach also allows to define the main characteristics of the emotional picture of the world of the British. The method of the componential analysis is used to research the structure and the semantics of the phraseologisms under scrutiny. The differentiation between the terms “emotions” and “feelings” is presented in the article. Emotions are defined as a specific kind of psychic processes or the human being’s states which are exposed through experience of meaningful situations such as joyfulness, fear, satisfaction, or phenomena and events during one’s life. Emotions are the main controller of the psychic life and appear in the process of any human activity. There is no unanimity among the scientists concerning the definition of the terms “emotions” and “feelings”. Some think that the term “emotions” should be applied only to the simplest emotional states connected with the satisfaction or non-satisfaction of the essential natural needs while the term “feelings” should be applied to the subjective experience the cause of which are the highest needs of the human beings, having appeared in the process of historical development of the human society. Other scientists consider feelings to be the essential processes and emotions to be complicated complexes consisting of feelings and sensations. The rest view feelings as stable subjective experience in contrast with emotions being a special form of immediate experience of feelings, e.g. the state of admiration or indignation. The description of eight phraseosemantic groups including ‘fear’, ‘anxiety’, ‘anger’, ‘sadness’, ‘shame’, ‘joyfulness’, ‘happiness’, ‘satisfaction’ is presented in the article. It has been defined that the quantity of emotional phraseologisms with negative connotation in English prevails over the quantity of emotional phraseologisms with positive connotation. This can be explained by more differentiation of negative emotions, by acuter emotional and speaking or mental reactions of people to negative phenomena. According to the structure of the phraseologisms under analysis multipeak verbal phraseologisms prevail (100 items which constitute 74 % of the whole amount of the scrutinized phraseologisms].

Key words: phraseologism, semantics, structure, emotions, feelings, semantic field.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 331–336.

УДК 81’373. 72

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВЕРБАЛИЗИРУЮЩИХ КОНЦЕПТЫ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Чернобай С. Е., Мансурова А. В.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
E-mail: svetoniy@mail.ru

В статье подчеркивается актуальность междисциплинарного характера исследования ввиду привлечения данных лингвокультурологии для изучения языковых средств, в частности особенности вербализации этномаркированных концептов британской лингвокультуры «свой – чужой» во фразеологии. Определена роль концептов в репрезентации культуры. Совокупность концептов образует концептосферу данного народа и соответственно данного языка, что имеет непосредственное отношение к языковой картине мира. В микрополе «свой – чужой» противопоставляются группы ФЕ, характеризующие упорство, усердие, эгоизм, уверенность, скованность. Рассмотрено понятие семы и описаны некоторые из ее видов, в частности эксплицитные и имплицитные семы, четкие и нечеткие семы, позитивные и негативные семы, грамматические семы, которые проиллюстрированы соответствующими примерами исследуемых ФЕ.

Ключевые слова: фразеологизм, семантика, концепт, «свой – чужой», фразеосемантическое поле.

Постановка проблемы. Рассмотрение фразеологических единиц как языковых знаков позволяет изучать их в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, которая «исследует прежде всего живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа» [1, 218].

Концепты "свой / чужой" характеризуются универсальностью, которая обусловлена ее гносеологической значимостью, она влияет на действия и поведение человека. В лингвистике парный концепт "свой / чужой" исследуют достаточно широко: с точки зрения межкультурной прагматики, с позиции языковых картин мира. Оппозиция «свой / чужой» является базовым и дискуссионным концептом для целого ряда гуманитарных наук, в частности, филологии, культурологии, философии, этнологии, социологии, психологии и др. Сложный многоуровневый характер концепта «свой / чужой» обусловливает **актуальность** исследования. **Материалом** исследования послужили 137 фразеологических единиц, отобранных из англоязычных фразеологических словарей. В данном исследовании использован метод сплошной выборки, позволивший отобрать из словарей фразеологические единицы, вербализирующие концепт «свой / чужой». Также использован метод компонентного анализа, целью которого является разложение значения на минимальные семантические

составляющие. Этот метод позволил рассмотреть семантические особенности исследуемых ФЕ.

Термин «концепт» появился в научной литературе лишь в середине XX века, хотя его употребление зафиксировано в 1928 г. в статье С. А. Аскольдова «Концепт и слово». Под концептом автор понимал «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [2, 267].

Концепт как лингвокогнитивное явление – это единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [3, 90]. С позиций когнитивной лингвистики концепт понимается как заместитель понятия, как «намек на возможное значение» и как «отклик на предшествующий языковой опыт человека» [4, 282], т.е. концепт трактуется как индивидуальный смысл в отличие от коллективного, словарно закрепленного значения. Совокупность концептов образует концептосферу данного народа и соответственно данного языка, что имеет непосредственное отношение к языковой картине мира. Лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими: концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. в конечном счете, на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида.

«Свое и чужое» – один из центральных концептов культуры. Следовало бы точнее определять его как «свое – чужое», по примеру «времени – пространства» («хронотопа») М. Бахтина. Эти концепты носят универсальный характер, поскольку они присущи художественному творчеству, научному и бытовому мышлению. В основе всякого сравнения и сопоставления лежат механизмы тождества и различения своего и чужого.

«Свой» – означает собственный, особенный, личный, отдельный, значимый «сам собой», имеющий «собь» – «существа». Возможно, что слово “чужой” пришло в русский язык от tjudjь – «народ» (заимствование из готского языка). «Чужой», таким образом, принадлежит иному народу. «Чужой» не имеет личности, собственного лица, отдельности. «Чужое» – не вычлененное, лишенное существа. Сопоставление данных концептов включает: 1) осмысление «своего» на фоне «чужого»; 2) «отстранение» своего и придание «личного» чужому. При сравнении начинают действовать прямые и обратные связи. Важен и тот случай, когда удаляется «свое» и приближается «чужое».

Концепты «своего» и «чужого» содержат моменты самоотрицания. В качестве примера приведем значение слова «свой» в английском языке (one's own]. Внутренняя форма слова содержит отчетливую семантику владения, обладания, принадлежности. Родственное, родное, ближайшее и есть «свое». Подобно этимологии русского слова «свой», one's own означает также и «самостоятельный, свободный». Диалектика «своего-чужого» / «чужого-своего» проясняет представление о том, что нельзя свести друг к другу свою и чужую концептосферы. Здесь возможно лишь

приближение с учетом аналогий, подобий, эквивалентности, лакун и смысловых зияний. Оппозиция «свое – чужое» принимает форму «глубинное – поверхностное». Свое – глубокое; чужое – странное, поверхностное, неизведанное, интересное.

По своей природе человек все свое родное воспринимает как нечто положительное и позитивное, а чужое на подсознательном уровне вызывает негативные, отрицательные эмоции. Это противопоставление в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения.

В микрополе «свой» / «чужой» противопоставляются группы ФЕ, характеризующие упорство, усердие, эгоизм, уверенности, скованность. Например, выделяются: 1) фразеологические единицы, характеризующие упорство, усердие: *«of one's own accord»- «по собственному желанию», «off one's own bat»- «без посторонней помощи, своим трудом»;* 2)фразеологические единицы, характеризующие эгоизм: *«turn smth to good account»- «извлечь выгоду из ч-л, использовать ч-л в своиз интересах», «play for one's own hand»- «действовать в своих интересах, соблюдать свою выгоду*»; 3)фразеологические единицы, характеризующие недостатки: *«beam in one's eye»- «бревно в своем глазу», «every bean has its black»- «нет боба без пятнышка»;* 4)фразеологические единицы, характеризующие скованность, неуверенность: *«be in the wrong place»- «быть не в своей тарелке», «be out of one's element»- «быть не в своей стихии»;* 5)фразеологические единицы, характеризующие уверенность: *«be in one's element»- «быть в своей стихии», «be on one's own garden»- «быть в привычной обстановке».*

В качестве способа изучения языковых средств выбран метод семантического поля, под которым понимается совокупность явлений или область действительности, имеющие в языке соответствие в виде тематически объединенной совокупности лексических единиц [5, 37]. Семантическое поле выступает как объединение единиц семантического уровня – семем – на основе наличия общих смыслов для всех элементарных единиц и характеризуется относительной автономностью, непрерывностью смыслового пространства, психологической реальностью для наивного пользователя языка. Фразео-семантическое поле представляет собой совокупность фразеологических единиц (ФЕ), объединенных общностью значения и отражающих понятийное сходство обозначаемых явлений.

При анализе значения фразеологизмов важно вычленение сем, семантических элементов, меньших, чем тот или иной аспект фразеологического значения. Чешский лингвист В. Скаличка ввел термин «сема» для обозначения микроэлемента плана содержания. Семы – своего рода «атомы» значения, входящие в состав макроэлементов – аспектов значения. Семы можно определить как микроэлементы значения, обозначающие реальные или воображаемые признаки денотатов. В.Г. Гак выделяет три типа сем: архисемы (общие семы родового значения), дифференциальные семы видового значения и потенциальные семы, отражающие побочные характеристики обозначаемого объекта [6, 371].

1. По характеру выявленности в значении выделяются **эксплицитные** и **имплицитные** семы. Эксплицитные семы – информация, непосредственно представленная в значении. Они могут быть буквальными и образными. Под имплицитными

семами понимаются те элементы значения, которые присутствуют в плане содержания, но отсутствуют в плане выражения. Имплицитные семы передают объем имплицитной информации в структуре значения. Имплицитность в сфере фразеологии связана с лаконизацией значения, с асимметрией плана содержания и плана выражения. Семы «своего» и «чужого» выделяются в пословице *«Every man is the architect of his own fotrune»*. Данная ФЕ означает» everybody is able to achieve his / her aims that bring happiness and satisfaction, but to achieve this, it's quite important to make every effort». Это значение является сигнификатом ФЕ, денотативный аспект – все высказывание, поступки, которые необходимо выполнить человеку, а также старания и усилия, которые прилагает человек, чтобы добиться успехов в жизни, коннотативный аспект – экспрессивность, создаваемая образностью. Архисема – «факт того, что у человека есть цели и задачи в жизни». Дифференциальная сема – «целеустремленность, самоуверенность» и т.п., т.е. то, чем обладает человек, чтобы добиться своего счастья. Образные семы могут вычленяться не только в пословице, но также и ФЕ других структурных типов, например, во фразеологизмах: *«lift oneself by one's own bootlaces» – «выбираться в люди благодаря собственным усилиям», «pick smb's brains» -«использовать чужие мысли», «eat smb's bread» – «есть чужой хлеб», «a cock in valiant on his own dunghill» – «на своей навозной куче и петух храбрец», «keep one's counsel» – «не высказывать своих взглядов»*. Информация в эксплицитных семах непосредственно представлена в значении. Они могут быть буквальными или образными, например, буквальная сема «есть чужой хлеб, жить за чужой счет» вычленяется в пословице «eat smb's bread». Примером образной семы может служить ФЕ *«East or west home is best»- в гостях хорошо, а дома лучше.* В данной пословице идет сравнение своего и чужого – дома и неродного места. Имплицитные семы представлены в таких ФЕ как: *Beam in one's eye – «бревно в своем глазу», No garden without its weeds- «Нет розы без шипов».*

2. Классификация сем по содержанию предполагает также выделение **четких** и **нечетких** сем. «Четкие семы – это семы, содержание которых лишено субъективизма .. Нечеткая сема имеет размытое, нечетко очерченное содержание .. Подобные нечеткие семы представляют собой понятия, имеющие объективное, общее для всех содержание, но субъективный объем» [7, 67]. Например, четкой архисемой в фразеологизме **«***cut from the same cloth***»** является отрицательная оценка мужчины и женщины. Денотат, обозначаемой этой ФЕ, определяется как «two persons of the same character». Нечеткость сигнификата **«***people of the same character***»**, ***«****persons, who worth of each other****»*** создает размытость объема понятия, состоящего из нечетких сем отрицательной оценки: *«два сапога пара», «одного поля ягоды», «стоят друг друга».*

3. По содержанию выделяются также **позитивные** и **негативные** семы.

Позитивные семы отражают признак, наличествующий в денотате, а негативные – значащее отсутствие в денотате определенного признака. Приводимые ниже примеры иллюстрируют эти типы сем. Например, в фразеологизме *«batting average»* позитивной семой является *«success», «achievement».* Также необходимо отметить, что негативная сема выражена эксплицитно во всех ФЕ, в состав которых входят отрицательные частицы по и not, например: *«two blacks do not make a white» – «чу-*

жим грехом своего не искупишь». Негативная сема – *«do not make a white».* Характерной особенностью семантики подобных оборотов является не только эксплицитное выражение негативной семы, но и наличие позитивной семы, выраженной имплицитно. Это объясняется тем, что всякое отрицание содержит утверждение, которое может быть подтверждено дефинициями отрицательных оборотов, например, «*there is no joy without alloy*» – «нет розы без шипов», though everything has its own defects and imperfection, it is only by endurance, effort, that perfection and beauty is to be attained.

4. В семантической структуре фразеологизма могут быть выделены и **грамматические** семы – макроэлементы и микроэлементы грамматического значения. К макроэлементам относятся категориальные семы наиболее обобщенного грамматического значения, например, семы, обозначающие действие, предметность, состояние. К микроэлементам относятся, например, семы, обозначающие число, род и падеж, действительный и страдательный залоги.

Например, семы обозначающие действие: *«carry the baby»- «няня чужого ребенка, отдуваться за к-л», «come between the bark and the tree»-«вмешиваться в чужие семейные дела», «do one's bit»- «вносить свою лепту»,* состояние: *«be off one's own beat»- «быть не в ч-л компетенции», «be in smb's boots»- «быть на ч-л месте», «like a cat on hot bricks» – «не по себе».*

Кроме того, существую семы единственного числа, которые характерны для субстантивных ФЕ, обозначающих единичные денотаты: *«a chip of the old block»- «сын своего отца».* Семы множественного числа встречаются в ФЕ, обозначающих два денотата или более: *«no garden without its weeds»- Все имеет свои недостатки, нет ничего совершенного (посл.)* . В глагольных ФЕ выделяются семы действительного и страдательного залогов, которые показывают направление процесса: *«be stuck in a groove»- погрязнуть в рутине.*

В ходе исследования было выявлено 67% грамматических сем, 15% а – эксплицитных, 9% позитивных и негативных сем и 2% четких и нечетких сем.

Выводы и перспектива. Концепт «свой / чужой» является амбивалентным, так как характеризует разные грани и градации межкультурных взаимоотношений, при этом одновременно сочетая представления о «культурном» и «инокультурном», которые, сами по себе, весьма условны и вариативны – в зависимости от культурно-исторического и бытового контекста, от характера и стиля межкультурной коммуникации и т.д. Так, в частности, концепт «свой / чужой» предполагает, во-первых, осмысление культурно-«своего» на фоне «чужого» и одновременно культурно-«чужого» на фоне «своего». Во-вторых, в процессе межкультурной коммуникации «чужому» придается характер доступного, «личного», при этом, в той или иной степени, достигается относительное приближение, понимание и освоение «чужого», т. е. перевод культурных артефактов из пространства «чужого» в пространство «своего». Таким образом, перспективным видится сравнительно-сопоставительное изучение данных концептов на материале нескольких европейских языков.

Литература

1.Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / Телия В.Н. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

2.Аскольдов С.А. Концепт и слово / Аскольдов С.А. – М.: Academia, 1997. – 267 с.
3.Краткий словарь когнитивных терминов / [Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.]. М., 1996. – 245с.
4.Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Лихачев Д.С. – М.: Academia, 1997. – С.280–287.
5. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка / Шанский Н.М. – М., 1964. – 315с.
6.Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики / В.Г.Гак / / Проблемы структурной лингвистики 1971: [Сб.] – М., 1972. – С.371.
7.Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А.Стернин. – Воронеж, 1985. – С. 67.

Чорнобай С. Є. Семантичні особливості фразеологічних одиниць, що вербалізують концепти «свій – чужий» в англійській мові / С. Є. Чорнобай, А. В. Мансурова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 331–336.

Стаття підкреслює актуальність міждисциплінарного характеру дослідження у зв'язку з використанням даних лінгвокультурології для вивчення мовних засобів, а саме: особливості вербалізації етномаркованих концептів британської лінгвокультури «свій – чужий» у фразеології. Визначена роль концептів у репрезентації культури. Сукупність концептів формує концептосферу народу та його мови, що має безпосереднє відношення до мовної картини світу. В мікрополі «свій – чужий» протиставляються групи ФО, що характеризують наполегливість, завзяття, егоїзм, впевненість, скутість. Розглянуто поняття семи та описані деякі з її видів, а саме: експліцитні та імпліцитні семи, чіткі та нечіткі семи, позитивні та негативні семи, граматичні семи, які проілюстровані прикладами ФО, що досліджуються.

Ключові слова: фразеологізм, семантика, концепт, «свій – чужий», фразео-семантичне поле.

Chornobay S. Y. Semantic peculiarities of english idioms verbalizing the concept "own – alien" / S. Y. Chornobay, A. V. Mansurova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 331–336.

The article scrutinizes semantic peculiarities of English idioms verbalizing binary concept "Own – Alien". The topicality of the interdisciplinary research is highlighted as it gives the opportunity to use the data of Cultural Linguistics for study of the language means, namely the peculiarities of verbalization of ethnically marked concepts of the British linguistic culture "own – alien" in the phraseological stock. The term "concept" is defined within the frames of Cultural and Cognitive Linguistics. The role of concepts in the representation of the culture is stressed. The totality of the concepts forms the conceptual sphere of the given nation and its language. This is directly connected with the linguistic image of the world. The method of the componential analysis is used to research the semantics of the phraseologisms under scrutiny. The groups of the phraseological units characterizing persistence, diligence, egoism, confidence and constraint are opposed in the microfield "own – alien". The notion of seme is scrutinized and some of its kinds are described, namely explicit and implicit semes, clear and non-clear semes, positive and negative semes, grammatical semes. The mentioned above semes are illustrated by the examples of English idioms that verbalize concepts "own – alien". The research found out that the idioms under study have grammatical semes (67%), excplicit semes (15%), positive and negative semes (9%) and clear and non-clear semes (2%]. The concept "own – alien" presupposes the understanding cultural "own" on the background of the cultural "alien" as well as cultural "alien" on the background of "own".

Key words: phraseologism, semantics, concept, «own – alien», semantic field.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 337–342.

УДК 811.512.162

ПУТИ ОБРАЗОВАНИЯ АНТРОПОНИМОВ В РОМАНАХ М. ГУСЕЙНА

Гараева Д. Г.

Сумгаитский государственный университет, Азербайджан
azfolklor@yahoo.com

В статье пересмотрены пути зарождения, создания антропонимов в романах М. Гусейна. Исследованы их лексико-семантические свойства, приведены примеры превращения имен нарицательных в имена собственные, проведен их анализ. Основной метод превращения имен нарицательных в имена собственные, выделенный автором, аффиксальный метод. Автором рассматриваются социальное и культурное влияние на образование имен собственных, пути проникновения имен в азербайджанский язык, а также традиции их использования. В основной части статьи автором рассмотрены наиболее распространенные имена, дан анализ их образования из имен нарицательных, определены основные значения имени. Имя собственное проанализировано как независимая ономастическая единица и охарактеризовано по трем признакам: по фонетическому, по смысловому и этимологическому. Автор приходит к выводу, что лексикология нуждается в разделе, который будет изучать собственные имена.

Ключевые слова: Мехти Гусейн, роман, антропонимы, ономастика, имя собственное, денотат, сигнификат, образ, лингвистика.

Постановка проблемы. В романах М. Гусейна встречаются образцы превращения обобщенных слов с разными значениями в собственные имена. Их исследование представляет особый интерес в связи с оригинальностью и абсолютной неизученностью.

Превращенные обобщенные слова, когда употребляются как собственные имена, обособляются,. Поэтому в отличие от обобщенных слов они пишутся большими буквами. Например: *qüdrət (могучий) – Qüdrət (Гудрат), aslan (лев) – Aslan (Аслан), kamal (образованность) – Kamal (Кямал), nərgiz (наргис) – Nərgiz (Наркиз), lalə (мак) – Lalə (Лале), tərlan (орел) – Tərlan (Тарлан), Şahin (ястреб) – Şahin (Шахин), paşa (титул) – Paşa (Паша), püstə (фисташка) – Püstə (Пюста), telli (волосатый) – Telli (Телли), səməndər (птица) – Səməndər (Самендер), mehriban (милый) – Mehriban (Мехрибан), zəfər (победа) – Zəfər (Зафер), ceyran (джейран) – Ceyran (Джейран).*

Употребления обобщенных слов как собственных имен является особенностью тюркских языков и уходит корнями в далекое прошлое: слово образуемое окончание (суффикс) образует имя собственное : *Mahirə – mahir + ə (Махира).* Корень антропонима *Mahirə (Махира)* слово *Mahir (Махир)* а «*ə*» – слово образуемое окончание. *Bayramlı (Байрамлы)* [2, 307], *Novruzov (Новрузов*) [3, 340], *Kamilova (Камилова)* [4, 104), *Aslanov (Асланов)* [4, 110], *Mollayev (Моллайев*) [4, 73]. В этих антропонимах с помощью словообразовательных аффиксов – *lı, -ov, -ova, -yev* образуются антропонимические единицы. Слово с изменяемым окончанием по смыслу употреб-

ляется как имя собственное : *Xanlar (Ханлар)* [5, 6; 2, 70], *Nizamilər (Низамиляр), Füzulilər (Физулиляр), Nəsimilər (Нясимиляр), Vaqiflər (Вагифляр), Mirzə Fətəlilər (Мирза Фяталиляр)* [3, 131]. В антропониме *Xanlar (Ханлар)* обобщенное слово *xan (хан)* отдельно не употребляется как имя собственное. *Xan* – это обобщенное слово, которое само по себе означает человеческое понятие - личность, после принятия аффикса - lar оно преобразовалось имя собственное *Xanlar (Ханлар).*

В остальных образцах – с помощью аффиксов *-lar/ -lər* образуется значение множества, а также какая-либо общественная группа, иногда и не только значение количества, но и качества, признак. То есть собственные имена: *Nizamilər, Füzulilər* означает таких же бессмертных поэтов как *Nizami (Низами*), *Füzuli (Физули).*

Не остались без внимания и антропонимы, образуемые с помощью сочетания двух слов. В романах писателя можно увидеть использование таких антропонимов: *Fərmanbəy (Фарманбек)* [3, 83], *Koroğlu (Короглы)* [3, 130], *Gülsənəm (Гюлсанам)* [4, 16], *Püstəxanım (Пюстаханум)* [5, 33], *Gülnabat (Гюльнабат)*, где имя собственное состоит из двух слов: *gül* и *sənəm*. Первое слово – фитоним, то есть имя растения (цветок), вторая часть *«sənəm»* – означает женщину. Например, *Püstəxanım* – антропоним, образовался от слов *püstə* и *xanım*. *Abasqulu* [2, 287].

В азербайджанском языке прошлом существовало немало имен состоявших из двух слов. И сейчас существуют такие имена. Например: *Hüseynqulu, Tanrıqulu, Gülnisə, Gülsənəm, Bədirnisə, Fatmanisə, Məmmədsadıq* и.т.д. Но мы употребляем в устной речи не двойную, а одинарную форму: *Hüseyn (Гусейн), Qulu (Кулу), Nisə (Ниса), Məmməd (Мамед), Sadıq (Садык)* и.т.д.

В книге А.Мамедовой «*Bülbül*» (*Соловей*) автор пишет, что певец, носящий имя *Aydın,* родился в ясную ночь. По этой причине мать его назвала именем *Aydınlıq* (*Айдынлыг – светло, ясно).* Потом отец, сменил его имя, назвав сына *Муртузом*, через некоторое время имя *Муртуз* был заменено именем *Bülbül* (*Бюль-бюль – соловей).* Можно предположить, что до имени *Aydın* (*Айдын*) было имя *Aydınlıq* (*Айдынлыг).*

Aslanov (*Асланов*) [2, 205; 4, 110]. На основе указанной фамилии стоит имя собственное *Aslan* (*Аслан).* Но *Aslan* (*Аслан*) мужское имя. Им называют только мальчиков. И этому есть причина. В переносном смысле этим именем называют еще и царя зверей – льва. Он знаменит своей силой, шустростью. Эти же качества в первую очередь относятся к мужчинам. Хотя лев *Aslan* (*Аслан*) живет в теплых странах, в пустынях, это слово знакомо всем народам мира. Известно, что его изображение украшает гербы некоторых стран как символ силы, державы, непобедимости. Поэтому зародились имена на арабском языке – *Əsəd* (*Асад*), *Heydər* (*Гайдар*), *Zeyqət* (*Зейгам*), на персидском – *Şirzad* (*Ширзад*), *Şiruyə* (*Шируя*), на французском – *Leo* (*Лео*), на немецком *Leon* (*Леон*), на итальянском *Leonardo* (*Леонардо*), на русском *Lev* (*Лев*), на греческом *Leonti* (*Леонити*) и др. такие имена широко распространены. Все они напрямую связаны существительными и прилагательными, обозначающими льва. Во времена Низами это имя было в форме *Arslan* (*Арслан).* Великий писатель по заказу правителя Мараги Арслана написал известную поэму «Семь красавец». В романе «Мечь и перо» М.С.Ордубади создал образ Кызыла Арслана. Известны име-

на и в форме *Алп Арслан* (*Alp Arslan*), *Кара Арслан* (*Qara Arslan*). Раньше эти имена существовали как титул, но а потом как просто имя *Aslan* (*Аслан*) [7, 30].

На наш взгляд, этимология имени *Arslan* (*Арслан*) имеет несколько другое понимание. *Arslan* (*Арслан*) и раньше было собственным именем. Имя собственное *Arslan* (*Арслан*) как ономастическая единица различается от обобщенного имени, хотя имеет одинаковый фонетический состав. Три признака показывают себя: звуковой комплекс, смысловая сторона и источник смысла. Звуковой комплекс это фонетический состав. Фонетический состав образуется не хаосным путем, а по фонетическими законами данного языка. Второй признак существования имени *Aslan* (*Аслан*) как собственного имени, это содержание, которое рождается в нашем разуме. Смысл слова называется сигнификатом. Третий признак – источник смысла – называется предметом, денотатом, или же рефератом. Как и в обобщенных словах и в слове *aslan* (*аслан*) денотат и сигнификат напрямую связаны. *Аслан* – фонетическое слово, *Аслан* – денотат и вид хищника; *аслан* – сигнификат.

Если возьмем фонетический состав как имя собственное видны будут все углы треугольника, но денотат и сигнификат выражает не Х, лингвистическую - семантическую связь «аслан – зверь», а общественно конститутивную связь «человек – деловое имя».Такая ситуация сопоставляет обобщенные и собственные имена по принципу денотат - сигнификат. По образцу собственного имени *Аслан*, становится ясным, что собственные имена занимают важное место в словарном составе.

В связи с этим невозможно исследовать и изучать собственные имена с методами лингвистического раздела, изучающего обобщенные слова. Поэтому лексикология нуждается в разделе, изучающем собственные имена. Обобщенными словами занимается лексикология, а собственными именами ономалогия. Некоторые языковеды употребляют в место ономалогии, термин ономастика. Профессор А.Ахундов отмечает, что ономастика изучает собственные имена с разных точек зрения, разными методами, хотя ономастика изучаючает множество объектов, среди которых есть и собственные имена. Ономастика, или же множество собственных имен изучается в ономалогии.

«Антропоним раздел ономастики, изучающий фамилию, отчество как составные части человеческой номинации, такие как персонам, анхистоним, патроним» [1, 178-179].

Здесь термины употреблены неправильно. Антропоним это не раздел, а множество антропонимов – собственных личных имен. А так же, ономастика – множество собственных имен, что нельзя называть наукой, это не логично.

Bayram [5, 8] (Байрам – смысл «праздник») обычно мальчиков, рожденных накануне весны, называют именами *Novruz* (*Новруз*) или же *Bayram* (*Байрам).* Эта традиция существует и сегодня. Родители, назвав своего ребенка именем *Bayram* (*Байрам*), желают, чтобы вся жизнь его прошла в праздниках.

Потом в быт народа от арабов вошел религиозный праздник – *Qurban bayramı* (*Курбан байрамы).* Последующем эта история сказался в имени *Qurban* (*Курбан).* *Bayramlı* [4, 26] на основе этой фамилии стоит имя *Bayram* (*Байрам).* При помощи суффикса – *lı* образовалась фамилия *Bayramlı* (*Байрамлы).*

Bəyim (*Бейим).* Некоторые собственные личные имена считаются носителями нашей древней этики, стиля быта, традиций. У древних предков называть имена уважаемых и любимых людей были запрещены. Обращаясь к уважаемым людям имена не назывались, входили с ними в речевой контакт косвенною и сегодняшним днем на нашем языке существует запрет. Обращаясь к учителям, обычно имена не называют просто говорят: «müəllim» (учитель). Раньше называли «мирзой» (мирза – *mirzə).*

С древних времен женщинам всегда оказывали глубокое внимание. Если женщина, сняв свою косынку, бросала между вражескими силами, войны, бои останавливались. Мужчины считали своим долгом склонять голову перед женщиной, то есть между людьми не называя по имени, их восклицали своим *байим* (*bəy – бек*), *ханым* (*хан – хан).* После некоторых времен обращения *bəyim* (*бейим – мой бек*), *xanım* (*мой хан*) превратились в собственные личные имена. Только «*Xanım*» (*Ханум*) – осталось формой обращения. А *Bəyim* (*Бейим*) – только собственное личное имя. Уже «*Bəyim*» (*Бейим*) как форма обращения не существует. Иногда называют таким именам, как *Bəyimxanım* (*Бейимханум).* Так как эти имена по смыслу очень близки. Девочек лучше называть просто именем *Bəyim* (*Бейим).*

Bədəl (Бадал) [5, 242] – это собственное личное имя перешло из арабского, дословно означает «замена», а в нашем языке есть мужские имена *Əvəz* (*Аваз*), *Bədəl* (Бадал). Рожденного малыша отец считает себе заменой, продолжителен рода. Отец, показывая своего выросшего сына друзьям и товарищам, похвально говорил: «Bədəlim hazırdır qulluğunuzda» (Мой Бадал (то есть моя замена) готов к вашим услугам) [7, 43].

Еще одна интересная традиция привлекает внимание. Если в семье после смерти маленького мальчика, снова родился мальчик, то его тоже называли именем *Bədəl* (*Бадал* – то есть замена умершему ребенку).

У арабов было такое правило: Если в семье состояние здоровья ребенка ухудшалось, то из дерева или же из глины лепили чучело и втыкали в землю. Называли это чучело «*Bədəl*» – замена заболевшему ребенку, этим указывали смерти, чтобы не уводила жизнь ребенка.

Elxan (*Эльхан*) [4, 90]. Говорят, что имя подарил нашему народу Джафар Джаббарлы. Только после удачного просмотра пьесы «*Od gəlini*» («*Невеста огня*») и высоко творческой игры актера Аббас Мирзы, имя *Elxan* (*Эльхан*) получило широкое распространение [7, 72]. *Elxan* (*Эльхан*) издавна у тюркских народов этим именем назывались титулы правителя. Еще в серединах VI века это имя было принято Восточным ханом Битын хан. В XIII веке в Азербайджане правило государство Эльханиляр. Основоположником этого государства был монгольский хан Хюлаки, который принял титул эльхан. Указывается, что Эльханиляр в Азербайджане создали сильную державу, но титул не превратился в имя и не вдохновил никого своей славой. Народный полководец и герой Эльхан, образ которого создал Джафар Джаббарлы, стал любимцем, имя его широко распространилось, сегодня многим новорожденным дают это имя. До пьесы «*Невеста огня*» литературный образ Эльхан был в драме Гусейн Джавида «*İblis*» («Сатана»), несмотря на то, что у образа Эльхан положительный характер, он был разработан в эпизодическом плане. Поэтому он не так долго остался в памяти как одноименный герой Дж.сколь Джаббарлы.

До пьесы Дж.Джаббарлы «*Невеста огня*», имя Эльхан было знаком. Поэтому идея о том, что это имя нашему народу подарил Дж.Джаббарлы несколько неверная. Он придал социальное значение имени, которое существовало задолго до того.

Rəhimbəy (*Рагимбек*) [5, 27]. *Rəhim* (*Рагим*) мужское имя, широко распространенное. Это арабское слово. В переводе из арабского означает «*Rəhm edən*» (помилующий). Имя *Rəhim* (*Рагим*) в первую очередь на нашем языке привлекает внимание как псевдоним. Сначала было рождено имя *Əbdülrəhim* (*Абдулрагим*), это значило «*раб божий*». В последующем родители с желанием уравнять своих детей с Богом, с желанием приближения превратили Абдуррагима в Рагим. В имени Рагимбек – бек титул, соединившись с именем, стал составной неотделимой частью нового имени.

Rəhilə (*Рахиля*) [6, 860] - это древнееврейское женское имя. На древнееврейском языке звучит как *Рахиль. Рахиля* азербайджанский вариант этого имени. Что означает «*Рахиль*»? Известный русский ученый и писатель Лев Успенский в своей книге «Ты и твое имя» раскрывает смысл этого имени как «овен, ягненок», чтобы не у читателя не возникло вопросов, параллельно приводит примеры, упоминает имена римлян – Агнесса, опять же у евреев Лия. И на самом деле, первое из них означает «ягненок», а второе «буренка». Успенский рассказывает о цене домашних животных для переселявшихся народов, из-за этого имени Маргарита, что значило «жемчуг», уделялось меньше внимания. Нужно согласиться с этими теоретическими данными. Мусульмане, а также христиане всегда считали ягненка символом мира, доброты, обилия, христианские художники в религиозных произведениях всегда изображали ягненка. Как древнееврейское имя это не *Рахиль,* а *Рахиль.* (*Ra – il*) «Ил» – здесь означает «божественных», как в именах Исраиль, Рафаиль, Афраиль любимую жену главного бога у евреев звали Раиль. Значит буквальное значение этого имени «Бог солнца», переносный смысл «Любимица бога, любимая всевышнего».

Имя *Rəhilə* (*Рахиля*) образовалось не от имени *Rəhil* (*Рахиль*) а от имени *Rail* (*Раиль).* На нашем языке часто употребляется как *Рахиля* (*Rəhilə*) *Рахиля* (*Rahilə*) намного ближе к первому варианту.

Выводы и перспектива: тема, поднятая нами – многоаспектный взгляд на проблему, имеющую место не только в азербайджанском языкознании, но и в тюркологии в целом, это свидетельствует о перспективе дальнейших исследований в плане этимологии, строения, тематической классификации имен собственных в тюркских языках.

Литература

1. Ахундов А. Общее языкознание / А. Ахундов. – Баку: Bakı, 2006. – 280 с.
2. Гусейн М. IV том, Абшерон / М. Гусейн. – Баку: Азернешр, 1949. – 346 с.
3. Гусейн М. Произведения. В 10 томах. Том 3, Дашгын, Терлан / М. Гусейн. – Баку: Азернешр, 1968. – 154 с.
4. Гусейн М. V том, Черные камни / М. Гусейн. – Баку: Азернешр, 1959. – 415 с.
5. Гусейн М. VI том, Сехер / М. Гусейн. – Баку: Гянджлик, 1989. – 616 с.
6. Гусейн М. Подземные реки текут в море / М. Гусейн. – Баку: Аврасия пресс, 2005. – 319 с.
7. Мирзоев О. Имена / О.Мирзоев. – Баку: Ганун, 2007. – 261 с.

Гараєва Д. Г. Шляхи утворення антропонімів у романах М. Гусейна / Д. Г. Гараєва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 337–342.

У статті переглянуті шляху зародження, створення антропонімів у романах М. Гусейна. Досліджено їх лексико-семантичні властивості, наведені приклади перетворення імен загальних в імена власні, проведено їх аналіз. Основний метод перетворення імен загальних в імена власні, виділений автором. – це афіксальний метод. Автором розглядаються соціальні та культурні впливи на формування власних назв, шляхи проникнення імен в азербайджанську мову, а також традиції їхнього використання. В основній частині статті автором розглянуто найпоширеніші імена, дано аналіз їх утворення з імен загальних, визначені основні значення імені. Ім'я власне проаналізовано як незалежна ономастична одиниця і охарактеризоване за трьома ознаками: по фонетичному, за змістом і джерелом сенсу. Автор доходить висновку, що лексикологія потребує розділ, який буде вивчати власні імена.

Ключові слова: Мехті Гусейн, роман, антропоніми, ономастика, ім'я власне, денотат, сигніфікат, образ, лінгвістика.

Garaeva D. H. The Methods of the anthroponyms' formation in novels written by M.Guseyn / D. H. Garaeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 337–342.

The article reviewes the methods of the anthroponyms' formation in novels written by M.Guseyn «Səhər» («Morning»), «Daşqın» («Flood»), «Abşeron» («Absheron»), «Tərlan» («Tarlan»), «Yeraltı çaylar dənizə axır»(«The underground rivers run into the sea»), «Qara daşlar»(«Black Stones»). And also investigates their lexical and semantical properties; the examples of transformation the common nouns into the proper names are given and analyzed. The basic method of trasformation of the common noun into the proper name that the author highlights in the article is affixal method. The author considers the social and cultural influences on the formation of proper name, the penetration of the names in the Azerbaijani language and traditions of their use. In the main part of the article the author describes the most common names, gives the analysis of their formation from common nouns and the basic meaning of the name. The proper name is analyzed as an independent unit of onomastics and characterized by three features: its phonetic, meaning and etymology. The sound system is phonetic structure of the word. The phonetic structure is not formed chaotically, but due to the phonetic laws of the language. The author uses name Aslan as an example to describe the main features of the proper names. So, the second feature is the existence of the name Aslan (lion) as a proper name is the content that is born in our mind. The meaning of words is called significate. The third feature – the source of the meaning (its etymology) – is called the subject or denotation. As in the common noun and the word Aslan (lion) denotation and significate directly related. Aslan is a phonetic word; Aslan is denotation and species of the predator; Aslan is significate. This situation compares common nouns and proper nouns on the basis of denotative – significative. Due to the model of own name Aslan it becomes clear that proper names take significant place in the vocabulary. In this regard, it is impossible to study and learn the proper names by linguistic methods that are used in the study of the common names. Thus, the author comes to the conclusion that lexicology needs section that will study proper names.

Key words: Mehdi Huseyn, novel, anthroponomy, onomastics, proper name, denotation, significate, image, linguistics.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 343–348.

УДК81’373:398.9:130.123

ПЕРФОРМАТИВ, ЯК ЗАСІБ ТВОРЕННЯ КУЛЬТУРНО МАРКОВАНИХ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ

Литвиненко О. Ю.

Кафедра социальных и гуманитарных наук НАПКС, г. Симферополь
E-mail: svetoniy@mail.ru

У статті досліджується явище перформативності та функціонування перформативів в етикетних і антиетикетних формулах, які належать до «сильних» перформативних сполучень слів. Прагматична сутність перформативності фразеологічних одиниць полягає в зміні реальної дійсності. Мовні формули є сакральними й актуальні лише за умови вірування учасників спілкування в надприродні сили, звернення до яких при певному зусиллі волі достатньо для реалізації мовних дій.

Ключові слова: перформатив, перформативне сполучення слів (ПСС), перформативні етикетні формули (ПЕФ), перформативні антиетикетні формули (ПАФ), прокляття.

Постановка проблеми. Із моменту виникнення теорії мовленнєвих актів велику увагу привертали властивості дієслів, що позначають ту чи іншу мовленнєву дію. На позначення таких дієслів в науці використовується термін перформатив, а перформативні (за аналогією з імперативами) були названі висловлювання, у структурі яких наявні дієслова такого типу (див.: Остин 1986; Апресян 1986; Романов 1984; Сусов 1980; Падучева 1985 та ін.).

Перформатив входить до контексту життєвих подій, створюючи соціальну, комунікативну або міжособистісну ситуацію, яка призводить до певних наслідків (наприклад, оголошення війни, декларації, заповіту, клятви, присяги, вибачення, адміністративні та військові накази) [16, 372]. Властивістю перформативності наділені дієслова, що є самою дією: «Є в житті людини такі дії, які можливо здійснити тільки за допомоги мовлення, тобто, мовлення є єдиним інструментом для їх реалізації. Як виконати такі дії як «обіцяти», або «дякувати» чи «радити»? В усіх випадках потрібно вимовити: Обіцяю…; Дякую…; Раджу. Тут, ми бачимо, дія та мовлення виявляються рівними, тобто перед нами мовленнєва дія, або мовленнєвий акт» [15, 67].

Перформативне дієслово незалежно від дієслівного виду виражає цілісну дію, початок і кінець якої відомі мовцю. Це закрите теперішнє, дія починається та закінчується в теперішньому часі. Формально такі дієслова відносять до теперішнього актуального часу. Але при найближчому розгляді виявляється, «що у висловлюваннях такого типу (висловлювання з перформативними дієсловами) не позначається перебіг дії в момент мовлення: *попрошу*– це не дія прохання в процесі його протікання, а сам акт прохання, виконаний одним проголошенням слова» [3, 93]. Такі випадки не можна відносити до актуального теперішнього, що припускає перебіг дії в момент мовлення, а, на думку О. В. Бондарка, вони є особливим різновидом теперішнього неактуального.

Однією з властивостей перформативного речення є прагматична самоверифікація: таке речення істинне в кожному висловлюванні, через саме здійснення акту висловлювання. Як зазначає Є. В. Падучева, «вислів *Він шарлатан* може бути істинним або хибним (його можна підтвердити або спростувати); але речення *Я стверджую, що він шарлатан* тривіальним чином істинне в кожному своєму промовлянні» [9, 20].

Перформативні висловлювання реалізують канонічну перформативну формулу з займенником ‘я’ та перформативним дієсловом у формі теперішнього часудійсного способу активного стану, після яких наявна пропозиціональна частина, що вказує на бажаний, передбачуваний або існуючий стан справ. Перформативна частина висловлювання містить перформативне дієслово та займенник, що пов’язані з мовцем та адресатом [11, гл. 5]. Дж. Остін зазначав, для того, щоб дати визначення перформативності, не варто шукати будь-який граматичний чи лексичний критерій, який допоміг би встановити різницю між перформативними і всіма іншими висловлюваннями, хоча і виділяв низку характерних загальних ознак: окрема граматична форма для перформативного дієслова (перша особа однини, дійсного способу), неможливість розмежування за критерієм істинності – неістинності перформатива, а також такі ознаки як результативність, конвенційність, автореферентність, одномоментність [7, 125]. Підкреслюючи актуальність дослідження перформативних висловлювань, Є. В. Падучева зазначає: «Проблема перформативних речень – важлива проблема теорії референції, оскільки це тип речень з нестандартним співвідношенням між висловлюванням і дійсністю. Перформативні висловлювання справедливо названі автореферентними. Справді, вони позначають ту саму дію, яка відбувається при здійсненні висловлювання. У цьому сенсі перформативне вживання речення складає аналог автономному вживанню знака, тобто такому, при якому знак позначає сам себе» [8, 20].

Привертають увагу перформативні дієслова як одиниці мови, а саме: формули мовленнєвого етикету або прагматичні кліше, фразеологічні одиниці, приказки тощо. Подібні сполучення слів досліджували такі вчені, як М. І. Толстой, В. М . Мокієнко, М. Ф Алефіренко, М. В. Жуйкова, Л. В. Савченко, Г. Т. Кузь та інші, але, на нашу думку, в україністиці сфера функціонування перформативів ще недостатньо вивчена, чим зумовлена **актуальність** нашої роботи. **Метою** дослідження є характеристика явища перформативності та функціонування перформативів в етикетних формулах із позитивною семантикою та стійких сполученнях слів із негативною семантикою, виражених у формі прокляття.

Міжособистісні відносини включені у сферу соціальної взаємодії, де діють норми етикетної поведінки, але соціальна взаємодія не покривається цілком етикетними нормами. Е. Берн стверджує, що існує і сфера неетикетної поведінки. Усю систему соціальної взаємодії можна представити як ту, що ґрунтується на протиставленні нормативної, етикетної поведінки як маркованої стосовно ненормативної і навпаки. Кожна з цих підсистем – етикетного спілкування або антиетикетної взаємодії – може розглядатися як ціннісна, тобто як система, знаки якої функціонують у процесі обміну, мають спільну зону значення і при цьому ранжовані за значимістю, тобто цінністю, яку вони становлять для її користувачів. Мовленнєвий етикет – це

система спеціально призначених формул ввічливості, що склалася в процесі історичного розвитку народу і відображає особливості мовної свідомості, основні риси ментальності [6, 15]. До мовленнєвого етикету належить велика кількість фразеологізмів, які знаходяться у сфері висловлювань-дій, тобто є перформативними. Прагматична сутність перформативності фразеологічних одиниць полягає в зміні реальної дійсності. Наприклад, мовні формули: ***дай Бог здоров'я / щоб тебе хороба попорізала*** мають відповідники експліцитних перфоматівів: ***я бажаю Вам доброго здоров'я / я бажаю Вам поганого самопочуття(хвороби),*** тобто слугують для створення позитивної або негативної атмосфери в спілкуванні, що відповідає основній вимозі перформативності. Привертає увагу той факт, що багато перформативних сполучень слів з негативною семантикою, далі перформативні антиетикетні формули, за морфологічним складом тотожні благопобажанням, тобто перформативним етикетним формулам, за комунікативним наміром є антонімічними висловлюванням благопобажання, у цьому ми можемо переконатися проаналізувавши лексичний склад перформативних антиетикетних формул і перформативних етикетних формул: «благо – зло», «спаси, збережи – убий, побий» і т. ін. Яскраво представляють таку опозицію перформативіантиетикетні формули та перформативні етикетні формули з компонентом-темпоронімом *година*: ***дай Боже щасливу годину*** [4, 368]; ***даї Боже у добрий час почате а шче у л'іпшиїкончите***; ***дай Боже у добру годину шуб ху'доба здорова була***; ***дай, Боже, що́ твоя воля, та коли б и годинка (що дощі поспіль йдуть)*** [14, 66] / ***щоб тебе не минула лиха година*** [14, 193]; ***щоб на тебе пришла чорна година*** [14, 193]; ***хай на вас лиха година! – .. ссяде (або: вдарить)*** [14, 193]; ***щоб тебе лиха година знала*** [14, 193]; ***побий (побила б) тебе лиха година! – .. та нещаслива*** [14, 193]; ***щоб тебе не минула лиха година*** [14, 193]; ***іди в лихий чьис та в куцу годину!.. зломану*** [4, 230]; ***куца би ти година була*** [4, 331]; ***іди в поганий чьис та в лиху годину***[4, 558].

Лінгвістичній науці відомий факт розподілу перформативів на «сильні» та «слабкі» на основі такого критерію, як наявність соціальних наслідків у результаті вимови перформатива. Слабкими називають перформативи, які пояснюють наміри мовця, описують спосіб подання інформації (*явизнаю, що невинний)*. Сильними називають перформативи, вимова яких спричиняє соціальні, юридичні чи буденні наслідки (*зобов'язуюсь скасувати податки*) [1, 10]. У фразеології до «сильних» перформативних сполучень слів, на нашу думку, належать саме перформативні антиетикетні формули і перформативні етикетні формули. Перформативні етикетні формули служать способом демонстрації різного емоційного та раціонального ставлення мовця до висловлюваної думки. На їх позначення вчені використовують такі терміни: інтер'єктивні фразеологізми, інтер'єктивні формули, вигукові емоційні ідіоми, вигукові фразеологізми, модально-вигукові фразеологізми, модальні фразеологізми тощо [10, 356-357]. .Перформативні антиетикетні формули є магічними вербальними мікротекстами в системі духовної культури етносу. М. І. Толстой називає такі формули народною «напівфразеологією» [12, 25], М. В. Жуйкова – сакральними мікротекстами (сакральною фразеологією) [5, 166], М. Ф Алефіренко – інтер'єктивні фразеологічні одиниці [2, 67 – 68]. тощо.

На сьогодні існує багато класифікацій перформативів і перформативних речень. Наприклад, за класифікацією Дж. Остіна перформативні антиетикетні формули і перформативні етикетні формули відносимо до висловлювання-реакції на поведінку інших людей: *Я вітаю, Я прошу вибачення, Я висловлюю співчуття і т.п.* (вибачення, привітання, похвала, співчуття, лайка, виклик на змагання або дуель); Ю. Габермас вважає такі висловлювання універсаліями, які виражають і описують інституційно зумовлені дії мовця, закріплені в суспільстві нормами і правилами (*вітання, подяка, привітання, знайомство, одруження, хрещення, заручини, виправдання, суперечка, прокляття, вираз співчуття і т.д.*); за класифікацією Л. Турик, здійсненої на матеріалі української мови, перформативні етикетні формули належать до групи мовленнєвих ритуалів: *дякувати* (також у формі *вдячний*), *бажати успіху, вибачатися, перепрошувати, прощатися, вітати, поздоровляти, гратулювати, віншувати, прощатися, співчувати*, а перформативні антиетикетні формули до групи схвалення та засудження: *благословляти* (на подвиг), *рекомендувати кого-небудь, затверджувати* (але *не потакати*), *хвалити* (але *не вихваляти*, *нахваляти*, *звеличувати*, *розхвалювати*, *славословити*, *хвалитися*, *хвастатися*), *приєднуватися до чогось, підтримувати, звинувачувати, засуджувати* (але *не критикувати, сварити, лаяти, ображати*), *ганити, картати, проклинати, винити* (кого за що, в чому), рідше *оскаржувати* [13, 321-324].

Висновки та перспектива.Необхідно зазначити, що більшість учених у своїх класифікаціях залишають поза увагою такі перформативні антиетикетні формули як прокльони. Наприклад, вони відсутні в класифікаціях перформативних дієслів Дж. Сьорля, Б. Фрейзера, Д. Вундерліх та ін.

Перформативні антиетикетні формули та перформативні етикетні формули є сакральними тому актуальні лише за умови віри учасників спілкування в надприродні сили, звернення до яких при певному зусиллі волі достатньо для реалізації мовних дій.

Велика кількість перформативних етикетних і антиетикетних формул, зафіксованих у ґрунтовних для української фразеології фольклорних і лексикографічних працях XIX – поч. XX ст., розмаїття образних контекстів досліджуваних формул свідчить про продуктивність уживання перформативних етикетних і антиетикетних формул. Отже, ці мовні формули відіграють важливу роль у процесі дослідження розвитку культури народу, бо виникають на основі образного уявлення дійсності, що відбиває духовний досвід мовного колективу, пов'язаний із його культурними традиціями.

Література

1. Азадова Н. А. Сопоставительное исследование перформативного глагола :на материале лезгинского, русского и английского языков : диссертация .. кандидата филологических наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Азадова Н. А.; Гос. образов. уч-е высш. проф. образов «Дагест. гос. пед.ун-т». – М., 2007. – 146 с.
2. Алефіренко, М.Ф. Теоретичні питання фразеології [Текст] / М. Ф. Алефіренко. – Харків : Видво при Харківському держ. ун-ті «Вища школа», 1987. – 136 с. – Бібліогр. : с. 125-134.
3. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола / А. В. Бондарко– М. : Просвещение, 1979. – 239 с.–ISBN 978-5-8265-0898-5

4. Галицько-руські народні приповідки / Зібрав, упорядкував і пояснив др. Іван Франко. – Т. 1-3. – Львів : Наук. т-во ім. Шевченка, 1901-1910.
5. Жуйкова М. В. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов: Моногр / М.В. Жуйкова. – Луцьк : РВВ "Вежа" Волин. держ. ун-ту Лесі Українки, 2007. – 416 с.–ISBN 978-966-2710-34-2.
6. Мельничук О. М. Український мовленнєвий етикет: синтаксично-стилістичний аспект : автореф. дис.на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «Українська мова» / Мельничук Оксана Михайлівна Чернів. нац. ун-т ім. Ю.Федьковича. – Чернівці, 2005. – 20 с.
7. Остин, Джон Лангшо. Слово как действие / / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. – С. 22–130.
8. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М. : Наука, 1985. – 271 с.
9. Падучева Е. В. Семантические исследования : Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.–ISBN 5-88766-046-5
10. Савченко Л.В. Феномен етнокодів духовної культури у фразеології української мови: етимологічний та етнолінгвістичний аспекти: монографія / Л.В. Савченко. – Сімферополь: Доля, 2013. – 600 с.– ISBN 978-966-366-607-5
11. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика [Электронный ресурс]. : Режим доступа : http: // homepages.tversu.ru / ~ips / Pragma.html
12. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 512 с.–ISBN 5-85759-025-6
13. Турик Л. Перформативні лексеми сучасної української мови. – Вісник Львів. ун-ту. – Серія філол., 2004. – Вип. 34. – Ч II. – С. 319-325.
14. Українські приказки, прислів'я і таке інше [Текст] / М. Номис. – Передрук вид. 1864 р. – Саут-Бавнд-Брук, Нью Джерсі : Видавничий фонд Владики Мстислава, Митрополита Української Автокефальної Православної Церкви в діаспорі, 1985. – VII, 304, II-XVII с., дод. III-XVI с. – ISBN 0-914834-75-4
15. Формановская Н. И. Вы сказали: «Здравствуйте!» [Текст). : речевой этикет в нашем общении / Н. И. Формановская. – 3-е изд. – Москва : Знание, 1989. – 160 с. ; 20 см. – ISBN 5-07-000085-3
16. Языкознание : Большой энциклопедический словарь [гл. ред. В. Н. Ярцева). – 2-е изд. – М. : 1998. – 685 с. – ISBN: ил.5-85270-307-9 (БРЭ)

Литвиненко Е. Ю. Перформатив, как средство создания культурно маркированных фразеологических единиц / Е. Ю. Литвиненко // Ученые записки Таврического национального университета имени В. І. Вернадського. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 343–348.

В статье исследуется явление перформативности, а также функционирование перформативов в этикетных и антиэтикетных формулах, которые относятся к «сильным» неоформативным сочетаниям слов. Прагматическая сущность перформативности фразеологических единиц заключается в изменении реальной действительности. Языковые формулы являются сакральными и актуальны только при условии веры участников акта коммуникации в сверхъестественные силы, обращения к которым при определенном усилии воли достаточно для реализации языковых действий.

Ключевые слова: перформатив, перформативное сочетание слов (ПСС), перформативные этикетные формулы (ПЭФ), перформативные антиэтикетные формулы (ПАФ), проклятия.

Litvinenko E. Performative as a mean of creating culturally marked phraseological units / E. Litvinenko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 343–348.

This article examines the phenomenon of performativity, as well as the functioning of performatives in etiquette and anti-etiquette formulas that refer to a "strong" performative word combinations. The pragmatic nature of performativity of phraseological units is to change the reality. For example, the language formulas such as *God grant you good health!* / *God grant you a bad health* have the appropriate form of explicit performatives *I wish you good health / I wish you ill health (disease)* that are used to create a positive or negative atmosphere during intercourse, which corresponds to the main demand of performativity. The fact that much

of the performative word combinations with negative semantics are identical to well-wishes draws attention. We can prove this by analyzing the lexical composition and performative etiquette and anti-etiquette formulas: " *good – evil, " "save – kill, strike "* etc.

The action words have a feature of performativity. Such verbs, regardless of the type express integral action, beginning and end of which is known to the speaker. Formally, these verbs express the present actual time, but a closer look reveals that the statements of this type (with performative verbs) do not indicate the action at the time of the communicative act . Such cases cannot be attributed to the current date; they are a special variety of the irrelevance of time. Another feature of a performative sentence is self-verifiability, that is, a sentence is true in every utterance. For example, the expression *He is a charlatan* may be true or false (you can confirm or deny it), but the sentence *I claim that he is a charlatan* is true in its every utterance.

Language formulas are sacred and are relevant only when the participants of the communication act have faith in supernatural forces the appeal to which with a certain effort of will is sufficient for the implementation of linguistic actions. Such language formulas play an important role in the development of the research culture of the nation, as they are formed on the basis of image perception of reality that reflects the spiritual experience of the language community, associated with its cultural traditions.

Key words: performative, performative words combination (PWC), performative etiquette formula (PEF), performative anti- etiquette formula (PAEF), curse.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 349–354.

УДК 811.512.162

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИМ СПОСОБОМ

Атакишиев Э. М.

Гянджинский государственный университет, Азербайджан
azfolklor@yahoo.com

В настоящей статье к анализу привлечены лингвистические термины, образованные морфологическим способом. Процесс образования новых слов способствует обогащению языка. Доказательством вышесказанного является большое количество лексических единиц, образованных в азербайджанском языке именно морфологическим способом. В процессе исследования автором доказано, морфологический способ образования терминов является самым продуктивным, рассмотрены словообразующие аффиксы и приведены примеры слов, образованным по 5 выделенным автором моделям словообразования. Также проводится сравнительный анализ с турецким языком, приведены примеры в обоих языках исследования.

Ключевые слова*:* лингвистический термин, аффикс, морфологический способ, производное слово, корень слова, простое слово

Постановка проблемы. Самым продуктивным способом при образовании лингвистических терминов является морфологический способ. Процесс образования новых слов способствует обогащению языка. Доказательством вышесказанного является большое количество лексических единиц, образованных в азербайджанском языке именно морфологическим способом.

Согласно внутренним законам языка, слова образованные лексическим, морфологическим и синтаксическим способами, являются показателями процесса словообразования. Данные способы, отражающие процесс словообразования, играют значимую роль в формировании лингвистической терминологии в азербайджанском языке.

Терминообразование − это конкретный вид словообразования. Как и термины других наук, лингвистические термины создаются на правилах словообразования данного языка. Ученые указывают на четыре способа образования слов: 1. присоединение к корню различных аффиксов; 2. присоединение к корню другого слова; 3. переход слов из одной части речи в другую; 4. путем развития у слова нового значения. Очевидно, что процесс словообразования носит сложный характер.

В лингвистической литературе образование слов присоединением к корню различных аффиксов является первым из четырех способов. Это самый продуктивный способ [1,134]. Утверждать подобное о морфологическом способе образования лингвистических терминов позволяют данные тюркских языков, и, в том числе, азербайджанского языка, как представителя этой языковой группы. Образование производных слов путем присоединения к корням аффиксов составляет основу морфологического способа словообразования.

С подобной лингвистической картиной мы сталкиваемся и в терминообразовании, потому что терминообразование морфологическим путем также является неотъемлемой составной частью процесса словообразования азербайджанского языка.

Морфологический способ относят к числу наиболее интенсивных способов терминообразования. В мнениях ученых, которые связывают это с богатством словообразовательных аффиксов азербайджанского языка, есть истина. М.Гасымов указывал, что в азербайджанском языке в процессе морфологического терминообразования используется до 50-ти аффиксов [2, 53].

В азербайджанском языке роль морфологического способа в образовании лингвистических терминов весьма значима. Как и в других тюркских языках в азербайджанском языке сфера деятельности морфологического способа словообразования достаточно обширная. Образованные этим способом лингвистические термины составляют особую систему в терминологии азербайджанского языка.

В обогащении азербайджанской терминологии велико значение раскрытия внутренней структуры, а также прояснения оттенков значений лингвистических терминов, образованных морфологическим путем. На наш взгляд, необходимо привлечь к анализу в указанном направлении лингвистические термины, которые образовались и сформировались морфологическим способом.

Проводимые исследования указывают на особую роль морфологического способа в образовании терминов. Развитие большого количества словообразовательных аффиксов, участие большинства из них в процессе словообразования азербайджанского языка способствует тому, что лингвистические термины, как и другие группы слов пополняются и обогащаются за счет определенных моделей.

Обратим внимание на несколько моделей морфологического терминообразования: 1. корень+аффикс; 2. корень+аффикс+аффикс; 3. корень + аффикс + аффикс + +аффикс; 4. корень+аффикс+аффикс+аффикс+аффикс; 5. корень + аффикс + аффикс+аффикс+аффикс+аффикс.

Модели 1−3 наиболее употребительные, а в частотности употребления моделей 4−5 наблюдается отставание. Приведем примеры: *şəkil+çi* «аффикс», *xüsusi+ləş+mə* «обособление», *hallan+ma* «склонение», *məcazi+ləş+mə* «переносность», *atributiv+ləş+mə* «атрибутизация», *adverbial+laş+ma* «адвербиализация» и др.

В азербайджанском языке, как и в других тюркских языках, в образовании лингвистических терминов морфологическим путем в качестве корневых морфем в основном используется имя существительное и, частично, глагол и прилагательное, например: *xəbər − xəbərlik* «сказуемое − сказуемость», *modal − modallıq* «модальный − модальность», *acıq (sait)* открытый (гласный), *qapalı (sait)* закрытый (гласный), ün − ünlü − ünsür «звук − звуковой − элемент» и др.

Образование морфологическим способом лингвистических терминов осуществляется за счет присоединения к корням словообразовательных аффиксов.

Проведенное нами исследование показывает, что в системе тюркских языков в целом, и в ее огузской группе, в частности, имеется большое количество активно употребляемых словообразовательных аффиксов. Среди наиболее частотных укажем следующие: вспомогательные морфемы *-çı, -çi, -çu, -çü* чаще образуют лин-

гвистические термины от существительных и глаголов, например: *dilçi* «лингвист», *önşəkilçi* «префикс», *şəkilçi* «аффикс», *lüğətçi* «лексикограф» и др.

Морфологическое словообразование в агглютинативных языках играет большую роль в обогащении словарного состава этих языков и в формировании терминов различных отраслей науки. С типологической точки зрения в тюркских языках, относящихся к агглютинативным языкам, имеется разнообразная и развитая система словообразующих аффиксов. Вышеизложенную мысль еще раз подтверждает использование в азербайджанском словообразовании большинства продуктивных аффиксов.

Лингвистические термины и в других родственных тюркских языках образуются с помощью присоединения словообразовательного аффикса *-cı*[4] к соответствующим словам. Например: в турецком языке − ikinci ünsüz «беззвучный», sonor samit «сонорный согласный», benzetme «сравнение»; в туркменском − köməkçi dil «язык-посредник», dilçi «лингвист», в гагаузском − aracı dil «язык-посредник», köməkçi fel «вспомогательный глагол», bağlayıcı «союз».

Считающийся наиболее употребительным аффикс *−lıq, −lik, −luq, −lük* в тюркских языках активен в образовании лингвистических терминов. Например: в азербайджанском языке − əvəzlik «местоимение», tamamlıq «дополнение», zərfilik «обстоятельство», adlıq «именительный», sonluq «окончание», yiyəlik «родительный», yerlik «местный», çıxışlıq «исходный», yönlük «дательный», önlük «предлог», tabelik «подчинение» и др.; в турецком − karşılık «?», sözlük «словарь», dilçilik «языкознание», tarihçilik «история», eşitlik eki «?», «birpgəlik şəkilçisi» «аффикс совместности», «fonetik birlik» «фонетическое единство», «fonetik vəhdət» «фонетическое единство», *akrabalık adları* «родственные слова», *tabelilik* «подчинение», *iyelik ekleri* «аффиксы принадлежности», devrilik, inversiya «инверсия» и др.; в туркменском − *işlik* «глагол», *eklik* «отрицание» и др.; в гагаузском − *üüseklik* «расширение», *sayılık* «числительное», *dişilik çinsi* «мужской род», *qadın cinsi* «женский род», *saabilik affiksi* «аффиксы принадлежности» и др. Из сказанного следует, что имеется ряд одинаковых лингвистических терминов и в азербайджанском и в близком ему турецком языке, например: *dilçilik* «языкознание», *sözlük* «словарь», *karışık* «эквивалент». Представленное здесь турецкое слово *karşılık* отличается от азербайджанского *qarşılıq* употреблением начальных согласных *q* и *k.* На наш взгляд, давно закрепившиеся в азербайджанском языке термины, заимствованные из неродственных ему языков, можно заменить эквивалентами терминов, употребляющихся в родственных тюркских языках. Например, было бы правильнее вместо лингвистического термина *tabelilik, tabesizlik* употреблять *bağımlılıq, bağımsızlıq* «подчинение, сочинение», вместо *mənsubiyyət − yiyəlik* «принадлежность», а вместо *fel* − имеющейся в туркменском языке термин *işlik* «глагол». Вместо слов *arxaizm* «архаизм», *arxaik* «архаический» образовать *gedər söz* «вышедшее из употребления слово», а вместо tarixizm − *çıxdaş söz*. Или же употребляемое в турецком языке *tarihselçiklik* «историзм» можно заменить на *tarixçik* или *tarixcə.* Аффиксы *−lı, −li, −lu, −lü* играют важную роль в образовании лингвистических терминов. В азербайджанском языке − cingiltili (samit) «звонкий (согласный)», tabeli (mürəkkəb cümlə) «подчиненное (сложное предложение)», şəxsli (cümlə) «личное (предложение)», vurğulu (heca) «ударный (слог)», cüttərkibli (cümlə) «двусоставное (предложение)», çoxmənalı (söz)

«многозначное (слово)»; в турецком языке − hışırtılı (ünsür) «шумный (элемент)», ikili (şekil) «двойной аффикс»; в туркменском языке значение «взрывные согласные» передано сочетанием *zarplı çekimsizler*, а значение «гласные звуки» − *sait səslər.* И в гагаузском языке с помощью аффикса – *lı* образуются лингвистические термины. Например, азербайджанское понятие cingiltili samit «звонкий (согласный)» передано гагаузским лингвистическим термином *sesli konson*, а азербайджанский термин *felin qayıdış növü* «возвратный залог глагола» − гагаузским термином *dönüşlü işlik.* Проведенное лингвистическое исследование обнаруживает следующее: с помощью этого аффикса образуются, как правило, имена прилагательные, входящие в состав словосочетания, являющегося лингвистическим термином. Образованные с помощью аффиксов *−sız, −siz, −suz, −süz* термины (и слова) участвуют в образовании противоположных по значению (антонимичных) терминов (и слов) с аффиксом *−lı.* Например, в азербайджанском языке: *şəxssiz (cümlə)* «безличное (предложение)», *tabesiz (mürəkkəb cümlə)* «сочиненное (сложное предложение)», *vasitəsiz (nitq)* «прямая (речь)», *bağlayıcı (tabeli mürəkkəb cümlə*) «союзное (подчиненное сложное предложение)». С этим же аффиксом в турецком языке образован *ünsür* «(согласный) звук», *tonsuz ünsür* «глухой согласный» и др. В гагаузском языке лингвистические термины, образованные с помощью этого словообразующего аффикса, следующие: *bellisiz aderlik* «неопределенное местоимение», *affiksiz dooru tamannık* «неопределенное прямое дополнение».

Азербайджанский аффикс *-ma, -mə* образовал следующие лингвистические термины: *bağlama* «союз», *zərfləşmə* «обстоятельство», *formalaşma* «формирование», *aktuallaş(dır)ma* «актуализация», *alınma (söz)* «заимствованное (слово)», *azaltma* «уменьшение», *çoxaltma* «увеличение», *şiddətləndirmə (dərəcələri)* «степени усиления», *birləşmə (bağlayıcısı)* «соединительный (союз)», *bölüşdürmə (bağlayıcısı)* «разделительный (союз)», *vokallaşma* «вокализация», *qarşılaşdırma (bağlayıcısı)* «противопоставительный (союз)», *qovuşma* «соединение», *qoşulma (budaq cümləsi)* «соединительное (придаточное предложение) и др. С этим аффиксом в турецком, туркменском и гагаузском языках также образован ряд лингвистических терминов.

В азербайджанском и других тюркских языках огузской группы аффикс *-ım, -im,-um,-üm* считается продуктивным с путем присоединения данного аффикса к глагольным корням образуются лингвистические термины.

Аффикс *-lı, -li, -lu, -lü* активен при образовании терминов, являющихся обозначениями сложных процессов, например: *daxili* «внутренний», *davamlı* «длительный», *mənalı* «значимый», *təsirli* «переходный», *təkmənalı* «однозначный», *ikiüzvlü* «двучленный», *ikiheçalı* «двусложный» и др.

Исследование терминов позволяет заключить, что данный аффикс активен при образовании сложных и терминологических сочетаний, например: *təkmənalı söz* «однозначное слово», *toplu isimlər* «собирательные существительные», *çoxbudaqlı tabeli mürəkkəb çümlə* «сложное предложение с несколькими придаточными» и др. Образованные с этим аффиксом общеупотребительные слова, перейдя в терминологическую лексику, приобретают терминологический характер.

Аффиксы *-ıcı, -icі, -ucu,-ücü / -yıcı, -yici, -yucu, -yücü,* присоединяясь к глагольным корням, образуют термины-наименования отдельных процессов и орудий, например: bağlayıçı, cəmləyici, qiymətləndirici, təyinediçi, dilxariçi.

А с помощью аффикса *-ış,-iş,-uş,-üş* образуются термины, обозначающие движение и скорость, например: çağırış «зов, звательный», qayıdış «возврат возвратный», çıxış «исход, исходный», kəsiliş «условие, условный» и др. В большинстве случаев аффикс присоединяется к исконно азербайджанским словам, образуя термины различных моделей. Эта особенность связана с глагольным происхождением данного аффикса. А, следовательно, вместе с глагольными корнями он образует лингвистические термины номинативного характера, обозначающие действие и процесс. Основной причиной частотности использования этого аффикса для образования терминов является богатство понятий, связанных с действиями и процессами в науке. Аффикс *-maq, -mək* также активен при образовании терминов. Характерные особенности таких аффиксов кроются в обозначаемых ими действиях, процессах. В общем, во всех отраслях науки и техники действия и процессы преобладают, что находит отражение в отраслевой терминологии. В это время «сказуемость как грамматическая категория, обозначающая в технической терминологии действие, выступает в формах существительного, не как глагольная форма выражения логического субъекта, а как сложная форма существительного с понятием действия, которая объединяет его с понятием абстрактной предметности» [3,13]. Т.е. у каждого действия или процесса должно быть наименование. Этого можно достичь путем прибавления к глаголам аффикса, -maq^2 например: *cəmlənmək* «сосредоточивать», *sıralamaq* «упорядочивать», *hallanmaq* «склонять», *isimləşmək*, *substantivləşmək* «субстантивировать» и др. Известно, что после принятия глагольными корнями аффиксов −maq^2, глагол теряет некоторые присущие ему особенности: наряду с потерей понятий времени и лица он не может и присоединить никакого глагольного аффикса. Все аффиксы, присоединяемые после аффиксов -maq^2, принадлежат имени существительному, т.е. особенности, которые несет в себе существительное, присущи и инфинитиву.

Выводы и перспектива. Таким образом, морфологический способ образования терминов является самым продуктивным. Но не все аффиксы, участвующие в процессе морфологического терминообразования, в равной степени частотны. В то время как некоторые из аффиксов *(-lıq^4,-lı^4, -ıq^4, -an^2),* присоединяясь к различным словам, могут образовывать бесчисленное количество новых терминов, возможности других ограниченны. Если некоторые из аффиксов, которые напрямую присоединяясь к корню (модель *корень+аффикс*) слов, обозначают новые понятия, то другие (модель *корень+аффикс+аффикс*) образуют новые термины. Таким образом, по своим специфическим особенностям аффиксы, принимающие участие в процессе образования лингвистических терминов морфологическим способом, можно сгруппировать по следующим основаниям:

1. аффиксы, образующие имена от имен
2. аффиксы, образующие имена от глаголов.

Литература

1. Sadıqova S. A. Azərbaycan dilinin terminologiyası / S. A. Sadıqova. – Bakı: Elm, 2011.
2. Qasımov M. Azərbaycan dili terminologiyasının əsasları / M. Qasımov. – Bakı: Elm, 1973.
3. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии [Труды Моск. Института истории, философии и литературы, т. В (сб. Статей по языкознанию) / Г.О. Винокур. – Москва, 1939.
4. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В.П.Даниленко. – Москва: Наука, 1977.

Атакішіев Е. М. Лінгвістичні терміни, утворені морфологічним способом / Е. М. Атакішіев // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 349–354.

У цій статті до аналізу залучено лінгвістичні терміни, утворені морфологічним способом. Процес утворення нових слів сприяє збагаченню мови. Доказом цього є велика кількість лексичних одиниць, утворених у азербайджанській мові саме морфологічним способом. У процесі дослідження автором доведено, що морфологічний спосіб утворення термінів є найпродуктивнішим. Проводиться порівняльний аналіз з турецькою мовою, наведено приклади в обох мовах дослідження. Також автором підіймається питання про формування нової термінології азербайджанської мови та щодо заміні застарілих понять.

У статті вказано роль морфологічного способу словотворення у формуванні словникового складу аглютинативних мов.

Ключові слова: лінгвістичний термін, афікс, морфологічний метод, похідне слово, корінь слова, просте слово

Atakishiyev E. M. Linguistic terms formed by morphological method / E. M. Atakishiyev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 349–354.

In this paper linguistic terms formed by morphological method are analysed. As we know the process of new words' formation enriches the language. The large number of lexical units formed in Azerbaijani language by morphological method provides us with proofs of this fact. During the research the author has proved that the morphological method of forming new terms is the most productive, derivational suffixes are examined, and examples of words which formed by five models of words formation that the author distinguished are given. Also, the author provides us with the comparative analysis with the Turkish language and examples in both languages. In the article the author bring up the issue of the formation of the new terminology in Azerbaijani language, replacement of outdated concepts. Not all the affixes that are involved in the process of morphological formation of the terminology are equally frequent. Some of the affixes *(−lıq^4, −lı^4, −ıq^4, −an^2)* join different words are able to form a countless number of new terms, but the possibilities of other affixes are limited. If some of the affixes are directly joining the root of the word (model the root + affix) and represent the new concepts, the others (the model root + affix + affix) form the new terms. Thus, according to their specific characteristics affixes that taking part in the formation of linguistic terms by morphological method can be classified into the following group:

1. affixes which form the names from the names

2 . affixes which form the names from the verbs.

The author also emphasizes the role of the morphological method in the formation of the vocabulary of agglutinative languages.

Key words: linguistic term, affix, morphological method, a derivative, the root of the word, a simple word

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 355–361.

УДК 811.111’ 37=512.161

TÜRKÇEYE DAIR TEORILER, YAYILMA ALANLARI, SINIFLANDIRMALAR (CLASSIFICATION) VE TARIHI

Оздемир А. Д.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
E-mail: ozdemir67@hotmail.com

В статье описываются пути происхождения турецкого языка, ареал его распространения. Автор уделяет внимание общетюркским языковым связям и союзам, приводит классификации тюркских языков с позиций разных ученых: К. Грёнбека, Ж.Р. Крюгера, Г. Клаусона, Г. Дёрфера, Бензинга, А. Щербака и др., характеризует роль и определяет место турецкого языка в общей системе тюркских языков.

Ключевые слова: турецкий язык, история, классификация тюркских языков, лексика, фонетика.

Türkçeye Dair Teoriler, Yayılma Alanları, Sınıflandırmalar (Classification) ve Tarihi (1. bölüm)

Amaç ve hedefimiz. Türkçe, Ural-Altay dil grubuna dâhil ve Asya kökenli bir dil olmasına karşın, bugün dünyanın değişik noktalarındaki ilim adamları tarafından üzerinde en çok inceleme yapılmış ender dillerden biridir. Türkçenin temelleri Türkistan da atılmış, zamanla olayların tesiri sonucu dünyanın değişik noktalarına açılma imkânı bulmuştur. İşte bu yayılımın genişliği sonucu bilimciler Türkçe konusunda ortak bir noktaya varamamış, bir sonrakiler öncekilere bir şeyler eklemiş ya da bir şeyleri çıkartarak eserlerini ortaya koymuşlardır. Sonuçta da bazı teori ve savlar ortaya koymuşlar bazı gruplandırmalar yapmışlardır. İşte biz burada Türkologların bazılarının yapmış olduğu çalışmaların ne durumda olduğuna bir göz atacağız.

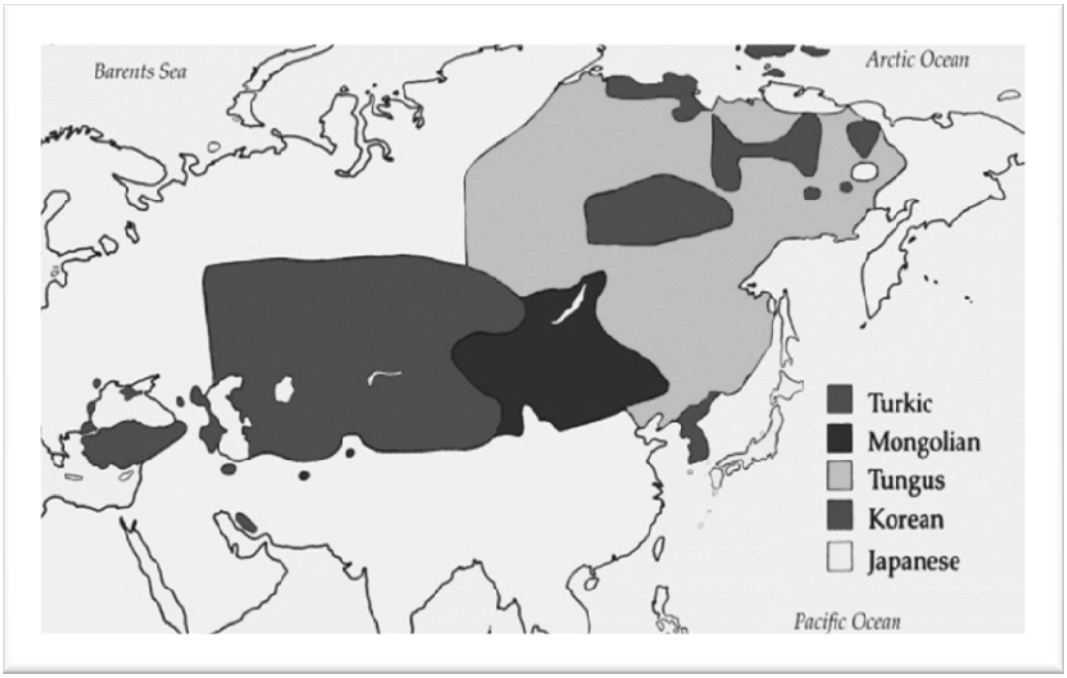
Makalede şu yollar (metot) takip edildi. Konu incelenirken, Türkçeye Dair Teoriler, Yayılma Alanları, Sınıflandırmalar (Classification) ve Tarihi üzerine gözlemleme metodundan en başta faydalanıldı.

Türkçe ile alakalı en çok göze çarpan Altay Dilleri Teorisi’dir. Buna göre; Türk, Moğol, Tunguz, Kore ve Japon dillerinin ortak bir kökten çıktığını ve bunların akraba olduğunu kabul eden teorinin adı Altay dilleri teorisidir. Başlangıçta sadece Türk, Moğol, Tunguz dillerinin akrabalığı üzerinde durulurken 20. yüzyılın ortalarında ve ikinci yarısında Korece ve Japonca da bunlara katılmıştır. Teoriye göre bu diller ortak bir ata dilden iniyordu. Ortak ata dil, farazî bir dildi ve tabiatıyla bir adı yoktu. Akrabalık teorisine inananlar bu farazî dile Altay dili (Altayca) adını verdiler. Altay dilinden zaman içinde ayrılarak bağımsız diller hâline gelen akraba diller topluluğuna da Altay dilleri ailesi adı verildi. Karşılaştırmalı Altay dilleri bilim alanına Altayistik, bu bilim alanıyla uğraşanlara da Altayist denildi [1, 17].

Uzun zamandan beri tartışılan Türk, Moğol ve Mançu-Tunguz dilleri arasındaki yakınlığın [2, 98], genetik akrabalıktan kaynaklandığı görüşü ilk olarak Strahlenberg tarafından ortaya atılmıştır. Genetik akrabalığın reddi ise 1820’de Rémusat ile başlamıştır

[3, 157]. İki buçuk asrı geçen süre içerisinde K. Grønbech, J. R. Krueger, Clauson, Doerfer, Benzing, Şçerbak ve Róna-Tas gibi isimler genetik akrabalığı reddetmişlerdir. Ramstedt, Németh, Poppe, Aalto ve Baskakov gibi araştırmacılar ise genetik akrabalığı savunmuşlardır. Türkiyeli Türkologlar da, başta Talat Tekin, Osman Nedim Tuna ve Tuncer Gülensoy gibi isimler olmak üzere, adı geçen diller arasında genetik akrabalığın söz konusu olduğu görüşünde genellikle birleşmiş görünmektedirler [4, 58].

Altay dilleri oldukça geniş bir sahada konuşulmaktadır. Son çalışmalardan birinde bu coğrafya şöyle tanımlanmıştır: "Bu alan, batıda Türkiye, hatta Balkanlardan başlayıp Avrupa Rusyası'ndan Merkezî Asya'yı geçerek Sibirya'ya, Moğolistan'a, Çin'e ve nihayet doğuda Pasifik Okyanusu'na kadar uzanmaktadır" [5, 18]. Osman Nedim Tuna, enlem ve boylamlarını işaret ederek net çizgilerle çizmeye çalıştığı bu alanın yüzölçümünü 19.878.368 km² olarak vermiştir [6, 7].

Harita 1: Altay dilleri ailesi [7, 59].

Altay dillerini konuşanların sayısı, kaynaklarda farklı verilmiştir. Son yapılan çalışmalardan birinde, Ruhlen, Aynu'yu da dâhil ederek bu dilleri konuşanların sayısını şöyle vermiştir [8, 287]:

Dil Aileleri	Mevcut Dil Sayısı	Konuşan Sayısı
Türkçe	31	80.000.000

Moğolca	12	3.000.000
Tunguz	16	80.000
Korece	1	55.000.000
Japonca-Rykyuan	2	115.000.000
Aynu	1	Çok az
Toplam	63	250.000.000

Gülensoy, Altay dillerini konuşanların sayısının 350 milyondan fazla olduğunu belirtirken [9, 21], Katzner, Japonca ve Korece'yi dâhil etmeden Altay dillerini konuşanların sayısını 150 milyon olarak göstermiştir [10, 18].

Altay dillerini konuşanların sayısında olduğu gibi bu grubun en kalabalık üyesi olan Türkçeyi konuşanların sayısı için de çeşitli rakamlar verilmiştir. Yukarıdaki tablodan da görüldüğü üzere Ruhlen, dünyada Türkçe konuşanların sayısını 80 milyon olarak gösterirken, Hasan Eren, "Çağdaş Türklerin Sayısı" başlıklı yazısında, H. Boeschoten de "The Speakers of Turkic Languages" adlı çalışmasında bu sayıyı yaklaşık 125 milyon olarak vermişlerdir [11, 352; 12, 13-14; 13, 3]. Bugün Türkçe konuşanların sayısını, Zakir B. Avşar – Ferruh Solak – Selma Tosun "Türklerin Demografisi (1950-2025)" adlı makalesinde Türk Dünyası nüfusunun 182 milyon kişiyi aştığını belirtir [14, 235].

Konuyla alakalı araştırmacılar, zaman zaman Ural-Altay dillerinin ya da sadece Altay dillerinin temel özelliklerini bazı başlıklar altında toplamışlardır. Zeynep Korkmaza göre Altay dil ailesinin başlıca ortak özellikleri şu noktalarda toplanabilir:

1- Aile içinde yer alan dillerin hepsi de eklemeli dillerdir.

2- Çekim ve türetmede hep son ekler kullanılır. Ön ek sistemi yoktur.

3- Bu dillerde cinsiyet yoktur. Bu sebeple sözcükler şekil değişikliğine uğramazlar.

4- Sayı sıfatlarından sonra gelen isimler genellikle teklik şeklindedir.

5- Altay dilleri eklemeli dil yapısında oldukları için kelime kökleri sabittir. Türetme yeni eklerle yapılır. Zengin bir ek sistemi vardır.

6- Diller arasında aynı şekilden kaynaklandığı tespit edilen ortak ekler vardır. Bu özellik Moğolca ile Türkçe arasında daha belirgindir.

7- Cümle yapısı bakımından özne fiilden önce gelir ve genellikle baştadır. Fiil cümle sonundadır. İsim ve sıfat tamlamalarında, belirten belirtilenden önce gelir; yani, tamlamanın ikinci derecedeki unsuru esas unsurun önündedir.

8- Altay dilleri arasında bugün görülen bazı ses değişmeleri, bunları kökende ses bilgisi bakımından yine bir ortaklığa götürmektedir. Nitekim *r / z* ve *s / l* ses denklikleri vardır.

9- Ses bilgisi açısından Altay dillerini ortaklaştıran diğer bir özellik de ünlü uyumunun varlığıdır.

10- Altay dillerinin hiçbirinde, kelime başında *l, r* ve *n* ünsüzleri bulunmaz. Türkçe ve Moğolcada *f* fonemi de yoktur [15, 684-685].

Altay dilleri teorisine inanan araştırmacılar, bu dillerin yaşı üzerinde de durmuşlardır. Bugün, Altay dil ailesi içinde düşünülen dillerin Ana Altay dilinden ne zaman ayrıldıkları hususunda, bilim adamlarınca çeşitli görüşler ileri sürülmüştür. Ramsted'e göre Tunguz, Kore, Moğol ve Türk dilleri ve halkları M.Ö. 4000 yılında birbirinden ayrılmıştır [16, 53]. Ligeti, bu tarihi M.Ö. 3000-2000'lere götürmüştür [17, 170].

Osman Nedim Tuna'ya göre ise; 1966 yılı temel alınınca, Ana Altay dili 8972, Ana Tunguz dili 5872, Ana Moğol dili 7112, Ana Türk dili de 8352 yaşındadır [18, 34].

Altay dillerinin yaşlarıyla ilgili yukarıdaki ve benzeri görüşler ileri sürülse de aslında bu dillerden günümüze ulaşan yazılı belgelerin geçmişleri hiç de eskilere dayanmamaktadır. Moğolcanın en eski yazılı belgesi, 1225 tarihli Yesunke Taşı'dır. Moğolların Gizli Tarihi adıyla dilimize çevrilen Mongol-un Niguça Tobça'an ise 1240 yılından kalma bir eserdir. Bir diğer eski Moğol kaynağı Altan Tobçi ise 16. yüzyıla aittir. Tunguzcanın en eski belgeleri 1413 ve 1433 tarihlidirler. Korecenin en eski yazılı belgesi ise 1443 tarihlidir. Altay dilleri arasına son yıllarda dâhil edilen Japoncanın en eski yazılı belgesi 712 yılından kalma Nihan Şoki'dir [19, 22-24]. Tekin, Türkçenin, tarihi bilinen en eski yazıtı kabul edilen Çoyr yazıtının 688-692 yılları arasında dikildiğini düşünmektedir [20, 19]. Bir Köktürk erinin İlteriş'e katıldığını anlatan altı satırlık bu yazıt için Ercilasun ise 687-692 tarihlerini vermiştir [21, 130; 22, 128-129].

Altay dilleri teori başlangıcı 18. yüzyılın ilk çeyreklerine kadar gitmekte olup, bu alandaki ilk çalışmayı İsveçli bir subay Johann Philipp Tabbert (von Strahlenberg) yapmıştır. 1730'da ünlü kitabı *Das Nord und Östliche Teil von Europa und Asia'yı* neşretti. Bu eserde 32 dilden ve lehçeden 35 kelimenin karşılıklı bir listesi bulunmaktadır. Liste, *tanrı, gök, ana* gibi kelimelerden ve sayılardan oluşuyordu.

Strahlenberg, kitabında Kuzey Avrupa ve Sibirya'da konuşulan dilleri altı kısım içinde toplamıştır. Yazar bu dillere boreoorientalis veya çağdaş terminolojiye göre "Tatar dilleri" demektedir [23, 10-11; 24, 304]. Strahlenberg'in gruplandırması şu şekildedir:

1. Fin-Ugor (Strahlenberg, Ugor yerine Uygur'u kullanmıştır.): Macar, Fin, Vogul, Çeremis, Permyak, Votyak, Ostyak
2. Türk-Tatar: Tatar, Yakut, Çuvas
3. Samoyed
4. Moğol-Mançu: Kalmuk, Mançu, Tangut
5. Tunguz: Tunguz, Kamasin, Arîn, Koryak, Kuril
6. Karadeniz'le Hazar denizi arasındaki halklar [25, 125; 26, 11; 27, 111; 28, 4].

Strahlenberg'den sonra Fransız J. P. Abel Rémusat (1788-1832) da 1820'de yazdığı "Recherches sur les langues tartares" adlı çalışmasında "Tatar dilleri" tabirini kullanmıştır. Bu tabiri kullanan başka bir araştırmacı da 1836'da Alman W. Schoot (1802-1889) olmuştur [29, 4; 30, 283].

Strahlenberg'den yüz yıl kadar sonra Danimarkalı dil bilimci Rasmus Rask (1787-1832), 1834'te "Den skytiske Sproget" adlı çalışmasıyla Altay dillerinin akrabalığı meselesine yeniden değinmiş, gruba başka dilleri de ilave ederek bunları "İskit dilleri" diye adlandırmıştır. Ari öncesi İspanya ve Galya, Paleoaziatik, Grönland, Kuzey Afrika, Asya, Avrupa ve Kafkasya dilleri; Rask'ın, Strahlenberg'in karşılaştırdığı dillere ilave ettiği diller arasındadır. Max Müler (1823-1900), grubu daha da genişleterek Siyam, Güney Hindistan ve Tibet dillerini de buraya eklemiş ve "Turanî diller" terimini kullanmıştır [31, 13; 32, 58-65].

1838'de Estonyalı bir bilgin olan F. Wiedemann, Ural – Altay dillerini, Hint -Avrupa dillerinden ayıran özellikleri 14 madde halinde tespit etti. *Über die früheren sitze der tschudischen Völker und ihre Sprachverwandtschaft mit den Völkern Mittelhochasiens* (1838) adlı eserinde Çud halkları terimini kullanan Wiedemann'ın 14 maddesi şunlardır:

1. Ses uyumu, bütün Ural-Altay dillerinde müşterek bir esastır.
2. Bu dillerde gramatik cinsiyet yoktur.
3. Artikeller bulunmaz.
4. Tasrif, eklerle yapılır.
5. İsimlerin çekiminde mülkiyet eki kullanılır.
6. Fiil şekilleri zengindir.
7. Hint-Avrupa dillerindeki prepozisyon yerine postpozisyon kullanılır.
8. Sıfatlar isimlerden önce gelir.
9. Sayı sözlerinden sonra çokluk eki kullanılmaz.
10. Mukayese, ablatif (-den hali) ile yapılır.
11. Yardımcı fiil olarak "habere" (malik olmak) yerine "esse" (olmak, imek) kullanılır.
12. Ural-Altay dillerinin birçoğunda menfi hareket için hususi fiil vardır.
13. Soru eki mevcuttur.
14. Bağlar yerine fiil şekilleri kullanılır [33, 5-6; 34, 18].

Daha sonraki yapılacak çalışmada W. Schott, Castren, Ramstedt, Penti Aalto, Marti Räsänen, Eino Karahka, Paul Jyrkänkallio gibi birçok meşhur Mongolist, Türkolog ve Altayist çalışmaları incelenilecektir.

Bibliyografya:

1. Ercilasun Ahmet Bican Türk Dili Tarihi / Ercilasun Ahmet Bican. – İstanbul: Akçağ Yayınları, 2007. – 486 s. – ISBN 978-975-338-589-3
2. Perrot Jean Dilbilim / Jean Perrot Ankara: Dost Kitapevi Yayınları, 2006. – 144 s. – ISBN 975-298-255-7
3. Doerfer Gerhard "Akraba Olmama Kanıtlanabilir mi? – Altay Dilleri Sorunu", (Çev. Faruk Gökçe) / Gerhard Doerfer. – Türkbilig, 2003 / 5. – s. 157-168. – ISBN 1302-6011
4. Ersoy Feyzi Türk-Moğol dil ilişkisi ve Çuvaşça / Feyzi Ersoy doktora tezi. – Ankara: Gazi Üniversitesi, 2008. – 718 s.
5. Katzner Kenneth The Languages of the World / Katzner Kenneth. – London and New York, 2005, 384 s. – ISBN 0–415–25004–8.
6. Tuna Osman Nedim Altay Dilleri Teorisi / Tuna Osman Nedim. – Ankara: Türk Dünyası El Kitabı, TKAE Yay. Ankara 2. Baskı, 2, 1992. – s. 7-58, 532 S. – ISBN 975-456-049-8
7. Ersoy, Feyzi, Türk-Moğol dil ilişkisi ve Çuvaşça / Feyzi Ersoy doktora tezi. – Ankara: Gazi Üniversitesi, 2008. – 718 s.
8. Ruhlen Merritt A Guide to the Wold's Language / Merritt Ruhlen. – California: Stanford University Press, 1991. – 492 s. – ISBN 978-0804718943
9. Gülensoy Tuncer Türkçe El Kitabı / Tuncer Gülensoy. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2000. – 638 S. – ISBN 978-975-3383318
10. Katzner Kenneth, The Languages of the World / Katzner, Kenneth. – London and New York, 2005, 384 S, ISBN 0–415–25004–8.
11. Eren Hasan, Çağdaş Türklerin sayısı / Eren, Hasan, Çağdaş. – Türk dili dergisi, 1995 / 1
12. Boeschoten, Hendrik, The Speakers of Turkic Languages, The Turkic Languages [Edited by Lars Johanson and Eva A. Csato] / Hendrik, Boeschoten. – London and New York, 1998. – S.1-15 (474 s.) – ISBN 0-415-08200-5
13. Eren, Hasan, Türklük Bilimi Sözlüğü / Hasan Eren [I. Yabancı Türkologlar]. – Ankara: TDK Yayınları, 1998. – 382 s. – ISBN 975-16-1033-8
14. Avşar B. Zakir. – Solak, Ferruh – Tosun, Selma, Türkler, C 1. – Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002. – S.205-241. – ISBN 975-6782-33-1
15. Avşar B. Zakir. – Solak, Ferruh – Tosun, Selma, Türkler, C 1. – Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002. – S.205-241. – ISBN 975-6782-33-1

16. Róna-Tas A. Did the Proto-Altaic People Know the Stirrup? / A. Róna-Tas. – Szeged: Language and History, 1986. – S. 50-53
17. Róna-Tas A., “The Periodization and Sources of Chuvash Linguistic History / A. Róna-Tas. – Szeged: Language and History, 1986. – S. 160-216.
18. Tuna Osman Nedim Altay Dilleri Teorisi / Tuna, Osman Nedim. – Ankara: Türk Dünyası El Kitabı, TKAE Yay. Ankara 2. Baskı, 2, 1992. – S. 7-58, 532 S. – ISBN 975-456-049-8
19. Gülensoy Tuncer, Türkçe El Kitabı / Tuncer Gülensoy. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2000. – 638 s. – ISBN 978-975-3383318
20. Tekin Talat – Ölmez, Mehmet, Türk Dilleri / Tekin, Talat – Ölmez, Mehmet. – İstanbul: Simurg Yayınları, 1999. – 200 s. – ISBN 978-975-172284
21. Ercilasun Ahmet Bican, Başlangıcından Yirminci Yüzyıla Kadar Türk Dili Tarihi / Ercilasun, Ahmet Bican. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2004. – 488 s. – ISBN 975-338-589-7
22. Ercilasun Ahmet Bican, Türk Dili Tarihi / Ercilasun Ahmet Bican. – İstanbul: Akçağ Yayınları, 2007. – 486 s. ISBN 978-975-338-589-3
23. Caferoğlu Ahmet Türk Dili Tarihi / Ahmet Caferoğlu [Enderun Kitabevi, (3. baskı). – İstanbul, 1984. – 200+246 s.
24. Eren Hasan, Türklük Bilimi Sözlüğü / Eren, Hasan [I. Yabancı Türkologlar]. – Ankara: TDK Yayınları, 1998. – 382 s. – ISBN 975-16-1033-8
25. Poppe Nicholas, Introduction to Altaic Linguistics / Nicholas Poppe. – Wiesbaden, 1965. – 212 s.
26. Caferoğlu Ahmet, Türk Dili Tarihi [Enderun Kitabevi, (3. baskı). – İstanbul, 1984. – 200+246 s.
27. Aksan Doğan, Her Yönüyle Dil / Aksan, Doğan. – Ankara: TDK Yayınları, C 1, 2009a. – 162 s. – ISBN 975-16-0975-5
28. Temir Ahmet Ural-Altay Dilleri Teorisi / Temir, Ahmet [Türk Dünyası El Kitabı, İkinci Cilt: Dil-Kültür-Sanat]. – Ankara, 2002. – 540 s. – ISBN 975-456-049-8
29. Temir Ahmet Ural- Altay Dilleri Teorisi / Temir, Ahmet [Türk Dünyası El Kitabı]. – Ankara: TKAE Yayınları, C 2, 1992. – S. 3-7, 532 s. – ISBN 975-456-049-8
30. Eren Hasan, Türklük Bilimi Sözlüğü / Hasan Eren [I. Yabancı Türkologlar]. – Ankara: TDK Yayınları, 1998. – 382 s. – ISBN 975-16-1033-8
31. Poppe Nicholas Introduction to Altaic Linguistics / Nicholas Poppe. – Wiesbaden, 1965. – 212 s. – 125-126; Caferoğlu, Ahmet Türk Dili Tarihi / Ahmet Caferoğlu [Enderun Kitabevi, (3. baskı). – İstanbul, 1984. – 200+246 s.
32. Ersoy Feyzi Türk-Moğol dil ilişkisi ve Çuvaşça / Feyzi Ersoy [doktora tezi (Gazi Üniversitesi). – Ankara, 2008. – 718 s.
33. Temir Ahmet Ural- Altay Dilleri Teorisi Teorisi / Temir, Ahmet [Türk Dünyası El Kitabı]. – Ankara: TKAE Yayınları, C 2, 1992. – S. 3-7, 532 s. – ISBN 975-456-049-8
34. Ercilasun Ahmet Bican, Türk Dili Tarihi / Ercilasun Ahmet Bican. – İstanbul: Akçağ Yayınları, 2007. – 486 s. – ISBN 978-975-338-589-3

Оздемір А. Д. Теорії походження турецької мови, території її поширення, класифікації та історія / А. Д. Оздемір // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 355–361.

У статті описуються шляхи походження турецької мови, ареал її поширення. Автор приділяє увагу загальнотюркським мовним зв'язкам і спілкам, призводить класифікації тюркських мов з позицій різних вчених: К. Гренбеки, Ж.Р. Крюгера, Г. Клаусона, Г. Дерфера, Бензінга, А. Щербака та ін, характеризує роль і визначає місце турецької мови в загальній системі тюркських мов.

Ключові слова: турецька мова, історія, класифікація тюркських мов, лексика, фонетика.

Ozdemir A. D. Theory of the origin of the Turkish language, its language-range zone, classification and history / A. D. Ozdemir // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 355–361.

This article describes the ways of Turkish origin, its language-range zone. The author focuses on the Pan-Turkic language bonds and unions, examines classification of Turkic languages from the standpoint of differ-

ent scientists such as K. Grenbeka, J.R. Kruger, G. Clawson, G. Derfera, Bensing, A. Shcherbakov, describes the role and determines the place of the Turkish language in the general system of Turkic languages.

Despite the fact that nowadays the Turkish language is already included in the Ural-Altaic group and Asian languages, there are many points of view on a multifaceted problem of the origin and development of the Turkish language, the classification of the Turkic languages, the similarities and differences between Turkic languages, Turkic language bonds with Chinese, Korean, Japanese, Tungus languages. Speaking that the foundations of Turkish language were made in Turkestan, you should pay attention to the fact that the Turkish language and its vocabulary formed over a long period under the influence of various factors. One of these factors is the area of Turkish language distribution, which created the conditions for interaction of the Turkish language with other languages and different peoples' cultures. The author shows the way of Turkish language formation and how vocabulary and phonetic peculiarities influenced by various linguageographical factors were arising in the Turkish language.

Key words: Turkish language, history, classification of Turkic languages, vocabulary, phonetics.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 362–367.

УДК 811.111

THE CONJUNCTION *IT* AS A FORMAL SUBJECT

Mammadli V.

Baku State University
E-mail: azfolklor@yahoo.com

This article is dedicated to the conjunction *it* as a formal subject in the Composite Complex Sentences with the Subject Clause of the English language. It deals with the meanings, functions and the significant importance of the conjunction *it* for the English language Composite Complex Sentences with the Subject Clause. The author of the article also compares the connective ways of the Principal and Subject Clauses both of the Azerbaijani and English languages. Some parallels have been made with the Russian language too. The author notes that the Composite Complex Sentences with the Subject Clause occupy a specific place in the English language and have got interesting features. These interesting features, their specification vividly appear while researching and analyzing the sentences which are mentioned above. The author claims that during the study of the types of the Subject Clauses in both languages and defining their meanings and forms of the connective words in the sentences they express he has found out the significant importance of the connective words in such kind of sentences.

This article also provides the reader with the examples from English literature and compares the compound sentences in English and Azerbaijani languages.

After comparing complex sentences with subordinate subject in English and Azerbaijani languages, it appears that the conjunction *it* is necessary in complex sentences with subordinate subject in English, while he, as a formal subject, can not be translated into Azerbaijani and Russian language.

Key words: conjunction, complex sentence, Russian, English, Azerbaijan language.

The Composite Complex Sentences with the Subject Clause occupy a specific place in the English language and have got interesting features. These interesting features, their specification vividly appear while researching and analyzing the above mentioned sentences. Thus, it is scientifically interesting that the first part of such sentences, i.e. the Principal Clause, preceded by the Subordinate one, starts with such pronouns as *It*, *This*, *That*. The formal pronoun *It* is used more widely than the other ones.

The pronoun *It* has become grammatically more abstracted in the English language. Therefore, it can be used as the subject in the following sentences. The pronoun *It* is the subject of the sentence in the following situations:

This is an English book. *It* is a new textbook.

Thus, these pronouns, especially the pronoun *It* forms impersonal or formal sentences.

Examples:

It is spring.

It is morning.

It was 3 o'clock.
It is hot in summer.
It is a long way to the station.
It was too far to walk.

All the above mentioned sentences are impersonal as well as simple. So, being grammatically the subject of the sentence, the pronoun *It* doesn't have the original meaning of the same personal pronoun. This is proved by Azerbaijan equivalents of these sentences too. Unlike the sentence structure of the Azerbaijan and Russian languages the impersonal sentences in the English language always contain both the Subject and the Predicative.

It	**is hot now.**
Subject	Predicative
İndi	**istidir.**
No Subject	Predicative
Сейчас	**жарко.**
No Subject	Predicative

As it can be seen from the examples the formal subject *It* is translated neither into Azerbaijan nor into Russian.

The pronoun *It* substitutes the nouns of the neuter gender, i.e. the lifeless things, and becomes the definite personal subject of the sentence. In this case it is both lexically and grammatically used as the full member – the subject of the sentence.

Example:

1. *It* is black coffee and very strong.
2. *It* is not my property, Henry (O. Wilde].
3. Is *it* the pavilion? – I asked.

While the time, distance or states of the natural phenomena are mentioned, the pronoun *It* is used as the subject of the sentence. *It* is used with some verbs (to rain, to snow, to hail) in order to express the weather.

Example:

1. *It* often rains in autumn.
- Payızda tez-tez yağış yağır.
(Осенью часто идут дожди.)
2. *It* was foggy that day.
- O gün hava dumanlı idi.
(В тот день погода была туманная.)
3. *It* hailed in December.
- Dekabrda dolu yağdı.
(В декабре выпал град.)

The above mentioned such sentences like "It rains", "It snows", "It hails" are translated into Azeri as "Yağış yağır" (Идет дождь), "Qar yağır" (Идет снег), "Dolu yağır" (Идет град]. We can use the both meanings – the raining and the snowing – using the only one verb "yağır" and without using the words "rain" and "snow" themselves. The referring of the meaning of the word "yağır" either to the rain or to the snow depends on

the time and place. These verbs are used in the III person singular form both in English and Azeri.

Examples:

It is raining now.

- İndi yağış yağır.

(Сейчас идет дождь.)

It is getting dark.

- Hava qaralır.

(Темнеет.)

But the formal subject *It* should be certainly used in such kinds of the English language sentences unlike Azeri. The interrogative and negative forms of this kind of English sentences are the same with normal verbal predicative.

1. Does it rain in autumn in Baku?

- Payızda Bakıda yağış yağırmı?

(Идет ли дождь осенью в Баку?)

2. Is it raining now?

- İndi yağış yağırmı?

(Идет ли дождь сейчас?)

3. Did it snow yesterday?

- Dünən qar yağırmı?

(Шел ли снег вчера?)

4. It didn't snow yesterday.

- Dünən qar yağrmadı.

(Вчера не шел снег.)

The formal subject *It* is also used with the verb in Present Simple in the subordinate clauses, expressing "eternal truth".

1. *It* is necessary that all should be present.
2. *It* is strange that he has not come at all.
3. *It* doesn't mater whether we start now or later.
4. *It* is a mystery how the burglars go into the house.

The Principal Clause, that precedes the Subject one, also starts with the pronoun as a rule. Let's run over some this-type of the Composite Complex Sentences with Subject Clause. The Sentence begins with the formal *It* if the Subject Clause follows the Predicative.

Examples:

1. *It* is doubtful whether he will be able to come.
2. Is *it* possible that he misunderstood what I said?
3. *It* is likely that there will be rain before evening.
4. *It* was unfortunate that the weather was so wet.
5. *It* is strange that he should have said that.
6. *It* is splendid news that you have won the scholarship.
7. *It* was curious how often one saw them together.
8. *It* will be a great day when you are promoted to be a managing director.
9. Is *it* a fact that you are going to get married?

While studying the types of the Subject Clauses in both languages and defining the meanings and forms of the connective words in the sentences they express, each time we find out the significant importance of the connective words in such kind of sentences.

Examples:

1. In Sacramento it was reported that cattle rustling is on the increase in California, with the blame being put on the scarcity of beef and rising food prices.

2. It was pointed out repeatedly during the session Thursday that applying for the student grants takes at least several months.

In about 60 per cent of the Subordinate Clauses the formal subject *It* is used with the Predicate in the Past Perfect.

Examples:

1. It was revealed that the conference had adopted a resolution calling for action against the proposal legislation.

2. It was confirmed that the Labour candidate had polled a majority of votes.

3. It was reported that the workers had demonstrated outside the employers' offices yesterday.

4. It was stressed that the cooperation between the socialist countries had made it possible to find the most expedient solutions for economic problems.

5. Yesterday the Prime Minister launched another tirade against miners. At the same time it was announced that he had invited the entire National Union of Mineworkers' Executive to Downing Street on Wednesday morning (Earnest Hemingway. "To Have and Have Not", Moscow, International Relations, 1979, p. 75].

The researches show that in about 90% of the studied examples the verb used with the formal subject *It* is in the Future in the Past Tense Form.

Example:

1. *It* was invisible that he would be asked those questions.

2. *It* was hoped that Glasgow, Edinburgh, Aberdeen and Dundee would indicate their refusal to implement the rent increases by the end of the next week.

3. *It* was arranged that he would select the diamonds, that we would send them to our Paris office, that there they would be cut and polished. After they were cut and polished, delivery would be maid to Mr. Baxter.

The formal *It* is also very often used in the sentences with the subject, expressed by the gerund.

Examples:

1. *It* is no use your *trying* to do that.

2. *It* wasn't much use my *pretending* that I didn't know the rules.

3.*It* was pleasant *sitting* in the café.

The formal subject *It* is used with verbs in the Passive Voice.

Example:

1. *It was agreed* that the clause *was to be dropped*.

2. *It* was his opinion that he *was hospitalized* for several weeks.

3. In Brussels, *it was announced* that a Belgian delegation will travel to Reykjavik on Sunday to seek special conditions for Belgian fishermen.

4. *It was disclosed* that the President will attend the festival as a guest of honour.

5. *It was announced* on Saturday that a basis for ending the dispute had been reached.
6. *It was agreed* by all that it would be unwise.

In the English language the passive constructions can be both the Principal and the Subordinate Clauses of the Composite Complex Sentence with the Subject Clause. Let's look through the following sentences:

1. *It is believed* that he is a good doctor.
2. *It was expected* that he would do it.
3. *It is repeated* that he is a genius.
4. *It was claimed* that they had such a right.

The sentence construction system of this kind is specific for the English language. They can be related to the wide paradigms. The passive form of the demonstrative pronoun *It* is used in the sentences of all the Simple and Perfect Tense Forms, it can also be related to the modal verbs as well. (*It must* be assumed that…)

The predicate of the Subject Clause is expressed by all the forms of the English verbs express, the number of which is more than 150. The verbs of this kind have got specific features, referred to the Passive Voice. As a rule, they are not used in negative forms and do not require the special questions. They form different shades of meaning in the Simple and Complex Sentences.

Examples:

1. *It is clear (evident) that…*or *It was well understood and quite clear that...*
2. *It* was believed that he was genius.
3. *It* was expected that he would come.
4. *It* is intended that the treaties will be signed.
5. *It* is most important that you should be good.

If the subordinate clause (Passive) follows the Principal one, its Predicate is in the Future in the Past.

Example:

1. *It* is strange that we should meet here.
2. *It* is necessary that the workers should oil the bearing.
3. *It* was suggested that he should do it.
4. *It* is strange that he has made a mistake.
5. *It* is not known yet whether or not they will come today.
6. *It* is uncertain when we shall start (When we shall start is uncertain].

Литература

1. Абдуллаев А.З. Сложноподчененные предложения в современном азербайджанском языке [на азерб. языке] / А.З. Абдуллаев. – Баку: Маариф, 1974.
2. Буранов Дж. Сравнительная типология английских и тюркских языков / Дж. Буранов. – М.: Просвещение, 1983.
3. Ганшина М.А. Практическая грамматика английского языка [на англ. Языке] / М.А.Ганшина, Н.А. Василевская. – Москва, 1964.
4. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка [на англ. Языке] / Б.А. Ильин. – Москва, 1971.
5. Мусаев О. Грамматика английского языка [на азерб. Языке] / О.Мусаев. – Баку: Маариф, 1979.
6. Оскар У. Избранное [на англ. Языке] / У. Оскар. – Москва: Издательство Прогресс, 1979.
7. Раджабли А. Структурная лингвистика [на азерб. Языке] / А. Раджабли. – Баку: Нурлан, 2003.

8. Сандманн М. Подлежащее и сказуемое [на англ. языке] / М. Сандманн. – Эдинбург: ВБ, 1954.

9. Твэн. М. Рассказы [на англ. Языке] / М. Твен. – Киев: Издательство Днепр, 1979.

10. Хаймович Б.С., Роговская Б.И. Теоретическая грамматика английского языка [на англ. Языке] / Б.С. Хаймович. – Москва, 198.

11. Хемингуэй. Э. Иметь и не иметь / Э. Хемингуэй. – Москва: Международные отношения, 1979.

12. Ярцева В.А. Развитие сложноподчиненного предложения в английском языке / В.А. Ярцева. – Ленинград, 1960.

Маммадли В. Союз *it* как формальное подлежащее / В. Маммадли // Ученые записки Таврического национального университета имени В. І. Вернадського. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 362–367.

Данная статья посвящена союзу *it* в английском языке и употреблению его в качестве формального подлежащего в сложноподчиненных предложениях с придаточным подлежащим. Статья повествует о значениях, функциях, а также о необходимой важности употребления союза *it* в сложноподчиненных предложениях с придаточным подлежащим. В статье также приведены примеры из художественной литературы английского языка и сопоставляются сложноподчиненые предложения английского и азербайджанского языков. При сопоставлении сложноподчиненных предложений с придаточным подлежащим английского и азербайджанского языков, выясняется, что союз *it* является значимо необходимым в сложноподчиненных предложений с придаточным подлежащим английского языка, в то время как он, будучи формальным подлежащим, не переводится ни на азербайджанский, ни даже на русский языки.

Ключевые слова: союз, сложное предложение, русский язык, азербайджанский язык, английский язык

Маммадлі В. Сполучник it як формальне підмет / В. Маммадлі // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 362–367.

Дана стаття присвячена сполучнику it в англійській мові і його вживанню в якості формального підмета в складнопідрядних реченнях з підрядним підметом. Стаття оповідає про значення, функції, а також про важливість вживання сполучника it в складнопідрядних реченнях з підрядним підметом. У статті наведено приклади з художньої літератури англійської мови, зіставляються складнопідрядні речення в англійській та азербайджанській мовах. При зіставленні складнопідрядних речень з підрядним підметом в англійській та азербайджанській мовах, з'ясовується, що сполучник it є значимо необхідним у складнопідрядних реченнях з підрядним підметом в англійській мові, в той час як він, будучи формальним підметом, не перекладається ні на азербайджанську, ні навіть на російську мови.

Ключові слова: сполучник, складне речення, російська мова, азербайджанська мова, англійська мова

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 368–372.

УДК 811.11

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ

Бабаев Э. В.

Гянджинский государственный университет
azfolklor@yahoo.com

В научной статье исследуется вопрос о лексических лакунах и проблематике их перевода в системе близкородственных языков. Общеизвестно, что лакуна – национально-специфический элемент культуры, нашедший соответствующее отражение в языке и речи носителей культуры, который либо полностью не понимается, либо недопонимается носителями другой лингвокультуры. Автором рассмотрен вопрос о метафоризации на основе работ Уорфа, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, проанализирована роль метафоры в концептуализации языковой действительности. Также автором рассмотрены работы отечественных лингвистов (Н.Р.Мукимовой) в области метафоризации, в частности зооморфизмов, проведен сравнительный анализ и приведены примеры метафор в русском, английском и азербайджанском языках. Дана расшифровка лакун с помощью фреймов – способа организации опыта, а также знаний об особенностях предметов, событий, которые традиционно соединяются с практической деятельностью участника коммуникации.

Ключевые слова: метафора, лакуна, лексическая лакуна, русский язык, азербайджанский язык, английский язык.

Постановка проблемы. Как известно, классифицирующую функцию имеет не только грамматика, но и лексика.

Например, русские слова *погорелец, лизоблюд,* азербайджанские слова *sifte, lotu,* английские слова *wallflower, floorwalker, breakage, coroner* и др. могут быть переведены только описательно. Ср.: *wallflower* (букв. стенной цветок) – девушка, не пользующаяся успехом (на балу, свадьбе, вечеринке, танцах и т.д.); *floorwalker* – дежурный администратор в магазине; breakage – компенсация за поломанные вещи; coroner – следователь, ведущий дела о насильственной или скоропостижной смерти, и т.д.

Особую значимость при рассмотрении лексических лакун приобретает также метафоризация. Как известно, испокон веков метафоризации, прежде всего, подвергаются слова, обозначающие наиболее известные понятия и предметы из ближайшего окружения человека.

Уорфа следует считать также родоначальником исследований, посвященных роли языковой метафоры в концептуализации действительности. Именно Уорф показал, что переносное значение слова может влиять на то, как функционирует в речи его исходное значение. Классический пример Уорфа – английское словосочетание empty gasoline drums “пустые цистерны (из-под) бензина”. Уорф, получивший профессиональное образование инженера – химика и работавший в страховой компании, обратил внимание на то, что люди недооценивают пожароопасность пустых цистерн, несмотря на то, что в них могут содержаться легко воспламеняемые пары

бензина. Лингвистическую причину этого явления Уорф видит в следующем: английское слово *empty* (как, заметим, и его русский аналог прилагательное *пустой*) как надпись на цистерне предполагает понимание «отсутствие в емкости содержимого, для хранения которого эта емкость предназначена», однако это слово имеет еще и переносное значение: «ничего не значащий, не имеющий последствий» (ср. русские выражения пустые *хлопоты, пустые обещания* (азерб. Boş sey, boş sozler, boş sohbetler и др.). Именно это переносное значение слова приводит к тому, что ситуация с пустыми цистернами «моделируется» в сознании носителей языка как безопасная .

В современной лингвистике именно изучение метафорических значений в повседневном языке оказалось одним из тех направлений, которые наследуют «уорфианские» традиции. Исследования, проводившиеся Дж. Лакоффом, М.Джонсоном и их последователями начиная с 1980-х годов, показали, что языковые метафоры играют важную роль не только в поэтическом языке, они структурируют и наше обыденное восприятие и мышление. Однако современные версии уорфианства интерпретируют принцип лингвистической относительности прежде всего как гипотезу, нуждающуюся в эмпирической проверке. Применительно к изучению языковой метафоры это означает, что на первый план выдвигается сравнительное изучение принципов метафоризации в большом корпусе языков разных ареалов и различной генетической принадлежности с тем, чтобы выяснить, в какой степени метафоры в отдельно взятом языке являются воплощением культурных предпочтений отдельно взятого языкового сообщества, а в какой отражают универсальные биопсихологические свойства человеке. Дж. Лакофф, Д.Давидсон, Левин и ряд других авторов показали, например, что в такой области понятий, как человеческие эмоции, важнейший пласт языковой метафоризации основан на универсальных представлениях о человеческом теле, его пространственном расположении, анатомическом строении, физиологических реакциях и т.п. Было обнаружено, что во множестве обследованных языков – ареально, генетически и типологически далеких – эмоции описываются по модели «тело как вместилище эмоций». Конкретно-языковые, внутрикультурные вариации возможны в том, например, какая часть тела (или все тело целиком) «отвечает» за данную эмоцию, в виде какой субстанции (твердой, жидкой, газообразной) описываются те или иные чувства . Например, злость и гнев во многих языках, том числе и в русском, азербайджанском, метафорически связаны с высокой температурой жидкообразного содержимого – *закипел от гнева / ярости, ярость клокочет, выплеснул свою злость,* hirsindən partlayırdı, hirsini tökdü и т.д. Например, в русском языке вместилищем гнева, как и большинства других эмоций в русском языке, является грудь: ср. *закипело в груди.* «В японском языке гнев «размещается» не в груди, а в части тела, которая называется hara «брюшная полость, нутро»; рассердиться по-японски означает ощутить, что hara ga tatsu «нутро поднимается» .

Даже в близкородственных и типологически сходных языках «среднеевропейского стандарта» при сравнении метафорических систем становится заметным несходство отдельных деталей картины мира внутри одной понятийной области. Так, в русском языке, как и в английском и во многих других европейских языках, метафора чувственного восприятия посредством зрения широко используется для опи-

сания ментальных процессов и действий «вижу» часто означает «понимаю»: *Теперь я вижу, что это трудная задача; Нужно рассмотреть этот вопрос под другим углом зрения; точка зрения; система взглядов; несмотря на… / невзирая на* (т.е. «не принимая в расчет») и т.д.

Н.Р.Мукимова, анализируя такие метафоры в сравнительном аспекте, в частности, зооморфизмы, приводит весьма интересные примеры: «Зооморфизмы *петух* и *хоруз* применяются для характеристики человека задиристого, запальчивого, забияки. Однако зооморфизм *хоруз* употребляется также в отношении румяного, здорового человека. Зооморфизмы *гусь* и *газ* употребляются в сравнениях, например: шагал он важно, как гусь. Азербайджанский толковый словарь также дает значение, соответствующее в русском языке – «qaz kimi basa-basa yerimek» (как гусь переваливаться с одного бока на другой при ходьбе). Есть еще переносные значения слова в русском и азербайджанском языках, но они полностью противоположны по смыслу. В русском языке – «глупый, как гусь». В азербайджанском же языке толковый словарь дает выражение «qazdan ayiq, cox ayiq, ve isini bilen adam haqqinda» (очень сообразительный, догадливый, бдительный)» [3, 90]. В целом метафорические системы языков «среднеевропейского стандарта» обнаруживают гораздо больше сходств, чем различий, что свидетельствует в пользу правомерности их объединения под этим названием. Тем не менее различия встречаются даже в достаточно близких языках. Например, в русском языке мотивы поступка могут быть скрытыми (недоступными наблюдению и, следовательно, по логике метафоры, недоступными знанию или понимаю]. Английский язык использует в этом значении прилагательное латинского происхождения *ulterior*, изначально имевшее значение «находящийся по другую сторону, находящийся за чем-то».

При этом, чтобы знать об истинных причинах поступка в русском языке, нужно спросить *Что за этим стоит?,* а в английском What lies behind it ? (буквально «что за этим лежит?»).

Лексические лакуны подразделяются лингвистами на *абсолютные и относительные.*

Абсолютные лакуны – вид лакун, связанный с отсутствием у носителей данного языка возможности выразить отдельным словом или словосочетанием понятие, лексически закрепленное в другом языке, например:

В русском языке	**В английском языке**	**В азербайджанском языке**
сутки	24 hours	24 саат
дюжина	dozen	On iki
кипяток	boiling water	гайнар су
В английском языке	В русском языке	В азербайджанском языке
weekend	конец недели	щяфтя ахыры
В азербайджанском языке	В русском языке	В английском языке
сифтя	первая выручка	the first takings

Относительную лакуну мы имеем тогда, когда в сравниваемом языке имеется соответствие слову исходного языка, но оно отличается от него употребительностью и частотностью. Если, например, слово *обувь – ayaqqabi* встречается практически в любом стиле русского и азербайджанского языков, то английское слово *foot-*

wear используется, главным образом, работниками торговли. Следовательно, английское слово *footwear* можно считать относительной лакуной русского слова обувь и азербайджанского слова *ayaqqabi*.

Выводы и перспектива. Конечно, говоря об относительных лакунах, нельзя оставить без внимания следующий вопрос, имеющий большое теоретическое значение: имеет ли понятие об одном и том же предмете в разных языках в случае относительных лакун одинаковую значимость? Если в случае абсолютных лакун определенное понятие в одном из языков лексически не закреплено, не будучи выработанным ходом национальной жизни, а с лингвистической точки зрения отмечается крайняя специфичность национальной окраски понятия в других языках, то при исследовании относительных этнографических лакун может быть зафиксирована большая или меньшая значимость казалось бы тождественных понятий в различных языках. Мы полагаем, что такая многозначность также связана с определенной окраской соответствующих понятий. Например, понятия, выражаемые словами «семечки» (подсолнечные), «зеленый лук», «одуванчик», могут показаться полностью тождественными в русском, азербайджанском и английском языках, поскольку данные предметы существуют и в России, и в Азербайджане, и в Англии. Но, используются они различно. Например, для азербайджанцев и русских салат из одуванчиков является экзотическим блюдом. В.Л. Муравьев полагает, что «такие различия достаточно велики, чтобы отразиться на национальной окраске соответствующих понятий, которые еще нельзя признать специфичными, но различия которых трудно игнорировать» . Такую национальную окраску В.Л. Муравьев предлагает называть релевантной, изображая градацию национальных окрасок нескольких разноязычных понятий следующим образом: незначительная окраска понятий – общность понятий; релевантная окраска понятия – относительные лакуны, специфическая окраска понятия – абсолютные лакуны.

Литература

1. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / [Гл.ред. В.Н.Ярцева). – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.: ил. – ISBN 8-85270-307-9 (БРЭ)
2. Русско-английский словарь: [Под ред. Р.С.Даглиша: русско-английский словарь] – М.: Русский язык, 1990.
3. Русско-азербайджанский словарь [в 3-х томах] – Баку, 1971, 1975, 1978.
4. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by / G.Lakoff, M.Johnson – Chicago, 1980.
5. Levin S. The semantics of metaphors / S. Levin. – Baltimor – L., 1977.

Бабаєв Е. В. Лексичні лакуни / Е. В. Бабаєв // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 368–372.

У науковій статті досліджується питання про лексичні лакуни і проблематика їх перекладу в системі близькоспоріднених мов. Загальновідомо, що лакуна – національно-специфічний елемент культури, який знайшов своє відображення у мові носіїв культури, який або повністю не зрозумілий, або недостатньо зрозумілий носіям іншої лінгвокультури. Автором розглянуто питання процесу метафоризації на основі робіт Уорфа, Дж.Лакоффа, М. Джонсона, проаналізовано роль метафори в концептуалізації мовної дійсності. Також автором розглянуті роботи вітчизняних лінгвістів (Н.Р.Мукімовой) в області метафоризації, зокрема зооморфізму, проведено порівняльний аналіз та наведено приклади метафор у російській, англійській та азербайджанській мовах. Дана розшифровка

лакун за допомогою фреймів – способу організації досвіду, а також знань про особливості предметів, подій, які традиційно поєднуються з практичною діяльністю учасника комунікації.

Ключові слова: метафора, лакуна, лексична лакуна, російська мова, азербайджанська мова, англійська мова.

Babaev E. V. Lexical gaps / E. V. Babaev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 368–372.

In a scientific paper the question of lexical gaps and problems of their translation in the closely related languages is investigated. It is well known that the gap is the national-specific element of the culture which is reflected in the language and the speech of native speakers that is either not fully understood or misunderstood by the bearers of other culture. The author examined the issue of metaphor in the works written by Benjamin Lee Whorf George Lakoff, M. Johnson, analyzed the role of metaphor in conceptualizing of the linguistic reality. The author also discussed the works of Russian linguists (N.R.Mukimovoy) in the field of metaphor, especially zoomorphisms, the comparative analysis of metaphors and its examples in Russian, English and Azerbaijani languages is given. After analyzing the way of attaining the word the metaphorical meaning the author studyed the gaps in the three languages of the study, dividing gap into two groups: the absolute and relative. The author examined gaps using frames that are the ways of organizing the experience as well as knowledge about the features of objects and events that are traditionally connected with the practical activity of the partner of communication. The author also brought up the issue of the importance of gaps in the linguistic experience of different languages speakers and the problems of their use in speech. In this case, according to the author, the significant role played by the national colour of the gaps. Due to this fact in order to their characterization we should be guided by the V.L.Muraveva's classification.

Key words: metaphor, lacuna, the lexical gap, Russian, Azerbaijani, English.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 373–379.

УДК 811.512.162

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНЫХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Алибекова З. Ф.

Азербайджанский университет языков
azfolklor@yahoo.com

В научной работе проанализированы сложные антропонимы. Автор отмечает, что сложные антропонимы в азербайджанской антропонимической системе занимают особое место своей историчностью и семантическим разнообразием. Большинство подобных сложных антропонимов образуются путем слияния слов и бывают похожи на обычные сложные слова. Автор указывает на необходимость создания орфографического словаря ономастических единиц в азербайджанском языке, потому что многие личные имена и фамилии в юридических документах записываются ошибочно. В статье выделяются основные формообразующие компонеты имен в азербайджанском языке.

В современном именовании предпочтение отдается именам, значение которых понятно, написание и произношение которых не вызывает трудностей.

С точки зрения орфографии автор группирует сложные антропонимы по четырем группам.

Ключевые слова: орфография, орфоэпия, антропонимы, ономастика

Постановка проблемы. Сложные антропонимы в азербайджанской антропонимической системе занимают особое место своей древностью, историчностью и семантическим разнообразием. Большинство подобных сложных антропонимов образуются, не принимая никаких грамматических признаков, путем слияния слов и бывают похожи на обычные сложные слова. В образовании антропонимов участвуют, можно сказать, все лексические единицы [1, 96]. Отметим и то, что неправильное написание какого-либо имени становится причиной появления путаницы впоследствии. Допущенные в документах ошибки, переходя из поколения в поколение, все больше увеличиваются. И поэтому, надо серьезно подходить к написанию ономастических имен, в том числе антропонимов. В словарях есть несколько фонетических вариантов одного имени. А причиной возникновения этих фонетических вариантов является путаница с именами, вызванная неумением различать письменные правила и произношение. Правильное использование и написание имен очень важно с позиций орфоэпии, орфографии и семантики. Сравнивая фонетически слова с ономастическими именами, видим, что в словах фонетический состав более стабилен, а в именах – нет. Эта стабильность сохраняется в написании общих слов. К тому же в словах не бывает фонемной вариантности, вместо одной фонемы использовать другую или же заменить ее другой фонемой нельзя. Поскольку изменения в общеупотребительных словах влияют на форму и значение слова. А в личных именах положение иное. По этому поводу Рубаба Алиева справедливо

пишет: «Результатом отсутствия орфографического словаря ономастических единиц в азербайджанском языке является то, что многие личные имена и фамилии в юридических документах записываются ошибочно, люди до конца дней своих не могут понять значение имени, которое носят» [2, 266]. В нашем языке личные имена, образованные путем соединения двух и более слов, по составу относятся к ряду многокомпонентных (то есть сложных) имен. Есть и такие сложные имена, которые когда-то активно использовались в нашем языке и со временем перешли в архаичный ряд. Например, бывшие в XV веке на территории Нахичевани десятки таких личных имен, как *Dübabxan, Divanqulu, Divanəqulu, Durxan, Eynəlxan, Nədirqulu, Pərkdanqulu, Səfiqulu, Təhmasibqulu, Abdullahqulu* и т.д. сейчас полностью вышли из употребления [3, 14]. Мы знаем, что часть женских имен в азербайджанском языке образована добавлением звука "*ə"*. Однако есть такие мужские имена, из которых создавать женские имена не целесообразно. Например, *Tofiqə, Əfruzə* и др. Роза Эйвазлы выказала верное отношение к имени "*Əfruzə*": "Хотя в заимствованных из фарси личных именах та или иная грамматическая форма и проявляет себя, они опираются на определенные грамматические правила. Нарушение этих правил, пусть и частичное, образует в языке несоответствие. Возьмем для примера имя *Əfruz. Əfruz*, будучи на фарси основой настоящего времени глагола «*əfruxtən*» (воспламенять) означает «воспламеняющая». Подлинная форма имени была «*Cahanəfruz*», что означало «освещающий мир», то есть Солнце. Являясь сложным именем, *Cahan – əfruz* со временем разделилось на два самостоятельных имени – образовали женские имена *Cahan* и *Əfruz*. Это понятно с семантической и грамматической точки зрения, однако вариант имени *Əfruzə* не правилен» [4, 10].

Если в сложных мужских именах принимают участие преимущественно титулы, псевдонимы, прозвища, в женских именах более активны иные компоненты и большую часть женских имен составляют слова-фитонимы и слова-зоонимы. Рена Халыгова подчеркивает, что постоянно популярные образованные от названия цветов-фитонимов имена появились благодаря отношению нашего народа к природе. Отметила то, что большая часть из них является женскими именами. *Lalə, Bənövşə, Nərgiz, Çiçək, Reyhan, Qərənfil, Badam, Püstə, Güllü, Meyvə, Qızılgül, Nargilə, Gilas* и пр» (*соответственно порядку: мак, фиалка, нарцисс, цветок, базилика, гвоздика, каштан, фисташка, цветочная, фрукт, роза, зернышко граната, черешня* – прим пер.) [5, 106]. Если девушкам даются имена нежных, прекрасных животных и растений, а также птичьи имена, то мужчинам даются имена диких животных, имена, выражающие «выносливость» и «мужество».

Она группирует сложные имена по способу образования и источникам: имена религиозного происхождения. Например *Allahverdi, İmamverdi, Allahşükür, Allahyar, İmamqulu, Məhəmmədəli, Əliqulu*. А в другую группу сложных имен включила имена, где компонентами были Луна, Солнце, цветы: *Aygün, Aysel, Ayxan, Günel, Günay*. Подчеркнула, что в даче имен предпочтение отдается именам, любимым народом, написание и произношение которых не вызывает сложностей, и что использование этих имен в последние годы приобрело широкий размах [5, 93]. В современном именовании предпочтение отдается именам, значение которых понятно, написание и произношение которых не вызывает трудностей. В орфографическом словаре

азербайджанского языка антропонимы даются как «Собственные названия» и отмечается, что первая буква собственных имен пишется с заглавной буквы: *Hacı Qara, Üzeyir bəy Əbdülhüseyn oğlu Hacıbəyli, Səməd Vurğun, Uzun Həsən, Süleyman Rüstəm, Süleyman Sani, Bəxtiyar Vahabzadə* и др.[6, 11]. Следовательно, образованные слиянием двух или более слов личные имена входят в ряд многокомпонентных имен. Под многокомпонентным понимается слово со сложным строением. Сложные антропонимы пишутся как раздельно, так и слитно. Определенная часть имеющихся в нашем языке ономастических единиц произносится с одним ударением и пишется слитно. Такие антропонимы сложного строения образовались несколькими способами: а) образованные слиянием двух простых слов: *Məlikməmməd, Əliməmməd* и др.б) личные имена, образованные имеющимися в их составе компонентами *"ağa", "ay", "el", "gül", "əbdül", böyük" "qulu", "gün", "mir" "xanım*" и пр.

Обратив внимание на «Словарь личных имен» удостоверяемся, что словом «*ağa»* образовано много сложных имен. *Ağa*, потеряв первичное семантическое значение, используется по обе стороны личного имени. Так, добавляя это слово в начало или конец какого-либо имени, синтетическим путем можно образовать все новые личные имена. Мужские имена: в таких сложных словах, как *Ağaəli – Ağəli, Ağababa, Ağaəmi, Ağabəy, Ağagül, Ağacavad, Ağaxan, Ağacabbar, Ağaheydər, Ağaoğla Ağaddin / Ağaəddin, Ağaqulu,* образовавшиеся от двух слов, первое из которых заканчивается на гласную, второе начинается на гласную, произношение двух geniş гласных невозможно и в этом составе, в силу потери первым словом своего ударения, его последний звук (звук «а») не произносится [19, 85], например: *Ağaəli-Ağəli; Ağaəmi-Ağəmi; Ağaoğlan-Ağoğlan; Ağaəddin-Ağəddin* и др. Женские имена: *Ağabacı, Ağaxanım, Ağabəyim, Ağaxatın, Ağabibi, Ağanənə, Ağanisə.*

А.Багиров отмечал, что компонент «*ağa»* в содержании таких женских имен как *Ağabacı, Ağabəyim* дает значение «старший», «аристократ», [3, 14]. А.Абыев в своей книге «Азербайджано-тюркском словаре личных имен с комментариями» дал такое объяснение слова «*ağa»*: «Слово азербайджанского происхождения. Дано как синоним слов 1. уважаемый, старший 2. Глава семьи или племени, старейшина народа, 3. Уважаемое лицо, руководитель в каком либо месте 4. Представители эксплуататорского класса: бек, хан, капиталист, предприниматель» [7, 13]. Это слово в некоторых тюркоязычных народах используется в форме «*aka». «əkə*». Обратив внимание в "Этимологическом словаре азербайджанских личных имен с комментариями" на слово "*ağa*" в составе имен, видим, что в кубинском диалекте имя *Ağabacı* – используется в качестве обращения к старшей сестре, *Ağabajı* (Басаркечер) – в качестве обращения к жене старшего брата, *Ağamirzə* (Зенгибасар) передает смысл старший шурин [8, 13].

А.Танрывердиев подчеркивал, что начинающиеся на «*ağa*» имена представляют собой сформировавшиеся в результате развития необособленных соединений с дополнениями антропонимы, хотя часть необособленных соединений в языке и образовалась в виде дополнений в языке, впоследствии в результате развития превратились в составную часть сложного слова: *Ağadayı (Ağa dayı), Ağaqardaş(Ağa qardaş) Ağaəmi / / Ağəmi(Ağa əmi)* и др.[9, 169]. В сложных именах в нашем языке происхо-

дят перемещения компонентов. Например, можно указать *Ağaəli-Əliağa, Günay-Aygün, Məhəmmədəli-Əliməhəmməd* и др.

Обращая внимание на современные имена, видим, что антропонимы могут обогащаться и на основе космонимов. В качестве примера этому можно указать имена *Şəmsinur* и др. Образовался соединением слов *Şəmsi+nur.* Обе стороны слова арабского происхождения: Şəmsi означает относящийся к Солнцу принадлежащий Солнцу [17, 329], *Nur* – передает смысл света, ясности, блеска; уважения [17, 262]. Соединяясь с рядом слов, идущими до и после, образует сложные имена. Это имя было популярно некогда, сохранило свою популярность и сегодня. Это имя пишется как *Şəmsinur* и при произношении звук "*i"* выпадает и звучит как *Şəmsnur*.

Мадад Чобанов показал схожесть образованных на основе космонимов, подобной той, что есть в нашем языке, и в казахском языке: *Ayxan, Günxan, Yulduzxan, Aytuar, Juldız, Kuntuar* и др.[10, 200]. Большинство исследователей отмечают, что слово "*gün*" (солнце), присоединяясь ко многим словам, образующим имена, не является космонимом. И мы разделяем эту мысль. Говоря об орфографии сложных имен, их можно классифицировать следующим образом:

1.Образованные на основе сложных слов антропонимы пишутся слитно: *Elzər, Əlyar;*

2. Если в сложных существительных, указывающих человеческие имена, два гласных идут последовательно, последняя гласная первого слова отбрасывается [11, 14];

3.Имена, в которых гласная в первом слоге произносится и как "e" и "ə", пишутся через "*ə*" *Əyyubxan* [10, 322];

4.Имена, в которых гласная в первом слоге произносится и как "*x*" и "*q*", пишутся через "*q*": *Haqverdi, Haqverən, Haqqulu,* [10, 323];

5. Имена, в которых последний звук произносится и как "t" и "d", пишутся через "*d"*: *Xaspolad, Hacımədəd, Mirdavud, Mücahid, Zəbərcəd, Şahnabad.*

Есть такие сложные имена, одна часть которых выражает личное имя: *Abbascan (Аббасджан), Gözəlcan (Гезелджан), Azərtac (Азертадж), Çətənnaz (Чеменназ), Qətərüz (Гамаруз), Qızqayıt (Гызгайыт)*, их первая часть передает самостоятельный смысл. Слова, вторая содержит компоненты *can (джан – душа), tac (тадж – корона, венец), naz (наз-кокетство), üz (уз – лицо, лик),* и *qayıt (гайыт – вернись*), которые, являясь общеупотребительными словами, самостоятельно в качестве личного имени использоваться не могут. А.Танрывердиев подчеркивает существование антропонимов, сформировавшихся на основе повелительного предложения: *Qızqayıt (Qız qayıt! – Девушка, вернись!), Ağadur (Ağa dur! – Ага, стой!), Qızyetər (Qız yetər – Хватит девушек!), Dayandur (Dayan! Dur! – Остановись! Стой!)* [9, 176].

Есть такие имена, которые оканчиваются на *з*, однако при произношении порой "*з*" произносится как "c". Например, имя *Almaz.* У этого имени есть значения прозрачный ценный камень, стеклорежущий инструмент, статья и др. значения [12, 177]. В нашем языке есть двойственный вариант этого имени. То есть, существуют формы *Almas* и *Almaz*. На наш взгляд, это имя должно писаться *Almaz* и произноситься как [*Almas*]. В разделе "Принцип орфографических правил" книги современного азербайджанского языка это имя упоминается следующим образом:

“В словах, произношение которых оканчивалось на - *з* и -*с*, в именах собственных писалось – *с* (*Almas, Tavus*), в общих существительных – *з* (*almaz, tovuz*]. Согласно последним правилам, в обоих случаях такого типа слова пишутся с – *з (Almaz, almaz*) и при составлении “правил” были приняты во внимание музыкальность азербайджанского литературного языка, написание ряда слов было подчинено этому правилу [19, 78].

Правильное написание имени в языке является основным условием. В этом вопросе не должно быть произвольности. При написании имен за основу должны браться не различные варианты, существующие в языке, а соответствующие нормам литературного языка формы написания имени. Из имени *Almaz* тоже можно создать сложное имя. Например, можно упомянуть имя *Almazxan*.

Д.филол.н. А. Джавадов в статье «Об орфографии личных имен» пишет, что «говоря об именах, нельзя не вспомнить о словах, используемых вместо титула, прозвища. Об этом в орфографии есть следующая статья: «Слова, имеющие в составе одно из слов *mir, mirzə, hacı, seyid, şah, soltan, ağa, bəy, bəyim, xanım* не указывающие звание, прозвище, титул, пишутся слитно». Он полагает эту статью излишней. Потому, что эти слова, использовавшиеся в дореволюционный период как звание, титул, прозвище, для современного человека чужды. И потому, из статьи должны быть убрано выражение «не указывающие звание, прозвище, титул», а о титуле, прозвище, звании ряда исторических лиц дано примечание» [13, 40]. На наш взгляд, на современном этапе в семантике этих слов произошли изменения и активизировалось их применение в качестве обращения. Поэтому, если в советский период выражение «не указывающие звание, прозвище, титул» можно было удалить, на современном этапе целесообразнее его сохранение.

Сложные имена, имеющие в составе слова *mir, mirzə, hacı, seyid, şah, soltan, ağa, bəy, bəyim, xanım,* не указывающие звание, прозвище, титул пишутся слитно [15, 223], с годами эти титулы вне зависимости от того, к какому общественному классу они относятся, присоединяясь к именам, синтаксическим путем образовали сложные личные имена.

Согласно этому правилу, полагаем сложные личные имена целесообразным сгруппировать следующим образом. На наш взгляд, в художественной литературе в перечисленных нами словах при написании слов “*xan”, “mirzə*” ошибки встречаются чаще. Например, в оперетте Узеира Гаджибекова “Не та, так эта” есть персонаж по имени *Xocaverdixan. “Xocaverdixan*”- имя отца героя оперетты “Не та, так эта” Мешеди Ибада. К этому вопросу кандидат филологических наук Эсмира Гамзаева нашла верный подход и подчеркнула: “Этот антропоним образовался путем соединения трех простых слов: *xoca+verdi+xan*. Будет полезно уточнить один вопрос по поводу орфографии этого имени. В изданных в разные годы книгах это слово пишется как “*Xocaverdi xan”*. На наш взгляд, подобное написание слова произносится с особым ударением. Подобные имена используются обычно не в комическом, а серъезном ключе. У.Гаджибеков же изображает Мешеди Ибада в комическом плане. При этом писатель, используя слово “*xan*”, вернее, добавляя слово “*xan”* к имени отца Мешеди Ибада, не желает указать происхождение героя, всего лишь усиливает его комизм” [16, 113]. Из этих предположений можем сделать

вывод о том, что имя *Xocaverdixan* правильнее писать не в форме "*Xocaverdi xan*", а в форме "*Xocaverdixan*".

Выводы и перспектива. Н.Худиев разделил имена на сложные имена классового содержания, родственного содержания, указывающие пол, ряд, имена абстрактного содержания. Он подчеркнул, что образование большинства сложных имен слиянием двух простых имен появилось благодаря соединению религиозных святых: *Hüseyn + Qulu = Hüseynqulu, Məmməd + Əli = Məmmədəli; Həsən + Ağa = Həsənağa* [1, 97]. Думаем, в перспективе стоит обратить внимание на эту проблему в сравнении с другими тюркскими языками.

Литература

1. Худиев Н. Формирование и развитие азербайджанских антропонимов [на азерб.языке] / Н. Худиев. – Баку: Азернешр, 2005. – 60 с.

2. Алиева Р. Об орфографических и орфоэпических вопросах азербайджанских ономастических единиц [на азерб.языке) / Р.Алиева. Исследования-2. – Баку: Наука, 2003. – С. 266-275

3. Багиров А. Проблемы ономалогии. I том[на азерб.языке] / А.Багиров. – Баку: 2010. – 436 с.

4. Эйвазлы Р.Дж. Актуальные проблемы изучения гуманитарных наук [на азерб.языке] / Р.Дж. Эйвазлы. Сборник научных статей. – Баку: Переводчик, 2011, № 2, 7-11

5. Халыгова Р. Пути развития азербайджанской антропонимии [на азерб.языке] / Р. Халыгова. – Баку: 2009. – 152 с.

6. Орфографический словарь азербайджанского языка [на азерб.языке] . – Баку: 2004. – 728 с.

7. Абыев А. Азербайджано-тюркский словарь личных имен с комментариями [на азерб.языке). – Баку: 1998. – 189 с.

8. Диалектологический словарь азербайджанского языка [на азерб.языке). – Баку: 2007. – 568 с.

9. Танрывердиев А. Историко-лингвистическое исследование азербайджанских имен тюркского происхождения [на азерб.языке] / А. Танрывердиев. – Баку: Наука и образование, 2012. – 214 с.

10. Чобанов М. Основы азербайджанской антропонимии [на азерб.языке] / М.Чобанов. – Баку: 1998. – 332 с.

11. Аббасов А.., Эфендизаде А. Орфографический словарь школьника [на азерб.языке). / А.Аббасов., А. Эфендизаде. – Баку: Просвещение, 1972. – 151 с.

12. Гасанов Г.А. Этимологический словарь азербайджанских личных имен с комментариями [на азерб.языке] / Г.А. Гасанов. – Баку, 2002. – 288 с.

13. Культура языка. Азербайджанская академия наук. Институт языковедения имени Насими. – Баку, 1974. – 88 с [на азерб.языке).

14. Танрывердиев А. Личные имена в «Деде Коркуте» [на азерб.языке] / А. Танрывердиев. – Баку, 1999. – 157 с.

15. Гасанов Г. Имена как национальные символы истории, народа [на азерб.языке] – Баку, 2002. – 240 с.

16. Гамзаева Э. Г. Антропонимы в произведениях Узеира Гаджибекова. Диссертация кандидата филологических наук [на азерб.языке] / Э. Г. Гамзаэва. – Баку, 2004. – 148 с.

17. Айдын аби Айдын. Словарь личных имен [на азерб.языке] / Айдын аби Айдын. – Баку, 2002. – 400 с.

18. Эфендизаде А. Орфографический-орфоэпический словарь [на азерб.языке] / А. Эфендизаде. – Баку. 1989. – 151 с.

19. Современный азербайджанский язык. I том (в 3 томах) . – Баку, 1978. – 322 с.

Алібекова З. Ф. Фонетичні та семантичні особливості складних особових імен / З. Ф. Алібекова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 373–379.

У науковій роботі проаналізовано складні антропоніми. Автор зазначає, що складні антропоніми в азербайджанській антропонімічній системі займають особливе місце завдяки своїй історичності та семантичній розмаїтості. Більшість подібних складних антропонімів утворюються шляхом злиття слів,

бувають схожі на звичайні складні слова. Автор вказує на необхідність створення орфографічного словника ономастичних одиниць азербайджанською мовою, тому що багато особистих імена та прізвищ в документах записується помилково. У статті виділяються основні формотворчі компонети імен в азербайджанській мові.

У сучасному іменуванні перевага віддається іменам, значення яких зрозуміло, написання і вимова яких не викликає труднощів.

З точки зору орфографії автор групує складні антропоніми по чотирьох групах.

Ключові слова: орфографія, орфоепія, антропоніми, ономастика

Alibekova Z. F. Phonetic and Semantic Features of Complex Personal Names / Z. F. Alibekova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 373–379.

In the article the complex anthroponymy are analysed. The author notes that the complex anthroponomy in Azerbaijan anthroponymic system have a special place because of its historicity and semantic diversity. Most of these complex names formed by the fusion of the words, and are similar to the conventional complex words. The author points out that the process of anthroponymy's formation includes all lexical items. Notes the high illiteracy of anthroponymy's writing in the documentation. And so the problem of studying onomastic names' writing, including anthroponymy is so important at this stage of the linguistics development. The author points out the great variability of phonetic variants of the same name in the dictionaries. The fact of the origin of these options is the phonetic confusion with the names due to the inability to distinguish the written rules and pronunciation. Comparing phonetically the words with onomastic names we can see that in the words the phonetic structure is more stable than in the names.

The author points to the need of the creation of onomastic units spelling dictionary in the Azerbaijani language, because many personal names and surnames are written incorrectly in the documents, and the people till the end of their days can not understand the meaning of their names.

The article highlights the main names' shaping components in the Azerbaijani language. If in the complex male names are involved mainly titles, aliases, nicknames, in women's names other components are more active, and they are names of animals and flowers.

From the point of view of the orthography the author divides anthroponymy into four groups.

Key words: orthography, orthoepy, anthroponymy, onomastics

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 380–385.

УДК 808.5

О ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИИ

Аббасалиева Р. З.

Азербайджанский государственный педагогический университет
azfolklor@yahoo.com

В статье исследуются средства выражения эмоциональности и экспрессивности. Приводятся определения понятий «эмоция», «эмотивность» и «экспрессия», рассматриваются их особенности употребления и проявления. Проблематика статьи характеризуется тем, что особенности эмоции, их групповой характер, влияют на полисемантичность, полифункциональность эмотивных средств. Эта особенность создает трудности для использования в языке и понимания эмотивов.

В ходе исследования выясняется идентичность средства выражения эмоциональности в разговорной речи и письменных текстах на лексическом и грамматическом уровнях. Эмоциональность и экспрессивность по-разному находят свое выражение в письменной и устной речи, а также в различных формах речи. Рассматриваются вербальные и невербальные проявления эмоций и эмоциональности.

Ключевые слова: эмоциональность, экспрессивность, коммуникация, вербальные средства, вербальная информация

Постановка проблемы. Речь служит не только для передачи информации, но и для демонстрации определенных особенностей воздействия этой информации на участников коммуникативного процесса. Участвующие в общении стороны, выполняя как функции адресанта, так и адресата, в зависимости от тематики разговора, того, относится ли эта тематика к ним или нет, оказываются в определенном внутреннем состоянии. Внутренний мир человека чрезвычайно сложен. В этом мире чувства человека, отношение к его жизненным событиям, а также происходящим в момент речи вокруг событиям находят свое выражение в различной форме. Внутренний мир оказывает влияние на поступки, речь человека. В зависимости от внутренней ситуации определенная часть этих поступков проявляет себя либо в действиях, либо в изменениях во внешнем или же внутреннем состоянии определенных органов человека. Некоторая их часть бывает визуально видимыми и с помощью системы невербальных знаков доходит до окружающих, некоторые же бывают известны лишь самому человеку. Например, сердитость человека ощущается в движениях его рук, дрожании его губ, повышении тона речи, изменении цвета лица и др.В зависимости от внутреннего состояния может усилиться и замедлиться сердцебиение. У человека может пересохнуть в горле, прерваться голос. Такого рода состояния обычно бывают известны самому индивиду. Воздействие подобных особенностей на коммуникативный процесс, и на индивидуальную речь самого говорящего, и на речь адресата, на их межречевую стратегию и тактику имеет особое значение. Лингвистика раньше уделяла больше внимания исследованию вербальных

средств выражения эмоциональных и экспрессивных состояний. На современном этапе же изучение и коммуникативной, когнитивной и прагматической особенностей эмоциональности и экспрессивности превратилась в одну из весьма актуальных научных проблем. Вместе с тем, в первую очередь, необходимо исследовать вербальные средства выражения эмоциональности. Важно определение этих средств на различных уровнях языка. Экспрессивность является одним из важных свойств живой речи, а, значит, и диалога. Для достижения экспрессивности широко пользуются не только лексическими средствами, но и грамматическими средствами тоже. «Изменение грамматических форм при сохранении лексики открывает дорогу для нарушения самых нежных, порой простых, однако значимых содержательных и стилистических связей» [1, 96]. У эмоциональности существуют вербальные лексические и грамматические средства выражения. Эти средства в каждом языке составляют определенную систему. Определение вербальных средств выражения требует определения различных типов эмоций. При выяснении средств отображения типов эмоций, связанных с радостью, сердитостью, неожиданностью / внезапностью, бросается в глаза существование зависимости от условий своих закономерностей у каждого из этих типов. Естественно, что существуют и другие типы эмоции. Грусть, гнев тоже занимают свое место в ряду эмоциональных типов. Каждый тип эмоции проявляется в тексте различным вербальным средством выражения. Известно, что вербальная информация – это выражаемая словом, имеющая смысл информация. Невербальная информация свое выражение словом не находит. Невербальная информация эмоциональности представляет собой экстралингвистическую информацию, пересылаемую изменениями, происходящими в его состоянии, действиях, состоянии его внешних и внутренних органов из-за внутреннего состояния человека, психологического положения. И эта информация находит свое выражение в письменном тексте. Однако это выражение выделяется отличным от вербальной формы предоставлением. Для еще большего выяснения указанных вопросов приходится привлечь к анализу конкретные образцы. «Когда Ниса открыла глаза после первого поцелуя в своей жизни, совсем внезапно, вдруг, увидела в свете луны среди гранатовых деревьев смотрящее на них с интересом, немного с изумлением, немного с завистью, круглое, мясистое лицо, с большими черными глазами с недостойным для своего возраста блеском:

- Вахсей! Зубейда!

Страх, робость в шепоте этих двух слов …заставил вздрогнуть даже тутовник, ни один лист которого не шевелился от безветрия, и Зубейда тоже из-за страха, прошептавшего эти два слова голоса, ожесточилась, цепляясь за ветки гранатового дерева, пошла вперед:

- Что, деточка? Что за новость? Увидела джиннов с шайтаном? Паачеем-у-у-у!»

Эмоциональность и экспрессивность по-разному находят свое выражение в письменной и устной речи, а также в различных формах речи. Данный образец взят из прозаического произведения. Эти события повествуются речью автора. Адресатом является читатель. Читатель находится вне места и времени происходящих событий. Он не является непосредственным участником событий. Неизвестно также, был ли автор участником и наблюдателем описываемых событий в момент их про-

исхождения, или же повествовал о них, услышав от другого. В этом контексте существует и субъективный характер в эмоциональном состоянии описываемых образов. Субъективизм вызван авторским описанием.

В прозаическом произведении в описываемом событии проявляет себя выражение типа эмоции, связанного с неожиданностью / внезапностью. Автор для выражения неожиданности и внезапности выбрал из лексической системы языка обладающие необходимой семантикой слова. Слова «совсем внезапно», «вдруг» были использованы для демонстрации эмоциональной реакции одного из участников события к неожиданности. Зубейда видит то, что не должна была увидеть, а Ниса внезапно, неожиданно наблюдает, как то событие, которое не должен был видеть никто, видит кто-то. Свидетельство Зубейды для Нисы является очень плохим событием. Эмоциональное состояние Нисы передается двумя словами «Вахсей! Зубейда!». Первое из этих лексических единиц является непосредственным показателем эмоции. А второе слово в большей степени направлено на коммуникацию. Ниса дает информацию Агагюлю о виденном ею человеке. Эта информация дается именительным предложением. Вместе с тем, предложение имеет форму не повествования, а восклицания. Для демонстрации этого текста был использован особый знак – «восклицательный знак». В разговорном же языке эта особенность эмоциональности найдет свое выражение тоном голоса. Голосовая тональность представляет собой невербальный носитель информации. Следовательно, в письменном тексте одну из ролей средства передачи невербальной информации выполняет «знак препинания». В авторской редакции использовалось слово «вздрогнуть». В авторской речи явно виден перенос эмоционального состояния на природные объекты. «Страх, робость в шепоте этих двух слов …заставил вздрогнуть даже тутовник, ни один лист которого не шевелился от безветрия. «Вздрогнуть», «вздрогнув испугаться» – таково эмоциональное состояние Нисы. А предложение «Заставил вздрогнуть даже тутовник, ни один лист которого не шевелился от безветрия» был привнесен в текст с целью проникновения во внутренний мир читателя, воздействия на его, то есть читателя, эмоциональное состояние. Таким образом, одним из средств выражения эмоционального состояния страха и вздрагивания в азербайджанском языке является слово «вахсей» или же восклицание «вахсей!». Подобное эмоциональное состояние находит свое выражение эмоциональным звучанием номинативной единицы. Подобное выражение зависит от ситуации. Само по себе «Зубейда» – это человеческое имя. У него нет эмоционально-экспрессивного оттенка. Это слово не может быть отнесена в группу входящих в словарный состав языка лексических единиц, указывающих эмоциональность и экспрессивность. Однако, имя, в зависимости от ситуации, может быть показателем ситуативной эмоциональности. Примеров использования в языке номинативов в подобной функции предостаточно. Все функции языка, в том числе эмотивные, эстетические функции, в большей или меньшей степени, находят свое выражение в речи. Особенности эмотивных и эстетических функций, экспрессивности в диалогической речи современных азербайджанского и английского языков, можно изучить из живой речи, если же нет такой возможности – то на основе взятых из художественных произведений диалогов. В приведенном выше первом образце есть изменения и в эмоциональном состоянии Зубейды. Зу-

бейда хотела, чтобы никто не видел, как она наблюдала за ситуацией. Однако внезапно Ниса видит её. Следовательно, и Зубейда понимает внезапное выявление её вины. Связанные с внезапностью «вздрогнуть», «вздрогнув испугаться» характерны и для Зубейды. Однако у Зубейды эмоциональное состояние страха мгновенно. Поскольку у Зубейды вины, можно сказать, нет. Эта особенность передается предложением «Зубейда тоже из-за страха прошептавшего эти два слова голоса ожесточилась». Эмоциональное состояние Зубейды, связанное с испугом и вздрагиванием, меняется. В ней пробуждается эмоциональное состояние ожесточения. И это состояние порождено отношением друг к другу вошедших при этой ситуации в невербальную коммуникацию индивидуумов. Ниса виновата. Объектом, ставшим причиной её вздрагивания и испуга, является Зубейда. Зубейда ожесточается от тона звучания своего имени. Эмоциональное состояние Зубейды открыто проявляется в акте её речи: «Что, деточка? Что за новость? Увидела джиннов с шайтаном?! Паачеем-у-у-у!»» Среди использованных Зубейдой предложений только в одном есть вербальное средство выражения эмоционального состояния. «Что, деточка?», «Что за новость?», «Паачеем-у-у-у!» являются ситуативными средствами выражения эмоционального состояния. Их взаимосвязь с эмоциональностью раскрывается контекстом и невербальными средствами. А фразеологизм «увидеть джиннов с шайтаном», использованный в предложении «Увидела джиннов с шайтаном?», является фразеологической единицей, выражающим эмоциональное состояние в азербайджанском языке. Эмоциональное состояние Зубейды находит свое выражение в её действиях в невербальной форме. Она идет, цепляясь за ветви гранатового дерева, растягивает слова, повышает голос и т.д. Одним из свойств использования эмотивов в языке является их контекстуализация. Их смысл непосредственно увязан с конситуацией. Интонация играет важную роль в конкретизации смысла и содержания предложений и обеспечении их коммуникативных видов при определенных условиях общения. Интонация создает условия для доставления до адресата, регулирования идей, содержащихся в выглядящих «дефектно» с грамматической точки зрения предложениях. Один из участников диалога, порой оба, средствами воздействуют на эмоциональное состояние друг друга. При попытке одного из дикторов приблизив другого к своему кругу интересов, получить положительную реакцию на свое желание наблюдается усиление в диалогической речи эмоциональности, экспрессивности. В лексической системе языка существуют такие слова, готовые конструкции (например, благопожелания), которые непосредственно воздействуют на эмоциональное состояние. В зависимости от статуса собеседований используются различные формы подобных средств. Похвала, мольба, угроза, шантаж, благопожелание и др. являются средствами, выбираемыми и включаемыми в такие моменты в речь.

«Хорошо, деточка, если так боишься джиннов с шайтаном, почему тогда не идешь общепринятым всеми путем, освещенной дорогой домой? А? Паачеем-у-у-у! …А-а-а!. Не пойдет, дорогуша, не пойдет! Что ж, есть народ, есть мы! Посмотрим, кто из нас честен, я или вы …» [4, 9].

«-Никому не говори…Никому не говори, неправы мы, Зубейда…Тетя Зубейда…» [4, 9].

В этом образце есть угроза и просьба. В процессе речи эмоциональное состояние находит свое выражение с помощью и таких невербальных средств, как хлопки, свист, охи, плач, смех и т.д. Ниса, плача, произносит предложения « -Никому не говори…Никому не говори, ошиблись мы, Зубейда…Тетя Зубейда…». Чтобы привлечь внимание к этому, автор вводит в текст предложение «Ниса, у которой слезы капля за каплей сочились с кончика носа, икая говорит». Невербальные средства выражения эмоциональности могут сопровождать речь. Паралингвистические средства, сопровождая речь, дополняют эмоциональную сторону речи, дают дополнительную информацию о текущем состоянии собеседника (спокойный, встревоженный, уверенный, усталый). Вербальные средства выражения эмоциональности различны и многообразны. Для выражения соответствующего состояния в языке существует достаточное количество отличных глаголов. Злиться, разгневаться, ожесточиться, вздрогнуть, испугаться, обрадоваться, опечалиться, загрустить, взволноваться, встревожиться и др. - каждый из этих глаголов является непосредственно выражающим определенное эмоциональное состояние человека. Эмоциональное состояние, эмоциональность и экспрессивность чаще выражаются посредством восклицательных предложений и восклицаний.

Самое экспрессивное явление функционального изменения грамматической функции происходит при транспозиции. В этом время оценка эмоции или же стилистическая выразительность появляются как результат нарушения обычных грамматических связей [2, 191]. При транспозии заменяющий член, теряя функциональное свойство, в то же время превращается в носителя двух функций. При этом происходит перенесение экспрессивного обогащения в необычную форму использования [3, 7]. В языке есть ряд недифференцированных средств выражения, которые обладают коммуникативной независимостью и возможностью придать речи определенную информативность, и отличаются от обычного предложения. Среди этих средств выражения восклицательные предложения занимают особое место. Выделяют 4 группы семантем, лежащих в основе восклицательных предложений:

1) служащие семантическому, структурному разделению;

2) используемые в быту (приветствие, поздравление, благословение, благопожелание и пр.);

3) эмотивы;

4) выражения вопросительно-восклицательного характера.

Выводы и перспектива. Особенности эмоции, их групповой характер, влияют на полисемантичность, полифункциональность эмотивных средств. Эта особенность создает трудности для использования в языке и понимания эмотивов. Использование носителями языка эмотивных лексических единиц, в том числе и восклицаний, формируется в процессе усвоения этого языка. Именно поэтому каждый носитель языка при выражении эмоции не задумывается по поводу того, как, какие эмотивы использовать.

Применение многозначных слов, в том числе эмотивов, происходит следующими способами:

1) паралингвистическими средствами (мимика, жесты, телодвижения);

2) средствами суперсегмента (интонация, тон, напряжение в голосе);

3) невербальным контекстом (связь с речевой ситуацией);
4) вербальным контекстом (путем использования дополнительных слов).

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык / И.В. Арнольд. – Москва: Наука, 2009. – 384 с.
2. Уланова С.В. Грамматическая семантика как объект грамматической стилистики – и стилеобразование в современном английском языке. Автореферат диссер…к.ф.н / С.В. Уланова. – М., 2006. – С. 24, С. 7
3. Чичерин А.В. Заметка о стилистической роли грамматических форм / / слово и образ / А.В. Чичерин. – Москва: Просвещение, 1964. – С. 93-101,
4. Эльчин. Повести / Эльчин. – Баку: Гянджлик, 1979

Аббасаліева Р. З. Про вербальні та невербальні засоби вираження емоцій / Р. З. Аббасаліева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 380–385.

У статті досліджуються засоби вираження емоційності та експресивності, наводяться визначення понять «емоція», «емотивність» і «експресія», розглядаються їх особливості вживання і прояви. Проблематика статті характеризується тим, що особливості емоцій, їх груповий характер, впливають на полісемантичність, поліфункціональність емотивних засобів. Ця особливість створює труднощі для їх використання в мові та розуміння емотивів.

У ході дослідження з'ясовується ідентичність засобів вираження емоційності в розмовній мові та письмових текстах на лексичному і граматичному рівнях. Емоційність і експресивність по-різному знаходять своє вираження у письмовій та усній мові, а також у різних формах мовлення. Розглядаються вербальні і невербальні прояви емоцій та емоційності.

Ключові слова: емоційність, експресивність, комунікація, вербальні засоби, вербальна інформація

Abbasalieva R. Z. Verbal and non-verbal means of emotions expression / R. Z. Abbasalieva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 380–385.

This article investigates a means of expressing emotion and expressivity. The definitions of the terms “emotion”, “emotivity” and “expression” are given. The author discusses the use of their features and ways of its expression. The problem of the article is characterized by the fact that the features of emotions, their group nature affect on the polysemy, poly-functionality of the emotive means. This features make it difficult to use and understand emotive means in the language.

During the study the identity of the means of emotion expression in speech and written texts on the lexical and grammatical levels are found out. Emotionality and expressivity in different ways are reflected in the written and spoken word, as well as in various forms of speech. However, in the written text the nonverbal expressions of emotion are given in the author's speech. Verbal and non-verbal expressions of emotion are examined. The author points out that non-verbal emotional information is extralinguistic information, which is reflected in the written text. In this case author notes the role of punctuation, intonation and interjections that make picture of feelings and emotions more complete. The verbal means of communication are very diverse. The transposition is highlighted by the author as the most expressive phenomenon of functional changes of grammatical function. Exclamatory sentences are investigated separately as a series of expression means that have communicative independence and the ability to give a speech informativeness.

Key words: emotion, expressiveness, communication, verbal means, verbal information

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 386–391.

УДК 811.512.162

ПАРАЛЕЛЛИЗМЫ ВОСТОЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Магеррамова В. Э.

Гянджинский государственный университет, Мингечаурский политехнический универстет
vefa2012@box.az

В статье исследуются факты лексических параллелизмов восточной этимологии, имеющие место в лексических системах азербайджанского и английского языков. Автор на основе многочисленных фактов приходит к выводу о том что, в азербайджанском и английском языках существует достаточное количество арабских, персидских, индийских заимствований.

Следует заметить, что заимствования из персидского языка уступают заимствованиям из арабского языка как в количестве, так и по сфере своего употребления. Автор анализирует заимствовавания из арабского и персидского языков в английском и азербайджанском языках, формирует их в тематические группы, рассматривает их этимологию.

Ключевые слова: лексические параллелизмы, восточная этимология, лексическая система, азербайджанский язык, английский язык

Постановка проблемы. В лексических системах азербайджанского и английского языков в большом количестве представлены интерлексемы арабского и персидского происхождения. Не случайно, что некоторые из них являются отражением факта лексического параллелизма между языковыми системами этих языков.

Автор интересного исследования «Слова арабского и персидского происхождения в романо-германском лингвистическом ареале. Пути вхождения» С. Шахбаз указывает на тот факт, что только в английском языке арабизмы представлены в 47 семантических полях и тематических группах. Они охватывают исламскую религию, анатомию, архитектуру, биохимию, ботанику, почвоведение, медицину, климат, торговлю, этнологию, орнитологию, производство железа, продукты питания, геологию, математику, военное дело, транспорт, мифологию, политику (в том числе и управление), правоведение, предметы быта, музыку, социологию и др. [16]. Для сравнения скажем, что Р. Джаббаров, исследовавший арабские заимствования во французском языке, указал на наличие в этом языке 258 лексических единиц, процентное соотношение которых следующее: существительных − 71, 7 %, инфинитива − 5, 8 %, прилагательных − 9, 1%, причастия − 6, 6%, изафетных конструкций − 1, 9% и глаголов − 1, 1%. Статистический анализ фактов усвоения заимствований французским языком позволил определить также их основные тематические группы. Из них: 13, 8 % − наименование флоры, 11, 5% − предметы быта, 6, 9% − термины религии, 13, 5 % − военная терминология, а 12, 2% − научно-техническая терминология [12]. Отмеченные факты позволяют судить о том, что по сути заимствования из арабского языка охватывают весьма ограниченный спектр значений. То есть

наблюдаемое здесь разнообразие тематических групп не отражает диссонанса позиций уровня научно-технического развития арабского и восточного мира на мировой политической арене. То есть, соглашаясь с тем, что современная разница свидетельствует не в пользу цивилизации Среднего Востока, не следует отрицать того факта, что в средние века арабская наука и культура занимала ведущие позиции. Именно по этой причине средневековая Европа, знакомая с греческой философией и, в целом, со многими достижениями античной научной мысли посредством переводных с арабского языка книг, заимствовала достаточное количество инвентаря научной терминологии этого языка.

Вышеизложенные факты свидетельствуют в пользу наличия достаточно лояльной среды для подобных заимствований не только в английском, но и во французском языке. Отметим и то, что наличие во Франции большого количества арабских эмигрантов стало решающим для вхождения во французский язык арабских заимствований, однако подобную мысль нельзя высказать по отношению к немецкоязычному обществу. Здесь, как и в Англии, эмигрантский фактор статуса населения не возымел значимой роли в экспансии арабского языка. Л.А.Жилинская, исследовавшая «национально-культурологические особенности арабизмов в современном немецком языке», отмечала, что арабские заимствования в этом языке наряду с тем, что охватывают самый широкий спектр тематических групп, достаточно глубоко проникли в исторически сложившуюся особую лексико-семантическую категорию которой являются фразеологизмы [13; 6-12]. Лингвист пишет: «В эволюции средневекового мира арабы − народ, сыгравший очень большую роль. Арабские завоевания VII – IX веков вывели арабский язык на мировые просторы. Они дали толчок к обогащению европейских (в том числе и немецкого) языков арабскими словами, что в целом привело к заимствованию 545 лексических единиц, обозначающих «географические имена, научные термины, …бытовую лексику, термины религии и др.» [13; 13-14].

В ряду арабских заимствований в английском языке нашли место факты, как составляющие параллель с арабскими заимствованиями в азербайджанском языке, так и не составляющие такое равновесие. Не встречаются в азербайджанском языке параллелизм таких (встречающихся в английском языке) лексических единиц как: ***orange*** *“апельсин”,* ***crocus, crimson, cotton*** *“хлопок”,* ***aubergine, sugar*** *“сахар”,* ***marzipan, camel*** “*верблюд*” и др. Исходя из многочисленности арабских заимствований в азербайджанском языке, можно утверждать, что в английском языке у арабизмов больше коррелятов. Например, можно привести следующие факты лексического параллелизма: ***wadi “vadi”, lemon*** *“лимон”,* ***bedoin*** *“бедуин”,* ***benzene*** *“бензин”,* ***imam*** *“имам”,* ***mullah*** *“мулла”,* ***muezzin*** *“муэдзин”,* ***tariff*** *“тариф”,* ***caliph*** *“халиф”,* ***algorithm*** *“алгоритм”,* ***admiral*** *“адмирал”,* ***halva*** *“халва”,* ***sherbet*** *“шербет”* и др. Существенное различие в фонетическом строе азербайджанского и английского языков способствует тому, что во внешней форме фактов параллелизма присутствие значимой «деформации» становится неизбежным. В этом смысле нельзя оставить без внимания и то, что по некоторым особенностям наш язык проявляет близость к фонетической системе арабского языка, что выступает в ряду факторов, обуславливающих эти различия. Так, наличие звука [ə] и в азербайджанском, и в

арабском языках облегчает адаптацию слов, заимствованных из арабского языка, например: ***qəzəl*** *«газель»,* ***əmir*** *«амир»,* ***bədəvi*** *«бедуин»,* ***Dəməşq*** *«Дамаск»,* ***hənа*** *«хна»* и др. В то время, как в азербайджанском языке эти слова заимствованы в форме близкой к оригиналу, их английские параллели имеют существенно отличный облик. Сравним: ***gazelle, Damask, bedouin, emir.***

Считаем целесообразным рассмотреть параллельные с азербайджанским языком арабские заимствования в рамках следующих тематических групп:

1. факты параллелизма слов, обозначающих терминологию религии и понятий ислама: ***Allah – Allah*** «Аллах»; ***müəzzin – muezzin*** «муэдзин»; ***molla – mullah*** «мулла», ***kafir – kafir*** «вероотступник», ***minarə – minaret*** «минарет»;

2. факты параллелизма слов, обозначающих термины государственного управления: ***əmir – emir*** «амир»; ***sultan – sultan*** «султан», ***xəlif – caliph*** «халиф»;

3. факты лексического параллелизма слов, обозначающих термины разных областей науки: ***algebra – cəbr*** «алгебра», ***algorithm – alqoritm*** «алгоритм», ***chemistry – kimya*** «химия», ***qəzəl – ghazal*** «газель» и др.

4. факты лексического параллелизма слов, обозначающих предметы быта, одежду, продукты питания: ***chiffon – şifon*** «шифон», ***turban – türban*** «тюрбан», ***qəhvə – coffee*** «кофе», ***alkoqol – alcohol*** «алкоголь» и др.

Среди фактов лексического параллелизма восточной этимологии между азербайджанским и английским языками особо выделяются слова арабского происхождения. Следует заметить, что заимствования из персидского языка уступают заимствованиям из арабского языка как в количестве, так и по сфере своего употребления. Если арабские заимствования используются для вербальной характеристики и номинации фундаментальных понятий различных отраслей науки, то подавляющее большинство заимствований из персидского языка отражают экзотизмы, относящиеся к ираноязычной и персоязычной лингвокультурологической сфере. Данные языковые факты представлены в ограниченном количестве. Вместе с тем в нашем исследовании мы считаем целесообразным необходимость уделить внимание параллелизму фактов их адекватности лексическим единицам азербайджанского языка. Исследователи, изучающие особенности персидских заимствований в английском языке, указывают на связь слов ***shah, dervich, toman, divan, caravan, bazaar, caravan serai, padichah, dinar, shawl*** и др. с иранской культурой. Очевидно, что первоначально слова персидского происхождения проникли в английский язык «в результате торговых отношений с Ираном посредством итальянского, испанского, португальского и французского языков. Усвоение же из персидского языка (без языка-посредника) относится к относительно новому периоду, оно стало возможно в конце XV века и продолжается и сегодня» [11]. Например, в 1580 году в английском языке стало употребляться слова ***karvan,*** усвоенное из французского языка, означавшее в нем «передвижная группа в пустыне», отмечалось, что в древнем санскрите ***karabhah*** означало «верблюд» [3]. Для сравнения отметим, по словам автора этимологического словаря русского языка Фасмера «лингвотраектория» заимствованного русским языком слова ***karvan*** повторяет аналогичный английский транзитный переход. Посредством французского языка-посредника слово ***caravene*** стало употребляться в русском языке [14]. Особенно следует указать, что выступающее в

азербайджанском языке слово является полным семантическим эквивалентом и усвоено напрямую из персидского языка. В азербайджанском языке оно означает: «1. Группа (вереница) вьючных животных (в основном верблюдов), движущихся друг за другом…, 2. О вещах, скученно передвигающихся друг за другом …, 3. перен. О чем-то проходящем (в знач. «переехать из этого мира» [1; 644]. Многочисленность персидских заимствований в азербайджанском языке, а также, что весьма важно, близость персидской и азербайджанской лингвокультурологической среды делает возможным развитие у него осложненного переносного третьего значения. Поскольку в англоязычном обществе нет системы общих лингвокультурологических ценностей, то и невозможно развитие у слова ***karvan*** (в английском языке) широкого выбора переносности значений. Однако интересно, что и в английском языке можно наблюдать наличие метафорических значений. Так, в английском языке наряду с воспринимаемым как экзотизм словом ***caravan*** употребляется и ***avtoqoşmalı ev*** *«дом-автоприцеп»,* ***furqon – ev*** *«дом-фургон»,* ***təkərlər üzərində ev*** *«передвижной дом на колёсах*», например: Inquest verdict for pensioner who died in ***caravan*** fire…. The inquest held on January 9 established that due to the isolated location of Mr King's ***caravan*** and insufficient evidence the cause of the fire could not be determined [17].

Слово ***bazaar***, возникшее в английском языке из персидского и отличающееся частотностью употребления, также было усвоено через язык-посредник. Так, персидское слово ***bazar*** образовалось от пехлевийского слова ***vicar***. В итальянский язык оно вошло в форме ***bazarra,*** а со временем в соответствии с особенностями фонетического строения английского языка закрепилось в нем форме ***bazaar.*** В современном английском языке слово ***bazaar*** используется в основном в двух значениях: *«восточный базар»* и *«благотворительный базар».* Например: *Mansion hosts Christmas* ***bazaar*** [25]; *The East Van* ***Bazaar*** *is happening on Sunday, December 16 at the Waldorf* [26].

Заметим, что значение азербайджанского слова ***bazar*** «базар» претерпело разветвленность значения. Так, кроме семантически адекватного значения английского слова ***bazaar*** «место купли-продажи», «большая сезонная распродажа, устроенная под открытым небом или внутри здания», азербайджанское слово ***bazar*** «базар» стало обозначать и «день недели, следующий после субботы − *воскресенье*». Кроме того, в азербайджанском языке это слово развило и негативную переносность. Выражение с этим словом ***bazaar açmaq*** означает «кричать, поднять шумиху, скандалить». Особенность употребления указанного выражения в современном азербайджанском языке, а также обращение к семантическому контексту позволяют судить о том, что действие не ограничивается значением «кричать».

Обратимся к примерам: *Sən demə, ibtidai sinif müəlliməsi də özü üçün bir* ***bazar*** *açıbmış: kim ki, 80-100 manata qruppaya ...yazılırsa, həmin uşaqlara yaxşı qiymət verilir* «Оказывается, что и педагог начальных классов открыл себе базар: тем детям, которые за 80-100 манат записываются в группу, он ставит хорошую оценку» [17].

Выводы и перспектива. Из приведенного примера очевидно, что азербайджанское слово ***bazar*** *«*базар» имеет негативную коннотацию. Данный факт свидетельствует в пользу того, что с точки зрения семантической адекватности интерлек-

сема персидского происхождения в двух языках развила разный (несимметричный) объем значений.

Из представленных выше фактов следует, что между лексическими системами азербайджанского и английского языков существует ситуация параллелизма. При этом следует отметить, что среди заимствований из восточных языков таких случаев больше предполагаемого количества, а этимолого-функциональный аспект их анализа позволяет выявить достаточно интересные сведения, что обратит на себя внимание в перспективе.

Литература

1. Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti, dörd cilddə, II Cild, Bakı: Şərq – Qərb, 2006. – 792 s.
2. Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti, dörd cilddə, IV Cild, Bakı: Şərq – Qərb, 2011. – 712 s.
3. Caravan [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // www.etymonline.com
4. Cinchona [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // en.wikipedia.org / wiki / Cinchona
5. Pajamas [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // en.wikipedia.org / wiki / Pajamas
6. Jungle [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // en.wikipedia.org / wiki / Jungle# Etymology
7. Quinine [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // www.etymonline.com / index.php? allowed_in_frame=0&search=quinine&searchmode=none
8. Pembleton E.F., Williams S.L. Geomys Pinetis [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // www.science.smith.edu / msi / pdf / i0076-3519-086-01-0001.pdf
9. Salamander [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // www.etymonline.com / index.php ?term=salamander
10. Verdiyeva Z., Ağayeva F., Adilov M., Azərbaycan dilinin semasiologiyası, Bakı: Maarif, 1964, 306 s.
11. Гинзбург Р.З. Лексикология английского языка [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // www.lingvotech.com / zaimstvovaniya
12. Джаббаров Р. Дж. Арабские заимствования во французском языке Дис. .. канд. филол. Наук / Р.Дж. Джаббаров. – Баку, 1984. – 253 с.
13. Жилинская Л. А. Национально-культурные и языковые особенности арабизмов в современном немецком языке Автореф. дис. .. канд. филол. Наук / Л.А. Жилинская. – Москва, 2009. – 27 с.
14. Караван / / Этимологический словарь русского языка. Фасмер Макс [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // www.classes.ru / all-russian / russian-dictionary-Vasmer-term-4866.htm
15. Саламандры [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // ru.wikipedia.org
16. Шахбаз В. А-С. Слова арабского происхождения на территории романо-германского лингвистического ареала. Пути вхождения Дис. .. канд. филол. наук 2005 [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // www.dissercat.com /
17. [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // azerinews.org / 3rd-party-extensions / 47-cmiyyt / 1854-bak-mktblrind-yeni-ruevt-uesulu. html
18. [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // turkhan.wordpress.com / 2011 / 01 / 14 / namaz-qilan-cunqli-v%C9%99t%C9%99ndaslari /
19. [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // en.wikipedia.org / wiki / The_Lion _Sleeps_Tonight
20. [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // en.wikipedia.org / wiki / Kashmir
21. [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // en.wikipedia.org / wiki / Cashmere_wool
22. [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // www.azyb.net / cgi-bin / jurn / main.cgi?id=714
23. Əfəndiyev İ. “Sən həmişə mənimləsən” [Электронный ресурс].– Режим доступа: http: ilyasafandiyev.musigi-dunya.az / ustad4_sen.html
24. [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // www.butunsaytlar.com / m_hekkeln304-ruuml350eym-r399s304ml399r304-saxtakarliqdir.html
25. [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // www.thisisbristol.co.uk / Mansion-hosts-Christmas-bazaar / story-17454380-detail / story.html

26. [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // www.waldorfhotel.com / 2012 / 12 / east-van-bazaar-vendor-profile-this-is-east-van /
27. [Электронный ресурс] .– Режим доступа: http: // www.thisistotalessex.co.uk / Inquest-verdict-pensioner-died-caravan / story-17863161-detail / story.html

Магеррамова В. Е. Паралеллизми східного походження в лексичних системах азербайджанської та англійської мов / В. Е. Магеррамова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 386–391.

У статті досліджуються факти лексичних паралелізмів східної етимології, що мають місце в лексичних системах азербайджанської та англійської мов. Автор на основі численних фактів приходить до висновку про те що, в азербайджанській та англійській мовах існує достатня кількість арабських, перських, індійських запозичень.

Слід зауважити, що запозичення з перської мови поступаються запозиченнями з арабської мови як у кількості, так і по сфері свого вживання. Автор аналізує запозичення з арабської та перської мови в англійській та азербайджанській мовах, формує їх у тематичні групи, розглядає їх етимологію.

Ключові слова: лексичні паралелізми, східна етимологія, лексична система, азербайджанська мова, англійська мова

Magerramova W. E. Parallelisms of thre eastern origin in the Azerbaijani and English languages lexical systems / W. E. Magerramova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 386–391.

In the article the facts of eastern etymology of the lexical parallelisms, which take place in the lexical systems of Azerbaijani and English languages are investigated. Basing of numerous facts the author comes to the conclusion that there are a sufficient number of Arabic, Persian and Indian loan words in Azerbaijani and English languages.

It should be mentioned that the Persian language loan-words are inferior to Arabic loans, as in the number and in the sphere of its usage. If Arab loans are used for verbal characteristics and the nomination of the various branches of science fundamental concepts, the vast majority of Persian loans reflects exoticisms related to Iranian and Persian-language linguo-cultural area. The author analyzes the Arabic and Persian loan words in English and Azerbaijani languages, forms them into thematic groups by etymological principle.

Based on the above it is clearly that there is a situation of parallelism between the Azerbaijani and English languages lexical systems. It should be noted that among the loan words from oriental languages amount of such cases is more than expected, and etimological and functional aspect of their analysis allows to reveal quite interesting information.

Key words: lexical parallels, east etymology, the lexical system, the Azerbaijani language, the English language.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 392–398.

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ И ТЮРКСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 820 / 89 (100-87)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРАВНЕНИЯ И ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ЦВЕТОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В КРЫМСКОТАТАРСКОЙ АШЫКСКОЙ ПОЭЗИИ

Усеинов Т. Б.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
E-mail: useinovtb@mail.ru

В статье рассматриваются цветовые характеристики в образной системе “возлюбленная–влюблённый”.

Ключевые слова: поэзия, сравнение, противопоставление, цветовые характеристики.

Постановка проблемы. Цветовые характеристики, а также сравнение и противопоставление остаются совершенно неизученной областью средневековой крымскотатарской письменной силлабической поэзии.

Целью работы является изучение сравнения и противопоставления цветовых характеристик в рамках крымскотатарской ашыкской поэзии.

Вступление. Самим сюжетом главные герои (возлюбленная и влюблённый) противопоставлены друг другу. Он эмоционален – она степенна, он открыт в своих чувствах – она замкнута, скрытна, он страдает – она холодна и безразлична, он беспокоен – она спокойна, он готов на самопожертвование ради чувства – она отстранена от происходящего, он чахнет в любви – она цветёт и благоухает в благополучии, он нищенствует – она пребывает в достатке и роскоши.

Существует универсальное парное различие (противопоставление) цветов, согласно основному цветовому контрасту – “*светлое – тёмное*”, которое применяется для отражения взаимодействия антитетичных предметов и понятий (“*день – ночь*”, “*жизнь – смерть*”, “*утро – вечер*” и т. д.]. Народные поэты активно применяют, в своём творчестве, отмеченное явление. Рассмотрим, непосредственно, примеры:

“*День – ночь*”. Не составляет труда обнаружить, в творчестве крымскотатарских ашыков, данное противопоставление [1, 17, 38, 41 и т. д.; 2, 243, 249 и т. д.]. Оно используется для усиления эмоциональной нагрузки и большей убедительности слов *влюблённого* молодого человека. Рассмотрим пример из творчества *Мустафы Джевхери* (…–1715-16):

3. …Днём – ты моя мечта, ночью же – ты моё сновидение…[2, 243].

Главный герой описывает свои действия:

2. И днём, и ночью буду производить стенания и ахи…[2, 249].

Другой пример из творчества *Ашыка Омера* (…–1707):

5. Не встретил я, в этом мире, возлюбленную
И днём, и ночью буду тосковать…[1, 41].

Он обращается к сопернику и выражает своё неприятие:

4. И днём, и ночью пусть твоим занятием станет плач, соперник…[1, 17].

"*Утро – вечер*". Цветовой контраст "*светлое – тёмное*" нашёл отражение и в вышеотмеченном противопоставлении. Поэты применяют его для передачи временного отрезка (продолжительностью в световой день), на протяжении которого происходит описываемое действие. Ночное время, под этим понятием, не подразумевается:

2. Сказал: "Красавица, что плачешь?
И утром, и вечером, что томишься (страдаешь)?"…[2, 541].

"*Чёрный – белый*". Понятия "*темное*" и "*светлое*" подразумевают *чёрный* и *белый* оттенки, что находит своё отражение в одноимённом противопоставлении. *Цветовой* контраст обостряет внимание читателя на объекте и даёт возможность более ярко представить описываемые предметы, тем самым, выявить, подчеркнуть красоту и привлекательность метафорической ситуации.

Традиционно, *чёрный цвет*, в рамках противопоставления "*чёрное – белое*", связан с волосами красавицы, а *белый* – с её белоснежной кожей:

2. …Подобные драконам чёрные твои локоны,
Рассыпанные на шее волосы окликают (подзывают)…[1, 31].

Другой пример отражения облика возлюбленной (*чёрные* волосы и *белое* лицо):

1. …Чёрные локоны поверх своего лица, подобной Луне,
Рассыпавшая красавица, чья ты?…[1, 46].

Однако, справедливости ради, отметим, что в "чистом виде" представленный выше *цветовой контраст* используется крайне редко. В большинстве своём, противопоставление, в рамках *письменной силлабической поэзии*, осложняется за счёт использования различного рода ассоциативных понятий и явлений, смыслового противопоставления, что, незамедлительно, "выливается" в сложную фактуру стихотворной формы.

Так, в антитетичную ситуацию могут быть вовлечены *цветовые характеристики*, не являющиеся, в естественном языке, антонимами.

В численном отношении противопоставления подобного рода составляют подавляющее большинство. Рассмотрим наиболее яркие из них.

"*Красный – жёлтый*". В природе наблюдается противопоставление этих двух цветовых характеристик. Авторы, всех литературных течений, искусно применяют данный ассоциативный контраст и народные поэты, в этом смысле, не составляют исключения.

Интересным выглядит отражение цветового противопоставления "*красное – жёлтое*" в рамках образной системы "*возлюбленная – покойник*".

Она розоликая, цветущая и пахнущая – воплощение красоты, беззаботности и достатка. Соответственно, объект поклонения изображается *красным цветом*.

Он страдает в любовном порыве, изнемогает и всё происходящее неминуемо должно привести к его смерти. В некоторых стихах *влюблённый* умирает и предста-

ёт в образе *покойника* (как бы не казалось развитие сюжета жестоким и неожиданным). Всё происходящее с главным героем можно охарактеризовать, как процесс увядания, который (как и само тело покойника) ассоциируется с *жёлтым цветом*.

Так выглядит сказанное в рамках одной народной формы поэзии:

1. Если поясню состояние [моё – Т. У.] розоликому другу,
Благосклонность (милость) проявив, примет ли моё приветствие?.

4. “Не знаю, что со мной стало?” – скажет Джевхери,
От томления к возлюбленной я пожелтел, завял.
Обнаружил её двери сострадания (милосердия) закрытыми,
Если я умру на мою могилу придёт ли – не знаю…[2, 172].

Рассмотрим очередной пример. Чувства *влюблённого* столь велики и безграничны, что оказавшись на чужбине, он не изменяет себе – полон решимости и терпения в достижении цели.

Красавица, по природе своей, недоступна и величественна. Она источник обжигающего “огня страсти” – *красного цвета*:

3. …Огнём любви обожгла меня…[2, 190].

Молодой человек, во многом, искусственно, ставит себя в более, чем скромное положение, сравниваясь с предметами “у её ног”.

Так, влюблённый “бросает свою душу и тело на дорогу”, по которой прохаживается любимая девушка. Дорога без какого-либо покрытия, а значить *жёлтого цвета*:

4. …На её дорогу оставил (положил) эту душу и тело…[2, 190].

Главный герой, добровольно оказавшийся “под ногами красавицы”, превращается в пыль, опять же, *жёлтого оттенка*:

4. …Не смогу отряхнуть пыль ног твоих…[2, 190].

Судя по контексту, на протяжение целого бента, образ молодого человека передаётся путём метафорических сравнений, связанных с *жёлтым цветом* (дорога, пыль). И когда, в очередном туркуме, речь заводится о некоем субъекте у порога возлюбленной, представить себе образ поклонника, раба или же слуги будет слишком просто и неправильно. Это *собака* – персонаж, часто применяемый в *классическом диване* и в *письменной силлабической поэзии*. Более того, развивая мысль о моноцветности в изображении главного героя в рамках одного бента, нам хочется верить, что, традиционно, четвероногая, всё-таки, имеет *жёлтый окрас*:

4. …Будь любезна (милостива) – не отклоняй меня [2, 190].

“*Красный – красный*”. Подобное противопоставление – достаточно редкое явление для *крымскотатарской письменной силлабической поэзии*.

В рамках одного двустишия, наблюдается отмеченное *цветовое противопоставление*, но при отличном предметном изображении.

Красавица жестока и кровожадна. Она агрессивна и её глаза “налиты кровью” (ассоциация с *красным цветом)*.

Влюблённый же выступает в роли терпящего. Его стан, под воздействием её несправедливых поступков, превратился в окровавленный лук, т. е. военное оружие (опять же, ассоциация с *красным цветом*):

1. В разлуке с тобой так [сильно – Т. У.]. окровавлен мой стан,

Он – лук [т. е. изогнут дугой – Т. У.], эй, “кровавая глазами”, он – лук…[2, 338].

Помимо *цветовой* характеристики, в ниже следующем отрывке, наблюдается и идентичное предметное противопоставление (“кровавые глаза” – “кровь из глаз”]. Вероломная девушка проливает “кровь из глаз” молодого человека:

1. …Мои глаза наполнились кровью в любовном томлении,

Истекают, эй, “кровавая глазами”, истекают…[2, 338].

“*Красный – серый*”. Одним из часто используемых, является цветовое противопоставление “*красное – серое*”. Прежде всего, вспомним широко известную на Востоке *образную систему* “*Роза* и *Соловей*”. Эта история любви была подробно описана самим *Мухаммедом Физули* (1494–1556) и принесла ему невиданную популярность.

Крымскотатарские народные поэты (впрочем, так же, как и дворцовые) начали активно её применять в своём творчестве.

Говоря о *цветовых характеристиках*, ясно, что воплощение *красного цвета* – это, согласно средневековому литературному канону, объект любовного порыва, т. е. красавица, “выступающая” в образе Розы. Её внешняя привлекательность, приятный аромат, привлекают влюблённого.

В его внешности преобладает нейтральный, неприметный *серый цвет*. Эти два цвета противопоставляются друг другу, прежде всего, ассоциативно. Семантическая наполненность, каждой из характеристик, совершенно различна и противоречива:

1. Пришла весна, начали испытывать сердце [т. е. переживания – Т. У.].

И ты плач (стенай) Соловей.

От рук колючки бутону Розы

Свою жалобу расскажи (пропой) Соловей…[1, 44].

Противопоставление “*красное – серое*” находит своё отражение и в следующей *образной системе*: “*огонь – пепел*”. Красавица – источник “огня любви”, который превращает влюблённого в пепел:

…2. Превратится в пепел тот, кто сгорит в твоём огне любви…[2, 180].

“*Красный – зелёный*”. При просмотре *цветовых характеристик* мы пришли к мнению о существовании некоей *цветовой иерархии* “благородности” в *средневековой крымскотатарской письменной силлабической поэзии*.

Так, Например, *красный цвет*, традиционно, присущ образу возлюбленной, но только в том случае, когда он связан в паре с нижестоящим в рейтинге цветом (Например, *серым* или *жёлтым)*.

В случае же, когда противопоставляются *красный* и *зелёный* цвета, ситуация изменяется координальным образом.

Зелёный цвет – в семантическом отношении, является самым ярким, доминирующим, отражающим, в большинстве случаев, центральный персонаж. В связке с ним *красный*, будучи менее рейтинговым, “отходит на второй план” и “приобщается” к образу несколько “периферийному”.

Он:

2. Со мной произошло одно дело, всех дел худше,

Моё пламя не сгорев, дым мой клубится…[2, 232].

Она:

4. В зелёные оделась на весь рост,

Райская дева ли, ангел есть ли в твоём роду? [2, 232].

“*Чёрный – синий*”. *Синий цвет*, пожалуй, самый редкий оттенок, применяемый в *письменной силлабической поэзии*. В большинстве случаев, он используется для отражения неодушевлённых предметов и явлений. По рейтингу он размещается в центре списка и характеризуется, как нейтральный.

“*Белый – жёлтый*”. Эта цветовая пара, по всем параметрам, соответствует канонизированным восточным правилам использования *цветовых характеристик* в *образной системе* “*возлюбленная – влюблённый*”.

Белый, в подавляющем большинстве, является воплощением чистоты, невинности, молодости девушки, *жёлтый* же – преданности, страдания и увядания молодого человека.

Поклонник, “бросившийся на её дорогу” (под её ноги), смешался с *жёлтой* землёй, реакция же объекта любовной страсти, красота, которой “подобна Луне” (*белого цвета*), так и остаётся нераскрытой:

5.Эй, по твоей дороге, Омер припавший (бросившийся) на землю…

…Луне подобная твоя красота свежая ли, что это?…[1, 39].

“*Белый – серый*”. *Серый* и *жёлтый* цвета очень близки друг другу, по характеру использования. Отсюда и схожесть семантической насыщенности, закладываемой в цветовые пары “*белый – серый*”, “*белый – жёлтый*”.

Характеристика *белого* оттенка остаётся неизменной в обоих случаях – он раскрывает образ красавицы.

Серый, в смысловом отношении несколько “благороднее” *жёлтого*. Если *жёлтый* отражает лишь декларирование готовности на самопожертвование поклонника, то *серый* передаёт уже совершаемые действие ради объекта любви.

В представленном отрывке подобная Солнцу красота *возлюбленной* (олицетворение с *белым цветом*) сжигает тело *влюблённого* и превращает его в пепел (*серого цвета*):

1. …Взгляни, что наделала твоя солнце подобная красота?

Обожгла моё тело, превратила в пепел!…[2, 130].

“*Белый – красный*”. Смысловое противопоставление этих двух *цветов*, наблюдаемое в естественной среде, нашло своё отражение и в силлабических стихах народных поэтов, отображающих образную систему “*возлюбленная – влюблённый*”. В частности, цветовая пара “*белый – красный*” отображается в предметном противопоставлении “*огонь – снег*”:

3. Твой огонь растопит, не оставит его снег…[1, 30].

“*Жёлтый – жёлтый*”. Оба главных персонажа (возлюбленная и влюблённый) передаются с помощью одного и того же цвета.

Жёлтый оттенок – символ увядания. Он чахнет в безответных чувствах и грозится красавице, что с ней произойдёт то же самое:

1. …Заставила завять – и ты завянешь,

Станешь подобной Лейле и Меджнуну…[2, 212].

Выводы и перспектива:

– *крымскотатарская ашыкская поэзия* активно применяет противопоставления и сопоставления с использованием цветового контраста;

– как правило, персонажи *образной системы*, являются носителями той или иной *цветовой характеристики*, которая определяет семантическое развитие образа и функционирование его в рамках сюжета;

– существует классификация цветовых характеристик, свойственная *метрической поэзии* и заимствованная *письменной силлабической поэзией*;

– *цвета* разделяются на "положительные", "отрицательные" и "нейтральные";

– существует универсальное парное противопоставление цветов, согласно основному цветовому контрасту – "*светлое – тёмное*", которое применяется для отражения взаимодействия антитетичных предметов и понятий: "*День – ночь*"; "*Утро – вечер*"; "*Чёрный – белый*";

– в "чистом виде" *цветовой контраст* используется крайне редко. В большинстве своём, противопоставление, в рамках *ашыкской поэзии*, осложняется за счёт использования ассоциативных понятий и явлений, смыслового противопоставления;

– антитетичную ситуацию могут быть вовлечены цветовые характеристики, не являющиеся, в естественном языке, антонимами: "*Красный – жёлтый*"; "*Красный – красный*"; "*Красный – серый*"; "*Красный – зелёный*"; "*Чёрный – синий*"; "*Белый – жёлтый*"; "*Белый – серый*"; "*Белый – красный*"; "*Жёлтый – жёлтый"*.

Литература

1. Aşık Ömer / haz. S. N. Ergün. – Istanbul, 1990. – 445 s. – на турец. яз.

2. Gevheri Divani (Inceleme-Metin-Dizin-Bibliografya) / haz. Ş. Elçin. – Ankara, 1998. – 763 s. – на турец. яз.

Усеїнов Т. Б. Використання порівняння і зіставлення колірних характеристик в кримськотатарській ашикській поезії / Т. Б. Усеїнов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 392–398.

Розглядаються колірні характеристики в образній системі "возлюбленная–влюбленний".

Ключові слова: поезія, порівняння, зіставлення, колірні характеристики.

Useinov T. B. The use of comparison and contrasting of colour descriptions is in a crimean tatars ashyk poetry / T. B. Useinov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 392–398.

"The use of comparison and contrasting of colour descriptions is in a crimean tatars ashyk poetry". Colour descriptions are examined in the article.

Colour descriptions, and also comparison and contrasting remain the quite unstudied area of medieval crimean tatars writing sillabic poetry. The purpose of work is a study of comparison and contrasting of colour descriptions within the framework of crimean tatars ashyk poetry.

Protagonists match against a subject each other. He is emotional, he is opened in the senses is reserved, secretive, he suffers is cold and indifferent, he is uneasy is quiet, he is ready on self-sacrifice for the sake of sense is removed from what be going on, he withers in love is flowers and is fragrant in prosperity, he goes begging is is in sufficiency and luxury.

There is universal pair distinction (contrasting) of colors, in obedience to a basic colour contrast – "light – dark", which is used for the reflection of co-operation objects and concepts (a "day is night", "life is death", a "morning is an evening" and t. of d.]. Folk poets apply actively, in the creation, noted phenomenon.

Conclusions: – a crimean tatars ashyk poetry actively applies contrasting and comparisons with the use of colour contrast;

– as a rule, characters of the vivid system, are the transmitters of one or another colour description which determines semantic development of appearance and functioning of him within the framework of subject;

– there is classification of colour descriptions, incident to the metrical poetry and adopted a writing sillabic poetry; – colors are divided into “positive”, “subzero” and “neutral”;

– there is the universal pair contrasting of colors, in obedience to a basic colour contrast – “light – dark”, which is used for the reflection of co-operation of antitetichnykh objects and concepts: “A day is night”; “A morning is an evening”; “Black – white”;

– in a “clean kind” a colour contrast is used uttery rarely. In most, contrasting, within the framework ashyks poetries, is complicated due to the use of associative concepts and phenomena, semantic contrasting.

Key words: poetry, comparison, contrasting, colour descriptions.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 399–403.

УДК. 821 (479. 24)

ПОВЕСТЬ «ТЕЛЕГРАММА» ИСА ГУСЕЙНОВА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Рагимли Т.

Азербайджанский государственный педагогический университета
t_raqimli@mail.ru, traqimli@gmail.com

В научной работе рассматривается творчество Исы Гусейнова – видного представителя прозы Азербайджана 60-х годов, который всегда был в центре внимания литературной мысли. В исследовании повествуется о популярной в 60-х годах повести Исы Гусейнова «Телеграмма», которую чрезвычайно активно обсуждала литературная критика. Повесть Исы Гусейнова, оцененная в контексте прозаических произведений «шестидесятников», охарактеризована как произведение, отображающее социальную действительность современного периода, ясную картину правдивости, горькие переживания современной молодёжи. Данная повесть долго находилась в фокусе научных исследований, их результаты отражены в фундаментальных монографиях, которые были оценены в статье с точки зрения современной науки. В научной работе собраны и внимательно изучены исследования Мехди Гусейна и Мамеда Джафара по данному вопросу. Автором исследуется проблематика, тематико-идейные особенности, концепция литературного героя, творческие достоинства произведения. Результаты статьи могут быть применены на лекциях, спецкурсах и спецсеминарах по тюркскому литературоведению. Автор приходит к выводу, что повесть Исы Гусейнова «Телеграмма» отличается от других произведений этого литературного периода новым отношением мастера к современным истинам. Произведение заслуживает внимания в качестве художественного образца, к которому неоднократно обращались писатели и которое было высоко оценено литературными критиками.

Ключевые слова: повесть, современная проза, литература, национальная литература, критика.

Постановка проблемы. Повесть «Телеграмма» (1961 г.) Исы Гусейнова, считающегося одним из могучих представителей поколения «шестидесятников», каждое новое произведение которого встречалось в литературной общественности с особым интересом, становилось темой для широкой дискуссии, исследования, с момента своего издания по сей день находилась в центре внимания литературной критики. В литературной сфере в статьях, оценивающих самое важное событие азербайджанской литературы шестидесятых годов – новую прозу, определяющих его первичные исторические границы, а также в фундаментальных исследовательских работах подчеркивается, что важная веха начинается с повести Исы Гусейнова «Телеграмма». В статье «Пространство прозы» писатель Анар показывал началом нового этапа в развитии нашей прозы 60-е годы, в том числе повести И.Гусейнова «Телеграмма» [1, 168].

Проблематика, тематико-идейные особенности, концепция литературного героя, творческие достоинства произведения превратились в главный объект исследования теоретических работ, написанных в последующие после шестидесятых десятилетия. Повесть «Телеграмма» была оценена как одно из самых важных достижений не только прозаики шестидесятых, но и современного этапа развития азербайджанской литературы в целом.

Критика видит более активное участие Исы Гусейнова в разрешении нравственных проблем общества в «Телеграмме», акцентирует внимание на том, что в произведении «в полной фактуре остался «социализм»» [2, 33]. В критике 1960-х годов повесть «Телеграмма» привлекалась к анализу в качестве совершенного образца творчества, посвященного тематике природы самого полного художественного произведения на новом этапе нашей современной художественной прозы, «уделявшего серьезное внимание творчеству» (Мамед Джафар), дающего «объективный, резкий и поэтический анализ жизни», еще раз доказывающего увеличение нашей художественной прозой «внимания происходящим в духовной жизни народа, людей глубоким, сложным процессам» (Ислам Ибрагимов).

Национальная литературная критика показывает, что писатель весьма объективно подходил к созданным в повести образам, при этом был достаточно удален от внешней тенденциозности, честно, реально изображал отношения человека и природы, проникал в глубину проблемы, отличался чуткой специфичностью отношения к человеческому характеру, особо подчеркнуто, что именно по этим своим качествам повесть расценивается как положительное литературное явление. Концепция литературного героя «Телеграммы» также заняла видное место в теоретических анализах, герой произведения не был однозначно встречен критикой. В 1960-х гг. литературная критика, видящая главного героя повести Зелимхана «слабым в качестве положительного героя», называла его «незавершенным» образом. Хотя выдающийся критик Мехти Гусейн в своей статье, повествующей о новых творческих задачах азербайджанской литературы на новом этапе, очень высоко оценил повесть, но Зелимхана законченным героем не считал.

Критик писал: «Герой произведения «Телеграмма» Зелимхан, будучи слаб как художественный персонаж, к тому же, начав настоящую деятельность, отделяется от автора. Однако веришь, что любовное пламя, горящее в сердце этого маленького львенка, пронизывающее всю его сущность, пламя гнева и злобы не потухнетт. Это как главный вывод, сделанный нами из представленного автором нам в хорошей и подробной форме живого и современного конфликта, заставляет нас задуматься и волноваться долгое время» [3, 17].

Мамед Джафар, один из влиятельных обладателей литературно-теоретических взглядов эпохи, видевший героя повести «Телеграмма» в ряду персонажей, не обладающих «сильной натурой, пылким темпераментом, глубоким умом, силой морального воздействия», не отвечающих требованиям совершенного человека в литературе, критиковал образ Зелимхана с более острых позиций. Критик писал: «И герой повести «Телеграмма» Зелимхан, как положительный герой, весьма слаб. Зелимхан производит впечатление утратившего ориентиры в виде родной земли и народа, максимально дистанцирующегося от борьбы, не желающего принимать чью-либо

сторону, считающего ненужным на поле боя даже просто стрелять, плененного в сточной канаве запутанных дел семьи Маиловых, утратившего нить ума, воли «лишнего человека» [4, 187].

Выдающийся критик обвиняет писателя в том, что «вместо того, чтобы лелеять идеал своего героя в сердце, довести его до совершенства, вырвал его из самого себя и выбросил на пустошь». Выдающийся критик показывает, что автор, выражающий гнев народа против уничтожающих естественные богатства Родины Мамеда Джафара, «по-своему гневлив» и в отношении Зелимхана. Он подчеркивает, что это производит впечатление равнодушия к добру, лишения любви, и с подобной полемичной мыслью сложно безоговорочно согласиться.

Ислам Ибрагимов в своей статье, посвященной широкому анализу современных азербайджанских романов и повестей, в отношении героя повести «Телеграмма», рассказывающей о проблеме, имеющей серьезное общественно-духовное значение, демонстрирует более объективную теоретическую позицию. И.Ибрагимов привлекает образ Зелимхана к исследованию с ракурса наших национально-духовных ценностей, и поэтому может раскрыть сущность образа, характеризует его как героя, заставляющегося задуматься, тревожиться, призывающего к борьбе современного человека,

Критик оценивает Зелимахана, анализируя в плоскости этико-нравственных ценностей народа, к которому он принадлежит, в литературно-критическом материале дает разъяснения вызывающих наибольшее неприятие качеств этого образа. Ислам Ибрагимов подчеркивает: «Рассматривая жизненный путь героя произведения «Телеграмма» Зелимхана, можем прийти к выводу о том, что он еще молод, только-только крепчает. Поэтому Зелимхан, сомневаясь, поступает так или иначе, действует с умом, не стесняясь вступить в борьбу со своим отцом, братом, родственниками, действует очень осторожно, не выходит за пределы такта. Герой Исы Гусейнова скромен. Однако, при необходимости, пишет статью об акации и ее убийцах, призывает к борьбе за чистоту, кристальность человеческих отношений, человеческих чувств, человеческой любви. Образ Зелимхана потому оригинален и естественен, что автор не прибегнул к образовавшимся литературным источникам, не описал сыновей, выступивших против родственников или же отцов, отслеживая логику самой жизни, создал внешне соблюдающего приличия, внутренне же протестующего героя. Ясно, что подобный герой более весом, более полноценен» [5, 210].

Литературная критика могла обосновать порождение этого серьёзного и сложного характера, представляющего дух своего времени, глубоким логическим отношением писателя к жизни. Как писал Техран Алишаноглы, «герой произведения – крик журналиста» снова порождает высокую патетику, но мышление проникает в большие глубины – в отношения человека с природой» [2, 23].

Магеррам Гусейнов в своем исследовании, рассматривавшем художественную прозу Исы Гусейнова в плоскости жанра, времени и литературного героя, образ Зелимхана оценивает в качестве самого совершенного, выделяющегося своей современностью персонажа азербайджанской художественной прозы 1960-х годов. Исследователь пишет:

«Зелимхан мужает по мере попадания в сложные ситуации. Не сторонится выступить против «пней», старающихся скрыть свое преступление семейственностью, родственностью, уничтожающих красоты природы, расстраивающих душевный мир такой чувствительной девушки как Зюмрюд, занимает непримиримую позицию в отношении частнособственнической психологии, мещанства» [6, 28].

Магеррам Гусейнов показывает взаимосвязанное представление богатых природных описаний с настроением героев в качестве достоинства, усиливающего художественную сущность повести, его эстетическую силу воздействия. Вывод, к которому пришел исследователь в результате исследования произведения, можно принять как итоговый вывод нашей национальной литературной критики в целом о произведении: порождение широкого резонанса повестью «Телеграмма» связано с естественными факторами. Категорично можно сказать, что второго такого произведения, столь чутко, с высоких гражданских позиций, отражающего эпическое изображение взаимоотношений человека и природы, порожденное им морально-психологическое настроение, можно сказать, нет. Проблемы сохранения первозданности природы, подхода к красотам природы с позиций национального богатства И. Гусейнов взял в произведении в качестве формы выражения общественных волнений, превратил его в средство художественного обобщения. За изображенным автором описанием проблемы человека и природы стоят человеческие характеры. На ниве противопоставления, столкновения этих характеров, писатель ведет полноценный и подробный художественный анализ поднятых социальных и нравственных проблем. Посредством изображенных им сложных противоречивых и динамических ситуаций, человеческих характеров держит в центре внимания задачу сохранения природных богатств, духовных ценностей народа. Выказывающий чуткое и активное отношение к изменениям, духовным процессам в жизни общества мастер успешно выражает большие общественные вопросы, гражданские чувства» [6, 29].

Повесть «Телеграмма» считается одним из произведений, вызвавших наибольший интерес, ставших объектом многочисленных исследований в азербайджанском литературном мире в 60-е годы. Это произведение в нашей литературной критике было расценено как произведение, диктующее логику повторного создания, возрождения нарушенной между человеком и природой гармонии, показывающее связь равнодушия к природе с уничтожением человеческого достоинства, поднимающее самые важные нравственные задачи на повестке литературы. Литературно-теоретическая мысль поставленный в произведении вопрос объясняет тревогой, порожденной нарушением отношений человека и природы, и, поэтому, «вопрос выходит из рамок семьи Маиловых», превращаясь в вопрос, «который должен заставить задуматься весь край», в имеющую общественно-нравственное значение проблему.

Критика приветствовала крайне резкое отношение Исы Гусейнова, представляющего самым большим преступлением заковывание в цепи мятежности игривой, жизнерадостной, отважной Зюмрюд, приведение этой юной девушки на мещанские, покорные жизненные позиции не имеющими никаких отличий от пней в лесу таких живыми «пнями», как гараханы, керемы, сабиты.

Выводы и перспектива. Таким образом, повесть Исы Гусейнова «Телеграмма» как произведение, отличающееся новым отношением мастера к современным исти-

нам, достойно внимания в качестве художественного образца, к которому неоднократно выказало отношение и которое высоко оценено литературной критикой в течение прошедшего с первого издания более чем полувека.

Литература

1. Анар. Пространство прозы / /Азербайджан, 1984, № 7. – С. 166.
2. Алишаноглы Т. Азербайджанская «новая проза». – Баку: Наука, 1999.
3. Гусейн М. Новый этап, новые задачи // Азербайджан, № 7, 1962.
4. Джафар М. Литературные заметки / / Азербайджан, № 9, 1962.
5. Ибргимов И. На путях исторического оптимизма / / Азербайджан, № 7, 1962.
6. Гусейнов М. Жанр, время и литературный герой. – Баку: Наука и просвещение, 2012.
7. Гусейнов А. Проза и время. Писатель. – Баку, 1980.
8. Ариф М. Новая проза. Избранные произведения. В 3-х томах. – Т.1. – Баку: Издание Азербайджанской АН, 1963.
9. Гусейнов И. Телеграмма // Азербайджан, 1961, № 10

Рагімлі Т. Повість « Телеграма » Іси Гусейнова в контексті літературної критики / Т. Рагімлі // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 399–403.

У науковій роботі розглядається творчість Іси Гусейнова. У дослідженні розповідається про його повість «Телеграма», яку надзвичайно активно обговорювала літературна критика. Повість Іси Гусейнова, оцінена в контексті прозових творів «шістдесятників», охарактеризована як твір, що відображає соціальну дійсність сучасного періоду. Дана повість довго перебувала у фокусі наукових досліджень, їх результати відображені у фундаментальних монографіях, які були оцінені в статті з точки зору сучасної науки. У науковій роботі зібрані і уважно вивчені дослідження Мехді Гусейна і Мамеда Джафара з даного питання. Автором досліджується проблематика, тематико – ідейні особливості, концепція літературного героя, творчі достоїнства твору. Результати статті можуть бути застосовані на наукових семінарах філологічних факультетів вищих шкіл, присвячених питанням спецкурсів та спецсемінарів. Автор доходить висновку, що повість Іси Гусейнова «Телеграма» відрізняється від інших творів цього літературного періоду новим ставленням майстра до сучасних істин.

Ключові слова: повість, сучасна проза, література, критика.

Rahimli T. Story “The Telegram” by Isa Huseynov in the context of literary criticism / T. Rahimli // Ученые записки Таврического национального университета имени В. І. Вернадського. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 399–403.

In a scientific paper the author considers Isa Huseynov’s works who was the prominent and representative prose writer in Azerbaijan at the 60s. The study examines the popular story of Isa Huseynov “The Telegram”, which is the discussing point at the literary circles at the 60s. Isa Huseynov’s story is estimated in the context of prose works of the “sixties” and described as a product that displays the social reality of the modern period, a clear picture of truth, the bitter experiences of today's youth . This story for a long time was in the focus of researches, which results are reflected in the fundamental monographs, which have been evaluated in the article from the view of modern science. In a study are collected and carefully examined works by Mehdi Huseyn and Mamed Jafar on this issue. The author explores the issues, themes, especially the ideological concept of a literary character, dignity creative works. The results of this work can be applied to scientific seminars at the philological faculties of high schools devoted to issues of special courses and seminars . The author concludes that the story of Isa Huseynov “The Telegram “ is different from other works of this period due to literary masters’ new attitude to modern truths, is worth for researching as an artistic sample which writers have repeatedly appealed to and which was highly appreciated by literary criticism.

Key words: novel, contemporary prose, literature, national criticism.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 404–414.

УДК 821.512.161 – 31.09

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПЦИИ М.М. БАХТИНА: ДИАЛОГ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Посохова Е. В.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
E-mail: katerinaposohova@gmail.com

Настоящая статья является попыткой осмыслить вопросы литературного диалогизма с точки зрения его методологического потенциала. Обозначен вклад М.М. Бахтина в формирование современных диалогических концепций и исследованы виды литературного диалогизма. Доказано, что последний является продуктивной теоретико-методологической базой литературоведческих исследований. Первый вид литературного диалогизма, который был описан М.М. Бахтиным как «большой диалог» (макродиалог), представляет собой диалогическое общение между персонажами. Рассматриваются структурные компоненты макродиалога и отмечается, что существуют две его модели: антитетическая и синтетическая. Утверждается, что в некоторых двуплановых иносказательных произведениях можно обнаружить макродиалог, в котором идейный конфликт представляют повествователи: имплицитный и эксплицитный. Отмечено, что существует также диалогизм, который формируется не внутри текста, а между текстами. Этот вид диалогизма был описан представительницей постструктурализма Ю. Кристевой как интертекстуальность. Проанализированы подходы к изучению и пониманию данного концепта в современном литературоведении.

Ключевые слова: Диалог, интертекстуальность, макродиалог, диалогизм

Постановка проблемы. Влияние наследия М.М. Бахтина на формирование современной литературоведческой науки трудно переоценить. Русский мыслитель стоял у истоков литературного диалогизма как методологической стратегии, ведь именно он перевел диалогический принцип из области философии в область гуманитарных наук.

Настоящая статья ставит перед собой цель обозначить вклад М.М. Бахтина в формирование современных диалогических концепций и исследовать виды литературного диалогизма, как продуктивной теоретико-методологической базы литературоведческих исследований.

М.М. Бахтин описал первый вид литературного диалогизма, который представляет собой диалогическое общение между персонажами, в своей книге «Проблемы поэтики Достоевского». Этот труд создавался в 20-е годы, был впервые опубликован в 1929 году, но известность получил только в издании 1963-го года [3]. Русский философ, литературовед и теоретик искусства перевел диалогический принцип из плоскости философии в плоскость гуманитарных наук.

В своей книге М.М. Бахтин утверждает, что «Достоевский – творец полифонического романа», и показывает отличие его произведений от традиционного евро-

пейского романа, которое состоит в том, что «все элементы романной структуры у Достоевского глубоко своеобразны; все они определяются тем новым художественным заданием, которое только он сумел поставить и разрешить во всей его широте и глубине: заданием построить полифонический мир и разрушить сложившиеся формы европейского, в основном монологического (гомофонического) романа» [3, 7-9]. В теории М.М. Бахтина все диалогические структуры объединены в один «большой диалог» произведения, который он характеризует следующим образом: «…все отношения внешних и внутренних частей и элементов романа носят <…> диалогический характер, и целое романа он (Ф.М. Достоевский. – Е. П.). строил как «большой диалог». Внутри этого «большого диалога» звучали, освещая и сгущая его, композиционно выраженные диалоги героев, и, наконец, диалог уходит внутрь, в каждое слово романа, делая его двуголосым, в каждый жест, в каждое мимическое движение лица героя, делая его перебойным и надрывным; это уже «микродиалог», определяющий особенности словесного стиля Достоевского» [1, 12].

М.М. Бахтин описал основные структуры «большого диалога» (или макродиалога). Главным его элементом он считает героя нового типа, так как «герой Достоевского не только слово о себе самом и о своем ближайшем окружении, но и слово о мире: он не только сознающий, – он идеолог» [3, 103]. Основной принцип диалогизма, названный М.М. Бахтиным «персонификацией идей», опирается на жесткую корреляцию героя и его идеи, которая заключается в том, что «образ идеи неотделим от образа человека – носителя этой идеи» [3, 113]. Определяя Достоевского как художника идей, М.М. Бахтин отмечает у него постоянство такой персонификации: «Всякую мысль он воспринимает и изображает как позицию личности» [1, 5].

Другим признаком макродиалога М.М. Бахтин считает обязательное освобождение героя от функции выразителя авторской идейной позиции, отмечая, что у Достоевского «герой идеологически авторитетен и самостоятелен, он воспринимается как автор собственной полновесной идеологической концепции, а не как объект завершающего художественного видения Достоевского» [1, 3]. Это значит, что автор некоторым образом дистанцируется от героя, и их отношения М.М. Бахтин также характеризует как диалогические: «Итак, новая художественная позиция автора по отношению к герою в полифоническом романе Достоевского – это всерьез осуществленная и до конца проведенная диалогическая позиция, которая утверждает самостоятельность, внутреннюю свободу, незавершенность и нерешенность героя. Герой для автора не «он» и не «я», а полноценное «ты», то есть другое чужое полноправное «я» (ты еси)» [1, 36]. Авторская диалогическая позиция по отношению к герою указывает не только на самостоятельность героя, но и на его равенство с автором. Недаром М.М. Бахтин писал: «Достоевский, подобно гётевскому Прометею, создает не безгласных рабов (как Зевс), а свободных людей, способных встать рядом со своим творцом, не соглашаться с ним и даже восстать на него» [1, 3].

М.М. Бахтин считал необходимой авторскую дистанцию в диалогических произведениях, потому что «дистанция входит в замысел автора, потому что она обеспечивает подлинную объективность героя» [2, 86]. Авторская дистанция проявляется, по его мнению, в том, что «для себя самого Достоевский никогда не оставляет существенного смыслового избытка, а только тот необходимый минимум прагмати-

ческого, чисто осведомительного избытка, который необходим для ведения рассказа» [3, 99]. Это значит, что его личное мнение практически отсутствует в романах.

Третьим признаком макродиалога является «незавершимость» героя, состоящая в том, что он не эволюционирует и не отказывается от идеи, которую персонифицирует. По этому поводу М.М. Бахтин писал, что «ни в одном из романов Достоевского нет диалектического становления единого духа, вообще нет становления, нет роста совершенно в той же степени, как их нет и в трагедии» [3, 35].

В «большом диалоге» (или диалоге идей) идея одного героя обязательно противопоставляется идее другого. Необходимость такого противопоставления М.М. Бахтин описал следующим образом: «Достоевский сумел открыть, увидеть и описать истинную сферу жизни идеи. Идея живет не в изолированном индивидуальном сознании человека, – оставаясь только в нем, она вырождается и умирает. Идея начинает жить, то есть формироваться, развиваться, находить и обновлять свое словесное выражение, порождать новые идеи, только вступая в существенные диалогические отношения с другими чужими идеями» [1, 50].

Противопоставление идей в макродиалоге М.М. Бахтин выводит из «двумирности» культуры средневековья и Возрождения, в которой народная карнавальная культура пародировала серьезную церковно-феодальную культуру. По мнению исследователя, диалогизм карнавального образа состоит в том, что «он стремится охватить и объединить в себе оба полюса становления или оба члена антитезы: рождение – смерть, юность – старость, верх – низ, лицо – зад, хвала – брань, утверждение – отрицание, трагическое – комическое и т.д.» [3, 238]. Тот же творческий принцип М.М. Бахтин отмечает и у Достоевского: «Все в его мире живет на самой границе со своей противоположностью. Любовь живет на самой границе с ненавистью, знает и понимает ее, а ненависть живет на границе с любовью и также ее понимает» [3, 238].

Другим условием функционирования макродиалога является равенство идей героев. По утверждению М.М. Бахтина «художественное изображение идеи возможно лишь там, где она ставится по ту сторону утверждения или отрицания, но в то же время и не низводится до простого психического переживания, лишенного прямой значимости» [3, 106]. При этом исследователь доказывает, что Достоевский представляет каждую идейную позицию достоверной, доводя ее «до максимальной глубины и силы, до предела убедительности» [1, 40].

Макродиалог функционирует в форме «композиционно выраженных диалогов» героев, то есть в их внешних диалогах, и в форме внутренних диалогов, названных «микродиалогами». По мнению М.М. Бахтина, внешние диалоги опираются на внутренние, и те и другие связаны с «большим диалогом романа в целом. В его представлении диалогизм существует не только в дискурсах героев, в которых непосредственно выражаются их идейные позиции, но и в глубинных структурах текста: «Действительно, существенная диалогичность Достоевского вовсе не исчерпывается теми внешними, композиционно выраженными диалогами, которые ведут его герои. Полифонический роман весь сплошь диалогичен. Между всеми элементами романной структуры существуют диалогические отношения, то есть они контрапунктически противопоставлены» [3, 56]. М.М. Бахтин считал, что диалогические отношения возможны не только между целыми высказываниями героев, но и между

значащими частями высказывания или отдельными словами. Они возможны также по отношению к собственному дискурсу, если герой внутренне отделяет себя от своего высказывания. Диалогические отношения, по мнению М.М. Бахтина, способны проникать «внутрь высказывания, даже внутрь отдельного слова, если в нем диалогически сталкиваются два голоса» [1, 108]. В таком микродиалоге «самосознание героя <…> сплошь диалогизовано: в каждом своем моменте оно повернуто вовне, напряженно обращается к себе, к другому, к третьему. В этом смысле можно сказать, что человек <…> есть субъект обращения» [1, 150]. Это явление М.М. Бахтин продемонстрировал на примере первого внутреннего «монолога» Раскольникова, в котором речь идет о решении Дунечки выйти за Лужина (в начале романа «Преступление и наказание») [1, 43]. Этот микродиалог происходит на второй день действия романа, когда все ведущие герои уже «вошли» в мир и в сознание Раскольникова со своими жизненными позициями, «со своими «правдами», <…> и он вступил с ними в напряженный и принципиальный внутренний диалог, диалог последних вопросов и последних жизненных решений» [1, 43]. М.М. Бахтин показал, что все высказывания героя в этом микродиалоге «двуголосые», поскольку в каждом из них происходит спор, взаимодействие различных точек зрения. Так, в начале отрывка Раскольников воссоздает убеждающие слова Дуни, переплетая их с собственными – возмущенными, ироническими и предостерегающими: «…Ясно, что тут не кто иной, как Родион Романович Раскольников, в ходу и на первом плане стоит…» Далее подключается голос матери с интонациями любви и нежности: «Да ведь тут Родя, бесценный Родя, первенец!» и т.д. Звучат позиции Сони: «Или отказаться от жизни совсем! <…> послушно принять судьбу, как она есть, раз навсегда, и задушить в себе все, отказавшись от всякого права действовать, жить и любить!» – и Мармеладова: «Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти?» [цит. по 1, 43].

Существует также диалогизм, который формируется не внутри текста, а между текстами. Этот вид диалогизма был описан известной представительницей постструктурализма Юлией Кристевой. Исходя из идеи М.М. Бахтина о том, что при создании собственного произведения писатель находится в диалоге со всей предшествующей литературой, она создала концепт интертекстуальность [7]. Этот концепт был образован путем деперсонализации микродиалога М.М. Бахтина. Микродиалог и интертекстуальность различаются тем, что они были образованы на основе двух разных методологических подходов: подход М.М. Бахтина – феноменологический, поэтому его микродиалог интерсубъективный, который определяется как взаимодействие «голосов», а подход Ю. Кристевой – семиологический, поэтому ее диалог интертекстуальный, который проявляется в семантической амбивалентности речевых единиц.

Ю. Кристева опиралась на известный марксистский тезис о диалектическом единстве языка и мышления, исходя из которого, она охарактеризовала диалогизм не как способ существования идеи, а исключительно как способ существования слова в пространстве текста, как «пересечение языка (действительной практики мысли) и пространства (единственного измерения, где значение возникает за счет совмещения различий)» [7, 428-429]. В пространстве текста она выделила три изме-

рения: «субъект письма, получатель и внеположные им тексты (три инстанции, пребывающие в состоянии диалога», и представила, что в текстовом пространстве «статус слова определяется а) горизонтально (слово в тексте одновременно принадлежит и субъекту письма, и его получателю) и б) вертикально (слово в тексте ориентировано по отношению к совокупности других литературных текстов – более ранних или современных)» [7, 429]. Горизонтальную ось Ю. Кристева назвала диалогом, вертикальную – амбивалентностью, отметив, что у Бахтина разграничение осей «проведено недостаточно четко» [7, 429]. Суть открытия Ю. Кристевой, которое она приписывает М.М. Бахтину, заключается в выводе, что «горизонтальная ось (субъект – получатель) и вертикальная ось (текст и контекст) в конце концов совпадают», потому что «сам будучи не чем иным, как дискурсом, получатель также включен в дискурсный универсум книги» [7, 429]. Поэтому в результате совпадения осей осталась только амбивалентность. Представила она свой вывод следующим образом: «Бахтинский «диалогизм» выявляет в письме не только субъективное, но и коммуникативное, а лучше сказать интертекстовое начало; в свете этого диалогизма такое понятие, как «личность-субъект письма», начинает тускнеть, чтобы уступить место другому явлению – амбивалентности письма [7, 432]. Таким образом, Ю. Кристева отвергла ось диалога, оставив только ось амбивалентности, состоящую в ориентации слова одного текста на слова других текстов, и на этом основании вывела свой концепт интертекстуальность. Сутью этого концепта является идея, что «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению» [7, 429]. Амбивалентность письма, по мнению Ю. Кристевой, закладывает основы для двойного прочтения текстов, которое объясняется тем, что «всякое слово (текст) есть такое пересечение двух слов (текстов), где можно прочесть по меньшей мере еще одно слово (текст)» [7, 429]. Амбивалентность, как считает Кристева, «предполагает факт включенности истории (общества) в текст и текста – в историю» [7, 432]. Поэтому она заявляет, что, «как во внутреннем пространстве отдельного текста, так и в пространстве многих текстов поэтический язык по сути своей есть «двоица» [7, 433].

Исходя из тезиса, что «диалогичность внутренне присуща языку как таковому», Ю. Кристева приходит далее к выводу, что интертекстуальная амбивалентность является имманентным свойством языка [7, 431].

Значение теории интертекстуальности для мирового культурного процесса И.И. Ильин охарактеризовал следующим образом: «Она ответила на глубинный запрос мировой культуры XX столетия с ее явной или неявной тягой к духовной интеграции. Приобретя необыкновенную популярность в мире искусства, она, как никакая другая категория, оказала влияние на саму художественную практику, на самосознание современного художника» [5, 221]. В первую очередь концепт интертекстуальности был воспринят теоретиками структурализма и постструктурализма, такими, как Р. Барт, Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Деррида, которые всю культуру человечества представили как единый «интертекст», служащий предтекстом любого нового текста. Р. Барт дал следующее определение интертекста: «Каждый текст является

интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [цит. по 18, 218].

Однако подобное бескрайнее представление интертекста, которое объявило все тексты производными от предшествующих им текстов, лишило имманентную интертекстуальность способности быть средством анализа. Зофия Митосек заметила по этому поводу, что интертекстуальная теория не может даже отличить плагиат от оригинального произведения: «Здесь возникает парадокс, на который обращают особое внимание исследователи-структуралисты: поскольку все в нашем языке является плагиатом, то выходит, что плагиата как такового просто не существует» [8, 348-349]. Видимо, по этой причине некоторые исследователи предприняли попытки ограничить функции интертекстуальности. Например, французский исследователь Ж. Женетт предложил пятичленную классификацию различных типов взаимодействия текстов: собственно интертекстуальность (как «соприсутствие» в одном тексте других текстов, выраженное цитатой, аллюзией, плагиатом и т.д.), паратекстуальность, метатекстуальность, гипертекстуальность и архитекстуальность [4, 79–93]. В случае паратекстуальности речь идет об отношении текста к собственному заглавию, эпиграфу, вставной новелле, авторскому или лирическому отступлению и т.д. Метатекстуальность понимается как комментирующая и часто критическая отсылка к своему предтексту; пояснение, комментирование и «внутренняя интерпретация» текста. Пародирование и осмеяние некого «образца», использование пастиша и иронии указывают, согласно Ж. Женетту, на гипертекстуальность. Жанровые модификации текстов, в свою очередь, относятся к архитекстуальности.

Классификация Ж. Женетта, к сожалению, оказалась неспособной полностью избавиться от методологической неопределенности интертекстуальности. В своей практической работе исследователи разделили интертекстуальность на «глобальную и ограниченную», согласно терминологии З. Митосек [8, 349], или на «конститутивную и явную неоднородность», по определению Жаклин Отье-Ревю [9]. Явной она считает ту, в которой присутствие Другого эксплицитно и выражается в многообразных лингвистических формах, конститутивной – ту, в которой присутствие другого не поддается лингвистическому анализу, но подтверждается концепцией диалогизма Бахтина и психоанализом на основе прочтения текстов Фрейда Жаком Лаканом [9, 63, 81].

Конститутивная интертекстуальность с ее перманентной ориентацией на имплицитного Другого, которая, согласно Ж. Отье-Ревю, предполагает «множественность прочтения», не может служить объективным средством анализа ввиду ее вездесущности. Для анализа текстов подходят только явные «неоднородности», так как, по свидетельству И.П. Ильина, не все исследователи восприняли «расширительное» толкование интертекстуальности [5, 119]. Это касается, прежде всего, литературоведов, которые стали заниматься конкретными интертекстуальными формами: заимствованиями (дословными и косвенными), явной и скрытой цитацией

(воспроизведение отрывка из какого-либо текста с обязательным сохранением смысла), аллюзией (намек на известный литературный, научный или социально-исторический факт – образ, мотив, сюжет, концепцию, событие и т.д.), пародией, использованием эпиграфов, переработкой тем и сюжетов и т.д [5, 220]. Среди таких исследователей он называет немецких ученых У. Бройха, М. Пфистера, Б. Шульте-Мидделиха, которых интересует «с какой целью и для достижения какого эффекта писатели обращаются к произведениям современников и предшественников» [5, 220]. Характерной чертой этого направления стал отказ от конститутивной неоднородности с ее имманентным Другим; недаром И.П. Ильин подчеркивает, что ее представители «стремились противопоставить интертекстуальность как литературный прием, сознательно используемый писателями, постструктуралистскому ее пониманию как фактору своеобразного коллективного бессознательного, определяющему деятельность художника вне зависимости от его воли, желания и сознания» [5, 220].

По мнению некоторых исследователей, любая художественная иллюстрация к произведению в семиотическом плане «выступает по отношению к словесно-литературному тексту как подкрепляющая его цитата из другого текстуального ряда (в данном случае – живописного)», и, таким образом, являет собой пример интертекстуальности [11, 105]. Кроме того, в литературе XX в. достаточно широко распространена и «фиктивная цитата», т.е. «выдержка» из вымышленного произведения.

В целях ироничной имитации некого литературного образца используется пародия, имеющая целью создание определенного комичного, смехового эффекта. Согласно М.М. Бахтину она имеет карнавальную природу, поскольку пародирование – это создание «развенчивающего двойника», другими словами, «мир наизнанку». Именно поэтому пародия амбивалентна, она представляет собой двояко направленное слово, подразумевающее наличие второго, «чужого» контекста. В широком смысле пародия обозначает любую сатирическую или игровую деформацию того или иного произведения [10, 227].

Как убедительно доказывает в своем труде «Пародия: древняя, современная и постмодерная» английская исследовательница М. Роуз, в эстетике постмодернизма этот прием приобрел новый обертон [19]. Она различает позднемодернистское (60-70-е гг. XX в.) и постмодернистское понимание пародии: в первом случае ее используют для эффекта комичности, ошеломляющего смеха, а во втором – скорее связывают с игрой смыслами, не воспринимая как протест и искажение. Здесь она «развенчивает» канон, а скорее им пренебрегает. Вследствие чего возможно сосуществование в едином интертекстуальном пространстве нескольких содержательно или стилистически разнородных текстовых миров. Перед читателем предстает художественный код, «зашифрованный» дважды: «Спираючись на тематичний матеріал і техніку масової культури, він набуває рекламної приналежності й водночас на підставі іронічного трактування поширених фабул апелює до аудиторії з вишуканим естетичним смаком, спрямовується на викриття ілюзіонізму мас-медіа» [6, 412].

«Смыслам интертекстуальности», посвящена одна из глав монографии Н. Пьеге-Гро «Поэтика интертекстуальности» [10, 111-187]. В случае пародии читатель становится участником «текстовой игры», а сам интертекст – источником юмо-

ра и иронии. Интертекстуальность может служить для сохранения преемственности путем подключения к определенной литературной традиции, или, напротив, быть способом отказа от этой традиции. Так или иначе, она позволяет обнаружить эстетические установки автора.

Среди других функций интертекста Н. Пьеге-Гро отмечает характеристику персонажей: «…она приобретает достоверность. Так, персонаж может упомянуть какое-нибудь литературное произведение; когда в повествовании содержится указание на круг его чтения, это позволяет уточнить, например, особенности его психики, обрисовать предмет его постоянных забот или преследующую его навязчивую идею.. «[10, 114].

Далее исследовательница подробно останавливается на эпиграфе, представляющем собой цитату, помещенную перед началом книги или главы, которая, по словам Мишеля Шарля, «дает повод задуматься, но неизвестно над чем» [цит. по 10, 138]. Следовательно, в данном случае интертекст требует от читателя активного участия в выработке смысла произведения. Эпиграфы побуждают к размышлению и истолкованию, указывают на возможное прочтение романа; они представляют собой «смысловые узлы», концентрирующие в себе тематику произведения [10, 141].

В.В. Силин продолжил разработку поэтики макродиалога по направлениям, намеченным М.М. Бахтиным. Он дал следующее определение макродиалога: «Макродиалог – это идеологический диалогизм; он персонифицирован, так как носителями разных идей являются литературные персонажи произведения; он интратекстуален, так как диалогизм идей реализуется только в пределах одного произведения» [13, 124]. Он назвал и выделил две его структурные модели макродиалога: антитетическую (диалогическую) и синтетическую (полифоническую]. В первом случае один герой персонифицирует одну идею, и конфликт идей обсуждается между двумя равноправными героями. Во втором – один сомневающийся герой персонифицирует две идеи, конфликт которых обсуждается в диалогах героя с второстепенными персонажами [12, 185]. У Достоевского первой модели соответствует рассказ «Вечный муж» (1870), второй – роман «Преступление и наказание» (1866]. М.М. Бахтин сформулировал принципы только одной, антитетической модели, так как полагал, что диалогизм происходит только из «двумирия» культуры средневековья и Возрождения [17]. Подтверждением таких истоков антитетической модели является диалог Пантагрюэля и Панурга в романе Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1532-1564) и диалог Дон Кихота и Санчо Пансы в романе Сервантеса «Дон Кихот» (1605 и 1613]. Синтетическая модель, по мнению В.В. Силина, вышла из классической трагедии, герой которой переживает основной конфликт произведения и обсуждает различные способы его решения с второстепенными персонажами. Признаки этой модели отмечаются в «Электре» (413) Еврипида и в трагедиях Шекспира [16].

В.В. Силин установил, что формированию равенства героев, на необходимость которого указывал М.М. Бахтин, служит их «моральная неопределенность». Для этого в антитетической модели писатели придают потенциально отрицательному герою некоторые положительные черты, а положительного делают отчужденной личностью с помощью средств иррационального психологизма [15, 214]. Именно так было создано равенство Филинта и Альцеста в комедии Мольера «Мизантроп»

(1666]. В синтетической модели выразитель идейного конфликта произведения – также отчужденный, как в комедии Дидро «Хорош он или дурен» (1781]. Идеи героев являются такими же «морально неопределенными» в соответствии с принципом «персонификации идей» макродиалога. Вместе с тем моральная неопределенность способствует созданию авторской дистанции, так как идейную позицию автора может представлять только положительный герой, а не морально неопределенный. Кроме того, в эпических произведениях авторская дистанция поддерживается повествованием с точки зрения морально неопределенного героя, так как такое повествование является «ненадежным», то есть неспособным выражать авторскую идейную позицию [14, 129].

Важную роль в макродиалоге играет соответствие «незавершимости» героев, которую М.М. Бахтин определил нерешенность идейного конфликта. Эта структурная корреляция представляет читателю вместо одной идеи произведения альтернативу двух идей и одновременно участвует в формировании авторской дистанции, так как в монологических произведениях именно автору приписывают «основную мысль» произведения.

Следует отметить, что также существует макродиалог, который образуется между повествователями. Эта форма существует в двуплановых произведениях, в которых идейная концепция иносказательного плана противопоставляется в бинарной оппозиции идейному содержанию сюжета произведения. А субъектами такого диалога являются имплицитный и эксплицитный повествователи. Примером является роман Джеймса Джойса «Улисс» (1921), в котором идея верности в семейных отношениях мифа об Улиссе противопоставлена идее неверности в отношениях людей XX века. Иносказательную идею древнего мифа выражает имплицитный повествователь, идеологом современной концепции является эксплицитный повествователь, представляющий «потоки сознания» трех героев. Такой макродиалог проявляется не в «композиционно выраженных диалогах», а в многочисленных структурных соответствиях и идейных несоответствиях между античным мифом и сюжетом романа.

Выводы и перспектива. Таким образом, в современном литературоведении различают несколько видов диалогизма. Прежде всего, персонифицированный интратекстуальный макродиалог, в котором идейный конфликт обсуждают герои произведений. Существуют две модели такого макродиалога: антитетическая, в которой идейный конфликт персонифицируют два оппонента, и синтетическая, в которой герой персонифицирует конфликт идей, который он обсуждает с второстепенными персонажами. Этот макродиалог функционирует в форме внешних диалогов и внутренних диалогов (микродиалогов). В некоторых двуплановых иносказательных произведениях можно обнаружить макродиалог, в котором идейный конфликт представляют повествователи: имплицитный выражает иносказательную идейную концепцию, а эксплицитный – идейное содержание сюжета произведения. Такой макродиалог проявляется в постоянном сопоставлении аналогичных структур прямого и косвенного планов содержания, которое выявляет бинарную оппозицию их идейных концепций. Интертекстуальный диалогизм является деперсонифицированным видом диалогизма, который состоит во взаимодействии текста и интертекста и нередко проявляется в виде цитаций.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Изд. 5-е. – М. ; Augsburg : Im-Werden-Verlag, 2002. – 167 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Изд. 4-е. – М. : Сов. Россия, 1979. – 320 с.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Ф. М. Достоевского / М. М. Бахтин. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Сов. писатель, 1963. – 361 с.
4. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени / Ж. Женетт / / Женетт Ж. Фигуры : работы по поэтике : в 2 т / Ж. Жаннетт. – М. : Изд-во имени Сабашниковых, 1998. – С. 79–93.
5. Ильин И. П. Интертекстуальность / И. П. Ильин / / Современное зарубежное литературоведение. Страны Западной Европы и США: концепции, школы, термины : энцикл. справ / [науч. ред., сост. И. П. Иль-ин, Е. А. Цурганова). – М. : Интрада, 1996. – С. 215-221.
6. Ковалів Ю. Абетка дисертанта : методологічні принципи написання дисертації : посібник / Ю. Ковалів. – К. : Твім інтер, 2009. – 460 с.
7. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева ; [пер. с фр. Г. К. Косикова). / / Французская семиотика: от структурализма к пост-структурализму. – М. : Изд. группа «Прогресс», 2000. – С. 427-457.
8. Мітосек З. Теорії літературних досліджень : монографія / З. Мітосек ; [пер. з пол. В. Гуменюк). – Сімферополь : Таврія, 2005. – 408 с.
9. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность : к проблеме другого в дискурсе / Ж. Отье-Ревю / / Квадратура смысла : французская школа анализа дискурса. – М. : Прогресс, 1999. – С. 54-94.
10. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро ; [пер. с фр. Г. К. Косикова, В. Ю. Лукасик, Б. П. Нарумова). – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
11. Расширенный терминологический словарь к курсу «История зарубежной литературы: XX век» : учеб. пособие / [сост. И. А. Попова-Бондаренко, Л. А. Рыжкова). – Донецк : ДонНУ, 2007. – 127 с.
12. Силин В. В. Две модели макродиалога в творчестве Достоевского / В. В. Силин / / Studia philological. – 2006. – № 1-2. – С. 166-186.
13. Силин В. В. Диалогизм и интертекстуальность / В. В. Силин / / Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 23. – С. 120-130.
14. Силин В. В. Макродиалог в творчестве Ф. М. Достоевского / В. В. Силин / / Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Сер. Філологія. Вип. 54. – 2008. – № 836. – С. 129-134.
15. Силин В. В. Моральная неопределенность персонажа и структурная незавершенность сюжета / В. В. Силин / / Культура народов Причерно-морья. – 2003. – № 39. – С. 214-219.
16. Силин В. В. Формирование театрального макродиалога / В. В. Силин / / Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 115, т. 2. – С. 132-136.
17. Силин В. В. Чтение и интерпретация / В. В. Силин / / Культура народов Причерноморья. – 2008. – № 144. – С. 112-115.
18. Современное зарубежное литературоведение. Страны Западной Европы и США : концепции, школы, термины : энцикл. справочник / [науч. ред. и сост. И. П. Ильин, Е. А. Цурганова). – М. : Интрада-ИНИОН, 1996. – 319 с.
19. Rose M. A. Parody: Ancient, Modern and Post-modern / M. A. Rose. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – 316 p.

Посохова К. В. Методологічний потенціал концепції М.М. Бахтіна: діалог у сучасному літературознавстві / К. В. Посохова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 404–414.

Ця стаття є спробою осмислити питання літературного діалогізму з точки зору його методологічного потенціалу. Позначений внесок М.М. Бахтіна у формування сучасних діалогічних концепцій і досліджено види літературного діалогізму. Доведено, що останній є продуктивною теоретико – методологічною базою літературознавчих досліджень. Перший вид літературного діалогізму, який був описаний М.М. Бахтіним як «великий діалог» (макродіалог), являє собою діалогічне

спілкування між персонажами. Розглядаються структурні компоненти макродіалога і відзначається, що існують дві його моделі: антитетична і синтетична. Стверджується, що в деяких двопланових алегоричних творах можна виявити макродіалог, в якому ідейний конфлікт представляють оповідачі: імпліцитний і експліцитний. Відзначено, що існує також діалогізм, який формується не всередині тексту, а між текстами. Цей вид діалогізму був описаний представницею постструктуралізму Ю. Кристевою як інтертекстуальність. Проаналізовано підходи до вивчення та розуміння даного концепту в сучасному літературознавстві.

Ключові слова: Діалог, інтертекстуальність, макродіалог, діалогізм.

Posokhova K. V. Methodological Potential of Michail Bakhtin's Conception: Dialogue and Contemparory Literary Studies / K. V. Posokhova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 404–414.

The present paper focuses on the questions of literary dialogism in reference to its methodological potential. Michail Bakhtin's major contribution to the formation of contemporary dialogic conceptions is highlighted. Mikhail Bakhtin introduced the dialogic principle from philosophy to the field of Humanities and applied it to the analysis of literary works. His dialogic theory was well received in the scientific world of Humanities. The types of literary dialogism are investigated. The latter is proved to be a productive theoretic-methodological basis for Literary Studies. The first type of literary dialogism was described by Michail Bakhtin as a "big dialogue" (macro-dialogue]. 'Big dialogue' (macro-dialogue) that comprises and summarizes the "ideology" of "dialogues expressed in the plot structure" and "micro-dialogue" which is the characters' dialogues with some "voices" making their remarks "double-voiced", occupy the central place in Mikhail Bakhtin's theory. Macro-dialogue represents a dialogic interaction between characters. The structural elements of macro-dialogue are examined. They include a special author's attitude, a new type of "morally indeterminate" protagonist, a universal nature of ideological conflict, a dialogic interaction of ideas personified by the characters, an equality of their ideological viewpoints, a conflict pendency and a structural "incompleteness" of the plot. It is stated that there are two models of macro-dialogue: antithetic and synthetic. It is noted that in some biplanar allegorical works another kind of macro-dialogue can be found. Its ideological conflict is represented by narrators, the explicit and the implicit one. A different type of dialogism is formed not within the text but between texts. It was described by Julia Kristeva who created the concept of intertextuality. The latter was derived from Michail Bakhtin's "micro-dialogue" by its depersonalization. The approaches to the understanding of intertextuality are analysed. It is proved that macro-dialogue and intertextuality are functioning on separate structural levels of literary work. Hence they are not contiguous. Macro-dialogue is formed within a single text whereas intertextuality connects several texts by way of "quoting". The first is a dialogue of ideas; the latter is verbal and linguistic. Macro-dialogue is intersubjective while intertextuality, as the name itself suggests, is present between texts. It is concluded that both intertextuality and macro-dialogue possess a vast methodological potential meriting their addition to the toolbox of contemporary Literature Studies.

Key words: Dialogue, Intertextuality, Macro-dialogue, Dialogism

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 415–420.

УДК 811.512.1

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР НЕФТЧАЛИНСКОГО И САЛЬЯНСКОГО РЕГИОНА АЗЕРБАЙДЖАНА

Сафарова А. С.

Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана
aynurasafarova@rambler.ru

В статье идет речь о собранных в Нефчалинском и Сальянском районах Азербайджана образцах детского фольклора и детских играх. Собранный материал последовательно проанализирован. Особо отмечается роль текстов фольклора и детских игр в формировании детского мировоззрения.

Изученный фольклорный материал этих двух регионов богат и разнообразен. В научной работе были исследованы и проанализированы такие его жанры как разнообразные игры, дюзгю (игра слов), колыбельные песни, ласкательные песни, скороговорки, загадки, считалки, дразнилки, сказки и другие жанры. В научной статье проанализированы ласкательные колыбельные песни, дан их двусторонний перевод (азербайджанско-русский), исследованы их культурные особенности.

По нашему мнению, любые образцы детского фольклора играют важную роль в жизни подрастающего поколения. Выполняют одновременно несколько функций: социальную, культурную и развивающую.

Ключевые слова: фольклор, детский фольклор, детские игры, фольклор региона Нефтчала – Сальян.

Постановка проблемы. Нефтачалинский и Сальянский районы расположены на юге-востоке Азербайджана. Насколько интересна и разнообразна данная область, население и климат, настолько интересен и разнообразен фольклор этой местности. Среди собранного фольклорного материала из Нефтчалинского и Сальянского районов имеются такие интересные жанры детского фольклора, как разнообразные игры, дюзгю (игра слов), колыбельные песни, ласкательные песни, скороговорки, загадки, считалки, дразнилки, сказки и другие жанры. Часть этих образцов представляют собой тексты, созданные взрослыми для детей, сюда можно отнести сказки, загадки, колыбельные и ласкательные песни. Исследования показали, что ребенок, окруженный с детства ласкательной и колыбельной песней, получает воспитание в народном духе и вырастает гуманистом. Дети, сознательно слушающие сказки, пытающиеся разгадать загадки, обладают более широким мировоззрением, более высоким интеллектуальным уровнем мышления.

Как показывают наблюдения, с первых дней жизни, как только малыш начинает слышать колыбельную песню матери, он, естественно, засыпает более спокойно и сладко; ребенок, который засыпает с колыбельной, будет чувствовать себя более уверенным и защищённым в этом новом для него мире. Это значит, что будущее поколение вырастет здоровое духом и совершенное во всех отношениях.

Именно поэтому так важен своевременный сбор среди представителей народа колыбельных и ласкательных песен.

Laylay çalım adua, Спою я колыбельную в твою честь,
Allah yetsin dadua. Бог в помощь тебе.
Allah dadua yetəndə Когда поможет тебе бог
Məni də sal yadua. Вспомни и меня.
Laylay, balam, a laylay, Спи, малыш, засыпай,
Körpə balam, a laylay [2]. Маленький мой, засыпай (подстрочный перевод).

Laylay çallam həməşə, Всегда спою колыбельную,
Karvan gedər yemişə. Караван идет за дыней.
Yastığunda gül bitsin, Пусть цветочек распуститься у тебя на подушке,
Yorğanunda bənöşə. А на одеяле – фиалка.
Laylay, balam, a laylay, Спи, малыш, засыпай,
Körpə quzum, a laylay [2]. Маленькая моя овечка, засыпай.

Ласкательные песни напеваются, в основном, в младенческом возрасте. Во время сбора фольклорного материала данной местности, мы иногда спрашивали у пожилых бабушек, какие они колыбельные поют, в какой форме они ласкательно обращаются к своим внукам, какие слова они при этом употребляют. Чаще всего они отмечали хорошо известную нам колыбельную “Bu balama qurban” («Да будет жертвой этому моему ребенку»). Однако наше наблюдение выявило, что одна из бабушек нашего окружения после рождения своего внука стала петь образец такой колыбельной песни, которую знала давным-давно. Поскольку данные этой колыбельной не были отмечены ранее, то эти образцы будут считаться нами как оригинальные и новые тексты колыбельной. Несмотря на то, что текст не закончен, он имеет интересное содержание. Бабушка, сравнивая своего маленького внука с другими детьми, ласкательно говорит:

Atdılar atın çapar, У кого имеется лошадь, скачут на лошади,
Rəsul bi dayça. А Расул – на осленке.
Uşağlar alma satar, Дети продают яблоки,
Rəsul turş alça. А Расул – кислую алчу.
Atdılar tüəng atar, Всадники стреляют из ружей,
Rəsul tapança [2]. А Расул – из пистолета.

Игры для детей младшего возраста организовывают, обычно, взрослые, эти игры важны для ознакомления с окружающим миром и одновременно являются средством развлечения. С целью научить детей двух- и трехлетнего возраста считать, взрослые разыгрывают такую игру: какая-то птичка слетела на ладошку (показывают пальцы, начиная с большого пальца), эта поймала, эта нарезала, эта сварила, эта съела, а этой (показывая на мизинец), ах, не досталось.

Среди любимых детьми фольклорных текстов сказки занимают важное место. Как верно заметил ученый-фольклорист П. Эфендиев, «сказки нельзя делить на сказки для взрослых и сказки для детей. Дети с интересом слушают все сказки, запоминают их и с удовольствием пересказывают. Однако внутри этого жанра аллегорические сказки представляют особый интерес для детей» [3, 161]. С этой точки

зрения зафиксированные в этой области “Şəngülüm, Şüngülüm və Süpürkəgülümün nağılı” («Сказка Шангюлюм, Шунгюлюм и Сюпюргегюлюма»), “Fərə bacının nağılı” («Сказка молодки-курицы»), “Tülkünün kələyi” («Хитрость лисы») и другие сказки, являются такими сказками, которые слушаются с большим интересом.

Одним из фольклорных текстов, широко распространенных среди детей, является и дюзгю (игра слов). Фольклорист А. Набиев отмечает, что «в дюзгю нет такого строго сюжета.. дюзгю отличается тем, что привлекающее нас в начале каким-то событием сюжет, вдруг теряется, содержание путается; ритм, созвучие и аллитерация переходят на первый план, в текст добавляются несвязные словесные комплексы, которые создают самостоятельные цитаты. Некоторые из этих внутритекстовых цитат хоть и выражают самостоятельное значение, в составе общего сюжета не создают единого текста, и цитаты с разрозненными значениями не могут закончить какую-то мысль» [4, 589].

Несмотря на это, мы часто сталкиваемся с тем, что дети говорят дюзгю. Из них “A teşti, teşti, teşti” («Эй, медный тазик»), “Əl-əl əpənək” (Рука, рука, эпенек), “Əlimi bıçaq kəsibdi” («Нож порезал мне руку») и другие тексты дети знают наизусть в этом районе. Выбранный в качестве примера текст дюзгю, по нашему мнению, является характерным для Нефтчалинской и Сальянской областей.

İki bacılar yan-yana, Две сестрички бок о бок
Gedirdilər Səlyana. Шли в Сальян.
Səlyan suyu sərindi, Воды Сальяна прохладны,
İki bacılar gəlindi. Две сестрички невесты.
Gəlinə bax, gəlinə, Посмотри на невесту, посмотри,
Əlin vırıb belinə. Руки держит на боку.
Gəlinə bir söz disən, Если скажешь хоть словечко,
Gedər diyər ərinə. Пойдет и скажет все мужу.
Əri minər maşına, Муж сядет на машину,
Sürər dağın başına. Поедет на самый верх горы.
Oğlannar əsgər gedir, Парни идут в армию,
Kül qızların başına.. [2] Пепел на голову девчонкам…

Как видим, в тексте отсутствует единая сюжетная линия, содержание слабо, но аллитерация строк приятна на слух. Именно поэтому такого рода тексты быстро запоминаются детьми и используются ими в каждодневных играх.

Многие игры оказывают положительное влияние и на физические и на умственное развитие детей. Игры в то же время способствуют более эффективному проведению свободного времени. Именно поэтому сбор и исследование детских игр, а также детского фольклора в целом в фольклористике имеет важное значение.

Известно, что раньше, когда не было радио и телевидения, у людей было больше свободного времени. Чтобы лучше использовать это время, дети и подростки придумывали разные игры, в которые играли в соответствии со временем. Старшее поколение, чье детство пришлось на 30-40-е годы прошлого столетия, хорошо помнят свои детские игры, в которые они играли много лет назад. Сегодня они с сожалением отмечают факт выпадения многих игр из детской жизни. Среди них можно выделить следующие: “Turna vırdı oyunu” (Игра «Журавлик клюнул»),

“Bəgmə gizir oyunu” (игра «Бегме гизир»), “Təkmə-cüt oyunu” (игра «Текме-джут»), “Eşşək beli sındırdı” (Ослик сломал спину), “Köçaldıqaç” (Кёчалдыгач), “Bənövşə, bəndə düşə” (Фиалка попала в петлю), “Yeddi şüşə oyunu” (Игра в семь стекляшек) и многие другие. По сведениям тех же самых пожилых информантов, любимой игрой в те далекие годы детей, особенно девочек был хоровод, при этом они напевали “Ya lələm” (Батя мой). Напев хоровода “Ya lələm” прекрасно исполнила жительница села Шоршулу Сальянского района, 1937-го рождения Гулиева Пакиза Алибала гызы, в общем песня состояла из 12 куплетов, каждый куплет из 5 строк. Каждый куплет начинался со слов “Ya lələm”, а заканчивался, можно сказать, выражением “Ya lələm, halay döndər belə” (Батя мой, поверни хоровод вот так).

Ya lələm, halay vırun düzülsün, Батя мой, встаньте в круг, в хоровод,
Ya lələm, xumar gözzər süzülsün, Батя мой, пусть томные глаза пристально вглядываются,
Ya lələm, hər kəs halay çəkməsə, Батя мой, кто не будет вести хоровод,
Ya lələm, əli əldən üzülsün. Батя мой, пусть руки отнимутся.
Ya lələm, halay döndər belə. Батя мой, поверни хоровод вот так.

Ya lələm, ev dalında bel durmış, Батя мой, позади дома лопата стояла,
Ya lələm, bel dayanmış, bel durmış. Батя мой, лопата стояла.
Ya lələm, çərkəz papağ altında Батя мой, под черкесской папахой
Ya lələm, kəkili tel-tel durmış. Батя мой, чуб отдельными прядями.
Ya lələm, halay döndər belə [2]. Батя мой, поверни хоровод вот так.

По сведениям информанта, девочки-подростки, напевая эту песню, держались за руки, вставали в круг и вели хоровод. У кого был хороший голос, пел по очереди 2 или 3 куплета песни. Девочки даже поддразнивали мальчишек, которые наблюдали за ними со стороны.

Ya lələm, miçətkəni qurmuşam, Батя мой, соорудила балдахин,
Ya lələm, daldasında durmuşam. Батя мой, стою позади него.
Ya lələm, bırdan gedən oğlanın Батя мой, парню, проходящему здесь
Ya lələm, ürəynə xal salmışam, Батя мой, я сердце ранила,
Ya lələm, halay döndər belə [2]. Батя мой, поверни хоровод вот так.

Схожий те)кст к этой песни хоровода дан под названием «Игра в хоровод» в первой книге «Антология азербайджанского фольклора», вышедшей в 1968-ом году [1, 32], однако часть текста, собранного нами, не зафиксирована там. Добавим также, что приведенные в качестве примеров куплеты, также отсутствуют в данной книге.

На исследуемой территории имеются и такие игры, в которые играют, в основном, мальчики. К ним можно отнести “Əvvəli”, что значит «Начало» (в некоторых областях эту игру называют также «Энзели»), “Torağacı” (Дерево-мячик), “Yoldaş, səni kim apardı” (Товарищ, кто тебя забрал), “Çilingağac” (Железное дерево), “Qayış götürüb qaçdı” (Взял ремень и убежал) и другие. Салимов Шагани, отмечающий важность игры в детской жизни, пишет: “Игры, соответствующие по уровню активному спорту, являются самым верным средством физического

развития. На протяжении многих веков наши дети и молодежь укрепляли свои руки, запястия именно в таких народных играх» [5, 4].

Ученый-фольклорист Л. Вагифгызы (Сулейманова), отмечающая особую роль детских игр в укреплении физического состояния мальчиков-подростков, относит зарождение такого рода игр к древним тюркским нравам. В связи с этим она пишет: «Часть игр создает условия для роста физически сильных детей, особенно мальчиков, настоящих бойцов. Это явление исходит из древних тюркских нравов. Тюркские бойцы были заинтересованы в том, что и их дети выросли настоящими богатырями» [6, 153].

Выводы и перспектива. По нашему мнению, любые образцы детского фольклора, и детские игры в том числе, играют важную роль в жизни подрастающего поколения. Поэтому необходимо глубоко исследовать любые образцы детского фольклора, и детские игры в их числе. Думаем, что при сборе фольклорного материала разных областей нужно уделять большое внимание и детскому фольклору.

Литература

1. Антология азербайджанского фольклора (первая книга) [собрал и составил Ахлиман Ахундов]. – Баку, 1968.
2. Примеры из архива автора.
3. Эфендиев Паша Азербайджанская устная народная литература / Паша Эфендиев. – Баку, 1981.
4. Набиев Азад Азербайджанская народная литература / Азад Небиев. – Баку, 2002.
5. Салимов Шагани Игры и развлечения тоже являются историей / Шагани Салимов. – Баку, 1993.
6. Вагифгызы Ляман. Среда шекинского фольклора / Ляман Вагифгызы. – Баку, 2012.

Сафарова А. С. Дитячий фольклор Нефтчалінского і Сальянского регіону Азербайджану / А. С. Сафарова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 415–420.

У статті йдеться про дитячий фольклор та ігри, зібрані в Нефчалінському і Сальянському районах Азербайджану. Фольклорний матеріал послідовно проаналізовано. Особливо наголошується роль текстів фольклору та дитячих ігор у формуванні дитячого світогляду.

Вивчений фольклорний матеріал цих двох регіонів багатий і різноманітний. У науковій роботі були досліджені і проаналізовані такі його жанри як ігри, дюзгю (гра слів), колискові пісні, пестливі пісні, скоромовки, загадки, лічилки, дражнилки, казки та інші жанри. У науковій статті проаналізовано пестливі колискові пісні, надано їх двосторонній переклад (азербайджансько – російський), досліджено їх культурні особливості.

На нашу думку, будь-які зразки дитячого фольклору та дитячі ігри грають важливу роль в житті підростаючого покоління, виконують одночасно кілька функцій: соціальну, культурну і розвиваючу. Тому необхідно глибоко досліджувати будь зразки дитячого фольклору, і дитячі ігри в їх числі.

Ключові слова: фольклор, дитячий фольклор, дитячі ігри, фольклор регіону Нефтчала – Сальян.

Safarova A. C. Children's folklore in Neftchala and Salyan regions of Azerbaijan / A. C. Safarova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 415–420.

The article deals with the collected materials of children's folklore and children's games in Neftchala and Salyan regions of Azerbaijan. The material is analyzed sequentially and thoroughly. The special role of folklore texts and children's games in the formation of their worldview is pointed out.

The studied material of these two regions has large, rich and diverse set of examples describing the culture and social relations. In this article are analyzed such genres of children's folklore as diverse games, düzgü (pun), lullabies, songs expressing endearment, tongue twisters, riddles, rhymes, teasers, fairy tales and other. It

should be noted that children grown up in the local folklore culture are more humane and close to the national culture and their roots.

In the scientific article the lullabies expressing endearment as it is mentioned above are studied and their two-way translation (Azerbaijani-Russian) is given. Also their cultural characteristics are analyzed.

Among the collected material the special place belongs to national games, which are combined with the study of the world and are considered as the preschool training of the children (among them teaching of the counting an alphabet].

Fairy tales are one of the interesting parts of the collected material. As it was correctly noted by scholar and folklorist P. Efendiev “tales can not be divided into a fairy tales for adults and for children. Children listen withgreat interest all stories, memorize them and recite with pleasure. However, within this genre the allegorical tales are of special interest to children”.

One of the folklore texts which is very popular among children is düzgü (pun]. The folklorist A. Nabiyev said that “there is no such strict plot in düzgü .. düzgü differs from other genres, it attracts us in the beginning by something, but the plot suddenly is loosing and the content becomes tangled; rhythm, assonance and alliteration are moving to the forefront, incoherent verbal complexes that create independent citations are added to the text. Some of these intratextual quotes though express independent significance in the general plot do not create a single text, and quotes with separate meanings can not finish the text”.

In our opinion, any samples of children's folklore and children's games play an important role in the lives of younger generation. Folk games have an influence on the mental and the physical development of children. Perform multiple functions: social, cultural and developmental. Therefore it is necessary to investigate deeply any samples of children's folklore and children's games among them.

Key words: folklore, children’s folklore, children’s games, Children's folklore in Neftchala and Salyan regions of Azerbaijan

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 421–424.

УДК 821.111(73)-845.09

МНОГОУРОВНЕВОСТЬ ПРОЦЕССА ОЗНАЧИВАНИЯ В ПЬЕСЕ Т. СТОППАРДА «АРКАДИЯ»

Бондаренко Л. В., Бакарюк В. В.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
E-mail: svetoniy@mail.ru

В статье рассматривается многоуровневость процесса означивания в современной интеллектуальной драме на материале пьесы Т. Стоппарда «Аркадия». Исследование опирается на постмодернистское понимание смысла как подвижной категории, для которой характерны плюральность и многоуровневость. Плюральность смысла пьесы проявляется на уровне структуры произведения, системы образов, диалога персонажей, не понимающих друг друга, что создает комичные ситуации и эффект иронии.

Многоуровневость процесса означивания выступает в качестве особого стилистического приема, характерного для современнойго постмодернистского текста, каковым является «Аркадия». Автор использует этот прием на различных временных уровнях – в начале девятнадцатого века и в конце двадцатого, в которых разворачивается действие драмы.

В исследовании используются культурно-исторический и типологический подходы, а также герменевтический метод. При толковании смыслы текста опираемся также на структурный и дескриптивный методы.

Ключевые слова: смыслогенез, интуиция, плюральность смысла.

Постановка проблемы. По мнению большинства литературных критиков, «Аркадия» – одна из самых глубоких, сложных и высокоинтеллектуальных пьес Стоппарда, для которой особенно характерна многоуровневость процесса означивания.

Актуальность данного исследования определяется вниманием к творчеству известного английского драматурга Тома Стоппарда, произведения которого считают современной классикой, с одной стороны, и интересом литературоведов и филологов к способам интерпретации современного неклассического текста, каковым является «Аркадия» – с другой.

Новизна работы заключается в том, что смысл текста рассматривается не как некая статичная категория, но динамичная сущность.

Сюжет «Аркадии» разворачивается в двух временных плоскостях: в начале девятнадцатого века и в конце двадцатого в родовом поместье английских аристократов, которое символизирует одновременно силу британской традиции и ее упадок. Главные действующие лица событий 1809 года – Томасина Коверли и ее учитель – двадцати двухлетний Септимус Ходж. Действие в двадцатом веке происходит в том же доме семейства Коверли. Ханна Джарвис и Бернард Найтингейл – молодые ученые, исследующие связь Байрона с домом Коверли и Сидли Парком, его окружающим. Они изучают историю с отшельником (Септимус) и эволюцию английского сада.

Сама структура пьесы является экспликацией плюральности смысла на сюжетном уровне, представляя историю в виде игры интерпретаций фактических событий. На тематическом уровне на передний план выходит построенная на парадоксе медитация о ценности знания, взаимоотношениях славы, признания и истинной гениальности, поисках истины и смысла. На этот раз кульминационный момент Стоппард строит на интеллектуальном коктейле идей буквально и метафизически.

Плюральность смысла в «Аркадии» иллюстрируется посредством интеллектуального юмора и пастиша. Уличенный в «карнальном» объятии с женой третьеразрядного, но амбициозного поэта Эзры Чейтера, Септимус Ходж находит весьма остроумный выход из положения: пообещав оскорбленному Чейтеру написать хвалебный отзыв на сборник его стихов «Ложе Эроса» (‘The Couch of Eros’]. Более того, он получает в подарок экземпляр с авторской подписью: «Моему щедрому другу Септимусу Ходжу …от автора, Эзры Чейтера.Сидли Парк. Дербешир, 10 апреля, 1809» (перевод наш) (285, 12). На самом деле, молодой интеллектуал Септимус совсем не собирается писать положительную рецензию на «смертельно скучную» книгу Чейтера, тем более что однажды, Ходж уже «разгромил» его книгу «Турчанка» (‘The Maid of Turkey’), воспользовавшись псевдонимом, о чем, абсолютно не подозревает Чейтер. Диалог между Септимусом и Чейтером может служить прекрасным примером игры смыслов:

«*Septimus:* ‘The Maid of Turkey’? I have it by my bedside! When I cannot sleep I take up ‘The Maid of Turkey’ like an old friend! (285, 10)».

Реплику Септимуса можно понимать по-разному: с одной стороны, так, как понял ее Чейтер, то есть, в качестве похвалы его книги, которую Септимус всегда читает перед сном. Однако, с другой стороны, в словах Септимуса звучит откровенная ирония относительно скучной и наводящей сон книги, но ослепленный лестью автор не замечает насмешки. Кроме того, есть третий вариант интерпретации фразы “Maid of Turkey” можно понимать дословно как «турчанка», тогда текст обретает иной смысл. Итак, чтобы не оказаться в роли Чейтера, читателю (зрителю) приходится все время следить за динамикой смыслогенеза. Очередной шуткой, на этот раз, посланной из 19 века в 1990-е, становится дарственная надпись Септимусу, вместе с записками миссис и мистера Чейтеров, случайно оставленными между страницами «Ложи Эроса». Через сто с лишним лет этот факт заставит пуститься в отчаянные поиски истины литературного историка Бернарда Найтингейла Таким образом, процесс смыслогенеза в «Аркадии» происходит в нелинейном пространстве на пересечении семантических векторов, задающих плюральность смысла.

Исследуя динамику семантических процессов в «Аркадии», отметим субъективность смысла, которая проявляется в вариативной интерпретации одних и тех же фактов. Так, между страниц «Ложи Эроса» в библиотеке Байрона обнаружены три записки Чейтера и его жены. Бернард настаивает на том, что это Байрон написал убийственную рецензию на поэму Чейтера, поскольку абсолютно нелогично было бы предположить, что математик и друг Чейтера – Септимус Ходж, которому, как «щедрому другу» надписывает автор свою книгу, тот самый негодяй, которого поэт обвиняет в измене и клевете. Исходя из этих сведений, Бернард полагает, что это старый романтик Байрон убил Чейтера, завидуя ему как супругу и поэту. Введен-

ный в заблуждение надписью Чейтера, Бернард не обращает внимания на упоминание об Эзре Чейтере. Бернард с радостью узнает, что связь Байрона с Сидли Парком можно легко объяснить, если Ходж и Байрон были современниками и оба учились в Кеймбридже. Ненавязчиво, с юмором Стоппард демонстрирует зависимость результата процесса означивания от субъективной интерпретации фактов.

С точки зрения логики, Бернард Найтингейл абсолютно прав – артефакт является носителем информации (письма в книге, дарственная надпись Чейтера Септимусу), но не знания. Чтобы информация, закодированная в артефакте, стала знанием ее нужно расшифровать и интерпретировать. Истинное знание требует подтверждения опытом. В этом главная ошибка Бернарда и причина его неудачи. Заносчивый историк забыл, что инструментом получения знания является *интуиция*, а не логика. Рационализм Бернарда терпит полное поражение перед импиризмом Септимуса и скептицизмом Ханны. Его стройная, но хрупкая теория не выдерживает напора случайностей. Бернард Найтингейл является одновременно пародией на самодовольный академический мир и его частью. Это пародия на гения, которым восхищаются и, как Байрона, его ожидает изгнание из Сидли Парка из-за сексуального прегрешения.

В «Аркадии» комично выглядят сентиментально причудливые формы неоромантизма – увлечение неправильными формами, живописными пейзажами и творческой натурой гения. Эти новые идеи по ходу пьесы принимают классический порядок, ассоциируются с ньютоновским детерминизмом. Но от воли человека ничего не зависит, все происходит согласно общего закона вещей, управляющего ходом событий, судьбами персонажей и текстом. Как замечает театральный критик Джон Лар, Стоппард использует «прием всезнания», с тем, чтобы потом в одно мгновение показать, что это была лишь иллюзия [5, 77].

Выводы и перспектива. В отличие от палимпсестов мистера Ноукса и Рэптона, нелинейный сюжет Стоппарда заставляет читателя самого конституировать эстетический объект, то есть смысл текста, одновременно в проспекте и ретроспекте. Повторение и вариация компонентов сюжета, (словно повторно запущенная программа) постепенно раскрывают тематическую структуру Аркадии. Человеку присуща субъективная интерпретация фактов истории и событий окружающего мира, что находит художественное выражение в виде многоуровневости и плюральности смысла современных неклассических текстов и предполагает дальнейшее изучение динамики смыслов в современной английской литературе на материале произведений Д. Томаса, П. Акройда, Дж. Фаулза и других.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы : семиотика, поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1994. – 567 с.

2. Вайман С. Т. Драматический диалог / С. Т. Вайман. – М. : УЗСС, 2003. – 205 с.

3. Гадамер Х. Г. Истина и метод : основы философской герменевтики / Х. Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1997. – 300 с.

4. Fleming J. Stoppard’s Theatre: finding order amid chaos / John Fleming. – Texas: University of Texas Press, 2001. – 325 p.

5. Stoppard T. Arcadia / Tom Stoppard. – L.: F&F, 2000. – 130 p.

Бондаренко Л. В. Багаторівневість процесу означування у п'єсі Т.Стопарда "Аркадія" / Л. В. Бондаренко, В. В. Бакарюк // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 421–424.

Стаття присвячена дослідженню багаторівневості процесу означування у сучасної постмодерністської інтелектуальної драми на матеріалі п'єси Т. Стопарда "Аркадія". Плюральність смислу у драмі проявляє себе на рівні структури тексту, поведінки персонажів, образів, а саме у комунікації героїїв, інтерпрітації фактів, що надає гумору та іронії змісту. Тільки читач може об'єктивно зробити висновок щодо смислу текста. Такий підхід щодо трактування фактів надає п'єсі інтелектуального та розважального характеру. Багаторівневість процесу означування проявляє собі також на різних часових рівнях, а саме – у дев'ятнадцатому та на кінці двадцатого століть, коли відбувається дія у п'єсі.

У дослідженні використовуються культурно-історичний та типологичний підходи щодо аналізу процесу формування смислу, дескриптивний та структурний методи.

Ключові слова: смислогенез, інтуіція, плюральність смислу

Bondarenko L.V. "Multilevel nature of the meaning forming process in Tom Stoppard's play "Arcadia" / L.V. Bondarenko, V.V. Bakarjuk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 421–424.

The article is devoted to the study of the multilevel nature of the meaning forming process in the modern English literature on the basis of T. Stoppard's "Arcadia", most complex intellectual play of the author.

The plurality of meaning is explicit in the form of the play on words during the characters' communication, leading to confusion and misunderstanding on the one hand and humorous, even ironic effect, on the other. It can be derived that the meaning in a non-classical text, like "Arcadia", is by no means a steady structure but a dynamic category, which is never static.

Subjective treatment of the facts is very characteristic of the play and is one of the favorite T. Stoppard's stylistic devices. The playwright plays not only on words but also on the meanings, implied in the facts interpreted in most various ways by the personages of the play. It creates confusion in the mind of the spectator or reader of the text and adds entertaining flavor to the play, which is a vivid example of the modern postmodern drama. Being both intellectual and entertaining, "Arcadia" is considered to be a work of modern classics.

Multilevel meaning forming process reveals itself on different chronological levels, such as the beginning of the 19th century and the end of the 20th century, when the action is unfolded. It both gives a clue to the reader or viewer as to the truth which is vehemently looked for by everybody in the play and connects two epochs within the framework of one and the same literary dimension.

There is nothing certain in "Arcadia" as it is based on philosophical assumptions of the subjective reality and on that the truth is a definitely subjective phenomenon. Sentimentally sophisticated forms of neoromanticism look comically, such as infatuation with irregular shapes, picturesque landscapes and a creative genius nature revealed in the process of reconstruction of the Sidley Park and Septimus a seclude genius. The new ideas are transforming into a classical order in the course of the play associating with the Newton determinism. However, nothing depends on the human will, as everything is determined by the common law guiding the course of events, personages' fates and the text.

The study is conducted on the basis of the comprehensive approach to the problem. Cultural-typological and typological approaches are used to define the notion of meaning in a non-classical text and compare it with the classical one. Simultaneously descriptive and comparative methods are referred to. The structural method is employed in the research to analyze the structural meanings of the text comprising its dynamic meaning.

The dynamics of the semantic processes in "Arcadia" and subjectivity of meaning reveal themselves in the interpretation of one and the same facts as in the case of the review on Charter's book of poetry or "carnal embrace". It results in intellectual humor and plurality of meaning.

Key words: meaning forming process, intuition, plurality of meaning.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 425–430.

УДК 811.111+ 821 (479. 24)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВИРДЖИНИИ ВУЛФ В ОЦЕНКЕ АНГЛИЙСКИХ И АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ КРУГОВ

Зульфигарова Ф. С.

Академия государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики
azfolklor@yahoo.com

В статье осуществлено исследование социальной проблемы женщины в английской литературе первой половины XX века на основе творчества Вирджинии Вулф. В научной работе автором поднимаются важные вопросы относительно роли женщины в обществе. Автором отмечено, что ее произведения резко отличались от привычного для своего времени рассказа прежде всего своей поэтикой, характерными особенностями героя и авторской манерой раскрытия внутреннего мира героя. Данная статья посвящена сравнительно – типологическому исследованию проблемы психологической прозы в английской и азербайджанской литературе, выявлению их общих и индивидуальных черт и особенностей.

Ключевые слова: женщина, социальные проблемы, английская литература

Постановка проблемы. В английской литературе появляются, правда менее ярко, чем в некоторых других литературах, скажем, символизм, получает развитие модернистское течение, представленное школой «потока сознания» (Д.Ричардсон, М.Синклер и др.). Следуя теории З.Фрейда и М.Пруста писатели этой школы погружаются в исследование психологических нюансов, выискивая причины поведения и душевных состояний героев в подсознательных мотивах.

К началу XX века заканчивается Викторианская эпоха, Англия и вместе страной литература вступает в новый этап. Литература этого периода с одной стороны продолжает основные тенденции литературы последних лет Викторианской эпохи, а с другой – вбирает в себя многие новации мирового литературного процесса.

Начиная уже с последней четверти XIX века английская литература характеризуется жанровым, тематическим и стилевым разнообразием. Особенно четко это проявилось в прозе, которая к началу XX века становится преобладающей. В прозе этого периода можно наблюдать и утопические романы (У.Моррис), и реалистический роман с элементами мистики, отражающий трагизм народной жизни фермерской Англии (Т.Харди), и сатирический роман, смело и остроумно высмеивающий современную Англию (С.Батлер), и возникший под влиянием французской литературы натуралистический роман (Дж.Гиссинг, Дж.Мура), и приключенческий роман (Р.Стивенсон) и др. Тут можно вспомнить также такие разные фантастические романы Г.Уэллса и А.Конан-Дойла, реалистические романы Дж.Голсуорси, А.Беннета и др.

Правда, социальные мотивы у них отходят на второй план, но судьба героя, тем не менее, так или иначе, отражает в себе различные проблемы общества, в том числе и социальные. Одним из видных представителей школы «потока сознания» в Английской литературе является Вирджиния Вулф (1882-1941), творчество которой не под-

дается однозначной типологической оценке. Придя в литературу в преддверии Первой мировой войны, В.Вулф отражает наиболее важные проблемы своего времени, но несколько с иной позиции, чем писатели-реалисты XIX и начала XX века.

Вирджиния Вулф родилась в семье известного английского литературоведа, философа, историка Лесли Стивена, имевшего довольно сильное влияние на литературно-общественную мысль в стране. С детства она росла в благотворной для будущего литератора обстановке – у них дома часто появлялись писатели, которые дорожили мнением её отца. После того, как его не стало, Вирджиния стала посещать литературный кружок в Блумсбери.

Уже первые рассказы Вирджинии Вулф, с которых начинается её творческий путь, привлекли внимание литературной критики, хотя они довольно резко отличались от привычного для своего времени рассказа, прежде всего, своей поэтикой, характерными особенностями героя и, самое главное, авторской манерой раскрытия внутреннего мира героя. Наиболее характерными в этом отношении являются такие ранние рассказы писателя, как «Дом с привидениями», «Понедельник и вторник», «Пятно на стене», «Струнный квартет», «Ненаписанный роман», «Охота на фазана». Уже в этих рассказах раннего периода четко проявляется авторская установка на психологизм. Созданные В.Вулф персонажи, не имеющие пространственно-временную определенность, словно тенью проскальзывают перед глазами читателя, автор в привычном смысле слова не показывает, а пытается посредством слов нарисовать не мысли, а сам мыслительный процесс поиска истины. Отсюда – близость её рассказов к лирическому эссе, жанру, который чуть позже займет в её творчестве достойное место. Автор не стремится логически доказывать и показывать истину, он идет несколько иным путем. В.Вулф, часто повторяя слово истина («Понедельник и вторник»), приковывает внимание к его внутренней сути и, исходя из своей убежденности в том, что все в мире (в том числе и природа человека) изменчиво, неопределенно, неуловимо, говорит о несовместимости истины с рациональным анализом. Выразить истину больше под силу, по её мнению, музыке. Не случайно её более позднее произведение – роман «Волны» – написано как соната. И действительно, стремление к соблюдению закономерностей музыкальной формы заметно в композиции, стиле произведения. Правда, такое сближение литературы с музыкой для литературы XX века, и для русской в том числе, было не ново. Можно вспомнить эксперименты русских символистов с созданием поэтических произведений в жанровых формах музыки (например, симфония А.Белого).

Душа – основа основ, итог размышлений Вирджинии Вулф. И не случайно именно слово «Итог» выведено в заголовок рассказа, в котором герой рассуждает на тему души.

Другой темой ее рассказов является одиночество. Так, рассказ «Лапин и Лапина» не только о физическом одиночестве в мещанской среде, в окружении тяжеленных, громадной мебели, буфета, но и моральном одиночестве души, угнетаемой бесполезными, опошленными чувствами и никчемными, малозначительными мыслями. Этот рассказ – вообще один из первых в Западной литературе, где в весьма резкой форме ставится проблема отчуждения и раздвоения личности, нравственного здоровья.

Подняв в своих ранних рассказах указанные проблемы, В.Вулф тем самым несколько опередила свое время. Уже в 20-е годы тема одиночества станет одной из основных и остро поставленных в рассказах Хемингуэя. Чуть позже указанные проблемы станут центральными и в американской, и западноевропейской литературах. У Хемингуэя проблема одиночества, возможно, звучит более обостренно из-за своеобразия авторского стиля, рассказа и показа от первого лица. С наибольшей остротой проблема одиночества поставлена в таких рассказах великого американца, как «Кошка под дождем», «Не сезон», «Что-то закончилось», «Там, где чисто, светло» и др.

Проблема внутренней свободы человека ставится в «Путешествии». «Я хочу писать о тишине», – говорит Вирджиния Вульф. В центре произведения образ 24-летней молодой женщины Джейн Аустен, дочери капитана Рачела Винреса. На корабле отца она на несколько месяцев отправляется в путешествие в Южную Америку и там, на лоне природы словно освобождается от искусственных пут, условностей цивилизации, обретает истинную свободу.

В романе «Миссис Дэллоуэй» (1925) – в центре внимания писателя проблемы пространства и времени, борьбы человека с самим собой, философское осмысление радости от победы над смертью и т.п. Говоря об этом произведении, В.Вульф отмечала: «Я приступила к этой книге с тем, чтобы высказать свое отношение к творчеству» [1, 58]. Главный герой романа Кларисса богатая, на первый взгляд счастливая, но при этом болезненная женщина. Сравнение настоящего героини с её прошлым не в её пользу, оно говорит о её убогости, как личность. В романе подчеркивается мысль о гармонии жизни, необходимости общения людей между собой.

Обитатели дома Ремзи – миссис Ремзи, её дети, многочисленные гости – все собираются посетить маяк, находящийся на расположенном недалеко острове. Проходят годы, но, несмотря на близость острова и на, казалось бы, достижимость мечты, простоту её осуществления, для некоторых героев романа она так и остается неосуществленной. Умирает миссис Ремзи и кое-кто из её детей. Лишь после этого оставшиеся отправляются на маяк.

Маяк для Вирдижинии Вулф символизирует мышление, разум, который выхватывает пронзительным лучом яркого света из мрака тот или иной предмет, как разум человеческий выхватывает из наслоений мелких, суетных воспоминаний давно забытое, сокровенное, происшедшее в детстве, юности или совсем недавно, но неоцененное в свое время по достоинству. И тогда привычное, до боли знакомое раскрывается совершенно с другой стороны, в другом свете, привычное выхватывается из своей обыденности, меняет свои очертания, обретает новое значение.

В первой части романа («Окно») сталкиваются два мира – женский и мужской. Женский мир – это читающая у окна сказку маленькому Джеймсу миссис Ремзи, которая олицетворяет теплоту, спокойствие, гармонию, симпатию, заботу. Мужской – нервно расхаживающий по террасе, распекающий сына мистер Ремзи, проводящий свое время в застольях или же в научных дискуссиях.

Во второй части романа («Проходит время») описывается не только физическое угасание, но и моральное обнищание дома. Умирает миссис Ремзи, летом гости более не съезжаются сюда.

В третьей части романа словно возрождается душа дома, и вместе с этим начинается вечная круговерть мужского и женского начал. Одинокий после смерти жены мистер Ремзи решает наконец-то осуществить сокровенную мечту покойной жены и посетить маяк [2, 138]. И по мере продвижения к этой цели постепенно дух миссис Ремзи возвращается в этот дом, восстанавливает свое господствующее положение в нем. Под влиянием воспоминаний о миссис Ремзи Лили Бриско наконец-то дописывает картину, которая прежде никак не давалась ей.

Произведение отражает атмосферу «переходного» времени – XX век сменяет XIX, викторианская эпоха в английской культуре, а в целом – в образе жизни всего народа постепенно отходит в прошлое. Мир вступает в пору революций, войн, хаоса. И эта антитеза спокойствия, порядка, стабильности уходящего и беспорядка, хаоса приходящего отражается как в образах центральных героев произведения миссис Ремзи и Лили Бриско, так и в психологии писателя. Несмотря на свою возвышенную, поэтичную любовь к дому, все понимают, что дом этот доживает свой век. Вместо миссис Ремзи приходит неуклюжая, раскрепощенная Лили Бриско и дочь миссис Ремзи Кем. Но Кем дите другого времени. Женского начала, которое предопределяло привлекательность миссис Ремзи, в ней довольно мало. И Лили, и Кем стремятся во внешний мир, у них другие идеалы; другие ценности ведут их по жизни; семья, дети уже для них не являются идеалом: несмотря на старания миссис Ремзи, Лили не выходит замуж и абсолютно не переживает по этому поводу, даже наоборот, говорит о преимуществах свободы от мужчин.

Смерть миссис Ремзи, упадок в доме по ходу повествования имеют символическое значение. Складываются отношения нового типа, новый тип женщины. Но прогресс просто так не дается, обретения идут рука об руку с утратами. Многие социально-философские проблемы, связанные с женщинами: место женщины в обществе, семье, отношение к браку, вопросы воспитания детей и т.д., писатель предчувствует и отражает интуитивно. Эти проблемы ставятся в большинстве крупных и малых по объему произведений Вирджинии Вульф. Она утверждает, что женщина должна быть смелой, помнить про священность брачных уз; отношения между мужчиной и женщиной крайне хрупкие, потому-то обе стороны должны быть терпимы.

Тема одиночества в литературе не нова. Во все времена этот мотив имел место в литературе, в том числе и азербайджанской. Но встречается она и в классической азербайджанской литературе исключительно в поэзии. И это понято. Ведь к художественной прозе в современном его понимании азербайджанские авторы обратились лишь во второй половине XIX века, а интенсивное развитие она получила лишь в XX. Эта тема нашла свое отражение и у азербайджанских писателей женщин, среди которых можно выделить Афаг Масуд. При внимательном взгляде на прозу Афаг Масуд можно усмотреть даже определенную типологическую близость её к прозе Вирджинии Вульф. Хотя следует подчеркнуть, в стилевом отношении они в корне разные. Сходство между ними усматривается на уровне проблематики и художественного осмысления действительности. С первых рассказов и повестей («На третьем этаже», 1979; «Субботняя ночь», 1984) и до наиболее крупных по объему и поставленной проблематике произведений более позднего периода («Проход», 1988; «Единый», 1992; «Скопление» 1994) азербайджанский писатель уделяет

огромное внимание внутреннему миру, психологическому состоянию человека. А.Масуд, как и В.Вулф, склонна художественно анализировать такие морально-нравственные вопросы как внутренняя свобода, одиночество, отчужденность. Иногда ее герои и образы стараются выйти за пределы узкого семейного круга, душевных переживаний, самоанализа в просторную социальную арену общества и находить гармонию личной и всеобщей свободы (роман «Свобода», 1998), что отличает её героев от пессимистически настроенных героев В.Вульф. Тем не менее, обеим писательницам присуще философское осмысление жизненных фактов, психологических явлений и нравственных ценностей, особенно в их эссеистике (А.Масуд, «Империи чувств», 2005).

Естественно, тематика эссе В.Вульф более обширна. Она пишет об английских писателях-современниках, но одновременно высказывает свои суждения и о представителях других литератур, в том числе и русской. Эссе В.Вулф выполняют в определенном смысле просветительскую функцию. В них автор говорит о непреходящей ценности творческого наследия классиков английской и мировой литературы. Она с блеском, в определенных моментах даже с юмором говорит о проблемах творчества таких писателей, как Донн, Остен, Конрад, Дефо, Монтен, Аддисон, Хезлит и др., большинство из которых она знала с детских лет, так как, как уже было отмечено, она росла в семье литератора. Отметим, что и в этом между ней и Афаг Масуд можно провести определенную параллель. Ведь азербайджанская писательница Афаг Масуд так же росла в литературной среде. Она внучка видного азербайджанского прозаика Али Велиева.

Выводы и перспектива. Вернувшись к основным особенностям стиля Вирджинии Вульф отметим, что она, будучи женщиной и писателем в одном лице, поворачивает читателя лицом к основе основ, к тому, без чего благополучного общества быть не может: к семье, потому что без благополучной семьи нет и благополучного общества. То, что в конце романа «К маяку» талантливые женщины не могут, да и не желают продолжить женское начало, представленное миссис Ремзи, звучит тревожным предупреждением. В.Вулф предупреждает, но ответа на вопрос «что делать?» не дает [3, 230]. Тем самым, не ставя в своих произведениях глобальные общественно-политические проблемы, писательнице удалось указать на главную проблему века – отчуждение человека, его внутреннее одиночество. А эта страшная беда, потому что, как напишет в начале 30-х годов великий американский писатель Э.Хемингуей, «человек один не может». В условиях глобализации проблема одиночества остается актуальной и перспективной для изучения.

Литература

1. Woolf W. Mrs. Dalloway and Essays / W. Woolf. – Moscow: Raduga Publishers, 1980.
2. Woolf W. To the Lighthouse. The Common Reader / W. Woolf. : The Hogarth Press, 1965.
3. Best S. D. Theory: Critical interrogations / S. D. Best / – Houndmills: London, 1965.
4. Hemingway E. To have and have not / E. Hemingway. – Moscow: Mezhdunarodniye otnosheniya, 1979

Зульфігарова Ф. С. Діяльність Вірджинії Вулф в оцінці англійських та азербайджанських літературних кіл / Ф. С. Зульфігарова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 425–430.

У статті здійснено дослідження соціальної проблеми жінки в англійській літературі першої половини XX століття на основі творчості Вірджинії Вулф. Література цього періоду – література новаторств та збереження традицій Вікторіанської епохи одночасно. У науковій роботі автором порушено важливі питання щодо ролі жінки в суспільстві. Автором зазначено, що її твори відрізняються своєю поетикою, характерними особливостями героя, авторською манерою розкриття внутрішнього світу героя. Дана стаття присвячена також порівняльно-типологічному дослідженню проблеми психологічної прози в англійській та азербайджанської літературі.

Ключевие слова: жінка, соціальні проблеми, англійська література

Zulfigarova F. S. Activities of Virginia Woolf in the assessment of English and Azerbaijani literary circles / F. S. Zulfigarova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 425–430.

In this article the social problems of women in the English literature of the first half of the XX century on the examples of the works of Virginia Woolf are examined. Literature of this period is the the literature of innovations and preservation of the traditions of the Victorian epoch at the same time. In a study the author brings up the important questions about the role of women in society, the role of women as homemakers and their role in the formation of the family as the basic cell that forms the society. Virginia Woolf is the writer and innovator at the same time. The author notes that her works differed sharply from the usual stories of that time for its poetics, the characteristic features of the hero and the author's manner of the revelation of the inner world of the hero. The article focuses on the role of the writer in the social, moral and literary life in Britain and Azerbaijan on the example of the Azerbaijani writer Afaq Masud. This paper focuses on relatively typological study of the problem of psychological prose in English and Azerbaijani literature, identifies their common and individual traits and characteristics. In his article, the author draws attention not only on the similarity of the methods of literary writers, but also on the similarity of their fates.

Key words: woman, social problems, English Literature

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 431–436.

УДК. 821 (479. 24)

ВОСПЕВАНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА И ИДЕИ СВОБОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ МАДИНЫ ГЮЛЬГЮН

Алескерова С. И.

Азербайджанский государственный педагогический университет
azfolklor@yahoo.com

В статье исследуется творческое наследие Мадины Гюлгюн – азербайджанской народной поэтессы. В контексте исторических и культурных событий второй половины XX века автором рассматриваются стихотворения поэтессы, определяются их основные мотивы и идеи.

В работе проанализированы стихотворения поэтессы, отражающие поэтическую и экономическую сложность военного и послевоенного времени, отдельно выделяются стихотворения про Родину. Автором определены основные образы стихотворений, проанализирован их текст, дан перевод на русский язык, выделены и систематизированы основные мотивы.

Автор приходит к выводу, что в основном Мадина Гюльгюн писала в жанре патриотической и гражданской лирики, остро чувствовала проблемы своего народа, помогала ему в их решении, в восстановлении государства, в воспитании гуманного и культурного человека.

Ключевые слова: литература, стихотворение, патриотическая, гражданская лирика.

Постановка проблемы. Азербайджанская народная поэтесса Мадина Гюлгюн сражалась за свободу своего народа и кровью, и пером. Углубленно знающая смуту, политическую сложность 1945-46 гг., поэтесса называет те годы годами с весенним запахом, революционными ощущениями. Возможно, обретение свободы после тяжелой борьбы натолкнула ее на эту мысль. Вместо отошедших туманов в дома пришли веселье, радость.

Vətənin hər yerinə	*Во все уголки Родины*
Azadlıq gəlirdi	*Приходила свобода,*
Azadlıq!	*Свобода!*

Народ радовался, гонцы с ветром за плечами приносили радостные вести с фронта. Отобранное у народа счастье возвращалось ему. Сдержавшие клятву в сражении за свободу патриоты достойно справились со своей обязанностью. Но это счастье народа продлилось всего год. Затопление в крови свободы, обретенной благодаря пролитой патриотами крови, было тяжелым событием. М.Гюлгюн в написанном в 1961 году стихотворении «Желание возвыситься» Родину уподобляет птице со сломанным крылом. Разрушена ее роскошь, созданная раненой птицей собственными руками. Поэтесса, изображая птичку, указывает на нежелание умирать этой имеющей в душе столько желаний птицы. Самой сильной страстью этой пти-

цы, бессловесной, беспомощной, не умеющей кричать, проклинать сбившего ее охотника, хранящей свое горе, тоску в душе, было воспарение в небеса.

Ürəyində qövr etdi *Прошлось по душе*
Onun bir arzu, bir söz *Ее одно желание, одно слово.*
O azad, göy səmaya *Она в свободное, синее небо*
Qərib-qərib tutdu üz *Отчужденно посмотрела*

Поэтесса слушает проходящие через ее душу горькие и сладкие воспоминания, жалобную тоску по свободе. Хочет, отойдя к роднику, промыть слабые крылья и оживить их. Обратившись к облакам, горизонту, просит помощи. Верит в заживление своей раны. Моющая свои крылья птица после долгого вытирания клюва о землю взлетает с того места, куда упала. М.Гюлгюн верит в то, что собравшись с силами, встанет на ноги и народ со сломленным крылом. Слышна песня улетающей птицы. В её голосе уже нет тоски, скорби.

Quş oxudu, nəğməsi *Птица спела, песнь ее*
Nəğmələrin başıydı *Всем песням песнь.*
Quş uçdu, çünki o da *Птица улетела, поскольку и она*
Azadlıq sirdaşıydı!.. *Свободы подруга!...*

Поэтесса верит, что настало время вновь подняться на борьбу за свободу. Наступило время. И темная темница, стены которой кровоточат, которая содержит в своих лапах патриотов, хочет жизни. Цепи признаются, что «мы устали». Человек создает цепи во имя труда, геройства. Невежи же пользуются им в других целях. Время разрушить построенные рядами виселицы. Связанный ржавыми цепями наш язык тоже призывает на помощь. Поэтесса от имени всех южных братьев и сестер поднимает голос справедливости. Наш народ не рожден для того, чтобы склонить головы перед чужаком. Его села, земли сжигаются, попирается его свобода. Не видел он ласки, с момента появления видел лишь кулак. М.Гюлгюн считает своим долгом призвать свой народ к пробуждению:

Ürəyi şan-şan olan, *Сердце все исцарапано*
Düşmənin süngüsünə *Штыками врага*
Sinəsi nişan olan *Чья грудь целью была*
O oğlanın, o qızın *У того парня, у той девушки.*
Bir də dərdli Arazın *А еще скорбного Аракса*
Arzusuyam, səsiyəm *Мечта, голос я,*
Azadlıq təşnəsiyəm *Свободы жажду.*

Это право передано нам с молоком матери, наставлениями отца. Свобода как некая панацея должна вернуться к нашему народу. Среди народов есть и наш народ, наш язык, наши обычаи, что является непререкаемой истиной. Враг не сможет отрицать это, если захочет, вынужден будет отрицать существование самого мира.

Andımı bayraq edən *Клятву мою флагом сделавший*
Yenə döyüşə gedən *Снова в бой идущий*
Bir xalqın haqq səsiyəm *Глас справедливости одного народа,*
Azadlıq təşnəsiyəm *Свободы я жажду,*
Azadlıq təşnəsiyəm *Свободы я жажду*...(1962)

Жаждущая свободы поэтесса с крайней степенью своего гнева говорит своему врагу «Не смотри на меня косо». Поэтесса-горемыка, опираясь на народную поговорку, высказывает мысль «горемыки бывают разговорчивы». Однако хотя и печалей у нее много, словами высказать их не может. Изливает свое горе на бумагу, с ней делится горем. Не может заснуть от тяжести скорби. Есть и возвышенная тоска: тоска по родине, тоска по свободе. Не может смеяться от души, и глаза, и мысль бодрствуют. В души есть возмущение, ураган. Подобна крылатой птице, к которой не приходит спокойствие:

Elim ağ günlərə həsrət qalandan,
O quş məndən ayrı, uzaqda gəzər.
Со времени, когда народ мой лишен радостных дней
Та птица ходит от меня вдали

В 1945 году во все уголки Родины пришла свобода. Однако эта свобода отобрала у 18-летних нежность, отцовскую заботу и материнское милосердие. Эта свобода пришла, унесла самую прекрасную весеннюю пору жизни, свежесть молодости. Родина, любовь к народу мобилизовала их и заставила их прожить не виданные ими разлуку, тоску, сердечную боль. М.Гюльгюн все это описала с чуткостью поэтессы в своей поэзии. Она в своем стихотворении под названием «Ваши 18 лет возвращаются назад» описала «твердую» сторону потерявшей свой ритм жизни, сделавшей в юные годы их солдатами, превратившую их в воинов с серой сумкой на плече и тяжелым оружием в руках.

В эпиграфе стихотворения поэтесса сделала отметку «Моим сестрам, участвовавшим в войне 1941-1945 гг.» [1, 32]. В этом художественном образце, написанном в 1976 году, становимся свидетелями того, как бывший воин, патриот М.Гюлгюн не забыла ужасы войны, и того, как тлеют ее раны. Это раны тех дней, которые даже 31 год спустя кровоточат, мучают. Тех дней, что пробудили юношей от иллюзий, которыми они жили, и бросили в пекло кровавых сражений. Ради годичной свободы они забыли и голубую синеву неба, и красоту алеющего рассвета. Сражавшаяся на фронте с мечтой о свободной Родине, свободном крае, М.Гюлгюн ходит из окопа в окоп, добавляет к своим 18 годам несколько лет в течение одного года, описывает несвоевременно прожитое преждевременно заматеревшими воинами – девушками и парнями, видя раненых молодых солдат, прощается со своими 18 годами. Поэтесса увидела в окопах, говорящих на последнем издыхании «выйдет в светлое будущее мир» сынов, братьев, отцов. За счет тех людей, в мгновение ока превратившихся в сказку, народ вкусил сладкий шербет годичной свободы.

Unuda bilmirəm ğtən günləri — Не могу забыть прошедшие дни
O illərdə qaldı on səkkiz yaşım — В тех годах остались мои восемнадцать…

На фронтах остались тысячи 18-летних. В глазах застыли слезы, а в жилах кровь. Взамен принес ставшую для десятилетий лекарством годичную свободу – «21 Азер» для захлебывающихся нас. Начавшийся и завершившийся перед глазами Мадины-ханум, тянущий к себе ее перо, говоря «пиши обо мне», и никогда не забываемый тот самый день свободы.

Мир нуждается в светлом дне. Для светлой жизни необходимо существование свободного, не имеющего никаких забот мира. Однако в стихотворении М.Гюлгюн

«Беспокойный мир» ведется речь о нарушении спокойствия. Сын человечий нуждается в светлом, без войн мире, цветы, луга, сады которого освещаются солнцем. Пока этот мир, на грудь которого давит гора, не выздоровеет, счастье относительно. С уст бывшего воина, ныне поэтессы и матери, не сходит слово «мир»

Sülh düşməyir bircə an da dilimdən	Мир не сходит ни на миг с уст моих
Bu tufanlar silinməyib yolundan	Эти ураганы не стерты с пути твоего.

Поэтесса, войдя в образ «дочери мира» просит мира для всего человечества. Поэтесса верит в будущее, где расцветут как цветы мечты желающих мира, свободы, интернационализма, уповающих на Аллаха и подобных селю на пути Справедливости людей. Многие хотят стать людьми мира. Но если не живешь в условиях нормальной жизни в своем маленьком мирке, в окружении своего народа, в тот большой мир дороги не найдешь. В маленьком мирке поэтессы есть свои желания: снова увидеть Тебриз, свободный край, свободная Родина и др.Если М.Гюлгюн, чья жизнь прошла в тоске, увидит Родину, пройдет сердечная боль, увеличится на еще одну мирская радость. Согласно поэтессе, даже обычная радость гражданина есть радость мира. Заработавшими на родных землях для себя проживание, радость, почетные дни являются людьми мира. По мнению М.Гюльгюн, говорить «миру мир, счастье» означает пожелать каждой хижине свет, радость, изобилия еды, смех. В произведении «Радость мира, горе мира» поэтесса пишет:

Dünyanın qoynunda bir ovuc dənəm	*Я щепотка корма в ладони мира*
Beş addım zəmiyəm, bağam, tarlayam	*Я 5 шагов нивы, сад, поле*
İstəmirəm dən-dən mən səpələnəm	*Не хочу рассыпаться по зернышку я*
Doğma torpaqdadır həyatım, dünyam	*Жизнь моя, мир мой в родной земле,*

Каждый гражданин является младенцем своей Родины. Куда бы ни шел, через какие горнила не проходил бы, всегда вернется к себе в край. Большой мир порождается маленьким мирком каждого. Когда каждый в силах быть гражданином своей страны, когда радость души в образе щепотки пшеницы может быть рассыпана на родную землю, радость мира увеличится еще на одну. Поэтесса-патриотка раскрывает душу миру, раскрывает объятия миру, всем желает то, что желает себе самой. Знающая и мир, и его печали поэтесса уподобляет себя кораблю, раскачивающемуся на груди мира, младенцу с доброй вестью на губах, воину Справедливости.

Dünyanın dərdləri doğmadır mənə	*Печали мира мне родные*
Dünyaya dərd olub mənim də dərdim	*И горе мое стало печалью для мира*
Əgər lazım gəlsə mən dönə-dönə	*Если надо будет, я за разом раз*
Dünyamız yolunda qurban gedərdim	*Ради мира нашего пожертвую собой*

Поэтесса, видевшая трудности жизни в борьбе за свободу Родины, трудную минуту Родины, принудительно спущенный флаг свободы, услышав отзвуки освободительной борьбы в 1961 году в Конго, откликнулась на их зов. Убийство Патриса Лумумбы и сокрытие могилы от родных тревожит ее душу. Отца убивают, младшего сына арестовывают и не выдержавшая этого поэтесса советует конголезской матери не терять надежды. Поэтесса надеется, что все раздавленные добьются справедливости. М.Гюлгюн, утверждающая, что наступило время не проливать невинную кровь, а смывать кровь на Земле, говорит о том, что на это потребуются моря и океаны. Имя героя не умирает, имя Лумумбы будет жить так же, как и наших

патриотов. В стихотворении «Голоса возмездия» высказывает свое отношение к освободительному движению в Конго:

Qırılan zəncirlər, uçan məhbəslər Разрывающиеся цепи, рушащиеся темницы
Sabahkı ağ günün rəmzidir, rəmzi! Завтрашнего светлого дня символы, символы!
İnildəyən səslər, ucalan səslər Стонущие голоса, возвышающиеся голоса
Döyüşdən döyüşə çağırır bizi От боя к боя нас зовут (1961)

Творчество М.Гюлгюн настроено на дух окопа, сражения, войны, мира, независимости, интернационализма. Поэтессу злят тоска, грусть, скорбь, что присутствуют наряду с очарованием в голосе арабской девушки Умми Гюльсум. Призывает ее спеть полную веры песню. Такую песню, чтобы на нее откликнулся Ефрат. Чтобы звук его дошел бы до запада и Востока. Написанное на основе этих мотивов стихотворение «Пой песню, полную надежд» посвящено правой войне арабов, их раненным святилищам, пирамидам, эксплуатируемым чужестранцами нефти, даже раненной музыке. Хотя сады, огороды, утра, вечера и принадлежат арабу, на его землях гарцуют чужаки. Поэтесса верит, что араб не даст еще раз сгореть в огне сотням и тысячам «Умми». Проклинающая кровавую войну, ранившую даже песню, поэтесса верит, что араб не может уйти от справедливой войны. Умми Гюлсюн поет, мир внимает. Поэтесса ее красивому, дрожащему, печальному голосу посвящает песню:

Salam sənin o sabahkı Привет твоему завтрашнему
Qalib çıxan səhərinə Побеждающему утру
Mahnı oxu, odlu mahnı Песню пой, зажигательную песню
Dalğa-dalğa, ləpə-ləpə Волна за волной, волна за волной
Hər kəlməni igidlərin Каждое слово храбрецам
Yollarına səpə-səpə На пути рассыпая…(1967)

Поэтесса в написанном в 1963 года стихотворении «Хочу единства» желает всему миру цветник со свежими цветами. Так, чтобы его преждевременно не заставили поблекнуть дующие ветры. Вечно текущий родник хочет, к тому же бьющий ключом. Хочет такой жизни, первым гостем которой была бы встреча. Хочет такой груди, где не было бы разлуки. Хочет такую песню, что всем песням была бы песня. У поэтессы была одна возвышенная мечта: «Вот бы все на Земле были друзьями, братьями».

Bir dünya istəyirəm Хочу мир такой
Qələm çəkim möhnətə Чтобы мог зачеркнуть трудности.
Sülh bayrağı bəxş edə Флаг мира подарив
Bütün bəşəriyyətə Всему человечеству.

При этом у поэтессы есть личные пожелания: добиться встречи с матерью и хочет жить, чтобы описать завтрашние радостные дни.

Выводы и перспектива. В феврале 1951 года в Варшаве было проведен некое собрание. Там собрались матери, женщины. Цель заключалась в возвышении правого голоса мира, свободы. Белые, черные, русские, негритянки, француженки, англичанки, эфиопки, турчанки, арабки, ученые, студенты и другие сидят рядом. На видном месте стоит флаг мира. Под воздействием всего этого М.Гюльгюн в своем об-

ширном стихотворении «Голос мира» откликается на их голос и выказывает пожелание о том, чтобы ничья Родина не была попрана.

Analar deyir ki, eşitsin hamı	Матери говорят, пусть слышат все,
Biz sülh istəyirik, sözümüz haqdır	Мы хотим мира, слово наше право…
Bu sülh bayrağının altında bir gün	Однажды под этим флагом мира
Bilin, bütün dünya toplaşacaqdır	Знайте, весь мир соберется.

Поэтесса показывает, что и ее мать, и все остальные матери стоят на страже мира.

Литература

1. Гюлгюн М. Избранные произведения / М.Гюлгюн. – Баку, 2004
2. Гюлгюн М. Тебризская весна / М.Гюлгюн. – Баку, 1950
3. Гюлгюн М. Дочь Тебриза / М.Гюлгюн. – Баку, 1956
4. Гюлгюн М. Да будет платан / М.Гюлгюн. – Баку, 1968
5. Гюлгюн М. Дни и воспоминания / М.Гюлгюн. – Баку, 1959

Алєскєрова С. І. Оспівування інтернаціоналізму та ідеї свободи у творчості Мадіни Гюльгюн / С. І. Алєскєрова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 431–436.

У статті досліджується творча спадщина Мадіни Гюлгюн – азербайджанської народної поетеси. У контексті історичних і культурних подій другої половини XX століття автором розглядаються вірші поетеси, визначаються їх основні мотиви та ідеї.

У роботі проаналізовані вірші, що відображають поетичну і економічну складність воєнного та післявоєнного часу, окремо виділяються вірші про Батьківщину. Автором визначено основні образи творчості поетеси, проаналізовано текст віршів, надано їх переклад на російську мову, виділені і систематизовані основні мотиви.

Автор доходить висновку, що здебільшого Мадіна Гюльгюн писала в жанрі патріотичної та громадянської лірики, гостро відчувала проблеми свого народу, допомагала йому у їх вирішенні, відновленні держави та вихованні гуманної та культурної людини.

Ключові слова: література, вірш, патріотична лірика, громадянська лірика.

Alasgarova S. I. The antheming of internationalism and the idea of freedom in oeuvre of Madina Gyulgyun / S. I. Alasgarova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 431–436.

This article examines the artistic legacy of Azerbaijani national poet Madina Gyulgyun. In the context of the historical and cultural events of the second half of twentieth century the author reviews the poems of poet and distinguish their main motivations and ideas. It is mentioned that as a humanist poet she traced through the struggle nations for freedom and independence, and in her works she expressed poetic solidarity and peace-loving relation to all the nations by poetic diction.

This work analyzes poems and poetry which reflect poetic and economic complexity of wartime and postwar period, especially the poems about liberation and prosperity of the Motherland. The author highlights the main motifs and images of poems, their text is analyzed, Russian translation is provided, the main motives are identified and classified.

The author comes to the conclusion that most of Madina Gyulgyun poetry is written in the genre of lyric poetry and patriotic poetry, she poignantly empathized the problems of her nation, and helped it in their decisions, restoring of state and humane, cultured human subject upbringing.

Key words: literature, poem, patriotic, civic poetry

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 437–443.

УДК – 398(=512.145):008

КЪЫРЫМТАТАР БАЛА ФОЛЬКЛОРЫНДА «ТЕКЕРЛЕМЕ» ЖАНРЫНЫНЪ ТАСНИФИНЕ ДАИР

Кокиева А.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
E-mail: kokiyeva@ro.ru

«Къырымтатар бала фольклорында «Текерлеме» жанрынынъ таснифине даир» **меселенинъ муимлиги** къыркъ сене девамында топланылгъан бала оюнларында къулланылгъан текерлемелернинъ таснифинен багълыдыр. Тедкъикъат алынып барылгъанда, сес ве сёз оюныны анъдыргъан ве базы да белли бир мана анълаткъан ве анълатмагъан *«Ампул-умпул, чыкъ да къуртул». «Укум-букум, джарым-барым, пыкъ», «Яздан, буздан, бир авуч туздан, леппей чувал, чыкъ»* киби метин парчаларнынъ козьге чалынгъаны, оларнынъ анги бир жанргъа менсюплигини тайинлемек зарурietини пейда этти. Дж. Бекиров тарафындан тертип этильген «Къырымтатар халкъ агъыз яратыджылыгъы хрестоматиясы»нда «Балалар фольклорындан нумюнелер» [12, 183-191], «Къырымтатар бала эдебиятынынъ хрестоматиясы»нда «Бала фольклорындан нумюнелер» [13, 6-19]. деп адландырылгъан къысымларда бунъа бенъзер метинлер сечильди. Керим Джаманакълынынъ дженктен сонъ [14, 26-27]. ве дженктен эвель (1934-35) сенелелери дердж олунгъан бир сыра [6], [7], [8], [9]. макъалелери огренильгенде, «тапышмакъ», «джумакъ», «масаллардан эвель башлангъан масал башланувлары» [9, 31-36], «масал текерлемелери» [10, 24]. киби терминлернинъ анъылувына, масал текерлемеси акъкъында умумий малюмат берильгенине дикъкъат айырылды. Тюркий халкъларнынъ фольклорында «текерлеме» анълайышы ве такъдим олунгъан таснифлер огренильди, архивимизге мевджют фольклор нумюнелери бир тертипке кетирильди. Къырымтатар **бала** оюнларында къулланылгъан «текерлеме»лернинъ таснифи ве талили къырымтатар бала фольклорында даа терен огренильмегени себебинден, мевзумызнынъ ильмий теткъикъатта муимлиги къайд этильди ве аппробатив бир талиль олгъаны тайинленди.

Мевзунынъ сонъки теткъикъатларда талиль олунувы. Къырымтатар **бала** фольклорында «текерлеме» анълайышы ве онынъ тасниф олунувы аля даа кениш огренильмеди. Лякин «масалллардан эвель башлангъан масал башланувы» [9], «масал текерлемеси» [10], [14, 26-27]. Керим Джаманакълынынъ макъалелеринде анъылгъаны ве умумий бир малюмат берильгени беллидир. Дигер халкъларнынъ фольклорында «текерлеме» анълайышы ве таснифинен багълы Nurettin Albayrak [1], Boratav Pertev Naili [2], Gökşen Enver Naci [3], Göktaş Gülşan [4], Duymaz Ali [5]. киби турк алимлернинъ ильмий ишлерини къайд этмек ерлидир.

Тедкъикъатымызнынъ эсас макъсады – архивимизде олгъан 300 бала оюн текерлемелери эсасында бала оюнларында, бала фольклорынынъ чешит жанрлары ичерисинде айры бир жанр шеклинде текерлемелернинъ къулланылгъаныны айдынлатмакътан ве таснифини япмакътан ибареттир. Алып баргъан

теткъикъатымыз къырымтатар эдебияты кафедрасында фольклор саасында тайинленген мевзунен сыкъ багълыдыр.

Турк алими Kaya Doğan бала фольклорында **«текерлеме»**нинъ азербайджан бала фольклорында – **санама;** Добруджа татарларынынъ масалларында – ***текерлеме***; гагаузларда – ***текерлеме, сайылмакъ, бадашмакъ;*** *к*ъазахларда – ***текерлеме, олен (***айванлар акъкъындаки текерлемелер); къыргъызларда – ***джанъылмач***, Къырбрыс ве Македония тюрклеринде – ***текерлеме***, озьбеклерде – ***бола кўшиклари***, ***санаш, санамок;*** туркменлерде – ***санавач*** деп, адландырылгъаныны къайд эте [11, 546].

Гагаузларда расткельген ***бадашмакъ*** варианты ускутлилерде **«бадашма»** деп къулланылгъаныны Ускютли Гульсум Дандюрюк ве Музаффар Дандюрюк къартана ве къарбаба ***текерлеме*** нумюнелерини ***бадашма*** деп яздырткъан эдилер.

Türk Ansiklopedisiнинъ «Текерлеме» маддесинде, текерлеменинъ бир чешит сёз джанбазлыгъы, хаял оюны, озюне хас къафие, аллитерация хусусиетлеринен аэнк ве семантик чизгилер пейда эткени, бири-бирине уймагъан хаял ве тюшюнджелернинъ арды-сыра тизилюви нетиджесинде мейдангъа кельгени къайд этиле [17, 37].

Тюрк алимлерининъ тедкъикъатларында «***текерлеме»*** сёзюнинъ асыл манасы чешит-чешит такъдим этильгенини анъып кечмек лязим.

Ahmet Talat Onay текерлеме келимесининъ «тек – тек», «текер-текер» сёзлеринден алынгъаныны ве, бунынъ тыпкъы араба текерлеринининъ ювarланмасы киби, бири-бирининъ артындан сёйленмесини, халкъ шаирлери арасында «текеллюм», халкъ агъыз иджадында исе «текерлеме» оларакъ кечкенини ифаде эте [16, 92- 93].

Pertev Naili Boratav текерлеменинъ тайинленмесининъ олдукъча кучь олгъаныны ве тюркю, ашыкъ шиири, масал, оюнлар ойнагъанда, айтылгъанда биле озюне хас бир хусусиетилеринен айырылгъаныны къайд эте [2, 165-166].

Nurettin Albayrak келиме оюнлары вастасынен мисранынъ сонъунда бир чокъ сес текрарлары иле къафие уйдурылгъан, амма белли бир анълайыш ифаде этмеген бир такъым сыралангъан сёзлернинъ (текерлеменинъ) мейдангъа кельгенини къайд эте [1, 67].

Затен бала оюнларында айтылгъан оюн текерлемелерининъ баланынъ рухий дюньясына тесир этерек, яшайышкъа мунасебетини шекиллендиргени тааджипли бир эснас олгъаны шубесиздир. Бала озю ве аркъадашыны къайгъырыр, истенильмеген роллерни къабул этмез, ойнамагъа истеген такъымны сайламагъа огренир. Оюннынъ башында лидерни сайлав да, эсасен текерлемени айткъан баланынъ даа да меракълы, даа да кулюнчли текерлеме уйдурмасынен багълыдыр. Яни озю текерлеме уйдурмагъа огренген бала лидер (эбе) сайланыр. Эбе (оюнны башлагъан алып барыджы) саювлар айтып, топлашкъан балалар арасындан озюне дост, эш сече. Бу вакъыт о, тезайтув текерлемелерини айтып, пармагъынен достларыны сайып башлай. Бунъа (бадашма) яни сайламакъ дейлер.Балалар озь арасы бадашалар, яни бири-бирини сайлайлар. Текерлеме кимге кельгенде битсе, о бала эбеге (лидерге) дост, эш ола. Бадашма насыл шекильде откерильгенини М.С.Мурахас къайд эте [15, 15]. Айтылгъан текерлемелернинъ къыскъа, девамлы

айтылгъан чешитлери бардыр. Оюн башланмаздан эвель, эбени сайлагъанда, сайлама, бадашма текерлемелери айтылыр, тек бадашмадан сонъра оюн башланыр экен.

Бала оюнларында айтылгъан оюн текерлемелерининъ айтылгъан вакъты, балалар тарафындан япылгъан арекетлер ве мундериджесине коре: I.Оюн башланмаздан эвель; II. Оюн эснасында; III.Оюннынъ сонъунда айтылгъан текерлемелер киби учь къысымгъа такъсимленильди.

I. Оюн башланмаздан эвель айтылгъан текерлемелернинъ Къырымнынъ анги бир кошесинде айтылгъанына коре**: ч*ёль тарафта* –** сайлама, дост сайлама, сайым(сайма) текерлемелери; **я*лы боюнда*** бадашма, эш-дост сечюв, саюв текерлемелери киби учь чешити сечильди.

а). Сайлама текерлемелери айтылып башлыкъ- оюнны алып баргъан бала сайлана**; б). Бадашма текерлемелери** айтылып оюнны алып баргъан лидер (эбе сечиле). Бу сой текерлемелернинъ мундериджеси чешиттир. Сачма-сапан сёзлер арасында айтылгъан фикирлернинъ макъсады – оюнгъа давет текерлеменинъ сонъунда анълашыла. «Ыргъакъны къарычламакъ», «ыргъагъы тохмахламах» киби арекетлер алтында сайлама, бадашма текерлемелери сёйленилип, эбе сайланыла, балалар эки гурухкъа (группагъа) болюнелер.Элимизде олгъан бу чешит текерлемелернинъ шиве элеметлерине эсасланып, яни Къырымнынъ айны бир кошесинде айтылгъанына бакъып, чёль тарафта айтылгъан ***сайлама текерлемери,*** ялы боюнда *айтылгъан* ***бадашма текерлемелери***ни айырдыкъ.

Бадашма текерлемесинден (девамлы айтылгъан чешитинден) бир мисаль кетирейик: **Эбе**леме, девелеме, деве хушу хувалама, амба-умба, тутту бени хызма, вардым Ускют маллесине, селям сёйлеп анесине, бадашаджах ким оладжах?Бадашмайы ким аладжах?Топ гельди, топ атылды.Сыдых топчыхнен урулду, оюна темель хурулду.

Эки бала арасында (чёль тарафта) айтылгъан **сайлама текерлемесинден** мисаль:Къартбабай, къартбабай, Къайдан келесиз?- Абалай, абалай.Джамиден келемен. – Козюнъиз нищюн яш?- Денъизден оттим. – Сачынъыз не ап-акъ?- Дегирменден сора. – Аякълар не джалпакъ?- Джолдан сора.-Щёльде джурьген не? – Къойын. А демей башлайыкъ ойын;

2. Дост сайлама, эш-дост сечюв текерлемелери. Къырымнынъ чёль тарафында ве ялы боюнда айтылгъан текерелемелерден мисаллер:

Менмен болгъан – магъа кельсин, сенмен болгъан – сагъа кетсин; Бендень олан – бана гильсинь.сеньдень олан-сана гитьсинь;Ав, ав авлама, билине хушакъ агълама, тазе, тюзе, сен гиль бизе.

3. Сайым (сайма), саюв текерлемелери .Къырымнынъ чёль тарафында ве ялы боюнда) текерелемелеринден мисаллер**:**

-Ким къычырды?- Филь къычырды.-Къайда къачты?- Ормангъа къачты.

-Ойнамагъа къапу ачты;Алтмыш-етмиш дагъа китмиш.Гелип кое оюн итмиш;- Ерде не вар?- Бинъ бахла. – Бинъ, эки бинъ, учь бинъ. – Орманда не вар?- Бинъ ахлап. – Бинъ, эки бинъ, учь бинъ. Юрсинъми агълап, Кель, ойнайых гозь багълап.

II. Оюн эснасында айтылгъан текерлемелернинъ:1.Тезайтым, тезайтув текерлемелери; 2.Тапмаджа текерлемелери; 3. Мыскъыллама, эриштирюв текерлемелери киби учь чешитини айырдыкъ;

1. Тезайтым, тезайтув текерлемелери– Къырымнынъ чёль тарафында ве ялы боюнда да айтылгъаны бельгилене. Олар текерлемелери оюн текерлемелеринынъ сёз джанбазлыгъыны нумайыш эткен бир чешитидир. Шиирий ве несир шеклинде тизильген бу текерлемелер анълашылгъан ве анълашылмагъан мана берелер. Телляфуз этильмеси къыйын олгъан бу текерлемелернинъ сёзлери бир нефеснен, сурьатле айтылыр. Айткъан инсанны, айтып оламаса – кулюнчли алгъа, гузель айтса – тааджипке къалдырыр. Анълашылмагъан ве фаркъына барылмагъан сёзчиклер динълегенлернинъ ошуна кетер ве кульмеге ёл ачар. Сёйленильген шейлернинъ манасызлыгъы, маналы олгъаны динълейиджилерни эглендирир. Тезайтым, тезайтув текерлемелернинъ эсас хусусиети артикуляциядыр. Яни богъаздан чыкъкъан сесни догъру бир бичимде сёйлемек – сёз джанбазлыгъыны арттырыр. Тезайтув текерлемелери затен дикция ве фонетик услюбиетни кямиллештирмек ичюн де къулланылыр. Балаларнынъ нуткъ телляфузыны инкишаф этмек ве арттырмакъ макъсадынен де ишлетиле билир.

Къырымнынъ чёль тарафында ве ялы боюнда айтылгъан **тезайтым, тезайтув текерлемелери**нден мисаллер:Чаталджада чатал чобан япар, сатар чатал сабан, ничюн япар, ничюн сатар чаталджада чатал чобан япар сатар чатал сабан; Джаз джарыкъта джабувым джабыныб джаткъанда, джол къатында джылан джумранны джалмаб джутыб джиберди.

Бу шорбаны нанелемели емелими, я да нанелемемели емелими? Къартал къалкъар – дал саркъар, дал саркъар – къартал къалкъар.

2.Тапмаджа текерлемелери бала зеининиинъ отькюрлигини сынамакъ ичюн хызмет этелер. Шу себептен балалар оюн ойнагъанда, бири-биринынъ бильгисини сынамакъ ичюн, тапмаджа текерлемелери къулланалар. Базыда тапмаджа текерлемелерини озьлери уйдуралар.

Кищнещик щай ташы, ищинде бийлер ашы.Пышырсенъ – сагъа аш болур, Пиширмесенъ – къуш болур. (Бодене джымыртасы)

Оймачыкъ, инджечик, ичи толу инджичик. Асты мермер, устю мермер.

Ортасындан бульбуль энер. (Агъыз, тиш, тиль)

3. Мыскъыллама, эриштирюв, текерлемелери.

Барыш, Барыш-бою бир къарыш.Бар да, акъыргъа щёпле арыш;

Шукрий, Шукрий, бабанъ къоян кетирий, ананъ ашап питирий.

III.Оюннынъ сонъунда айтылгъан текерлемелер. Оюннынъ сонъунда айтылгъан текерлемелерни эки чешитке айырдыкъ: 1.Оюннынъ сонъунда, дагъылышмаздан эвель айтылгъан текерлемелер; 2. Оюннынъ сонъунда, дагъылышкъанда айтылгъан текерлемелер.

1. Оюннынъ сонъунда, дагъылышмаздан эвель (Къырымнынъ чёль

тарафында ве ялы боюнда) айтылгъан текерелемелерден мисаллер: *Аягъымнынъ астында давул, уйине кетмеген сычавул;Аягъымын алты чамур, эвине гитмеен явур;Тюркю-муркю, дедемин эски курькю, бир чектим – йыртылды, анем де тикмеден хуртулду.*

2. Оюннынъ сонъунда, дагъылышкъанда (Къырымнынъ чёль тарафында ве ялы боюнда) айтылгъан текерелемелерден мисаллер:

- Бу не?- Хаммам, оюн битти, тамам; Аягъынъа не болды?-Авура. – Ойнагъан, уйине дагъыла; Джеттим джюгенли боз ат, уйинъе кетип, джымырта къызарт; Чап уйинъе такъыр-тукъыр, душманларынъ къазмаз чукъур.

Бойледже, омюрнинъ темелинде олгъан уйгъунлыкъ къануныны ачыкъ айдын тасвирлеген текерлемелерни бала огренгенде, башланувнынъ сонъу ве белли бир себепнинъ нетиджеси олгъаныны анълай, лакъырды къабилиетини юксельте биле. Сеслер уйгъунлыгъы – аллитерация усулынен къуветлендирильген ве ассоциатив шекильде тизильген текерлемелер бильги ве саньат дюньясына далмакъ ичюн, балаларгъа земин азырлай биле. Бир кучюк парчачыкътан буюк парча кешф этиле бильгенини коре, биле ве ис эте. Омюр акъкъындаки бильгини текерлеме вастасынен менимсей.

Нетидже. Бойледже, къырымтатар фольклоры ве бала фольклорында мевджют олгъан текерлемелернинъ чешитлери сечильди. Бала оюнларында ишлетильген текерлемелернинъ инджеликлери анълатылды ве мисаллернен исбатланды. Текерлемелернинъ балаларнынъ рухий дюньясына олгъан психологик тесирлери анълатылды. Къырымтатар фольклоры ве бала фольклорында текерлемелернинъ таснифи такъдим этилип, олар акъкъында белли бир малюматлар берильди.

Тедкъикъатнынъ келеджеги. Текерлемелернинъ тасниф олунувы къырымтатар фольклоры саасында япылгъан теткъикъатларны кенишлетир. Шимдики заманда тилимизни сакълап къалув огърунда алып баргъан ишлеримизге къавий темель азырлар. Бала багъчаларына къатнагъан, миллий мектеп ве алий окъув юртларында окъугъан талебелернинъ бу саадаки бильгисини арттырып, пекитмеге мейдан яратыр.

Чешит яштаки балаларгъа ренкли китапчыкълар нешир этип, эки-учь яшындаки балаларгъа эзберлемеге, огретсек, (чюнки бу яшта оларнынъ къолай эзберлемек къабилиети бардыр) илериде пейда оладжакъ иджадий къазанчларгъа мейдан азырлай билирмиз. Осеяткъан несиль къолай ве сербест лакъырды этмеге огренир.Тилимизнинъ аэнки, сесини севмеге огренип, олардан зевкъ алмагъа алышырлар. Къафие, везин, аллитерация, келиме текрарларыны эзберлемек усуллары киби бильгилерге саип олурлар. Диалог шеклинде тизильген текерлемелерден арекет этмеге, джошмагъа, кульмеге, тааджипленмеге огренирлер. Шииреет, несирджилик ве драматик эсерлернинъ къурулыш дюньясына адым атмагъа кечит копюр азырланыр. Текерлемелер зеин, анъ, тиль ве белягъат усталыгъынынъ шекилленмеси ве осьмесине хызмет этер.

Эдебият

1. Albayrak Nurettin. Folklorumuz ve Erzincan. Tekerleme / Nurettin. Albayrak. – Erzincan, Erdav Kitabevi. Anabritannika Genel Kültür Ansiklopedisi. – Istanbul. – 1986. – C.20. – 37s.
2. Boratav Pertev Naili. Tekerleme Tarih Vakfi Yayınları / Pertev Naili Boratav. – Istanbul. 2000. – 165-166 s.
3. Gökşen Enver Naci. Tekerlemeler". Türk Dili Dergisi / Enver Naci Gökşen. – Istanbul. – 1956. – S.54. – 367 – 371 s.
4. Göktaş Gülşan. «Oyun Tekerlemelerinin Araştırılması ve İncelenmesi, Muğla Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü / Gülşan Göktaş. – Muğla. – 2006 s.– 292s.
5. Duymaz Ali. İrfanı Arzulayan Sözler. Tekerlemeler / Ali Duymaz. – Ankara. – 2002. – s.9.
6. Джаманакълы К. Фольклорымыз / Керим Джаманакълы. – / Енъи
7. дюнья. – 1934. – Сентябрь 18.

8. Джаманакълы К. Фольклорны огренемиз / Керим Джаманакълы. / Енъи дюнья. – 1934. – ноябрь 12.
9. Джаманакълы К. Къырымтатар фольклорыны топлав хакъкъында / Керим Джаманакълы / Енъи дюнья. – 1935. – март 11.
10. Джаманакълы К. Къырымтатар фольклорыны топлав хакъкъында. / Керим Джаманакълы / / Эмель. – 1935. – № 6. – С.31–36
11. Джаманакълы К. Масал текерлемелери хакъкъында / Керим Джаманакълы / / Большевик ёлу. – 1935. – №3. – С.24.
12. Kaya Doğan. Anonim Halk Şiiri / Doğan Kaya. Aksağ Yayınları. – Ankara. – 1999s. – 546s.
13. Къырымтатар бала эдебиятынынъ хрестоматиясы. Тертип этиджи Дж.Бекиров. 2-инджи гъайрыдан ишленильген нешир. Симферополь: КъДжИ «Къырымокъувпеднешир» нешрияты» – 2008. – 336с. – ISBN 978-966-354-213-3
14. Къырымтатар халкъ агъыз яратыджылыгъы. Хрестоматия.Тертип эткен Дж.Бекиров. – Ташкент. – Укитувчи, 1991-248с. – ISBN5-645-00722-0
15. Къырымтатар халкъ масаллары. К.Джаманакълы, А.Усеин тертип эткенлер.К. Джманакълы / Джманакълы Керим. Къырымтатар масаллары. – С.8-31. – Симферополь: КъДжИ «Къырымокъувпеднешир» нешрияты» – 2008. – 384с. – ISBN 978-966-354-200-3.
16. Мурахас М.С. Ускют коюнынъ бала оюнлары / Момине Мурахас / / Ана тили оджаларына. – №7 (7) – 2012. – С.14-16.
17. Onay Ahmet Talat. Türk Halq Şiirlerinin Şekil ve Nevi / Ahmet Tãlãt Onay. – Ankara. – 1996 – S.92- 93.
18. Türk Ansiklopedisi. Tekerleme Maddesi. (Haz.Hasan Özdemir). – Ankara. – 1982s. – C.31. – 31s.

Кокиева А. К вопросу о классификации жанра «текерлеме» в крымскотатарском детском фольклоре / А. Кокиева // Ученые записки Таврического национального университета имени В. І. Вернадського. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 437–443.

Актуальность темы исследования данной работы обусловлена тем, что впервые в крымскотатарском детском фольклоре рассматривается вид «текерлеме», использующийся во всех малых жанрах детского фольклора. На протяжении XIX–XX столетия происходило последовательное вытеснение народных традиций на периферию культурного пространства, замещение их массовой культурой. Происходило нивелирование духовной и социальной культуры, вызванная политическими процессами, с другой – наблюдалось стремление сохранить свое «Я» на уровне определенного этноса – этническую самоидентификацию. Активный поиск «национальных корней» оставался значимым. Текерлемелер представляют собой специфическую область народного творчества, объединяющую мир взрослых и мир детей, включающую целую систему поэтических и музыкально-поэтических жанров детского фольклора. Во многих текерлеме воспроизводятся время и события, давно потерянные памятью народа. Использующийся во всех жанрах детского фольклора текерлеме помогает историкам, этнографам лучше понять жизнь, быт, культуру наших предков.

Ключевые слова: крымскотатарский фольклор, текерлеме, классификация.

Кокиєва А. // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 437–443.

Актуальність теми дослідження: «К вопросу о классификації жанра кримськотатарського дитячого фольклору "текерлеме" полягає в тому, що в перший раз у кримських татар дитячого фольклору вважається "текерлеме" використовується у всіх жанрах невеликий дитячого фольклору. Протягом 19-го століття: XX століття була послідовною витіснення народних традицій до периферії культурного простору, заміна масової культури. Був введений до духовного та соціальної культури, підживлюється політичних процесів, з іншого боку, було бажання зберегти його "я" на рівні за певних етнічною визначеністю етнічної групи. Активний пошук "Національна коріння" залишалася значною. Текерлемелер є певним полем народної творчості, поєднуючи дорослих світі і світі дітей, який включає в себе всю систему поетичні та музично поетичної жанрів дитячого фольклору. У багатьох текерлеме відтворені час і події, давно втратив пам'ять народу. Цей тип, який використовується у всіх жанрах дитячого фольклору краєзнавців, істориків, допомагає краще зрозуміти життя та культури на-

ших предків. Багато хто жартувати з дітьми в комічних є імітація текерлеме чат для дорослих "означає підготовка дітей до життя. Вони є відображенням промислової та економічної діяльності, національних і психологічні особливості, суспільного життя і менталітет людей. 40 річний досвід збору зразків дитячого фольклору в період депортації і повертання предків на батьківщину дає змогу вивчити та класифікувати жанрів дитячого фольклору є найбільш чітко і ясно. Відродження та передачі цих знань в дітей носіїв етнічної свідомості в глобалізація є надзвичайно актуальним.

Ключові слова: кримськотатарський фольклор, текерлеме, классификація.

Kokiyeva A. // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 437–443.

The significance of the research's topic «The classification of genre "Tekerleme" in Crimean Tatar children folk» is about the fact that for the first time in the Crimean Tatar children folk the "tekerleme" genre is studied. The "tekerleme" is used in the all small genres of children's folk. During XIX-XX, the process of graduated exclusion of national traditions on the periphery of cultural space, at the same time replacing them with mass culture took place.

On one hand, the leveling of spiritual and social life due to political processes occurred. On the other hand, people of each ethnos were trying to save own self-identification. The active search of "national roots" remained important.

From the beginning of 1970-ies, students of Tashkent pedagogical Nizami institute began seriously work on collecting and studying children's folk. Nowadays this work is continuing, but already on the Crimean Tatars' ancestral motherland.

Tekerlemeler are samples of specific area of nation works which unites the adults' and children's world; moreover, it includes a system of poetic and musical-poetic genres of children's folklore.

This type, is used in all genres of children's folklore and helps historians, ethnographers better understand life and culture of our ancestors. Many fun games played in tekerleme are "comic imitation of a serious adults' life, " they are means of preparing children for adulthood. Additionally, they are reflection of production and economic activity, national and psychological traits, social life and mentality of the people.

40 years of experience collecting samples of children's folklore during the deportation and return of Crimean Tatars to the ancestral homeland enable most accurately and clearly examine and classify the genre of children's folklore. This helps to clarify the most used form of " tekerleme " in all genres of children's folklore : beshik yyrlary, aldatma, seylenme, kandyrma, erishtirme, tezaytuv etc. which are inherented in the national culture . In this unexplored layer of children's folklore is fundamentally focused national culture: ethnolinguistics, childhood ethnopsychology. Therefore, this is one of the ways of the younger generation's self-identification process in a multicultural environment. Revival and the transfer of this knowledge to children, who are carriers of ethnic consciousness, in the context of globalization is extremely important.

Key words: Crimean tatars folklore, тekerleme, classification.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 444–448.

ДЖЫНГЪЫЗ ДАГЪДЖЫНЫНЪ «КЪОРКЪУНЧ ЙЫЛЛАР» РОМАНЫНДА ДЕВИРНИНЪ АКСИ

Куртумеров Э. Э.

Таврический национальный университет имнеи В.И. Вернадского
enverkurtumer@mail.ru

Бедиий эсерде тасвирленген тарихий вакъиаларнынъ эсас вазифеси окъуйыджыны о девирде олып кечкен сиясий, ичтимаий, икътисадий ве медений вакъиаларнен таныш этмектен ибареттир. Бу исе озь невбетинде окъуйыджыгъа эсердеки образларны терендже анълямагъа ярдым эте. Советлер девринде яратылгъан ве советлер деврини айдынлаткъан бедиий эсерлернен таныш олур экенмиз, андаки тарихий вакъиаларнынъ бир тарафлама тасвирленгенининъ шааты оламыз. Мисаль оларакъ Эшреф Шемьи-заденинъ 1931 сенеси язгъан «Днепрельстан» поэмасыны алайыкъ. Бу поэма Советлер мемлекетининъ 30-ынджы сенелериндеки энъ буюк къурулышларындан бири олгъан ДнепроГЭС къуруджылыгъына багъышлангъандыр. Поэмада ДнепроГЭС къуруджылыгъында чалышкъан комсомолларнынъ федакярлыгъы тасвирлене. Амма ДнепроГЭС къуруджылыгъында иштирак эткен бинълернен сиясий мабусларнынъ агъыр вазиети акъкъында ич бир тюрлю шей язылмай. Язмакъ да мумкюн дегиль эди. Чюнки советлер девринде яратылгъан эсерлернинъ коммунист партиясынынъ сымарышлары ве корьгезмелери эсасында язылгъаны эр кеске белли.

Эшреф Шемьи-заде шойле бир вакъианы хатырлай:

«Днепрельстан» поэмамны язып битирген сонъ, озюмдже Мамут агъагъа макътанмакъ ичюн онынъ эвине сюрип бардым (Мамут Недим о вакъытта Москвада СССР халкълары меркезий нешриятынынъ баш муаррири вазифесинде чалыша эди). Сеер апте (М. Недимнинъ омюр аркъадашы) мени къаршылар экен, шойле деди: «Эшреф, хайыр ола, пек шенъсинъ». «Сеер тата, поэмамны язып битирдим. Окъугъан аркъадашлар макътайлар». – дедим. Шу вакъыт одагъа кирген Мамут агъа, чырайыны сытып: «Чокъ бурун котерме. Днепр ГЭСинде олдынъмы? Оны кимлер къураяткъаныны корьдинъми?». – деп мени лакъырдыгъа тутты. «Мамут агъа, не айтасынъыз шу? Манъа инанмайсынъызмы? Къуруджыларнынъ гъайретлерини корип, джоштым». «Шай десе?! Булунгъансынъ, амма кимлер чалышкъаныны сечмегенсинъ. Шиирий усталыгъынъа сёзюм ёкъ. Лякин омюрни даа терен огренсенъ зарары олмаз» [2, 134]. Иште, Мамут Недим озь девринде поэмагъа шойле къыймет кескен эди. Бу ерде шуны къайд этмек лязим. Эшреф Шемьи-заде Мамут Недим айткъаны киби омюрни не къадар терен огренген олса биле, ДнепроГЭС къуруджылыгъынынъ «демир перде»си артында гизленген вакъиалар акъкъында язмасы мумкюн дегиль эди [2, 134].

Иджретте яшагъан языджымыз Джынгъыз Дагъджынынъ «Къоркъунч йыллар» романында тавирленген вакъиалар ХХ асырнынъ 30 – 40-ынджы сенелери Къырымда олып кече. Романнен таныш олур экенмиз, онынъ къырымтатар совет эдебияты векиллерининъ эсерлеринден буюк фаркъ эткенини коремиз. Бу фаркъ, юкъарыда

айтып кечкенимиз киби, кечкен асырнынъ 30–40-ынджы сенелери Къырымда халкъымызнынъ эм сиясий, эм ичтимаий, эм икътисадий ве эм де медений аятында олып кечкен вакъиаларнынъ акъикъатлар эсасында тасвирленювидир.

Бу тарихий акъикъатлар узеринде къыскъадан токъталайыкъ.

Советлер девринынъ 30-ынджы сенелери чешит табакъадаки инсанларнынъ репрессиягъа огъратылгъан девир оларакъ тарихкъа кирди. Советлер девирининъ энъ «къоркъунч йыллары»…Иште, языджы бу себептен озь романыны «Къоркъунч йыллар» деп адландырды. Бу девирде инсанлар тек сиясий тюшюнджелерине, ичтимаий вазиетине коре дегиль, ич бир къабаты олмаса биле репрессия этиле эди. Романнынъ баш къараманы Садыкъ Тураннынъ бабасы да ич бир къабаты олмадан апысханеге ташлана. Анълашылгъанына коре, шимди колхозгъа аит олгъан, эвельде Туранларнынъ багъы сайылгъан юзюм багъы янындан кечер экен, бир авуч топракъ алып юзюне сюртерек агъламасы, онынъ апысханеге ташланмасына себеп олгъан эди.

30-ынджы сенелерининъ къоркъунчлы вакъиаларындан кене бириси динге къаршы курешнинъ башланмасы эди. Совет укюмети озюнинъ ильк куньлеринден итибарен динге къаршы куреш алып баргъаны эр кеске белли. Амма 30-ынджы сенелерде бу куреш озюнинъ энъ юксек нокътасына ириште. Джамилер къапатылды, дин адамлары апысханелерге ташланды, сюргюн этильди. Къапатылгъан джамилер мектеп, китапхане, клуб, амбар киби макъсатларда къулланылды. Къырымда мусульман бир халкъ яшагъаныны косьтерген минарелерни исе йыкътылар. Романда бунынънен багълы вакъиалар шойле тасвирлене:

«– Акъмесджит минарелеринде ильк дефа инсан корем. – дедим. Койлерде аля эзан окъула, амма Акъмесджитте…

Сёзюмни битирмеден Сулейман къалын сесинен:

– Къоркъма. Олар минареге эзан окъумакъ ичюн чыкъмадылар…, – деди.

– Я не ичюн?

– Джамини йыкъаджакълар…

«Йыкъаджакълар» сёзю, къальбимге пычакъ киби сапланды. Бутюн вуджудым титрей эди…

– Айды шу…Ич джами йыкъылырмы?

– Йыкъылыр. Бу саба мен мектепке келир экен, олар минареге зынджыр багълай эдилер. Джамининъ азбарында бир трактор да тура эди.

– Кимлер зынджыр багълай эди?

– Руслар…

Сулейман эп джамиге бакъа эди. Мен, не ичюн бильмейим, 1932 сененинъ къышында эвимизнинъ огюнден кечкен мабусларны коре ве бабамынъ машинадан «Дуа эт, дуа эт!» дегенини дуйгъан киби ола эдим. Янымда Сулейманнынъ къычырмасы мени тюшюнджелеримден уяндырды:

– Бакъ, Садыкъ! Минаре девириле!…

Бакътым. Минаре шойле бир салланды. Мени яшаткъан бир шей эди бу саллангъан минаре…Бир даа бакътым. Токъал джамининъ минареси козюмден гъайып олды…» [1, 24].

Халкъымыз коммунистлернинъ динге къаршы алып баргъан курешнинъ энъ агъыр вакъытларында биле рухтан тюшмеди. Къартана-къартбабаларымызнынъ айткъанларына коре олар о къоркъунчлы йылларда биле геджелери пенджерелерини къапаткъан алда намазларыны къылгъанлар, оразаларыны туткъанлар, къуранларыны окъугъанлар. Халкъымыз арасында не дереджеде метанетли, къавий иманлы инсанлар олгъаныны романдаки шу эпизод исбатлай. Джами харабелери янындан кечер экенлер, бабасы Садыкъкъа:

«– Бакъ. – дер эди. Эйи бакъ бу йыкъынтыларгъа…

Сонъра манъа къувет бере эди:

– Биз буларгъа бакъып къоркъмамакъ керекмиз. Душманларымыз къоркъсун. Эм де насыл къоркъалар. Къоркъкъанларындан бизге бу зулумларны япалар. Къоркъмасалар япмаз эдилер. Юз элли йылдыр бизни ёкъ этмек ичюн огърашалар. Юз элли йыл! Иште, бу юрта бир авуч татар къалдыкъ. Бизни бус-бутюн ёкъ этмегендже юреклери раат олмайджакъ. Биз махв олгъандан сонъра биле, бу сефер рухумызнынъ къаршысында титрейджеклер. Эйи бакъ бу йыкъынтыларгъа!...Сен менim эвлядым олмакънен берабер, бу топракънынъ, бу йыкъынтыларнынъ бир парчасысынъ…Сени бу топракъ догъурды, бу топракъ беследи. Биль ки, ялынъыз дегильсинъ!...» [1, 26].

1940 сенеси халкъымызнынъ ичтимаий ве медений аятында даа бир вакъиа олып кече. Латин графикасындан кирилл графикасына кечюв акъкъында къарар алына. Бойле къарарны халкъымыз насыл къабул этти экен. Романда бу вакъиалар Бекирнинъ ордугъа, агъасына язгъан мектюби васытасынен шойле анълатыла:

«…Пакетнинъ ичинде санъа эки газета ёллайым. Бири «Комсомолец», дигери «Къызыл Къырым». Сен эвде олгъанынъда бу газеталар «Яш къувет» ве «Енъи дюнья» эди. Адлары денъишти шимди. Газета адларынен берабер арифлер де денъишти.

Бутюн татар мектеплеринде ве газеталарда латин арифлери ерине къызыл арифлери къулланалар энди. Татар тилине рус арифлери латин арифлеринден даа эйи уя эмиш. Ха! Ха! Агъламакъ ерине кульмек истейим. Янъы язы сени меракъландыраджагъына эминим…» [1, 51].

Янъы графикагъа кечюв акъкъындаки хабер Садыкъ Туранны чокъ кедерлендире. Джынгъыз Дагъджы Садыкъ Туран образы васытасынен халкъымызнынъ белли бир къысмынынъ бойле къарарнынъ алынмасына къаршы олгъаныны косьтере. Бу къаршылыкъ романда шойле тасвирлене:

«…Бекирнинъ мектюби ве газеталар мени мийнинден урулгъан киби япты. Къальбимде къабаргъан аджы дуйгъулар, хатыралар богъазыма тыкъалалар, нефес аламамгъа кедер эткен киби олалар…

– Къатиллер! Къатиллер. – дие къычырмакъ истейим. Ичимде Къара денъизнинъ энъ далгъалы заманларындаки киби далгъалар копюре.

…Газеталаргъа бакъам. Эп татар сёзлери, татар келимелери рус арифлеринен язылгъан…О арифлерге бакътыкъча, кенди тилимден, аналарымызнынъ къундакътаки яврularына айнени сёйлемек ичюн къулландыкълары о татлы тильден нефрет эткен киби олдым. О язылар ойле чиркин, ойле къабаки!...» [1, 51].

Юкъарыда советлер деврининъ 30-ынджы сенелеринде Къырымда олып кечкен муим сиясий, ичтимаий, медений вакъиаларны языджы Джынгъыз Дагъджынынъ

«Къоркъунч йыллар» романы эсасында айдынлатмагъа арекет эттик. Фикримиздже, романда тасвирленген вакъиалар о девирдеки халкъымыз тарихынынъ бизлерге гизли оларакъ къалгъан саифелерини огренмеге ярдым этеджектир.

Эдебият

1. Dagci C. Korkunc Yillar:[roman] / Cengiz Dagci. – Istanbul: Varlik Yyinevi, 1975. -299 c.
2. Mahmut N. Romanya Türk-Tatar Edebiyatı: [derslik) / Nedret Ali Mahmud. – Konstansa: Europolis Nesriyati, 2002. – 364 c. ; ISBN 975-86-20-03-3
3. Ülküsal M. Kırım Yolunda Bir Ömür: [Hatirlavlar] / Müstecip Ülküsal.– Ankara: 1999. – 213 c.; ISBN 975- 96-40-09-4
4. Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Luğat: [85 тысяч терминов / Ferit Devellioğlu]. – Ankara: Aydin Kitabevi Yayinlari, 2001. -1195 c. ISBN 975-75-19-02-2.
5. Къуртумеров Э. Къырымтатар иджрет эдебияты: [Учебное пособие). / Энвер Къуртумеров. – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2002. – 256 с.; ISBN 966-8025-11-3

Куртумеров Э. Э. Отражение эпохи в романе Дж. Дагъджи «Страшные годы» / Э. Э. Куртумеров // Ученые записки Таврического национального университета имени В. І. Вернадського. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 444–448.

Наш народ пережил и горькие уроки коллективизации, и репрессии, и всеобщий страх, и войну. Роман Дж. Дагъджи «Страшные годы» посвящен этим событиям. Писатель начал писать этот роман после войны и закончил его в 1956 году. Это произведение стало своеобразным памятником своему времени, поднявшее проблему психологии личности во время войны на новую высоту.

Дж. Дагджи всей своей жизнью, всеми помыслами был связан с жизнью своего народа, с его думами и надеждами. Творчество его питали животворные родники народной мудрости, ее великой правды и красоты. Это и обусловило верность каждой детали, каждой интонации его произведения. Главное же достоинство романа, вероятно, в том, что построен он на верном раскрытии глубинных движений человеческой души.

Ясное, убедительное своей простотой и суровой правдой произведение Дагджи заставляет читателя негодовать и содрогаться, горячо любить и остро ненавидеть.

Главный герой романа Садык Туран, человек, все вытерпевший, все преодолевший, с детских лет стал свидетелем всех ужасов советской эпохи. Когда ему было 10 лет, арестовали его отца. Через два года от голода умерли две его сестры. Потом запрет религии, закрытие культовых зданий, снесение минарети мечети Токъал джами. Когда началась война, Туран воевал против немецких захватчиков. В октябре 1941 года он попал в плен. Началось самое тяжелое время его жизни – жизнь в концлагерях. Вдали от родины Садык пережил все тяготы войны, бесчеловечные издевательства фашистского плена. И не раз смерть смотрела ему в глаза, но каждый раз находил в себе мужество и до конца оставался человеком.

Образ Садыка Турана – это одновременно образ и одного человека и всего крымскотатрского народа. Название "Страшные годы" не случайно. В нём можно разглядеть нелегкую судьбу каждого человека, жившего в то непростое время...

Ключевые слова: коллективизация, репрессия, арестовали, война, плен, судьба.

Куртумеров Е.Е. Відображення епохи у романі Дж. Даг'джи «Страшні роки» / Е.Е. Куртумеров // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 444–448.

Наш народ пережив і гіркі уроки колективізації, і репресії, і загальний страх, і війну. Роман Дж.Даг'джи «Страшні роки» присвячений цим подіям. Письменник почав писати цей роман після війни і закінчив його в 1956 році. Цей твір став своєрідним пам'ятником своєму часу, яке підняло проблему психології особистості під час війни на нову висоту.

Дж. Дагджи всім своїм життям, всіма помислами був пов'язаний з життям свого народу, з його думами і надіями. Творчість його живили життєдайні джерела народної мудрості, її великої правди і краси. Це і зумовило вірність кожної деталі, кожної інтонації його твори. Головне ж достоїнство роману, ймовірно, в тому, що побудований він на вірному розкритті глибинних рухів людської душі.

Головний герой роману Садик Туран з дитячих років став свідком усіх жахів радянської епохи. Коли йому було 10 років, заарештували його батька. Через два роки від голоду померли дві його сестри. Потім заборону релігії, закриття культових будівель, знесення мінарет мечеті Ток'ал джамі. Коли почалася війна, Туран воював проти німецьких загарбників. У жовтні 1941 року він потрапив у полон. Почалося найважчий час його життя – життя в концтаборах. Далеко від батьківщини Садик пережив всі тяготи війни, нелюдські знущання фашистського полону. І не раз смерть дивилася йому в очі, але щоразу знаходив у собі мужність і до кінця залишався людиною.

Ключові слова: колективізація, репресія, заарештували, війна, полон, доля.

Kurtumerov E. E. The reflection of the era in the novel by J. Dagdzhi "terrible years" / E. E. Kurtumerov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 444–448.

Our people have lived through the bitter lessons of collectivization and repression, and general fear and war. Roman Dzh.Dagdzhy "terrible years" is devoted to the events. The writer began to write this novel after the war and graduated in 1956. This work was a monument to his own time, to raise the issue of personality psychology during the war to new heights.

J. Dagdzhi all his life, all his thoughts were associated with the life of his people, with his thoughts and hopes. His creativity is nourished life-giving springs of folk wisdom, her great truth and beauty. It also has caused faithful to every detail, every intonation of his works. The main advantage of the novel is probably the fact that it was built on the right revealing the deep movements of the human soul.

A clear, convincing in its simplicity and the harsh truth Dagdzhi work makes the reader shudder and indignant, to love passionately and desperately hate.

The protagonist of the novel Sadik Turan from childhood witnessed the horrors of the Soviet era. When he was 10, his father was arrested. Two years later starved to death by his two sisters. Then ban religion, religious buildings closing, demolition of the minaret of the mosque Jami Tokal. When the war began, Turan fought against the German invaders. In October 1941, he was captured. Began the most difficult time of his life – a life in the concentration camps. Away from home Sadiq experienced all the hardships of war, brutal bullying Nazi captivity. And not just death stared him in the eyes, but every time I found the courage and remained to the end a man.

The image Sadiq Turan – is both an image and a man and all the Crimean Tatar people. The name "terrible years" is not accidental. It can be difficult to discern the fate of each person living in a difficult time ...

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 449–454.

УДК 821.512.145(498)

ВЕЧНОЕ И ПРЕХОДЯЩЕЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ШАМИЛЬ АЛЯДИНА

Панова З. С.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
E-mail: Zenure.Mussa@mail.ru

В статье «Вечное и преходящее в творчестве Шамиль Алядина» на обзоре многолетнего творчества писателя, совпавшего по времени с советской эпохой, рассмотрен процесс развития крымскотатарской литературы в это сложное для нее время. Данное исследование представляет первую попытку рассмотреть творчество известного писателя и общественного деятеля, применившего все свои рычаги публичного и творческого влияния для продолжения национально-культурных традиций народа в контексте эпохи тоталитарного режима. Автор статьи, сравнивая течение литературного процесса советской эпохи в крымскотатарской и украинской литературе, приходит к выводу: если в украинской литературе преемственность с плеядой «расстрелянного Возрождения» считается утраченной, то в крымскотатарской она в определенной степени, благодаря творчеству Шамиль Алядина и плеяды его учеников, осталась сохраненной и на уровне личностной истории, и самого письма.

Данная работа позволяет выделить основные особенности в творчестве Шамиль Алядина, оказавшем влияние на всю последующую крымскотатарскую литературу. Материал статьи может быть использован при изучении курса истории крымскотатарской литературы, а также в качестве иллюстративного материала на занятиях по развитию речи, развитии навыков у студентов навыков художественного мастерства.

Ключевые слова: советская идеология, культурно-историческая среда, традиция, новаторство, историческая проза.

Постановка проблемы. Одной из отличительных особенностей многолетнего и плодотворного периода творчества крымскотатарского писателя Шамиль Алядина, признанного ныне классиком национальной литературы, является то, что оно сформировалось и развивалось, полностью укладываясь в рамки советского периода, почти не охватывая «пограничные» эпохи 1917 и 1992 годов с их кардинальными изменениями в идеологической системе. Несмотря на признание и популярность, изучение его произведений в общеобразовательной и высшей школе, к настоящему времени сохранилась устойчивая ситуация, когда упоминаемое номинально творчество остается в тени его деятельности. В настоящее время творчество Шамиль Алядина, ведущего писателя целой эпохи, привлекает во многих аспектах: насколько в условиях тоталитарного режима, когда литература стала одним из факторов идейной пропаганды, в ней сохранилась национальная самобытность; каким в художественной форме оно запечатлело целую эпоху, ставшую неотъемлемой частью нашей истории; какова динамика развития не только мастерства писателя, но, главное, гражданской позиции писателя. Все эти вопросы требуют разрешения с позиции настоящего времени.

Цель исследования – определить динамику развития гражданской позиции в творчестве Шамиль Алядина.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

- рассмотрение культурно-исторической среды, сформировавшей мировоззрение писателя;
- обзор творчества Шамиль Алядина;
- определение идейного содержания рассказа во взаимосвязи с социальной и культурной средой времени их создания;
- сравнение содержания творчества Шамиля Алядина с литературой народов Советского Союза (узбекской и украинской), находившихся в аналогичных условиях.

Предметом исследования является обзор творчества писателя советской эпохи Шамиль Алядина, исследование на его основе динамики развития гражданской позиции их автора.

Степень изученности: о жизни и творчестве писателя, столетие со дня рождения которого широко отмечалось в 2012 г., написаны статьи, книги: М. Кошчанов, Г. Владимиров, снят телевизионный фильм, его произведения входят в программу средних и высших учебных заведений. Однако многочисленная литература о Шамиль Алядине, посвящена больше его плодотворной деятельности по сохранению и развитию крымскотатарской литературы, выявлению и подготовке молодых талантов на литературном поприще, в то время как его художественное наследие обойдено достойным вниманием исследователей.

Шамиль Алядин (Шамиль Сеитович Алядинов), (12.07.1912, Махульдур – 21.05.1996, Симферополь) – поэт, писатель и публицист, классик крымскотатарской литературы. Он оставил после себя целую плеяду воспитанников – крымскотатарских писателей, творческих и общественных деятелей. Его влияние на крымскотатарскую культурную жизнь так велико, что с его именем связана целая эпоха литературы XX века.

Начальное образование получил в местной школе. Окончил семилетнюю школу в Бахчисарае. Там его учителем был известный педагог Ягья Наджы Байбуртлы, пробудивший в нем интерес и любовь к литературе [8].

Годы творчества охватывают период с 1927 по 1996 г., т.е. почти от начала и до конца власти Советов. С конца 20-х гг. минувшего столетия уже началось искусственное переформатирование общественного сознания, когда за короткий период смены одного поколения было стерто и перезагружено былое историческое и культурное наследие. К 30-м гг., предав былое забвению, сформировалась иная, крымскотатарская советская интеллигенция со своей идейно обновленной литературой на крымскотатарском языке, но уже соответствующей духу советского времени.

В 15 лет творческий путь писателя начинается первым стихотворением «Предрассветный соловей» («Танъ булбули») [1-3]. Опубликованное в молодёжной газете «Яш къувет», оно посвящёно известному крымскотатарскому просветителю Исмаилу Гаспринскому – несмотря на то, что этому времени официальная идеология, обвинив в пантюркизме, наложила на его имя табу. Несмотря на юный возраст, автор стихотворения продолжил традиции национальной литературы в уже наступившей сталинской эпохе, что свидетельствует еще и о его гражданском мужестве. К

образу великого учителя Шамиль Алядин вернется еще раз, но уже в зрелом возрасте – через полувековое забвение он первым прервет завесу молчания об этой выдающейся личности.

С первой своей публикации он обращает на себя внимание, его учителя видят в нем незаурядного мастера слова. После окончания школы Шамиль Алядин поступает в Симферопольский педагогический техникум (1928 – 1931 гг.), затем становится студентом заочного отделения Московского литературного института [8]. В это время (1932 г.) увидела свет его первая книга стихов «Улыбнулась земля, улыбнулось небо» («Топракъ кульди, кок кульди») [1-3].

В конце 1932 г. молодого поэта призвали в армию, где он проходит службу в полку Червонного казачества, затем командует кавалерийским взводом. Сборник стихов (1935 г.) «Песни червонного казака» («Къызыл казакънынъ йырлары») навеян проведёнными в армии годами [1-3].

В 1936 г. Шамиль Алядин становится заместителем редактора крымской газеты «Янъы дюнья». Затем в Дагестане работает школьным учителем, по комсомольской путёвке выезжает на главную стройку второй пятилетки – Чирчикстрой, где работает экскаваторщиком. В дальнейшем это служит основой для написания романа «Если любишь» («Эгер севсенъ») – куда бы ни забросила его судьба, какого бы вида деятельностью он ни занимался, литературное творчество всегда сопутствовало ему [1].

В 1939 г. Шамиль Алядин возвращается в Крым, в этом же году становится членом Союза писателей СССР и главой Союза Писателей Крыма [10].

Впервые 27-летний крымскотатарский писатель становится известен на весь СССР, как блестящий переводчик Т. Г. Шевченко после того, как на пленуме Союза писателей СССР в Москве 1939 года Павло Тычина выступил и прочитал на крымскотатарском языке перевод Шамиль Алядина стихотворения «Заповіт», за который Шамиль Алядин был награждён Памятной медалью [11].

Судьба Шамиль Алядина перекликается с украинским представителем литературы 30-х годов – Павла Тычины. Также, как и Тычина, он был председателем Союза писателей, но Крыма, и только в очень молодом возрасте – в двадцать семь лет. Именно Тычина и представляет 1939 года на пленуме Союза писателей СССР перевод «Завещания» Тараса Шевченко, сделанный Шамилем Алядином. Этот перевод до сих пор считается одним из лучших, и не только в крымскотатарском, но и вообще в тюркских языках. Вообще, писатель на протяжении всей жизни с уважением относился к Украине [11].

26 июня 1941 года Шамиль Алядин уходит добровольцем на фронт, командует взводом на Юго-Западном фронте. В 1943 г. был тяжело ранен. После госпиталя направляется в штаб Северо-Кавказского фронта, оттуда – в распоряжение штаба партизанского движения в Крыму. В апреле 1944 г. возвращается в Симферополь. Является членом Комиссии по оценке ущерба, нанесённого войной Крыму. За несколько дней до депортации Шамиль Алядин выезжает из Симферополя в командировку в Алушту для набора артистов для создаваемого ансамбля «Хайтарма». Вернувшись в Симферополь, не застал своей семьи, вынужден, как крымский татарин, и сам покинуть Крым [7]. Находит семью в далеком Узбекистане, работает в областной газете. Через полгода, в мае 1945 года, благодаря содействию председателя

Союза писателей СССР Александра Фадеева, с которым он поддерживал переписку до самой его трагической кончины, получает разрешение на переезд в Ташкент.

Работая секретарем правления Союза писателей Узбекистана, он добился создания в ней секции крымскотатарских авторов, способствует реабилитации остальных крымскотатарских писателей, пострадавших от депортации; приобретает разрешение на создание печатных изданий и радиопередач на крымскотатарском языке, а также – редакции крымскотатарской поэзии и прозы в узбекском издательстве им. Г. Гуляма [8].

После Второй мировой войны Шамиль Алядин пишет несколько произведений на военную тематику, а также повести «Сын младшего офицера» («Чауш огълу»), «Теселли», романы «Если любишь» («Эгер севсень») и «Фонари горят до рассвета» («Рузгярдан саллангъан фенерлер»). В 1971 г. выходит в свет повесть «Девушка в зелёном», в 1972 г. – книга повестей и рассказов «Эльмаз» [1- 3]. В 1987 г. выходит сборник произведений Шамиль Алядина «Чорачыкълар», в котором автор вспоминает образы своих учителей и красоты родного Крыма [6].

И в трудные часы Шамиль Алядин не изменял себе как писателю. И не просто писателю, а себе – как художнику, который выживший из числа сотен утраченных, должен донести не просто светлую память о погибших, а уберечь – и их слово, и саму традицию. Так еще в 1979 году он публикует роман «Приглашение на пир дьявола» [1-3]. о знаменитом крымскотатарском интеллектуале Исмаиле Гаспринском и поэте Шамиле Тохтаргазы – имена, на которые во времена СССР было наложено табу. Именно Гаспринскому Шамиль Алядин посвятил когда-то и свое первое стихотворение, будучи еще совсем мечтательным подростком. Роман «Приглашение на пир дьявола» есть и в украинском переводе, его автор – известный тюрколог-переводчик Николай Мирошниченко [11].

Некоторые произведения Шамиль Алядина связывают его с Украиной не менее тесно. Так, накануне возвращения автора на родину им был задуман роман «Тугай-бей» – эпохальное полотно о казацко-крымскотатарских отношениях. К сожалению, роман остался неконченым. Писатель готовил его особенно основательно и тщательно, что требовало много времени. Он тщательно дорабатывал некоторые документы из общей украинской и крымскотатарской истории, искал для их прочтения переводчиков с польского языка, изучал множество литературы, добавляя ее и в без того большой запас собственных знаний, работая так же вдохновенно, как и всю жизнь. Шамиль Алядин мечтал запечатлеть именно в художественном произведении и тяжелые, и радостные мгновения украинской и крымскотатарской истории. А главное – разбить все те идеологические стереотипы, которые навязывались советскими учебниками истории и прежней литературой [11]. Это было крайне важно и тогда, когда крымскотатарский народ только возвращался на родину, это не теряет актуальность и сейчас. Писателю удалось осуществить только часть задуманного – физические силы на склоне лет понемногу не оставляли выбора.

В 1996 году Шамиль Алядина не стало. Однако его замыслы не угасли. Среди опубликованных после смерти материалов были и публицистические очерки, которые должны были лечь в основу прозаической «эпопеи» – «Отношения Украины, Польши и России с Крымским ханством в середине XVII века». В 2011 году часть их издана на украинском языке в литературном журнале «Курьер Кривбасса» [5].

В 1994 г. Шамиль Алядин с семьёй возвратился в Крым, в Симферополь. И здесь он ни на день не прекращает своей литературной деятельности: в газетном варианте выходит в свет документальный очерк «Жертвы Кремля», а затем автобиографическая повесть «Я – ваш царь и бог», в которой он повествует о тяжёлых годах жизни крымскотатарского народа в депортации [4].

Однако основная заслуга Шамиль Алядина перед своим народом в том, что он сумел сплотить на чужбине его интеллектуалов и позаботиться о передаче культурной традиции новым поколениям. В период депортации это было крайне важно для крымских татар. И тут снова имеем прямые аналоги с украинской историей. До Шамиль Алядина к титаническому труду призывал и украинский трудоголик Иван Франко. Именно благодаря кропотливому труду отдельных своих выходцев крымские татары смогли не ассимилироваться в Азии и сохранить свою национальную идентичность.

Выводы. Только проза писателя насчитывает более 70 книг, переведенных на разные языки. Пока на политическом фронте велась отчаянная борьба крымскотатарских диссидентов, Шамиль Алядин применял все свои рычаги публичного и творческого влияния, чтобы обеспечить этой негласной борьбе надежный тыл – это удивительно похоже на деятельность целой когорты затравленных при Сталине украинских писателей, поддерживавших мятежные поколения.

Шамиль Алядин – представитель советской поры крымскотатарской литературы. Писал он, действительно, талантливо, «классически» в советском понимании – не без современных тенденций. Однако, насколько позволяла цензура, он старался продолжить тот современный всплеск крымскотатарской литературы, который жестоко прервали сталинские репрессии. Поэтому, если в украинской литературе преемственность с плеядой «расстрелянного Возрождения» считается утраченной, то в крымскотатарской она в определенной степени осталась сохраненной и на уровне личностной истории, и самого письма.

Выводы и перспектива. Исследование художественного мира Шамиль Алядина является неотъемлемой частью истории крымскотатарской литературы. Кроме того, анализ произведений автора позволит студентам в совершенствовании навыков художественного видения в своем литературном творчестве. В перспективе материал может быть использован при изучении курса истории крымскотатарской литературы в высшей и общеобразовательной школе, в средствах массовой информации.

Литература

1. Произведения Шамиль Алядина: Сайлама эсерлер. Эки томлыкъ: Т. 1-2: 2-нджи том : Повестьлер ве икяелер / Шамиль Алядин . – Ташкент : Эдебият ве санъат нешр., 1977. – 312 с.

2. Сайлама эсерлер / Шамиль Алядин . – Симферополь : Спутник, 2004. – 377 с. : ресм.

3. Сайлама эсерлер = Избранные произведения / Шамиль Алядин . – Симферополь : Къырымдевокъувпеднешир, 1999. – 624 с.

4. Я – ваш царь и бог: автобиографическая повесть / Шамиль Алядин . – Симферополь: Спутник, 2004. – 104 с.

5. «Отношения Украины, Польши и России с Крымским ханством в середине XVII века» Фрагмент текста переведен с крымскотатарского языка на русский по изданию: Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 1999. – 624 с.; на украинском языке: Курьер Кривбасса. – 2011.

Литература о писателе:

6. "Воспоминания о замечательных людях порождают дух размышления" / / Голос Крыма. 11. 07. 1997. – С. 5.

7. Къандым Ю. Шаиране юрек саибининъ аят кредосы / / Юкъу ёкътыр козьлерде – Симферополь: Тарпан. – 2009. – С. 18-22.

8. Къошджанов М. Шамиль Алядин : эдебий сурет / М. Къошджанов. – Ташкент: Эдебият ве санъат нешр., 1979. – 76 б.

9. Шамиль Алядин (1912-1996): [краткий обзор жизни и творчества). / / Крымскотатарская литература : учеб. пособие по интегрированному курсу "Литература" / авт.-сост. Р. Фазыл. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2005. – С. 108-109.

10. Юнусова Л. Шамиль Алядин : [краткий обзор жизни и творчества) / Л. Юнусова / / Крымскотатарская литература : сб. произведений фольклора и литературы VIII – XX вв. – Симферополь : Доля, 2002. – С. 300-304.

11. Кульчинский О. Шамиль Алядин – классик крымскотатарской литературы. Институт востоковедения им. А. Ю. Крымского.

Панова З. С. Вічне і минуще в творчості Ш. Алядіна / З. С. Панова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 449–454.

У статті « Вічне і минуле в творчості Ш. Алядіна » на огляді багаторічної творчості письменника, що співпала за часом з радянською епохою, розглянуто процес розвитку кримськотатарської літератури у цей складний для неї час. Це дослідження представляє першу спробу розглянути творчість відомого письменника і громадського діяча, що застосував всі свої важелі публічного і творчого впливу для продовження національно -культурних традицій народу в контексті епохи тоталітарного режиму. Автор статті, порівнюючи протягом літературного процесу радянської епохи в кримськотатарській та українській літературі, приходить до висновку: якщо в українській літературі наступність із плеядою « розстріляного Відродження » вважається втраченою, то в кримськотатарській вона певною мірою, завдяки творчості Ш. Алядіна і плеяди його учнів, залишилася збереженою та на рівні особистій історії, і самого листа.

Ця робота дозволяє виділити основні особливості у творчості Ш. Алядіна, який вплинул на всю подальшу кримськотатарську літературу. Матеріал статті може бути використован при вивченні курсу історії кримськотатарської літератури, а також в якості ілюстративного матеріалу на заняттях з розвитку мовлення, розвитку навичок у студентів навичок художньої майстерності.

Ключові слова: радянська ідеологія, культурно -історична середа, традиція, новаторство, історична проза.

Panova Z. S. The eternal and the temporal in the work of S. Alyadina / Z. S. Panova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 449–454.

In " Eternal and transient Sh Alyadina in the works " for a multi-year review of the writer's work coincided with the soviet era, through the process of development of the crimean tatar literature in this difficult time for her . This study represents the first attempt to consider the work of the famous writer and public figure, who applied all leverage public and creative influence for the continuation of the national-cultural traditions of the people in the context of the era of the totalitarian regime. The author, for comparing the literary process of the soviet era in ukrainian and crimean tatar literature, comes to the conclusion that if a ukrainian literature continuity with the galaxy of " Executed Renaissance " is considered lost, the crimean tatar it is to some extent, thanks to the creativity and S. Alyadina galaxy of his students remained stored at the level of personal stories, and the letter itself .

This work helps to highlight the main features in the works of S. Alyadina had an impact on the rest of his crimean tatar literature. The material can be used to study the history of the crimean tatar literature, as well as illustrative material in the classroom for language development, skills development of students' skills artistic skills .

Key words: soviet ideology, cultural and historical environment, tradition, innovation, historical fiction.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 455–460.

УДК. 821 (479. 24)

МЕТАФОРЫ И ЭПИТЕТЫ В НАХИЧЕВАНСКИХ БАЯТЫ

Фатуллаева В.

Азербайджанского университета Языков
E-mail: azfolklor@yahoo.com

В научной работе на примере нахичеванских баяты исследуются метафоры и тропы, проводится их анализ, приводится двуязычный перевод. Автор приходит к выводу о том, что поэтический образ мышления народа, нашедший свое выражение в баяты, отличается от иных жанров устного народного творчества. В статье указывается на то, что особенностью баяты является краткость по своему объему и передача предполагаемого замысла читателям в рамках краткой же формы. В таком случае краткая форма, конкретная мысль и ценное содержание опирается на образность, в более широком смысле, на средства художественного изображения. Одним из средств художественного изображения является метафора. Использование в баяты, собранных на территории Нахичевани, поэтических фигур и троп, особенно метафор и эпитетов, позволяет получить представление и о широте, богатстве народного сознания.

Ключевые слова: фольклор, баяты, национальное сознание, тропы, метафора

Постановка проблемы. Поэтический образ мышления народа, нашедший свое выражение в баяты, отличается от иных жанров устного народного творчества. Несомненно, здесь основным фактором является краткость баяты по своему объему и передача предполагаемого замысла читателям в рамках краткой же формы. В таком случае краткая форма, конкретная мысль и ценное содержание опирается на образность, в более широком смысле, на средства художественного изображения. В этом смысле, в собранных на территории Нахичевани баяты метафоры и эпитеты обладают особой ролью и «создание удачных средств художественного изображения, очаровательных стилистических оттенков требуют большого искусства» [4, 174].

Одним из средств художественного изображения является метафора. Суть же этого поэтического тропа заключается в том, что относящиеся к человеку качества переносятся на неодушевленные предметы. В действительности, перенос относящегося к неодушевленному предмету признака на другой объект тоже считается метафорой (в классической восточной литературе – *истиаре)*. Для большей ясности мысли обратим внимание на одно баяты:

Bahar qədrin gül deyər,	*Цену весне скажет цветок,*
Eşq atəşin dil deyər.	*Любовное пламя выскажет язык*
Ömrün-günün mənasın,	*Жизни повседневной смысл,*
Ay dolanar, il deyər	*Месяц пройдет, год скажет* [5, 95].

То, что в первой строке говорит цветок, в последней же строке – год, представляет собой метафору. Так как в них обоих присущие человеку свойства осуществляются посредством неодушевленного (цветка и года).

Конкретно говоря, метафоры, как другие средства художественного изображения, выявляют мастерские достоинства баяты. С одной стороны, проявляются тонкости народного сознания, с другой стороны явно ощущается то, о чем размышляют люди, с третьей стороны, в течение годов и поколений читатели спокойно сохраняют их в памяти. Любопытно, что во многих баяты метафоры опираются на часто встречающихся в устной народной литературе образах. Например, об облаках, ветре и горах много сказано, много написано. Раскрытие этими образами внутреннего мира фольклорных героев хорошо известно нам из сказок, эпосов или же отдельных поэтических образцов. В этом смысле было бы к месту ознакомиться со следующим баяты:

Uçan qara buludlar, *Летящие черные тучи,*
Para-para buludlar. *Круглые-круглые тучи.*
Yavaş get namə yazım, *Помедли, дай весточку написать,*
Apar yara, buludlar. *Отнесите любимой, тучи* [7, 73].

Разлученный с возлюбленной и изнывающий в ожидании, кручине лирический герой просит помощи у тучи. Откровенно признает, что надеется в доставке его письма возлюбленной только на тучу. Ветер в устной народной литературе тоже выступает как художественный образ. Часто даже можно встретить этот образ в письменной литературе под именем Себа – *Səba*. Например, в поэме Ш.И.Хатаи «Дехнаме» («Десять писем»), в гошме Набати «Бади-себа, скажи моей возлюбленной» и др. произведениях есть образ Себа. А в одном из баяты к ветру отнеслись как к полностью живому существу:

Əzizim əsən külək, *Дорогой мой ветер дующий,*
Səbrimi kəsən külək. *Выводящий меня из терпения ветер.*
Mənim vay xəbərimi *Мою скорбную весть*
Anama de sən, külək. *Скажи матери моей ты, ветер* [6, 7].

Здесь находит свое выражение отношения не лирического героя с возлюбленной, а лирического героя с матерью. Становится понятно, что лирический герой, испытывая горе и боль, просит помощи у своей матери. В некотором роде, он нуждается в ее помощи. Этот вопрос очень точно и поэтически был разрешен посредством образа ветра.

Образ горы тоже относится к часто встречающимся в фольклорных образцах образам. Понимаемая как опора, гора является местом надежды и прибежищем фольклорных героев. Герои больше верят в силу и могущество гор, берут у них силу. В этом смысле, несложно это увидеть это в баяты небольшого размера:

Əzizim, qoşa dağlar, *Дорогие мне пара гор,*
Verib baş-başa dağlar. *Сомкнулись голова к голове.*
Yol verin anam gəlsin, *Дайте дорогу матери моей прийти,*
Dönməyin daşa, dağlar. *Не превращайтесь в камни, горы* [3, 87].

В первую очередь отметим, что пожелание о не превращении и без того представляющих собой камень гор в камень является намеком на то, чтобы они были добродушными и доброжелательными как люди. Что же касается метафоры, то сомкнутость гор, совместное призрение – хорошее средство для донесения идеи до читателя. В действительности, сомкнутость гор в двух первых строка, и призыв о не

превращении гор в камень и людской их доброжелательности в последних двух строках взаимно дополняют друг друга. Таким образом, и выразительные возможности баяты приобретают завершенность, и поставленная задача с легкостью доносится до читателей. Во многих баяты нашли свое выражение горе и печаль, а метафоры их еще больше усилили. Например:

Dərd məndə üz görübdü,	Горе прилипло ко мне,
Meydanı düz görübdü.	Меня беспомощным видя.
Gedir, gedir qayıdır,	Уходит, уходит, возвращается,
Məni yalqız görübdü	Меня одиноким видя [7, 74].

В баяты даны внутренние чувства и ощущения не способного спастись от горя и печали, затрудняющегося избавиться от них человека. Эти чувства и ощущения терзают душу этого человека изнутри и изнуряют его.

Народное сознание для более живой, более естественной передачи этого сказанного и для более наглядной демонстрации всех переживаний лирического героя опирается на средство художественного выражения, а именно, на метафору. Сущность же метафоры заключается в том, что горе не абстрактное понятие, а обычный человек: горе различают лица, видит поле свободным, уходя и возвращаясь, не отстает от выглядящего одиноким человека. Как видно, смысловая сила баяты, вместе с тем, возможности воздействия на читателя, целиком зависят от используемых в нем метафор.

А в двугом баяты, для показа силы, тяжести горя и скорби, саз был приведен на позицию человека:

Aşıq susar, saz ağlar,	Ашуг молчит, плачет саз,
Dodaq titrər, göz ağlar.	Дрожат губы, плачут глаза.
Dindirməyin dərdini,	Не разговаривайте горе его,
Yaralıdı, tez ağlar.	Ранен, заплачет скоро» [3, 95].

В баяты очевидно, что и влюбленный, и ашуг горюют. Так, в первом баяты откровенно видно, что «ашуг поет с горя». Эта метафора и усиливает мысль, и увеличивает мастерскую силу баяты. В другом баяты сообщается о плаче по-человечески не соловья, а газели. Говоря иначе, если в предыдущем баяты свойственное человеку качество было перенесено на соловья, в этом баяты это качество переносится на газель:

Qara bağladı keçdi,	Черным покрывшись, прошла,
Sinə dağladı keçdi.	Прожгла сердце, пройдя.
Burda bir ahu vardı,	Здесь была газель одна,
O da ağladı keçdi.	И та прошла плача [8, 13].

Выражение «покрыться черным» в первой строке баяты – это намек на траурную церемонию. Иными словами, черный цвет представляет собой символическое обозначение траура. Ношение мужчинами черной одежды, ношение женщинами одежды черного цвета и надевание черных платков связано с этим. Поэтому прохождение газели с плачем представляет собой намек на траур, и сам этот плач является метафорой. Так как плач – это свойство, присущее людям, и перенесенное на газель. В другом баяты, собранном на территории Нахичевани, прямо выражается ношение черного при трауре:

Başa qara bağlayır, Голову черным покрывает,
Dərdi sinə dağlayır. Скорбь душу прожигает.
Dağlara bir qan düşüb, Кровь пролилась в горах,
Çeşmələri ağlayır. Плачут родники [8, 13].

Тема жжения скорбью сердец, пролития крови в горах вновь сообщает о трауре. В противовес всему этому, плач родников уже является свойством, присущим человеку, и была создана привлекательная метафора. Эта метафора, хоть и состоит из «плача родников», цель снова заключается в демонстрации того, сколь велика боль человеческая. Следовательно, траур одежды представляет собой осуществление неодушевленным предметом присущих человеку свойств. Подобная художественность же сообщает о большей тяжести траура. Выражение горя и скорби в другом баяты находит свое отображение в оригинальной форме:

Əzizim, ağlar gedər, Дорогой мне, уйдет плача,
Könlümü dağlar gedər. Душу мою прожжет.
Ürəkdə qalıb sözüm, В сердце застыло слово мое,
Söz məni dağlar gedər. Слово уйдет, сжегши меня [6, 7].

Данное в последней строке баяты выражение «слово уйдет, сжегши меня» представляет собой яркую метафору. Кроме того, тут присутствует двойная метафора. Первая из них – это прожигание словом, второе же – уход слова. В любом случае, соединяясь, они создают условия для более сильного высказывания замысла. К слову, отметим, что в баяты, собранных на территории Нахичевани, наряду с преподнесением горя, скорби, печали и траура в метафорическом покрытии, и чувство радости также выражалось истиаре – классическими метафорами. Эту особенность несложно увидеть в следующем баяты.

Əzizinəm Mərəndə, Мой дорогой, в Меренд,
Görməyən də, görən də. И видящий, и не видящий.
Gözlərim bayram eylər, Глаза мои празднуют,
Səni hər dəm görəndə. Каждый раз, видя тебя [8, 19].

Здесь «глаза мои празднуют» представляет собой метафору и, несомненно, свойство отмечать праздник, радоваться присуще человеку. Однако перенесение этого свойства на глаз уже сообщает о метафоре. Во многих баяты, собранных на территории Нахичевани, формирование метафоры связано с образом судьбы. Вообще, ученые фольклористы совершенно верно пишут об этом: «Очень часто народ причину испытываемых им гнета, трудностей, лишений видел в злом роке, и поэтому под словом «судьба» критиковал горести и беды времени, периода, поднял свой голос возмущения» [2, 151]. Например, в одном из образцов баяты, сообщается, как судьба не отстает от лирического героя:

Əzizinəm o daşlar, Мой дорогой, те камни,
O çınqıllar, o daşlar. Те гальки, те камни
Fələk qayda tapıbdı, Судьба взяло за правило
Elə qapımı daşlar. В мою дверь камни бросать [8, 18].

Несомненно, лирический герой намерен здесь выразить свое недовольство судьбой. А это можно продемонстрировать в разных формах. Однако выражение действительной самостоятельной мысли о судьбе выглядело не столь убедительно.

И поэтому народное сознание предпочло метафоричность и был создан образ «бросания судьбой камней в дверь».

Такой же смысловой оттенок есть и в другом образце:

Fələk qəddimi əydi, *Судьба искривила мою стать*
Daş atdı, mənə dəydi. *Камень бросила, в меня попала.*
Deyim evin yıxılsın, *Скажу, пусть разориться твой дом,*
Bu dərd xalvadı, nəydi. *Это горе не халва* [8, 19].

Здесь выражение «бросить камень» является ведущим.

А в одном из баяты шитье судьбой тесной сорочки как метафорическое выражение повысило образность:

Oğlan adın Sərdardı, *Парень, зовут тебя Сердаром,*
Necə dost, necə yardı. *Какой друг, какой возлюбленный.*
Fələk bir köynək tikdi, *Судьба сшила сорочку одну,*
Demədin – necə dardı. *Не сказал ты, что тесна она* [8, 20].

Все образцы показывают, что в баяты, собранных на территории Нахичевани, наряду с другими тропами, усилению художественного замысла служили и метафоры. Эти метафоры привносят в баяты богатый смысловые оттенки, становятся полноправными помощниками в их прочтении и понимании, и в то же время, переходе в память. Среди средств художественного описания в определенном количестве можно встретить и эпитеты. Безусловно, эти эпитеты направлены на усиление художественности баяты. Например, в одном из собранных на территории Нахичевани баяты говорится:

Gedirsən yara deynə, *Идешь- скажи любимой,*
Telini dara deynə, *Скажи – расчеши челку,*
Əgər məni soruşsa, *Если спросит меня,*
Günümü qara deynə. *Скажи про черные дни мои* [1, 274].

Использованное в последней строке баяты выражение «черный день» носит образный характер и является художественным определением. То есть, при использовании в значении черного цвета и выступлении в настоящем смысле говорить о нем как об эпитете было бы невозможно.

В другом баяты слово «сона» (*сона – в прямом смысле разновидность уткиселезня, в классической восточной литературе используется как эпитет, выражающий обворожительную красоту возлюбленной*) присоединяясь к слову горы, определяет его и образуется эпитет:

A dağlar, sona dağlar, *Горы, красивые горы,*
Söz yetməz sana, dağlar. *Слов не хватит вам, горы.*
Yaz fəsli göllərində *В озерах весенних*
Çalxanar sona dağlar. *Плещутся красивые горы* [5, 96].

Выводы и перспектива. Использование в баяты, собранных на территории Нахичевани, поэтических фигур и троп, особенно метафор и эпитетов, наряду с проявлением их творческих достоинств, позволяет получить представление и о широте, богатстве народного сознания. Следовательно, народ предпочитает демонстрировать в поэтическом ключе свои внутренние ощущения и размышления, тайно

или явно испытываемые чувства, а это увеличивает и силу их воздействия, и возможности дальнейшей жизни.

Литература

1. Антология азербайджанского фольклора, 1 т., Нахичеваньский фольклор [на азерб.языке] – Баку, 1994

2. Бабаев И., Эфендиев П. Азербайджанская устная народная литература[на азерб.языке] / И.Бабаев, П. Эфендиев. – Баку: Маариф, 1970

3. Следы народной памяти [на азерб.языке). – Баку: Эльм, 2005

4. Касымлы М. Баяты / / История азербайджанской литературы [на азерб.языке] / М. Касымлы. – Баку: Эльм, 2004

5. Нахичеваньский фольклор [на азерб.языке] – Баку: Нурлан, 2007

6. Словесный караван [на азерб.языке). Нахичевань: Гейрет, 2007

7. Шарурский фольклор [на азерб.языке). Баку: Нурлан, 2006

8. Ведет дорога в Ордубад [на азерб.языке). Баку: Аджеми, 2005

Фатуллаєва В. Метафори і епітети у Нахічеваньскіх баяти / В. Фатуллаєва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 455–460.

У науковій роботі на прикладі нахічеваньскіх баяти досліджуються метафори і тропи, проводиться їх аналіз, наводиться двомовний переклад. Автор приходить до висновку, що поетичний образ мисленя народу, який знайшов своє вираження в баяти, відрізняється від інших жанрів усної народної творчості. У статті вказується на те, що особливістю баяти є стисліcть і лаконічність. У такому випадку коротка форма, конкретна думка і цінний зміст спираються на образність, а в більш широкому сенсі – на засоби художнього зображення. Одним із засобів художнього зображення є метафора. Використання в баяти, зібраних на території Нахічевані, поетичних фігур і тропів, особливо метафор і епітетів, дозволяє отримати уявлення про багатства народної свідомості.

Ключові слова: фольклор, баяти, національна свідомість, тропи, метафора

Fatullaeva W. Metaphors and epithets in Nakhichevan bayati / W. Fatullaeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 455–460.

In the scientific work metaphors and tropes are investigated on the example of Nakhchivan bayati, their analysis is conducted, bilingual translation is represented. The author comes to the conclusion that the poetic way of nation thought, which founds its expression in the bayati, differs from the other folklore genres. The article shows that bayati's features are brevity of the volume and possibility to transmit the suggested conception for readers in such shortened form. In this case, the short form, particular thought and value of content are based on the imagery, what generally means the artistic representation. Metaphor is one of the ways for such an artistic imaging. Metaphors reveal artistic bayati's advantages, as same as the other ways of artistic imaging. Details of national consciousness appear from the one side, on the other side people's thoughts are clearly felt, and the third side shows that readers during years and generations safely store them in memory. It is curious that in many bayati metaphors are based on common images in the speaking literature.

Using of poetic figures and tropes in bayati collected on the Nakhichevan territory, especially metaphors and epithets, allows you to get an idea of the breadth and richness of national consciousness along with its poetic advantages understanding. Therefore, people prefer to show their inner feelings and thoughts anonymously or openly experienced, in a poetic vein, what increases their power, influence, and opportunities for their later life.

Key words: folklore, bayati, national consciousness, tropes, metaphor

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 461–466.

УДК 821.111 (73)

АМЕРИКА КАК СИМУЛЯКР (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ ДОНА ДЕЛИЛЛО)

Ломакина И.Н.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
E-mail: irina.lomakina254@gmail.com.

В статье рассматриваются особенности экспликации симулякров в романах Дона Делилло «Белый шум», «Бегущий пёс», «Американа», «Мао II», «Космополис» и «Грейт-джонс-стрит». Американский писатель-постмодернист использует философские идеи Ж. Бодрийяра для изображения проблем и противоречий современного общества потребления.

Отличительными чертами гиперреальной Америки являются смешение элитарной и массовой культуры, имплозия смысла в масс-медиа, утрата нравственных ценностей.

Персонажи романов Делилло становятся жертвами искажённого восприятия действительности, которое свойственно не только обывателям, но и представителям творческой интеллигенции.

Ключевые слова: симуляция, симулякр, имплозия, гиперреальность.

Постановка проблемы. Образ Америки как воплощённой утопии, некой постмодернистской гиперреальности, широко тиражируется масс-медиа. Однако известный американский писатель Дон Делилло ставит под сомнение кажущееся благополучие пресытившегося общества потребления, акцентируя внимание на том, что пресловутые ценности и символы Штатов являются лишь фикцией, симуляцией действительности.

Очевидно сходство взглядов писателя с постулатами философской концепции Ж. Бодрийяра, на что указывают, в частности, такие литературные критики как Дж. Н. Дювалл [1], Ф. Нел [2], П. Найт [3], Олстер [4], Л. Орр [5], Д. Коварт [6] и многие другие. Указанные выше литературно-критические труды посвящены изучению экспликации симулякров в романе Делилло «Белый шум», при этом целый ряд других произведений автора остаётся вне фокуса критического осмысления. Следует также отметить, что в отечественном литературоведении данная тема не была разработана ввиду отсутствия перевода на украинский и русский языки большинства книг писателя.

Таким образом, цель данного исследования – описание особенностей экспликации симулякров в романах Дона Делилло «Белый шум», «Бегущий пёс», «Американа», «Мао II», «Космополис» и «Грейт-джонс-стрит».

Как отмечает П. Найт, истоки термина «симулякр» стоит искать в трудах историка Д. Бурстина, который писал о так называемых «псевдо-событиях» (pseudo-events), созданных масс-медиа [3, 30]. Мысль о неизбежности искажения реальных событий поддержал и теоретик постмодернизма Ж. Бодрийяр. В монографии «Симулякры и симуляция» (1981) автор даёт такое определение симуляции: «Симуля-

ция есть порождение моделями реального, лишённого происхождения и реальности гиперреального (…) Симулировать значит делать вид, что имеешь то, чего нет на самом деле» [7, 16].

Дон Делилло охотно воспринял идеи Бодрийяра, однако, в отличие от философа, труды которого пронизаны безысходностью существования в эру симуляции, писатель видит в живописании апокалиптических картин симуляционной гиперреальности возможность критически осмыслить сложившуюся ситуацию.

В своём критическом эссе «Америка» (1986) Бодрийяр применяет постулат о господстве симулякров по отношению к конкретной стране: «Америка – гиперреальность. Она гиперреальна, поскольку представляет собой утопию, которая с самого начала переживалась как воплощённая» [8, 94]. Французский философ полагает, что американские города являются совершенными симулякрами. Так, он сравнивает Нью-Йорк с «анти-ковчегом», где нет пар, а обитают только одинокие люди. Санта-Барбара, как это ни парадоксально, предстаёт городом мертвецов, так как виллы знаменитостей, увитые плющом, напоминают Бодрийяру склепы (“funeral homes”) [8, 97]. По мнению философа, «Лос-Анджелес – запредельное гиперпространство, у которого нет ни истока, ни референций», а Калифорния – «сочетание природного чуда и абсолютного симулякра» [8, 202].

Город в прозе Дона Делилло также служит воплощением постмодернистского лабиринта, который населяют одинокие люди. В романе «Космополис» (*Cosmopolis,* 2003) Нью-Йорк предстаёт не местом действия, а скорее персонажем [9]. Провинциальный Блэксмит из «Белого шума» (*White Noise,* 1985), напротив, лишён ярких черт, он является символом пасторальной Америки [10]. Так, Лу Катон отмечает: “The town itself is de-personalized, divested of any particular character” [11, 111]. Центром и средоточием жизни Блэксмита является супермаркет. Один из персонажей романа «Белый шум», профессор колледжа Мюррей Сискинд полагает, что супермаркет способствует духовному очищению людей, а приобретение товаров, как это ни парадоксально, сопоставимо с подготовкой к смерти: “This place recharges us spiritually, it prepares us, it’s a gateway or pathway” [10, 34].

Эсхатологические мотивы, свойственные большинству произведений писателя, особенно заметны в «Белом шуме». Страх главного героя Джека Глэдни перед смертью достигает апогея, когда объявлена эвакуация в связи с выбросом ядовитых химических веществ на местном заводе. В убежище Глэдни знакомится с сектантом-проповедником, который даёт ему брошюру “Twenty Common Mistakes About the End of the World”, спрашивая при этом: “How do you plan to spend your resurrection?” [10, 128]. Коллега Джека Мюррей Сискинд, потрясённый абсурдностью происходящего, даже к самой смерти относится как к симуляции: “Maybe when we die, the first thing we’ll say is, “I know this feeling. I was here before” [10, 136].

Ричи Армбристер, герой романа Делилло «Бегущий пёс» (*Running Dog,* 1978), боится не столько покушения на себя, столько того, что это «эпохальное» событие не будет достаточно освещено СМИ: “Richie was obsessed not only by his impending assassination but the conflicting reports that would ensue” [12, 175].

Роль масс-медиа и телевидения в жизни героев романа «Белый шум» невозможно переоценить. Телевизор в доме Глэдни работает круглосуточно, создавая не-

кий звуковой фон, или «белый шум», который так любит супруга Джека Бабетта. Члены семьи считают реальностью не окружающую их обстановку, а телепередачи и выпуски новостей. Случайное появление на экране матери семейства Бабетты шокирует Джека и детей: “What was she doing there, in black and white, framed in formal borders? Was she dead, missing, disembodied? Was this her spirit, her secret self, some two-dimensional facsimile released by the power of technology?” [10, 95].

В романе «Бегущий пёс» Делилло акцентирует внимание на роли печатных СМИ, которые гоняются за дешёвыми сенсациями в поисках популярности. «Бегущий пёс» – название журнала, где работает главная героиня, Молл Роббинс. В ответ на заявление своего знакомого Селви о том, что её журнал – средство пропаганды, Молл отвечает: “(…) we play to people’s belief in just what I’ve been talking about. Worldwide conspiracies. Fantastic assassination schemes. But we are not anybody’s mechanism” [12, 147].

По мнению Ж. Бодрийяра, характерной чертой XX века является имплозия смысла в медиа. Так, философ отмечает: «Медиа насмехаются над смыслом и над контр-смыслом (…) Информация, в которой отражается или из которой распространяется событие, является уже размытой формой этого события» [7, 116]. Следовательно, отказ СМИ непредвзято освещать факты оборачивается глобальной медиа-симуляцией, грозящей уничтожением самих СМИ. Примером доходящих до абсурда медиа-симуляций могут служить газетные статьи, которые читает Бабетта во время эвакуации: “Life After Death Guaranteed With Bonus Coupons. The Spirit of Lyndon B. Johnson Will Contact CBS Executives to Arrange an Interview on Live TV in Order to Defend Itself Against Charges Made in Recent Books” [10, 164].

Реклама как неотъемлемая часть современного телевидения также зомбирует зрителей, особенно детей. Девятилетняя дочь Джека Глэдни Стеффи, засыпая в убежище, бормочет не слова молитвы, как думает её отец, а рекламный слоган “Toyota Celica” [10, 184].

В романах Делилло не только масс-медиа и телевидение, но и вся культура (кино, литература, изобразительное искусство) представляют собой симулякры. Герой «Американы» (*Americana,* 1971) Дэвид Белл мечтает снять фильм о своей жизни, приглашая непрофессиональных актёров на роли членов своей семьи и друзей. Однако результат сильно отличается от замыслов режиссёра-любителя; фильм представляет собой не что иное, как симулякр, искажающий реальные события до неузнаваемости [13].

Действие книги Делилло «Бегущий пёс» разворачивается вокруг поисков полумифического документального фильма, якобы содержащего оргии Гитлера в бункере в апреле 1945г. На самом деле, чудом сохранившаяся плёнка представляет собой записи домашних увеселений, где Гитлер пародирует Чарли Чаплина, забавляя детей Магды Геббельс: “It’s now evident that his pantomime, intended as Chaplinesque, of course, is being enlarged and distorted by involuntary movements (…) Charlie’s smile. An accurate reproduction” [12, 384].

Как отмечает Скотт Реттберг, ирония заключается в том, что фильм демонстрирует пародию Гитлера на Чаплина, который в свою очередь пародирует Гитлера в

«Великом диктаторе»: “The film shows Hitler imitating Charlie Chaplin imitating Hitler in “The Great Dictator”. The simulacrum is layered” [14, 4].

В романе Делилло «Мао II» (*Mao II,* 1991) изобразительное искусство представлено как симуляция, лишённая оригинальных идей [15]. Полотна знаменитого Энди Уорхола являются, скорее, прославлением предметов культа общества потребления, а не артефактами, служащими эстетическому наслаждению. Писатель демонстрирует, что объектом изображения современных произведений искусства служат нередко парадоксальные вещи, например, бутылка «Кока-колы» на полотнах Уорхола или отвратительные инсталляции из мусора героини романа «Изнанка мира» (*Underworld,* 1997) архитектора Клары Сакс [16].

Апофеозом смешения массовой и элитарной культуры, утраты искусством эстетической ценности служит изображённый в «Белом шуме» «самый фотографируемый амбар в Америке», являющийся местом паломничества множества туристов. Ничем не примечательная постройка привлекает тысячи паломников благодаря тому, что её объявили самым популярным туристическим объектом. Герой романа Мюррей Сискинд объясняет этот парадокс: “No one sees the barn. Being here is a kind of spiritual surrender. We’ve agreed to be part of a collective perception” [10, 16].

Нигиляция нравственных ценностей и бытовавших веками моральных устоев коснулась и системы высшего образования; примером служит колледж, где преподают Мюррей Сискинд и Джек Глэдни. Привычные учебные дисциплины уступают место курсам-симуляциям. Например, Глэдни преподаёт учение о Гитлере, а Мюррей читает лекции о поп-идолах и автомобильных катастрофах. Декан факультета советует Джеку Глэдни добавить инициалы к своему имени, чтобы соответствовать образу знатока биографии Гитлера: “We finally agreed that I should invent an extra initial and call myself J.A.K. Gladney, a tag I wore like a borrowed suit (…) I am the false character that follows the name around” [10, 17]. Данный эпизод содержит намёк на президента США Гарри С. Трумена, который придумал инициал «С» для солидности.

В постмодернистской Америке Дона Делилло не только университет, но и государственные предприятия не соответствуют классическим канонам. Секретные организации вместо того, чтобы защищать граждан, проводят над ними опыты. Так, Бабетта из «Белого шума» принимает психотропные вещества, поставляемые правительственной лабораторией. С целью распространения наркотиков создано и предприятие “Happy Valley Farm Commune” в романе «Грейт-джонс-стрит» (*Great Jones Street,* 1973) [17]. Особое место занимает корпорация “SIMUVAC” (simulated evacuation), представитель которой объясняет Джеку, что реальная техногенная катастрофа (выброс токсических веществ в воздух) служит хорошим поводом для репетиции симуляции.

Разочаровавшийся в жизни Джек не находит утешения даже в религии, ведь монахиня, к которой герой обращается за помощью, категорично заявляет, что не верит в Бога: “You would talk about heaven, you must find another place. It’s our task in the world to believe things no one else takes seriously (…) The devil, the angels, heaven, hell. If we did not pretend to believe these things, the world would collapse” [10, 308].

Выводы и перспектива. Таким образом, созданный Доном Делилло портрет современной Америки отражает проблемы и противоречия постмодернистского

общества потребления, где стёрты все грани между элитарностью и массовостью, общим и индивидуальным, вымыслом и реальностью. Утопические мечты первых колонистов о свободном и процветающем государстве обернулись воплощённой антиутопией.

В качестве перспективы исследования можно отметить проведение сопоставительного анализа романов писателей-постмодернистов, посвящённых изображению современной Америки.

Литература

1. John N. Duvall. Introduction: The power of history and the persistence of mystery / John N. Duvall / / The Cambridge Companion to Don DeLillo / [ed. by John N. Duvall]. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – С. 1 – 13.

2. Philip Nel. DeLillo and Modernism / Philip Nel / / The Cambridge Companion to Don DeLillo / [ed. by John N. Duvall]. – Cambridge : Cambridge University press, 2008. – С. 13 – 26.

3. Peter Knight. DeLillo, Postmodernism, Postmodernity / Peter Knight / / The Cambridge Companion to Don DeLillo / [ed. by John N. Duvall]. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – С. 27 – 42.

4. Stacey Olster. White Noise / Stacey Olster / / The Cambridge Companion to Don DeLillo / [ed. by John N. Duvall]. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – С. 79 – 93.

5. Leonard Orr. Don DeLillo's "White Noise" : A Reader's Guide / Leonard Orr. – New York : The Continuum International Publishing Group Inc., 2003. – 89 p.

6. David Cowart. Don DeLillo : The Physics of Language / David Cowart. – Atlanta : University of Georgia Press, 2008. – 275 p.

7. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Жан Бодрийяр; [пер. с франц. О.А. Печёнкина). – Тула : Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.

8. Бодрийяр Ж. Америка / Жан Бодрийяр; [пер. с франц. Д. Калугин]. – Спб. : Владимир Даль, 2000. – 205 с.

9. Don DeLillo. Cosmopolis / Don DeLillo. – New York : Scribner, 2003. – 209 с.

10. Don DeLillo. White Noise / Don DeLillo. – New York : Viking, 1985. – 326 p.

11. Lou F. Caton. Romanticism and the Postmodern Novel : Three Scenes from Don DeLillo's "White Noise" / Lou F. Caton / / Don DeLillo : Bloom's Modern Critical Views / [ed. by H. Bloom]. – Philadelphia : Chelsea House Publishers, 2003. – С. 43 – 56.

12. Don DeLillo. Running Dog / Don DeLillo. – New York : Knopf, 1978. – 246 p.

13. Don DeLillo. Americana / Don DeLillo. – Boston : Houghton Mifflin, 1971. – 388 p.

14. Scott Rettberg. American Simulacra : Don DeLillo's Fiction in Light of Postmodernism [Электронный ресурс] / Scott Rettberg / / Undercurrent – 1999. – №7. – С. 7. – Режим доступа к журн. : http: // web.archive.org / web / 20030301152035 / darkwing.uoregon.edu / ~ucurrent / uc7 / 7-content.html.

15. Don DeLillo. Mao II / Don DeLillo. – New York : Penguin Books Ltd., 1991. – 241 p.

16. Don DeLillo. Underworld / Don DeLillo. – New York : Scribner, 1997. – 827 p.

17. Don DeLillo. Great Jones Street / Don DeLillo. – Boston : Houghton Mifflin, 1973. – 265 p.

Ломакіна І.М. Америка як симулякр (на матеріалі романів Дона Деліло) / І.М. Ломакіна // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 461–466.

У статті розглядаються особливості експлікації симулякрів у романах Дона Деліло «Білий шум», «Собака, що біжить», «Американа», «Мао II», «Космополіс» та «Грейт-джонс-стріт». Американський письменник-постмодерніст використовує філософські ідеї Ж. Бодрійяра задля зображення проблем та протиріч сучасного суспільства споживання.

Відмінними рисами гіперреальної Америки є суміш елітарної та масової культури, імплозія сенсу в мас-медіа, втрата моральних цінностей.

Персонажі романів Деліло стають жертвами викривленого сприйняття дійсності, що притаманне не лише пересічним людям, але й представникам творчої інтелігенції.

Ключові слова: симуляція, симулякр, імплозія, гіперреальність.

Lomakina I.N. America as Simulacrum (Based on Don DeLillo's Novels) / I.N. Lomakina // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 461–466.

The peculiarities of simulacra explication in Don DeLillo's novels are considered in the article. The analysis is based on such literary works as "Running Dog", "Mao II", "White Noise", "Great Jones Street", "Cosmopolis", and "Americana".

DeLillo doubts well-being of the American society stating that famous values and symbols of the USA are simulation of reality. The writer uses J. Baudrillard's philosophical ideas in order to depict problems and contradictions of commodification. DeLillo regards creation of the Apocalyptic pictures of simulation hyper-reality as a chance of critical evaluation of the modern lifestyle.

In the author's works city is an embodiment of the Postmodern labyrinth inhabited by lonely individuals. In "Cosmopolis" New York is rather a character than a place. Blacksmith in "White Noise" is a symbol of pastoral America.

Santa-Barbara is depicted as a city of dead men. Don DeLillo compares celebrities' glamorous villas with funeral homes. California seems to be perfect unity of natural wonder and absolute simulacrum.

The eschatological motifs are a characteristic trait of the writer's oeuvre. They are especially noticeable in "White Noise". The fear of death is the main reason of Jack Gladney's suffering.

The role of mass-media and television in DeLillo's novels cannot be overestimated. In "Running Dog" the writer lays emphasis on the role of newspapers and journals that pursue cheap sensations in order to win popularity.

In "White Noise" a TV-set becomes a family member. Newsreels and different programs eject real events from the Gladneys' consciousness.

"Mao II" is a perfect example of simulation in art and culture. Andy Warhol's paintings turn out to be a kind of glorification of such weird objects as "Coca-Cola" or litter.

The main peculiarity of the XXth century is the sense implosion in mass-media which is reflected in newspaper articles and TV news. The annihilation of moral values affected the American higher education system and state enterprises. The pioneers' utopian dreams about free and prosperous country turned into dystopia.

Key words: simulation, simulacrum, implosion, hyperreality.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 467–475.

УДК:801.82:[82-12:821(=512.19)-94].

ПОЭТИЧЕСКИЕ ВСТАВКИ В СИСТЕМЕ ХРОНИКИ «ТАРИХ-И ИСЛАМ ГЕРАЙ ХАН»

Абдужемилев Р. Р.

РВУЗ «КИПУ»

В статье «Поэтические вставки в системе хроники “Тарих-и Ислам Герай хан”» проанализированы стихотворные формы как средство подачи материала в сочинении. Определены функции поэтических вставок, авторские подходы к воспроизведению событий. Показаны особенности стихотворного слова. Работа направлена на выявление значимости поэтических вставок в хронике. Исследователь акцентирует внимание на том, что уникальность произведения как целостной системы заключена в передаче стихотворного материала, в органичном сочетании прозы и поэзии, а также в их чередовании. В статье мастерство автора хроники показано на примере его высокой речи в стихах с обилием троп.

Ключевые слова: хроника, поэтические вставки, стих, бейт.

Постановка проблемы. Сочетание прозы и поэзии в хронике «Тарих-и Ислам Герай хан» – часть художественного приема Мехмеда Сенаи. Анализ имеющихся в произведении поэтических вставок необходим для понимания целей и функций данного «инструмента» художественного выражения.

Актуальность проблемы обусловлена отсутствием исследований по данной проблеме. Результаты послужат основой для сопоставления с другими аналогичными произведениями.

Анализ литературы. В настоящей статье мы опирались на работы Ф. Туранлы [1], К. Усеинова (Конурата) [2], М. Крошневой [3], Б. Томашевского [4], Р. Уэллека и О. Уоррена [5].

Объектом работы является произведение крымскотатарской литературы XVII в. «Тарих-и Ислам Герай хан» Мехмеда Сенаи, описывавшее военные события 1648 – 1651 гг. (совместная борьба Крымского ханства и Запорожской Сечи с Речью Посполитой).

Предмет статьи – поэтические вставки в системе хроники.

Целью статьи является анализ поэтических вставок в «Тарих-и Ислам Герай хан». Для достижения цели попытаемся решить следующие задачи:

- определить, какую функцию выполняли поэтические вставки в «Тарих-и Ислам Герай хан»;
- сделать анализ стихов и бейтов.

Среди художественных приемов Кырымлы Хаджи Мехмеда Сенаи важное место занимают поэтические вставки. Примечательная особенность хроники – это страстная, проникновенная и напряженная речь автора, смыкавшаяся с патетикой.

Авторские стихотворные отступления в произведении отличаются большой эмоциональной и смысловой насыщенностью. Они выражают активную причастность Сенаи к описываемым событиям и придавают повествованию особую страстность. Своей художественной структурой и образной содержательностью поэтические вставки способствуют эмоциональному восприятию событий. Ораторский пафос и возвышенно-героическая интонация неотделимы друг от друга. Сенаи стремился к поэтическому осмыслению героического духа.

Поэтические вставки в хронике – это связующие опорные звенья сюжетно-композиционной цепи произведения. Целостность и масштабность хроники достигалась благодаря сквозным поэтическим образам, выразившим авторские концепции. В литературоведческой мысли есть высказывание М. Гиршмана по поводу неделимости художественного произведения: «Категория целостности относится не только к целому эстетическому организму, но и к каждой его значимой частице. Произведение не просто расчленяется на отдельные взаимосвязанные части, слои или уровни, но в нем каждый – и макро, и микроэлемент несет в себе особый отпечаток того целостного художественного мира, частицей которого он является» [3, 27]. Стихи выступают в качестве удобной структурой для реализации задач эстетического характера [5, 154].

В стихах часто слышны открытые призывы, многочисленные обращения, риторические вопросы, которые придают повествованию действенный и целенаправленный характер. Их тон возвышенно-приподнятый, торжественный, темп немного торопливый, ритм четкий. Героический пафос усилен рифмой, несущей большую смысловую нагрузку. Посредством стихов в хронике воссоздавалась эпоха в ее конкретно-исторической неповторимости, мудро оценивались достижения правителя и государства.

Текст произведения написан так, что проза и поэзия органично сочетались, дополняя друг друга. Судя по содержанию поэтических вставок, автор прибегал к их использования для того, чтобы не вдаваться в длинные подробности некоторых сцен. Максимально сжатые и эстетически оформленные рифмованные строки не обременяют всю канву хроники. Они направлены на более-менее целостное восприятие и понимание главной идеи и сюжета. Сенаи разбавлял хронологию событий, пытаясь, заострись внимание на каких-либо деталях. В этом и заключается одна из уникальностей его хроники.

Все поэтические вставки Сенаи носят в себе героический и торжественный характеры. Примечательны они как своими внешними признаками (начальные строки, повторы, размеры, рифма), так и художественной структурой, образностью. Мастерство автора значимо с точки зрения расширения возможностей изображения характера, а также и с точки зрения обогащения поэзии средствами выразительности. Определенно выделилась такая коренная черта художественного метода Сенаи, как стремление создать героический, «идеальный» образ героев. Ритмически организованная, рифмованная художественная речь способствовала осуществлению этого стремления. Согласно мнению Б. Томашевского, развитие стихотворной речи велось по тесным словесным ассоциациям, от слова к слову, от предложения к предложению, от образа к образу [4, 66]. В рамках ритма стиха прослеживались смысл и

выражение [4, 66]. Однообразная проза, опиравшаяся на приблизительную соотнесенность синтаксических конструкций, чередовалась с эмоционально окрашенной поэзией. Проза преимущественно подходила для описания эпических масштабов картин, в то время как поэзия передавала смысл конкретных событий. Поэтические вставки являются показателем того, что Сенаи был не только прозаиком, но и искусным поэтом.

Гипербола свойственна риторическому, ораторскому стилю Сенаи как средство патетического подъема. Изображаемый характер или же ситуация показаны гиперболически: «be-çuy-ı sa’adet ab-ı ‘ıyş» [1, 194] – «напитки лились словно это вода» [2, 33]; «Ze lahn-ı muganni vü avaz-ı saz be-çarh-ı amede zühre-i dil-nüvaz» [1, 196] – «голоса певцов и звуки барабанов доходили аж до самых высей высших» [2, 35].

В «Тарих-и Ислам Герай хан» автор сделал разграничение между прозаическим и рифмованным текстом, предваряя в некоторых случаях свои мысли словами «nazm» (стих), «nesr» (проза), «beyt» (двустишие в восточной поэзии с парной системой рифмовки), «ebyat» (бейты), «mısra» (строка, полустишие или один стих в двустишии), «eş’ar».

Стихи в хронике выполняли функции по двум параметрам: 1) по месторасположению; 2) по назначению. По расположению в тексте (в начале главы, перед прозаическим текстом, после какого-либо повествования для уточнения) стихи были: а) предварявшими; б) последовавшими, или же дополнявшими. В аспекте назначения можно выделить а) кратко описывавшие стихи; б) детализировавшие стихи; в) стихи, передававшие мысль, либо же взгляд автора.

Автор хроники продемонстрировал себя как «beyt çıqarucı», «nazm eş’ar», то есть стихотворец. «Бейты», или же двустишия – достаточно удачная и емкая форма, посредством которой автор дополнял, написанное ранее, либо же предварял последующую мысль. Бейты обычно содержат законченную мысль. Например, именно в этой форме Сенаи изящно и достаточно четко характеризовал хана как «вершителя справедливости» и «милостивого государя». Раздел хроники о назначении ханом на должность калги Крым Герая автор начинал именно с бейта (двустишия), предназначением которого было указать на справедливое правление хана и порядок в государстве. Однако смысл бейта передан несколько обобщенно.

Raqam zede-i raqam zed çu ber-safha-i ‘adl u dad
Ki bir hurfeş inkeşt-i nüstuvan nihad [1, 174].

Пишущий написал на странице: «справедливость и правосудие»,
И никто не в силах оспорить это [2, 6].

Отметим, что бейты можно рассматривать как некий художественный прием автора, благодаря которому он постепенно приходит к самой сути описываемого события. Это связующие звенья в общей «ткане» произведения.

Следующий бейт продолжал мысль Сенаи о справедливости хана как дополнение к предшествующему тексту. Важный акцент со стороны автора сделан на умении прощать раскаявшихся людей. Так, здесь затронута гуманистическая сторона правителя.

Adille cihangir u ‘ata ile cihan-bahş

Tığîle revangir u aman ile revan bahş [1, 174].

Он справедливостью взял мир, и одарил народ милосердием,
Он с мечом отправился в поход, и, продолжал править,
проявляя гуманность [2, 39].

Примечательно то, что за исключением слов «ata» и «aman» все слова из первой «мысры» (строки) рифмуются со словами из второй: adille – tığıle, cihangir – revangir, cihan – revan, bahş – bahş.

Задача создания ярких, исторически правдивых образов была приоритетной как в поэтической, так и в прозаической системе Сенаи.

В разделе о походе на земли черкесов Сенаи с помощью бейта выразил мысль о широте ханского милосердия, а также показал результативность похода. Войско добилось своей цели, подавив сопротивление непокорных черкесов и вернувшись с огромным количеством трофеев. Автор в бейте передал основную идею хроники – непобедимость крымских войск.

Sipah-ı husrev sahibqıran bende-i nevaz
Behr geca ki rud ba-ğanimet ayd baz [1, 177].

Войско счастливого шаха прощает грехи
И, куда бы оно ни ступило, возвращается с добычей [2, 10].

В рифмованной форме восхваляется султан Османской империи. Здесь также, как и в описании хана, автор не щадил метафор и гипербол, даже применял их в некоторой степени с большей выразительностью. Важно и то, что Сенаи перед этим подчеркивает, что крымские ханы находились в подчинении у османских султанов и постоянно выражали свое «особое» отношение к этим правителям.

Zıll-ı yezdan daver-i devran İbrahim Han
Husrev-i İran u Turan malik-i mülk-i cihan [1, 177].

Тень Аллаха, судья времени, Ибрахим хан,
Падишах Ирана и Турана, повелитель всего мира [2, 10].

Метафоричным бейтом Сенаи начал краткий раздел о возвращении нуреддин султана Гази Герая из похода в Московию. Исходя из предыдущего раздела, можно сделать вывод, что посредством этих «образных» строк был передан смысл о незыблемости крымских войск. Снегопад во время похода был тяжелым препятствием на пути домой, однако благодаря своей твердой вере аскеры преодолели его. Самым основным фактором победы являлся приподнятый воинский дух. Импульсом к достижению цели служили подъем чувств и энергии, воодушевление, которые исходили от Бога. Сила воинственного запала овладевала аскерами, потрясала врагов.

Çerağı ra ki izd ber-fürud
Her anku per-kend riseş-suzd [1, 180].

Лампу твою если бог зажжет,
Всяк, кто дунет, бороду сожжет [2, 14].

Образ нуреддин султана Гази Герая, совершавшего поход, отразился в сравнении с легким утренним ветерком:

Çün bad-ı saba-ı nevbaharı
Seyr eyledi geçdi her diyarı [1, 181].

Подобно ветерку, весенним утром
Он промчался над всей землей [2, 15].

Войска противника находились в безвыходном положении. Стремительная, а порой даже неожиданная атака сил крымцев привели к панике в среде польского войска. Оставалось одно спасение – отступать быстрыми темпами. Сенаи не тратил много слов для описания этого эпизода, а лишь отметил его в бейте:

Ne halâs ihtimalı ola
Ki ferd-i vahid qurtula [1, 188].

Но нет возможности бежать
И ни один не смог спастись [2, 25].

В каждой своей поэтической вставке Сенаи стремился как можно больше акцентировать внимание на образе хана Ислам Герая. Любая малейшая деталь обогащала образ, делала его более ярким. Поскольку главный герой хроники мусульманский правитель, он показан словно бы «прочная стена», оберегающая мир ислама. Самое святое, что есть у каждого человека – это вера. Она же является опорой, без которой невозможно жить. Оберегая свой очаг, то есть родину, падишах в то же время служил в качестве опоры для веры (dinperver]. Во второй строчке стиха автор указал на газават (buğza), то есть на «священную войну». Однако здесь считаем необходимым отметить тот важный факт, что газават никогда не совершался без причины. Для начала подобной войны должна была иметься действительно важная причина: либо притеснение, угнетение соседей, друзей, подданных, либо же препятствие в распространении веры (ислама). В последующих строках Сенаи применил символику: победоносное знамя (tiğ-ı zafer), к которому прикоснулся хан. Так в тексте было передано выражение патриотизма. Началу любого сражения предшествовал церемониал, связанный с государственными атрибутами. Это можно рассматривать и как некий обычай («адет»). Поднимая высоко знамя, крымские татары свято хранили высшие идеалы и заветы. Знамя являло собой воплощение единства нации. Сенаи вложил в слова «dest-zed u tiğ-ı zafer ber keşid» («коснулся рукой победоносного знамени») как прямой, так и переносный смысл, подразумевая при этом и идею единства и веры в победу. В последней строке сказано о текбире. Текбир был слышан на всем пространстве военных действий. Это слова, выражающие величие Аллаха (Allahu Ekber]. Перед каждым делом приносился текбир («tekbir getirmek»). Переносный смысл проходит в строке «galgal-i tekbir be-gerdun resid» («звуки текбира дошли до небес»): мысль о том, что молитвы воинов были услышаны Аллахом.

Hüsrev-i din-perver sahibqıran
Çün buğza best-kemer ber-meyan
Dest-zed u tiğ-ı zafer ber keşid
Galgal-i tekbir be-gerdun resid [1, 189].

Царь, защитник веры, сахибкиран
Для газавата перепоясался мечом,
Коснулся рукой победоносного знамени –
Звуки текбира дошли до небес [2, 26].

Большой стих, а именно 18 бейтов написаны автором для восхваления Ислама Герая во главе, где повествовалось об отпущении гетмана Чиновеского и аресте остальных командиров в крепости Чуфут-Кале. Эта поэтическая вставка предстает как ода правителю великой страны. В ней Сенаи максимально применял всевозможные «высокие речи». В завершение бейтов автором указана символичность имени Ислам Герая, которое заключало в себе смысл религии ислам – покорность, веру в Бога. Образ-лейтмотив хроники показан с разных сторон: волевой («Yakıneş qavi bud u dineş derest» [1, 190]), предприимчивый («Be-tedbir kârı ki rah nemud» [1, 190]), дальновидный, прощающий обиды и наказывающий провинившихся, помогающий в просьбах о чем-либо («Becz dadgir yarı ez-kes necest» [1, 190].

Возвращение войска в Бахчисарай и встреча, оказанная местными жителями в честь победителей – это важный момент в композиции произведения. Сенаи уделил особое внимание данным хоть и небольшим, но все же ярким эпизодам. В задачу автора входило разбавить сцены военных баталий и долговременных походов житейскими описаниями. Атмосфера торжества, празднования победы передана в рифмованных строках. В сторону падишаха (şehriyar, hukümdar) «посыпались» слова благодарности и восхваления (midhat aferin]. Каждый житель столицы благословлял (senahan) и воздавал хвалу руководителям государства и воинам. Всюду царила атмосфера радости (şadan) и славилась победа. Высокая оценка была дана «государственным мужам». Множество драгоценностей было в изобилии (firavan): золото (zer]. Каждый получил вознаграждение. Восторженная похвала переполнила улицы города.

Bir fitend yekser hemme ba-nişar
Senahan u şadan bir şehriyar
Firavan zer u kuhr efşandend
Beru midhat aferin handend [1, 194].

Кинулись все, как один, на бросаемое
Хваля царя и превознося его
Было рассыпано золота, и прочего
Хвалили царя, глядя в лицо [2, 33].

Восторженный тон автора прослеживается в стихе, где описывается пир в Бахчисарае в честь победы. В центре – празднества, торжества с обильным и роскош-

ным угощением. Большой пир сопровождался различными увеселениями. Неслучайно выбрано сопоставление с райскими садами Эдема, поскольку Сенаи в переносном смысле подразумевал прекрасное и благодатное место в Крымском ханстве, где люди могли жить безмятежно и счастливо, наслаждаясь окружающим. Здесь царили радость и блаженство. Усилил автор свое описание метафорической гиперболой «Be-nev’i ki çeşm-i felek hayra keşt» («И глядя на них ослепло даже небо»). Далее перечислены напитки и сладости. Масштабы всего торжества Сенаи воплотил в слове «felek» («мир»). Все испытывали чувство удовольствия, были в веселом настроении, поскольку поводом было действительно радостное событие. Удача сопутствовала войску. И заканчивает стих Сенаи снова гиперболой о том, как звуки, голоса и музыка были настолько сильны, что переполняли все пространство вокруг. Словно бы они доносились до звезд и планет.

Yeni çeşn-i şahane fermud-şah
Ki bağ-ı irem keşt an bezmegâh
Ba-qıbal şah-ı sipihr-ihtişam
Müheyya şedd-i esbab-ı şadi vü kam
Hemme ‘arsa-i dest-pür şire keşt
Be-nev’i ki çeşm-i felek hayra keşt
Evani-i zerrin fızun ez-şümar
Pür ez-l’al kun bade-i huşgüvar
Kımz-bud u bal u nebid u ‘araq
Cihanra pür ez-nakş-ı şad-ı varaq
Ze amed-şed sakiyan ba-qadeh
Felek ra-dil ez-cay-ı refet ez-ferah
Ze lahn-ı muganni vü avaz-ı saz
Be-çarh-ı amede zühre-i dil-nüvaz [1, 196].

Тут такое угощение заказал шах
Что оно не снилось и в садах Эдема
Чтобы ублажить шаха – Солнце на земле
Приготовили все нужное для пира
Все навеселе гуляли в поле чистом
И на них глядя ослепло даже небо
Золотые чаши все до одного
Были полны красным, как рубин, вином
Был там и кумыс, и мед, арак и пиво
И был полон мир весь радостью и счастьем
Голоса певцов и звуки барабанов
Доходили аж до самых высей высших [2, 35].

Особенность поэтических принципов Сенаи, активность его образного мышления выразились в пристрастии к необычному показу окружавшей его действительности. Множество троп служили не только для образно обобщенного воспроизведения исторической обстановки времени, но и являлись средством эмоциональной окраски отдельных картин.

Выводы и перспектива. Уникальность хроники «Тарих-и Ислам Герай хан» состоит в том, что она, будучи целостной художественно-исторической системой, гармонично чередовала в себе прозу и поэзию. Совершенно определенно можно сказать, что в становлении творческой индивидуальности Сенаи, в самоопределении его творческих стремлений значительную роль сыграл и его поэтический талант. Взаимодействие прозы и поэзии обогащало сочинение, делало его оригинальным и ярким. Летописание органично сочеталась с философичностью. Стихи в хронике несут в себе большую смысловую нагрузку, в строках заметно акцентирование на какой-либо мысли. В стихах виден различный подход к воспроизведению событий, и разные принципы организации поэтического материала. В самих структурах стихов отразилась сила и масштабность поэтической мысли Сенаи, меткое видение как художника слова, идеалистическое и героическое восприятие событий: символические образы в сочетании с зарисовками времени. Богатая интонация в каждом бейте, стихотворении создавала особое, неповторимое «настроение», глубоко раскрывающее мысль, идею. Каждая деталь, каждый факт конкретной истории приобретали в стихах художественное выражение в системе поэтических образов. Так, эти детали и факты оказывались включенными в общую концепцию автора.

Литература

1. Туранли Ф. Г. Літописні твори М. Сена'ї та Г. Султана як історичні джерела / Ф. Г. Туранли. – Київ, 2000. – 311 с.
2. Усеинов. К. Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи. Книга походов. История хана Ислям Гирая Третьего / К. Усеинов. – Симферополь : Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 1998. – 72 с.
3. Крошнева М. Е. Теория литературы: учебное пособие / М. Е. Крошнева. – Ульяновск: УлГТУ, 2007. – 103 с.
4. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие / Б. В. Томашевский / Вступ. статья Н. Д. Тамарченко; Комм. – С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тамарченко. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 334 с.
5. Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы / Р. Уэллек, О. Уоррен. – М. : «Прогресс», 1978. – 325 с.

Абдужемілєв Р. Р. Поетичні вставки в системі хроніки "Таріх-і Іслам Герай хан" / Р. Р. Абдужемілєв // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 467–475.

У статті «Поетичні вставки в системі хроніки "Таріх-і Іслам Герай хан"» проаналізовані віршовані фороми як засоби подання матеріалу в творі. Визначені функції поетичних вставок, авторські підходи до відтворення подій. Показані особливості віршованого слова. Робота направлена на виявлення важливості поетичних вставок у хроніці. Дослідник акцентує увагу на тому, що унікальність твору як цілісної системи полягає в передачі віршованого матеріалу, в органічному поєднанні прози та поезії, а також в їх чергуванні. У статті майстерність автора хроніки показана на прикладі його високої мови у віршах з великою кількістю троп.

Ключові слова: хроніка, поетичні вставки, вірш, бейт.

Abduzhemilev R. R. The Poetic Insertions in the system of the Chronicle «Tarih-i İslam Geray Khan / R. R. Abduzhemilev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 467–475.

In the article «The Poetic Insertions in the system of the Chronicle «Tarih-i İslam Geray Khan» the matter for consideration is the analysis of the poetic forms as the means of rendering the material in the work. The functions of the poetic insertions, the author's approaches in the reproduction of the events are defined.

The features of the poetic word are showed. The work is aimed at idenification the importance of the poetic insertions in the Chronicle. The researcher focuses on the fact that the uniqueness of the work as the whole system lies in the rendering of the poetic material, organic combination of prose and poetry, as well as in their alternation. The poetic insertions in the Chronicle are connecting and supporting points in the plot-composition chain of the work. The rich tone of each beyt and verse made a special, unique «mood» that revealed deep thought or the idea. The versified speech is characterized by emotional and semantic richness. In the development of the creative individuality of Senai and in the self-determination of his creative aspirations his poetic talent played a significant role. Every detail, every fact of the particular story gained in the verse aesthetic expression in the series of poetic images. The very structures of the poems reflected the power, the scale of Senai’s poetic thought, vigilance of his vision, heroic perception of the events: the symbolic images and depiction of the epoch, combined with a fairly accurate sketches of the time. «Beyits» or two-lined verses were quite successful and succinct form by means of which the author has supplemented the written before, or preceded the subsequent thought. The verses served as a convenient framework for the implementation of the tasks of the aesthetic and heroic character. In the article the skill of the Chronicle’s author is shown by the example of his high voice in the verses with an abundance of the thropes.

Key words: the Chronicle, poetic insertions, verse, beyit.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 476–481.

УДК 811.512

ТЕМА НИЗАМИ И «КИТАБИ-ДЕДЕ-КОРКУД» В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ГАМИДА АРАСЛЫ

Сафиева В. А.

Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана
azfolklor@yahoo.com

История развития азербайджанской культуры, особенно письменной литературы, была неразрывно связана с фольклором. Более того, фольклорные традиции во все времена играли роль стимулирующего идейно-эстетического фактора в эволюции письменной литературы. В научной статье рассматривается сравнение выдающегося ученого, академика Гамида Араслы эпоса «Китаби-Деде-Коркуд» с произведениями великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви. Приводятся цитаты из его докладов на научной конференции, посвященной жизни и творчеству великого поэта и на международном конгрессе востоковедов. Также исследованы отдельные песни эпоса «Китаби-Деде-Коркуд» и поэмы, новеллы Низами Гянджеви. Академик Гамид Араслы анализирует каждую песнь, знакомит читателя со старинными обычаями, обрядами, верованиями народа в песнях эпоса «Китаби-Деде-Коркуд» и в произведениях Низами Гянджеви.

Ключевые слова: Гамид Араслы, Низами Гянджеви, «Китаби-Деде-Коркуд», эпос, произведение, песня.

Постановка проблемы. Одним из выдающихся деятелей азербайджанской науки является ученый широкого диапазона, считавшийся историком литературы, востоковед, тюрколог, фольклорист, текстолог академик Гамид Араслы. Его деятельность охватывает все сферы литературоведения. Но особую роль он сыграл в азербайджанской фольклористике. Можно сказать, что у него есть исследования почти о всех жанрах и видах фольклора: об ашукской поэзии, о дастанах, сказках, пословицах и поговорках, об анекдотах, баяты, гошма и т.д. Г. Араслы также является автором многих учебников как по азербайджанской литературе, так и по фольклору.

Гамид Араслы внес значительный вклад в дастанный эпос, переиздавая эпос «Китаби-Деде-Коркуд». Героический эпос «Китаби-Деде-Коркуд» («Книга моего Деда Коркуда») является одним из древнейших и ценнейших литературных памятников тюркских народов. Существуют две рукописи эпоса XV-XXVI веков – Дрезденский и Ватиканский. Дрезденская состоит из двенадцати, а Ватиканская – из шести сказаний (героических дастанов). В. В. Бартольд осуществил полный перевод дастана на русский язык в 1922 году. Но дастан опубликовался в 1962 году под редакцией В. М. Жирмунского и А. Н. Кононова. В 1952 году исследователь Этторе Росси опубликовал комментированный перевод на итальянский язык факсимиле второй рукописи «Китаби-Деде-Коркуд», которую он обнаружил в Ватиканской библиотеке. Текст этой рукописи почти не отличается от текста Дрезденской

рукописи. В дастане описываются древние обычаи и обряды, а также национальный характер тюркских народов: уважение к старшим, умершим, к матери, взаимоотношения между членами семьи. В эпосе также используются другие жанры национального фольклора как баяты, пословицы и поговорки. Также показывается отношение людей к природе, их свободолюбие, отвага. Главным героем этого дастана являлся Коркуд-Ата. Он был советником, проповедником народа: «Близко ко времени посланника (Божьего), привет ему, из племени Баят вышел человек по имени Коркут-Ата («Отец Коркут»). Среди огузов он был первым человеком, он знал все; все, что он говорил сбывалось. О скрытом (будущем) он приносил разные вести, что влагал ему в сердце всевышний Бог. Коркут-Ата разрешал затруднения народа огузов. Какое бы дело не случалось, не спросив совета у Коркут-Ата, его не решали. Все, что он приказывал принимали, его слова держались, (по его слову) все исполняли» [1, 9].

Низами Гянджеви – классик азербайджанской поэзии. Говоря о его творчестве нужно отметить, что он был не просто поэтом. Он использовал в своих произведениях темы из традиционного устного народного творчества. В этом плане можно отметить его такие рассказы как «Разговор двух сов», «Повесть о соловье и соколе», его поэмы «Лейли и Меджнун», «Хосров и Ширин», заимствованную у народа и др.

По мнению Гамида Араслы на творчество Низами Гянджеви оказало значительное влияние богатейшее устная поэзия его народа. Это он отмечает в своем докладе на XXV конгрессе востоковедов: «Мы считаем, что эпос Деде Коркуд, известный научному миру по двум спискам XV-XVI вв., отразил озанскую (ашукскую) поэзию, развивающуюся в Азербайджане в X-XI вв., и именно в эти века был записан. Хотя Низами и брал своих героев из сасанидских хроник и преданий античной Греции, однако поэмы свои он строил на основе азербайджанского народного эпоса, отразившегося, в частности, в «Деде Коркуд». Прежде всего, нужно отметить, что Низами использовал в своих произведениях много азербайджанских (тюркских) слов, часть которых теперь вышла из литературного языка и сохранилась только в народной поэзии» [2, 485, 486].

Гамид Араслы считает, что чисто народные выражения и обороты, азербайджанские термины и слова, народные пословицы и поговорки в произведениях Низами являются доказательством того, что народная поэзия, народная мудрость оказали на творчество Низами громадное влияние [3, 77].

Гамид Араслы сопоставляя произведения Низами и эпос «Деде Коркуд» отмечает, что все герои произведений Низами являются единственными детьми в семьях и рождаются в результате народной молитвы. В подтверждение этих слов ученого мы рассматриваем песнь о Бамсы Бейреке, сыне Байбуры» и поэмы Низами Гянджеви «Хосров и Ширин» и «Лейли и Меджнун». Их всех объединяет одна и та же черта. По мнению Гамида Араслы, все они появились на свет именно как результат молитв и обетов, данных Богу [2, 487, 488].

Еще Гамид Араслы обращает внимание на то, что герои эпоса «Китаби-Деде-Коркуд» и герои произведений Низами обладают еще и ашыгским творчеством: «Можно привести сотни легенд из народной поэзии. Как правило, встретим положение, что мальчики, рожденные в результате обетов, молитв, жертвоприношений

или преподнесенного дервишем яблока, делаются или героями, или ашуками. Они борются, опираясь на свою физическую силу (Бейрак, Шах Исмаил и др.), или на силу и убедительность своих слов (Гариб, Керем, Новруз и др.), или достигают всего умом и своей смышленностью (рассказ об Ильясе). Они отличаются от своих современников умом, преданностью, а геройством и отвагой превосходят других» [3, 79]. Гамид Араслы также отмечает и другое общее качество героев эпоса «Китаби-Деде-Коркуд» и поэм Низами Гянджеви: «В эпосе Деде Коркуд» герой выводится как личность, обладающая большими дарованиями и необыкновенной силой, которые проявляются у него еще в детские годы. Годы детства, воспитания и возмужания протекают интенсивно, развитие совершается с исключительной быстротой. «Сыну Байбуры исполнилось пять лет, после пяти исполнилось десять лет, после десяти исполнилось пятнадцать лет, он стал красивым, добрым джигитом, мужеством походя на орла, налетающего на коршуна». Такую же картину мы имеем в поэмах Низами. В них Хосров в девятилетнем возрасте оставляет детские игры и забавы и начинает совершать героические подвиги:

После девяти лет он покинул игру
Изведал игры со львом и змеем.
Когда же он возвел основу (жизни своей) до десятилетия,
Головы тринадцатилетних он пускал на ветер (смущал, побеждал).
Силой руки он стал равен (силе) лапы льва,
Мячом он рассекал колонну.

Эти исключительные черты присущи также Бахраму. Он тоже очень рано проявляет геройство, убивает дракона, ловит льва» [2, 488].

Гамид Араслы также сравнивает женщин, героинь эпоса и произведений Низами. Их отвагу, мужество, благородство: «Низами ярко обрисовывает положительные образы женщин, к которым относится с глубоким уважением. Низами отводит женщине почетное место в жизни, возвышает женщину как мать, как любимое существо. И поэт создает благородные образы женщин: умелых, сильных правительниц – Ширин и Нушабе, умной Фитне, верной Лейли, воинственной китаянки, ученой Марии» [2, 488].

Сравнивая женщин эпоса и женщин из произведений Низами, Гамид Араслы также отмечает такую общую черту их характера как верность народным традициям, их нравственные качества: «Одной из особенностей в образах женщин, встречающихся в азербайджанском и в тюркоязычных эпосах, является то, что прежде чем выйти замуж, она подвергает испытанию жениха. Испытание это выражается в определении физической силы жениха, его знаний, опыта и умения метко и красиво выражать свои мысли, умения достойно вести себя в обществе. Если у девушки несколько женихов, то она заколдовывает себя и объявляет, что выйдет замуж за того, кто освободит ее от чар колдовства. Эти же мотивы выражены в песнях «Кан Турала» и «Бейрек и Бану Чичек» из эпоса «Деде Коркуд», а также в новеллах Низами в Хафт пейкар («Русская царевна» и «Добро и Зло»)» [2, 488]. Гамид Араслы также выделяет дружбу между героями эпоса и героев Низами: «В эпосе «Деде Коркуд» герои делятся успехами и радостью со своими друзьями. Например, Бамсы Бейрек, освободившись из тюрьмы, хотя и вырывает в свадебную ночь из рук Яланчи-оглы

Ялунджуга свою возлюбленную, не играет свадьбу и только после освобождения своих 39 товарищей он вместе с ними в одну и ту же ночь играет свою свадьбу. Эту особенность мы встречаем в произведении Низами «Хосров и Ширин». После женитьбы главных героев Хосрова и Ширин, Хумаюн, Хумейла, Сементурк и Хутенханум, живущие вместе с Ширин, выходят замуж за Шапура, Никиса, Барбеда и Бузургуммеда» [2, 490].

Одним из общих героев произведений Низами Гянджеви и эпоса «Китаби- Деде-Коркуд» являются образы чобанов (пастухов). Гамид Араслы сравнивает их так: «Образы чабанов (пастухов) в произведениях Низами также очень схожи с образами чабанов в эпосе «Деде Коркуд».

Караджа-Чобан в эпосе «Деде Коркуд» (в песне о том как был ограблен дом Казана) описывается как человек верный, щедрый и доблестный. Этот храбрый чабан своими положительными чертами стоит выше главного героя эпоса Казана и намного умнее его. Правда, чабаны в произведениях Низами не вооружаются и не отправляются на поле брани, но своим умом и наставлениями направляют действия главного героя произведения. Чабаны при встречах с Бахрамом в произведении «Семь красавиц» и Искендером в «Искендернаме» описываются очень схожими с чабанами из эпоса «Деде Коркуд»«[2, 489]. В сравнении эпоса «Китаби-Деде-Коркуд» с произведениями Низами, выдающийся ученый показывает и верования тюркских народов в сновидения, их отношение к домашним животным, особенно к коню, являющемуся как другом для героев в жанрах устного народного творчества Азербайджана: «Характерен также для народного эпоса мотив сновидения. Герой, прежде чем с ним случится приключение, прежде чем над его головой возникнет беда или, наоборот, прежде чем постигнет его удача, видит все это во сне.

Предсказание будущего во сне и дальнейшее объяснение причины случившегося видим мы и у Низами. В поэме «Хосров и Ширин» Низами придерживается этой версии. Наказанный отцом Хосров во сне видит своего деда Ануширвана. Ануширван дает внуку четыре обещания. Он говорит внуку, что Ширин, престол, Шебдиз и Барбед будут принадлежать внуку. События разворачиваются. И действительно, в дальнейшем всем этим обладает внук, т.е. Хосров. Видение во сне будущего события, связанного с судьбой героя, мы встречаем и в эпосе «Деде Коркуд» [3, 88, 89].

Герои эпоса «Деде Коркуд» видят сны, которые впоследствии сбываются. Например, Казан выходит на охоту, спит, видит сон, встает и рассказывает обо всем своему брату Кара-Гюне. Кара-Гюне так растолковывает его сон: «Ты говоришь о черной туче, это – твое счастье; ты говоришь о снеге и дожде, это – твое войско; волосы – забота, кровь – черное (бедствие); остальное истолковать не могу, пусть Аллах истолкует» [2, 490]. «Другой особенностью эпоса «Деде Коркуд» является идеализированное описание коня. Конь является неразлучным другом героя. Пословица «если не будет работать лошадь, не возрадуется муж (хозяин)» – основной мотив эпоса «Деде Коркуд». В песнях эпоса можно встретить *кечи башлы кечяр айгыр, тоглу башлы туру айгыр.* В песне «О Бамсы Бейреке, сыне Байбуры» особо повествуется о геройстве коня. Бейрек, после своего освобождения из плена, в первый раз идет на встречу с серым жеребцом и так хвалит его: Открытому ристалищу подобно чело твое, двум ночным светильникам подобны глаза твои, щелку подобны твои

уши: несет воина к цели его стремлений твоя спина. Не буду звать тебя конем, буду звать тебя братом; ты мне лучше брата. Мне предстоит дело: буду звать тебя товарищем; ты мне лучше товарища. Такое отношение к коню мы встречаем и в произведениях Низами. В поэме «Хоров и Ширин» поэт хвалит коня Ширин Шебдиза. Он даже рассказывает о распространившейся среди народа легенде о необыкновенных качествах этого коня:

«Привязан в стойле конь, Дивись его ногам
Летит – и пыль от ног, не ухватить ветрам.
Его стремительность не уловить рассудком,
Он в волны бросится, подобно диким уткам,
Он к солнцу вскинется, – так что ему до стен!
Он перепрыгнет вмиг семь небесных арен [2, 490].

Выводы и перспектива. О творчестве великого азербайджанского поэта Низами написано многое. Но исследование эпоса «Китаби-Деде-Коркуд» в произведениях Низами Гянджеви нуждается в развитии. Академик Гамид Араслы провел сравнительный анализ произведений Низами Гянджеви и ценнейшего памятника литературы азербайджанского народа, эпоса «Китаби-Деде-Коркуд», подчеркивая эту нужду.

Литература

1. Деде Коркут [Перевод академика В.В. Бартольда, Подготовили к печати: Гамид Араслы, М.Г. Тахмасиб). – Баку: Изд. Академии Наук СССР, 1950. – 159 с.
2. Труды Двадцать пятого Международного конгресса востоковедов, Москва, 9-16 август, 1960, том I. – Москва: Изд. Восточной литературы, 1962. – 564с.
3. Труды Двадцать пятого Международного конгресса востоковедов, Москва, 9-16 август, 1960, том 3. – Москва: Изд. Восточной литературы, 1963. – 668 с.
4. Г. Араслы. Предисловие к книге «Китаби Деде Коркуд» / Г.Арсалы. – Баку: Издательство Академии Наук Азербайджанской ССР, 1939. – 179 с.
5. Низами. Хосров и Ширин. Поэма [Перевод К. Липскерова] / Низами. – Баку: Издательство Академии Наук Азербайджанской ССР, 1955. – 496 с.
6. Низами. Семь красавиц [Перевод с персидского В. Державина] / Низами. – Баку: Издательство Академии Наук Азербайджанской ССР, 1959. – 395 с.
7. Низами. Сокровищница тайн. Поэма [Перевод с фарси К.А. Липскерова и С.Б. Шервинского) / Низами. – Москва: Гослитиздат, 1959. – 239 с.

Сафієв В. А. Тема Нізамі і «Китаби – Деде – Коркуд» в науковій спадщині Гаміда Арасли / В. А. Сафієв // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 476–481.

Історія розвитку азербайджанської культури, особливо, письмової літератури була нерозривно пов'язана з фольклором. Більше того, фольклорні традиції в усі часи відігравали роль стимулюючого ідейно-естетичного фактора в еволюції письмової літератури. У науковій статті розглядається порівняння видатного вченого, академіка Гаміда Арасли епосу «Китаби – Деде – Коркуд » з творами азербайджанського поета Нізамі Гянджеві. Наводяться цитати з його докладів на науковій конференції, присвяченій життю та творчості великого поета і на міжнародному конгресі сходознавців. Також досліджено окремі пісні епосу «Китаби – Деде – Коркуд» і поеми, новели Нізамі Гянджеві, який аналізує кожну пісню, знайомить читача зі старовинними звичаями, обрядами, віруваннями народу в піснях епосу «Китаби – Деде – Коркуд» і в творах Нізамі Гянджеві.

Ключові слова: Гамід Арасли, Нізамі Гянджеві, «Китаби – Деде – Коркуд», епос, твір, пісня.

Safieva V. A. Nizami and «Kitabi Dede Korkut» in the scientific heritage of Hamid Arasly / V. A. Safieva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 476–481.

The history of Azerbaijani culture, especially the written literature was inextricably connected with the folklore. Moreover, the folklore traditions at all time were as the stimulating ideological and aesthetic factors in the evolution of written literature. That's why a true regularities scientific study of different written literature stages supposes sufficient awareness in the specific folklore area. It stands for reason that in study of Turkic languages "Kitabi Dede Korkut" chapters have leading position as the subject of poetical researches.

In the scientific article the comparison of great Azerbaijani poet Nizami Ganjavi's works and "Kitabi Dede Korkut" epos is performed by the outstanding scientist, academician Hamid Arasly. Quotes from his scientific conference reports devoted to the life and work of the great poet and the quotes from International Congress of Orientalists are given. Also certain songs of the "Kitabi Dede Korkut" epos and Nizami Ganjavi 's novels and poems are investigated. Academician Hamid Arasly analyzes each song and introduces the reader to ancient customs, rituals and faiths of "Kitabi Dede Korkut" nations and nations from the works of Nizami Ganjavi. The author notes that Hamid Arasly made a significant contribution to the dastan by republishing "Kitabi Dede Korkut" epos because the "Kitabi Dede Korkut" epos ("Book of my grandfather Korkut") is one of the most ancient and most valuable literary monument of Turkic nations.

Key words: Hamid Arasly, Nizami Ganjavi, "Kitabi Dede Korkut", epos, writing, song.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 482–487.

УДК 811.512

ПЕРФОРМАТИВНАЯ ПРАКТИКА ЭПИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В «КНИГЕ МОЕГО ДЕДА КОРКУТА»

Расулов Р. К.

Бакинский славянский университет
azfolklor@yahoo.com

В научной работе автором исследована тема «перфомативности», которая является актуальной в последнее время в лингвистических учениях. Автор указывает на то, что перформативность является неотъемлемой частью этно-культурологического дискурса, особенно теории ритуала. На примере произведения огузского эпоса «Книга моего деда Коркута» рассмотрены проявления перформативности. Отмечается, что основной единицей повествования является ритуальное событие, которое в «Книге Деда Коркута» принимает характеристики ритуально-коммуникативного, этикетного события. Автором проведен лингвопоэтический анализ текста, в ходе которого были сделаны следующие выводы: перформативность в данном тексте тесно связна с ритуальной практикой, основные компоненты сюжета – перформативность и семиозис, сюжет – борьба. Выделяются сакральные перформативные формулы.

Ключевые слова: литература, эпос, перформативность, мифология, ритуал, анализ.

Постановка проблемы. В последние годы в современных гуманитарных науках тема «перформативности» (performativity) приобретает все большое значение. Антропологи, философы, лингвисты, литературоведы, историки и другие специалисты обращаются к этой теме. Даже некоторые авторы отмечают, что в современной науке и культуре существует какой-то определенный «перформативный поворот» [2]. Это связано также с распространением жанра «перформанса» в современном искусстве.

Перформативность является неотъемлемой частью этно-культурологического дискурса, особенно теории ритуала. «Перформативность» – это термин широкого масштаба и связан в основном с реализацией речевых актов в зависимости от условий (теория речевых актов), театрализация и исполнение театрально-ритуальных актов (теория В.Тернера).

Теория перформативности Дж. Остина [5]. считается универсально-культурной концепцией в современных гуманитарных науках. Дж. Остин впервые показал, что процесс произнесения высказывания – это акт передачи информации и выполнения других действий. В процессе коммуникации люди не только составляют предложения, но и употребляют их для выполнения таких действий как принуждение, обещание, благодарность и т.д. Дж. Остин, выявив наличие перформативных предложений, заложил основу теории речевых актов. Повествовательное предложение стано-

вится перформативным, когда оно не описывает действие, а приравнивается к самому действию [6, 19-20].

В нарративном пространстве средних веков тюркских языков перформативность рассматривается как система программирования или моделирования определенной практики (ритуала, обычаи). По словам О.М.Фрейденберг, в архаичной культуре всякое слово тождественно действию, всякое название есть воспроизведение действия [10, 104].

Как пишет В.Н.Топоров, такое положение сохраняется в тех культурах, где еще не полностью утрачена ритуальная функция языка, где следовательно, каждое высказывание с ритуальной функцией по идее является перформативным (словомделом, в первую очередь делом, а не словом) [7, 146].

В средние века исполнение ритуалов, церемоний, норм житья, игр (performance) этнического социума было важным вопросом. Повседневная жизнь человека театрализовалась будто на сцене, а акт перформативности организовал этот спектакль. Перформанс являлся основной формой общественной памяти и основным каналом передачи этнической социальной практики.

Перформативность моделирует коммуникативные отношения определенных коммуникативных событий, ситуаций, связывает социум и индивида с внешним миром.

«Книга моего Деда Коркута на языке племен огузов» – письменный памятник огузского (тюркского) эпоса, написанный в 887 г. х. (2483 г). «Книга Деда Коркута» включает 12 сказаний – огузнаме. Основной единицей повествования (нарратива) – это ритуальное событие. В «Книге Деда Коркута» ритуально-коммуникативное, этикетное событие является основной категорией эпического нарратива.

«Книгу Деда Коркута» можно отнести к монументальным эпическим текстам, где перформативные единицы преобладают: несмотря на то, что сказатель описывает «абсолютное прошлое» (М.Бахтин) огузов, смелость эпических предков эпос не носит информативный характер.

В «Книге моего Деда Коркута» основу повествовательной системы, эпического стиля составляют перформативные единицы (высказывания, формулы, перформативно-дискурсивные практики и конструкции). Лингвопоэтический анализ огузского эпоса показывает, что некоторые синтаксические конструкции входят в систему перформативных высказываний – конструкций. «Перформативные конструкции реализуются почти во всех типах речевого акта. Они являются функциональными эквивалентами 1) декларативов (констативных – утвердительных), 2) директивов (инъюнктивных – принуждение, команда и реквистивных – просьба), 3) вердиктивов (решение, оценка и недооценка), 4) премиссивов (позволение), 5) экзерситифов (решение, отмена), 6) комиссивов (гарантия, ответственность, присяга, обещание), 7) экспозитивов (соглашение, спор, протест), 8) сатисфактивов (благодарность, сожаление, извинение, желание) и т.д.» [3, 82].

Перформативные единицы в эпосе – ритуальные или ритуализованные перформативы осуществляются в сакральном (исламском) семиозисе и включает сакрально-богослужительные перформативы, агиографические тексты (сакральные нарративные перформативы), религиозные перформативы, ритуальные перформативы (мольбы, прощения о помощи, хваление, вотивы, профетизмы, керигмативы и т.д.).

Вербальный (устный) реализм, ритуальное слово, которые являются основой традиционной тюркской (огузской) культуры, находят свое отражение в разных типах речевого поведения в эпосе. Общинное образование социальной жизни Огузов обусловливает перформативный характер процедуры церемоний – обрядов. Перформативность связывают с процессом инициации («отрубить голову, пролить кровь, проявить смелость»), приобретением неофита нового социального статуса (например, наречение именем). Магическое отношение этнического социума к слову обусловливало интенсивность устной коммуникации. Перформативность в эпосе считается не только единством слова и дела, слова и действия, но и выражением социального господства, социального статуса в Огузе. Как пишет известный исследователь огузского эпоса К.Абдулла, «весь Дастан пропитан какой-то атмосферой благоговения перед словом. Власть слова превращается в своеобразный источник культа, обожествления для всех тех, которые живут, боготворя возможность реализации изреченного, и этот культ в конечном итоге приводит к поклонению Слову, вере в слово».

Поклонение зарождается из поклонения изреченному, в слова Деде Коркуда, из веры во все то, о чем говорит Миф» [1, 65].

Перформативность определяет ритуально-речевые поведение персонажей. Прежде всего, это произнесение благопожеланий (alqış söz, alqış) и проклятий (qarğış].

Устный характер «Книги Деда Коркута», перформативная сущность устного эпического слова превращает в эпосе любой ритуальный диалог в универсальный механизм коммуникации.

«Книга моего Деда Коркута» – это ритуальное речевое явление, превосходный пример ритуальной функции языка и архаической перформативной практики. Структура и содержание, стиль сакральных формул-текстов в эпическом сюжете во многом совпадает с архаичными благопожеланиями. В финале каждого сказания Коркут вступает в роли мудреца, озана, посвящает каждое сказание его основному герою, завершает молитвой и просьбой в жанре алгыш (йом / йум), обращаясь к аудитории.

«Отец наш Коркут пришел, песнь радостную завел. Песню спел, слово молвил, сказ сказал, складно сложил, и о том, что пришлось испытать, славным воинам так говорил:

Где теперь вы, герои, прославленные и победившие?
Где они – «мой весь мир» говорившие?
Смерть забирает, земля сокрывает
Кому бренный мир остается? Кто знает?
О мир, где приход и уход в свой черед!
О жизнь, где и жизни конец настает!
Чтоб и в смертный свой час ты от истинной веры не мог отступиться!
Чтоб всевышний не дал в трудный час никакому врагу поклониться!
Пусть молитва, из слов из пяти сотворенная, будет услышана и да крепится!
Пусть увидится лик божества тому, кем «аминь» говорится!
И во имя нетленного имени Мухаммеда каждый твой грех да простится!

Хей, хан мой!» [4, 142].

Перформативность в эпосе тесно связана с ритуальной практикой этнического социума, и поэтому является «особым типом мышления, специальным мифопоэтическим словом» [8, 60]. Некоторые перформативные речевые акты – поучения, запреты, сновидения и толкование снов являются основой поведения персонажей огузнаме. Запреты, предупреждения, сны, толкование снов, опасности, связанные с инициальными испытаниями молодого Огуза, определяют его «текст судьбы». Огузский герой является медиатором мифологического текстообразования. Он представляет процесс изменения-обновления. Идентификация героя происходит в контексте запретов и опасностей.

Основным компонентом построения сюжета в эпическом повествовании «Книги моего Деда Коркута» является перформативность и сакральный семиозис. Сюжет каждого сказания в эпосе является «борьбой». Поединок, охота и военный поход огузских беков как акты ритуального поведения реализуются на основе перформативных ресурсов.

Перформативность как лингвокультурологическая категория имеет в эпосе другую сущность: с одной стороны, «Книга моего Деда Коркута» сам по себе как речевой акт полностью является перформативом. Один из признаков, обусловливающих перформативный характер эпоса (эпического творчества) является его «устность». Формирование эпоса, каждый раз его звучание и сказание озана – все это его «перформансность». С другой стороны, функционально непосредственно связан с этносоциальной средой средневековья, с миром религиозно-мифологических представлений архетипического огузского человека.

Перформатиность и сила перформативного слова в эпосе в первую очередь проявляет себя во «Вступлении». «Вступление» состоит из перформативных единиц – мудрых изречений, наказов, благопожеланий и правил поведения Деда Коркуда. («Сей муж был всезнающим в Огузе. Что он скажет, сбудется, о неведомом (т.е. о будущем) он возвещал. Всевышний вдохновлял его на откровения…):

Если воды разольются, ревя, море не наполниться
Самовольного бог не любит
У мужа, высоко ставящего душу, не может быть богатства.
Взрастить чужого сына, тебе он сыном не будет…
Бога в помощь не призовешь, дела в лад не пойдут
Всемогущий Бог не поможет, человек ничего не добьется
Если на роду не написано, с рабом беда не случится
Если смертный час не настал, никто не умрет
Умерший человек не воскреснет
Душа, покинувшая тело, назад не вернется.
На скачущего галопом боевого коня
Коварный муж сесть не сможет –
Лучше, чтобы он не сел.
Острым боевым мечом
Подлый если будет рубить,
Лучше, чтобы им не рубили…

…Сын, который не возвысит имени отца,
Лучше, чтобы вовсе и не родился.
И, если мать его пожалеет,
Лучше чтобы вовсе не жалела…

Перформативность в эпическом тексте является важным элементом усиления эффективности «диалогической ситуации» (Ю. Лотман). Код перформативности, входя в событийный контекст эпоса, создает социально-коммуникативные ситуации, коммуникативные события для персонажей и сказателя.

В традиции верований средних веков и культуре эпоса любой мифоритуальный акт по существу является перформативным. «Появление» Хызыра в тот же момент, когда Бугач (герой сказаний) был смертельно ранен – это «перформатив»: три раза прикосновение Хызыра к ране Бугач и его исцеление – это уже преформативный акт:

«А когда юноша лежал там, перед ним предстал Хызр (пророк Ильяс) на сером коне, трижды провел рукой по его ране своей он дланью и сказал: «Не бойся, сынок, не страшна твоя рана и исцелит же тебя сок горных цветов с молоком материнским смешанный», - сказал он и скрылся» [4, 34].

Сакральные перформативные формулы и высказывания говорят о расширении «герменевтического круга» онтологической практики огузского человека. Коммуникативное событие создается с помощью стереотипных форм поведения, ритуальных речевых актов, суггестивных текстов. Посмотрим еще один пример превращения сакральных формул в перформативный акт в коммуникативном пространстве:

«Депе-Гез (Темяглаз) говорит: Неужели жив остался? Басат отвечает: спасся с божьей помощью…и тут Басату пришли на язык слова: Нет бога кроме Аллаха и Мухаммед – пророк его! И раскололся тот купол на семи частей! И открылось под куполом семь выходов, семь дверей» [4, 41].

Слово, понимаемое как дело, звучало в переломный, связанный с изменением статуса человека момент и предопределяло его судьбу. Оно было и направлено на моделирование желаемой ситуации [9, 171].

Выводы и перспектива. Эпическая перформативная практика огузов раскрывает отношения между персонажами и сакральными существами, внутренний механизм и логику событий, мир ценностей-смылов, и так включает эпических слушателей в сакральный мир «знаний», огузнаме.

Таким образом, в «Книге Деда Коркута» мифоритуальная сущность сюжетов расширяет масштаб преформативности и интенсивность перформативных актов. Традиция ритуального высказывания и этикетная практика языка реализует целый комплекс речевых жанров в сюжете.

Литература

1. Абдулла К. Тайный «Деде Коркуд» / К. Абдулла. – Баку: Мутарджим, 2006. – 348 с.
2. Брек П. Перформативный поворот в современной историографии / / Одиссей. Человек в истории: script / oralia: взаимодействие устной и письменной традиции в средние века и ранее Новое время. – М., 2008. – С. 337-354

3. Гамидов И. Мифопоэтические основы магической силы слова в «Книге моего Деда Коркута» (анализ перформативных конструкций) / / Диалог между культурами. «Книга Деда Коркута» и «Песнь о Нибелунгах». Материал симпозиума. – Баку, 2009 (на азерб. языке)
4. Книга моего Деда Коркуда [Пер. А.Ахундовой). – Баку: Язычы, 1988
5. Остин Дж. Слово как действие / / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов / Д.Остин. – М.: Прогресс, 1986. – 22-129
6. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений) / Е.В. Падучева. – М.: Наука, 1985. – 271 с.
7. Топоров В.Н. О некоторых предпосылках формирования категории пасессивности / / Славянское и балканское языкознание: Проблемы диалектологии. Категория поссесивности. М.: Наука, 1986
8. Топоров В.Н. Предыстория литературы у славян: Опыт реконструкции / В.Н. Топоров. – М., 1998
9. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. – Новосибирск.
10. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейденберг. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.

Расулов Р. К. Перформативна практика епічної мови в «Книзі мого діда Коркут» / Р. К. Расулов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 482–487.

У науковій роботі автором досліджена тема «перфоматівності», яка є актуальною останнім часом в лінгвістичних ученнях. Автор вказує на те, що перформативність є невід'ємною частиною етно-культурологічного дискурсу, особливо теорії ритуалу. На прикладі твору огузского епосу «Книга мого діда Коркута» розглянуті прояви перформативности. Відзначається, що основною одиницею оповідання є ритуальне подія, яка в «Книзі Діда Коркута» приймає характеристики ритуально-комунікативної, етикетної події. Автором проведено лінгвопоетічний аналіз тексту, під час якого були зроблені наступні висновки: перформативність в даному тексті тісно пов'язана з ритуальною практикою, основні компоненти сюжету – перформативність і семиози, сюжет – боротьба. Виділяються сакральні перформативні формули.

Ключові слова: література, епос, перформативність, міфологія, ритуал, аналіз.

Rasulov R. K. Performative practice of epic language in the “Book of my grandfather Korkut” / R. K. Rasulov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 482–487.

In the scientific work author investigated the theme of “performativity”, which is relevant in linguistic studies for last years. This topic is significant and important because the theory of performativity becomes more and more popular in modern art. The author points out that performativity is an integral part of the ethno -cultural discourse, especially the theory of ritual. Performativity is the term of large scale and mainly connected to the realization of speech acts depending on conditions. It models the communicative relations of certain communicative events, situations, connects society and individual subject with outer world.

By the example of the “Book of my grandfather Korkut” Oguz epic work the manifestations of performativity are considered. It is mentioned that the basic unit of the story (narrative) is a ritual event that assumes the characteristics of ritual and communicative, etiquette event in the "Book of my grandfather Korkut ". The author carried out linguo-poetical analysis of the text and the following conclusions were made: performativity in this text is closely connected with ritual practice, the main components of the plot are performativity and semiosis, the plot is based on a struggle. Sacral performative formulas are pinpointed.

Thus, mythos-ritual nature of scenes in the “Book of my grandfather Korkut” expands performativity scale and intensity of performative acts. The tradition of ritual speech and language practice etiquette realizes the whole variant of plot speech genres.

Key words: literature, epos, performativity, mythology, ritual, analysis

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 488–493.

УДК 811.512.1

ТЕМА «СНА И ЯВИ» В РОМАНЕ Ю.САМЕДОГЛУ «ДЕНЬ КАЗНИ»

Сулейманова Н. Э.

Азербайджанский Университет Языков
E-mail: azfolklor@yahoo.com

В представленной статье исследуется роман известного азербайджанского прозаика Ю.Самедоглу с точки зрения идеи двоемирия. Роман «День казни» классифицируется как произведение, созвучное жанру антиутопии, решает актуальную для XX века проблему человека и власти в своеобразной интерпретации – художник-правитель. Главная дихотомия в прозе Ю.Самедоглу заключается в противопоставлении «сна» и «яви», вопроса о разрешимости и неразрешимости этого противоречия. В ходе исследования выяснено, что категория времени в исследуемом романе весьма своеобразна, оно движется очень медленно и подвержено ретроспективам. Автор приходит к выводу, что роман «День казни» написан в драматически-психологическом стиле, созвучном жанру антиутопии и обладает некоторыми характерными чертами экзистенциализма.Таким образом, Ю.Самедоглу умело соединил в своем произведении основные течения философии и веяния XX века, создав свой самобытный роман.

Ключевые слова: Ю.Самедоглу, тоталитаризм, масса, власть, правитель, художник.

Постановка проблемы. В прозе крупного азербайджанского прозаика XX века Юсифа Самедоглу потусторонний мир – одно из главных условий жизни. В его художественном мире идея двоемирия – главная. Изображая тоталитарный режим Ю.Самедоглу как бы отходит от принятой модели европейских писателей, таких как, скажем, Дж.Оруэлл, О.Хаксли, которые считали, что тоталитаризм возможен только при условии отсутствия иного мира. Они изображали атеистический мир, типичный для тоталитаризма. В азербайджанской литературе, имеющей глубокие восточные корни, идущие от Низами, всегда присутствует метафизическая идея, зыбкая и подвижная граница плюралистической жизни.

Главная дихотомия в прозе Ю. Самедоглу заключается в противопоставлении «сна» и «яви», вопроса о разрешимости и неразрешимости этого противоречия.

По мере прочтения произведения становится ясно, что героев романа объединяет не только реальная жизнь, но и фантастический мир сновидений – все являются персонажами одной и той же жизни и одного и того же сна.

Зульфугар, Татар Темир, фельдшер Махмуд, Сади эфенди, Больной и другие герои романа, по сути, проживают одну и ту же жизнь, видят будто бы расколотые осколки одного сна в мире сладких и горьких грез.

На поминках Зульфугара становится известно, что Татар Темир увидел во сне голодного волка. То есть, украшающие первые страницы романа сцены средневековья, баталии, трупы на земле и образ волчицы, наблюдающей за всем этим издалека,

внезапно вторгаются в реальную жизнь и заставляют содрогнуться, в первую очередь, фельдшера Махмуда.

Мир сновидений начинает подчинять себе действительность:

«Ай Махмуд, я увидел, что нахожусь в лесу вроде нашего Гараязы. Головой твоей клянусь, истинно так. Я увидел, что один ужасный волк сидит на щите, в кино можно увидеть такие щиты, сидит и смотрит, а в глазах его, ей-богу, сверкают огромные звезды» [1, 39].

Затем писатель переходит к размышлениям о сне. А во сне воскресают древнейшие эпохи, именно там каждый становится свидетелем преступлений своего отца, встречается с собственной трусостью, со своей животной натурой, тотемом и, наконец, развиваться в сюжете под названием «жизнь».

Именно здесь вступает в силу особая эстетика романа, произведение вступает в точку слияния обоих миров и ставит героя – Больного лицом к лицу с его животной натурой. Для Больного этот тотем – отвратительное создание под названием Кирликир, живущая в его дворе крыса.

Согласно мифологическому мышлению каждый человек обречен встретиться со своим тотемом. Художественная литература широко использовала этот прием, что придает художественному тексту особое эстетическое измерение. В мифологии подобная встреча раскрывает перед героем путь к иному, мистическому миру.

У Самедоглу она происходит на уровне «художник-правитель» и означает встречу художника со своим внутренним, главным «я».Если в мифологии встреча с зоологическим предком раскрывает перед ним тайны инобытия, то Кирликир раскрывает перед Больным двери посюстороннего мира. Тем самым наши художники лишаются входа через дверь в мир потусторонний. Противостояние «художник-правитель», в итоге, превращается в беседу с противоположной стороной – не с правителем, а с зоологическим тотемом художника.

« Я живу в этом мире уже 350 лет я, говоря вашими словами, матерая крыса…Мне все подвластно…Хочешь, сделаю тебя председателем копторгинтерлюкса…» [1, 52].

В мифологических текстах во время встречи с зоологическим тотемом герой обычно слышит именно подобные слова. Он слышит мечты и чаяния человека и воплощает их в жизнь.

Если верить мифологической логике, Больной, считающийся представителем азербайджанской интеллигенции, должен услышать от Кирликира свою самую заветную мечту, которая в итоге должна воплотиться в жизнь.

Наш интеллигент начинает вести бытовой разговор с Кирликиром, занимающим самую низкую ступень среди подчиненных правителя.

« – Хочешь, в мгновение ока сделаю тебя английским лордом, а? Он совсем разгорячился, встал на задние лапки и принялся прохаживаться среди мусорных ящиков, почесывая передними лапками живот. – Или хочешь, знаю хочешь, сделаю тебя главным звездочетом, там здорово, а, братишка?...» [1, 52].

В эту минуту Больной будто пробудился ото сна: это происшествие, его встреча и беседа с Кирликиром среди зловонных мусорных ящиков, все эти чувства, ощущения уже когда-то случались, давно ли, недавно – этого он сказать не мог, но они

точно имели место. Он даже вспомнил лампочку, висящую на подпорке у входа в мусорку, лампочку, отбрасывающую тусклый свет на мусорные ящики и уподобил свет этой лампочки свету далекого фонаря, который он часто видел во сне…» [1, 52]

Как видно, здесь давние воспоминания внезапно вторгаются в явь или в подсознание, базирующееся на мифологическом мышлении. Воспоминания совершают свою работу – больной интеллигент полностью уверен в том, что он встретился с Кирликиром, своим зоологическим тотемом. Вот в этот момент больной интеллигент теряет свое человеческое внутреннее «я» и полностью идентифицирует себя с Кирликиром. Не случайно, внутренние молчаливые сомнения Больного почему-то полностью ясны Кирликиру. Значит, Кирликир уже проник во внутренний мир интеллигента!

В мифологических текстах встреча с зоологическим тотемом дарит герою все качества своего тотема. Наш Больной после встречи с Кирликиром начинает точно так же почесывать свой живот.

«Замина могла поклясться, что никогда не видела своего мужа таким счастливым, таким довольным: его лицо выражало радость и удовлетворение. Когда она вошла с чаем в столовую, развалившийся в кресле муж, расстегнув рубашку, с наслаждением почесывал свой живот» [1, 61].

Таким образом, Кирликир передает свои качества Больному. Интеллигент почесывает живот. Его тело покрывается крысиной шерстью…

Сюжет «Превращения» Кафки вторгается в иной форме в азербайджанскую прозу.

Сказки обещают своим героям встречу с падишахом-тираном, но судьба уготовила Больному иную встречу- возможность встретиться с крысой и поговорить с ней на человеческом языке!

Здесь интеллигент Больной вступает в контакт не с падишахом, а с Кирликиром, с тем, кто занимает самую низшую ступень в иерархии тварей и учится у него тайнам не горнего, а дольнего мира. Ну и дела! Кирликир возвращает Больного в мир!

Противостояние «художник – правитель» предстает здесь в самом малом, примитивном виде. Становится ясно – художник и падишах сходятся лицом к лицу только в сказках. В нынешнее время художники лишены этой возможности. Их падишах – Кирликир, обитающий на мусорке, а тот, кто встретился с падишахом, остался в прошлом – это писатель Сади эфенди, писавший роман в 30-е годы. Его антагонистом является другой писатель – Мухтар Керимли.

Так как роман написан в паратекстуальном ключе, здесь в его сюжет вторгается мир сновидений. Но неизвестно, кто видит этот сон – Больной, фельдшер Махмуд, Сади эфенди, жена Больного – Замина ханума, покойный Зульфугар или Татар Темир.

Во сне, именно в этом сне, дилемма «художник-правитель» раскрывает свои драматические тайны…

Из крепости, окруженной Падишахом, приходит делегация поэтов и просит встречи с правителем. У них лишь одна мечта, чтобы великий Шах вошел в город и повесил на виселице одного поэта. Посмотрите, кто этого просит – его братья по перу!

Проявление противостояния «художник-правитель» в такой форме потрясает даже самого правителя:

- Поэты отказались от даров, мой повелитель.

- Причина?

- В крепости живет знаменитый поэт, они просят у тебя его голову, о мой повелитель!

Повелитель подошел к евнуху Энверу, положил ему на плечо свою сухую, тяжелую, как железо, ладонь.

- Значит, они отказались от драгоценностей величиной с Западную звезду, не захотели индийскую бирюзу…Взамен просят у меня голову живущего в крепости поэта.

Правитель двинулся к центру, уселся на широкой тахте и склонил голову.

- Скажите поэтам, что правитель согласен. – Я повидал много стран, но не видел такую, где поэты требовали бы голову своего собрата. Такую страну можно сравнять с землей [1, 48].

Таким образом, мы видим, что в романе противостояние художник-правитель трансформируется в конфликт художник-художник, причем этот конфликт находит свое продолжение и в современном аспекте романа, когда против Сади эфенди выступают особенно яростно его собратья по перу. Но в этом нет особого противоречия, потому что в тоталитарном обществе в первую очередь идет травля истинных талантов руками их же «единомышленников».Наши интеллигенты проиграли дилемме «художник-правитель» и превратились в «председателей копторглюкса». Палач становится товарищем Салаховым, поэт – Сади эфенди, евнух Энвер – доктором Бергманом, Волчица – Кирликиром. Посредством этих метаморфоз произведение приобретают статус «интертекстуального текста». Писатель хочет сказать, что нынешняя жизнь – очень слабый трансфер сказки в нашу жизнь. То есть, «главный текст» деградировав, опустился на уровень бытовых пересудов...

Время в рамках этого сценария, этой трансформации движется очень медленно. Оно не может ринуться вперед и часто соскальзывает обратно, в мир воспоминаний. Оно застревает в этих ретроспективных «ямах».

Неизменное вторжение прошлого в произведение не очень приятный факт – значит, время потеряло функцию футурологического продвижения и стало скатываться к ностальгии, декадансу. Однако, этот факт по сравнению с Оруэллом должен быть оценен

Проза Ю. Самедоглу частенько путешествует во времени, в итоге сохраняет время живым и свежим, не позволяя времени, часам покинуть мир.

Эти часы начинают потихоньку тикать, время приходит в движение, ведь автор предпринял столько попыток, чтобы привести в движение застывшие стрелки – привнес в это произведение дыхание 30-40-50-ых годов. Время в итоге не выдерживает этого, приходит в движение, принося известие, что в ближайшие дни ожидается юбилей Сади эфенди...

Затем к Больному звонит дочь Сади эфенди – Салима.

Дневник Сади доходит до Больного.

Время сотрясается и приходит в движение.

Однако на этот раз его возвращение в далекие 30-е годы сулит иное вернуться в прошлое, по-настоящему, найти затерянную там истину, значит, затем можно перекинуть мостик и к будущему!

Давайте позволим здесь высказаться самому автору:

«Мутное течение годов было нарушено, стрелки старых часов выкинули шутку, заставили время течь то ли в прошлое, то ли в будущее» [1, 84].

Выводы и перспектива. Дневник Сади эфенди разрушает чары застывшего времени и приводит жизнь в движение. Этот ценный документ, отражающий противостояние «художник-правитель», вторгается в художественный текст из далеких 30-х годов, а может из более глубокой дали. Больной интеллигент, сталкивающийся до сих пор не с самой властью, а его слугами вроде Кирликира, наконец-то входит в мир настоящего противостояния. Вторжение этого противоречия в сюжет не в формах жизни, а в виде другой книги, по сути, естественно.

Так как «сказка о падишахе, его евнухе Энвере, его палаче и правителе» воплощена во сне, фольклоре, далекой памяти, возможно, современные люди уже не слышат это. В итоге на землю, словно аят корана, сходит иной письменный документ. Эта книга входит в произведение в качестве некой священной книги, открывая его сакральный мир. Тайный мир Сади эфенди наконец-то становится известным всему миру.

Литература

1. Самедоглу Ю. День казни / Ю.Садедоглу. – Баку: Язычы, 1990

Сулейманова Н. Е. Тема «сну і дійсності» в романі Ю. Самедоглу «День страти» / Н. Е. Сулейманова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 488–493.

У статті досліджується роман відомого азербайджанського прозаїка Ю.Самедоглу з точки зору ідеї пдвійного світу. Роман «День страти» класифікується як твір, співзвучне жанру антиутопії, вирішує актуальну для ХХ століття проблему людини і влади у своєрідній інтерпретації – художник-правитель. Головна дихотомія в прозі Ю.Самедоглу полягає в протиставленні «сну» і «дісності», питання про можливість розв'язання і нерозв'язання цієї суперечності. У ході дослідження з'ясовано, що категорія часу в цьому романі своєрідна, воно рухається дуже повільно і схильне до ретроспективи. Автор доходить висновку, що роман «День страти» написаний в драматично – психологічному стилі, співзвучному жанру антиутопії і володіє деякими характерними рисами екзистенціалізму. Таким чином, Ю.Самедоглу вміло поєднав у своєму творі основні течії філософії і віяння ХХ століття, створивши свій самобутній роман.

Ключові слова: тоталітаризм, маса, влада, правитель, художник.

Suleimanova N. E. The theme of «dream and reality» in the «Day of Execution» novel of Y. Samedoglu / N. E. Suleimanova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 488–493.

In the present article the novel of famous Azerbaijani writer Y. Samedoglu is investigated by the point of view of world duality, which creates the basis of the author's sight. The "The Day of Execution" novel is classified as a product, similar to dystopian genre and it decides the actual problem of man and reign relationship in XX century in a peculiar interpretation "painter-governor". However, the theme of dream and reality are the basic constructs of the work content.

The author notes that Y. Samedoglu invented his own model of the totalitarian world representation. He walked away from the European writers accepted model, who believed that totalitarianism is possible only if there is no other world. In the Azerbaijani literature, imbued with deep oriental roots coming from the Nizami, metaphysical idea is always present, shaky and moving boundary of pluralistic life.

The main dichotomy in Y. Samedoglu's prose consists from the opposition to "dream" and "reality", the solubility and insolubility of this contradiction. During the investigation we found that the category of time in the investigated novel is quite peculiar, it moves very slowly and is subject to retrospective.

The author comes to conclusion that the novel "The Day of Execution" is written in a dramatic and psychological style that is similar to dystopian genre and has some of the existentialism distinctive features. The topic of "dream" intersects with Sigmund Freud's psychoanalysis: the characters collide with "I" in their own dreams and their own lacks. Thus, Y. Samedoglu skillfully combined the main currents of sects in his work and trends of the twentieth century, in such a way creating his original novel.

Key words: totalitarianism, crowd, power, governor, painter.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 494–499.

УДК 801.82:821.161.1–94

РОМАНТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ АЛИМА В ПРЕДАНИИ И В РОМАНЕ Н.А. ПОПОВА «АЛИМ – КРЫМСКИЙ РАЗБОЙНИК»

Сеитягьяева Т. Р.

РВУЗ КИПУ

В статье на материале предания и письменной литературы о крымском Робин Гуде делается попытка раскрыть романтический образ Алима. Основными источниками исследования, посвященными данному вопросу, являются труды Попова Н. А. «Алим – крымский разбойник», Колли Л. «Подлинный портрет Алима: портрет Алима Азамат оглу, нарисованный с натуры и «маленькая заметка».

Работа структурно состоит из постановки проблемы, изложения основного материала, заключения, списка использованных источников. Автором определены характерные образу романтические качества героя через его действия и поступки, а также влияние любви на выбор образа жизни героя. Работа представляет собой самостоятельное завершенное исследование, которое имеет теоретическое и практическое значение для развития крымскотатарской литературы.

Ключевые слова: романтический образ, роман, предание.

Постановка проблемы. Образ Алима, вошедший почётной строкой в крымскотатарский фольклор и литературу, получил известное место и в произведениях авторов русской литературы. Так Н. А. Попов в своём романе «Алим – крымский разбойник» повествует о любви и её дальнейших последствиях на поступки легендарного героя. Также для полной характеристики Алима, говоря о его портрете, нужно ещё упомянуть о легенде, ярко освещающей его «рыцарскую» сторону.

Анализ литературы. Несмотря на популярность Алима в фольклоре и литературе, в литературоведении его образ не являлся предметом специального исследования и требует всестороннего изучения и анализа.

Цель статьи – в данной статье делается попытка охарактеризовать романтический образ Алима в предании и в романе Н. А. Попова «Алим – крымский разбойник».

В конце 40-х годов путешествовала по Крыму одна художница-портретистка француженка Леони Лелоррен. На приёме у губернатора она повстречала Айвазовского. Как собратья по профессии они разговорились, от области живописи беседа перешла к злобе дня, к Алиму.

– «Нельзя ли, – спросила Лелоррен, – срисовать его портрет?»

– «Для этого, сударыня, – возразил Айвазовский, – придётся преодолеть много препятствий. Если, благодаря вашему таланту, вы вторая Шахерезада, то, пожалуй, постараюсь быть вам вторым Алладином и раскрыть перед вами те двери, за которыми слышно дикое рычание зверей и характерный звон арестантских оков».

– «Знаю, что вы большой волшебник».

– «Говорят, что для женщин закон всегда снисходителен, но когда женщина такова, как вы, с божьим огнём, то какие же могут быть для неё преграды? Искусство не имеет пределов, и пред ним, надеюсь, преклонится и строгость господина прокурора» [1, 55].

И Фемида преклонилась перед искусством. На другой день Леони Лелоррен срисовала портрет крымского Робин Гуда. В изображении чувствуется поспешность исполнения, но удары карандаша начерчены искусною рукою метко и твёрдо, нет неуверенных, затёртых штрихов. Наоборот черты лица схвачены опытным глазом. Айвазовский передал последний акт истории портрета: «Окончив рисунок, Леони готовилась уже уходить из тюремной камеры, как Алим выразил желание взглянуть на её работу. Одобрив исполнение портрета, Алим обратился к художнице со следующими словами: «Уходя отсюда, ты уносишь с собою эту вещь, как память обо мне. Я же остаюсь здесь с одним мысленным воспоминанием о мимолётном появлении твоём предо мною. Спасибо тебе за благосклонное внимание ко мне. Я этого не заслужил. Твои черты навсегда останутся запечатлёнными в душе моей!» [1, 56]. На это Леони нервно сняла закреплявшую ее шейный платок золотую булавку, дрожащей от волнения рукой приколола её к отвороту халата приговорённого и направилась к выходу.

– «Нет, – крикнул разбойник, – в таком случае не так следует поступать, а вот как!». И, широко распахнув халат и сорочку и раскрыв грудь, вонзил он себе в грудную кость остриё булавки, переломал её пополам, и вручил конец с головкой художнице, твёрдо произнеся: «Это тебе, а это, указывая на грудь, останется мне!» [1, 56–57].

Художница когда-то подарила этот портрет госпоже Кушниковой, подписав: «Если когда-нибудь эти штрихи должны возбудить в вашей душе хоть малейшее воспоминание обо мне, то тогда копия сделает больше добра, чем когда-либо оригинал совершил зла» [1, 55].

Если взять за истину то, что ничего случайного в жизни не бывает, к выбору такого образа жизни Алима подтолкнули некоторые жизненные обстоятельства. А именно то, что он с детства сталкивался с несправедливостью и беззаконием, а также чувство любви к женщине. Чтобы в полной мере раскрыть романтический образ Алима, рассказ о его приключениях следует начать с описания героини романа красавицы Рахиль, положившей первый камень того здания, которое впоследствии обрушилось на голову славного татарина и придавило его своей тяжестью, преобразив джигита в Аджи. «Рахиль природа одарила изумительной красотой. Татарские песни говорят, что Рахиль была высокая, стройная, гибкая, как южная тростинка, с античными чертами лица бледно-матового цвета; старики, помнящие южную красавицу, утверждают, что она напоминала собою божественную красоту библейских женщин, которых обессмертила кисть знаменитого Рафаэля на стенах Сикстинской капеллы в Ватикане» [2, 22]. «Что особенно хорошо у Рахили – это её чёрные как уголь глаза. Они смотрели прямо в упор, не мигая, так что становилось неловко каждому, на кого они были устремлены. В этих глазах было что-то чарующее и вместе с тем страшное, они приводили в восторг до полного самозабвения и возбуждали трепет. Глаза не улыбались, они только горели…» [2, 23]. Натура у неё была кипучая, порывистая и страстная. В натуре Рахили была масса противоречий и странностей; она была очень горда и тщеславна, но при своей пламенной необузданной натуре, она отличалась детской застенчивостью. Алим поступил на службу к отцу Ра-

хили, старый караим отдал его в распоряжение дочери, она заставляла его обрезать и окапывать кусты, сажать молодые деревья, поливать цветы. Юная Рахиль обратила внимание на своего красавца садовника и влюбилась в него со всей страстью дикой необузданной натуры. «Алим имел одну из тех наружностей, которые в особенности нравятся женщинам. Высокий, прекрасно сложенный, он имел правильные черты лица, несколько горбатый нос, придававший лицу выражение страсти и энергии, карие глаза молодого татарина, совершенно правильной формы смотрели бойко и лишь порою они тускнели, покрываясь какой-то влагой, когда юноша конфузился и на его смуглых щеках выступал густой румянец» [2, 34]. Алим, увидев впервые Рахиль, вообразил себе, что перед ним одна из гурий рая Магомета. С этой минуты он страстно полюбил Рахиль, покорившись её кротким взглядом и нежной улыбкой, он за них, не задумываясь, готов был отдать все блага жизни настоящей и будущей. Когда Рахиль поняла, что молодой садовник её любит, то в душе караимки стала происходить борьба. Ей очень нравился Алим, какая-то непреодолимая сила влекла её к нему, но гордость удерживала её, руководила каждым шагом и заставляла по возможности избегать встречи с молодым человеком. Рахиль считала, что в любви гордость женщины поддерживает её достоинство, но она не представляла, к каким ужасным последствиям это средство её приведёт.

В роковой вечер душевное состояние красавицы было особенно тревожно, но вот сверкнула молния, и Рахиль увидела в конце сада стройную фигуру Алима. «Точно загипнотизированная, она медленными шагами стала подвигаться к тому месту, откуда явилась фигура татарина. Алим в свою очередь шёл ей навстречу, они подвигались друг к другу всё ближе и ближе; снова сверкнула молния и эти два влюблённых существа кинулись друг к другу в объятия. Рахиль своими коралловыми губами целовала Алима и её прелестные глаза уже померкли…» [2, 43].

Рахиль мучили противоречивые чувства: красота Алима подействовала на страстную Рахиль, она увлеклась им до потери сознания, готова была забыть весь мир, но чувство стыда и уязвленной гордости сделалось преобладающим. Сознание, что она расцеловалась с простым рабочим, приводило её в отчаяние. Придя на площадь, она почти лицом к лицу встретилась со своим садовником, его глаза светились такой же страстью, как во время грозы. Благоговение толпы, не знавшей до какого позора дошла Рахиль, так недавно обнимавшая простого рабочего, возбудили большую злобу в душе необузданной девушки, глаза её сверкнули зловещим огнем, она как тигрица отпрыгнула от Алима, разорвала нитку жемчуга и неистово крикнула: «Спасите! Этот разбойник хотел меня ограбить!». Толпа взволновалась и окружила их. Улика была налицо, крупные зёрна жемчуга лежали на земле. Алим стоял, как поражённый громом, и в своё оправдание не имел сил выговорить слова, полицейские беспрепятственно скрутили ему руки и повели в тюрьму. Ничего подобного влюблённый не мог ожидать, на него напал столбняк. «Он вспомнил, что красавица Рахиль очень сердито на него сверкала глазами, но почему она возвела на него такое преступление, что Алим будто хотел её ограбить, бедный молодой человек решительно не мог понять. Такая дикая и вместе с тем подлая клевета могла разразиться над головой лишь человека, которому хочешь отомстить и к которому питаешь глубокую ненависть. Между тем я знаю наверно, – рассуждал Алим, – что караимке я

нравился – не далее как неделю назад, она со мной расцеловалась, и сегодня вдруг оклеветала меня публично! Бедный молодой человек не мог понять душевного состояния Рахили: именно за поцелуй то она ему и мстила. Алим понимал борьбу, происходившую в душе Рахили, он конечно был ей не пара, она дочь именитого купца миллионщика, а он простой крестьянин Феодосийского уезда, но мстить так безжалостно, ни с того ни с сего озлобиться, оклеветать ничем неповинного человека – это для Алима была неразрешимая задача. …Он был озадачен поступком Рахили, но не рассердился на неё; в его душе не было и тени враждебного чувства к караимке» [2, 47–48].

Когда его потребовали к допросу и сообщили, что Рахиль обвиняет его в покушении на грабёж, Алим и тут не рассердился, показания его были самые скромные. О своих отношениях с Рахиль, о том, что она его поцеловала, он не сказал ни слова. «Полицейский квартальный, производивший следствие, глядя на молодого красивого татарина, сразу заподозрил его в интимных отношениях с купеческой дочкой и прямо, не стесняясь, объявил в глаза Алиму, что если он докажет существование этих романтических отношений, то поступок его с Рахилью на базаре будет отнесён к простой ссоре влюблённых, но не к грабежу и он, Алим, тотчас же получит свободу. Честный юноша с негодованием отверг предположение следователя, и участь его была решена. Началось дело о покушении на грабёж крестьянина Феодосийского уезда, деревни Копюрликой Алима Азамат оглу дочери купца первой гильдии Бабаджана Рахили» [2, 48].

«Дело Алима тянулось почти целый год, и лишь летом он был отправлен в Кишинёв. Жгучие лучи солнца, ужасающий цинизм товарищей и бессердечная строгость начальников не могли вытеснить из души влюблённого прелестный образ Рахили. Алим ни минуты её не осуждал, на его щеке до сих пор горел поцелуй красавицы Рахили, а это было такое блаженство, для которого Алим готов был принять все адские мучения. Когда безмолвие степи нарушалось глухим лязгом железа, Алим мечтал о своей милой, эти страшные звуки ему казались гармоничными, точно он слышал голос Рахили, в мираже степей он видел её чудную фигурку, точно Рахиль его манила, нежно улыбаясь. К счастью Алима, он не чувствовал всей тяжести своего положения, живя не в действительном мире, а в мире фантазий. Это был рыцарь и поэт вместе. На следствии и суде он ни одним словом не выдал Рахили, принял на себя весь ужас обвинения и, что самое важное, в душе не осудил оклеветавшую его девушку» [2, 48–49]. «Когда несчастье разразилось над его головой, он стал жить в мире фантазий, его мечтания о караимке часто проявлялись в форме галлюцинаций. Иногда ночью ему являлась Рахиль, утешала его и звала куда-то вдаль. Если теория, гласящая, что счастье находится не вне нас, а в нас самих, справедлива, то она оправдалась на Алиме; он был безусловно счастлив» [2, 49].

Некоторые мыслители считают, что самый верный доступ к сердцу женщины – действовать на её чувство жалости, возбуждать в ней к себе участие. Практика показывает, что это неопровержимая истина. «Женщины очень отзывчивы, когда щекочут их самолюбие, льстят им, вообще, как говорится, курят фимиам, но и чувство участия к ближнему, в особенности, если этот ближний молод и красив – имеет громадное значение. Невинно пострадавший Алим в глазах Рахили стал уже жерт-

вой её гордости, безжалостного порыва, сгубившего его. Как все натуры страстные и порывистые она ударилась из одной крайности в другую и теперь уже не осуждала Алима, как прежде, а себя самое» [2, 65].

Страстная, мечтательная девушка постоянно думала о своём бывшем садовнике, и любовь к нему уже не вызывала румянца стыда на её щеках. «Когда же она узнала историю свадьбы Марии Акалифаки, устроенную Алимом, её любовь к нему перешла в какое-то благоговейное обожание; в её пылкой голове явилась идея встретиться с Алимом и просить его как милости, чтобы он своеручно заколол её за тот гнусный поступок, на который она решилась два года тому назад, публично оклеветав его в покушении на грабёж» [2, 67].

Часто тёмною ночью Алим, закутанный в башлык, прятался за серую скалу на берегу Карасу. Он вперял воспалённые глаза на сад Бабаджана и с лихорадочным нетерпением ждал появления в саду Рахили. Он видел, как она выходила из дома, останавливалась около клумбы, на которой росли незабудки, и блаженная улыбка появлялась на губах татарина. Он шептал: она меня любит, но истинная любовь робка и застенчива. Этот железный человек легендарной храбрости, необыкновенной физической силы, вытерпевший всевозможные истязания, без труда останавливавший мчавшуюся в карьер перекладную тележку, робел как маленький ребёнок перед слабой девушкой, погубившей его. У Алима не хватало духа выйти из засады, перепрыгнуть через забор и снова вкусить тот нектар, сладость которого он не мог забыть вот уже два года. «При виде Рахили, закутанной в белую чадру, сердце влюблённого сладостно замирало, но вместе с тем и другая тревожная мысль приходила ему в голову. – Почём знать, – думал Алим, – быть может, в эти два года она давно меня забыла. Однако до сих пор не вышла замуж, – мелькало в голове татарина, – ей уже восемнадцать лет – и снова блаженная улыбка появилась на его губах, глаза восторженно горели, но это был лишь один момент. – Если Рахиль меня любит, – рассуждал Алим, – то это поведёт её к несчастью: разве может такая необыкновенная красавица и богачка принадлежать беглому арестанту и разбойнику. Нет, – рассуждал Алим, – я никогда не решусь смутить моим присутствием эту непорочную гурию, слетевшую к нам на грешную землю из рая Магомета!» [2, 74].

В подлинности чувств Алима к Рахили сомневаться не приходится. «Разве ты не госпожа моей души? Разве каждое мое помышление, каждый мой вздох не принадлежит тебе! Нет, ты моя госпожа. Эту беспредельную любовь ко всем угнетённым кто же внушил мне, как не ты, посланница Аллаха. Видеть тебя и не быть достойным твоей улыбки, твоего нежного взгляда разве это возможно?! Если каждый, утешенный мною во имя тебя, вознесёт благодарную молитву Аллаху, разве это не будет наградой для меня. Скажи мне, чудная гурия, неужели можно, зная тебя, не облегчать страдания ближнего? До встречи с тобой, пока твой божественный огонь не разогрел мою душу, что такое был я? Простой татарин, работник, не понимавший страдания людей. Явилась ты, посланница Аллаха, и я прозрел; я понял смысл проповеди великого пророка и люди стали моими братьями. Я не слыхал от тебя никогда ни одного совета или приказания помогать людям, но я видел тебя, я понял, что Аллах, посылая на землю такую гурию как ты, хотел сделать всех людей добрыми и я уверовал в это послание и с того момента, как увидал тебя, обратился к добру. О

моих страданиях, о которых ты говоришь, не может быть и речи, их не было, можно ли страдать, когда наслаждается душа?» – говорил Алим своей возлюбленной, выражая тем самым свои истинные чувства [2, 77–78].

Выводы и перспектива. Алима несомненно можно назвать романтическим героем, так как он являлся исключительной и таинственной личностью, пребывающей в исключительных обстоятельствах. Образу присущи независимость, неразрешимость конфликта между героем и обществом, абстрактное восприятие времени, ярко выраженные черты характера, такие как справедливость, молодечество, доброта.

Литература

1. Колли Л. Подлинный портрет Алима: портрет Алима Азамат оглу, нарисованный с натуры и «маленькая заметка» / Л. Колли / / ИТУАК. – Симферополь, 1905. – № 38. – С. 48–57.

2. Попов Н. А. Алим – крымский разбойник. Роман. – Типография В. В. Комарова. – С.-Петербург, 1895. – 208 с.

Сеітягьяева Т. Р. Романтичний образ Аліма у переказі і в романі Н.А. Попова «Алім – кримський розбійник» / Т. Р. Сеітягьяева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 494–499.

У статті на матеріалі переказу і письмовій літератури про кримському Робін Гуду робиться спроба розкрити романтичний образ Аліма. Основними джерелами дослідження, присвяченими даного питання, є праці Попова Н.А. «Алім – кримський розбійник», Коллі Л. «Справжній портрет Аліма: портрет Аліма Азамат оглу, намальований з натури і «маленька замітка». Робота структурно складається з постановки проблеми, викладу основного матеріалу, висновків, списку використаних джерел. Автором визначено характерні образу романтичні якості героя через його дії і вчинки, а також вплив любові на вибір способу життя героя. Робота являє собою самостійне завершене дослідження, яке має теоретичне і практичне значення для розвитку кримськотатарської літератури.

Ключові слова: романтичний образ, роман, переказ.

Seityagyaeva T. R. The romantic image of Alim in the legends and in the novel by N.A. Popov «Alim – crimean robber» / T. R. Seityagyaeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 494–499.

Based on the extended material of legends and written literature about the Crimean Robin Hood the article attempts to reveal the romantic image of Alim. Among the main sources of research that are devoted to the subject, there are the works of N.A. Popov «Alim – Crimean robber», Colley L. «Original portrait of Alim: Alim Azamat oglu portrait» which was drawn from nature and a «small note». The work is structured in the problem statement, statement of the main material, the conclusion and a list of references. The author determines the romantic characteristics which are peculiar for the image of a hero through his actions and deeds as well as the influence of love onto the lifestyle of a hero. The work is an independent completed research, which has the theoretical and practical significance for the development of the Crimean Tatar literature.

Image Alim logged honorable line in the Crimean Tatar folklore and literature, was a famous place in the works of authors of Russian literature. So N.A. Popov in his novel «Alim – Crimean robber» tells the story of love and its consequences on the future actions of the legendary hero. Also for the complete characterization of Alim, speaking of his portrait, we must also mention the legend, brightly illuminating his «chivalrous» side.

Despite the popularity of Alim in folklore and literature, literary criticism in his way was not the subject of a special study and requires comprehensive study and analysis. This article attempts to describe the romantic image of Alim in tradition and in the novel N.A. Popov «Alim – Crimean robber».

Key words: romantic image novel, legend.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 500–505.

УДК: 821.512.145 – 32

РУСТЕМ МУЕДИН ВЕ УРИЕ ЭДЕМОВАНЫНЪ ЭСЕРЛЕРИНДЕ АНА ОБРАЗЫНЫНЪ АЙДЫНЛАТЫЛМАСЫ ВЕ МУЭЛЛИФНИНЪ ПОЗИЦИЯСЫ

Люманова Л. Н.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

Мевзунынъ актуаллиги. У. Эдемова ве Р. Муединнинъ эсерлеринде ана образы ве муэллифнинъ образы олдукъча буюктир. Языджыларнынъ эсерлери терен талильге мухтаджлар. Оларнынъ иджады меракълы ве чешит жанрларны къаплап ала. Бу себептен эдиплернинъ эсерлерининъ къыймети, умумен яратыджылыгъынынъ огренильмеси, актуаль сайылмасы мумкюн.

Ишимизнинъ предмети: У. Эдемова ве Р. Муединнинъ эсерлеринде ана образынынъ акс этильмеси ве муэллиф позициясынынъ бельгиленмесидир. Бундан да гъайры языджыларнынъ эсерлеринде къоюлгъан меселелерни ве мевзуларны айдынлатмакъ керек.

Ишимизнинъ макъсады. Рустем Муедин ве Урие Эдемова эсерлеринде ана образынынъ акс этильмесини ве муэллифнинъ позициясыны косьтермектир.

Огюмизде къоюлгъан меселелерни чезмек ичюн бойле усуллар къулланылгъан: биографик, къыяслав-тарихий, системалы талиль, эсернинъ бедиий талили.

Ильхамнынъ анасы табиат, инсан юреги олса, эдебият онынъ эвляды, омюр исе тасвиридир. Урие Эдемова эдебиятымызгъа джошкъун ильхамнен кирип кельди. Оны табиатнынъ дюльбер манзаралары, яшлыкънынъ темиз тюшюнджелери, севгининъ, юрекни эеджанландырыджы ис-дуйгъулары озюне джельп этти, элине къалем туттырды. Урие Эдемованынъ бириндже эсерлери озюнинъ адий, лякин меракълы олувларынен эдебий джемаатчылыкънынъ дикъкъатыны джельп эткен, бу дуйгъу, рухий пишкинлик онынъ бутюн эсерлерининъ эсас хусусиетине чевирильди. О яратыджылыкъ ёлуна мингенинен къадын къальбини, онынъ ички дюньясыны окъуйыджыны ишандырыджы вакъиа ве фактларнен косьтермеге ынтылды.

Эдебиятшынаслыкъта муэллифнинъ образыны акс эткен анълямларнынъ ролю муимдир. ХХ-нджи асырнынъ 70-80 сенелериндеки къырымтатар эдебиятында несрий эсерлернинъ эсас хусусиети – тарихымызгъа, миллий аньанелеримизге, несиллер багъына олгъан буюк меракътыр. Эсерлернинъ къараманлары озьлерини алемде бир зерре киби ис этмеге истемейлер. Олар озьлерини къудретли, терен тамыр аткъан, таджы кокке етишкен, ич бир боран ве фелякеттен хавфсынмагъан терек киби сезмек истейлер. «Энъ муим повесть ве роман къараманлары адий, айны заманда мурекkеп характерлерге малик адамлар» ола [1, 45].

Урие Эдемова апрель 23-те, 1938 сенеси Къырымда, озюнинъ эфсаневий табиий корюнишинен бутюн дюньягъа белли Байдар къапусына якъын байдар вадисинде дюньягъа келе. О озь догъмуш диярларындан чыкъарылгъанда алты яшында олса да, къасабаларындан корюнип тургъан магърур Чюкю дагъыны, ешиль дагъ ичиндеки пападие ве дигер аллы-гулли, мавылы-къырмызылы аланлыкъларны – бу дюль-

бер манзараны зеининде эбедий синъдирген эди [2, 457]. Сюргюнлик йылларында Сырдарья виляетинде орта мектепни битирди. Сонъра Ташкенттеки тиббият окъув юртунынъ фельдшерлик болюгинде тасиль алды. Сонъ Ташкент Девлет университетининъ журналистика болюгини битирди. 1965 сенеси «Ленин байрагъы» газетасына давет олунды. 1974 сенеси эдибенинъ «Нишан юзюги» адлы повесть ве икяелер джыйынтыгъы дюнья юзю корьди. 1981 сенеси муэллифнинъ «Баш язысы», 1985 сенеси исе «Юрек атеши» повестлер джыйынтыкълары дердж олундылар [2, 455].

Урие Эдемованынъ меракълы повестълеринден бири – **«Баш язысы»** повести. Бу повестте муэллиф икяе эткен эфсане кет-кете реалистик-психологик несирнен къошула. Баш язысы бу не? Инсан озь талийининъ саиби ола билирми, я да сусып «баш язысыны козь корер» деп, бахытсызлыкъларны къабул этмек лязимми? У. Эдемованынъ повести эфсанеден башлап, эфсане къанунларынен къурула: «*…батырлыкъ ве йигитлик къувети, халкъ кутьлелерининъ алидженаплыгъы ве виджданы паклиги…тасвир этиле*» [4, 6].

Эсернинъ композициясы саде, лякин тесирли. Бельки бу себептен де окъуйджынынъ дикъкъатыны бирден къаплап ала, тюшюнмеге, къасеветленмеге меджбур эте. Бу сарай киби донатылгъан эвнинъ барлыкъ ве маддий байлыкъларнынъ менбаасы акъкъында тюшюнмек, яшайыш теджрибеси олмагъан Ниярнынъ акълына биле кельмей, « чюнки онынъ яш юрегинде, къувангъанда инсаннынъ башыны кокке котерген, янгъанда исе якъып-йыкъкъан севги атеши тюшкен эди». Лякин кет-кете бу мухтешем эв онъа алтын къафесни анъдыра, оны джандан севген къоджасы Эмин исе анасы Шерфе аптенинъ сёзлерини итаат этип, адий бир хырсыз ола. Бу къоркъунчлы кешфият Ниярнынъ козьлерини ача. Къайнанасы Шерфе апте де энди озь ниетлерини гизлемей. Маддий байлыкъ акъкъында битмез-тюкенмез огютлер, фитнелер, экиюзлилик яш къорантанынъ яшайышыны ниает бир тамам боза, чильпарча этелер.

«Баш язысы» повести севги акъкъында, лякин гъайып этильген севги акъкъында. Языджы озюнинъ къараманларыны драматик, атта фаджиалы аллардан, сынавлардан кечире. Оларнынъ омюр ёлларында пислик, ашалыкъ, малперестлик киби хусусиет расткеле. Къуванч ве азап, севги ве козьяшлар, яшлыкъ ве къартлыкъ, инсан ве къанун – повестининъ эсас чизгилери. Лякин языджынынъ энъ бегенген къараманы – бу ана – топракънынъ саиби, иджатчы ве яратыджы. Булар – дюнья, севги акъкъында темиз тасавурлы, сафдиль Нияр, гедже – куньдюз тарла ишлеринен мешгъуль, «озь баласындан бир заман феналыкъ умют этмеген» Сание апте, догърулыкъны севген адалетпервер Адиль ата, мусафирчен Кимья хала, эмексевер, вефадар Закир.

Эсернинъ къараманлары – Нияр ве Эмин даа яшлар. Оларнынъ ахлякъий чизгилери энди-энди шекилленелер. Ниярнынъ гизли тюшюнджелерине дикъкъат этейик: «*Нияр не япкъаныны озю де бильмей. О Эминни севе эди, лякин бойле олур деген шей акълына биле кельмей эди. Энди анасына, достларыны насыл юзьнен корюнеджек?*» [4, 40]. Йигирми яшта Нияр агъыраякълы – олуджы бир вакъиа. Лякин яш къадыннынъ кедери- къайгысы кунь-куньден арта, «*башы къапаныкъ сокъакъкъа киргенини дуя…*», чюнки «*Эмин эвленмек акъкъында даа кереги киби тюшюнмеген эди*» [4, 83]. Лякин Ниярнынъ къальбинде буюк инсаний дуйгъу яшамакъта, о баланы догъ-

урмакъ къарарына келе. Эминнинъ: « Мен мында адам тапарым, не истесе берерим, бизни бу белядан къуртарыр». – деген сезлерине Нияр: « Кет, Эмин, козюме корюнме!» – дей. Эвляд онынъ ичюн севгининъ, аятнынъ алямети, келеджекнинъ фиданчыгъы. Яш къадыннынъ арзу-умютлери виранеге чевирильселер де, о джидий бир аятий дерсни менимсей: эр бир инсан озюне коре пек талапкяр олмакъ керек, о яшайыштаки хаталардан иракъ олмакъ ичюн озюне ахлякъий чизгилер сечип алмакъ лязим. Афсуски, Эминнинъ севгиси акъикъий, саф дегиль ве озь арекетлеринде етерлик ахлякълы инсан олмагъаны исбатлана. Анасынынъ айын-оюнларына, ошеклерине къулакъ аса, нетиджеде озю де бахтсыз ве якъын инсанларыны: къадыны Ниярны ве огълу Джаферни де бахтсыз эте. Повестьнинъ финалында Эминнинъ аят, севги, гузеллик акъкъында тасавурлары денъише.

Эсерде драматик чатышув мевджут. Бу, инсан борджунынъ ве ашаалыкънынъ чатышувы. Шерфе апте мот урбаларнынъ, ильванларнынъ, мал-мулькнинъ къулу, о Ниярны гузель ахлякъий идеаллары ичюн козюнден чыкъара, севмей. Лякин шуны къайд этмек керек ки, эр бир чатышув, атта ахлякъ саасында, янъылыкъны тасдикълай. Белли ки, Урие Эдемованы даима кескин ахлякъий меселелер джельп этелер. Чокъ йыллары козьден къачкъан аятий мевзуларны, инсан такъдирини языджы озь эсерлеринде сербестликнен айдынлата. Бойлеликнен, озю ана олгъан Урие Эдемова земане эдебиятымызда къадын образыны ве, хусусан, ана образыны яратувда белли мувафакъиет эльде этти ве меракълы эсерлер яратты.

Рустем Муедин 1919 сенеси июль 6-да догъды. Эдебият авескярлары тёгерегини алып баргъан шаир Ибраим Бахшыш исе, бильгимни къавийлештирди, дей языджы [2, 459]. 1937 сенеси «Яш лининджилер» меджмуасында «Рустемнинъ джинаетлиги» адлы икяеси басылды. Ондан сонъ языджынынъ шиирлери дюнья юзю корьди. Эдебиятнен бир сырада драмтёгерекке къатнап, пьесаларда иштирак эте эди. Къырымгъа къайткъан сонъ, Рустем Муедин «Къырым» газетасында чалышты. 1993 сенеси Украина языджылары бирлигине къабул олунды. 1999 сенеси 80 йыллыгъы къайд олунды ве бу мунасебетнен онынъ «Къатмер къадерлер» адлы китабы нешир этильди. Бу китапкъа онынъ икяелери, пьесалары ве шиирлери кирсетильгенлер [2, 460].

Р. Муединнинъ актуаль икяелеринден бири – **«Ана къайгъысы».** Бу икяе терен мундериджели, мында муим меселе котериле. Икяенинъ мундериджеси адий вакъиадан ибарет. Ана огълу мектептен кеч къалгъаны, вакътында эвге къайтмагъаны ичюн раатсыз ола, озюне ер тапалмай. Языджы бизге ананынъ къасеветлерини, теляшларыны косьтере. Адисе- вакъилар акъкъында языджы 3-джи шахыс адындан беян эте. Икяенинъ баш къарамыны – Селиме апте. Селиме аптенинъ огълу Ридван, Керимнен берабер мотоциклге отурып кезинмеге кетелер. Селиме апте къасеветленмеге башлай ве оларгъа айта: «Къоркъам-моркъам деп къаза-белягъа ограманъыз, балам» [3, 4]. «Инсан янъгъыз къалгъанда онынъ мийине нидже-нидже фикирлер, нидже-нидже хаяллар келелер», дей языджы [3, 4]. Селиме апте терен тюшюнджеге далып, кечмиш адиселерни хатырлай: *«Ридван догъгъан куню, онынъ бабасы юрек хасталыгъындан вефат эткен эди. Ридван баба севгиси ве къуванчыны корьмеди. Асылында Селиме аптенинъ озюнинъ балалыгъы да ойле гузель кечмеди. Атешли дженк йылларында немсе фашистлери оларнынъ койлерини бир тамам якъкъан эдилер» [*3, 4].

Селиме апте фикирлеринде огълуны башкъа балаларнен тенъиштире. Къомшусынынъ огъланчыгъы бар эди. Онъа берильген характеристикагъа дикъкъат этейик: *«Бу бала беш яшына кельгенде биле, эки сёзни бир ерге къошып айтмагъа бильмесе де, анасы оны: «Меним акъыллым, бильмеген шейи ёкъ» – деп, эркелей тургъан» [*3, 5]. Селиме апте исе озь баласыны макътамагъа севмей эди.

Энди кеч ола, азбарда къаранлыкъ тюше, амма Ридван даа эвге кельмеген эди. Къадын баягъы вакъыт Ридванны беклей. Сонъ ананынъ къулагъына «Ярдым эт, аначыгъым…» – деген сес эшитильгени келе [3, 6]. Селиме апте милиция болюгине бара, амма анда баласы ёкъ эди. Онынъ анъында Керимнинъ сёзлери текрарлана: «Биз семагъа учамыз…» [3, 6]. ве бу сёзлер ананы гъает раатсызландыра эдилер.

Муэллиф окъуйджыларыны да къасеветлендирмеге арекет эте. Селиме апте хастаханеге кете ве мында ярамай. Эким онъа укол эте, ярдым косьтере ве айта: «Тюневин бир къач яш къазалангъан эди амма, адлары ве сойадлары малюм дегиль. Меселя, бирини пычакънен ургъанлар, экинджиси мотоциклетнен барып юк машынасына урулгъан, даа бириси ...» [3, 7]. Селиме аптенинъ башкъа шейни динълемеге алы ёкъ эди, о мотоциклде урулгъан балалар къайда олгъаныны сорай. Эким, «оларны беттен танымагъа чареси ёкъ, кийимлеринден танып олсанъыз, косьтермеге мумкюн» дей [3, 7]. Эким Селиме аптеге бирinджисини косьтергенде, ана башкъасы деп, къычыра. Муэллиф къадыннынъ алы денъишкенини косьтере: *«Ап-акъ чырайы кесильди, нефес аламайып якъасыны ачты»* [3, 8]. Амма бираздан Селиме аптенинъ акъылына бойле бир деталь келе ве о экимге огълунынъ юреги янында ири бенъ олмакъ керек, дей. Джевабы къадынны шашыра, чюнки ич бир бенъ ёкъ эди ве о къуванып, эвге ашыкъа.

Энъ сонъунда муэллиф бойле хулясалар чыкъара: «О, огълуны сагъ-селямет корьгенине къуванмакъта эди. Шу башында къач тель чал сач арткъаныны ве юзюндеки сызыкълар не къадар теренлешкенини огълу къайдан бильсинъ?!» [3, 9]. Языджы икяеде реаль омюрде раст кельген вакъиаларны акс этти. Ананынъ севгиси насыл дереджеде олгъаныны косьтерди ве бу шей окъуйыджыда чешит дуйгъулар пейда этти. Икяеде анагъа первасызлыкъ чизгиси, ана севгиси, ана ве бала арасында мунасебетлер меселелери къоюла.

Тедкъикъатнынъ нетиджеси ве келеджеги. Къырымтатар эдбиятынынъ сонъки девирде осип чыкъкъан векиллеринден бири несирджи Урие Эдемованынъ эсерлери халкъымыз арасында озюне ляйыкъ ер алмакъта. Онынъ эсерлерининъ халкъ омюрине кирип бармасына себеп ичтимаий омюримизнинъ бугуньки меселелери догъру косьтерильмесиндедир. Рустем Муедин, несир жанрларында махсулдар чалышкъан языджылардан биридир. Языджынынъ эсерлернинъ аятийлиги акъкъында сёз юрьсетеджек олсакъ, онъа уста икяеджи демек мумкюндир. Языджынынъ чокъусы эсерлерининъ гъаеси – аналарны къайгъырмакъ, раатсыз этмемек акъкъында тюшюнджелерге далдыра.

Эдебият

1. Сеферова Ф. А. Етико-естетична парадигма кримськотатарьскої прозы 60-80-х рр. ХХ ст.: автореф. дис. на здобуття наук. ступ. канд. філол. наук: спец. 10.01.10 / Сеферова Фера Асанівна; Ін-т філол. Київськ. нац. ун-та ім. Тараса Шевченка. – Київ, 2006. – 20 с.

2. Фазылов Р. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы. Къыскъа бир назар / Р. Фазылов, Нагаев. – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2001. – 640 с.
3. Муедин Р. Къатмер къадерлер (Трудные судьбы) [Икяелер, пьесалар, шиирлер). Топлама эсерлер / Рустем Муедин. – Симферополь: Къырым девлет окув педагогика нешрияты, 2000. – 192 с.
4. Эдемова У. Баш язысы / У. Эдемова.– Ташкент: Изд-во Гафура Гулама, 1981. – 83 с.
5. Эдемова У. Юрек атеши / У. Эдемова. – Ташкент: Изд-во Гафура Гулама, 1985. – 114 с.

Люманова Л. Н. Образ матери и авторская позиция в произведениях Р. Муедина и У. Эдемовой / Л. Н. Люманова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. І. Вернадського. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 500–505.

В работе сделана попытка исследования образа матери и авторской позиции в произведениях Р. Муедина и У. Эдемовой. Актуальность темы заключается в том, что образ автора в произведениях крымскотатарских писателей является совершенно неизученным аспектом. Образ матери и авторская позиция в произведениях Р. Муедина и У. Эдемовой до сегоднешнего дня раскрыты в недостаточной степени. Следует отметить, что творчество писателей многожанрово и своеобразно. Авторы произведений сами являются участниками, поэтому их произведения считаются актуальными и вызывают интерес читателей.

Ключевые слова: крымскотатарский рассказ, автор, литературоведение, образ, герой, творчество

Люманова Л. Н. Образ матері і авторська позіція в творах Р. Муедіна і У. Едемової / Л. Н. Люманова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 500–505.

У роботі зроблена спроба дослідження образу матері і авторської позиції в творах Р. Муєдіна і У. Едемової. Актуальність теми полягає в тому, що образ автора в творах кримськотатарських письменників є абсолютно невивченим аспектом. Образ матери і авторська позиція в творах Р. Муєдіна і У. Едемової досі розкриті в недостатньо. Слід зазначити, що творчість письменників багатожанрова і своєрідна. Автори творів самі є учасниками, з цієї причини їх твори вважаються актуальними і викликають інтерес читачів. Предметом роботи служить розкриття образу матери і авторської позиції в творах. Матеріалами роботи стали такі твори У. Едемової: повісті «Юрек атеши» («Вогонь серця») і «Баш язысы» («Доля»), «Буюк севги» («Велика любов»), а також оповідання «Гъайип аскернинъ анасы» («Мати зниклого солдата»), «Къырмызы гуль» («Червона квітка»), «Аналыкъ дуйгъусынен» («Відчуття материнства»), оповідання Р. Муєдіна «Ана къайгъысы» («Турбота матері»), «Къабаат кимде?» («Хто винен?»)

Ключові слова: кримськотатарське оповіддання, автор, літературознавство, образ, герой, творчість

Lyumanova L. N. In the works R.Muedin and U.Edemovoy roskrytie image of mother and the author's position / L. N. Lyumanova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 500–505.

The relevance of my work is that the image of the author in his work is very high. Their works until today were not well solved. Their work is very interesting and covers a lot of genres. These writers are works in which they are involved. It is for this reason that their works are considered aktualnymi.Predmetom of my work is in the works of discovering new interesting topics. The materials of my work became such works W. Edemovoy: "Jurek Ateshi" ve "bash yazysy" story, "Buyuk Sevgi" ve "Gayyp askernin Anasy", "Kyrmyzy ghoul", "Analyk duygusnen" R. Muedina "Ana kaygysy" "Kabaat RIIA? '. And before we set such a goal: to gather all the necessary information about the authors, their study biography, read all of the products and select the most relevant of our subject, to describe a summary of the works, to determine the position of the author. In order to achieve the goals you want to use: books, articles, fiction, autobiographical data. In the Crimean Tatar literature, one of the representatives and novelist was U.Edemova . In her works and describes the life of the people is the main role . For her nature also took an important role. In his works, it displays what are the experiences of her mother, the inner world of human desire and intention of a woman. Its one of the main topics is – the theme of the mother. She works in her national education, love of country, maternal feelings,

children's love and the current topic of writers eviction of the Crimean Tatar people. She even has a product based on real events. She tried to show us what are the mother's feelings, and how big they are, only that the mother does for her child, we can see in such works, " Jurek Ateshi ", " Analk duygusnen ." And many other works we read it, " Kyrmyzy ghoul ", " Gayyp askernin Anasy ", " Analk duygusnen ", " Ozyu bilemi Eken ? ", " Olar kimler dealer? " And came to the conclusion that it works very readable and vosprinimayutya reader. In her works of love, friendship, respect other people occupy a central role in her works . And we are looking forward to it more and more new works, such as interesting as pridyduschie . The problems of the artwork in the literature are the main problems. Here, the writer describes the truth for what it really is, to convey to the reader all the essence of the situation . In this area, the writer tries to write what is going on in the world and in the lives of the people on this concept, we can see what kind of feelings and experiences include the writer . The problems that are shown in the product can be regarded as artistic content, because that's where the author had hidden the most interesting. Of course every reader sees each work its own way, for example, someone may also experience all the emotions which we want to convey the author, and others may simply did not understand. But in the words of the famous writer MM Bakhtin, "if you want to understand the product, feel it, between the author and the reader has to be a dialogue ." And when this dialogue occurs, only then can you understand his work.

In the 20 -tye 70-80 years of age in the Crimean Tatar literature in prose, were the main features of the history of the people and traditions. The main characters of the works did not want to feel what that particle in the world.

Key words: Crimean Tatar story writer, literary criticism, image, character, creativity

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 506–510.

УДК 821.112.2.01

ГЕССЕ И ВОСТОК

Маммедзаде Н.

Азербайджанский университет языков
azfolklor@yahoo.com

В научной работе проанализировано наследие известного немецкого писателя и художника Германа Гессе. Отмечается его интерес к культуре и философии востока. Рассмотрено становление и развитие философской мысли Гессе. Основные темы его произведений – темы самопознания, поиска себя раскрыты в его романах «Игра в бисер», «Сиддхартха», «Паломничество в страну восхода». Данные романы анализируются с точки зрения философии и культуры. Автор приходит к выводу, что основной темой романа «Игра в бисер» является китайская философия и учебная – воспитательная система, а романа «Сиддхартха» – жизнь сына индийского брахмана Сиддхартха. Автор отмечает тот факт, что Гессе в своих работах умело синтезировал западную философию с восточной мудростью, пропагандировал идеи глобализации. Его работы популярны и актуальны потому, что читатель в каждом герое находит себя.

Ключевые слова: философия, Г.Гессе, китайская философия, индуизм.

Постановка проблемы. В условиях перемен и глобализации, мир, в настоящее время, сталкивается чаще с актуальным вопросом: кто составляет человечество, люди или иудеи, христиане, мусульмане или другие религиозные общины? Как известно, XX век в истории человечества является такой эпохой, в которой человек время от времени подвергался самым серьезным моральным и духовным переживаниям. Современный мир, как бы ни старался вникать в глубину этой проблемы, разрешить или смягчить ее, выяснил то, что корни этой проблемы идут очень глубоко. Потому что, в постоянно развивающимся и меняющимся мире, проблема между индивидом и обществом углубляется еще больше, замкнутый в себе человек отчуждается по отношению к окружающим и, наконец, в лучшем случае видит свое спасение в религии. В результате религиозные разногласия и возникающие от этого конфликты развиваются. Этот процесс был и продолжается до сих пор.

Но нужно понять, что человечество состоит, прежде всего, из людей. Именно смысл этого понятия может служить положительным образцом для глобализации человечества. Эта проблема всегда привлекает прогрессивно мыслящие личности. Для великого немецкого писателя и мыслителя Германа Гессе, о ком в настоящей статье пойдет речь, эта проблема стояла всегда на первом месте. Этот великий художник помог нам понять причину кризиса, которому был подвержен современный человек. В своей статье под названием «Немного теологии», обращаясь к этому вопросу, он отметил, что люди на всех этапах истории человечества нашли свое утешение только в одном, что в корне этого расчленения на расы, цвета кожи, языки и культуры стоит одно единство, т.е. существует только «Одно Человечество» и толь-

ко «Один Дух». Возможно, это и является причиной того, что в произведениях Гессе мы видим не немецкого героя, а только человека. В его творчестве проблема человека, его внутренние противоречия, его полемика с самим собой и окружающей средой проходит красной линией. Возможно, никто как Гессе не изучал эту проблему так глубоко и в деталях. Кроме того, Гессе был художником, который объединил способ мышления Дальнего Востока и Запада. Сочетание западной философии с древними восточными учениями в его прозе поднял Гессе до высоты всемирного писателя.

Интерес и любовь к восточной философии естественно, были связаны с семейной атмосферой, в которой он вырос. Его дедушка с материнской стороны Герман Гундерт, который долгое время работал в Индии как миссионер, и его мать Мария Гундерт-Гессе играли незаменимую роль в формировании его мышления и сферы интереса. Она была очень религиозной и в то же время общественно-деятельной женщиной. Еще в молодом возрасте его интересовали инда – китайская философия, он читал сказания Будды и Конфуция, познакомился с философией Ницше и идеями Янг Чау, пользовался ими в своем творчестве. Верно также и то, что молодой Гессе, пристрастившись к философским идеям Шопенгауэра, пошёл по его стопам, и впервые в 1907-ом году начал заниматься «йогой и аскетизмом» [1, 458]. Гессе, под влиянием Шопенгауэра, который распространял индийскую философию «Tat Tvam Asi», означающее «то есть ты», считал всех людей, т.е. индусов и китайцев, которые не были христианами, себе подобным. Хотя, исходя из точки зрения современной эпохи эта мысль звучит странно, нельзя забывать, что Азия была в начале прошлого века колонией Европы и европейцы считали азиатов представителями низшей расы.

В 1911– м году с сентября месяца по декабрь Г.Гессе путешествовал со своим другом, художником Ганс Штурценеггером по «Индии» и побывал в Шри-Ланке, Малайзии и Суматре. Это путешествие еще больше углубляло и сделало очевидными его представления об Азии. Потому что, до сих пор он получал информации об Азии только по воспоминаниям семьи и письменным источникам. В то же время это путешествие было его побегом из порывистой Европы и от его личных проблем. В своей книге « из Индии», написанной им в 1914-м году, он выражал эти впечатления в очень ясной и более подробной форме. Надо отметить что, во время этого путешествия китайцы и китайская культура впечатляли его больше и взывали в нём симпатию и чувство уважения.

В статье «Китайская точка зрения», написанная в 1921-м году, он показывал, как в последние двадцать лет традиции и душа Китая повлияли на всю Европу, и советовал европейцам получать силу от китайского образа мышления и ее моральных сил. В то же время писатель сделал идею Янг Чау о четырёх зависимостей, которые протолкнули человечества на войны и падения, лейтмотивом всего своего творчества: это долгая жизнь, знаменитость, карьера и богатство. Современный человек погрузился в эти грёзы и живет бессмысленной и безумной жизнью. В результате создаёт свою судьбу извне. По мнению Янг Чау, человек, свободный от этих четырех мечтаний, любит свою судьбу и живёт ею изнутри. Люди такого типа живут в гармонии с самим собой. Похожие мысли мы встречаем в его статье «Возвращение Заратустры »: «Кому судьба приходит извне, она уничтожает его, как стрела

свалит его. Тому, к кому судьба приходит, она придаёт силу, делает его божественным» [3, 206-207]. Эту идею мы видим в образе Г.Галлер из «Степного Волка», в Й. Кнехт из «Игры в бисер», в Сиддхартха из «Сиддхартха». Гарри Галлер, который по всему роману живёт в противоречии со своим внутренним миром и в мире, разделенным на две части, переживает хаос в «Магическом театре» и это ведёт его к исцелению. Этот хаос и есть его внутреннее переживание и Г.Галлер, который смирился со своей судьбой и научился жить в согласии с ней, достиг, наконец – то внутренней гармонии. Но смирение с судьбой для Гарри не значит никак покорность, смирение со всеми. Это путь к самим себе, которая и есть самая трудная путь для человека. В романе «Игра в бисер» Й. Кнехт является тем самым, чья судьба приходит изнутри, из самого себя. Он отличается от своего окружения своим умом и выдержкой. Его искусное умение разговаривать, самое главное владение тонким чувством музыки, ведёт его вверх по лестнице иерархии. Но такие чувства, как внутреннее беспокойство и постоянный поиск, тянут его, как и других героев Гессе, к мирскому обществу, а «желание изменить свою судьбу, и создать ее извне убивает его как стрела».

Кроме того, в 1946 – м году он писал в своем письме Феликсу Лютскендорфу: «Моя родина Касталия, мои святые и крали древние индусы и китайцы» [2, 382]. Читая роман «Игра в бисер», невозможно не удивляться глубокому знанию Гессе китайской философии и образу жизни китайских монахов – мандаринов. Поэтому Гессе так популярен в Японии. Сравнение китайской и европейской музыки и философия китайской музыки в романе, открывает для читателя совсем новый мир. Классическая европейская музыка придаёт игре в бисер трагический, но и одновременно мужественный и бодрый дух. А китайская музыка, наоборот, связывает игру в бисер с корнями и источниками жизни и существования. Об этом в своем письме к Отто Баслеру он писал, что древние китайцы больше знают о правильном духе и морали музыки, чем наши теоретики музыки. В письме он ссылался на Ли Бу Вену, что совершенная музыка рождалась из равновесия, а равновесия из правды, а правда из смысла. И поэтому о музыке можно беседовать только с человеком, понимающий смысл этого мира. Далее он, продолжая цитировать, отмечал, что чем громче музыка, тем печальнее становится люди, тем больше опасности возникает для страны, тем глубже рухнет графство…Интересно то, что именно эта идея нашла свое отражение в романе и эти строки повторялись там слово в слово. Один из наглядных образцов параллелей между китайским конфуцианством и Касталийским миром Гессе, является отказ от всяких новшеств. Слова Конфуций «пиши, но не создавай новое», один из самых главных принципов Касталийский провинции. Почему Гессе отталкивается именно от этого принципа, вызывает интерес.

Гессе всегда считал культуру Китая очень древней и неизменной. Исследователь творчества Гессе Георгий Гузателли соглашается с мыслью о том, что культура, которую мы называем религией, для китайцев - философия и Гессе очень одобрял это.

По этой причине всякие попытки Европы, христианизировать Китай и подавлять их чувство национальности казались писателю смешным и бессмысленным и

он писал о том, что всякий завоеватель Китая, сам того не замечая, был захвачен китайским духом и со временем стал размышлять как китаец.

Адриан Хзиа, известный среди канадских германистов как исследователь Китая, подчеркнул не без основания, что Гессе в своих произведениях как «Игра в бисер», «Сиддхартха», «Паломничество в страну восхода» и в ряде своих стихотворений, прославляющие Китай, также прославлял индийскую поэзию. Если тему романа «Игра в бисер» составляет китайская философия и учебная – воспитательная система, то в романе «Сиддхартха» речь идет о жизни сына индийского брахмана Сиддхартха. На самом же деле Сиддхартха является художественным прототипом Гаутамы Будды. Писатель заставляет читателя задуматься о вечной правде, рассказывая ему о различных дорогах, полными страданиями и болями, разочарованиями и корысти, которые ведут к высшему «Я» и самопознанию. Герой произведения ищет мудрость сначала у брахманов, затем у аскетов. Не достигнув результата, талантливый юноша обращается к учению Будды и мирской жизни. Наконец он нашёл эту мудрость у простого перевозчика, который перевозит людей с одного берега реки на другой и молодой Сиддхартха, который начал понимать глубину человеческих чувств и страстей, превратился от пассивного наблюдателя в активного участника человеческих отношений, и может чувствовать некую гармонию между собой и миром.

События происходят, в экзотической местности, где создаётся такое впечатление, что речь идет здесь именно о европейцах, которые ищут себя везде – в сфере образования, религии, и наконец, в каждодневной жизни, но забывают о таком незаменяемом учителе как, природа. Промышленно развитое общество отдаляет человека всё больше от матушки природы, превращает её в безжизненный инструмент, подчинённого воле человека. В романе «Сиддхартха» и индусы считают природу нереальным явлением и забывают о её материальной, реальной стороне тогда, как вся мудрость утаена именно в ней. Те, кто знакомы с творчеством Гессе знают, что основную линию его творчества средних и зрелых годов составляет идея «Бог в себе». Все его произведения, начиная от «Демиан» до «Игра в бисер», пропагандируют восхищение этой идеей. Основным источником этой идеи, очень тесное привязывание к индийской вере «Атман», является мост между человеком и космическим духом (брахман). Это учение так соответствовало его потребности нехристианской «пути к Богу», что он всю жизнь остался верен этой идее: «Я никогда не жил без религии и не могу жить один день без неё. Но я могу обойтись всю жизнь без церкви» [3, 373].

Выводы и перспектива. Становится ясным от этого признания, что его христианская вера была сплетена в индокитайское убеждение. Но хотя этот философский взгляд вызывал в нём большое восхищение, Гессе был европейцем с головы до ног, и в его произведениях, распространённая восточная философия была, в сущности, зовом предостережения для европейцев, призывом к борьбе за спасение человечества. По его мнению, причина популярности его произведений среди читателей скрыта в том, что они видят самих себя в этих образах. Интерес к его произведениям является поиском пути людей к их внутреннему миру, потому что самый трудный и страдательный путь – это путь к самому себе. По этой причине, произведения

Гессе являются синтезом восточной мудрости и западного творчества, и, призывая человечество вместе идти по этой дороге, еще в середине XX века, он пропагандировал идею глобализации мира.

Литература

1. Hesse H., Blick nach dem Fernen Osten, hrst. von V.Michels / H. Hesse. – Frankfurt a. M., 2002. – S. 458
2. Hesse H. Gesammelte Briefe III / H. Hesse. – S.382
3. Hesse H. Gesammelte Schriften: In 7 Bd. Bd. 7 / H. Hesse. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 198. – 945 S.

Маммедзаде Н. Гессе і Схід / Н. Маммедзаде // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 506–510.

У науковій роботі проаналізован спадщина відомого німецького письменника і художника Германа Гессе. Відзначається його інтерес до культури та філософії сход. Розглянуто становлення і розвиток його філософської думки. Основні теми його творів – теми самопізнання, пошуку себе розкриті в його романах «Гра в бісер», « Сіддхартха», «Паломництво в країну сходу». Дані романи аналізуються в статті з точки зору філософії та культури. Автор доходить висновку, що основною темою роману «Гра в бісер» є китайська філософія та навчально-виховна система, а роману «Сіддхартха» – життя сина індійського брахмана Сіддхартха. У статті відзначається той факт, що Гессе в своїх роботах вміло синтезував західну філософію з східною мудрістю, пропагував ідеї глобалізації. Його роботи популярні і актуальні тому, що читач в кожному герої знаходить себе.

Ключові слова: філософія, Г. Гессе, китайська філософія, індуїзм

Mammedzade N. Hesse and East / N. Mammedzade // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 506–510.

In the scientific work the legacy of Hermann Hesse, famous German painter and writer is analyzed. His interest of the East culture and philosophy is marked. The formation and development of Hesse's philosophical conceptions is viewed. The main themes of his works are the theme of self-cognition and self-search are revealed in his novels "The Glass Bead Game", "Siddhartha" and "Journey to the East". These novels are analyzed from the philosophy and culture point of view. The author comes to the conclusion that the main theme of "The Glass Bead Game" novel is the Chinese philosophy and educational system and the "Siddhartha's" novel theme is the life of Indian Brahmin Siddhartha's son. In fact, Siddhartha is an artistic prototype of Gautama Buddha. Hesse was named "the sage of Montagniola". Based on intensive discussions with the Indian religion world, Hesse created the novel "Siddhartha. Indian poetry".

The author comes to conclusion that Hesse work skillfully synthesized Western philosophy with oriental wisdom in his work and promoted the idea of globalization. His work is popular and relevant because the reader finds himself in every character. Creativity is perceived as a confession.

"The Glass Bead Game" is the last great work, on which Hesse worked from 1931 to 1942 years. This philosophical essay is disguised as a surreal novel.

"The Glass Bead Game" is a synthesis of all the branches of art in the only universal art – the art of metatext writing.

Key words: philosophy, H. Hesse, Chinese philosophy, Hinduism

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 511–517.

УДК. 821 (479. 24)

ФОРМУЛЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОБРАЗА ДЖАХАНДАР-АГИ

Рзаев Т. М.

Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана
azfolklor@yahoo.com

В статье повествуется об эпическом архетипе образа Джахандар-аги, главного героя романа «Кура неукротимая». В статье проведен анализ свойств Джахандар-аги с эпическим героем, его «национальных качеств», опирающихся на эти ценности. Исследования показали, что в контексте лингвопоэтического анализа, созданного И. Шыхлы, величественного образа Джахандар-аги, есть возможность исследования фольклорных формул в контексте механизмов их отображения в речевых единицах. Это позволило рассмотреть связь образа Джахандар-аги с героями в тюркских эпосах, особенно Кёроглы, в плоскости лингвистического анализа. Цель научной работы заключается в выявлении эпических формул в облике Джахандар-аги, то есть направлении связей между образом Джахандар-аги и эпическим героем к лингвопоэтическому анализу. В научной работе исследуются: сюжетная структура, образная система, идейное содержание, этнографическое богатства. Автором отмечено, что образ Джахандар-аги выступает в статусе выразителя фольклорной памяти, аккумулирующего в себе этнический опыт.

Ключевые слова: эпический герой, Джахандар-ага, архетип, эпос.

Постановка проблемы. Исследования показали, что в контексте лингвопоэтического анализа созданного И. Шыхлы величественного образа Джахандар-аги, есть и возможность исследования фольклорных формул, в контексте механизмов их отображения в речевых единицах. Это позволяет нам рассмотреть связь образа Джахандар-аги с героями в тюркских эпосах, особенно Кёроглы, в плоскости лингвистического анализа. Так как роман «Кура неукротимая» является произведением, опирающемся на богатый народный стиль речи, то и с точки зрения лингвистики неоднократно привлекался к анализу. Однако наша здесь цель заключается в выявлении эпических формул в облике Джахандар-аги, то есть направлении связей между образом Джахандар-аги и эпическим героем к лингвопоэтическому анализу.

Взаимосвязь с фольклором появившегося как феноменальное литературное явление азербайджанской прозы 60-70-х годов прошлого века, сумевшего сохранить свою актуальность и по сей день, романа Исмаила Шыхлы «Кура неукротимая», мы привлекли к исследованию на самых разных уровнях – в контексте сюжетной структуры, образной системы, идейного содержания, этнографического богатства и т.д. Проведенные по всем этим направлениям исследования, охватывая сами по себе определенный аспект проблемы «Куры неукротимой» и фольклора, создают новые возможности для проведения исследования широкого спектра. Результатом именно этого является то, что в практике существующего анализа романа «Кура неукроти-

мая», коснулись, можно сказать, всех вышеперечисленных нами аспектов. В исследовании романа «Кура неукротимая» как литературного явления, сформировавшегося на основе фольклорного сознания, особенно его изучении как художественной трансформации древнетюркского эпического сознания, особенно значима роль исследований, проводимых в лингвопоэтическом аспекте (Мы термин «лингвопоэтика» используем не в качестве выражаемой им отдельной области, а как соединение в едином филологическом контексте литературного и лингвистического исследования – Т.Р.]. Весьма радующее явление представляет собой то, что среди посвященных исследованию романа «Кура неукротимая» филологических исследований и этот аспект является ведущим. И это не случайно. Несомненно, что язык является основным показателем самобытности этническо-национального сознания и модели этническо-национального сознания живут с невиданной ни в какой иной сфере чистоте именно в языке, сохраняют свое существование в языке. В проведенных до сих пор исследованиях, даже в исследованиях, проведенных в аспекте сугубо литературных анализов, неоднократно подчеркивалось, что одним из основных достоинств романа «Кура неукротимая» является его насыщенность свойственными устной народной литературе лингвистически-стилистическими свойствами. Эта черта настолько наглядна в романе, что этот факт можно даже считать естественным пробуждением тюркского эпического повествования в современном жанре романе.

В первую очередь необходимо отметить, что насыщенность языка романа присущими устной народной литературе элементами, загруженность поговорками, баяты, различными паремиями и др.не является техническим процессом, неким литературным приемом, осуществленным автором для обогащения автором языка своего романа. Насыщенность литературного языка присущими фольклорному языку лингвистически-стилистическими свойствами, в первую очередь, исходит из обоснования фольклорным сознанием прозаического сознания самого автора.

О связи романа «Кура неукротимая» с фольклорными лингвистически-стилистическими свойствами в азербайджанском филологическом сознании подробно писали видный ученый-литературовед Н.Джафаров и А.Гусейнов, Г.Казимов, Г.Мустафаева, наконец А.Танрыверди. Кроме того, в посвященных различным аспектам проблемы «Азербайджанская проза и фольклор» в 60-70-е годы многочисленных исследованиях в том или ином контексте широко анализировался язык «Куры неукротимой», особенно же связь этого языка с фольклорными лингвистически-стилистическими свойствами. Среди них следует особо отметить монографию Азизхана Танрывердиева [1]. Так как это монографическое исследование, объединив в себе все лингвистические и поэтические направления лингвопоэтического анализа романа, подробно охватило его анализом. В качестве основного достоинства монографии можно отметить и то, что при проведении исследования над языком романа, широкое место было уделено и анализам с идейно-содержательной точки зрения, произведение в целом превратилась в объект профессионального филологического анализа. Для выявления выражения в поэтическом языке романа того, что образ Джахандар-аги опирается на фольклорное сознание, в первую очередь, обратим внимание на то, какими описательными средствами показан Джахандар-ага. Исмаил Шыхлы описывает Джахандар-агу такими эпитетами: «черное лицо почти

упирающего головой в потолок, богатырского сложения Джанхандар-аги посерело, как бронза, крупные, негритянские губы задрожали, меж бровями завязался узелок…» [2, 14].

В этом коротком текстовом фрагменте автор с помощью лаконичных описательных эпитетов добился крайне точного выражения происхождения образа Джахандар-аги от героев эпоса. Такая несбалансированность главного героя романа, его несоответствие нормам, говоря точнее, переступание порогов человеческой физиологии идет непосредственно от эпических героев и тотчас ассоциирует стоящего за ним эпического прототипа – Кёроглы. Сила искусного пользования писателя языком проявляется в том, что крайне короткие эпитеты, объединившись в коротком описательном тексте, создают художественный эффект и даже без упоминания имени Кёроглы, порождают ассоциацию с этим эпическим героем. Однако в романе есть и такие моменты, где на основе использования насыщенного лингвистического материала образ Джахандар-аги предоставляется именно в непосредственном сравнении с другими героями. И в эти моменты мы становимся свидетелями особо профессионального использования выразительных средств эпического повествования в целом. С этой точки зрения особый интерес представляет собой сравнение Джахандар-аги с одним из лидеров движения освободительной борьбы Кавказа за свободу против русской оккупации шейхом Шамилем. Это сравнение отображено в сцене встречи Джахандар-аги с приставом, выбор коего момента имеет особое значение. Это сравнение было дано внутренней речью пристава в момент наблюдения им за Джахандар-агой, что является выражением иного особого значения. В романе эта сцена так отображена так: «Волосатые брови Джахандар-аги надвинулись на глаза, пристав, хотя и не понял его грозных взглядов, покачав голос, улыбнулся. «Подлинный Шамиль» мелькнуло у него в голове» [2, 235].

Превративший этот эпизод предмет анализа с лингвопоэтической точки зрения Азизхан Танрыверди так комментирует метафору: «Эта метафора с точки зрения поэтическо-семантической нагруженности обращает на себя внимание как крайне насыщенный троп. Во-первых потому, что Джахандар-ага уподобляется Шейху Шамилю (1979-1871), бывшему вождем борьбы с царским колониализмом на Кавказе. Во-вторых, уподобление Джахандар-аги Шамилю осуществляется языком не сказителя, а также имеющихся в романе национальных образов, а именно русского пристава. В-третьих, если в метафоре «Подлинный Шамиль» слово «подлинный», с одной стороны, усиливает это уподобление, с другой стороны открыто показывает контуры того, что он опирается на реальность. В четвертых, использованный во внутренней речи пристава метафоры «Подлинный Шамиль», эпитеты Джахандар-аги волосатая папаха и волосатые брови (сравни: пристав сравнивает Джахандар-агу с Шамилем, увидев, надвинувшиеся на глаза «волосатые брови») по всем своим параметрам входят в одно семантическое гнездо [1, 149].

В годы советской власти уподобление царским чиновником образа Джахандар-аги Шамилю представляет собой намек на то, что этот образ потенциально может быть лидером национального движения. Исмаил Шыхлы, проведя подобное сравнение, на самом деле выразил свои национально-освободительные идеи в годы советской власти. Другой наш ученый-лингвист Газанфар Казимов же характеризует

образ Джахандар-аги следующим образом: «Являющийся в нашей литературе совершенно новым и оригинальным персонажем, не похожий ни на один образ, если отложить в сторону классовую принадлежность, храбростью и ловкостью напоминающий где-то Кёроглы, Джахандар-ага отличается и своей речью, голосом, вескостью слова и тоном. Его «густой, грозный голос», «бурный и суровый голос» нагоняет на окружающих страх» [3, 41].

Из представления проф. Г.Казимова мы видим, что взяв за основу другой элемент внешнего облика Джахандар-аги – его голос – был сделан серьезный намек на архетип эпического героя. Как известно, голос, рык Кёроглы будучи одним из основных геройских признаков, поднят до уровня особого образа в эпосе «Кёроглы». В облике Кёроглы этот атрибутивный элемент эпического героя опирается на древний тюркский мифологический архетип. Суровость в голосе образа Джахандар-аги, несомненно, является, если образно выразить, резонансом этого голоса. Например, обратим внимание на одну сцену из эпоса «Кёроглы»: «Араб Рейхан, приведя коня в готовность, поехал на Кёроглы. Начался бой. Использовали все семьдесят семь приемов. Но не смог один одолеть другого. Ни меч не помог, ни пика не осилила, ни палица не воплотила желаемое. В конце концов, Кёроглы разозлился и сошел с коня. Полы одежды заткнул за пояс. Закатал рукава, начал прохаживаться по полю брани. Араб Рейхан сошел с коня, начался бой. Колени то одного разрыхляли землю, как плуг, то другого. Кёроглы понял, что и Араб Рейхан не лыком шит. Наконец разозлился, зарычал там, что горы содрогнулись» [4, 16]. Как видно, рык, голос по своим функциональным качествам превосходит силу и технический опыт, изворотливость. Герой пользуется этим средством тогда, когда уже все надежды утрачены и во всех случаях это средство обеспечивает победу героя над врагом или же противником. Подобная необычная мощь голоса, рыка имеет сакральный смысл. Так, причина этой сакральности связывается с тем, что в свое время Кёроглы испил воды из двойного источника. Подобное сакральной сущности качество, хотя и не в такой мере, как у Кёроглы, есть и у Джахандар-аги. Однако в отличие от Кёроглы, Джахандар-ага этим голосом в сражениях не пользуется. В облике Джахандар-аги этот голос сакральной сущности трансформировалась в конативность его речи. Речь Джахандар-аги лингвистически является темой специального исследования. Эта речь отличается, в большей степени, лаконичностью и повелительностью. Эта черта в большей степени проявляется в диалогах романа. Например, обратим внимание на следующий диалог между Моллой Садыхом и Джахандар-агой:

«Джахандар-ага сменив тон, перешел на порицание:

Прежде, чем что-то сделать, человек должен подумать. Не бросаться в середину как баран, наслушавшись слов первого встречного. А еще на гостя руки не поднимают» [2, 146].

В этом образце речь Джахандар-аги выступает в статусе выразителя фольклорной памяти, аккумулирующего в себе этнический опыт. Если присмотримся, то увидим, что выдвинутые Джахандар-агой в качестве кодекса морали и поведения принципы не являются результатом его жизненного опыта, а представляют собой зафиксированными в народной памяти формулами поведения. Эту черту непосредственно доказывают и застывшие фольклорные лингвистически-стилистические

свойства этих формул. Дальнейший ход диалога между Моллой Садыхом и Джахандар-агой в большей степени развивается в сторону конативности его речи:

« – Он не гость.

- Гость.

- Чей гость?

- Мой.

- Твой?

- Да. У кого есть мужество, пусть выйдет вперед!

- Такие как раз и разрушают людские семьи.

- Эй, ведьма, негодяй, засунь язык в свой живот!» [2, 146].

В этих диалогах лаконичность и весомость речи Джахандар-аги опять опирается на формулы, застывшие в народной памяти. Однако в отличие от прежнего, лингвистически-стилистические особенности, ставшие реальными в образе эпического героя, начинают становиться более выпуклыми. А сказанная Джахандар-агой Молле Садыгу в конце диалога фраза выступает уже как кульминационный момент конативности.

В речи у Джахандар-аги есть особенность произносить слово во всей его естественности, пришедшей из народного сознания. Эта речь естественность, идущую из народной памяти, можно сказать, ни в коем случае не подвергает этическому регламентированию. Например, Джахандар–ага в другом моменте очного противостояния так и говорит Молле Садыху: «Знаешь, что, Молла Садых, я с детства тебя недолюбливаю, ты похож на паскуду» [2, 162]. Имеющиеся в народной памяти готовые формы для определения личности и отсутствия его у человека так естественно находят свое выражение в фактах. Если в эпосе «Кёроглы» голос, рык выступает в качестве основного гаранта победы над врагом, выражаемые в романе «Кура неукротимая» в грозном голосе Джахандар-аги закостеневшие формулы, выражающие уверенность короткие повелительные предложения способны победить любого человека безо всякого оружия. Эта надменность, выражаемая в речи Джахандар-аги, в действительности представляет собой выражение в конкретных условиях у конкретной исторической личности сакральной сути этого голоса, исходящего из глубин эпического сознания.

Джахандар-ага постоянно дает приказы, его советы также носят повелительный характер. Речевые элементы, опирающиеся на паремии устной литературы повелительного содержания «Детка, прежде чем что-то сделать, надо советоваться», «Послушай меня, я не люблю пререкающихся людей», «Приехавший в село гость не может уехать, не попробовав куска моего хлеба» и др. характерны для речи Джахандар-аги. Это, на самом деле, являются основными эпическими формулами, обуславливающими поведение Джахандар-аги, постоянно повторяются в его речи. Джахандар-ага определяет друзей и врагов с помощью этих речевых формул. Он и поведение в семейно-бытовом контексте также реализует под диктовку этих формул, из благодарности к этим формулам в социальной среде Гейтепе являющейся, малым социальным кругом, способен сохранить свою концентративную функцию. В силу того, что Гёйтепе, будучи локальной социальной средой, еще не полностью

деградировав в результате вторжения нового периода, сохранил свою этническую идентификацию, эти формулы в этой среде функциональны.

Выводы и перспектива. Таким образом, научные наблюдения над романом «Кура неукротимая» в лингвопоэтическом аспекте, особенно превращение образа главного героя романа Джахандар-аги в предмет анализа в этом ракурсе, еще раз показывает, что начиная от самых мелких единиц речи и до крупных текстов речевые единицы в романе опираются на формулы, сформировавшиеся в качестве различных фольклорных жанров этнонациональной памяти. Демонстрация образа Джахангир-аги как художественного образа, представляющего собой художественную трансформацию образа эпического героя в тюркском эпосном сознании, было воплощено и в текстах, отображающих описание и оценку его со стороны сказителя, и в собственной речи образа (диалогами и монологами).

Литература

1. Kazımov Q. «Dəli Kür»ün dili / Sənət düşüncələri (məqalələr, rəylər, xatirələr, müsahibələr, çıxışlar) / Q.Kazımov – Bakı, 1997
2. Koroğlu. Xalq variantı / / «Gənc nəsil» jurnalı, 1940. – № 8, 13-16
3. Şıxlı İ. Seçilmiş əsərləri. İki cilddə. II cild / Şıxlı İ. – Bakı: Şərq-Qərb, 2005. – 400 s.
4. Tanrıverdi Ə. «Dəli Kür» romanının poetik dili / Ə. Tanrıverdi. – Bakı: Elm və təhsil, 2012. – 248 s.

Рзаєв Т. М. Формули етнічної пам'яті в контексті лінгвопоетіческого аналізу образу Джахандар – аги / Т. М. Рзаєв // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 511–517.

У статті йдеться мова про епічний архетип образу Джахандар – аги, головного героя роману «Кура невгамовна». У статті проведено аналіз властивостей Джахандар-аги з епічним героєм, його «національних якостей», що спираються на ці цінності. Дослідження показали, що в контексті лінгвопоетіческого аналізу, створеного І. Шихли, величного образу Джахандар-аги, є можливість дослідження фольклорних формул в контексті механізмів їх відображення в мовних одиницях. Це дозволило розглянути зв'язок образу Джахандар – аги з героями в тюркських епосах, особливо Кёроглу, в площині лінгвістичного аналізу. Мета наукової роботи полягає у виявленні епічних формул в зовнішності Джахандар – аги, тобто напрямку зв'язків між образом Джахандар – аги і епічним героем. У науковій роботі досліджуються: сюжетна структура, образна система, ідейний зміст, етнографічні багатства. Автором зазначено, що образ Джахандар – аги виступає в статусі виразника фольклорної пам'яті, що акумулює в собі етнічний досвід.

Ключові слова: епічний герой, Джахандар -ага, архетип, епос.

Rzayev T. M. Ethnic memory's Formulas in the Context of the linguo-poetical analysis of Jahandar – aga's image / T. M. Rzayev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 511–517.

The article provides the reader with the information about the epic and heroic archetype of Jahandar-aga's image, the main character of the novel "Kura indomitable". This article gives the analysis of Jahandar-aga's properties, his "national characteristics" that are based on these values. Studies have shown that in the context of the linguo-poetical analysis that was created by I. Shikhli there is the possibility to study the folklore formulas in the context of the mechanisms of their display in a speech units. It is possible to consider the relationship of Jahandar – aga's image with the characters in the Turkish epics, especially Kerogly in the plane of linguistic analysis. The purpose of research is to identify the epic formulas in Jahandar – aga's image. In this scientific paper are investigated: story structure, system of the characters, the ideological content, ethnographic wealth. The author notes that the Jahandar – aga's image acts as exponent of folk memory and accumulates the ethnic experience.

Thus, the scientific observations of the novel Kura indomitable" in linguo-poetical aspect, especially the transformation of the main character Jahandar -aga into the subject of analysis, once again show that starting

from the smallest units of speech and to major texts the speech units in the novel are based on formulas that have emerged as different folklore genres in the ethnic and social memory. Demonstration of the Jahandar – aga's image as an artistic image, which is the artistic transformation of the image of the epic hero in Turkic epic literature was embodied in the texts that show his description and evaluation from the story-teller and in his own speech (by the dialogues and monologues].

Key words: epic hero, Jahandar – aga, the archetype, epic.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 518–523.

УДК: 821.512.145 – 32

РЕШИД МУРАДНЫНЪ ЭСЕРЛЕРИНДЕ КЪАРАМАННЫНЪ ДЮНЬЯБАКЪЫШЫ

Караева Э. Э.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
E-mail: enyre@mail.ru

Мевзунынъ актуаллиги. Решид Мураднынъ омюр ёлу ве эдебий фаалиети гъает меракълы бир мевзудыр. Окъуйыджылар языджынынъ икяелерини окъуяракъ ве талиль этерек, озьлери ичюн меракълы ве яшыйышларына якъын олгъан вазиетлерни, адиселерни, башларындан кечирильген фаджиаларны, дуйгъуларыны языджынен берабер козь этелер. Решид Мурад эсерлеринде къараманларнынъ дюньябакъышларынынъ акс этильмеси меселеси огренильмеген мувзудыр. Бу себептен сечип алынгъан мевзумызнынъ янъылыгъы ве актуаллиги шубесиздир.

Ишимизнинъ предмети – Решид Мураднынъ эсерлеринде къараманларнынъ дюньябакъышларынынъ акс этильмесидир. Языджынынъ икяелери эсасында япылгъан талиль эсерлернинъ структурасыны, мундериджесини, мевзусыны, муэллифнинъ позициясыны, косьтерильген адиселерге мунасебетини, сималар системасыны анъламагъа ярдым эте. Ишимизнинъ материалы оларакъ Решид Мураднынъ «Йылдырым» ве «Акъыл ве такъат» икяелерини къулландыкъ. Бундан да гъайры языджы акъкъында биографик малюматлар ишимизде ярдым косьтердилер.

Ишимизнинъ макъсады. Решид Мураднынъ эсерлеринде къараманларнынъ дюньябакъышларынынъ акс этильмесини косьтермектир ве языджынынъ эр бир икяесине хас чизгилерини бельгилемектир.

Ишимизнинъ эсас вазифелери: Решид Мураднынъ икяелерини окъумакъ; муэллифнинъ эсерлеринде къараманларнынъ дюньябакъышларынынъ акс этильмесини тапып, косьтермектир; икяелерде муэллифнинъ позициясыны бельгилемек ве нетиджелер чыкъармакъ. Ишимизде къоюлгъан меселелерни огренмек ичюн чешит китаплар ве ильмий макъалелерни къулландыкъ. Булардан Шамиль Алядин «Юксек хызмет», Р. Фазылов, Нагаев «Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы. Къыскъа бир назар» китабыны, Нагаевнинъ «Йылнамелердеки излер» ве башкъа ишлерини ве А. Джемилеванынъ макъалесини «Художественные искания в современной крымскотатарской прозе 70 – 80-х годах XX века» .

Эдебиятшынаслыкъта къараманларнынъ дюньябакъышларнынъ акс этильмесини бир чокъ алимлер огренгенлер. Булардан С. Нагаев, Р. Фазыл, Б. Чобан-заде ве дигерлерини айтмакъ мумкюн. XX асырнынъ 70-80 сенелери къырымтатар языджыларнынъ эсерлеринде къараманларнынъ дюньябакъышларынынъ акс этильмеси мевзусы муим ер алгъандыр. Р. Муединнинъ «Ана къайгъысы», Т. Халиловнынъ «Биринджи къар», Дж. Аметовнынъ «Эрылгъанлар ачкъанда» икяелеринде айдын кормек мумкюн.

Эсерлерде къараманнынъ дюньябакъышы анъламакъ ичюн эдебиятшынаслыкъта къараман образына аит суаллерни огренмек керек. Къараманнынъ образы чешит

тюрлю усуллар вастасынен ачыла. Базыда муэллиф къараманнынъ шимди япаткъан ишлери акъкъында енгильден айтып кече. Кимерде исе муэллиф эсерни озь къараманыны макътавдан башлай, онынъ хызметлерини, мукяфатларыны сайып кече, онынъ акъкъында биревлернинъ айткъанларыны мисаль этип кетире.

Языджынынъ бедий ве ахлякъий севиеси онынъ аят материалыны сечмеге, теликъин этмеге ве умумлештирмеге билювине багълыдыр. Базы муэллифлер земане адамынынъ аятындан бир такъым огъурсызлыкъларны, къалабалыкълы алларны сечип башлайлар. Эбет, аятта огъурсызлыкълар да ола. Ама эдебияткъа расткельген шейни алып кире бермек, корьген-бильгенлерни бир макъсадкъа, бир гъаеге бойсундырмадан, тизиштире бермек керекмей. Эр бир бедий эсер – энъ буюк дерстир. Бу мевзуда эр бир муэллиф озь окъуйыджысынынъ оджасы, тербиеджиси олмакъ керек. Бедий эсерде аят акъикъаты – девирнинъ, джемиетнинъ, тарихнынъ энъ муим акъикъатыдыр. Бу акъикъат – тек бугуньки кунь дегиль, онынъ ичинде ярыннынъ шу филислери олмакъ керек. Эм бу филислер коктен дегиль, джемиетнинъ инкншафындан, итияджларындан алынмакъ керек.

Эдебиятымызда къараман мевзусы ишчи образынен багълы. Ишчи мевзусыны ишлевге Шамиль Алядин хусусан дженктен сонъки йылларда семерели иссе къошты. Эмиль Амит ве Урие Эдемованынъ эсерлеринде лирик тасвир къуветли олса, Ибраим Паши ве Рустем Муединде психологизмге, къараманларнынъ рухий вазиетлерни талиль этювге мейиль бериле. Бугуньки прозамызнынъ эйи хусусиетлерден бири – беян этювнинъ ерине аналитик талиль, терен лиризм кирип келювидир. Шамиль Алядин, Черкез Али, Решид Мурад, Рустем Муедин, Ибраим Паши, Мамбет Алиев, Эрвин Умеров, Эмиль Амит, Урие Эдемова киби эдиплеримизнинъ эсерлеринде замандашларымызнынъ маневий алемлери, севинч ве кедери, эмеги, куреши догъру ифаделене, олар эдебияткъа омюрнинъ янъы дуйгъуларны алып кирдилер [1, 45].

Эдебиятшынаслар къайд эткенине коре, Решид Мурад (1916 июль 8 – 2000, январь 19]. Къарасувбазарда эснаф къорантасында догъды. Башлангъыч мекепни битирген сонъ, Акъмесджиттеки ильк нумюне-теджрибе татар мектебинде окъуй. 14 яшында олгъанда, 1930 с. «Яш къувет» газетасында «Комсомолгъа кирдим» деген ильки шиирини бастырды. Дженктен сонъ о бу шиирлернинъ адларыны денъиштирип, «Меним яшлыгъым» серлевасынен бастырды [4, 357].

Решид Мурад 1940 сенеси СССР языджылары бирлигине аза къабул олунды. 1941 сенеси онынъ «Лирика» адлы шиирлер джыйынтыгъы дюнья юзи корьди. Айры шиирлер рус тилине терджиме этилип, «Татарские писатели Крыма»(1940) джыйынтыгъында басылды. Лякин чокъкъа бармай амансыз дженк башлай. Шу куньлерде о, Къырым окупацмягъа къалгъангъа къадар дженкке къаршы, фашистлерге къаршы, атешли шиирлер ве очерклер язып бастырды. Оккупация вакътында Къырымда булунды [4, 357].

Решид Мурад эдебиятымызда озюнинъ бедиетли шиирлеринен белли олды. 1938 сенеси шаирнинъ «Яшлыкъ йырлары» адлы бириндги джыйынтыгъы нешир этильди. 1939 сенеси «Ор чёллеринде» адлы очерклер китабы, 1940 сенеси «Партизан Осман» поэмасы, «Лирика» адлы шиирлер ве поэмалар джыйынтыгъы басылып чыкъты. Корюне ки, Решид Мурад эдебий фаалиетини семерели башлады. языджы къайда ве насыл иште чалышса да эдебиятнен багъыны ич бир вакъыт узьмеди.

Къырымтатар тилинде ич бир неширлер олмагъан вакъытларда биле о язмакъны токътамады. Онынъ бу девирде язгъан шиирлери рус тилинде «Человек и песня» адынен джыйынтыкъ олып чыкъты. Бундан сонъ чешит йылларда муэллифнинъ «Дагълар сонатасы» романы, «Ачыкъ гонъюльден», «Инат торунлар», «Йылдырым», «Бекленильген ал елькенлер», «Юксеклик», «Сенелер» киби назм ве несир эсерлериндан ибарет китаплары нешир этильди. Решид Мураднынъ эсерлери бир баштан сыдыргъы окъулса, оларда къырымтатар халкънынъ тарихына, талийине аит джанлы левхаларны, чешит девирлернинъ тамгъаларыны, укюмлернинъ кольгелерни ве даа чокъ шейлерни корьмек мумкюн [4, 358].

Решид Мураднынъ меракълы икяелеринден бири – **«Йылдырым»** икяеси. Йлыдырым табиатнынъ бир муджезесидир. Эсерде икяе этильме биринджи шахс адындан алып барыла, яни муэллиф адындан икяе этиле. Муэллиф табиат манзараларынынъ дюльберлигини икяенинъ башында акс эте. Языджы Асрагъан дагъларнынъ этрафтаки манзаранынъ гузеллигинен, дюльберлигинен окъуйджыны таныш эте. Языджы бизлерни икяедеки къараманларынен таныш эте – Мевлют агъа, онынъ огълу Йылдырым ве бир сой чобанлар. Мевлют агъа чобанларгъа не ичюн огълунынъ адыны Йылдырым къойгъаныны анълатмакъ истегинде эди. Огълу, арекетлери йылдырым киби къуветли, арекетчен олмасыны арзу этер эди. Мевлют агъа эр кунь чобанларнен берабер эчкилерни бакъмагъа, айдамагъа дагъларнынъ тепесине къадар айдагъандырлар. Куньлерден бир куню Йылдырым бабасынынъ янына келип бойле дей: *«Баба, мен энди он дёрт яшындам. Единджи сыныфта окъуйым. Кучюк бала санма. – деп къаршылады. – Энди манъа агъламакъ келишмей. Мен йигитлер сырасына кечмек истейим. Мени де яйлагъа алып кет.» [*2, 76]. Бу бекленильмеген сёзлер Мевлют агъаны буз-бузлатты. Шашып, не дейджегини бильмей къалды. Бабасы Йылдырымны озюнен яйлагъа алып кетмегеразы олды. Сабадан, олар чобанларнен берабер ёлгъа тюштилер. Яйлагъа етип баргъан сонъ, къарт чобан, Мевлют агъа огълуна бакъып, онынен гъурурлана эди. Геджеси юкълагъанда, Йылдырым къашкъырнынъ сесини эшитип юкъудан турды ве элине тюфекни алып, къашкъыр тарафкъа адымлады. О, эчкилерни, текелерни къутармакъ макъсадынен къашкъырны нишангъа алды, сонъ исе онъа къуршун яндырды. Геджеси олып кечкен вакъианы сабадан Йылдырым бабасына айтып берди. Мевлют агъа Йылдырымнынъ манълайындан опьти ве онынъ йигит олгъаныны къайд этти.

Эсернинъ кульминациясы бу – яйлянынъ янларында олып кечкен вакъиа. Фикримиздже, Йылдырым тюфекни алгъан вакъытта ве къуршун яндыргъанда икяенинъ юксек нокътасы саймакъ мумкюн. Эсернинъ эсас маналы эпизадлары Йылдырымнен багълыдырлар. Икяенинъ мевзусы – буюклерге косьтерильген урьмет, сайгъы. Икяенинъ гъаеси кичкене баланынъ джесюрлигини коьстерильмеси. Эсернинъ тиль хусусиетлерини айтсакъ, муэллифнинъ тили халкъ тилине якъын келе. «Йылдырым» икяеси анълайышлы, саде тильнен язылгъан. Языджы шиве сёзлер, янъы сезлер, терминлер, архаизмлер къулланылмай. Икяе буюк бедиий усталыкънен язылгъан.

«Акъыл ве такъат» икяесинде эки къараман акъкъында беян этиле. Оларнынъ дюньябакъышлары, инсанларгъа мунасебетлери, ишке мунасебетлери, акъыл ве такъатны ифаделейлер. Эсерде икяе этильме биринджи шахс адындан икяе этиле. Муэллиф бир вакъытлары тюкянджи Сулейман къарттан эшиткен меракълы масалны

окъуйыджыгъа айта. Эсернинъ мундериджеси меракълы корюне. Эвель бир заманда балабан бир чёллюк койде зорнен эки якъасы бир кельген фукъаре дегирменджи яшагъан экен. Бу дегирменджининъ ер юзюнде екяне бахты, къуванчы, ярыныа ишанчы эгиз огъуллары бар эди. Къарт дегирменджи эки эвлядыны пек севсе де, Акъылгъа мунасебети артыкъ экен. Сонъундан бу алны Такъат анълагъан. Куньлернинъ биринде баба дегирмен къарчыгъасында салкъында думанлатып, дегирменге муштери кельмегенини акъкъында къайгъыра. Шу арада къартнынъ янына Такъат кельди ве бабасына суаль берди: *«Бабай ачыкъ сёйлегеним ичюн мени афу этинъиз. Бир эльнинъ беш пармагъы бир олмагъаныны киби, бир аиледе догъгъан эвлятларгъа къыймет кесюв де бир севиеде олмай экен. Сез Девлетни менден зияде саясынъыз, догърумы?»* [2, 82]. берген суальден бабасы онъайтсыз алгъа къалгъанындан не дейджегини бильмей, шашмалады.

Шу арада къартнынъ козюне къаршы къырдан койге энеяткъан бир къач девеге чувал юклю кучюк керван чалынгъан. Озюне бенъзеген Девлет огълу киби зийрек акъыллы баба аман Такъаткъа амелий мисальнен джевап бермекни тюшюнип тапкъан. Онъа керван башына барып, юклери не экен билип кельмесини айтты. Такъат барып кельген ве юклери богъдай экенини айтты. Сонъра бабасы даа бир къач суаллер берди. Эр берген суалине Такъат барып джевап сорар эди. Не къадар суаль олса, о къадар кере о керваннынъ янына барып суаллер бере эди. Бойлеликнен, Такъат-Джевдет терлеп, пышнап, о якъкъа, бу якъкъа чапкъалап юргенде шу ерде Акъыл-Девлет пейда олды. Бабасы онъа дей: *«Огълум, анавы керван бизим койден кечип кетеятыр, амма биз баба-огъул эки аякъкъа зор берип, яля даа юклеринде богъдайнынъ фиятыны билип оламадыкъ. Къана озюнъ барып кельчи «[*2, 83]. Акъыл ёлгъа чыкъкъан. Керваннынъ янына барып, керван башыны токътатып, элинен кокюсини тутып самимий селямлашкъан, ал хатыр сарашкъан. Сонъра, бабасы бильмек истеген меселени анълап, ель киби къайтып кельген. Сонъ бабасына деген: *«Къызыл богъдай. Пудыны алтмыш капиктен саталар. Мына…- о, авучыны ачып, бир чыптым богъдай данечиклерни косьтерген. – Менимдже эльверишли, чарелеп бираз алсакъ янъылмамыз»* [2, 83]. Къач кунь сонъра къарт эгизлерни чагъырып, Такъаткъа деди: *«Сонъ, огълум, о куню манъа берген суалинъе джевап таптынмы?- деп кулюмсиреген.-– Таптып, бабай. Мен тозлу ёлда къач керелер чапкъалап, сизге акъыллы бир джевап алып келе бильмедим. Амма, Акъыл бир кере баргъанда меселени чезди. Энди дегирменимиз ишлей, уджузгъа кельген унумыз бар. – дегенде, зю де мемнюн къалгъан»* [2, 84]. Дегирменджи джевапны динълеген сонъ, бойле деген эди: *«Керчекликке бойсунгъаннынъ, озь нукъсанынъны сезгенинъ ичюн чокъ яша! Лякин шуны да сёйлемек кереким ки, кервандан биз учь чувал захирени дегирменге ташыгъанда сен экимизден де такъатлы, къуветли талыштынъ, – деп Такъатнынъ аркъасыны таптагъан. Шойле деген: – Унутманъыз, эвлятларым, зийрек акъыллы олмайып, тек такъаткъа ишансанъ, бунынъ файдасы бар. Кучьсиз, такъатсыз олып, тек акъылына базансанъ бойле алда да чокъ узакъ кетмезсинъ»* [2, 84]. Эсернинъ сонъунда бабасы озь эгизлерине насиат бере: «*Ветаны, халкъы ичюн чалышмакъ, курешмек ве яшамакъ истегенлер эм акъыллы, эм де такъатлы, джурьатлы олманъызны истейим»* [2, 84].

Эсернинъ баш къараманлары, агъа- къардаш, эгизлер Акъыл – Девлет ве Такъат – Джевдет. Къараманларнынъ сималары ачыкъ-айдын косьтериле: *«Энди он секизге кельген бу огъланларындан бириси начар вуджудлы, факъат отькюр акъыллы; экинджиси пельван киби такъатлы, лякин первазсыз экен. Шунынъ ичюн кой джемааты олардан бирине Акъыл, дигерине Такъат лагъап такъкъан. Девлет ве Джевдет даима шу лагъапларнен айтылгъанлар»* [2, 83].

«Акъыл ве Такъат» икяесининъ мевзусы – эр бир инсан озь аятында ишке бакъып, нетидже чыкъармакъ керек. Муэллифнинъ позициясы икяеде ифаделенгени белли ола.

Тедкъикъатнынъ нетиджеси ве келеджеги. Къырымтатар эдебиятында языджы Решид Мураднынъ эсерлерининъ къараманларнынъ дюньябакъышларыны огренильмеси мевзусына иссе къошмакътыр. Решид Мураднынъ икяелерини окъуп, талиль эткен сонъ, чешит мевзуларгъа ве гъаелерге больмек мумкюн. Онынъ эсерлеринде эм достлукъ, эм севги, эм инсаниетлик мевзулары бардыр. О эсерлеринде миллий тербие, Ватангъа севги, аналарнынъ къайгъысыны, балаларнынъ севгисини, Дженк меселелерни, сюргюнлик, ватанперверлик киби меселелерни косьтерди.

Эдебият

1. Арифов С. Юрек давушы: (Эдебий макъалелер) / Арифов С. – Ташкент: Эдебият ве саньат нешрияты, 1987. – 120 б.
2. Мурад Решид. Сенелер: Повестлер ве икяелер / Решид Мурад. – Т.: Эдебият ве санъат нешир., 1991.-160 с.
3. Русско- крымскотатарский, крымскотатарско- русский словарь / Сост. – С. М. Усеинов. – Симферополь: Издательский дом «Тезис», 2007. – 640 с.
4. Фазылов Р. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы. Къыскъа бир назар / Р. Фазылов, Нагаев. – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2001. – 640 с.
5. Arifov S. Yurek davushı: (Edeviy maqaleler) Arifov S. – Tashkent: Edebiyat ve sanat neshriyatı, 1987. – 120 s.
6. Murad Reshid. Seneler: Povestler ve ikayeler / Reshid Murad. – T.: Edebiyat ve sanat neshir., 1991. – 160 s.
7. Ruscha-qırımtatarca, qırımtatarca-ruscha luğat. Tertip et. S.M. Useinov. – Aqmescit: “Tezis” neshriyat evi, 2007. – 640 s.
8. Fazilov R. Kirimtatar edebiyatinin tarihi. Kiska bir nazar / R. Fazilov, Nagaev. – Simferopol: Kirim devlet okuv-pedagogika neshriyati, 2001. – 640 s.

Караева Э. Э. Проблема героя в произведениях Решида Мурада / Э. Э. Караева // Ученые записки Таврического национального университета имени В. І. Вернадського. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 518–523.

Актуальность моей работы заключается в том, что жизнь и творчество Решид Мурада является интересной и неисследованной темой. Читая и анализируя его рассказы, можно найти много событий, ситуаций, которые происходят в жизни каждого человека, будь то чувство любви, будь то чувство горя.

Ключевые слова: крымскотатарский рассказ, автор, цель, мировоззрение, герой.

Караєва Е. Е. Проблема героя в творах Решида Мурада / Е. Е. Караєва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 518–523.

Актуальність моєї роботи полягає в тому, що життя і творчість Решида Мурада є дуже цікавою і недослідженою темою. Читаючи і аналізуючи його оповідання, можна знайти багато подій, ситуацій, які відбуваються в житті кожної людини, будь то почуття любові, будь то горе.

Ключові слова: кримськотатарське оповідання, автор, мета, світогляд, герой.

Karayeva E. E. The problem of the hero in the works Reshid Murad / E. E. Karayeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 518–523.

The urgency of my theme is that life and his work is a very interesting topic. By reading and examining his stories, you can find a lot of situations that proiskhotyat in everyone's life, whether it's a sense of love, whether it's grief. Alignment characters in the stories Reshid Murad still unstudied. The materials are the stories of my work. Such as: "Yildirim", "Birinci der walls son", "Akyl ve takat." My aim of this work is that of the hero in the world works Reshid Murad. The tasks of my work: First, read the works of Reshid Murad, second, to show the world displaying the characters in the works Reshid Murad, third, to define the position of the author's works, and finally to draw conclusions. In order to study the tasks and goals used several books and articles. Some of them are: Sh Alyadin "Yuksek hyzmet" Fazylov, Nagaev "Kyrymtatar edebiyatynyn tarikhy. Kyska Bir Nazar "kitabyny, Nagaevnin" Yylnamelerdeki Isler "and Cemil AA" Art Hunt in modern prose Crimean Tatar 70 – 80 years of the twentieth century. " In the literary world the problem characters in the stories studied by scholars such as S. Nagaev, R. Fazil, B. Choban-zade and others. In the 70-80 years of the 20th century in the works of writers of the Crimean Tatar problem worldview characters prominently. In the 20 70-80 years of age in the Crimean Tatar literature in prose, were the main features of the history of the people and traditions. The main characters of the works did not want to feel what that particle in the world. They wanted to be : courageous, that the fire and into the water, brave, to achieve their goals. The author would like to convey to the sincere and true feelings, honest work, human problems and all the beauty of the world . And it should be noted in our literature opens new vision, that is, folklore and psychological. methods used in my work: biographical, systematic analysis of the works, artistic works of analysis. In order to enlighten the writer Reshid Murad system has helped us biographical method. My robot consists of two parts.

Key words: Crimean Tatar story, the author, the purpose, philosophy, hero.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 524–528.

УДК 821.111

МИР СИМВОЛОВ В РОМАНЕ ДЭНА БРАУНА «КОД ДА ВИНЧИ»

Рагимова Ф. Д.

Азербайджанский Университет
azfolklor@yahoo.com

В научной работе автором рассматривается роман Дэна Брауна «Код Да Винчи» через призму культурных, религиозных и исторических особенностей. Центральная роль в научной работе отводится символу. Автором рассмотрены основные символы, использованные писателем в своем романе, например: Дева Мария как символ женского начала на иконах, а ребенок – как символ мужского начала. Автор приходит к выводу, что таким образом иконописцы хотели показать единение и гармонию этих двух начал, которые являются основой всего в жизни. Также рассмотрена другая символика христианства и ордена тамплиеров. В работе предпринята попытка проследить этимологию слова «Бог» в разных языковых группах. Также проводится историческое исследование некоторых символов христианства (например, креста и традиции его целования), определяются истоки данной традиции.

Ключевые слова: символизм, символы, роман, чаша Грааля, икона, шестиконечная звезда, Ватикан

Постановка проблемы. В романе Дэна Брауна «Код Да Винчи» раскрывается истинный смысл ряда символов связанных с ранним христианством, и первыми организациями христиан. В романе присутствуют также символы, отражающие реальные исторические личности и события. Знаки и события, представленные уже с первых глав романа и до последних страниц заставляют читателя внимательнее всматриваться в историю.

Представляя «код Да Винчи» Дэн Браун хочет показать, что согласно этим знакам в эпоху, предшествовавшую раннему христианству, т.е. в эпоху идолопоклонничества, главным началом всего человечества являлась женщина-мать. В частности, изображаемая на иконах, и принимаемая всеми религиями Дева Мария согласно роману вовсе не является богоматерью. На самом деле этот женский образ является символом божественных сил, закладывающих основу жизни, т.к. именно женщина рождает новую жизнь. Ребенок, мальчик на руках Марии означает мужское начало в жизни, т.е. на иконе соединяются два начала-женское и мужское, т.е. в заложении основы семьи участвуют и женщина и мужчина.

Прослеживая историю икон, мы видим, что корни этого явления уходят в далекое прошлое. Иконы являются священным атрибутом северной ветви буддизма. Создавая иконы, буддисты стремились выразить свое почтение древним традициям. Впоследствии икона была принята и христианской церковью. Как самостоятельный символ, иконы никак не могли быть созданы во времена Иисуса Христа. Учитывая это, Дэн Браун стремился показать, что все поиски человечества проистекали из желания людей склонить голову перед женским началом жизни.

В романе упоминается также Чаша Грааля, и указывается, что сам Леонардо да Винчи как и другие члены ордена тамплиеров знал о местонахождении той Чаши, и на самом деле это вовсе не сосуд, а документ, повествующий о великих тайнах. В романе даются правдивые сведения о проникновении христианства в Европу. Сам Дэн Браун в «Коде да Винчи» считает, что эта Чаша - Чаша Христа, и она также имеет иносказательный смысл. На созданной Леонардо да Винчи картине «Тайная вечеря» перед всеми участниками тайной встречи есть чаша с вином. Однако у зрителя создается впечатление, что чаша стоит лишь перед Иисусом.

Таким образом, Христос словно делится своими идеями со всеми присутствующими. Христос был вторым пророком, уверовавшим в единобожие, принявшем его всей душой, и понимавшим, что истоком новой веры также является Единый Бог. Именно поэтому Христос призывал людей отказаться от веры в идолов и уверовать, поклоняться единому Богу. Эту же мысль хотел донести последующих поколениям своей картиной Леонардо да Винчи.

В романе «Код да Винчи» упоминается еще один символ, указывающий на орден тамплиеров. Это цветок розы, употребляемый также в смысле «розовый цвет». Розенкрейцеры, Рыцари Розового Креста использовали изображение розы в одежде, письмах, документах. Ларец Соньера также розового цвета, и на нем изображен цветок розы с пятью лепестками. Пять лепестков означают пять букв. При прокручивании криптекста на поверхности ларца, получаются слова «Чаша», «Винчи», также состоящие из пяти букв. Так да Винчи указывает на свою принадлежность к ордену тамплиеров.

Дэн Браун затрагивает еще одну тему, часто поднимаемую в научно-документальной литературе. Это тема брака Марии Магдалины с Иисусом Христом, и в случае существования этого брака, место, где могли жить возможные наследники Христа. Мария Магдалена, родившаяся в городе Мигдал-Эд, была одной из последовательниц Христа. Согласно Евангелию, она была исцелена Иисусом. После исцеления Мария Магдалена отреклась от прежнего образа жизни, последовала за Христом. Мария Магдалена была свидетелем кончины Иисуса Христа и принимала участие в его погребении. Первая весть о вознесении Христа также была получена от ангелов именно Марией. Спустя некоторое время Мария, увидев Христа, не сразу узнала его. Узнав же Христа, и, желая приблизиться к нему, она была остановлена словами: «Не приближайся ко мне!». На Марию была возложена миссия возвестить о воскрешении Христа. По нашему мнению, обсуждение вопроса о том состоял ли Иисус в браке является неправомерным. Светлый образ Христа живет в сердцах миллионов людей. Различного рода научные дебаты не должны и не могут бросать тень на эту личность.

В романе также говорится об идоле по имени Бафомет. Ленгдон объясняет Софи, что «в эпоху идолопоклонничества Бафомет был богом плодородия и обладал очень большой мужской силой. Бафомет изображался в виде козлиной или бараньей головы (символ плодородия).Тамплиеры поклонялись Бафомету и, стоя вокруг сделанной из камня головы Бафомета, хором возносили молитвы во славу его [6, 382]. Церковь использовала этот символ рогатого бога в борьбе против тамплиеров, однако отдельные элементы этого верования живы до сих пор». Так, например в США на открытках ко Дню Благодарения изображается рог-символ плодородия.

Что можно сказать о Бафомете? Майкл Бейджент, Ричард Ли и Генри Линкольн в документальном произведении «Священная кровь и священная чаша» пишут, что «имя Бафомета называли многие из рыцарей, подследственных инквизиции», причем имя этого божества упоминается с большим уважением. Иногда Бафомет представляется в виде мужской головы с бородой, а на языке испанских мавров означает «мудрый отец, старейшина»-«буфхимат». Если имя «Бафомет» действительно происходит от этого слова, то оно означает начало определенной природной, естественной силы» [4, 80]. У древних тюрков это был Тенгри хан, сын Неба.

Слово «Бафомет» могло происходить и от слова «Бог». «Как правило, слово «Бог» связывают с монгольским «Бурхан». Однако это слово было хорошо известно древним жителям тюркских степей задолго до того, как здесь появились монголы. [3, 256]. Слово «Бог» означает «Боди», «Бодхи» - освещать, пробуждаться, просвещать. Таким образом, Бафомет – духовный отец, пробуждающий людей, определенная высшая сущность, он же Богдохан, Тенгри-хан. В священной книге мусульман Коране, в суре Аль-Имран, говорится: «Аллах! Нет Бога кроме него! Он жив и вечен! Он источник жизни и обладатель мудрости!». У тюркских народов, являющихся прародителями многих народов Европы, Бог - Тенгри - есть небесный дух, обладатель Вселенной. Небо является его жилищем и Им же самим. У тюрков Бог являлся духом с мужским началом.

Еще одним символом, упоминающимся в романе «Код да Винчи», является шестиконечная звезда, которая считается знаком царя Давида и почитается всеми иудеями. По мнению героя Дэна Брауна Ленгдона, звезда Давида, т.е. фигура, известная во всем мире как «печать Соломона», в древности была тайным символом астрономов, рассматривалась как знак власти Давида и Соломона [1, 55]. Ленгдон раскрывает свою мысль следующим образом: «шестиконечная звезда состоит из двух треугольников. Треугольник, острый угол которого направлен вверх, означает мужское начало, треугольник с направленным вниз острым концом означает женское начало» [6, 356]. Используя форму этой звезды, тамплиеры демонстрировали свои верования, идеи, верность убеждениям. Так, и пятиконечная звезда, и шестиконечная «звезда Давида», и роза с пятью лепестками – все это зашифрованная информация посланная предками следующим поколениям.

Раскрывая суть слов и символов (пусть даже не всегда добиваясь этого полностью) Дэн Браун оказал большую услугу Европе, всему человечеству. Следует отметить, что наличие верований в одну и ту же божественную силу и у народов Великой Степи, и у иудеев еще не означает точного существования связей между этими народами. Франкская королевская династия Меровингов в самом начале подчинялась правилам, законам тевтонского ордена. Знакомые с этими правилами, и приспосабливавшие их к своим, местным правилам Меровинги, в V веке подготовили Салический закон, ставший впоследствии основным законом государства франков. В последующие столетия этот же закон стал официальным законом Священной Римской Империи и подчинялся законам Римской церкви. В 45 статье Салического закона «Де Мигрантубиз» (о переселенцах) выдвигался ряд важных условий, необходимых для перехода кочевых племен к оседлой жизни, и получения ими гражданских прав. Основываясь на условиях статьи можно утверждать, что под «кочевыми

племенами» подразумевается не тевтонский орден, а какая-то другая общность. Некоторые источники утверждают, что эти статьи были взяты из Талмуда, а Салический закон также основывается на иудейских законах. Однако, кем были так называемые «кочевые племена», и с какого Востока они прибыли в Европу - вопрос совершенно ясен. Дэн Браун обращается к этой гипотезе, желая прояснить вопрос, и призывая к объективности в исследованиях. В то же время, если для Дэна Брауна этот вопрос остается открытым, неизученным, то официальная церковь прекрасно осознает суть вопроса, так как разобщенность, раскол в христианстве начался именно с этого момента и имеет место до сих пор.

В «Коде да Винчи» Дэн Браун указывает, что тамплиеры не целовали крест, не принимали его. Дэн Браун не знает причину этого, однако обратившись к истории, можно сделать четкие выводы. На самом деле, тамплиеры вовсе не были безбожниками. Они не принимали именно крест, принятый католической церковью, Ватиканом.

Обратившись к истории, мы увидим, что история креста как знака уходит своими корнями в глубокую древность, на Алтай. До IV столетия, т.е. до того как крест утвердился в Европе, христиане не признавали крест и избегали его изображений. Мурад Аджи подтверждает эту мысль словами Феликса Минутци, жившего в III веке: «что касается креста, то мы его не признаем. Нам, христианам он и не нужен. Он важен для вас, идолопоклонников. Позолоченные, украшенные куски дерева нужны вам» [3, 393].

Таким образом, христиане до IV не признавали крест, и поэтому становится ясным, почему избегали креста и тамплиеры. В качестве атрибута крест использовался в ритуалах буддистов (северная ветвь) с I века. Идея присутствия следов Азии в культе креста подтверждается также и научными данными. Храмы, молитвы, икона, колокол – то есть почти все церковные атрибуты пришли в восточное христианство из Большой Степи. Людей, сохранивших древние верования, называют шаманами. Мурад Аджи также пишет, что «в Индии крест называют ваджра. Ваджра не что иное, как блестящие лучи божественного плодородия, расходящегося из единого центра. Согласно этому представлению в центре креста изображался круг, обозначающий солнце. В древности крест не был простым пересечением двух линий. Крест состоял из изображения солнца и четырех лучей. Традиция покрывать кресты золотом, украшать их драгоценными камнями также берет свое начало именно оттуда. Такие кресты были знаком, символом Божественной силы. Эта сила опускалась с неба на Землю потоком света [1, 194]. Тамплиеры не принимали именно тот крест, который состоял из двух пересекающихся линий. Церковь же напротив, переняв эту традицию с Востока, не желала раскрывать ее истинный смысл.

Ватикан не принимал крест именно в его первоначальном значении, так как это противоречило интересам политики Папства. Ватикан не желал сохранять историю тюркских народов, переселившихся в Европу, всячески скрывал их богатую культуру. Римская церковь изображала крест в виде «Т», т.е. деревянного креста, на котором были распяты Христос и его сторонники. Героя Дэна Брауна, Соньера, Ватикан преследует и наказывает именно за то, что тот знает эту истину. В ряду символов, представленных в «Коде да Винчи» звучит также слово «Алой» в значении «О Боже». Елой-Алой-Бог-Аллах - согласно индийским мифам (тибетско-бирманская

группа) именно Он создал первых людей. В иудаистских источниках Елой имеет значение «Яхве»- «елохим», т.е. «их боги и их духи», и «теротим»-«их идолы». Мурад Аджи пишет, что иудеи часто говорят «Адонай» вместо «Яхве». Это точно соответствует истории иудаизма. В древности, во времена правления царя Кира, слово «Адонай» образовалось путем соединения двух слов «адын» имя, «ай» позови, т.е. назови имя - атын ай - адонай [3, 114].

Выводы и перспектива. Как видно, факты, выдвигаемые Дэном Брауном в романе «Код да Винчи» не только отражают определенные этапы истории христианства, но и перекликаются с историей тюркских народов. «Дух свободы восстает равно как против политического засилья феодалов, так и против давления духовенства, не желает более слепо следовать предписаниям церкви и Папы» [2, 33].

Литература

1. Аджи М. Европа. Тюрки. Великая степь / М. Аджи. – Москва: Мысль, 1998. - 334 с.
2. Бейджент М. Святая кровь и святой грааль / М.Бейджент., Р.Ли, Т. Линкольн. – Москва: 2005, 494 с.
3. Браун Ден. Код да Винчи / Ден Браун. – Москва: 2006. - 542 с.
4. Византийкие легенды. Древнеевропейская литература. Ленинград, 1972
5. Коран. – Баку: 2000. - 615 с.
6. Неру Дж. Взгляд на всемирную историю / Дж. Неру. – Баку: 2006. - 344 с.

Рагимова Ф. Д. Світ символів у романі Дена Брауна « Код Да Вінчі» / Ф. Д. Рагимова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 524–528.

У науковій роботі розглянуто роман Дена Брауна «Код Да Вінчі» крізь призму культурних, релігійних та історічних особливостей. Центральна роль у науковій роботі відводиться символу. Автором розглянуті основні символи, використані письменником у своєму романі, наприклад Діва Марія як символ жіночого початку на іконах, а дитина – як символ чоловічого початку. Автор доходить висновку, що таким чином іконописці хотіли показати єднання і гармонію цих двох начал, які є основою всього в житті. Також розглянута інша символіка християнства і ордена тамплієрів. Автор здійснив спробу простежити етимологію слова «Бог» у різних мовних групах. Крім того, проводиться історичне дослідження деяких символів християнства (наприклад, хреста і традиції його цілування), визначаються джерела цієї традиції.

Ключові слова: символізм, символи, роман, чаша Грааля, ікона, шестикутна зірка, Ватикан

Rahimov F. J. World of symbols in the Dan Brown's novel “The Da Vinci Code” / F. J. Rahimov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 524–528.

In a study Dan Brown's novel“The Da Vinci Code” is considered through the prism of cultural, religious and historical features. The central role in the scientific work is assigned to the symbol. The author describes the main symbols used by the writer in his novel, such as the Virgin Mary as a symbol of the feminine in the icons and the child – as a symbol of masculinity. The author comes to the conclusion that in such way the painters wanted to show the unity and harmony of these two principles, which are the foundation of everything in life. Also other symbols of Christianity and the Knights Templar are considered. The author attemptув to trace the etymology of the word “God” in a different language groups. Also a historical study of some symbols of Christianity (such as the cross and its tradition of kissing) is examined and the origins of this tradition are determined.

Key words: symbolism, symbols, novel, Holy Grail, icon, six-pointed star, Vatican

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65), № 2. 2013 г. С. 529–543.

РЕЦЕНЗИИ

УДК: 327.39 / .82 [(5-15)+(470+571). (049.32)

РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЭЛИТА В ОЦЕНКАХ И ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОГО БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО ВЕКТОРА РФ: РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК СТАТЕЙ (БЛИЖНИЙ ВОСТОК, АРАБСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ И РОССИЯ: ЧТО ДАЛЬШЕ? / ОТВ РЕД-РЫ В.В. НАУМКИН, В.В. ПОПОВ, В.А. КУЗНЕЦОВ / ИВ РАН; ФАК-Т МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И ИСАА МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА. М.: ИВ РАН, 2012. – 593 С.)

Близняков Р. А.[1], Щевелев С. С.[2]

[1]ЮФ НУБиП Украины «КАТУ». E-mail: bliznyakov80@mail.ru

[2]ТНУ им В. И. Вернадского. E-mail: p.shevelev.s.s@gmail.com

Первой попыткой на постсоветском пространстве осмыслить начавшуюся «Арабскую весну» стал сборник статей «Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?» В статьях рецензируемого издания рассматриваются массовые протестные и повстанческие движения на арабском Востоке в 2011 – 2012 годах, а также вызванная ими коренная трансформация арабских обществ. Эти метаморфозы затрагивают интересы не только государств региона, но и глобальных игроков, демонстрируя новые тренды в мировой системе международных отношений в целом. Сборник – плод совместной работы видных ученых и дипломатов, представляющих ведущие центры академического, образовательного и прикладного востоковедения. В своих статьях авторы демонстрируют всю палитру взглядов на феномен Арабского пробуждения, существующих в отечественном экспертном сообществе. В сборник также включена статья известного тунисского аналитика, Лажми Нури (научного сотрудника Института прессы и наук об информации), придающая работе особый колорит и, отчасти, взгляд на проблематику из неспокойного региона.

Ключевые слова: «Арабское пробуждение», «Арабская весна», Ближний Восток, Российская Федерация. Персоналии: Дмитрий Медведев, Виталий Наумкин, Евгений Примаков, Ирина Звягельская.

История стран Азии и Африки знала много драматических эпизодов в новое и новейшее время. Европоцентристский мир был реальностью последних столетий. Колониальная Азия пережила эпоху Пробуждения. Но – похоже – этот термин имеет свое перевоплощение и будет применим к Новейшему периоду истории арабских стран, имея другие временные и локально-географические рамки. Современность принесла арабскому миру новое пробуждение. Именно этому феномену посвящен

сборник статей ведущих российских и зарубежных ученых «Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше?»

Современную Россию, выходящую из постсоветского кризиса и пытающуюся позиционировать себя, если не как великую, то, как минимум, региональную державу, по мнению академика Е. М. Примакова не может не интересовать Ближневосточный регион – подбрюшье России. Новые вызовы и угрозы заставляют пристально следить за событиями и трансформациями на Ближнем Востоке российский политикум, журналистские круги и научно-аналитическую общественность.

Первой попыткой осмыслить начавшуюся «Арабскую весну» стал сборник статей «Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?» [1]. В статьях, рецензируемого издания, рассматриваются массовые протестные и повстанческие движения на арабском Востоке в 2011 – 2012 годах, а также вызванная ими коренная трансформация арабских обществ. Эти метаморфозы затрагивают интересы не только государств региона, но и глобальных игроков, демонстрируя новые тренды в мировой системе международных отношений в целом. Сборник – плод совместной работы видных ученых и дипломатов, представляющих ведущие центры академического, образовательного и прикладного востоковедения. В своих статьях авторы демонстрируют всю палитру взглядов на феномен Арабского пробуждения, существующих в отечественном экспертном сообществе. В сборник также включена статья известного тунисского аналитика, Лажми Нури (научного сотрудника Института прессы и наук об информации), придающая работе особый колорит и, отчасти, взгляд на проблематику из неспокойного региона.

Издание открывает статья Виталия Вячеславовича Наумкина «Вместо предисловия: круговорот Арабского пробуждения». Трудно недооценить вклад выдающегося востоковеда современности в развитие отечественной (советской / российской) и мировой арабистики. В.В. Наумкин – член корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института востоковедения РАН (с 2009), заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова. Институт востоковедения в лице нового руководителя получил дополнительный импульс в своем развитии. Это коснулось не только рутинных изменений, но и научного ренессанса.

К 60-летию В.В. Наумкина был издан сборник научных статей, посвященных автору, в котором приведен более чем внушительный список научных трудов. Библиография исследований ученого на 2005 год занимает 40 – 64 страницы указанного сочинения [2].

Каждая из работ В.В. Наумкина уникальна и научно целесообразна. Для обзорного знакомства с его деятельностью рекомендуем избранные главы из книг, статьи, очерки, доклады и выступления профессора, доктора исторических наук В.В. Наумкина, написанные в разные годы на протяжении четырех десятилетий его научной и педагогической деятельности, объединенные в издании «Ислам и мусульмане: культура и политика. Статьи, очерки, доклады разных лет» [3].

Ученики и последователи В.В. Наумкина трудятся в Российской Федерации, ближнем и дальнем зарубежье. В Симферополе, в Крыму, на юге Украины, формируется школа востоковедов, под руководством профессора Сергея Стефановича

Щевелева, которая продолжает традиции советского и российского востоковедения, являясь генетическим продолжением научной мысли В.В. Наумкина. Без педагогической стороны деятельности В.В. Наумкина было бы возможно появление коллективной монографии «История Палестины: международный аспект (1897-2009 гг.)», представляющей собой комплексное научное исследование различных аспектов истории палестинских земель в хронологическом отрезке от окончания османского владычества в регионе до современности и вызвавшее неоднозначные оценки украинских исследователей [4].

Так, украинский учёный Вячеслав Лихачев относительно формирующейся школы востоковедения под руководством профессора С. – С. Щевелева отмечает: «следует скорее говорить, что в Крыму продолжает существовать советская школа ближневосточных исследований (по совместительству – антисионистская пропаганда), нежели заявлять о становлении на юге Украины принципиально новой и оригинальной современной научной школы», однако, справедливости ради, хочется отметить, что тот же автор не отрицает того, что «рецензируемое (им – вставка наша). издание (история Палестины – вставка наша). …следует рассматривать как важное, а в русскоязычном пространстве – практически уникальное по всеохватности введение в проблематику, незаменимое для студентов и небесполезное для всех интересующихся» [5]. Таким образом, многогранная деятельность В.В. Наумкина имеет целый ряд измерений, в том числе в виде деятельности его учеников и последователей.

По праву презентуя сборник «Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?», В. В. Наумкин отмечает: «Предлагаемый читателю сборник включает в себя статьи российских исследователей различных специальностей, предпринявших попытку осмыслить события столь неожиданно начавшегося и все еще продолжающегося Арабского пробуждения, или «арабской весны». Он открывается статьей выдающегося знатока Ближнего Востока и крупнейшего отечественного политического и общественного деятеля академика Е.М. Примакова о ближневосточном курсе России, которая дает ключ к пониманию идущих в регионе процессов и отношения к ним нашей страны» [1, 3].

Среди авторов сборника рецензенты особо отмечают: М. Ф. Видясову, без исследований которой невозможен взгляд российского образованного человека на Тунис, А.З. Егорина – египтоведа современности, палестиноведов и арабистов – Г. Г. Косача и Е. – С. Мелкумян. Их узкоаспектные статьи создают калейдоскоп исследований, образующих единую картину (насколько применимо это словосочетание) арабского мира.

Структурно статьи рецензируемого нами сборника сгруппированы в четыре раздела – «Трансформация региона», «Арабские государства в 2011–2012 году», «Региональные и внешние факторы», «Арабское пробуждение и Россия». Это презентабельное внешне издание в твердом переплете с соответствующим эстетическим оформлением в зеленых тонах, обтекающих фоном фото протестных выступлений, символично передает восприятие современного арабского мира – бушующего моря модернизированного (но не вестернизированного) исламского мира.

Выход в свет этих научных изысканий – это пища во время, духовная пища. Информация к размышлению, прежде всего, для российской политической элиты.

Как справедливо отметил Е. М. Примаков в статье «Ближневосточный курс России: исторические этапы»: этот регион « …исторически считается «подбрюшьем» России. Хотел бы подчеркнуть эту мысль также в связи с «недоумением» ряда американских политиков, да и некоторых наших политологов, по поводу активной позиции современной России в отношении тех или иных событий в ближневосточном регионе. Можно считать, что российский интерес к ним сопоставим с интересом США к развитию обстановки в Латинской Америке» [1, 21].

О том, что российская властная вертикаль нуждается в таких аналитических пробах арабского политического грунта свидетельствует выступление (тогда в качестве Президента РФ) премьер-министра Дмитрия Анатольевича Медведева, цитируемого известным международником Ириной Доновной Звягельской: «Не случайна в этом смысле оценка арабских событий, данная президентом Д.А. Медведевым. Выступая в феврале 2011 года во Владикавказе на заседании Национального антитеррористического комитета, он следующим образом оценил происходящее: «Посмотрите на ситуацию, которая сложилась на Ближнем Востоке и в арабском мире …И вполне вероятно, что произойдут сложные события, включая приход фанатиков к власти. Это будет означать пожары на десятилетия и дальнейшее распространение экстремизма. Надо смотреть правде в глаза. Такой сценарий они и раньше готовили для нас, и тем более, сейчас будут пытаться его осуществлять» [1, 531].

Рецензентам тяжело комментировать высказывания ведущих российских политиков такого уровня особенно в моменты предвыборных забегов и тем более делать смелые параллели между современным арабским миром и Россией, дабы не скатиться в плоскость политических, а не научных умозаключений. Однако история, политическая история, и изучение современности, как и любые социальные науки, не может быть незаангажированной. Перед современной российской элитой стоят многие проблемы внутреннего развития РФ, схожие с арабским миром. Они актуальны и для нашего (Украины) северного соседа. И в цвете «арабской весны» можно проследить характерные для России структурные деформации общества. Приведем мысли В.В. Наумкина по данному поводу: «О причинах и особенностях этих событий много сказано и не меньше написано. «Арабская весна» смела одни, казавшиеся стабильными, ближневосточные режимы и раскачала другие» [1, 4]. И действительно, регион с устоявшимися монархическими и авторитарно-деспотическими режимами под демократическими фасадами вдруг пришел в действие и за этими фасадами обнажился целый комплекс проблем, о которых В. В. Наумкин справедливо заметил следующее: «В наборе причин, вызвавших столь масштабный протест, называют господство законсервировавшихся и загнивших авторитарных режимов, отсутствие гражданских свобод и социальных лифтов (все более болезненное для модернизированной части населения), увеличившийся разрыв в доходах между наиболее обеспеченной властной верхушкой и остальной частью населения, ставшую системным фактором коррупцию, бедность, слабость социальной политики. К этому можно добавить неэффективность управления, экономическую стагнацию, слабое развитие производительных сил при зависимости от нестабильных, но относительно доступных внешних источников накопления» [1, 4].

Однако скрытое или даже открытое стихийное недовольство необходимо организовать. В условиях информационного общества это можно сделать, используя как традиционные, так и нетрадиционные средства воздействия и «в ходе арабского пробуждения было использовано несколько и традиционных, и новых средств мобилизации, во-первых – мечети, где для совершения молитвы собираются огромные массы людей, а по пятницам читаются проповеди; во-вторых, уже почти ставшее традиционным средством телевидение, особенно – оказывающий огромное воздействие на аудиторию катарский канал «Аль-Джазира», в-третьих, такое общераспространенное средство коммуникации, как мобильные телефоны; наконец, в – четвертых, Интернет и социальные сети» [1, 5].

Говоря об арабской весне, невольно встает вопрос арабского единства, явления, на наш взгляд, спорного даже в социокультурной плоскости, не говоря уже о политическом измерении. Однако панарабизм, который имеет свои исторические корни и традиции видоизменился. Можно согласиться с мнением В.В. Наумкина: «Сегодня принято считать, что панарабизм изжил себя, что отчасти так, если говорить о светском национализме вроде насеризма или баасизма …Однако можно утверждать, что в арабском мире фактически появился «новый панарабизм», который отличается от прежнего своими ценностями, установками и целями, но в такой же мере основан на общеарабской солидарности, которая, естественно, как и ранее, не означает транснационального конценсуса. Если прежний панарабизм основывался на националистических, левых и социалистических идеях, то панарабизм, родившийся в ходе «арабской весны», основан на идеях исламистских и, в гораздо меньшей степени, либеральных и демократических, имея при этом одновременно и националистическую окраску. И направлен активизм этого «панарабизма улицы» уже не против колониализма и Израиля, а против своих собственных авторитарных режимов (показателен такой беспрецедентный факт, как согласие значительной части арабских обществ на иностранную интервенцию в Ливии)» [1. с.5].

Возвращаясь к историческим параллелям современной России, постсоветского пространства и Арабского мира, хочется сказать, что вопрос ротации кадров, обновления политических элит актуален для переходных обществ постсоветских стран с их тоталитарным наследием, и для авторитарно-деспотических режимов арабского мира. В своей статье «Восприятие в России событий в арабском мире (на примере ситуации вокруг Сирии)», вошедшей в рецензируемый сборник, известный международник И. Д. Звягельская отмечает, что «жесткость российской политики по Сирии можно было объяснить также особенностями внутриполитической обстановки, периодом предвыборной борьбы. После парламентских выборов 2011 года в России развернулось движение за честные выборы и демократизацию политической системы» [1, с 537]. Российская власть, начиная с нулевых годов, в спектре цветных революций и цвете «арабской весны видела прямую угрозу для себя, для стабильности в обществе для трансляции власти. Российское общество, как и арабский мир, думается, устали от застоя во властных кругах. В. В. Наумкин небезосновательно отмечает: «С самого начала Арабское пробуждение выглядело как вызов несменяемым президентам и премьер-министрам, семействам и кланам, монополизировавшим государственную власть и пытавшимся организовать её династическое продолже-

ние, отказавшись практически даже от внешних признаков политических систем – выборности, конкуренции различных политических сил …» [1, 6].

В этой связи хочется отметить, что В. В. Наумкин перечисляя причины «арабской весны» вскрывает глубинные причины этого явления. Явления многоаспектного, имеющего множество характеристик. Справедливо отмечено, что говорить только об американском финансировании или о руке Запада безосновательно. Для любого выступления нужен горючий материал – нужны реально недовольные и уставшие от социальных деформаций общества. Рецензенты глубоко убеждены в социальной неоднородности протестного движения в арабских странах. Эта неоднородность прослеживалась и во время Оранжевой революции на Украине, и во время событий на Болотной площади в Москве. Банально объяснять подобные действия только финансовой стимуляцией США нельзя. Думается, что среди стоявших на Болотной, немалый процент составляла творческая интеллигенция и искренние патриоты, которые недовольны хотя бы минимальными темпами прироста экономики, или девальвацией лозунгов традиционных политических сил. В.В. Наумкин в этом ключе заметил: «В Сирии произошел раскол общества на сторонников режима и его противников, вступивших в острое противостояние. Триада баасистской идеологии – единство, свобода и социализм – потеряла свою привлекательность для немалой части населения, а монополия партии Баас на власть и её методы управления страной стали для этих людей неприемлемым анахронизмом. К этому надо добавить непропорциональное применение насилия со стороны властных структур государства. Однако ориентация оппозиционеров на модель вооруженного мятежа с целью безоговорочного свержения режима и их отказ от политического диалога при мощной внешней поддержке, в конечном счете, не оставляли Дамаску иного выбора, кроме силового подавления мятежников» [1, 7 – 8]. Рецензенты ещё не однократно будут возвращаться к находящимся в развитии событиям в Сирии, но прежде чем говорить конкретно о какой-то арабской стране хочется остановиться на общих для арабского мира причинах и тенденциях.

События «арабской весны» заставляют обратить внимание на демографический и гендерный фактор. Невольно вспоминаешь истматовские схемы советских учебников по истории с их темами по буржуазным революциям с их традиционными движущими силами. Итак, движущие силы арабской весны. «В самое сложное положение попала образованная молодежь (отмечает В.В. Наумкин – вставка наша), лишенная возможности найти себе применение. Именно эта самая динамичная и современная часть общества стала главной движущей силой и идеологом народных выступлений в Тунисе и Египте. Не беднейшие традиционные слои, привыкшие к своей бедности и неспособные сформулировать цели и задачи революции, а образованный класс вышел на авансцену наиболее развитых арабских государств, потянув за собой совершенно иные по социальным и культурным характеристикам группы и движения как у себя на родине, так и в соседних государствах» [1, 8].

События на Ближнем Востоке не могут и не должны не затрагивать Россию. Классик востоковедения, известный политик и, бесспорно, блестящий в прошлом министр иностранных дел Евгений Максимович Примаков в своей статье «Ближневосточный курс России: исторические этапы» обзорно освещает основные вехи рос-

сийской внешнеполитической линии в данном регионе. Первоначально со времени становления империи и «до первой мировой войны ближневосточный курс России фактически сводился к отношениям с Османской империей …» [1, 22], справедливо заключает он. Проникновение на Ближний Восток происходило с далеких подступов, с южного подбрюшья России, и в этом вопросе особое значение отводится черноморско-кавказскому региону – воротам России на Ближний Восток. После декомпозиции Османской империи Советская Россия стала проводить диаметрально противоположный курс по отношению к кемалистской Турции, курс – на наш взгляд – совсем неоправданный и направленный не сколько на соблюдение своих интересов, сколько на нанесение урона странам Антанты. Академик Е. М. Примаков определяет следующие этапы Российской (Советской) заинтересованности на Ближнем Востоке: «В 20-е – 30-е годы ближневосточная политика Москвы формировалась главным образом под воздействием идеологических соображений. Государственная заинтересованность в развитии связи с арабскими странами – в большинстве своем в тот период колониями и полуколониями – сводилась к минимуму» [1, 22]. Таким образом, в довоенный период Советская Россия и Советский Союз имели в качестве внешнеполитических партнеров только Турецкую республику и Иран (до 1935 года Персию). Арабский мир в этот период еще только вступал в эпоху деколонизации, и говорить о странах региона как о самостоятельных акторах не приходится.

Вторая мировая война превратила международные отношения в мировую политику, в которой огромную роль играли вопросы идеологического характера. Не без идеологической затравки СССР втянулся в процесс деколонизации стран региона. «Активизация государственной политики СССР в арабском мире началась после окончания Второй мировой войны, когда рухнула веками создаваемая колониальная система» [1, 22] – чему советское руководство было довольно, думается, хотя бы из соображений того, что старые колониальные державы – Англия и Франция – традиционные соперники имперской России в регионе навсегда утратили свои позиции. Во взаимоотношениях с арабскими странами СССР всегда чувствовал элемент арабского национализма: «Серьезным препятствием на пути сближения СССР с арабскими революционными националистами стал их антикоммунизм. Он доводил до кровавых расправ с членами местных компартий, как это случилось и в Ираке, и в Судане…..После смерти Насера – разве это не показатель роли личности в истории! – в арабском мире стали развиваться события, продемонстрировавшие несостоятельность идеологических одежд, в которые СССР облекал свой ближневосточный курс, и они были окончательно отброшены» [1, 24].

Ближневосточная периферия ощутила на себе всю остроту флангового противостояния СССР и США. Академик Е. М. Примаков справедливо замечает, что «во время холодной войны у СССР, по сути, не было иного выбора, как опереться в своей ближневосточной политике на революционно-националистические режимы, какими бы они ни были тяжелыми партнерами» [1, 25]. Эта линия, на наш взгляд, приобрела гротескные формы. Формируется она в годы правления Н.С. Хрущева, так как И. В. Сталин с настороженностью относился к арабскому национализму и орденов арабским лидерам не вручал.

Однако невзвешенная политика касалась в основном идеологических вопросов. Советской внешнеполитической линии нельзя отказать в прагматизме. СССР, в отличие от США, не стремился втягивать страны региона в военно-политическую орбиту и превращать в сателлиты. Академик Е. М. Примаков подчеркивает: «В отличие от США Советский Союз не стремился втянуть арабские страны в свой военно-политический блок – Варшавский договор. Более того, советское руководство ответило отказом Насеру, который после жесткого поражения в «Шестидневной войне» 1967 года поднял тему присоединения ОАР к Варшавскому договору в переговорах с председателем президиума Верховного совета СССР Подгорным в Каире. При этом Насер сослался на поддержку своего предложения президентом Сирии» [1, 26].

Были и другие признаки конструктивной политики СССР на Ближнем Востоке: «Еще одним отличием советского ближневосточного курса от политики США был тот неоспоримый факт, что и во время холодной войны и после нее СССР, а затем и Российская Федерация, никогда не использовали в своих интересах исламистов. Что касается США, то они задействовали исламистов, в том числе самых радикальных, против советских солдат в Афганистане. Такая безрассудная политика, кстати, способствовала трагедии 11 сентября 2001 года – после вывода советского контингента из Афганистана выпестованная не без американской помощи «Аль-Каида» во главе с Бен-Ладеном обрушилась теперь уже на Соединенные Штаты» [1, 26].

Девяностые годы стали геополитической трагедией для российского мира. Самороспуск СССР и утрата позиций по всем азимутам привели к тому, что геополитический вакуум стал заполняться в одностороннем порядке США и их союзниками. Невзирая на заверения в партнерстве США продолжали проводить антироссийский внешнеполитический курс, в том числе и на Ближнем Востоке, где он был направлен на окончательное выдавливание ельцинской России. Сами же Штаты важное значение региона никогда не забывали и «экономический, политический и военный интерес США и их союзников к региону сохранился, хотя прямая антироссийская направленность такого интереса снизилась. Но не до минимума. Об этом свидетельствует, в том числе и проявляющееся стремление США расширить стратегическое значение Ближнего Востока за счет соседнего Центрально-Азиатского региона. Отчетливо вырисовывается такая закономерность: чем больше усилий прилагают США для укрепления своих позиций в той или иной бывшей среднеазиатской республике СССР, тем отчетливее проявляются осложнения отношений этой страны с Россией» [1, 27].

На наш взгляд, авторитетный исследователь, бесспорный знаток Ближнего Востока академик Е. М. Примаков противоречит себе, говоря, что «США и их союзники не были зачинщиками «арабской весны». Более того, свергнутые в Тунисе и в Египте Бен Али и Хосни Мубарак не могли не устраивать Вашингтон и НАТО в целом, так как они слыли борцами против терроризма и исламистов. Что говорить, и Россия имела с ними достаточно тесные отношения. Но коррумпированность режимов, их авторитарное нутро, замаскированное демократическими названиями отдельных властных структур, отсутствие свобод, безработица, особенно среди молодежи, диктат одного лица во всем и вся, – все это и породило революционную волну» [1, 28].

Да, основными факторами являются, бесспорно – отсутствие свобод, безработица, особенно среди молодежи, авторитарно-деспотические режимы…но и теорию управляемого хаоса, думается, не стоит отрицать и сбрасывать со счетов. Обветшавшие режимы Бен Али и Х. Мубарака слыли не сколько борцами против исламистов, сколько антиподами просоветским лидерам в стиле Г. А. Насера или Х. Асада. В том, что США стремятся переформатировать регион – сомнений нет. США использовали и используют исламистов в своих целях …хотя это использование не надо приравнивать к попыткам США привести исламистов к власти. Думается, что до конца этот аспект вряд ли концептуализирован самими американцами. В. В. Наумкин, солидаризируясь с Е. М. Примаковым, не склонен драматизировать ситуацию: «Некоторые российские аналитики рассматривают выход на политическую арену в арабском мире исламистов как результат некоего заговора Запада, прежде всего – США, что, на мой взгляд, не имеет серьезных оснований» [1, 13 – 14].

Вопрос остается открытым – США, действительно задействовали исламистов как инструмент своей политики на Большом Востоке и грань простого использования политического ислама в своих интересах, и помощь в воцарении этих режимов в регионе очень тонкая. И современные демократии отлично понимают опасность этой игры: «Сама идея «исламского демократического движения» представляется многим на Западе, да и на Ближнем Востоке, пугающей. Однако, как заключила весьма значительная часть западного истеблишмента и экспертного сообщества, обращение исламистов к демократическим ценностям для свержения секулярных диктаторских режимов стало не исключением, а правилом…. расчет американских аналитиков, поддерживающих и в какой-то мере инспирировавших исламистскую революцию, строился на концепции «электоральной исламской демократии» [1, 13].

Внешнеполитическая линия РФ на Ближнем Востоке тоже неоднозначно воспринимается в научном или в общероссийском обществе. Некоторые, как В. В. Наумкин, видят её достаточно оптимальной: «Взвешенная позиция России и Китая, поставивших во главу угла идею посредничества и понуждения сторон к национальному диалогу, дала режиму шанс на проведение реформ и остудила пыл тех, кто требовал немедленной смены режима Б. Асада под угрозой вооруженного вмешательства» – взгляд исследователя на сирийский узел противоречий. Сирийское направление ближневосточного вектора было самым горячим осенью 2013 года. Статья профессора И. Д. Звягельской «Восприятие в России событий в арабском мире (на примере ситуации вокруг Сирии)» позволяет проследить развитие конфликта в Сирии и его социально-информативную проекцию в России.

Действительно, государство, стремясь «…обеспечить поддержку российскому бизнесу на Арабском Востоке, сталкивается с нестабильностью, с уходом авторитарных и одиозных, но привычных партнеров, с перспективой нового передела энергетического и военного рынка, хотя новые лидеры в арабских государствах, скорее всего, будут заинтересованы в диверсификации связей и сохранении политических и деловых отношений с Россией» – отмечает Ирина Звягельская [1, 530].

Однако хочется заметить, что в диверсификации связей заинтересована и Россия, которая в этом плане не раз показывала негибкость и косность, ставя только на одних и тех же игроков, время которых истекло.

Ближневосточный регион интересен России не только как географически близко расположенный. Настолько близко, что Е. М. Примаков охарактеризовал его подбрюшьем России. Невзирая на важность региона вряд ли такую анатомическую характеристику дают ему рецензенты. Подбрюшьем России издавна была российская Средняя Азия, окрещенная американцами в Центральноазиатский регион. В этом направлении Россия ощутила не меньше болезненных уколов со стороны Запада и Китая, но воспринимаются они иначе в силу того, что сегодня это геополитическое захолустье. Ближний Восток всегда имел большую фокусировку и был центром интересов многих важных международных игроков, в чем-то показательной ареной внешнеполитических состязаний. В этом регионе пусть даже более отдаленном чем Центральная Азия задеваются болевые нервы современной России, точнее провоцируются и обнажаются ее внутренние слабости. Ставится под угрозу мнимое российское благополучие, построенное на сырьевой зависимости: «В данном случае обращает на себя внимание еще один важный элемент российской политики, который влиял и на интерпретацию событий в арабском мире. Это – энергетический фактор. Цены на нефть приобрели в последние годы особую значимость для РФ. Они сыграли важную роль в обеспечении внутриполитической стабильности, предоставляя возможность властям более или менее успешно бороться с бедностью, низкими зарплатами в госсекторе, в силовых структурах, с наиболее острыми социальными проблемами» [1, 532].

Ситуация на Ближнем Востоке стала моментом истины для России Владимира Путина. «Масштабное военное противостояние, ставшее результатом борьбы мятежников с режимами в Ливии и Сирии, заострило вопрос о легитимности, допустимости и условиях вмешательства во внутренние конфликты внерегиональных сил, в том числе с декларированной гуманитарной целью защитить гражданское население. Уроки Ливии поставили перед Россией достаточно много вопросов. Они были восприняты как свидетельство возросшего влияния военной силы и реализовавшейся тенденции к интервенционизму со стороны ряда стран Запада …Зверская внесудебная расправа над Каддафи одной из групп повстанцев при прямом попустительстве, а то и соучастии европейских военных, никак не соответствовала декларированным идеалам демократии, свободы и справедливости» [1, 10].

О двойных стандартах мировой политики Запада Президент РФ В. В. Путин небезосновательно заявил ещё в мюнхенской речи 10 февраля 2007 года. В сентябре 2013 году стало ясно, что ответ на сирийскую провокацию Запада должен быть твердым, но неконфронтационным. Для российского имиджа ее внешнеполитическая линия по Сирии была дилеммой – либо уступить, возвратившись к положению 90-х, либо сказать «нет» и попытаться хотя бы примерить на себя роль СССР в регионе, послав «убийцы авианосцев», которые реально вряд ли (как ни прискорбно) смогли бы эффективно противостоять ВМФ США в Восточном Средиземноморье в открытом противостоянии. Однако демонстрация силы состоялась и имела важное, на наш взгляд, психологическое значение для режима В. В. Путина на фоне других вызовов, в том числе и на европейском направлении.

И. Д. Звягельская отмечает: «Помимо таких достаточно узко понимаемых задач, как сдерживание военных и военно-политических угроз, российская политика

на Ближнем Востоке была призвана стать маркером самостоятельности РФ на внешнеполитической арене, её способности проводить свой собственный независимый курс. Обсуждение судьбы Сирии в СБ ООН давало возможности МИД РФ продемонстрировать принципиальный подход к попыткам внешних игроков воздействовать на ситуацию, подчеркнуть значимость российской позиции в международных делах» [1, 537].

Этот «маркер самостоятельности» не только от стран Запада, но и от других акторов. В российском обществе появился миф, что позиция России в арабской весне однозначно проарабская…но это не так. Например, по Сирии она идет в разрез с линией аравийских монархий. В. В. Наумкин заметил: «Кстати, самый необычайно высокий уровень враждебности к баасистскому режиму Дамаска со стороны правителей суннитских аравийских монархий, вовсе не являющих миру эталоны демократии, в значительной мере объяснялся не только тем, что у руководства страной фактически стояли представители не совсем точно причисляемой к шиитскому толку ислама секты алавитов, но и тем, что он всегда рассматривался как главная опора в арабском мире их основного шиитского соперника – Ирана» [1, 10 – 11].

О том, что сирийская проблема затрагивает не только США, Россию, арабские страны, но и Иран в унисон твердят ведущие специалисты. Вот чем определяет враждебность к Дамаску со стороны аравийских монархий И. Д. Звягельская: «Жесткость позиции Саудовской Аравии, Катара и ОАЭ и их желание покончить с алавитским режимом Б. Асада определялись, судя по всему, более широким контекстом их противостояния с шиитским Ираном. После того, как военная машина Ирака была разрушена, и он перестал быть контрбалансом, Иран стал проводить более раскованную политику на Ближнем Востоке» [1, 536].

Этот баланс сил на Ближнем Востоке был нарушен США в 90-е годы XX века. Е. М. Примаков подтверждает эту мысль: «В результате американской интервенции, разрушившей Ирак как противовес Ирану, произошло основное измене в шиитско-суннитском балансе сил. Региональной державой стал шиитский Иран, активизировались шиитские меньшинства в королевствах Персидского залива, в Йемене. Начали вырисовываться контуры «шиитского пояса» от Ирака через Иран, Сирию до Ливана, где демографическая динамика сказывается в пользу мусульман-шиитов. Сирия, возглавляемая алавитским меньшинством населения, рассматривается чуть ли не как важнейшее звено, без которого непрерывность «пояса» будет нарушена и он фактически существовать не сможет. Позиция ЛАГ по сирийской проблеме во многом связана с опасением Ирана, заметно усилившегося после интервенции США» [1, 27 – 28].

Итак, сирийская проблема – это ещё и проблема взаимоотношений Ирана с аравийскими монархиями и регионального лидерства, а также узел американо-иранских противоречий. По мнению Е. М. Примакова, «чётко обозначился и такой феномен: США рассматривают практически все события на Ближнем Востоке через призму борьбы против Ирана, который стал главной мишенью американской политики в регионе. Это тоже затрагивает Россию, так как, прежде всего, создается опасность серьезной дестабилизации на Ближнем Востоке и Центральной Азии.

Сказывается и то обстоятельство, что соседний с Россией Иран является её крупным торгово-экономическим партнером» [1, 27 – 28].

Внутрисирийские проблемы существенно осложняются дипломатической инвазией США и стран Запада – «…формирование в ноябре 2012 года в результате активной дипломатической деятельности Вашингтона объедения сирийских оппозиционных группировок (правда далеко не всех) в национальную коалицию оппозиционных и революционных сил (НКОРС) с быстро последовавшим за этим признанием его рядом государств в качестве единственного законного представителя сирийского народа показало, что целый ряд западных и региональных держав решили повторить в Сирии ливийский сценарий» [1, 11].

Этот сценарий однозначно не выгоден для России. Это и объясняет жесткую дипломатическую риторику России по сирийскому вопросу. Итак, «Российская политика в отношении Сирии, нацеленная на то, чтобы поставить препятствия на пути военного свержения режима Асада и обеспечения прихода к власти оппозиции при внешней поддержке была обусловлена следующими соображениями. Во-первых, повторение ливийского сценария превратило бы интервенцию в некое универсальное средство по устранению неугодных режимов и правителей. Во-вторых, РФ была против асимметричных подходов к правительству и оппозиции, которые могли бы изменить сложившийся баланс сил, дав военные преимущества одной из сторон, тем самым ослабив у нее всякое стремление к политическому решению. В-третьих, события в Сирии, в случае, если оппозиция с помощью военного давления и внешней поддержки добьется краха режима, могли бы иметь мощные деструктивные последствия для всего региона» [1, 534].

Москва высказывается за уважение суверенитета Сирии «…Россия выступала за диалог между лидерами оппозиции и Асадом без предварительных условий. Любые результаты – создание правительства национального единства, передача Асадом своих полномочий вице-президенту или иные сценарии – должны вырабатываться путем политических договоренностей без внешнего давления…В основе российской позиции лежат экспертные оценки тех опасных последствий, к которым ведет дальнейшая эскалация вооруженного противостояния в Сирии с учётом её особого геополитического положения в регионе и хрупких конфессиональных балансов, эти последствия, если не наладить внутрисирийский национальный диалог без внешнего вмешательства, затронут интересы всех – и России, и Европы, и Соединенных Штатов, и самих арабских государств» [1, 535 – 536].

Однако вопрос национального диалога, на наш взгляд, спорное политическое явление в сирийском приложении, потому что для национального диалога нужна политическая платформа. В условиях нарушения внутреннего баланса сил в вестернизированных странах это сложно достижимо без внешней помощи, именно помощи, а не иностранной инвазии. В этом ключе показателен пример Египта. Говоря о недавнем прошлом Египта, Е. М. Примаков отмечает роль армии – светского института…«несмотря на то что её командование, да и представители спецслужб несомненно голосовали не за Мурси, армия – это прежде всего заслуга народа Египта – не предприняла никаких действий, способных сорвать президентские выборы. Однако армия была на протяжении многих десятилетий основным игроком на полити-

ческом и экономическом поле. Согласится ли армия передать вновь избранному президенту реальную власть – это тоже покажет время» [1, 30].

Время показало, что армия вряд ли согласиться передать власть исламистским силам, пусть даже пришедшим к власти легитимно. Вот уже М. Мурси, как и его незыблемый предшественник Х. Мубарак, в роли политического преступника. ««Арабская весна», безусловно, меняет арабский мир. Новым правителям, да и старым тоже труднее будет отказывать населению своих стран в насущных требованиях политического раскрепощения и улучшения социально-экономического положения, – отмечает Е. М. Примаков, – Общая ситуация на Ближнем Востоке требует, может быть, как никогда, объединения усилий всех заинтересованных стран в достижении безопасности и стабильности в регионе. Это, нужно думать, станет важным определителем ближневосточного курса России на данном этапе» [1, 30].

Однако российские СМИ и некоторые аналитические обозреватели на протяжении сентября 2013 года особенно представляли сирийское направление внешней политики России неоправданно приоритетным. Этот крен наметился еще с 2011 года: «Проявляется тенденция неоправданного завышения значимости ситуации вокруг Сирии для РФ. В принципе важный, но все же второстепенный по сравнению с другими векторами российской политики вопрос выдается за приоритетный, который будет определять взаимоотношения РФ и с её союзниками, и с Западом. Действительно, сирийская проблема имеет для РФ, помимо уже отмечавшихся озабоченностей, и инструментальное значение. Однако представлять ситуацию вокруг Сирии как главный вопрос, формирующий международную повестку дня, непродуктивно и опасно …. Так, президент Центра системного анализа и прогнозирования Р. Ищенко полагает, что сдав Асада без боя, «Россия поставит под угрозу все реализуемые проекты (Таможенный и Евроазиатский союзы, ШОС и ОДКБ), потому что грош им цена, если Россия не готова защищать их, в том числе с применением военной силы. Этим будет катастрофически ослаблено южное стратегическое направление и Россия окажется беззащитной…В общем, сдавая Сирию, Путин должен требовать гарантии безопасности после отстранения от власти не для Асада, а для себя…Даже если считать, что Обама окажется готов к прямому военному столкновению с Россией: что ж, если тебе угрожают войной – надо воевать»«[1, 538].

Конечно, сирийское направление ближневосточного вектора внешней политики РФ в СМИ неоправданно возводилось в ранг первостепенного, но и скептически относится к приведенному высказыванию Р. Ищенко, как это делает И. Д. Звягельская, думается, не стоит. Сирийский вопрос обнажает проблемы ближнего зарубежья – перевооружение Черноморского флота, эффективность и боеготовность которого еще в августе 2008 года во время пятидневной войны стала очевидно нужной, взаимоотношения с Украиной в контексте укрепления Таможенного Союза – это звенья одной цепи, которую выстраивает администрация Президента РФ В. В. Путина. Неспокойное начало сирийской осени 2013 года, и предстоящий на излете осени ноябрьский саммит в Вильнюсе – испытания для российской власти, препятствия на пути к воссозданию сильной России. Из сирийской военной тревоги Российская дипломатия и власть в целом вышли достойно и конструктивно.

Эта оправдавшая себя линия наметилась еще в 2011 – 2012 годах, о чем высказывается И.Д. Звягельская, с которой мы в этом выводе, бесспорно, солидарны: «Контакты российских дипломатов с руководством Сирии и с сирийской оппозицией, их деятельность в ООН, обсуждение сирийского вопроса на самом высоком политическом уровне свидетельствуют о намерении России найти оптимальный выход из положения. Разумеется, это задача не только для РФ, но и для всего международного сообщества, для которого турбулентные события в арабском мире явились серьезным испытанием» [1, 539].

Осенью 2013 года Россия этот оптимальный выход нашла. Будет ли внешняя политика России столь же прагматичной и взвешенной в регионе, неконфронтационно жёсткой и одновременно открытой к диалогу с ведущими мировыми игроками, зависит от многих факторов, в том числе и от аналитических заметок ведущих специалистов-регионоведов, дающих конструктивные оценки и грамотные прогнозы, которые можно почерпнуть в статьях рецензируемого сборника, имеющего важную прикладную значимость.

Авторы надеются, что рецензия на статьи привлечет большое внимание научной и, прежде всего, политической общественности России, к изданию и сфокусирует действия российской дипломатии и власти в точке оптимальных действий РФ на Ближнем Востоке.

Литература

1. Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? / От вред-ры В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. – 593 с.

2. Arabia Vitalis: Арабский Восток, ислам и древняя Аравия: Сборник научных статей, посвященный 60-летию В.В.Наумкина / Сост. Седов А.В., Смилянская И. М.; Ин-т востоковедения; Факультет мировой политики; Институт стран Азии и Африки. М. 2005. – 412 с.: ил.

3. Наумкин В. В. Ислам и мусульмане: культура и политика. Статьи, очерки, доклады разных лет. – М. – Н.Новгород: ИД «Медина», 2008. – 768 с.

4. Батенко А.В. История Палестины: международный аспект (1897 – 2009 гг.) / Батенко А.В., Близняков Р.А., Малышев Д.А., Щевелев С.С. / Под редакцией Щевелева С.С. – Симферополь – Киев: Доля, 2011. – 512 с.

5. Вячеслав Лихачёв. Рецензия: Батенко А., Близняков Р., Малышев Д., Щевелев С. История Палетины: Международный аспект (1897 – 2009гг.) / Под ред. – С. Щевелева. – Симферополь – Киев: Доля, 2011. – 512 с. / / Judaica Ukrainica. – Vol. 1, 2012. – С. 429 – 433.

Першою спробою осмислити «Арабську весну», що почалася, стала збірка статей «Близький Схід, Арабське пробудження і Росія: що далі?» У статтях видання, що рецензується, розглядаються масові протестні і повстанські рухи на арабському Сході в 2011 – 2012 роках, а також викликана ними корінна трансформація арабських суспільств. Ці метаморфози зачіпають інтереси не лише держав регіону, але і глобальних гравців, демонструючи нові тренди в світовій системі міжнародних відносин в цілому. Збірка – плід спільної роботи видних учених і дипломатів, що представляють провідні центри академічного, освітнього і прикладного сходознавства. У своїх статтях автори демонструють всю палітру поглядів на феномен Арабського пробудження, що існують у вітчизняному експертному співтоваристві. У збірку також включена стаття відомого туніського аналітика, Лажмі Нурі (наукового співробітника Інституту преси і наук про інформацію), що додає роботі особливий колорит і, частково, погляд на проблематику з неспокійного регіону.

Ключові слова: «Арабське пробудження», «Арабська весна», Близький Схід, Російська Федерація. Персоналії: Дмитро Медведев, Віталій Наумкин, Євген Прімаков, Ірина Звягельська.

The first attempt to perceive the beginning Arab Spring was a collection of articles « The Middle East, Arab Awakening and Russia: What is Next»? In the articles of the reviewed edition mass protests and uprisings in the Arab countries in 2011 – 2012 as well as the fundamental changes of the Arab societies caused by them are examined. These transformations are affecting interests not only of the states of the region but also global players demonstrating new tendences in the world system of international relations on the whole. The collection is the result of joint work of the prominent scientists and diplomats representing the leading centers of academic, educational and applied orientalism. In the articles the authors demonstrate all range of views existing in expert circles of this country on the phenomenon of the Arab Awakening. The article of the well-known Tunisian expert Lazhmi Nuri (the researcher at the Institute of Press and Information Sciences), is also included in the collection, giving to work a special flavour and, partially, representing the point of view on the range of problems in the turbulent region.

Key words: Arab Awakening, Arab Spring, The Midde East, The Russian Federation. Public and political figures: Dmitry Medvedev, Vitaly Naumkin, Evgeny Primakov, Irina Zvyagelskaya.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аббасалиева Рухсара Зияд кызы	Азербайджанский государственный педагогический университет
Абдужемилев Рефат Рустем огълы	аспирант кафедры крымскотатарской и турецкой литературы РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь
Абдурахманова Кенуль	кандидат филологических наук, национальная академия наук Азербайджана, институт языкознания им. Насими
Алескерова Сакиба Исмаил кызы	кандидат филологических наук, Азербайджанский государственный педагогический университет
Алибекова Зульфия Фахраддин кызы	Азербайджанский университет языков
Асланова Тарана Абульфаз кызы	Институт литературы имени Низами Национальной академии наук Азербайджана
Атакишиев Эльвин Мубариз оглы	диссертант кафедры азербайджанского языка Гянджинского государственного университета
Бабаев Эльнур Вагиф оглы	аспирант Гянджинского государственного университета
Бакарюк Виктория Владимировна	студентка шестого курса факультета иностранной филологии Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Бахи А. М.	факультет крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И.Вернадского
Бейтуллаева М. Ю.	аспирант факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Бекиров Р. А.	старший преподаватель кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Бекирова И.И.	факультет крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В. И. Вернадского

Бекирова Л. И.	кандидат филологических наук, доцент кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Берберова Р. А.	старший преподаватель кафедры крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Близняков Р. А.	кандидат исторических наук, доцент кафедры Украиноведения и педагогики высшей школы ЮФ НУБиП Украины «КАТУ»
Бондаренко Лидия Валериевна	доцент кафедры английской филологии Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, кандидат филологических наук, доцент
Гавриленко Ю. М.	кандидат педагогических наук, сотрудник Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Гараева Джейхуна Гусейн кызы	преподаватель кафедры «Азербайджанский язык и тюркология» Сумгаитского государственного университета
Гасымова Севиндж Ашур гызы	Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана
Гванцеладзе А. Н.	соискатель кафедры крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Гейдарова Зюмрюд Казым кызы	научный работник отдела истории азербайджанского языка Института языковедения им. Насими НАНА
Гюльнара Исмаилова	старший преподаватель Азербайджанского технического университета
Джемалитдинов В. Э.	преподаватель кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
Древетняк Е. В.	магистр факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В. И. Вернадского

Замалетдинов Р. Р.	доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общей лингвистики и лингвокультурологии, директор Института филологии и искусств Казанского федерального университета
Замалетдинова Г. Ф.	кандидат филологических наук, доцент кафедры общей лингвистики и лингвокультурологии Института филологии и искусств Казанского федерального университета
Заменягре В. С.	магистр факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Закиев Имамеддин	кандидат филологических наук
Зульфигарова Фергана Субхан кызы	кандидат филологических наук, Академия государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики
Ибрагимова Вафа	кандидат филологических наук, институт фольклора национальной академии наук Азербайджана
Караев Сефа	диссертант Института фольклора Национальной академии наук Азербайджана
Караева Э. Э.	магистр факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Керими Хусейн	Институт рукописей им.Физули Национальной академии наук Азербайджана
Кириллова Зоя Николаевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры общей лингвистики, лингвокультурологии и переводоведения Института филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета
Кокиева Айше	старший преподаватель кафедры крымскотатарской литературы Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, член союза крымскотатарских писателей
Кулибаба А. С.	аспирантка Институт востоковедения им. А.Ю.Крымского НАНУ, Киев
Кулиев Хикмет Валех оглы	диссертант Института фольклора Национальной академии наук Азербайджана

Куртсеитов А. М.	кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарского языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Куртумеров Э.Э.	старший преподаватель кафедры крымскотатарской литературы Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
Кшановский О. Ч.	доктор филологических наук, профессор Киевского национального лингвистического университета
Лапина А. Н.	факультет крымскотатарской и восточной филологии, Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
Литвиненко Е. Ю.	ассистент кафедры социальных и гуманитарных наук НАПКС
Ломакина Ирина Николаевна	аспирант кафедры английской филологии факультета иностранной филологии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
Люманова Л. Н.	магистр факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
Магеррамова Вафа Эльдар кызы	диссертант кафедры азербайджанского языка Гянджинского государственного университета, преподаватель Мингечаурского политехнического универстета
Маммадли Вюгар	Бакинский государственный университет
Мансурова А. В.	студентка кафедри английской филологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Меметов А.М.	декан факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, доктор филологических наук, профессор
Меметов И.А.	доцент кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ имени В.И. Вернадского, кандидат филологических наук, доцент
Меметова Э. Ш.	заведующая кафедрой крымскотатарского языкознания Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, кандидат филологических наук, доцент

Минин В. А.	преподаватель персидского языка и литературы кафедры восточной филологии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
Мурахас М. С.	старший преподаватель кафедры крымскотатарского языкознания Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
Маммедзаде Нилуфар	Азербайджанский университет языков
Мусаева Солтанханым	преподаватель высшего военно-морского училища им. Г.Алиева
Оздемир Али Дурсун	аспирант кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
Онищенко Ю. А.	аспирантка кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
Панова Зенуре Сейрановна	старший преподаватель кафедры крымскотатарской литературы факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
Пашазаде Тахир	Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана
Посохова Е. В.	кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарно-филологических факультетов Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
Рагимли Тарана	кандидат филологических наук, доцент Азербайджанского государственного педагогического университета
Рагимова Фахрия Джаваншир кызы	диссертант Азербайджанского университета
Расулов Рустам Камал оглу	Бакинский славянский университет
Рзаев Тахир Муса оглы	Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана
Рублева В. В.	кафедра восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского

Рустемов О. Д.	кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет»
Сафарова Айнура Садых гызы	научный сотрудник Института фольклора Национальной академии наук Азербайджана
Сафиева Вюсал Ариф кызы	Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана
Сеитбилялова Л. Э.	кафедра крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского,
Сеитягьяева Т. Р.	аспирантка кафедры крымскотатарской и турецкой литературы РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет»
Сулейманова Нигяр Эльдар гызы	Азербайджанский университет языков
Сухоруков А. Н.	старший преподаватель кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
Сухорукова А. В.	магистр персидского языка и литературы факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
Терещук С. В.	факультет крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
Усеинов Тимур Бекирович	заведующий кафедрой крымскотатарской литературы Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, доктор филологических наук, профессор
Умеров Э. Ш.	специалист права, юридическая служба «Омер-Бекташ», г. Симферополь
Фатуллаева Вафа	преподаватель Азербайджанского университета языков
Фатхуллова К. С.	Казанский федеральный университет, Россия
Фукова Т. А.	студентка кафедри английской филологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Хакимова Нубар Мурсал кызы	кандидат наук, Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана

Чорнобай С. Е.	старший преподаватель кафедри английской филологии Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Швед Е. В.	магистр филологии, Россия
Шеремет Виталий Владимирович	аспирант кафедры крымскотатарского языкознания Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Шукурова Сафие Шевкет-кызы	студентка Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
Щевелев С. С.	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России и зарубежных стран Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Эрдогду Шуле	сотрудник отделения переводоведения факультета литературы Стамбульского университета Арель, Турция
Юсупова А.Ш.	заведующая кафедрой теории перевода и речевой коммуникации Казанского федерального университета, доктор филологических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

МИР БЕКИРА ЧОБАН-ЗАДЕ

Джемилева А. А.

Бекир Чобан-заде эсерлерининъ поэтика хусусиетлери 3

ИСТОРИЯ, ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ВОСТОЧНЫХ СТРАН

Меметов А. М., Меметов И. А.

О пребывании греков в Крыму 8

Кшановський О.Ч.

Порядок слів у сучасній перській мові в ареальному аспекті (арабський та тюркський вплив) 13

Гавриленко Ю. М.

Формирование коммуникативной компетентности студентов факультета иностранной филологии в процессе преподавания дисциплин педагогического цикла 22

Ибрагимова В.

Зимние праздники у народов британских островов 27

Закиев И.

Борьба М. Ф. Ахундова за издание книг и периодической печати 32

Хакимова Н. М.

Тюркечарелик (знахарство) в контексте азербайджанских народных верований 38

Бекиров Р. А.

Глагольные идиомы современного арабского языка 45

Сухоруков А. Н.

Члены группы «Иранвейдж» как инициаторы создания Академии Языка Ирана 51

Минин В. А.

«Индийская» сказка в переводе Садека Чубака 61

Джемалитдинов В. Э.

Заимствования арабских масдаров 1 породы в крымскотатарском языке 66

Гванцеладзе А. Н.

Значение и смысл знака для теории перевода (на материале русских и турецких параллельных текстов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») 73

Караев С.

Ритуально-мифологическая семантика свадьбы
в космогоническом плане (на материалах, собранных в Карабахе).....82

Кулібаба А. С.

Сучасна лірична пісня східного Середземномор'я
з точки зору арабської діалектології.....89

Кулиев Х. В.

Парадигма «Сейид» в архетипе мудрого старца.....99

Бейтуллаева М. Ю.

История зарождения и развития Ашикской поэзии 105

Пашазаде Т.

Гейдар Алиев и Ислам 111

Оніщенко Ю. О.

Проблема підбору еквівалентів під час перекладу фразеологічних
одиниць (на матеріалі статей турецьких періодичних видань).....118

Гасымова С. А.

Социальное единство и обмен традициями во время праздника Новруз.....123

Сухорукова А. В.

Явление омонимии в персидской лингвистической терминологии.....129

Асланова Т. А.

Роль М. Б. Мамедзаде в истории духовной
и общественной мысли Азербайджана 137

Древетняк Е. В.

Сравнительный анализ образа женщины в советской
и египетской феминистической прозе второй половины 20 века 142

Керими Х.

Художественное творчество Айани Шабустари
в произведении «Анбийанаме» 148

Заменягре В. С.

Особенности поэтического стиля Ахмада Матара 153

Рублева В. В.

Фразеологические единицы, отображающие цветовосприятие
в арабском, русском и английском языках 157

Терещук С. В.

Сравнительный анализ символизма суфийской
и дальневосточной философской традиции 163

Бекирова И.И., Джемалитдинов В. Э.

Сравнительный анализ лингвистических адаптаций арабизмов
в современном крымскотатарском языке: на примере буквы «А» 169

Лапина А. Н.

Природа и значение арабского языка междиалектного общения.....175

Бахи А. М.

Политическая фразеология арабского языка 183

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Меметова Э. Ш.

Тильнинъ агъзавий ве язма услюплеринининъ къаршылыкълы тесири (къырымтатар тили узеринде).....189

Бекирова Л. И.

Прошедшее время глагола на – гъан экен в современном крымскотатарском языке.....195

Куртсеитов А. М.

Книжные и разговорно-бытовые фразеологизмы 200

Умеров Э. Ш.

К вопросу о языке булгарского ханства «MAGNA BULGARIA» 206

Берберова Р. А.

Исследование языковых контактов русской культурной зоны 218

Мурахас М. С.

Ускют кою бала оюнларынынъ хусусиетлери.....226

Рустемов О. Д.

Источники по изучению становления официально-делового стиля крымскотатарского языка эпохи Крымского Ханства 232

Швед Е. В.

Структурно-семантический анализ крымскотатарского прошедшего категорического времени на -ды / -ди / -ты / -ти в сопоставлении с соответствующими английскими формами глагола.....238

Шеремет В. В.

Роль категории падежа в эквивалентном переводе (на материале повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» на русском и турецком языках).....250

Шукурова С. Ш.

Къырымтатар тильнинъ территориаль дефференциациясы. Ялыбойнынъ улу-озен лехджесининъ хусусиетлери 257

Сеитбилялова Л. Э.

Къырымтатар аталар сёзлеринде миллий дюнья корюнишининъ айдынлатылув ёллары.....264

ФИЛОЛОГИЯ БЕЗ ГРАНИЦ

Замалетдинов Р.Р., Замалетдинова Г.Ф.
Репрезентация концептов сагыш, сабырлык в татарской языковой картине мира....270

Юсупова А.Ш.
Тематическая группа «плоды и овощи» в двуязычных словарях татарского языка....276

Фатхуллова К.С.
Лингвометодические аспекты русско-татарского двуязычия....282

Erdoğdu Ş.
The signs of deconstructive reading of Derrida in Mevlana's english translations and gestalt theory....289

Абдурахманова К.
Анализ связи морфологических и синтаксических единиц....297

Кириллова З. Н.
Реализация татарского языка как государственного в области просвещения (20-30-е годы XX века)....304

Гейдарова З. К.
Синтаксические особенности азербайджанской детской литературы в начале XX века и их лингвистический анализ....312

Исмаилова Г., Мусаева С.
О некоторых неологизмах в английской морфологии....320

Чернобай С. Е., Фукова Т. А.
Структурно-семантическая характеристика фразеологических единиц английского языка, входящих во фразео-семантическое поле «эмоции»....325

Чернобай С. Е., Мансурова А. В.
Семантические особенности фразеологических единиц, вербализирующих концепты «свой – чужой» в английском языке....331

Гараева Д. Г.
Пути образования антропонимов в романах М. Гусейна....337

Литвиненко О. Ю.
Перформатив, як засіб творення культурно маркованих фразеологічних одиниць....343

Атакишиев Э. М.
Лингвистические термины, образованные морфологическим способом....349

Оздемир А. Д.
Türkçeye Dair Teoriler, Yayılma Alanları, Sınıflandırmalar (Classification) ve Tarihi....355

Mammadli V.
The conjunction It as a formal subject....362

Бабаев Э. В.
Лексические лакуны 368

Алибекова З. Ф.
Фонетические и семантические особенности сложных личных имен 373

Аббасалиева Р. З.
О вербальных и невербальных средствах выражения эмоции 380

Магеррамова В. Э.
Паралеллизмы восточного происхождения в лексических системах азербайджанского и английского языков....386

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ И ТЮРКСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Усеинов Т. Б.
Использование сравнения и противопоставления цветовых характеристик в крымскотатарской ашыкской поэзии 392

Рагимли Т.
Повесть «Телеграмма» Иса Гусейнова в контексте литературной критики ...399

Посохова Е. В.
Методологический потенциал концепции М.М. Бахтина: диалог в современном литературоведении....404

Сафарова А. С.
Детский фольклор Нефтчалинского и Сальянского региона Азербайджана 415

Бондаренко Л. В., Бакарюк В. В.
Многоуровневость процесса означивания в пьесе Т. Стоппарда «Аркадия» 421

Зульфигарова Ф. С.
Деятельность Вирджинии Вулф в оценке английских и азербайджанских литературных кругов....425

Алескерова С. И.
Воспевание интернационализма и идеи свободы в творчестве Мадины Гюльгюн 431

Кокиева А.
Къырымтатар бала фольклорында «Текерлеме» жанрынынъ таснифине даир 437

Куртумеров Э. Э.
Джынгъыз Дагъджынынъ «Къоркъунч йыллар» романында девирнинъ акси....444

Панова З. С.

Вечное и преходящее в творчестве Шамиль Алядина 449

Фатуллаева В.

Метафоры и эпитеты в Нахичеванских баяты 455

Ломакина И.Н.

Америка как симулякр (на материале романов Дона Делилло).....461

Абдужемилев Р. Р.

Поэтические вставки в системе хроники «Тарих-и Ислам Герай хан» 467

Сафиева В. А.

Тема Низами и «Китаби-Деде-Коркуд»
в научном наследии Гамида Араслы 476

Расулов Р. К.

Перформативная практика эпического языка
в «Книге моего деда Коркута» 482

Сулейманова Н. Э.

Тема «сна и яви» в романе Ю.Самедоглу «День казни» 488

Сеитягьяева Т. Р.

Романтический образ Алима в предании
и в романе Н.А. Попова «Алим – крымский разбойник» 494

Люманова Л. Н.

Рустем Муедин ве Урие Эдемованынъ эсерлеринде
ана образынынъ айдынлатылмасы ве муэллифнинъ позициясы.....500

Маммедзаде Н.

Гессе и Восток.....506

Рзаев Т. М.

Формулы этнической памяти
в контексте лингвопоэтического анализа образа Джахандар-аги 511

Караева Э. Э.

Решид Мураднынъ эсерлеринде къараманнынъ дюньябакъышы.....518

Рагимова Ф. Д.

Мир символов в романе Дэна Брауна «Код Да Винчи» 524

РЕЦЕНЗИИ

Близняков Р. А., Щевелев С. С.

Российская и зарубежная академическая элита в оценках и поисках оптимального ближневосточного вектора РФ: Рецензия на сборник статей (Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? / Отв ред-ры В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. – 593 с.).....529

Сведения об авторах 544